

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Кемеровский государственный университет»

На правах рукописи

Борисенко Юлия Вячеславовна

СТАНОВЛЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ
К ОТЦОВСТВУ: ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
КОНТЕКСТ И ТЕХНОЛОГИИ СОПРОВОЖДЕНИЯ

19.00.07 – педагогическая психология (психологические науки)

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора психологических наук

Научный консультант:
д. психол. н., профессор
Морозова Ирина Станиславовна

Кемерово 2018

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ОТЦОВСТВУ	28
1.1. Общая характеристика развития теоретических представлений о родительстве и отцовстве	28
1.2. Психологическая специфика отцовства в контексте изучения родительства	51
1.3. Психологическая готовность к отцовству как предпосылка реализации конструктивной стратегии отцовства	70
Выводы	95
ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ, УСЛОВИЯ И ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ОТЦОВСТВУ	98
2.1. Содержательные характеристики и детерминанты становления компонентов психологической готовности к отцовству	98
2.2. Филогенетические и социальные условия формирования гендерной роли отца	121
2.3. Этапы становления психологической готовности к отцовству	133
Выводы	157
ГЛАВА 3. СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ОТЦОВСТВУ НА РАЗНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ЭТАПАХ	159
3.1. Организация и методы исследования	159
3.2. Предпосылки психологической готовности к отцовству у детей дошкольного возраста	178
3.3. Предпосылки становления психологической готовности к отцовству у младших школьников	191
3.4. Содержательные характеристики психологической готовности к отцовству в подростковом и юношеском возрасте	201
3.5. Содержательные характеристики компонентов стратегий отцовства в мужчин-отцов в период ранней и средней взрослости	214
Выводы	243
ГЛАВА 4. ПСИХОЛОГО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ И ТЕХНОЛОГИИ СОПРОВОЖДЕНИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ОТЦОВСТВУ	248

4.1. Специфика становления психологической готовности к отцовству в разных семейно-образовательных условиях	248
4.2. Тенденции и риски становления психологической готовности к отцовству на разных возрастных этапах	265
4.3. Модель психолого-образовательного сопровождения становления психологической готовности к отцовству	285
Выводы	324
ГЛАВА 5. ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ОТЦОВСТВУ	327
5.1. Особенности психолого-педагогического сопровождения становления предпосылок психологической готовности к отцовству у детей дошкольного возраста	332
5.2. Особенности формирования предпосылок психологической готовности к отцовству у младших школьников	342
5.3. Психолого-педагогическое сопровождение становления психологической готовности к отцовству у подростков и юношей.....	357
5.4. Лонгитюдное исследование эффектов психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству в юношеском возрасте	366
5.5. Развитие конструктивных стратегий отцовства у взрослых в рамках психологического тренинга.....	374
Выводы	385
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	389
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	403
Список иллюстративного материала.....	475
ПРИЛОЖЕНИЯ	482
Приложение 1	482
Приложение 2	484
Приложение 3	488
Приложение 4	502
Приложение 5	524
Приложение 6	529
Приложение 7	533
Приложение 8	537

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. Психология отцовства – одна из наиболее интересных и в то же время наименее исследованных областей психологии родительства. В современной психологической науке изучение родительства занимает особую нишу. С одной стороны, достоверно существует оформившийся в последние десятилетия социальный заказ на изучение проблем семьи и семейного взаимодействия, связанный с изменением традиционных семейных установок в современном обществе, когда в условиях профессиональной и экономической эмансипации женщин, либерализации брачных отношений акцентируется внимание на роли, функциях и требованиях к родителям.

Распространенная практика разводов, внебрачных рождений и воспитания ребенка одним из родителей, снижение рождаемости и, как результат, уменьшение числа детей в семье и их более тесный порядок рождения, разделение родительства и супружества, выражающееся в широком распространении неполных (прежде всего материнских) семей и в увеличении числа супружеских пар, отказывающихся иметь хотя бы одного ребенка, характерные для современного общества, обуславливают научный и общественный интерес к проблемам семьи и, в частности, родительства.

Вместе с тем, в связи со значительными изменениями в системе гендерных ролей, произошедшими в обществе за последние 50 лет, более социальная, чем материнская, отцовская роль претерпевает серьезные изменения, что приводит к образованию операционального вакуума отцовской роли в новых условиях, появлению новых форм активности отцов, что свидетельствует, по мнению Ш. Барта, о формировании новой гендерной системы, переоценке или уточнении обществом отцовских функций, дальнейшей дифференциации гендерных ролей.

Биологические и исторические предпосылки играют важнейшую роль в формировании личности современного человека, а также в формировании

способов, особенностей и характеристик выполнения отцовской функции конкретным мужчиной. Биологические и социальные факторы тесно взаимосвязаны, однако, по мнению И. С. Кона и В. В. Бочарова [90], если биологические детерминанты определяют психофизиологическую готовность к отцовству, то социальные факторы достаточно жестко регламентируют реализацию этой готовности. У человека различие отцовства и материнства и специфический стиль отцовства зависят от множества социокультурных особенностей и условий и существенно варьируются. Социум не только предъявляет определенные требования к возрастному, экономическому, профессиональному, социальному статусу отца, но и регламентирует поведение человека, обладающего определенным статусом в системе социальных ролей. Связанная с практикой разводов современная тенденция к воспитанию детей одним родителем, в большинстве случаев, матерью, приводит, как было отмечено еще в начале XX века П. П. Блонским и Л. С. Выготским, к обеднению самого процесса воспитания, разрушению связей между поколениями, проблемам личностного становления молодого поколения, росту социальных проблем. Одновременно, наблюдается противоположная тенденция: в современной западной психологической науке с восьмидесятых годов часто употребляется выражение «новый отец», ответственный отец, то есть отец, признающий ценность отцовства, принимающий активное участие в развитии своего ребенка. Однако даже среди мужчин, ответственно относящихся к отцовству, выделяются различные группы: мужчины, ориентированные на традиционные семейные ценности и многодетность, мужчины, ориентированные на ценности личностной свободы и поэтому не планирующие рождение ребенка вообще, и лица, меняющие свои взгляды в контексте возрастных или семейных трансформаций. Подобная разноплановость и вариативность социокультурных контекстов отцовства, плюрализм его проявлений в рамках одной культуры определяет сложности изучения отцовства, и проблемное поле исследования готовности к отцовству как личностного феномена, детерминированного процессом развития личности.

С другой стороны, в начале нового тысячелетия специфика постмодернистской культуры и постиндустриального общества с его вариативностью и множественностью социальной реализации личности вносит значимые коррективы в процесс становления личности, оформляя социальный, культурный и личностный контекст данного процесса и определяя вызовы и риски. В ответ на эти изменения постнеклассическая психология призвана осмыслить научные достижения в соответствии с социальными ценностями и гуманистическими идеалами [178; 392], отрефлексировать возможности исследования саморазвития и самоосуществления личности [189], что особенно актуально в контексте психологии отцовства, во многом детерминированного культурой и, в то же время, опосредующего культурный контекст для ребенка [467].

Степень разработанности проблемы. Изучение данной темы охватывает широкий круг аспектов: психофизиологических (Е. П. Ильин, И. С. Кон); исторических (P. Ariès, S. Barth, A. Герхард, И. С. Кон); социальных (В. Ф. Анурин, Т. А. Гурко, И. Ф. Дементьева, G. Becker, K. Canfield, J. Hoffman, N. Radin, M. Verlinden, W. E. Fthenakis); различных аспектов семейной психологии (Ю. Е. Алешина, Н. В. Александрова, В. И. Брутман, А. Я. Варга, В. Н. Дружинин, М. С. Радионова, П. А. Попова, Э. Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис, W. J. Doherty, J. Fagan, R. Palkovitz, D. J. Eggebeen, C. Knoester), и психологии родительства (Г. Г. Филиппова, Н. Н. Васягина, Р. В. Овчарова, Ю. А. Токарева, И. С. Клещина, И. Ю. Хамитова, J. Bowlby, M. E. Lamb, R. LaRossa, C. Y. Lee, D. Lenzen, W. Miller, A. Rotkirch, G. Bouchard, J. P. Wallerstein, P. L. Horst, W. E. Fthenakis, N. Zill, A. J. Cherlin, R. Richter, M. Verlinden, J. Belsky, J. Pleck); а также психологии личности (О. А. Кривцун, И. С. Кон, А. Маслоу, Б. Пфау-Эффингер, К. Г. Юнг, Э. Эриксон) и детской психологии (Л. С. Выготский, Ф. Дольто, А. И. Захаров, М. В. Осорина, S. Golombok, J. Rust, J. Zervoulis, J. Golding, M. Hines).

Традиционно родительство изучается психологами в зависимости от теоретического подхода к данной проблеме. В современной психологической

науке можно выделить два подхода к изучению родительства, в зависимости от того, кто считается отправной точкой изучения – ребенок или родитель: первый, наиболее распространенный, рассматривает родительство применительно к развитию ребенка. Во втором подходе рассматривается выполнение родительской роли через призму личности родителя. Исследования в рамках первого направления говорят о значительном влиянии отца на развитие личности ребенка еще до его рождения через обеспечение благоприятных условий. После рождения, по мнению W. E. Fthenakis, взаимодействие с отцом положительно влияет на когнитивное развитие детей. Кроме того, как полагает S. Barth, отец играет важнейшую роль в усвоении детьми моральных норм, дисциплинирует детей, ставя определенные рамки поведения, одобряя одни поступки и наказывая за другие, то есть является проводником общественных норм и ценностей. Доказано также и влияние отца на развитие различных личностных характеристик ребенка, в том числе на его полоролевою идентификацию.

Такие авторы, как D. J. Eggebeen, С. Knoester, придерживающиеся второго направления изучения родительства, считают, что именно рождение ребенка и взаимоотношения с ним дают мужчине шанс социализироваться самому, шанс саморазвития. Отцовство как совокупность социальных и индивидуальных характеристик личности, включающих все уровни жизнедеятельности человека, связано и с объективными характеристиками личности, такими как: потребности, влечения, желания, установки, и с субъективными характеристиками личности – ценностными ориентациями, мировоззрением, а также с образом Я (реальным, идеальным, социальным), Я-концепцией личности и самооценкой. Для мужчины – это проблема личностного развития, проблема принятия своих чувств и их самоконтроля. Подрастающий ребенок становится продолжением мужчины, удовлетворяет потребность в ученике, в собственной значимости.

Все эти трансформации происходят на фоне актуальнейшей социальной проблематики отцовства. Многие проблемы современного общества, семьи, системы воспитания имеют социальные причины. Участие отца в воспитании ребенка необходимо для гармоничного формирования личности, и, возможно,

целый ряд современных социальных проблем связан именно с устранением мужчин от воспитания молодого поколения. В то же время, современный кризис отцовства во многом обусловлен противоречивыми и стереотипными представлениями о роли отца, смешением отцовских и материнских ролей. Кроме того, массовое вовлечение женщин в производительный труд и общественную активность породило новые изменения в структуре и функциях семьи: уравнивание мужчин и женщин в профессиональных правах и обязанностях, уменьшение времени, которое матери проводят с ребенком, увеличило требования к мужчине как к отцу. История не знает аналогов столь высоких ожиданий относительно вклада отца в жизнь ребенка, причем не экономического или статусного обеспечения жизни ребенка, а именно эмоционально-психологического участия в его проблемах.

В нашей стране этот феномен имеет свою историческую и политическую подоплеку. Так как при социализме проблемы семьи – это в первую очередь проблемы, решаемые матерью, а не отцом, традиционно большинство исследований, посвященных семье, начиная со времен советской психологии, отражают особенности отношений матери и ребенка.

Тем не менее, большинство исследователей считают, что участие отца в воспитании ребенка невозможно переоценить. Для гармоничного развития детей было бы желательно, чтобы больше отцов прилагало усилия к тому, чтобы быть ближе к своему ребенку, совместно переживать и узнавать вместе с ним мир, начиная с младенчества. Для этого необходимы не только соответствующие социально-экономические условия, такие, например, как: фиксированный рабочий день и равная оплата труда для женщин и мужчин, но и сформированное в общественном сознании представление о незаменимости отцовской роли, важности отцовства для развития самого мужчины, которое может быть обеспечено только своевременными и достоверными научными исследованиями феномена отцовства, его влияния на развитие личности и особенностей становления психологической готовности к отцовству.

Исследователи в области семьи и брака, полагая, что многие преобразования вытекают исторически из процесса развития общества и подготовлены целым рядом крупных социально-экономических изменений нашего общества, считают, что такое положение дел свидетельствует о нормативном «кризисе развития семьи», и наблюдают положительные изменения в том, что пересматриваются и перераспределяются роли и функции родителей, появляются новые ценности и новые пространства для реализации себя личностью, в частности в рамках выполнения отцовской роли, что ставит перед научной психологией задачи исследования отцовства, становления готовности к выполнению отцовских функций.

Косвенным подтверждением данной точки зрения является возникший в последние десятилетия большой исследовательский интерес к проблемам психологии родительских отношений, изучаемой в рамках исследования материнства. За последние годы появились также отечественные работы по проблемам отцовства (Р. В. Овчарова, Т. В. Архирева, У. Ю. Севастьянова, Ю. А. Токарева, Н. Д. Михеева, Г. И. Репринцева, М. Ю. Луков, А. В. Левченко, И. С. Клецина, Е. А. Чикалова, Л. Э. Семенова, Е. В. Кожина, Е. А. Петрова, Ю. А. Данилова, М. В. Пастухова, С. С. Савенышева, Т. Д. Боязитова, Т. В. Помарчук, В. П. Дзукаева, О. В. Ходаковская, Н. А. Коркина, Е. А. Гизатуллина, Т. А. Фотекова, Н. М. Горшкова, А. Г. Бобкова, В. В. Коваль, И. А. Симоненко, А. Ф. Артамонова, Е. Г. Бабич, Д. В. Савченко, М. В. Овчинников, Ю. В. Честюнина, К. Ю. Эвнина, Е. А. Евстафеева, М. О. Удальцова, Т. М. Харламова, У. Э. Ушкова, А. В. Ильиных, М. В. Рогожина и др.).

Однако вопросы становления психологической готовности к отцовству, способы и технологии оптимизации отцовских практик находятся на стадии разработки. Начиная с первых работ Р. Парке, сравнивавшего поведение отца и матери, психологическая наука пытается осмыслить специфику отцовского взаимодействия с ребенком, описать уникальность отцовского вклада в развитие личности ребенка, значимость того, как именно отец взаимодействует с ребенком,

и значимость отцовства для развития личности самого мужчины, однако для этого необходим целостный подход к феномену отцовства, понимание внутренних и внешних механизмов и факторов, определяющих представление мужчины об отцовстве с самого детства, отцовские установки в юности и отцовские практики во взрослости, осмысление логики отцовского поведения, рассмотрение процессуальной и результативной составляющих конкретной стратегии отцовства.

Высказанное выше позволяет выделить ряд **противоречий** между:

- объективной потребностью современного общества в обеспечении гармоничного развития личности в здоровой семье и отсутствием целостного представления об условиях становления ответственного отцовства;

- изученностью влияния отца на развитие и воспитание ребенка, когда отец рассматривается в терминах долженствования как исполняющий определенные формальные функции объект, и практическим отсутствием исследований внутренних детерминант отцовства;

- разработанностью общепсихологических и психолого-педагогических аспектов развития личности и неразработанностью подхода, позволяющего целостно представить становление готовности к отцовству в современных условиях;

- потребностью в качественных методиках диагностики и неразработанностью диагностического инструментария, позволяющего оценить психологическую готовность к отцовству;

- необходимостью определения принципов, целей, содержания, технологий оптимизации становления психологической готовности к отцовству и сложившейся практикой отсутствия внимания к отцовской функции в гендерном воспитании мальчиков;

- разработанностью многочисленных психологических практик, направленных на психологическую помощь семье, и отсутствием комплексного психологического подхода при сопровождении отцовства.

Анализ выделенных противоречий и поиск путей разрешения этих противоречий определил **научную проблему** нашего исследования, которая состоит в разработке целостного представления о сущности, детерминантах, механизмах и возможностях сопровождения становления психологической готовности к отцовству.

Таким образом, **целью** настоящей работы является теоретико-методологическое обоснование, разработка и эмпирическая проверка концепции становления психологической готовности к отцовству, раскрывающей содержательные характеристики готовности к отцовству, возрастную динамику и условия становления готовности к отцовству, принципы и технологии психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству.

Объект: психологическая готовность к отцовству как условие эффективного родительства.

Предмет: сущность, детерминанты, условия и технологии сопровождения становления психологической готовности к отцовству.

Гипотезы:

В основу исследования положена гипотеза о том, что становление психологической готовности к отцовству представляет собой процесс поэтапного формирования качеств личности, характеризующих способы и варианты интериоризации и экстериоризации отцовской роли мужчиной, происходящий в системном единстве с общей и гендерной социализацией личности, определяющей возможности психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству.

Общая гипотеза исследования конкретизируется в ряде частных гипотез.

Гипотеза 1. Становление психологической готовности к отцовству определяется развитием личности, начиная с дошкольного периода.

а) содержательные характеристики психологической готовности к отцовству образуют трехкомпонентную структуру, представленную

аксиологическим, рефлексивно-регулятивным и праксиологическим компонентами;

б) становление психологической готовности к отцовству начинается с дошкольного возраста и имеет возрастно-психологическую и семейную специфику, предполагающую динамику постепенного повышения показателей всех компонентов психологической готовности к отцовству от дошкольного периода ко взрослости, при этом:

- семейная среда определяет становление предпосылок психологической готовности к отцовству в дошкольном и младшем школьном возрасте;
- в подростковом и юношеском возрасте наиболее развиты праксиологический и рефлексивно-регулятивный компоненты психологической готовности к отцовству;
- сформированная психологическая готовность к отцовству реализуется во взрослости в конструктивной стратегии отцовства взаимосвязанной с принятием гендерной роли отца, осмысленностью жизни, ценностью отношений и отцовства, а также личностной зрелостью, высоким уровнем саморегуляции и развитой рефлексией.

Гипотеза 2. Психолого-педагогическое сопровождение обеспечивает процесс становления психологической готовности к отцовству, если:

а) учитывается специфика становления психологической готовности к отцовству на разных возрастных этапах (дошкольники, младшие школьники, подростки и старшеклассники, взрослые) и в разных семейно-педагогических условиях;

б) реализуются технологии, оптимизирующие становление психологической готовности к отцовству по основным направлениям сопровождения становления психологической готовности к отцовству (психологическая работа с семьей, создание образовательной среды, благоприятной для становления психологической готовности к отцовству и/или специальный психологический тренинг).

Исходя из цели и гипотез исследования, были поставлены следующие **задачи:**

1) обобщить теоретические представления об отцовстве, определить понятие психологической готовности к отцовству, выявить ее содержательные характеристики, раскрыть специфику практической реализации психологической готовности к отцовству в рамках стратегии отцовства;

2) проанализировать теоретические и практические проблемы становления психологической готовности к отцовству, как процесса отражающего устойчивые связи и отношения между развитием личности и становлением системы ценностных ориентаций, гендерной идентичности, личностной зрелости, саморегуляции и рефлексии личности;

3) выявить и эмпирически определить специфику содержательных характеристик психологической готовности к отцовству на каждом возрастном этапе с учетом психолого-педагогических условий, тенденций и рисков социализации мужчин на разных возрастных этапах и в разных семейно-педагогических условиях;

4) описать варианты становления психологической готовности к отцовству, соответствующие им типы стратегий отцовства и выделить психологические эффекты реализации разных типов стратегии отцовства;

5) разработать и реализовать модель психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству, предполагающую создание семейно-образовательной среды, и включающую: психологическую работу с семьей, создание образовательной среды, благоприятной для становления психологической готовности к отцовству и специальный психологический тренинг;

6) разработать и эмпирически проверить эффективность образовательных технологий, оптимизирующих становление психологической готовности к отцовству.

Методологической и теоретической основой исследования явились комплексный (Б. Г. Ананьев), системный (Б. Ф. Ломов), субъектно-

деятельностный (А. В. Брушлинский, С. Л. Рубинштейн) и личностно-ориентированный (К. А. Абульханова-Славская, А. Г. Асмолов, А. А. Бодалев, А. В. Петровский, К. Роджерс, А. Маслоу) подходы.

Теоретической основой работы выступили общая теория личности Б. Г. Ананьева, идеи гетерохронности и полифакторной обусловленности развития раскрывающие основные этапы жизни с этапами онтогенеза и значимыми событиями, происходящими в жизни конкретной личности (Б. Г. Ананьев, Ш. Бюлер, К. Бюллер, Е. И. Головаха, А. А. Кроник, Е. Ю. Коржова, С. Л. Рубинштейн, Л. С. Выготский, П. М. Якобсон, Б. Г. Ананьев, А. Н. Леонтьев, В. К. Вилюнас, Г. М. Бреслав); эпигенетическая теория развития личности Э. Эриксона; концепция материнства (J. Bowlby, W. Miller, J. Belsky, Г. Г. Филиппова, Р. В. Овчарова, Н. Н. Васягина,) и концепция отцовства (M. E. Lamb, R. LaRossa, D. Lenzen, G. Bouchard, J. P. Wallerstein, P. L. Horst, W. E. Fthenakis, R. Richter, M. Verlinden, J. Pleck, Ю. А. Токарева, И. С. Клецина); концепция зрелости личности (Б. Г. Ананьев, Е. И. Степанова, А. А. Реан, Е. Ф. Рыбалко, А. Г. Портнова, К. Муздыбаев, Р. М. Шамионов); представления о влиянии учебно-воспитательной среды на развитие личности (В. В. Давыдов, Д. И. Фельдштейн, Д. Б. Эльконин); психолого-педагогическое обоснование обучения взрослых (С. Г. Вершловский, С. М. Зиньковская, Ю. Н. Кулюткин, В. И. Побед, Т. С. Панина, Г. С. Сухобская, Е. П. Тонконогая, В. Л. Полагутина) и организации обучения родителей (Р. В. Овчарова, А. С. Спиваковская, И. М. Марковская, О. Е. Смирнова, Н. Н. Васягина), представления о факторах и механизмах самореализации личности в семье (И. С. Морозова, К. Н. Белогай), концепция ценностно-смысловой сферы личности, закономерностей ее формирования и функционирования, психолого-педагогических технологий оптимизации ее развития (А. В. Серый, М. С. Яницкий).

База исследования. Всего в исследовании принимали участие 1654 человека, из них 1167 мужчин различного возраста (из них 169 детей), 487 женщин в период взрослости, 189 супружеских пар. Все испытуемые – русскоговорящие жители Российской Федерации, преимущественно Кемеровской

(города Кемерово, Новокузнецк, Топки, Березовский, Юрга), Томской (г. Томск) и Новосибирской областей (города Новосибирск, Бердск, Болотное, Искитим), Красноярского края (г. Красноярск), а также Омской, Курской, Челябинской, Московской и Ленинградской областей.

Реализация программы осуществлялась на базе следующих учреждений: МКУ «Топкинский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних» г. Топки Кемеровской области, ЧОУ «Православная гимназия во имя святых равноапостольных Кирилла и Мефодия» г. Кемерово, МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 92 с углублённым изучением предметов», МБОУ СОШ №№ 10, 62 г. Кемерово, ГОУ ДПО (ПК) С «Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования», ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный институт культуры», ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева» и ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».

Планирование исследования осуществлялось в соответствии с поставленной целью, выдвинутой гипотезой и с учетом выявленной нами на этапе теоретического анализа недостаточной разработанности методов исследования отцовства и неразработанностью проблемы становления психологической готовности к отцовству в современных условиях.

Исследование проводилось в несколько этапов:

I. Подготовительный этап (февраль 2001 – март 2013), включающий постановку и обоснование проблемы, ее теоретико-методологический анализ; определение научного аппарата, планирование экспериментального исследования, разработку программы исследования; определение его методологических и методических принципов, выбор и апробацию методов исследования: анкеты, «Шкалы отцовских установок Дж. Плека», «Опросника родительской идентичности», созданного в 2001 году коллективом авторов под руководством Джозефа Плека (Joseph Pleck) и методики Pre-School Activities Inventory (PSAI) в русскоязычной версии «Кембриджский опросник гендерно-типичного поведения дошкольников», созданной в 1993 году Психометрическим центром

Кембриджского университета. В апробации методик приняли участие 1224 человека (738 мужчин, 456 женщин), из них 158 супружеских пар. Все испытуемые имеют детей.

II. Экспериментальный этап (ноябрь 2002 – март 2017) проходил в соответствии с разработанной нами в процессе теоретического анализа феномена моделью становления психологической готовности к отцовству и выдвинутой гипотезой, и состоял из констатирующего этапа исследования и формирующего эксперимента, включавшего лонгитюдное исследование.

II. 1. Констатирующий этап исследования проходил с ноября 2002 по март 2015 года, включал исследование психологической специфики, закономерностей стратегий отцовства, уточнение научного аппарата, изучение психолого-педагогических условий формирования стратегий отцовства, построение психолого-педагогической модели формирования конструктивных стратегий отцовства в разные возрастные периоды, выделение критериев оценки ее эффективности. В этом этапе исследования приняли участие несколько групп испытуемых дошкольного, младшего школьного, подросткового, юношеского возраста и взрослых в период ранней и средней зрелости, всего 1167 испытуемых.

II. 2. Формирующий этап исследования (декабрь 2002 – апрель 2017) включал в себя исследование, организованное с помощью метода поперечных срезов и лонгитюдное исследование, практическую реализацию психолого-педагогической модели формирования конструктивных стратегий отцовства. В этом этапе исследования приняли участие несколько групп испытуемых дошкольного, младшего школьного, подросткового, юношеского возраста и взрослых в период ранней и средней зрелости, всего 347 человек, из которых 29 человек приняли участие в 12-летнем лонгитюде.

III. Обобщающий этап, включающий обработку полученных данных, соотнесение их с заявленными целями, гипотезами исследования, анализ, обобщение и интерпретацию результатов, формулирование выводов и рекомендаций, внедрение их в практику (приложение 8).

Для достижения поставленной цели и проверки гипотез были использованы **следующие методы:**

1) теоретические методы: систематизация и концептуализация научных идей, системный, структурно-функциональный и генетический анализ проблемы, моделирование.

2) эмпирические методы: беседа, анкетирование, метод экспертных оценок, наблюдение и психодиагностический метод. Использованный нами комплекс методик включал в себя следующие методики: методика изучения гендерных установок у детей (Полустандартизированное интервью В. Е. Кагана), «Кембриджский опросник гендерно-типичного поведения дошкольников» (русскоязычная версия англоязычного опросника «Pre-School Activities Inventory (PSAI)»), диагностическая методика «Сюжетные картинки» (модифицированный вариант Е. О. Смирновой, Р. Р. Калининой), методика диагностики дошкольной зрелости: диагностическая игра «Помощники доброго волшебника» О. И. Барчук, М. Р. Битянова, модификация опросника «Распределение ролей в семье» (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская), модифицированная методика самооценки гендерных качеств, методика «Рисунок себя», методика «Диагностика нравственной мотивации» и методика «Изучение направленности ответственности» М. В. Матюхиной, С. Г. Яриковой, методика диагностики личностного роста П. В. Степанова, Д. В. Григорьева, И. В. Степановой, опросник «Я – женщина (мужчина)» Л. Н. Ожиговой, тест-опросник личностной зрелости Ю. З. Гильбуха, методика «Принятие ответственности» В. П. Прядеина, опросник терминальных ценностей (ОТЕЦ) И. Г. Сенина, тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева, методика диагностики уровня развития рефлексивности А. В. Карпова, методика «Личностный Дифференциал», методика «Измерение родительских установок и реакций» (PARI) Е. Шеффера – Р. Белла, опросник родительской идентичности Дж. Плека (Caregiving and Breadwinning Reflected Appraisal Inventory (CBIRAI)), шкала отцовских установок Дж. Плека (Father Involvement Attitudes Scale (FIAS)), опросник «Репродуктивные мотивы» И. С. Морозовой, К. Н. Белогай, Ю. В. Борисенко, Т. О. Отт, методика С. Бэм

«Маскулинность и Фемининность» (МиФ), «тест-опросник удовлетворенности браком» В. В. Столина, Т. Л. Романова, Г. П. Бутенко, методика «Уровень субъективного контроля» Е. Ф. Бажина, Е. А. Голынкиной, Л. М. Эткинда, специально разработанные анкеты.

3) математические и статистические методы обработки данных (анализ описательных статистик, таблиц сопряженности и параметров распределения, t -критерий Стьюдента для зависимых и независимых выборок для параметрических данных, U критерий Манна-Уитни и критерий Вилкоксона для непараметрических данных, кластерный анализ с использованием иерархической классификации по методу полной связи, кластеризации данных методом K средних, однофакторный и двухфакторный дисперсионный анализ, дисперсионный анализ с повторными измерениями, корреляционный анализ, графические методы представления полученных данных).

Научная новизна исследования заключается в разработке целостного представления о становлении психологической готовности к отцовству в современных условиях, опирающегося на теоретическое и эмпирическое обоснование этапности, психолого-педагогического контекста, закономерностей и динамических трансформаций содержательных характеристик всех компонентов психологической готовности к отцовству в процессе ее становления, начиная с дошкольного периода.

1. Становление психологической готовности к отцовству рассмотрено в контексте системного подхода. Такое рассмотрение позволило разработать целостную концепцию становления готовности к отцовству, раскрывающую взаимосвязь внутренних (личностных) и внешних (деятельностных), результативных и процессуальных характеристик интериоризации и экстериоризации отцовской роли мужчиной, основанную на следующих характеристиках готовности к отцовству: системность, интегративность, детерминированность, моделируемость и возможность применения образовательных технологий, оптимизирующих ее становление.

2. Определены содержательные характеристики психологической готовности к отцовству как интегрального, многокомпонентного и многоуровневого образования, которое обладает качественными, и количественными характеристиками, среди которых выделены следующие компоненты психологической готовности к отцовству: аксиологический (принятие гендерной роли и ценностные ориентации личности), рефлексивно-регулятивный (личностная зрелость, рефлексия и саморегуляция) и праксиологический (со-родительство и отцовские практики).

3. Концептуализировано понятие «стратегия отцовства». Понятие «психологическая готовность к отцовству» конкретизировано через включение в анализ данного феномена понятия «стратегия отцовства». Сформированная психологическая готовность к отцовству реализуется в конструктивной стратегии отцовства, определяемой принятием своей гендерной роли, ответственностью и ценностью отцовства, зрелостью личности, развитой саморегуляцией и рефлексией, и позитивными отцовскими практиками.

4. Предложена модель становления готовности к отцовству, раскрывающая сущность, детерминанты, психолого-педагогический контекст, закономерности и динамические трансформации содержательных характеристик всех компонентов психологической готовности к отцовству в процессе ее становления, начиная с дошкольного периода.

- доказано, что, несмотря на то, что осознание себя отцом происходит преимущественно после рождения ребенка, предпосылки психологической готовности к отцовству начинают формироваться задолго до непосредственного взаимодействия с ребенком, начиная с дошкольного периода будущего отца;

- выделены этапы становления готовности к отцовству: первый этап обозначения отцовства, формирования представлений об отцовстве, имеющий свою специфику в дошкольный, младший школьный, подростковый и юношеский период, второй этап осмысления отцовства, переосмысления имеющихся знаний и представлений об отцовстве в период беременности жены, и третий этап ценностного осознания отцовства и реализации на этой основе, а также

дальнейшего развития стратегии отцовства на практике после рождения ребенка (практический этап);

- теоретически описано и эмпирически доказано, что отцовские практики мужчины тесно связаны: 1) с его прошлыми и настоящими взаимоотношениями с собственным отцом, который дает маскулинный образец (то есть, модель ролевого поведения мужчины; и 2) с настоящими взаимоотношениями с супругой, в отношениях с которой эта модель реализуется, оценивается и трансформируется;

- определены критерии оптимальности становления психологической готовности к отцовству и конструктивности стратегий отцовства во взрослости, такие, как: принятие гендерной роли отца, система ценностных ориентаций, включающая ценность отцовства, и зрелость личности, имеющие свою специфику развития на каждом возрастном этапе и тесно взаимосвязанные с социальной ситуацией развития личности;

- на основе содержательного анализа психологической готовности к отцовству выявлены и описаны типы становления психологической готовности к отцовству на каждом возрастном этапе: на первом этапе конструктивный, неконструктивный и смешанный тип, на втором и третьем – неконструктивный, внутри которого выделены феминный и гипермаскулинный подтипы, и конструктивный, внутри которого выделены андрогинный и маскулинный подтипы.

- доказано, что конструктивность стратегий отцовства взаимосвязана со зрелостью личности, принятием своей гендерной роли, ответственностью и ценностью отцовства;

- определены эффекты реализации конструктивных стратегий отцовства, проявляющиеся в развитии личности самого мужчины-отца и его ребенка, а также в поддержании благополучия супружеских отношений в семье;

- определено, что становление готовности к отцовству с детского возраста, и формирование конструктивных стратегий отцовства у мужчин может быть рассмотрено в качестве профилактики социальных рисков развития ребенка, в

связи с чем правомерно говорить о необходимости создания специальных условий семейно-образовательной среды для оптимизации становления психологической готовности к отцовству у молодых мужчин и развития конструктивных стратегий отцовства у мужчин-отцов в современной России.

6. Предложены образовательные технологии, оптимизирующие становление психологической готовности к отцовству, включающие работу с семьей и создание благоприятной образовательной среды для периода обозначения отцовства, а также обучение и психологический тренинг для периода осмысления и осознания отцовства. Разработана и апробирована программа, включающая работу по основным направлениям сопровождения становления психологической готовности к отцовству (психологическая работа с семьей, создание образовательной среды, благоприятной для становления психологической готовности к отцовству и/или специальный психологический тренинг).

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке целостной концепции становления психологической готовности к отцовству. В исследовании разработаны теоретико-методологические основы комплексного исследования психологической готовности к отцовству.

Концептуализировано понятие становления психологической готовности к отцовству, как процесса детерминированного процессами развития личности, формированием гендерной идентичности, ценностных ориентаций и достижением зрелости личности.

Расширены представления о внутренних и внешних детерминантах и этапах становления готовности к отцовству.

Описан психолого-педагогический контекст становления психологической готовности к отцовству. Определены векторы, условия и критерии становления психологической готовности к отцовству и развития конструктивной стратегии отцовства.

Разработана модель и предложены технологии психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству. Выполненная работа создает базу для дальнейшего развития теории отцовства и

открывает новые перспективы в исследованиях процессов становления готовности к отцовству и формирования конструктивных стратегий отцовства.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов в психолого-педагогическом сопровождении отцов и семей в современных российских условиях, а также при организации просветительской, консультационной, развивающей деятельности психолога. Прикладное значение исследования состоит в следующем:

- Создан и апробирован диагностический инструментарий, позволяющий выявить особенности психологической готовности к отцовству и стратегии отцовства конкретного мужчины, необходимый в рамках индивидуального и семейного консультирования;
- Разработана система диагностики всех компонентов, а также интегрального показателя психологической готовности к отцовству на каждом возрастном этапе;
- Предложена модель психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству, которая отвечает критериям простоты и переносимости и может быть внедрена в любом образовательном учреждении;
- Разработана тренинговая программа оптимизации становления психологической готовности к отцовству и развития конструктивной стратегии отцовства, эффективность которой подтверждена в 12-летнем лонгитюдном исследовании;
- Подготовлено научно-методическое обеспечение психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству, представленное специально опубликованными учебными пособиями «Основы сексологии», «Отцовство как психологический феномен личности», «Психология семейных отношений», «Технологии формирования конструктивной репродуктивной мотивации и профилактики абортного поведения молодежи», «Регуляция репродуктивного поведения и репродуктивное здоровье»;

– Разработаны программы специальных дисциплин «Психология семьи», «Психология родительства», «Психология отцовства и материнства», «Гендерная психология и психология сексуальности» и др.

Полученные в исследовании данные могут быть использованы для создания психологической службы сопровождения семьи, а также в рамках реализации программ высшего образования по психологическим и психолого-педагогическим специальностям и направлениям при изучении учебных дисциплин: «психология личности», «педагогическая психология», «психология семьи», «общая психология» и в рамках повышения квалификации и профессиональной переподготовки специалистов, обеспечивающих психолого-педагогическое сопровождение семьи и детско-родительских отношений.

Достоверность и надежность результатов исследования обеспечивается научностью теоретико-методологического подхода, последовательной реализацией выбранной методологии; четкой постановкой исследовательских задач, тщательным анализом имеющихся теоретических источников; планированием эксперимента; использованием апробированных и надежных методов исследования, адекватных целям, задачам и логике исследования; использованием методов математической статистики и компьютерной обработки для оценки полученных результатов, их анализом и проверкой достоверности экспериментальных гипотез.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные положения, выдвигаемые в исследовании, и его результаты апробированы в следующих формах:

- участие и выступления с докладами на региональных *и всероссийских научных и научно-практических конференциях*: Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной Российской семьи» (Москва, 2003), Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи» (Москва, 2003), всероссийской научной интернет-конференции «Психологические проблемы современной Российской семьи – 2004», научно-практической конференции «Ананьевские

чтения (Санкт-Петербург, 2005), второй Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи» (Москва, 2005), научно-практической конференции «Ананьевские чтения (Санкт-Петербург, 2006), IV съезде РПО (Ростов-на-Дону, 2007), Всероссийской научно-практической конференции «Теоретические и прикладные аспекты перинатальной психологии: проблемы и перспективы» (Новосибирск, 2007), всероссийской научно-практической конференции «Вариативность развития личности в современной России: национально-региональные особенности» (Кемерово, 2008), Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы духовно-нравственного возрождения России» (Краснодар, 2009), областной научно-практической конференции «На защите детства: без жестокости и насилия» (Кемерово, 2010) и на *международных конференциях*: V Международной научно-практической конференции «Женщина. Образование. Демократия» (Минск, 2002), Международном Конгрессе «Образование и наука» (Новосибирск, 2003), 6-ой Международной междисциплинарной научно-практической конференции «Женщина. Образование. Демократия» (Минск, 2003), Всемирном конгрессе «Внутриутробный ребенок и общество. Роль пренатальной психологии в акушерстве, неонатологии, психотерапии и социологии» (Москва, 2007), 4-ой Международной научной конференции «Психологические проблемы современной семьи» (Москва, 2009), IV Международном Конгрессе «Молодое поколение XXI века: актуальные проблемы социально-психологического здоровья» (Москва, 2009), Международной научно-практической конференции «Современные проблемы подготовки специалистов в области психопедагогики и театрального искусства» (Кишинев, 2011), II Международной научно-практической Интернет-конференции «Психология развития и стагнации личности в рамках современного общества» (Казань, 2014), VI-ой Международной научной конференции «Психологические проблемы современной семьи» (Москва–Звенигород, 2015), Международной научно-практической конференции «Образование, наука, инновации: вклад молодых исследователей» (Кемерово, 2016 и 2017), международной научной конференции

«Психология семьи в современном мире» (Екатеринбург, 2017), VIII Международной научно-практической конференции «Психологические проблемы современной семьи» (Москва, 2018).

- выступления на методологических семинарах и заседаниях кафедры общей психологии и психологии развития Социально-психологического института Кемеровского государственного университета, кафедры акмеологии и психологии развития Института образования Кемеровского государственного университета, кафедры психологии личности и специальной психологии Новосибирского государственного педагогического университета;

- преподавание учебных дисциплин «Психология семьи», «Психология родительства», «Психология отцовства и материнства», «Гендерная психология и психология сексуальности», читаемых автором в Кемеровском государственном университете;

- монографии, учебно-методические пособия, публикации по теме исследования, в том числе статьи в рецензируемых научных изданиях, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук.

Кроме того, рекомендации, данные по результатам исследования, используются в работе психологов и педагогов образовательных учреждений Кемеровской области, явившихся базой исследования, а также отделения социально-психологической помощи Муниципального казенного учреждения «Топкинский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних» г. Топки Кемеровской области, ГОУ ДПО (ПК) С «Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования», и Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный институт культуры».

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Психологическая готовность к отцовству представляет собой совокупность сформированных установок, мотивов и определенных качеств личности, характеризующих способы и варианты интериоризации и

экстериоризации отцовской роли мужчиной, детерминированных базисными ценностями личности и реализуемых на практике в конструктивной стратегии отцовства.

2. Структура психологической готовности к отцовству определяется следующими компонентами: аксиологический компонент (принятие гендерной отцовской роли, зрелость личности, ответственность по отношению к собственному здоровью, поведению, отцовству, ценность отцовства, ценностное отношение к ребенку и кооперационное отношение к супруге, как партнеру родительства), рефлексивно-регулятивный компонент (личностная зрелость, рефлексия и саморегуляция) и праксиологический компонент (поведение и/или отцовские практики).

3. Первые значимые предпосылки психологической готовности к отцовству проявляются задолго до реализации отцовских практик во взрослости, начиная с дошкольного периода. Процесс становления имеет этапный характер: 1) этап обозначения отцовства (включающий формирование представлений об отцовстве в дошкольном, младшем школьном, подростковом и юношеском возрасте); 2) этап осмысления отцовства и начала реализации стратегии отцовства; и 3) этап осознания отцовства и реализации готовности к отцовству в стратегии отцовства. Для каждого этапа характерны определенные, свойственные этому периоду детерминанты, условия, ведущие факторы и особенности и критерии сформированности психологической готовности к отцовству.

4. Становление психологической готовности к отцовству имеет возрастно-психологическую и семейную специфику и происходит в системном единстве с общей и гендерной социализацией личности, определяющей возможности психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству.

5. Психологическая готовность к отцовству реализуется в конструктивной стратегии отцовства, представляющей собой совокупность способов конструирования жизни отца и ребенка (а во многом и матери) в соответствии с установками и представлениями отца об отцовстве, имеющую трехкомпонентную

структуру и содержание, критерии сформированности, определяемые через социальные, культурные и личностные ориентации личности (сформированные микро- мезо- и макрофакторами среды).

6. Психолого-педагогическая модель сопровождения становления психологической готовности к отцовству предполагает использование технологий сопровождения становления психологической готовности к отцовству, включающих организацию семейно-образовательной среды, благоприятной для становления готовности к отцовству, в том числе работу с семьей, гендерно специфичное обучение, просвещение по вопросам воспитания детей, образовательные и психопрофилактические технологии оптимизации становления готовности к отцовству (беседы, тренинговую работу, консультации), мероприятия различного уровня по формированию адекватного контрацептивного поведения, профилактики абортивного поведения обучающихся образовательных организаций, создание доступной для обучающихся, их родителей и педагогов базы данных по проблемам родительства и репродуктивного здоровья.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ОТЦОВСТВУ

1.1. Общая характеристика развития теоретических представлений о родительстве и отцовстве

Последние десятилетия прошлого века в зарубежной психологической литературе и первые годы XXI века в нашей стране были отмечены серьезным вниманием как к самому феномену отцовства, так и множеству его проявлений, закономерностей и эффектов. Отцовство изучается не только в связи с воспитанием ребенка, но с точки зрения его места в развитии личности мужчины и в контексте его отношений с социумом.

Современные представления о родительстве не являются универсальными. Они не только очень отличаются в странах Европы, Азии или России, но даже в различных слоях общества. Понятия «родительская любовь» и «хороший родитель» имеют длительную и весьма противоречивую историю.

Исследователи социологии и истории отцовства [210; 599] видят формирующийся идеал современного отца, как равного партнера, выполняющего родительские функции в том же объеме, что и мать. Однако каждое поколение формулет свой культурный идеал отца согласно своему времени и условиям, и каждое имеет дело с неизбежным пробелом между тем, что R. LaRossa [599] назвал «культура» отцовства и «поведение» отца в семье. Современные исследования также проясняют, что отцовство не может быть изучаемо в изоляции от материнской заботы и ожиданий матерей, а также от социальных стереотипов заботы о детях в обществе [256]. Социальные ожидания по отношению к отцовству были довольно разнообразными на протяжении истории

человечества: культура отцовства и практики отцов изменяются от столетия к столетию, вместе с социальными и политическими условиями.

Научное осмысление проблем отцовства имеет свою специфику, в первую очередь, связанную с изменениями, происходящими в обществе. Вопросы участия мужчины во взаимодействии с будущим поколением, в воспитании, в передаче опыта поднималась еще со времен Ж.-Ж. Руссо [приводится по 476]. О роли отца в развитии ребенка писал З. Фрейд, но позднее исследования влияния семьи на ребенка сосредоточились, в основном, на изучении взаимоотношений матери и ребенка [496; 497]. До 70-х годов прошлого века изучение родительства обозначало изучение сначала материнской депривации, затем вопросов взаимодействия матери и ребенка и проблем материнской привязанности в самом широком смысле, включая особенности взаимосвязи привязанности и поведения с ребенком, проявлениями привязанности [502], безопасности и обоюдности такой привязанности, особенностей развития детей матерей с разными типами привязанности [496; 498]. Однако включение проблем отцовства в исследования родительства усложнило и дифференцировало теоретические основы, методологические принципы и практические методы исследования родительства и работы с семьей [485]. Раньше было распространено и в быту и в науке представление о том, что мать лучше справляется и взаимодействует с ребенком-младенцем «по природе», подчиняясь природному инстинкту, и более приспособлена к этому генетически, соответственно, она более компетентна в уходе за ребенком, поэтому отец может довольствоваться только так называемой ролью «заместителя матери». Отец заменяет мать, когда ее нет, и помогает ей, выполняя ее поручения. Например, по данным Американского «Центра отцовства» (National Center for Fathering) [510] большинство матерей полагают, что отцы менее компетентны в различных сферах, касающихся воспитания детей, приводя в подтверждение этого время, проводимое с детьми. 71% мужчин, имеющих детей до 18 лет, на вопрос «Часто ли вы делаете какие-нибудь дела совместно с ребенком» ответили «да», в то время, как только 55% матерей ответили утвердительно о своих мужьях [560]. То есть, изначально исследователи

рассматривали отца как некую «заместительную» фигуру, помощника матери в воспитании, однако в 80-е годы прошлого столетия появилась новая волна исследований отцовства, сосредоточившихся, в основном, на роли отца в идентификации ребенка и проблемах отсутствия отца в жизни ребенка.

Теоретически обозначенные З. Фрейдом аспекты влияния отцовства на развитие личности получили качественное развитие в контексте современной науки в конце XX – начале XXI века в связи с масштабным социальным запросом. В связи со значительными изменениями в системе гендерных ролей, произошедшими в обществе за последние 50 лет, более социальная, чем материнская, отцовская роль претерпевает серьезные изменения, что приводит к образованию операционального вакуума отцовской роли в новых условиях, появлению новых форм активности отцов, что свидетельствует, по мнению W. Fthenakis и S. Barth, о формировании новой гендерной системы, о переоценке или уточнении обществом отцовских функций, о дальнейшей дифференциации гендерных ролей [550].

Постепенно исследования обратились к проблеме специфики влияния отца и матери на развитие ребенка. Первые работы Р. Парке и коллег [622] описали отца как абсолютно равного матери в возможностях взаимодействия с ребенком, в том числе и в мотивационных и операциональных характеристиках. Даже более того, впервые Р. Парке описал отцов, как вполне успешных в выполнении таких традиционно женских родительских функций, как отзывчивость на попытки общения ребенка, кормление, умение правильно обращаться с маленьким ребенком, когда, например, требуются гигиенические процедуры, ребенок кашляет или срыгивает [622]. Продолжая свои исследования в этом направлении Р. Парке предпринял успешную попытку изучить вокализации и речевое общение отцов с младенцами, доказав отсутствие различий в этом между отцами и матерями [621; 623]. Изучалась также и отцовская привязанность наравне с материнской [606], при этом был сделан вывод о том, что участие отца может способствовать развитию ребенка, давая ему необходимую безопасную привязанность [492; 493]. Однако исследования привязанности ограничиваются

только младенчески возрастом или периодом раннего детства ребенка, хотя отцовское, как и материнское влияние сохраняется на протяжении всего детства и подросткового возраста. W. Fthenakis, [551], S. Barth, [480] считают и научно обосновывают факт, что принципиальной разницы между отцом и матерью в уходе даже за совсем маленькими детьми нет. Отец может делать это так же хорошо, как и мать. Некоторые исследования показали, что в процессе «становления отца», еще в период беременности партнерши, в организме мужчины, как и женщины, происходят гормональные изменения. В течение всего периода беременности у мужчины – будущего отца понижается уровень тестостерона в крови [572].

Однако, несмотря на оптимизм данных исследований, многие работы дают представление о том, при равных возможностях или родительских «способностях» реальная вовлеченность в жизнь детей матерей во много раз выше отцовской [624; 635]. Исследование количества времени, проводимого с детьми [624] показало, что отцы общаются с бодрствующим младенцем от 45 минут до 26 часов в неделю, тогда как матери проводят с ребенком в среднем 9 часов в день [591].

Согласно Н.-Л. Canitz. [511], часть отцов вполне удовлетворяются так называемой ролью «заместителя матери», то есть они заменяют мать, когда ее нет, и помогают ей, выполняя ее поручения.

Данные исследования не учитывают социальную специфику родительских и гендерных ролей: женщина проводит большую часть времени с ребенком-младенцем, если она не выходит на работу, тогда, как мужчина профессионально занят полный день. Например, Т. А. Гурко [137] полагает, что стереотипы в сфере родительства, под которыми понимаются, по ее мнению, устойчивые представления, ставящие женщин в более невыгодное положение в обществе в сравнении с мужчинами с точки зрения достижения статуса, власти и доступа к ресурсам, являются наиболее устойчивыми в обществе. И именно «материнская обязанность», как жесткая привязанность женщины не только к биологическому,

но и к социальному воспроизводству, особенно уходу за детьми, является основным аргументом дискриминации женщин [137].

Однако именно эти стереотипы являются причиной не только проблем женщин в профессиональной сфере, но сложностей мужчин в выполнении ролей мужа и, особенно, отца.

Существует несколько подходов к рассмотрению роли отца. Представителями психоаналитического направления [550] выполнено большое количество работ по исследованию роли отца. В основном изучается роль отца в психосексуальном развитии ребенка, отец, таким образом, является важнейшей фигурой в жизни ребенка четырех лет. З. Фрейд выделял следующие важнейшие аспекты взаимоотношений отца и ребенка: 1) отец – воплощение силы, как объект восхищения и любви, 2) отец как объект реализации потребности в безопасности и защите, 3) отец как авторитет, который наказывает за проступки и, таким образом, регулирует поведение, а в дальнейшем и моральные установки человека. Любовь матери – безусловная любовь, принятие и теплота – обеспечивает чувство безопасности [429], удовлетворяет потребность в принятии [268], создает базу для развития. Ребенок может исследовать мир только тогда, когда уверен, что в любой момент может вернуться к матери. Об этом говорят исследования Э. Эриксона, К. Хорни, Д. Винникотта, М. Кляйн, Л. И. Божович, М. И. Лисиной и др. Отец же несет социализирующую функцию, кроме удовлетворения потребности в безопасности, стабильности и надежности существования. Его любовь условна и, таким образом, дает ребенку возможность социализироваться, отец передает социально-культурные нормы, традиции и следит за их соблюдением. Быть отцом – это быть носителем истины, нормы в семье. Так как мать безоценочна, за социализацию отвечает отец. Когда отец – носитель нормы, с ним связано чувство опоры, надежности и уверенности у других членов семьи [480].

S. Barth [480] рассматривает отца как единственного взрослого в жизни ребенка, который может организовать жизнь ребенка, дифференцировать и интегрировать его в общество. Даже М. Кляйн [589], исследовавшая взаимоотношения матери и ребенка, говорит о том, что отношения с отцом даже

на развитии совсем маленького ребенка сказываются положительно. S. Barth подчеркивает также, что отец, являясь транслятором социальных норм, становится для ребенка фигурой обеспечивающей связь поколений [480].

Современные приверженцы психоаналитического подхода, весьма распространенного в Германии, продолжают развивать мысль З. Фрейда о социализирующей роли отца. Согласно этой концепции, мать дает ребенку безусловную любовь и принятие, отец – любовь условную, за выполнение каких-то предписаний, и, одновременно, защиту [602]. Однако даже по сравнению с началом XX века сейчас меняются научные теоретические представления о том, какие именно функции должен выполнять отец по отношению к своим детям [509]. Например, хотя мужчина не менее способен осуществлять уход за ребенком, часто он не имеет такой возможности. Исследования показывают, что многие женщины считают, что отцы заботятся о детях хорошо, но делают это только тогда, когда хотят (эта проблема известна как проблема «представления о компетенции») [210].

Представители бихевиорального направления рассматривают отцовство с точки зрения выполнения предписаний данной социальной роли. Причем классический бихевиоризм видел в отце только важнейший элемент среды, который усиливал или пресекал определенные реакции ребенка, таким образом, воспитывая правильные реакции. Представители необихевиоризма говорят о том, что отец является еще и моделью, наблюдая за которой, ребенок учится [479].

Гуманистический подход к отцовству развивался в рамках работ первых семейных психологов [115, 365], указывавших на возможности личностного роста супругов, а также оптимизации семейной ситуации в рамках психотерапевтической работы с семьей. Сегодня в контексте системной семейной психологии развивается подход таких авторов, как: G. Becker [482], V. Behrendt [483], J. Belsky [486], C. P. Cowan, P. A. Cowan [524], M. Lamb [597], R. LaRossa [599], D. Lenzén [602], J. Pleck [629] рассматривающих семью как систему, в которой каждый элемент взаимосвязан со всеми другими и нормальное функционирование которой невозможно без какого-либо ее элемента. Все члены

семьи находятся во взаимосвязи друг с другом и взаимовлияют друг на друга [357]. Таким образом, не только отец и мать влияют на детей или отношения супружеской пары оказывают влияние на развитие детей, но и отношения в диаде родитель – ребенок влияют на стабильность семьи и самочувствие каждого из ее членов, при этом отношения отца и ребенка не изолированная сфера, но эти отношения важны и для функционирования всей системы [251]. В подтверждение данного положения А. Gerhard [557] приводит результаты исследования, в котором было выяснено, что дети, воспитывающиеся в неполных семьях, «достраивают» семью в своих фантазиях об отце. Зная вклад каждого члена семьи в систему, можно сказать, что семья как система будет нестабильна или неустойчива, при отсутствии любого из компонентов. При этом современные исследователи уверены, что отцы играют жизненно важную роль в функционировании и стабильности семьи и способствуют благополучию детей [125], обуславливая эмоциональную саморегуляцию ребенка [491], интернализацию и экстернализацию социального поведения ребенка [536], грамотность и языковую компетентность ребенка [673], и успешность обучения в школе [1, с.262; 581].

В настоящее время большое количество исследований по данной проблеме проводятся в Германии, США и России. Исследуются различные аспекты феномена отцовства: 1) статус отца [483; 487], 2) его поведение по выполнению отцовской роли [511; 577]); 3) удовлетворенность мужчины отцовством, в том числе и выполнением роли отца [551]); 4) удовлетворенность отношениями с собственным отцом и перенос паттернов поведения по выполнению роли, общения и отношений к ребенку и с ребенком (R. Richter, M.Verlinden, [637], D. Bloom, K. Sherwood [490], D. Lenzen [602]), а также социальные и демографические проблемы отцовства [480; 550].

Немецкие исследователи занимаются проблемами социального изменения отцовства [550], трансформации ролей в обществе [585]; изменения социальных стереотипов и установок относительно того, каким должен быть отец [480; 637]; проблемами семейной психологии, выполнения мужчинами ролей в рамках семьи

в изменяющихся условиях современного общества [483; 623; 632]; исторические и культурные предпосылки современного стереотипа отцовства; психологические особенности отцовства [551; 637], такие как удовлетворенность собственной ролью, отношениями с ребенком, супругой и окружающими [550], а также исследуется процесс становления отца, его психологических характеристик, принятие роли, изменение Я-концепции в отцовстве, возрастные закономерности данного феномена [648].

Проанализировав литературные источники, посвященные описанию исследований, можно сказать, что проблема отцовства не только достаточно широко исследуется в США и Германии, но и привлекает довольно широкое общественное внимание. При этом американские исследователи ориентированы на практику и практическую помощь родителям в выполнении их функций [531]. Исследования носят прикладной характер [534; 628] и позволяют отследить многие закономерности и особенности феномена отцовства в современном обществе, чаще всего социологические [617]. Кроме того, в США существует несколько коммерческих и некоммерческих организаций (например, The Fatherhood Coalition, возглавляемая M. Charalambous, National Center for Fathering, во главе с K. Canfield, The March Of Dimes и др.), деятельность которых направлена на оказание консультационной помощи, информационной поддержки родителям и проведению различного рода семинаров и тренингов для молодых семей, одиноких отцов и т.п. [510; 556], а также финансирование различных исследований родительства и связанных с ним проблем. Помимо этих организаций, Департамент Образования США также финансирует исследования, посвященные современным проблемам семьи [617; 675]. Кроме того, Министерство Здравоохранения и социальных служб США [669] в соответствии с законом, принятым в 2010 году (Claims Resolution Act), финансирует инициативные исследовательские группы, определяя грантовую поддержку исследований ответственного отцовства, разработку программ пропаганды здорового супружества и ответственного отцовства, начиная с 2011 года. [670; 671].

Немецкие исследования более фундаментальны, ориентированы как на практику, так и на теоретическое осмысление и обоснование практических результатов исследования и изучения проблемы.

Таким образом, 70-е и 80-е годы прошлого века были отмечены вниманием исследователей к вопросам различия вклада отца и матери в развитие ребенка: сначала через изучения бюджета времени, проводимого с детьми [485; 568], затем через изучение качественных различий во взаимодействиях отца и матери с детьми [629].

В 90-х годах прошлого века в связи с особым вниманием к проблемам мужской гендерной идентичности в рамках так называемых «мужских исследований» («men studies») научный интерес к отцовству сосредоточился на вопросах гендерных различий в воспитании, взаимосвязи между присутствием отца и развитием ребенка, роли отцовской вовлеченности в жизнь ребенка в развитии личности ребенка [554], уникальности вклада отца в развитие ребенка [629].

Это наглядно описывается спецификой академического интереса к проблемам отцовства на протяжении прошлого столетия и начала XXI века. Внимание к различным проблемам отцовства среди таких авторитетных зарубежных журналов, повещенных семейным отношениям, как: *the Journal of Family Psychology*, *the Journal of Marriage and Family*, *Family Relations* периодически достигает до 20% статей об отцовстве среди общего числа статей журнала в год. Для старейших изданий, освящающих проблемы развития, такие, как: *Child Development* и *Developmental Psychology* этот показатель несколько менее 20% [558].

Повышение интереса к отцовству достигло максимума в 1990-х- 2000-х годах, затем несколько снизилось. На это же время приходится появление специализированного научного журнала, посвященного проблемам отцовства: *Fathering: A Journal of Theory, Research, and Practice about Men as Fathers*, выпускаемого с 2003 по 2015 год издательством *Men's Studies Press*.

В большинстве журналов исследования отцовства сосредоточены на изучении полных семей (76,2%). Однако ближе к 2000-м годам появляются статьи, описывающие исследования с участием нерезидентных отцов [517], то есть по различным причинам не проживающих с ребенком в одном домохозяйстве (14,2%). Анализ тематики статей позволяет сказать, что основной интерес направлен на роль отца в воспитании ребенка, его взаимодействие с ним (75,4% статей), связь поведения и установок относительно отцовства (42,1% статей), качество взаимодействия отца и ребенка (33%), и проблемы организации ухода и вовлеченности в жизнь ребенка (26,1%).

В зарубежных и в отечественных исследованиях феномен родительства изучается психологами, социологами и педагогами в зависимости от теоретического подхода к данной проблеме. Анализируя многочисленные современные работы по родительству, можно выделить два основных подхода к изучению родительства, в зависимости от того, кто считается отправной точкой изучения – ребенок или родитель: первый, наиболее распространенный, рассматривает родительство применительно к развитию ребенка [628]. В первом подходе отцовство изучается либо как роль отца в рамках семейной системы, либо в контексте влияния семейно системы на развитие личности ребенка, либо отдельно исследуется влияние отцовства на развитие личности ребенка. Во втором подходе рассматривается выполнение родительской роли через призму личности родителя, здесь исследуются самореализация личности в родительстве и другие личностные характеристики, так или иначе изменяющиеся с родительством [534].

В нашей стране проблема отцовства изначально изучалась в рамках психологии семьи [458], в основном в рамках системной семейной психологии, где основные аспекты изучения отцовства не выходили за пределы описанного выше представления о значимости супружеских отношений для развития ребенка и детско-родительских отношений, либо в рамках социальной психологии, как часть социальной роли мужчины, детерминированной социально-исторической реальностью [210]. Например, Б. И. Кочубей [219] доказывает, что разрушение

патриархальной семьи в нашей стране привело к тому, что женщина стала основным воспитателем в семье, а мужчина потерял опору своей значимости во внутрисемейных делах.

Даже в начале XXI века отечественные работы были связаны с исследованием психологии отцовства только косвенно в контексте психологии развития ребенка [3; 332; 379]. В начале нашей работы в 2002 году приходилось пользоваться в основном зарубежными источниками, огромный массив материалов которых до сих пор не переведен на русский язык (J. Pleck [629; 631], W. J. Doherty, E. F. Kouneski, M. F. Erickson [532]; M. Lamb [597], D. J. Eggebeen [533]). Наши статьи [74; 159; 160] и монография по психологии отцовства [76] были одними из первых попыток осмыслить проблематику влияния отцовства на личность самого мужчины. Современные российские исследования отцовства представлены широким кругом работ, среди которых можно выделить работы Т. В. Архиреевой [31], Р. В. Овчаровой [301], С. И. Радченко, М. А. Федоровой [341], М. В. Бутаева [100], С. Д. Некрасова, З. И. Рябикиной, А. Р. Тиводар [294], А. И. Михайловой [275], В. Л. Кокоренко [205], С. Ф. Явона [463], Л. В. Точеной [406], Ю. А. Токаревой [401], О. В. Алмазовой, А. В. Ильиных [19], Ю. А. Латышевой [238] и других.

В качестве основания для анализа можно использовать предложенную И. С. Коном [210] идею о том, что проблемы отцовства группируются в трех психологических областях. Во-первых, в контексте психологии семьи, в рамках понимания современного кризиса семьи и его влияния на развитие личности ребенка и самого взрослого. Во-вторых, в рамках изучения проблем маскулинности, в контексте ослабления привычной мужской гегемонии. Третий аспект связан с кризисом власти в условиях эгалитарной семьи, женской и возрастной эмансипации.

Современная семья переживает период трансформации или кризиса становления в новых социальных, экономических демографических условиях. Увеличивается количество форм брака и возможных видов взаимоотношений в семье, допустимого распределения ролей и функций внутри семьи, расширяется

диапазон приемлемого в сфере семьи и брака. И идеи связи особенностей семьи с наличием и количеством детей остаются актуальными, например, Н. Н. Николаев связывает типы семей в современном российском обществе с особенностями родительства [297]. Существуют даже классификации типов семей по критерию особенностей отцовства, так А. Ю. Филатова описывает семью с точки зрения степени включенности отца в воспитание детей [418]. Д. С. Корниенко, Е. Н. Красильникова и Н. В. Ротманова в своем исследовании доказывают связь отцовского отношения к ребенку с конфигурацией семьи [217, с. 627].

Многие исследователи полагают, что современные гендерные трансформации ведут к уменьшению ответственности и эмоциональной вовлеченности в брачных отношениях, таким образом, что становится возможной так называемая последовательная моногамия, когда отношения поддерживаются до первого серьезного конфликта или до появления нового партнера в жизни одного из супругов. Подобные проблемы исследуются психологами, социологами, демографами в европейских странах и США. В контексте исследования «свободной» семьи очень сложным становится вопрос о детях: их появления вообще, опеки над детьми от предыдущих браков или отношений, распределении обязанностей разведенных родителей. Появляются теории, описывающие отношения в браке и родительство через призму личностной зрелости супругов [511]. При этом нежелание вступать в брак вообще, нежелание иметь детей рассматриваются как признаки незрелости (инфантильности) личности. С другой стороны, появляются приверженцы «осмысленного» включения супругов в жизнь семьи [531; 532]. В нашей стране А. Г. Братухин и Е. А. Магазева предлагают метод визуального конструирования в рамках работы по развитию здоровьесберегающего поведения и коррекции репродуктивного поведения [95, с. 65].

Как было сказано выше, теоретическое осмысление, развитие концепции исследования данного феномена следует за формированием устойчивого интереса к проблеме в психологической практике [629]. В США существует несколько частных центров поддержки родительства и семьи, где происходит обмен опытом

самих увлеченных родителей друг с другом. Эти центры поддерживают, а иногда, и финансируют исследования в этой области [474]. Согласно зарубежным исследованиям психологическое значение «ответственного» «включенного» отношения к семье для личности и для семьи в целом особенно ярко проявляется в кризисные периоды брака. За рубежом родительство часто изучается в контексте взаимосвязи с брачными отношениями [532]. При этом считается, что успешность родительства связана с развитием супружеской системы, которая, как любая другая характеризуется динамикой: развиваются супруги и меняются их отношения. Среди самых сложных моментов начального этапа жизни семьи большинство исследователей выделяет нормативные кризисы семьи: первый год супружеской жизни [305]; кризис появления первого ребенка [528]. Эти кризисы – являются точками бифуркации системы, когда возможно принятие новых ролей и формирование новых subsystemов семьи, но возможно и достаточно быстрое разрушение системы. Например, Ю. В. Ковалева [203] указывает на то, что принятие родительских ролей связано с регуляцией поведения супругов на различных, особенно начальных, этапах жизненного цикла семьи. Таким образом, родительство не является просто личностным феноменом, оно во многом обусловлено супружескими отношениями [630]. Эта идея не нова и для российских семейных психологов, однако в основном она постулируется в работах, основанных на практике семейной психотерапии [458]. Например, К. Н. Белогай связывает родительство с психологическими задачами брака на определенной стадии жизненного цикла семьи, на которых оно становится одним из факторов стабильности супружеских отношений [45]. С другой стороны, супружеские отношения также оказывают влияние на специфику родительства. Так, И. С. Попова исследовала супружеские отношения и пришла к выводу, что они оказывают влияние на родительство посредством детерминации социальной перцепции образа ребенка [331], О. Н. Безрукова обратилась к исследованию ожиданий матерей и практики отцов [42], П. Н. Резько с коллегами даже связали самосознание отца типом семьи [350].

В современных американских исследованиях отцовства выделяются работы

[532; 596], в которых акцент смещается на роль женщины-матери, как партнера мужчины-отца, во многом определяющего отцовское поведение последнего. W. Doherty, например, предлагает специально учить женщин «обучать» мужчин отцовству [532]. J. Pleck доказывает, что вовлеченность отца в жизнь ребенка прямо взаимосвязана с вовлеченностью матери [630]. J. Pleck высказывает идею о том, что собственная родительская идентичность может быть определена только в тесной взаимосвязи с оценкой своего партнера как родителя и с представлением об оценке себя как родителя в глазах супруга. При этом предполагается, что это одинаково значимо, как для мужчин, так и для женщин. То есть отцовская идентичность тесно связана с оценкой своей жены как матери и с теми ожиданиями, которые она имеет по отношению к отцовскому поведению мужа. Эти мысли поддерживаются и российскими исследователями [68, с. 49-55; 140, с. 339].

Современные исследователи, изучающие отцовство с точки зрения влияния на развитие личности ребенка, согласны в том, что отец вносит существенный, уникальный вклад в развитие личности ребенка [596]. Важнейшим фактором нормального пренатального развития ребенка является благоприятная обстановка в семье, эмоциональный комфорт беременной женщины [573] и здесь, как показали исследования Л. Л. Баз, Т. А. Баландина, Г. В. Скобло [380] и G. Bouchard [494], оказалась важна эмоциональная поддержка мужа, благодаря которой жене удавалось с наименьшими психологическими потерями преодолевать трудности этого периода. Так Т. А. Пономарева утверждает, что опыт переживания совместных родов оказывает значительное влияние на семейную систему, определяя ее способность противостоять трудностям адаптационного периода после рождения ребенка [330]. Отсутствие такой поддержки является провоцирующим моментом для возникновения у нее депрессивно-тревожных расстройств, являющихся, как правило, предшественниками послеродовой депрессии, отрицательное влияние которой на психическое развитие ребенка общепризнанно. Таким образом, еще до рождения

ребенка отец оказывает влияние на его развитие через обеспечение благоприятных условий.

Позднее отец помогает развитию ребенка через игры [182], помогая развитию моторики ребенка, освоению окружающего пространства, собственного тела [196; 220], что является важным условием интеллектуального развития ребенка [596].

По мнению W. Fthenakis [550], взаимодействие с отцом положительно влияет на когнитивное развитие детей [633], что подтверждается и российскими исследованиями [425; 426]. Однако в немецких исследованиях была выявлена прямая корреляция между вовлеченностью отца в воспитание и когнитивными достижениями только для мальчиков [550]. Американские исследования [560] показывают, что дети, отцы которых вовлечены в процесс их образования (например, посещают родительские собрания) чаще получают высшие баллы, больше любят школу, реже остаются на второй год.

Кроме того, Х. Хоффман [575] полагает, что отец играет важнейшую роль в усвоении детьми моральных норм. Родители через слова и поведение, так или иначе, выражают свое отношение к определенным событиям или поступкам людей, предоставляя, таким образом, модели поведения и моральную оценку [144]. Родители, особенно отец, дисциплинируют детей, ставя определенные рамки поведения, одобряя одни поступки и наказывая за другие, это важно, так как именно родители удовлетворяют потребности ребенка, потому что он взаимодействует с окружающей средой сначала только через родителей, которые в этом случае являются проводниками общественных ценностей. Главными факторами, влияющими на усвоение моральных норм, являются: 1) страх потери любви родителей; 2) идентификация с родителем, которую выявил З. Фрейд; 3) развитие эмпатии и чувства вины, первоначально через оценку родителей, а затем, через объяснение последствий действий ребенка. По мнению Х. Хоффмана, именно идентификация является наиболее важным фактором усвоения моральных норм и социальных ролей, и отец в этом случае особенно необходим мальчику. Любовь отца, по мнению Х. Хоффмана, условна, что является важнейшим

фактором морального развития ребенка [575]. Происходит это потому, что отцы придают большее значение самостоятельности, предоставляя детям отвечать за свои действия, и с большим уважением, чем матери относятся к проявлению детьми независимости [163, с. 286].

Еще З. Фрейд отмечал, что взаимоотношения с отцом влияют на формирование полоролевой идентичности. Современные исследования подтверждают этот постулат. По мнению Ш. Барта [480], важнейшими детерминантами полоролевой идентификации для мальчика являются: 1) доминантность отца, как влияние в семье, с одной стороны, а с другой, именно доминирование отца может привести к развитию пассивности ребенка [279]; 2) забота отца, если отличительной чертой отношений отца и сына является забота и теплота, желание быть таким же «мужественным» как отец значительно усиливает позитивное восприятие, усвоение мужского поведения и формирование адекватной полоролевой идентичности [54]. Любые проблемы в супружеских отношениях родителей сказываются на переживании своей гендерной идентичности детей [64, с. 55-63; 72, с. 35-36]. Например, Т. В. Эксакусто [459] постулирует, что гендерные представления мужчин, воспитывавшихся в семьях с высокой конфликтностью, отличаются от таковых среди мужчин, выросших в более благополучных семьях. Взаимоотношения девочки с отцом оказывают влияние на ее дальнейшие гетеросексуальные контакты, являясь прототипом этих взаимоотношений [576]. Теплые и приносящие удовлетворение отношения дочери с отцом помогают дочери гордиться своей женственностью, способствуют принятию себя в качестве женщины и более легкой гетеросексуальной адаптации [335], кроме того, отец может влиять и на жизненные приоритеты дочери – семейная жизнь или ориентация на карьеру [212].

Доказано также и влияние отца на развитие различных личностных характеристик ребенка [181; 508]: дети вовлеченных отцов обладают значительно более высокой самооценкой и стабильностью образа Я, более отзывчивы в социальном плане [181], чаще получают высшее образование, более независимы,

и ведут более здоровый образ жизни [632] в сравнении с теми, кто описывает свои отношения с отцом как отчужденные.

Множество исследований определяют взаимосвязь самооотношения ребенка с его отношениями с отцом. Например, М. В. Пастухова доказывает, что самооценка ребенка младшего школьного возраста связана с его общением с отцом [313], ее данные подтверждаются другими исследователями [1, с. 297; 411], О. В. Ходаковская и Е. А. Гизатуллина описывают взаимосвязь отношений с отцом и самооотношения у подростков [435], М. Н. Усцева считает, что даже личностные особенности подростков связаны с образом отца [202; 412; 413], М. В. Овчинников с коллегами [303] доказывают влияние отца на формирование личностной беспомощности у детей, а И. С. Морозова и Н. А. Викдорова связывают тип родительского поведения отца с процессом становления психологической суверенности подростка [285], Н. Н. Авдеева и Е. А. Чепракова отмечают различия в представлениях подростков с разной степенью агрессивности о взаимоотношениях с собственными отцами [6, с 131; 296]

Кроме того, в отечественных исследованиях уделяется большое внимание изучению влияния образа отца на проявление различных личностных характеристик ребенка. Например, Е. В. Туманова и Е. В. Филиппова описывают взаимосвязь образа я ребенка с образом отца [409]. Я. А. Сурикова с коллегами доказывают, что положительный образ отца в дистантной семье может выступать показателем субъективного качества жизни ребенка [396]. При этом влияние образа отца на жизнь или поведение ребенка сохраняется и в период взрослости ребенка, так Е. А. Щербакова описывает исследования, в котором образ родителей, особенно отца, выступает фактором профессиональной адаптации личности курсантов-летчиков [457].

Исследователи, рассматривающие отцовство с точки зрения его влияния на развитие личности мужчины [31, 74, с. 122-126; 533; 629], считают, что именно рождение ребенка и взаимоотношения с ним дают мужчине шанс социализироваться самому, шанс саморазвития, осознания своей гендерной идентичности. В древних культурах мужчина до рождения своего первого

ребенка считался отроком [210]. Отцовство как совокупность социальных и индивидуальных характеристик личности, включающих все уровни жизнедеятельности человека, связано с объективными характеристиками личности, такими как: потребности, влечения, желания, установки, и с субъективными характеристиками личности – ценностными ориентациями, мировоззрением, а также с образом Я, Я-концепцией личности и самооценкой. Для мужчины – это проблема личностного развития, проблема принятия своих чувств и их самоконтроля. Осознание себя отцом приводит к осознанию необходимости жить правильно везде. Подрастающий ребенок становится продолжением мужчины, удовлетворяет потребность в ученике, в собственной значимости. Феномен отцовства тесно связан с такими понятиями, как социальная роль отца, различающаяся в зависимости от общественной системы, социальной, экономической и политической сфер общества, статуса мужчины в данном социуме, а также с такими личностными образованиями, как эмоциональная, мотивационная и ценностно-смысловая сферы, самооценка, самосознание, Я-концепция, удовлетворенность жизнью и стиль жизни. Много зависит от того, насколько данная роль принята мужчиной. Речь идет даже не столько об операциональном аспекте реализации роли, сколько о личностном принятии, интернализации роли отца конкретным мужчиной.

Другая проблема состоит в том, что исторически отцовская функция традиционно связывалась с властью, не только в семье, но и в социуме. Согласно И. С. Кону, потеря преимущественного положения мужчины в обществе, так как в сейчас далеко не каждый мужчина-отец имеет достаточно власти не только в рамках социальной иерархии, но даже в собственной семье, сказывается не только на сложностях гендерной идентификации взрослеющих мальчиков, но и на реализации собственно отцовских функций, регламентации отцовской роли и общественным пониманием значимости влияния вовлеченного отцовства на развития личности ребенка и самого мужчины [208]. Это подтверждается данными американских исследований, начиная со времен великой депрессии 30-х годов, о том, что при невозможности выполнения роли кормильца, например, при

потере работы, мужчина может вообще отказаться от выполнения отцовской роли и уйти из семьи, усугубляя последствия социальных трудностей семьи [520].

В целом, существуют многочисленные эмпирические исследования отцовства, теоретические модели, применяемые в которых имеют серьезные различия в зависимости от прикладных аспектов работы. По мнению W. Marsiglio [608] выделяются следующие направления изучения отцовства: а) теория жизненного пути, которая исследует, как мужской опыт отцовства изменяется в связи с различными периодами жизни и является основанием для нашего дальнейшего изучения этапов становления готовности к отцовству; б) социальная описательная теория (которая подчеркивает, что отцы усваивают культурные образцы роли), позволяющая нам анализировать социальную ситуацию развития личности отца; и в) теория социальной идентичности (которая сосредотачивается на том, как мужчины воспринимают идентичность отца относительно их других социальных ролей), наиболее, на наш взгляд, четко определяющие методологически основания для изучения внутренних детерминант становления готовности к отцовству. J. Snarey [658] использовал теорию Э. Эриксона в контексте того, как отцовство повышает генеративность взрослых мужчин. Другие ученые применяли понятия экономических теорий, для описания решения отца вносить свой вклад в жизнь ребенка или уйти из семьи [482].

В рамках развития социально-психологической теории о вкладе родителей [552]. Дж. Коулман определил два вида вклада родителей в жизнь ребенка, которые обеспечивают оптимальное развитие ребенка. Во-первых, родители материально обеспечивают жизнь ребенка. Финансовое обеспечение включает разнообразные материальные и нематериальные ресурсы, включая образование. Во-вторых, родители влияют на развитие ребенка через воспитание, регулирование поведения, стимулирование познавательного и социального развития ребенка, подготовку к школе, поддержку и помощь в обучении, включение ребенка в свои социальные контакты, формирование определенных ценностных ориентаций и взглядов на жизнь.

На основе проведенного анализа, мы полагаем необходимым добавить, что помимо описанных выше подходов, ориентирующихся, в основном, на социальные и функциональные характеристики отцовства, в рамках развивающейся психологии отцовства можно выделить несколько качественных концептуальных моделей отцовства. Самая часто используемая концептуальная модель отцовства – четырехфакторная модель вовлеченности отца М. Lamb и J. Pleck [596], которая включает: мотивацию, навыки, социальную поддержку, и социальные условия и слишком узка по сравнению с теориями развития, такими как: теория Э. Эриксона или теория социальной идентичности [460].

У. Доэрти [531] выделяет 5 факторов, определяющих специфику отцовства: взаимоотношения родителей, включающие брачный статус, наличие взаимопонимания или конфликта, поддержки; влияние матери, включающее ее гендерные стереотипы и ожидания от отца, ее поддержку отцу, профессиональную занятость; факторы среды, включающие особенности культуры, возможности трудоустройства, работу социальных институтов, экономический класс, социальную поддержку; фактор ребенка, отвечающий за ожидания относительно ребенка, особенности взаимоотношения с детьми в зависимости от возраста и пола, здоровья и развития; и собственно фактор отцовства, включающий идентификацию с ролью отца, навыки, и ответственность, а также отношения с собственным отцом.

Интересной представляется модель Дж. Плека, которая разграничивает отцовство как родительский статус от отцовских практик. Кроме того, в ней дифференцируется маскулинность как мужской гендерный статус и тип маскулинности конкретного мужчины [631].

Особенности психологических детерминант отцовства сквозь призму взаимосвязи отцовства и маскулинности в России изучаются в рамках изучения стереотипа маскулинности в патриархальной культуре [180], влияния социальных норм маскулинности на представления личности о содержании поведения в рамках отцовской роли [12; 198; 199].

В нашей стране вначале XXI века появился все возрастающий интерес к проблеме отцовства, выразившийся в появлении новых теоретических исследований, чаще всего социологических: например, исследование И. М. Марковской [265], изучавшей специфику представлений о семейных гендерных ролях у различных поколений или работа Н. А. Коркиной [215], изучавшей отцовство в современной семье, однако в последнее время широко разрабатываются смежные области, например, специфика психологического сопровождения родительства [301], зависимость ориентировки супругов в конфликте от образов родителей, сформированных в детстве [8], проблемы отцовского воспитания в неполных семьях [30], проблемы детско-родительских отношений на базе теории В. Н. Мясищева [31; 290], проблема становления гендерной идентичности ребенка в семье [175].

Второе десятилетие нашего века характеризуется серьезным научным интересом психологической науки к феномену отцовства в России. И. А. Аликин и Н. В. Лукьянченко [16] и Е. В. Евдокимова [156] описали вслед за К. Н. Белогай [47] и автором [70] особенности родительского отношения отцов и отчимов, А. И. Михайлова исследовала социокультурную детерминацию отцовства [276], А. Ю. Филатова в том же году рассмотрела психологические подходы к изучению проблемы отцовства в отечественной психологии [419]. Годом позже В. И. Горбачева и Д. В. Мальцева описали методологические основания теоретического изучения отцовства [126]. Специфика отцовской роли описана Ю. А. Латышевой в контексте традиционного и нового взгляда [237] и Е. С. Лытовой [258], Г. С. Гукасовой [136], Е. С. Лытовой [258] и Е. В. Бахадовой – с точки зрения сравнения с материнством [40]. Интересной с точки зрения теоретического осмысления роли супружеских отношений в формировании отцовства является работа Ю. А. Даниловой, описывающей трехмерную модель отцовства, через включение, вслед за W. Doherty [532] и автором [68], в диаду «отец-ребенок» мать, как важнейшего партнера отца в родительстве [140] и работа Е. Л. Иргит по изучению осознанности родительства у отцов [183].

Особое внимание исследователей привлекает проблема формирования отцовских практик у современного отца в контексте готовности к отцовству [242; 316; 432], проблем освоения юношами социальной роли отца в семье [367] или отношении к будущему ребенку на этапе планирования и во время беременности в сравнении с матерью [91].

Т. Д. Боязитова подробно описала ценностные ориентации мужчин, ожидающих появления ребёнка [93], С. Ф. Шаймухаметова и Л. Ф. Чукмарова добавили к этому изучение особенностей психических состояний будущих отцов [445].

Динамика образа отца и представлений о собственном отцовстве и особенностей отцовства у молодых мужчин представлена в работах А. В. Левченко [243], Н. В. Акиньиной [12] и У. Ю. Севастьяновой [369].

С. С. Савеньшева добавила к этому описание отношения к отцовству у мужчин на разных этапах родительства [359].

Понимание внутренних механизмов освоения отцовской роли описано Е. И. Захаровой [173] с точки зрения возрастного-психологического развития личности в зрелом возрасте [172]. М. Ю. Луков дополнил современные знания об отцовстве описанием особенностей принятия отцовской роли [257]. Кроме того, Н. А. Фомина и М. В. Пастухова предложили изучать ответственное отцовство с точки зрения такого личностного свойства, как ответственность [424].

Проблемы психолого-педагогического сопровождения семьи и психологической помощи в контексте работы с отцовством также не были обойдены вниманием психологов. А. В. Маркелова описывает принципы психолого-социальной помощи молодым супругам в подготовке к родительству [263], М. В. Залужная предлагает программно-целевой подход в процессе формирования ответственного отцовства [170]. Е. А. Юхина считает необходимым выделить проблемы помощи отцам в рамках психологического сопровождения родительства в современных условиях [462]. Появляется и специализированный психодиагностический инструментальный, сконструированный для изучения отцовства [63; 218].

Кроме того, изучаются отдельные аспекты феномена отцовства, такие как: история российского отцовства в контексте становления и трансформации практик советских отцов [176], специфика отцовства отчима [70; 104], проблемы психологии девиантного отцовства [314], проблемы мужчин, в одиночку воспитывающих ребенка [373], отцов, воспитывающих ребенка с ограниченными возможностями здоровья [36].

Очень интересную работу проводит Т. В. Помарчук, изучая психологическую готовность к отцовству [327], анализируя ответственное отцовство с точки зрения профилактики социальных рисков [328] и М. М. Басимов, Е. А. Падурин, изучающие родительские чувства у отцов [38].

2016-2017 годы были отмечены целым рядом перспективных работ по отцовству, что свидетельствует об актуальном социальном запросе на исследования отцовства: И. С. Петронюк [317] а также А. Е. Абросимова и Д. А. Кудачкин вновь обращаются к переосмыслению современных проблем психологии отцовства [4], А. М. Медведева и Т. К. Ростовская описали специфику образа современного отца [272], Т. Д. Подкладова обращается к исследованию вовлеченности отца в жизнь семьи и общества [324], М. В. Малаева описывает структурные компоненты родительской сферы у мужчин [262].

Современные исследования затрагивают широчайший круг вопросов: от влияния самого процесса становления отцовства на самочувствие, субъективное благополучие и психологическое здоровье отца, его социальные контакты, семейные отношения и профессиональную самореализацию, [534], до эффектов ролевой перегрузки мужчин [599], проблем выполнения домашних функций мужчинами и взаимодействия со службами социальной защиты детей [531], а также разрабатываются вопросы взаимосвязи удовлетворенности браком и отношений отца и ребенка [628; 656], проблемы трансгенерационной передачи моделей семейных взаимоотношений [494; 535], и особенностей взаимоотношений взрослых детей со своими отцами [409; 651]. Таким образом, современные зарубежные и отечественные исследования отцовства не только охватывают широчайший спектр проблем не только влияния отца на развитие

личности ребенка, но и специфики влияния отцовства на самоощущение, психологическое здоровье и развитие личности самого отца, но и определяют круг вопросов дальнейшего исследования отцовства. Материалы данного параграфа частично опубликованы автором в монографии 2007 года [76, с. 53-61].

1.2. Психологическая специфика отцовства в контексте изучения родительства

Рассматривая отцовство как особенный феномен, включающий инвариативные характеристики родителя и вариативные сущностные проявления носителя этой роли, мы определим те составляющие, которые свойственны отцу, как представителю роли родителя.

Отцовство наряду с материнством изучается в рамках теоретического осмысления и эмпирического исследования феномена родительства. Анализ литературы, посвященной проблемам психологии родительства, показал, что, несмотря на широкую представленность работ, единого мнения относительно феномена отцовства не существует. Нет даже четкого определения, так как данный феномен не исчерпывается такими понятиями, как роль, статус, чувства, мотивация, ценностно-мотивационная или потребностная сфера или самооценка или часть гендерной идентичности мужчины.

Однако изучение феномена отцовства неразрывно связано с понятием «родительство», представляющим собой достаточно сложно определяемое, но в то же время более широкое понятие, чем понятие «отцовство».

И. С. Кон определяет родительство как систему взаимосвязанных явлений, включающих: а) родительские чувства, любовь, привязанность к детям; б) специфические родительские роли, и нормативные предписания культуры; в)

обусловленное тем и другим реальное поведение, отношение родителей к детям, стиль воспитания [209].

Р. В. Овчарова считает, что родительство – это социально-психологический феномен, представляющий собой эмоционально и оценочно окрашенную и совокупность знаний, представлений и убеждений относительно себя как родителя, реализуемую во всех проявлениях поведенческой составляющей родительства [301].

Отцовство является частным специфическим для мужчин проявлением родительства. По мнению Р. В. Овчаровой, его можно описать через понятие «родительское отношение» как проявление родительства – «интегрального психологического образования личности (отца и/или матери), включающего совокупность ценностных ориентации родителя, установок и ожиданий, родительских чувств, отношений и позиций, родительской ответственности и стиля семейного воспитания» [301, с.14]. Родительство проявляется и реализуется на трех взаимосвязанных уровнях: когнитивном, связанном с осознанием родителями эмоциональной связи с детьми, представлениями об идеальном родителе и о себе как о родителе, знания об особенностях выполнения родительских функций, образы супруга(и) и ребенка; эмоциональном, включающем родительские чувства; и поведенческом, включающем умения общаться и ухаживать за ребенком, родительские установки и стиль семейного воспитания.

Родительские установки проявляются и у мужчин, и у женщин. Родительские установки (позиции) – совокупность эмоционального отношения к ребенку, восприятие ребенка родителем и способов поведения с ним [438]. Понятие «стиль воспитания» часто употребляется синонимично понятию «позиции», хотя во втором случае речь идет о конкретном ребенке, в то время как стиль воспитания – это отношение к детям вообще [283, с. 223-230].

В клинически ориентированной литературе описана достаточно обширная феноменология родительских установок, а также их следствий – формирование индивидуальных особенностей ребенка в рамках нормального или

отклоняющегося поведения. Выделенные в этих исследованиях типы родительского воспитания характеризуют в основном неблагоприятные воспитательные воздействия [458].

С точки зрения биологической обусловленности родительского чувства для благополучного «запуска» биологической основы родительства существенны три фактора – сензитивный период, ключевые раздражители и импринтинг. У матери есть сензитивный период формирования материнства – первые 36 часов после родов. Если в этот период матери предоставлена возможность непосредственного общения с новорожденным, так называемый контакт «кожа к коже», то у матери возникает психологический импринтинг на данного ребенка, интимная душевная связь с ребенком образуется быстрее, бывает более полноценной и глубокой. Многочисленные исследования тех семей, где не был упущен сензитивный период материнства, показывают, что поведение матерей было спокойным и любящим, дети достоверно чаще улыбались. Детская улыбка, в свою очередь, мощное поощрение для матери, ключевой раздражитель, запускающий специфическое материнское поведение.

Считается, что на основании архаических рефлексов, которые позднее исчезнут, у ребенка возникает специфическое поведение в ответ на внешние раздражители. Так, например, первая улыбка есть проявление буколингуального (щечно-язычного) рефлекса. Мать же придает этой улыбке коммуникативное значение, придает действиям ребенка больше смысла, чем есть на самом деле. Она положительно подкрепляет эту первую улыбку, более отчетливо выраженную между кормлениями. Впоследствии улыбка станет специфической реакцией на приближение человеческого лица, звук знакомого голоса. Таким образом, вовремя использованный сензитивный период формирования материнства приводит к позитивному взаимодействию с ребенком и служит гарантом хорошего контакта, теплой и любящей атмосферы общения матери с ребенком [283, с. 124].

В отечественной и зарубежной психологии родительские установки (позиции), в основном, исследовались в аспекте их влияния на происхождение и развитие неврозов у детей. В этом смысле интересна систематическая

классификация родительских позиций (О. Коннер), в которой родительская позиция сформулирована в форме характерных для родителя словесных конструктов и способов поведения. О. Коннер, описывая родительские установки или позиции, выделяет четыре позиции, из которых только одна является конструктивной: принятие и любовь, явное отвержение, излишняя требовательность, чрезмерная опека. [283, с. 125].

Т. В. Брагина рассматривает родительскую позицию как характер эмоционального отношения отца и матери к ребенку. И выделяет 6 типов позиций: чрезмерная эмоциональная дистанция между родителями и детьми, эмоционально уравновешенное отношение к детям, излишняя концентрация внимания на детях, доминирование по отношению к детям, позиция независимого руководства родителей, излишняя уступчивость по отношению к детям [приводится по 301].

А. С. Спиваковская характеризует родительские установки через три параметра: адекватность, динамичность, прогностичность, которые проявляются в восприятии ребёнка, в степени гибкости форм и способов взаимодействия в связи с возрастными изменениями ребёнка; и в степени изменчивости воздействия на ребёнка в соответствии с различными ситуациями, в связи со сменой условий взаимодействия [приводится по 301].

Интересный подход демонстрируют российский исследователь родительства Е. И. Захарова [172], трактуя родительство как индивидуально-психологическую реальность и описывая его через термин «внутренняя позиция родителя», означающий личностное образование, связанное с индивидуальным отношением к социальной позиции родителя [173]. При этом освоение социальной позиции родителя определяется Е.И. Захаровой как социальная ситуация развития личности, в которой вхождение в родительство имеет развивающий потенциал, так как реализация родительских функций или родительская деятельность становится инструментом преобразования социального надиндивидуального содержания в акт индивидуального сознания [172].

Основываясь на теоретических концепциях Е. И. Захаровой [173] и Г. Г. Филипповой [423], С. А. Абдуллина выделила четыре компонента внутренней позиции родителя: 1) мотивационный – представляющий собой личностный смысл родительства, его место в системе потребностей, мотивов и ценностей личности; 2) когнитивный, включающий представления и ожидания родителя относительно родительства и родительских функций, а также образ ребенка и оценка себя как родителя; 3) эмоциональный – определяемый эмоциональным отношением к родительству, к себе и к ребенку; 4) поведенческий – умения и навыки и операции по уходу и общению с ребенком, навыки по воспитанию и обучению [2, с. 78].

Акцентируясь на деятельности родителя, Н. Д. Михеева описывает родительство через понятие «родительская компетентность», как систему знаний, установок, навыков и умений, дающих родителю возможность эффективного взаимодействия с ребенком, обеспечивающих позитивное направление когнитивного, социального и личностного развития ребенка [278]. Г. И. Репринцева определяет следующие составляющие родительской компетентности: осознание родителями границ компетентности, необходимость ее повышения, понимание роли факторов поликультурной среды в семье и вне ее и их влияние на развитие детей на разных этапах онтогенеза, а также дифференциацию и индивидуализацию развития материнства, отцовства и супружества как социокультурных феноменов [351].

А. А. Чекалина понимает родительские позиции как один из синонимов множества других терминов, обозначающих воспитательный процесс в семье: родительское воспитание, родительские отношения, тип воспитания, стиль воспитания, тактика воспитания.

Е. Шеффер и Р. Белл [647], разработавшие методику для оценки родительских установок (PARI), полагают, что в понятие «установка» помимо отношения к ребенку должно входить отношение к семейной роли (мужа – отца – хозяина, жены – матери – хозяйки дома). Они выделяют 4 фактора,

характеризующих родительские установки: «авторитарность», «демократичность», «опека» и «супружеские отношения».

С точки зрения Т. В. Архиреевой, родительские позиции реализуются в поведении отца и матери в том или ином типе воспитания, то есть в тех или иных способах воздействий и в характере обращения с ребенком. Она выделяет 3 фактора, характеризующие родительские позиции: «гиперопека – отсутствие родительской опеки»; «отсутствие демократичности в отношениях с ребенком – демократичность»; «диктат в воспитании – отказ от авторитарности» [31].

М. О. Ермихина, которая вслед за А. С. Спиваковской выделяет в родительской позиции когнитивную, эмоциональную и поведенческую составляющие, полагает, что когнитивная составляющая включает представления о реальном и идеальном образе ребенка, о существующих позициях родителя, о своей родительской позиции. Эмоциональная составляющая представляет собой доминирующий эмоциональный фон, суждения и оценки относительно реального образа ребенка, своих родительских позиций и относительно взаимодействия «родители – дети». Поведенческая составляющая содержит коммуникативные позиции родителей, прогностический аспект (планирование) дальнейшего взаимодействия с ребенком.

Согласно Э. Берну, типичная родительская позиция – это позиция «над», «сверху». Однако идеальный вариант родительской позиции, к которому должны стремиться супруги, – это равенство позиций. Оно означает признание активной роли ребенка в процессе его воспитания [52].

В настоящее время большинство исследователей акцентирует внимание на изучении неблагоприятных родительских позиций, складывающихся в функционально несостоятельных семьях и имеющих негативные последствия для личности детей и подростков.

Типичными неблагоприятными установками являются: попустительско-снисходительная; демонстративная; педантично-подозрительная; жестко-авторитарная; увещательная; отстранение; равнодушная; потакающая;

непоследовательная; отсутствие позитивного интереса; директивная; враждебная; автономная.

В отечественной и зарубежной психологии существует очень много классификаций стилей родительского воспитания. Одна из классификаций представлена А. Болдуином, который выделил два стиля практики родительского воспитания демократический и контролирующий [приводится по 184].

В целом можно сказать, что важным параметром, оказывающим влияние на развитие ребенка, является родительский контроль: при высоком балле по этому параметру родители предпочитают оказывать большое влияние на детей, способны настаивать на выполнении своих требований, последовательны в них. Контролирующие действия чаще всего направлены на модификацию проявлений зависимости у детей, агрессивности, развитие игрового поведения, а также на более успешное усвоение родительских стандартов и норм.

Вторым важнейшим параметром являются родительские требования, побуждающие к развитию у детей зрелости. Родители стараются, чтобы дети развивали свои способности в интеллектуальной, эмоциональных сферах, межличностном общении, настаивают на праве детей на независимость и самостоятельность.

Третий параметр, определяющий стиль родительского воспитания, – это способы общения с детьми в ходе воспитательных взаимодействий. Родители с высоким баллом по этому показателю стремятся использовать убеждение с тем, чтобы добиться послушания, обосновывают свою точку зрения и одновременно готовы обсуждать ее с детьми, выслушивать их аргументацию.

Четвертый параметр – эмоциональная поддержка. Родители способны выражать сочувствие, любовь и теплое отношение, их действия и эмоциональное отношение направлены на содействие физическому и духовному росту детей, они испытывают удовлетворение и гордость от успехов детей.

Из этого следует, что наиболее распространенным механизмом формирования характерологических черт ребенка, ответственных за самоконтроль и социальную компетентность, выступает интериоризация средств

и навыков контроля, используемых родителями. При этом адекватный контроль предполагает сочетание эмоционального принятия с высоким объемом требований, их ясностью, непротиворечивостью и последовательностью в предъявлении ребенку. Дети с адекватной практикой родительского отношения характеризуются хорошей адаптированностью к школьной среде и общению со сверстниками, активны, независимы, инициативны, доброжелательны и эмпатийны [приводится по 393].

С. Броди выделила четыре типа материнского отношения, которые могут быть соотносимы с отцовским отношением [502]. Матери первого типа легко и органично приспосабливались к потребностям ребенка. Для них характерно поддерживающее, разрешающее поведение. Матери этого типа не ставили себе задачу к определенному возрасту приучить ребенка к навыкам опрятности. Они ждали пока ребенок сам «дозреет». Матери второго типа сознательно старались приспособиться к потребностям ребенка, что вносило в их поведение напряженность, недостаток непосредственности в общении с ребенком. Они чаще доминировали, а не уступали. Матери третьего типа не проявляли большого интереса к ребенку. Основу материнства составило чувство долга. В отношениях с ребенком почти не было теплоты, но присутствовал жесткий контроль, например, в приучении к навыкам опрятности. Матери четвертого типа поведения характеризуются непоследовательностью. Они плохо понимали своего ребенка. Их прямые воспитательные воздействия были противоречивыми.

По мнению С. Броди, наиболее вредным для ребенка оказывается последний стиль материнства, так как постоянная непредсказуемость материнских реакций лишает ребенка ощущения стабильности окружающего мира и провоцирует тревожность. В то время как сензитивная, принимающая мать (первого типа), безошибочно и своевременно реагирующая на требования маленького ребенка, что создает у него бессознательную уверенность в том, что он может контролировать действия других и достигать своих целей.

А. Е. Личко и Э. Г. Эйдемиллер выделяют десять видов неправильного воспитания: гипопротекция, скрытая гипопротекция, потворствующая

гипопротекция, доминирующая гиперпротекция, потворствующая гиперпротекция, эмоциональное отвержение, воспитание в условиях жестоких взаимоотношений, воспитание в условиях повышенной моральной ответственности, противоречивое воспитание, воспитание вне семьи [458]. При этом, родительское поведение под влиянием воспитательных установок может, как смягчать неблагоприятные условия развития ребенка, так и приводить к неблагоприятному развитию различных черт характера.

Российский социолог Т. А. Гурко обращает внимание, что в англоязычной литературе существует два термина, определяющих родительство: *parenthood* используется в анализе институциональных характеристик родительства, *parenting* – для раскрытия родительских ролей, одобряемы конкретной культурой моделей обращения с детьми [138].

Обращаясь к понятию отцовство в рамках рассмотренного понятия родительства, нужно отметить, что отцовство имеет определенную специфику по сравнению с материнством. Важнейшим отличием является меньший по сравнению с материнством вклад физических и биологических факторов в становление родительских чувств отца, так как, в отличие от матери, отец не может полностью прочувствовать общение с ребенком до рождения и в процессе родов, не обеспечен гормональными механизмами регуляции родительского поведения в младенческий период жизни ребенка. Это обуславливает большую социальную детерминированность отцовства по сравнению с материнством. Например, Н. А. Коркина отмечает, что отцовство исторически было главным показателем маскулинности, так как высокая репродуктивная способность всегда считалась важной составляющей мужской силы, однако уход за ребенком являлся задачей женщины [215]. Таким образом, отцовство в большей мере воспринималось, как статус, а не функция. Соответственно, отцовские функции менее четко определены обществом, но в большей степени, чем материнские детерминированы социальными ожиданиями относительно мужской роли. Однако в современном мире существуют различные варианты взаимосвязи и проявления маскулинности и отцовства. Так, И. С. Кон утверждает, что отцовство

– самый изменчивый показатель маскулинности, как в исторической, так и культурной перспективе. [210]. Однако Р. В. Овчарова обращает внимание на то, что отцовство связано с выполнением определенных функций [301].

Р. В. Овчарова подчеркивает, что отцовство является системным образованием, имеющим свою структуру и функции. Т. В. Архирева определяет отцовство – открытая система, имеющая свою достаточно устойчивую структуру – компоненты, связи и уровни, а также осуществляющая взаимосвязь с окружающей средой, в результате чего возможно развитие данной системы [31]. А. С. Спиваковская утверждает, что отцовство проявляется позже, чем материнство, когда ребенок становится более взрослым [387].

У. Ю. Севастьянова полагает, что отцовство определяется, как система взаимоотношений между мужчиной и ребенком, которая способствует развитию личности и эмоциональному благополучию и отца и ребенка [369]. Интересен подход Ю. А. Токаревой, которая полагает, что отцовство – это психолого-педагогическая деятельность мужчины, связанная с приобщением ребенка к социальным нормам и требованиям общества, воспитанием, и контролем над его результатом [403].

Для дальнейшего изучения отцовства необходимо четкое определение данного феномена, не основывающееся на отдельных понятиях, таких как чувство, инстинкт; и в то же время, конкретно определяющее специфические особенности явления.

Для упорядочивания теоретического анализа нами были разработана функциональная модель структуры отцовства, которая обобщает все феномены, факторы, влияющие на развитие отцовства, особенности и важнейшие аспекты отцовства [159, с. 119-121].

Для теоретико-методологического изучения психологического концепта отцовства во избежание каких-либо упущений и неполноты анализа, в качестве основы нами был взят принцип общего научного пентабазиса, предложенного для анализа психических феноменов В. А. Ганzenом, который обосновал целесообразность изучения любого психического феномена в соответствии с

общенаучным принципом, с точки зрения четырех его характеристик: пространственной, временной, энергетической и информационной [120]. В целях упорядочивания анализа, в качестве пространственной характеристики было принято культурное пространство приложения феномена, временной – процесс становления феномена в филогенезе и онтогенезе, его этапы, информационной – информационную осведомленность мужчины, энергетической – его активность (Рисунок 1.2.1).

<p>ПРОСТРАНСТВО БИОЛОГИЧЕСКИЕ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ, ГЕНДЕРНЫЕ, ЛИЧНЫЕ СПОСОБЫ ВЫПОЛНЕНИЯ ОТЦОВСКИХ ФУНКЦИЙ</p>	<p><u>ОТЦОВСТВО</u></p>	<p>ВРЕМЯ СТАНОВЛЕНИЕ ОТЦОВСТВА [ИСТОРИЯ, ЖИЗНЕННЫЙ ЦИКЛ]</p>
<p>ИНФОРМАЦИЯ ОСВЕДОМЛЕННОСТЬ, ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ АСПЕКТ РОЛИ ОТЦА</p>		<p>ЭНЕРГИЯ АКТИВНОСТЬ, ИНТЕРНАЛИЗАЦИЯ РОЛИ, ЛИЧНОСТНОЕ РАЗВИТИЕ</p>

Рисунок 1.2.1. – Функциональная модель отцовства

Роль пространственной характеристики феномена выполняют биологические, социокультурные и личные предпосылки определенного способа выполнения отцовских функций, информационной – осведомленность и ассимиляция социальной роли, статуса, функций, куда входит и инструментальный аспект, временной – процесс становления отцовства в филогенезе, его этапы в жизненном цикле конкретного мужчины, энергетической – активность, интернализация роли и личностное развитие.

Таким образом, данная модель выполняет описательную функцию - характеризует и упорядочивает все возможные функции и аспекты приложения и реализации этих функций изучаемого феномена, как в социуме, так и в жизни

конкретного индивида, что позволяет изучать любой отдельный аспект феномена отцовства во взаимосвязи с другими его характеристиками.

В процессе теоретического анализа работ [423; 480; 550] мы предположили, что по аналогии с материнством структурная модель феномена отцовства также будет иметь следующие компоненты, сходные с блоками материнства, по Г. Г. Филипповой [423]: когнитивный, (ценностно-смысловой), эмоциональный (потребностно-эмоциональный) и поведенческий (операциональный). Они имеют несколько другое содержание для мужчин: потребностно-эмоциональный, включающий биологические, социальные аспекты мотивации, потребность в контакте, эмоциональные реакции, переживания; операциональный, как осведомленность и умения, операции по уходу за ребенком и общение с ним; и ценностно-смысловой, как отношение отца к ребенку, включая экзистенциальные переживания. Кроме того, в данную структуру включается интегральный сквозной компонент – оценочный, в который входят 1) самооценка, как элемент Я-концепции, принятие или непринятие роли отца и рациональная и эмоциональная оценка себя, как отца, и своего ребенка; 2) а также социальная оценка окружающих, базирующаяся на принятых в данном конкретном обществе социальных стереотипах и предписаниях по выполнению роли, требованиях, которые необходимо соблюдать для соответствия статусу. Социальная оценка является базой для формирования собственной оценки, так как через социальные стереотипы формирует образы Я-идеального. Оценочный компонент является интегральным, так как пронизывает и влияет на все остальные компоненты структуры. Данное положение было подтверждено нами в эмпирическом исследовании [159, с. 119-121].

В литературе содержание структурных компонентов отцовства раскрывается в рамках целостного изучения структуры родительского отношения [47; 48; 106], либо родительской сферы [262], однако, как было сказано выше, рассматривая отцовство через понятие деятельность, можно выделить мотивы рождения ребенка (потребностно-мотивационная сфера), цели (ценностных

ориентациях, целеполагании и перспективе – ценностно-смысловая сфера) и действия (операциональном аспекте отцовства – отцовские практики).

При этом, несмотря на то, что термин «отцовские практики» даже в англоязычной литературе появился сравнительно недавно, в современной психологической науке наибольшую представленность имеют именно исследования отцовских практик как в России (в работах следующих ученых: Ю. А. Токарева [402; 403], Т. М. Харламова, У. Э. Ушкова [433], Т. А. Гукасова [136], Ю. А. Латышева [237], А. Ф. Артамонова [30], О. Н. Безрукова [42], И. Е. Валитова, Е. А. Клещева, [104], А. Е. Звонарева [176], А. В. Алферов, О. И. Маркова [20], А. А. Ефимова [163], М. В. Залужная, [170], Т. Д. Подкладова [324]), так и за рубежом [480; 531; 631].

Наименее изученной в нашей стране является потребностно-эмоциональная сфера, связанная с репродуктивной мотивацией мужчины, его принятием отцовства как элемента мужской роли, родительскими чувствами мужчины.

Проблема эмоционального отношения к отцовству значительно меньше представлена в нашей работе [157] и работах таких современных исследователей, как: М. М. Басимов, Е. А. Падурина [38], С. Ф. Шаймухаметова, Л. Ф. Чукмарова [445], К. Y. Wee, Н. Skouteris, С. Pier, В. Richardson, J. Milgrom [677]. При этом отечественные работы акцентируются на переживании отцовства [38; 157], исследователи за рубежом, в основном, изучают переживания, сопутствующие появлению новой роли отца [534; 535; 677]. Например, К. Y. Wee с коллегами пытаются исследовать проблему постнатальной депрессии у отцов по аналогии с послеродовой депрессией у женщин, доказывая при этом схожесть некоторых параметров подобных эмоциональных проявлений у мужчин-отцов и женщин-матерей младенца [677].

Существует определенное количество работ, посвященных изучению особенностей репродуктивной мотивации [494; 612; 644], в том числе определяющих методологические обоснования изучения данного феномена [612]. Если в нашей стране это работы, изучающие репродуктивные мотивы женщин [423; 148; 340; 488], либо описывающие проблемы репродуктивной мотивации в

терминах утилитарной потребности в детях в хозяйственной деятельности [210], то зарубежные коллеги развивают эволюционную теорию репродуктивной мотивации [613], включающую и мужскую проблематику [494]. Среди отечественных работ, исследующую специфику родительской мотивации мужчины, можно выделить исследование особенностей мотивационно-потребностной сферы отцов Ю.А. Токаревой [402], выделяющей в мотивационно-потребностной сфере отцовства мотивацию социального одобрения, мотивацию самореализации в детях, мотивацию достижения высоких результатов во взаимодействии с ребенком и его развитии и мотивацию самоутверждения [302].

Специфика принятия гендерной роли отца подробно изучается в различных аспектах в США (S. Coltrane [521], C. P. Cowan, P. A. Cowan [525], R. D. Parke, [522; 623]; D. J Eggebeen, C. Knoester [535]; M. J. Carlson [512]), включая даже разработку концептуальных моделей взаимосвязи маскулинности и отцовства [631], взаимосвязи идентичности и отцовства [634; 659]. Однако в основном, изучаются семейные аспекты реализации гендерной роли отца, такие как реализация мужской роли отца в семье [665] гендерные различия взаимодействия с детьми с особыми потребностями [625], изменения отцовских функций [620].

Исследование проблемы ценностного отношения к ребенку не акцентируется в подобных работах. В отечественных исследованиях проблема ценностно-смыслового наполнения отцовства изучается с точки зрения выделения ценностно-смысловых аспектов психолого-педагогической деятельности отца [91; 92], опираясь при этом на представление о том, что освоение родительской позиции взаимосвязано с возрастнo-психологическим развитием личности в зрелом возрасте [172]. При этом, ценностные компоненты определяют операциональные аспекты реализации отцовства [78].

Однако и отцовские практики влияют на ценностно-смысловую сферу мужчины. Так, Д. С. Акивис полагает, что взаимодействие с хрупким ребенком способствует дальнейшему личностному росту и гендерной социализации мужчины, так как раскрывает, дает толчок для развития таких личностных черт, как: потребность и способность защищать, принимать на себя ответственность,

энергия, душевная сила. Таким образом, отцовская забота связана с переживанием любви к ребенку, и развитием исполнительности и ответственности. [11].

Таким образом, дальнейшая социализация мужчины во взрослости происходит, в том числе и в связи с обязательствами перед своими детьми. При этом, реализация отцовских практик, как было озвучено в предыдущем параграфе, тесно взаимосвязана с отношениями с матерью ребенка и отношением матери к этому ребенку. То есть, Д. С. Акивис родительская забота отца является не только фактором дальнейшей социализации и достижения зрелости личности мужчины, но и определяет благосостояние его детей и семьи в целом. При этом отцовская забота целого поколения отцов определяет будущее данного общества, через обеспечение родительской защиты в физическом смысле, предоставление финансовый и социальной стабильности [489] и трансляцию культурных норм, за осуществление которой, по мнению Ш.Барта, ответственен отец [480].

Таким образом, отцовство можно определить, как категорию психологии личности, отражающую основные этапы развития личности, характеризующую комплекс интегральных, социальных и индивидуальных характеристик личности, проявляющихся на всех уровнях жизнедеятельности человека: эмотивно–аксеологическом, когнитивном и операциональном; включающую в себя оценочный компонент и необходимость выполнения следующих функций: защитной – как кормилец и защитник; презентативной – как персонификация власти, воспитатель и высший дисциплинизатор; ментальной – как пример для подражания; социализирующей – как наставник во внесемейной общественной деятельности и отношениях, транслятор социальных норм, фигура, обеспечивающая связь поколений. Следует отметить, что эклектичность и на первый взгляд трудная интерпретируемость доступных нам результатов психологических исследований отцовства может быть частично преодолена общей интерпретацией данных исследований в соответствии с функциональной моделью анализа отцовства.

Вопрос о месте родительства и, в частности, отцовства, в структуре личности очень интересный и неоднозначный: некоторые авторы определяют

родительство через потребности и функции [301; 403], существует описание его через ценностно-смысловую сферу личности [31; 91; 92; 330], кроме того, отцовство включается в сферу гендерной идентичности личности [198; 199; 208].

В связи с попытками определить траекторию развития личности, достаточно важным вопросом представляется взаимосвязь отцовства и развития гендерной идентичности мужчины, при этом необходимо дифференцировать маскулинность как мужской гендерный статус и тип маскулинности конкретного мужчины [631], а также отцовство как родительский статус от отцовских практик и мужского поведения [185].

Отцовский статус включает в себя наличие детей, их количество, воспитание биологических, приемных, усыновленных детей, детей жены или чужих детей (священник, учитель). Мужской гендерный статус связан с биологическими различиями полов, но определяется социально, как статус мужчины в конкретном обществе, его функции, привилегии, обязанности. Тип маскулинности конкретного мужчины определяется его собственными личностными и социальными характеристиками и является конкретным (приемлем или неприемлемым) вариантом внутри всей группы мужчин данного общества. Отцовские практики – термин новый в отечественной психологической науке, соответствует термину «fathering» в английском языке в противовес термину «fatherhood», что обозначает статус и социальные характеристики отцовства. Отцовские практики определяются как операциональный компонент отцовства, особенности взаимодействия отца с собственным ребенком. Причем с определенными ребенком, если их несколько, поскольку взаимоотношения с конкретным ребенком обусловлены полом, возрастом ребенка, особенностями его развития и здоровья, а также ситуацией его рождения и отношениями с его матерью.

Согласно Дж. Плеку, взаимосвязь маскулинности и отцовства можно оценить через гендерные различия в воспитании, взаимосвязь между присутствием отца и развитием ребенка, роль отцовской вовлеченности в жизнь ребенка в развитии личности ребенка, влияния наличия детей на оценку своей

маскулинности мужчиной, уникальность вклада отца в развитие ребенка и взаимосвязь между типом отцовской маскулинности, вовлеченностью отца и развитие личности ребенка.

Анализируя доминирование мужской гегемонности, которое определяет социальный и сексуальный статус мужчины в обществе, Дж. Плек полагает, что мужской гендерный статус определяет отцовские практики прямо, предоставляя возможный репертуар поведения, и опосредованно через формирование понятия отцовство и возможный отцовский статус в обществе. То есть, особенности гендерной идентичности мужчины взаимосвязаны с отцовством и отцовскими практиками, являющимися производными гендерной идентичности. Эти особенности и, возможно, тип маскулинности мужчины определяют отношение к отцовству мужчины.

При этом, отцовское поведение мужчины определяется, с одной стороны, его отношением к гендерной роли, в том числе, его прошлыми и настоящими взаимоотношениями с собственным отцом, который дает маскулинный образец (то есть, модель ролевого поведения мужчины [631], а с другой – его настоящими взаимоотношениями с супругой, в отношениях с которой эта модель реализуется, оценивается и трансформируется [66, с. 112-117].

Итак, при необходимости выделить специфически типы отцовства, данный феномен можно классифицировать в зависимости от типа выраженности маскулинности мужчины (маскулинный, андрогинный, феминный), от особенностей отцовского статуса (отец, отчим, приемный отец, резидентный и нерезидентный отец), от специфики мужского гендерного статуса (успешный мужчина и отец, неуспешный мужчина и отец), от особенностей отцовских практик (типы отцов, как воспитателей).

Наиболее часто встречаются типологии отцов в связи с отцовскими практиками, то есть поведением и воспитательным потенциалом и его реализацией у конкретного отца [405]. Так, Ю. А. Токарева в своем исследовании не только обосновывает необходимость изучения типологии отцов, но и представляет достоверные данные о выделенных ею типах отцов. Она выделяет

четыре типа отцов, используя в качестве основания для классификации реализуемые отцом вне зависимости от возраста ребенка воспитательные стратегии: «непоследовательный», «патерналистский», «ведомый», «заносчивый» [401; 404].

«Непоследовательный» тип характеризуется тем, что не имеет четкой стратегии поведения с ребенком и мечется от излишней строгости к попустительству, при этом ребенок не всегда понимает причины отцовских реакций. «Ведомый» отец ориентируется на социальные стереотипы и внешнюю оценку своего поведения и поведения ребенка, при этом разрешая ребенку делать все, что тому вздумается. Потеря авторитета приводит к поиску более сильных средств для того, чтобы добиться послушания такие отцы могут применять физические наказания или грубость. «Патерналистский» тип отцов демонстрирует демократический контроль, желание поддержание контакта, объяснения каких-либо вопросов на собственном примере, что особенно действенно и эффективно для общения с детьми юношеского возраста. «Заносчивый» тип демонстрирует жесткий контроль и желание самоутвердиться за счет достижений ребенка, такие отцы требуют от ребенка высоких достижений, при этом, не позволяя никакой самостоятельности и очень редко поощряя ребенка [404].

Е. Н. Красильникова выделяет три группы отцов: «ответственные» отцы, вовлеченные в семью, стремящиеся к равенству с матерью в распределении родительских обязанностей, демонстрирующие средний уровень главенства; «традиционные» отцы, претендующие на лидерство, требующие поддержания дисциплины в семье, они отстранены от воспитания детей, передающие родительские функции матери; «отсутствующие» отцы не стремятся занимать главенствующую роль и не пытаются разделять с матерью домашние обязанности [223].

W. E. Fthenakis классифицирует отцов по количеству времени и качеству общения с ребенком выделяют несколько типов взаимодействия отца и ребенка [550]: 1) Традиционный отец - отец как воплощение силы, авторитета и социальной компетенции. Важнейшей задачей такого отца является содержание и

защита матери и ребенка. Таким образом, он отдален от ребенка и взаимодействует с ним только, когда возникают разногласия и мать не в состоянии их разрешить; его слово закон, его поведение обсуждению не подлежит, ему свойственен авторитарный стиль воспитания, эмоциональной близости с ребенком нет, так как поддерживается авторитет и власть. 2) Отец–партнер, это отец как образец, помощник и партнер по играм. Такой мужчина полагает, что для гармоничного развития ребенка необходимо участие обоих родителей. В семье имеется достаточно гибкое распределение ролей, в том смысле, что отец, кроме своей работы уделяет внимание проблемам ребенка. Таким образом, отец играет значительную роль в воспитании и жизни ребенка, а, кроме того, еще и активную роль в семье [551]. 3) «Новый отец» [480; 550; 570] – термин «новый отец» (соответствует термину «ответственное отцовство» в США [531]), характеризует не столько операциональный аспект взаимодействия отца и ребенка, сколько намечающуюся в науке и практике тенденцию подчеркивания важности отцовства, общения с ребенком для самого отца.

В рамках данной концепции получило широкое развитие представление об андрогинной личности, о том, что и на мужчину, и на женщину родительство оказывает равное влияние, что ребенок также важен для отца, как и для матери, однако при этом подчеркивается, что мужчина и женщина по-разному взаимодействуют с ребенком, например, разные стили общения, но отец может и должен заниматься ребенком наравне с матерью. Такой отец принимает участие в самом процессе рождения ребенка, присутствует на родах, позднее он заботится о ребенке-младенце, вместе с матерью, имеет с ним тесную эмоциональную связь. Однако на этой почве у неподготовленных мужчин могут возникать различные сложности и преувеличения вплоть до ревности отца к матери. Здесь необходимо четко различать функции и особенности роли отца и матери.

Таким образом, специфика отцовства по сравнению с материнством состоит в уникальности вклада отца в социализацию ребенка [175], в меньшей биологической и большей социальной и семейной детерминированности отцовства по сравнению с материнством при одновременной нечеткости ролевых

ожиданий относительно отцовской роли, и зависимостью степени вовлеченности в жизнь ребенка от степени вовлеченности матери в жизнь ребенка. Это дает возможность определить специфические особенности психологической готовности к отцовству по сравнению с готовностью к материнству в контексте целостного изучения психологической готовности к родительству.

Материалы данного параграфа частично опубликованы автором в монографии [76, с. 53-61].

1.3. Психологическая готовность к отцовству как предпосылка реализации конструктивной стратегии отцовства

В психологии изучение проблемы психологической готовности имеет достаточно обширную историю и носит междисциплинарный характер, так как «готовность» является предметом изучения разных дисциплин: философии, психологии, физиологии, педагогики и др.

Так, в толковом словаре С. И. Ожегова понятие готовность рассматривается, как «согласие сделать что-нибудь, и как состояние, при котором всё сделано, всё готово для чего-нибудь, а также о том, кто полностью готов к какому-нибудь действию, к выполнению какого-нибудь действия, задания» [304, с. 126].

Философское осмысление проблемы готовности было дано в работах Г. Гегеля, И. Канта, Ф. Шиллинга, в которых готовность связана с отношением человека к действительности, и реализацией его способностей, то есть готовности человека к активной жизнедеятельности и/или преобразованию жизни. Однако чаще всего использование термина готовность связано с готовностью к определенному виду деятельности, в том числе и профессиональной.

Так, с точки зрения педагогики, «готовность» является интегративным понятием и включает в себя готовность к учению вообще, к школьному обучению в частности, к профессиональной деятельности [362], к самообразованию, инновационной деятельности [226], и готовность педагога к обучению [439].

В психологии готовность рассматривается в рамках социальной, возрастной и педагогической психологии и психологии стресса и экстремальных ситуаций, чаще, как состояние и качества личности [319]. Например, М. Кордуэлл описывает понятие готовности как «факт, когда организм лучше приспособлен к ассоциированию определенных сочетаний стимулов и реакций, как состояние человека, при котором он готов извлечь пользу из опыта. В зависимости от типа опыта это состояние может пониматься как относительно простое и биологически детерминированное» [цит. по 161, с.2]. Так, в рамках психологии стресса существует точка зрения, оспариваемая, однако другими авторами, что тип реакция на стресс является наследственной характеристикой [165].

Однако только описанием индивидуальных характеристик невозможно дать полную картину психологической готовности личности. М. И. Дьяченко определяет психологическую готовность как «избирательную, прогнозирующую активность на стадии подготовки, настраивающую организм личности на будущую деятельность, активно-действенное состояние личности, отражающее содержание стоящей задачи и условие предстоящего ее выполнения» [161, с.2], при этом сформированная психологическая готовность связана с четким представлением предстоящей задачи и осознанием ответственности за ее выполнение. Так, в рамках той же психологии стресса описывается «готовность к экстремальным действиям как способность быстрого действенного реагирования на экстренно возникающие непредвиденные ситуации, а также как способность произвольного изменения своего состояния в соответствии с их требованиями» [447, с.99].

В разных сферах профессиональной деятельности психологическая готовность определялась как: наличие способностей [21]; активное состояние, необходимое для качественного выполнения своих обязанностей в рамках

космического полета [17]; готовность к экстренным действиям [57, с. 90; 216; 252] психологический настрой на исполнение деятельности [161], состояние, связанное со специальной подготовкой, приобретенным опытом [39; 229]; состояние готовности к деятельности [363; 399]; предпосылка к эффективному выполнению профессиональной деятельности [281].

Анализируя все многообразие проявлений психологической готовности к деятельности, Р. Д. Санжаева полагает, что можно выделить несколько форм готовности, таким, как: установка; готовность личности к трудовой деятельности; предстартовое состояние в спорте; готовность к выполнению боевой задачи; состояние бдительности [363].

Исходя из временных характеристик, можно выделить три вида готовности: заблаговременную готовность, связанную с предстоящим событием и достаточно длительную, временную готовность, связанную с конкретным временным отрезком, проявляющуюся именно в определенный анализируемый момент времени, и ситуативную готовность, определяющую действия в ожидаемой ситуации, с учетом имеющихся условий [161].

При этом долговременная готовность определяется относительно устойчивыми свойствами, характеристиками и качествами личности и обеспечивает потенциальную возможность включения его в какую-либо деятельность. Ситуативная готовность характеризует состояние личности, предшествующее деятельности и определяющее успешность протекания данной деятельности. При этом ситуативная готовность представляет собой реализацию долговременной готовности в данных обстоятельствах. При этом и долговременная и ситуационная готовность содержат следующие компоненты: мотивационный, проявляющийся в стремлении успешно выполнить поставленную задачу, интересе к данной деятельности, желании показать себя с лучшей стороны; познавательный, связанный с пониманием значимости задач, средств их достижения, представление о возможных трудностях; эмоциональный, определяемый чувством ответственности, или неуверенности уверенности в

успехе, воодушевлении; волевой, связанный с умением управлять собой, мобилизоваться на выполнении задачи.

Психологическую готовность к профессиональной деятельности можно рассмотреть с точки зрения функционального и личностно-деятельностного подходов. При этом в рамках функционального подхода готовность можно определить, как кратковременное или долговременное состояние, активирующее психические функции, определяющее способность личности мобилизовать свои психические и физические ресурсы, тогда как в рамках личностно-деятельностного подхода, основные теоретические положения которого были сформулированы Л. С. Выготским, С. Л. Рубинштейном и А. Н. Леонтьевым, готовность представляет собой совокупность тех сторон личности, которые способствуют эффективности деятельности, то есть такое сочетание индивидуальных, личностных и субъективных особенностей, свойств и качеств человека в их целостности, которое обеспечивает ему возможность эффективного выполнения какой-либо конкретной деятельности. [229].

Р. Д. Санжаева определяет психологическую готовность человека к деятельности как интегральное психологическое образование, представляющее «собой проявление психического состояния и устойчивой характеристики личности» [364, с.33], выделяет пятикомпонентную инвариантную структуру психологической готовности, описывает содержание психологической готовности, которая определяется индивидуально-психологическими особенностями субъекта, а также условиями его жизнедеятельности в социокультурной среде и предлагает рассматривать динамику психологической готовности.

По мнению О. М. Краснорядцевой [225], психологическая готовность к профессиональной деятельности содержит установки, как проекции прошлого опыта на данную ситуацию, предшествующие любым психическим проявлениям, мотивационную готовность к осознанию смысла и ценности того, что он делает и профессионально-личностную готовность к самореализации через процесс персонализации. Для нас значение имеет определение данным автором понятия

мотивационная готовность как готовность личности к «трансформации деятельности», и, что еще более важно, готовность к изменению определяющих деятельность мотивов в момент появления значимой информации, способной повлиять на трансформацию данной деятельности [225]. При этом мотивационная готовность к восприятию какой-либо информации связана с некоторым усилием личности, направленным на расширение окружающей ее реальности и действительности. Для такой готовности характерны: поиск информации и источников информации, легкость встраивания новой информации в существующий образ мира, легкость ее принятия и возможность – влияние информации на изменение мышления [227].

Согласно «концепции динамической подструктуры личности» К. К. Платонова, структура готовности, состоит из трех взаимосвязанных аспектов: моральной, психологической и профессиональной готовности [31].

Кроме того, наряду с понятием «готовность к материнству» [143] существует термин «готовность к отцовству», предполагающий обретение социальной зрелости и компетентности, обусловленной экономическими, социальными и психологическими факторами, и представляющий собой установку на рождение, воспитание и содержание ребенка [41]. Выделяют экономическую (финансовую независимость и стабильность), социальную (достижение определенного социального и профессионального статуса), психологическую (связанную с репродуктивной мотивацией и привязанностью к матери ребенка) и физическую (зрелость организма) готовность к отцовству. Психологическая готовность к отцовству связана с формированием сторон личности, определяющих выполнение обязанностей и обязательств, знанием функций отца в семье и роли его в воспитании ребенка; готовности принять на себя ответственность за жизнь и благополучие ребенка [41].

При этом готовность, определяет во многом выполнение деятельности в плане скорости, легкости и точности, и предполагает предначальную, проявляющуюся до начала выполнения деятельности характеристику этой деятельности. В контексте психологической готовности к отцовству правомерно

говорить об установочной готовности, определяемой прошлым опытом личности в данной сфере, и предшествующей реализации отцовских практик; мотивационной готовности к осознанию смысла и ценности отцовства и личностной готовности к самореализации в отцовстве через процесс персонализации. Таким образом, психологическая готовность к отцовству представляет собой совокупность сформированных установок, мотивов и определенных качеств личности, характеризующих способы и варианты интериоризации и экстериоризации отцовской роли мужчиной, детерминированных базисными ценностями личности и реализуемых в отцовских практиках. Актуальность и социальная значимость изучения психологической готовности к отцовству связана с тем, что реализация отцовского поведения может быть решена разными способами и с различным результатом в зависимости от предшествующей готовности. Иначе говоря, реализовать отцовское поведение можно и через деструктивные формы поведения вплоть до жесткого обращения с детьми в целях «воспитания». При этом к определенному возрасту человек становится «готов» к такому поведению даже при отсутствии социальной, личностной или профессиональной зрелости, статуса в обществе или образования. Однако, как было указано выше, когда мы сталкиваемся с проблемой определения отцовского влияния на развитие личности ребенка и самого мужчины, значимость конструктивного, ведущего к личностному развитию и созданию условий для благополучного, гармоничного развития личности, как ребенка, так и взрослого определяет необходимость не только исследовать причины, условия становления и механизмы такого поведения, но и пропагандировать в рамках психологической профилактики девиантного поведения в семье, поддерживать в рамках психолого-педагогического сопровождения семьи. В связи с подобной значимостью не только для конкретного ребенка или семьи, но и в контексте жизни всего социума психологи не находят абсолютно безоценочного термина для описания конструктивного поведения отца в противовес девиантному родительству, и сегодня существуют исследования [532; 533; 597], определяющие характеристики такого

«конструктивного» поведения мужчины по отношению к собственному ребенку, объединенные понятием «ответственное отцовство» [532], предполагающее планирование рождения ребенка, юридическое оформление статуса отца, эмоциональное, физическое и финансовое участие в жизни ребенка, принятие за него ответственности (то есть, некий набор в основном операциональных характеристик).

Исходя из вышесказанного, необходимо отметить, что в практическом смысле нас интересует именно психологическая готовность к «конструктивному», «ответственному» отцовству. При этом нам представляется чрезвычайно важным вопрос об особенностях становления психологической готовности к отцовству: если говорить об установочной готовности, предшествующей любым психическим проявлениям отцовства, то начало ее формирования приходится на дошкольное детство, когда начинают формироваться первые представления о мужской гендерной роли и отцовстве, однако далее эти представления трансформируются и дифференцируются в процессе развития личности. Мотивационная готовность к осознанию смысла и ценности отцовства связана с формированием родительской пары и частично описана в исследованиях W. Miller, посвященных репродуктивной мотивации [612]. Личностная готовность к самореализации в отцовстве в процессе персонализации наиболее позднее образование, однако, некоторые ее компоненты начинают формироваться также в детском возрасте, например, ответственность.

Таким образом, мы можем говорить об этапности становления готовности к отцовству: первый этап обозначения отцовства, формирования представлений об отцовстве, имеющий свою специфику в дошкольный, младший школьный, подростковый и юношеский период – это этап формирования установочной готовности, второй этап осмысления отцовства, переосмысления имеющихся знаний и представлений об отцовстве в период беременности – этап становления мотивационной готовности, и третий этап ценностного осознания отцовства и реализации на этой основе, а также дальнейшего развития стратегии отцовства в

отцовских практиках после рождения ребенка (практический этап) – этап становления личностной готовности.

Таким образом, мы приходим к необходимости определения содержания личностной готовности к отцовству, которая на практическом этапе объединяет установочную и мотивационную готовность, а также определенные способы поведения отца с ребенком. Здесь уместно говорить о том, что на этапах предшествующих отцовской деятельности, происходит становление готовности к отцовству, реализуемой на практике в виде некоей стратегии отцовского поведения. То есть, готовность к отцовству предполагает сформированность конструктивной стратегии отцовского поведения, начало формирования которой приходится на дошкольное детство, сопровождает развитие личности в младшем школьном, подростковом и юношеском возрасте, и реализация которой в период взрослости инициируется готовностью к отцовству, и составляет базу не только для развития личности самого мужчины, но и основу постепенной трансформации самой стратегии отцовства в направлении больше осмысленности.

В итоге, в рамках нашего исследования мы будем говорить о становлении готовности к отцовству, начиная с дошкольного возраста, прослеживать вехи этого становления в младшем школьном возрасте, в подростковом и юношеском периоде развития личности, а также в период ранней взрослости до момента рождения ребенка, а затем уместно говорить уже о реализации психологической готовности к отцовству в рамках конструктивной стратегии отцовства. При этом содержательные характеристики психологической готовности к отцовству получают свое развитие в компонентах стратегии отцовства.

Проблема «стратегичности» поведения личности является междисциплинарной, имеющей определенное осмысление в философии, социологии, антропологии, психологии и педагогике.

Одна из первых попыток научного психологического определения стратегии жизни или жизненного пути личности в психологии принадлежит Ш. Бюлер [506]. Проводя аналогию между процессом жизни и процессом истории, она описывала жизнь личности, как ее индивидуальную историю. П.Жане

определял жизнь человека как психическую эволюцию личности, выделял возрастные фазы, как биографические ступени жизненного пути, и описывал биологические, психологические и исторические изменения личности в единой системе координат эволюции личности [164]. Серьезный вклад внесли и концепции А. Адлера [9], Э. Фромма [429], К. Г. Юнга [461], Э. Берна [52].

В современных зарубежных исследованиях содержание жизненных целей часто изучается в связи с уровнем субъективного благополучия [638]. Считается, что конструктивные жизненные цели связаны с направленностью на здоровый образ жизни, успешностью в обучении и меньшей конфликтностью [626]. Получается, что позитивная направленность жизненных целей и стратегий связана с реализацией нравственных ценностей в отношениях, и конструктивным решением конфликта [538]. Р. Эммонс ввел понятие «духовный интеллект» обосновывающее приоритет нравственных ценностей, позитивных социальных целей и целей саморазвития в жизненных стратегиях личности [приводится по 204].

Американская теория самоопределения выделяет две группы жизненных стратегий: 1) преобладание внутренних стремлений [604], 2) преобладание внешних стремлений [586; 654]. Оценка внешних стремлений зависит от других людей, и связана с материальным благополучием, социальным признанием и физической привлекательностью. Внутренние стремления определяются ценностями здоровья, любви, привязанности, служения обществу, личностного роста и их оценка больше зависит от самой личности [271].

Психологическая теория деятельности отечественных ученых Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна А. Н. Леонтьева и Б. Г. Ананьева определяет понимание личности как субъекта деятельности, стремящегося к достижению целей и выстраивающего своим поведением определенный образ жизни. Например, главным определяющим фактором в подходе, изучающем развитие субъекта и его становление как личности, разрабатываемым вслед за С. Л. Рубинштейном [355], выступает активность и творчество личности как организатора и преобразователя своей жизни. С. Л. Рубинштейн выделил этапы

жизненного пути, описал значение каждого этапа и его влияние на последующую жизнь человека [355]. С точки зрения последователей, личность – активный участник процесса жизни, способная вмешаться в него в любой момент [5].

Б. Г. Ананьев добавил к этому обоснование того, что не только условия жизненного пути формируют личность, но сама личность своими поступками определяет свой жизненный путь и, таким образом, «проектирует себя» [21]. Значительный вклад в разработку проблемы субъекта жизни внесли работы А. Н. Леонтьева и его научной школы, рассматривающие личность с точки зрения системно-деятельностного и смыслового подходов [246].

Подробный психологический анализ понятия «жизненной стратегии личности» был осуществлен К. А. Абульхановой-Славской [5]. В своей работе она сущность и основные характеристики стратегий жизни, определила факторы, влияющие на их формирование и реализацию; предложила развернутую типологию стратегий. Согласно К. А. Абульхановой-Славской, наличие и развитость жизненной стратегии является свидетельством того, человек стал субъектом собственной жизни [5].

Значительный вклад в разработку методологии данного направления исследований внесли работы Ю. М. Резник и Т. Е. Резник [346; 347; 348]. В данных работах проведен анализ и интеграция позиций зарубежных и отечественных авторов, работающих в рамках изучения стратегий, определены специфика, механизмы и типы стратегий. Ю. М. Резник и Т. Е. Резник определяют жизненную стратегию личности как динамическую систему «перспективного и долговременного ориентирования автора в будущей жизни, с целью ее преобразования в определенном социокультурном пространстве» [349, с. 13]. И как способ «конструирования жизни в соответствии с установками и представлениями личности» [347, с. 42]. При этом стратегия реализуется в поведении личности через способности, образцы поведения и ресурсы личности [58]. Ю. М. Резник и Е.А. Смирнов выделяют личностное (субъективно-значимое), культурное (объективно-значимое) и социально-организационное (интерсубъектное) измерение стратегий жизни. Каждое измерение имеет свое

выражение в жизненных сценариях, жизненных историях и жизненных планах личности [348].

В психологии жизненные цели и стратегии исследуются в рамках изучения особенностей личности, ее ценностей [466], направленности и мотивации [260], принадлежности к определенной культурной [27; 44; 49] и социальной среде [149, 264; 346], а также в рамках изучения изменения жизненных стратегий в современной российском обществе [49; 264; 271].

М. О. Мдивани и П. Б. Кодесс выделили два основных методических подхода к изучению проблемы стратегий жизни: исследования особенностей планирования времени и изучение иерархии представлений о желательном будущем [271]. В. А. Берковский полагает, что жизненные стратегии можно определить через социальные ориентации (желаемое социальное положение), культурные ориентации (принятие образцов культуры) и личностные ориентации (как представление определенных моментов личной жизни) [50]. По мнению А. А. Белецкой и М. А. Ляховой, основополагающим компонентом в структуре жизненной стратегии личности является ценностный компонент [44; 260]. С ней согласна М. А. Белугина, которая выделяет такие критерии сформированности жизненных стратегий, как: структура образа будущего, наличие структурированных целей на различные жизненные периоды; протяженность временной перспективы и структурированность будущего жизненного пути [49, с. 98]. Кроме того, А. А. Якунин полагает, что жизненные стратегии молодежи содержат объяснение адаптивных способностей молодежи [464].

В настоящее время существует несколько основных исследовательских подходов к типологизации жизненных стратегий: в зависимости от личностной активности/ пассивности [5]; в контексте вопросов жизненного самоопределения и жизненной самореализации [214]; в рамках влияния внешних условий (окружающая среда, ситуации-события, которым вынужден подчиняться человек), и внутренних условий (потенциал личности, рефлексия) развития личности [260]. Актуальным кажется также выделение таких стратегий, как: выбор (selection), оптимизация (optimization) и компенсация (compensation) [477],

выделение стратегии жизненного благополучия, стратегии жизненного успеха и стратегии жизненной самореализации [346], выделение среди жизненных стратегий «стратегий адаптации», «стратегий выживания», «достижительных» и «стоических» стратегий [292] и выделение в качестве критериев сформированности стратегий характера и меры рациональности стратегий; степени адаптации индивида к изменяющимся условиям трансформационного общества, персонального стиля достижения жизненной цели [59], активного типа, активного воздействующего на среду и пассивного типа, пассивно принимающего цели и ориентации ценностных групп [254]. О. С. Васильева и Е. А. Демченко выделяют качественные (жизненные цели и систему ценностей) и количественные (ответственность и осмысленность жизни) характеристики жизненных стратегии [107].

Указывая на взаимосвязь жизненных стратегий с самореализацией личности, М. Р. Плотницкая выделяет два уровня в структуре стратегий: базовые стратегии, включающие ценностно-смысловые основы самореализации (мотивационный компонент) и дифференцирующиеся в зависимости от характера доминирующих жизненных ориентаций личности (обладания-бытия) и показателей самореализации (удовлетворенности и продуктивности); и частные стратегии, определяющие способы их воплощения (операциональный компонент), дифференцирующиеся особенностями самосознания личности, в том числе ее гендерной идентичностью [321].

Л. И. Дементий и В. Е. Купченко [141], рассматривая жизненную стратегию как многокомпонентное и многоуровневое образование, внутри которого частные компоненты организуются в общие блоки, выделяют высший уровень жизненной стратегии, включающий четыре общих компонента: когнитивно-оценочный, мотивационный, регулятивный и результативный. Для нас важно, что личность с оптимальным типом жизненной стратегии сочетает требования социума и собственные потребности и особенности, осознает, что её жизненные этапы взаимосвязаны и составляют единое целое, активна, самостоятельна, её жизненные поступки своевременны и жизнь продуктивна [141].

Однако понятие «стратегии» используется и в более узком смысле как присущие личности стратегии поведения в определенной ситуации. Так, К. Томас и Р. Киллменн, выделили пять основных стилей или стратегий поведения в конфликтной ситуации, среди которых авторы выделяют конструктивные и неконструктивные стратегии поведения [587].

В отечественной психологии также выделяют конструктивные и деструктивные способы реагирования в конфликтных ситуациях [320], стратегии преодоления психологических барьеров [309], стратегии совладания с кризисной ситуацией [415; 417]. Кроме того, исследуются сами стратегии совладания [548], возможности овладения конструктивными стратегиями преодоления трудных жизненных ситуаций [197; 245], и возможность исследовать уровни сформированности конструктивной жизненной стратегии [34]. Считается, что деструктивные стратегии и установки формируется в специфических условиях развития личности, в результате противоречивых ценностей воспитания и низкой активности личности.

Таким образом, психологическое наполнение термина «стратегии» включает в себя определенные способы конструирования жизни в соответствии с установками и представлениями личности. Стратегия строится на ценностях личности, связанных с ее прошлым, но направлена в будущее. Эти характеристики позволяют использовать данный конструкт для описания специфики родительского поведения отца. Так, например, Ю. А. Токарева, изучая особенности воспитательной деятельности отца, определяет стиль воспитания в семье как определенную стратегию воспитания [405].

Если взаимодействие в диаде «отец-ребенок» рассматривать как воспитательную деятельность отца, можно говорить о некоем сознательном конструировании жизни семьи в соответствии с установками и представлениями личности о «правильном» поведении отца (или матери), «правильном», нормативном воспитании ребенка – то есть стратегии родительства.

Тогда личность с оптимальным типом стратегии будет способна гармонизировать требования социума к отцовским функциям и собственные

потребности в родительстве и особенности личности и гендерной идентичности, будет активна, самостоятельна, её жизненные поступки будут своевременны и родительство и жизнь продуктивны.

Введение нового конструкта позволяет преодолеть терминологические сложности в определении отцовства, так как на сегодняшний день нет достаточно четкого и емкого определения отцовства, потому что данный феномен не исчерпывается такими понятиями, как роль, статус, чувства, мотивация, готовность, ценностно-мотивационная или потребностная сфера, самооценка или часть гендерной идентичности мужчины и наблюдается разрыв между исследованиями родительства, как особого качества самосознания человека (внутренней позицией родителя, ценностно-смысловой сферой родительства) и исследованиями родительства, как деятельности, направленной на рождение и воспитание ребенка (воспитательной деятельностью отца, отцовскими практиками).

В этом смысле интересен подход Ю. А. Токаревой, которая определяет отцовство через понятие деятельность [403], что позволяет применить к анализу феномена весь методологический аппарат теории деятельности.

Таким образом, изучая структуру деятельности отца, мы будем говорить о мотивах рождения ребенка (потребностно-мотивационная сфера), озвучиваемых в контексте развития отношений с супругой [644], желанием реализовать себя в ребенке [612], целях (ценностных ориентациях, целеполагании и перспективе – ценностно-смысловая сфера) и действиях (операциональном аспекте отцовства – отцовские практики). При этом наименее изученной в нашей стране является потребностно-эмоциональная сфера, связанная с репродуктивной мотивацией мужчины, его принятием отцовства, как элемента мужской роли, родительскими чувствами мужчины [38, с. 56].

В рамках теории деятельности правомерно говорить о стратегии отцовства конкретного мужчины, определяемой как динамическая, процессуальная характеристика интериоризации и экстериоризации всех компонентов структуры и содержания отцовства мужчиной. Так, например, Л.Олсон и С. Б. Адоньева

описывают изменения в традиционной расширенной семье, возникающие с рождением ребенка, институализированные в обряде посвящения, который «вменял новые интерпретационные, ментальные и поведенческие стратегии его участникам. Эти стратегии необходимы, чтобы участники события – матери, отцы, бабушки, дедушки – могли усвоить свои новые социальные роли» [307, с. 232].

То есть, стратегии отцовства представляют собой способы конструирования жизни отца и ребенка (а во многом и матери) в соответствии с личностными установками и представлениями отца об отцовстве, имеющие свою структуру и содержание, критерии сформированности, определяемые через социальные, культурные и личностные ориентации личности (сформированные микро-, мезо- и макрофакторами среды), имеющие различную вариативность.

По нашему мнению, на основе анализа существующих теоретических моделей и эмпирических исследований различных аспектов отцовства в структуре стратегии отцовства можно выделить внутренние (интрапсихические), такие, как: принятие гендерной роли отца и ценностные характеристики, как необходимое условие формирования внутренней позиции родителя (представляющих собой ценностно-смысловой и частично потребностно-эмоциональный блок в структуре родительства, согласно идеям Г. Г. Филипповой, когнитивный уровень родительства согласно концепции Р. В. Овчаровой и когнитивный и мотивационный компонент родительства согласно С. А. Абдуллиной), внешние (экстрапсихические), проявляющиеся во взаимодействии супругой (то, что Р. В. Овчарова называет надындивидуальным уровнем родительства) и с ребенком и во внешних операциональных характеристиках отцовства – отцовских практиках и поведении (частично операциональный блок в структуре родительства, согласно идеям Г. Г. Филипповой, поведенческий уровень родительства согласно концепции Р. В. Овчаровой и поведенческий компонент родительства согласно С. А. Абдуллиной) и характеристики, определяющие взаимодействие интра- и экстрапсихических характеристик стратегии отцовства – интерпсихические характеристики, которые частично могут быть описаны в терминах составляющих

потребностно-эмоциональный блок в структуре родительства, согласно идеям Г. Г. Филипповой, эмоциональный уровень родительства согласно концепции Р. В. Овчровой и эмоциональный компонент родительства С. А. Абдуллиной, но помимо этих характеристик включающие также рефлексивность, эмоциональное отношение, саморегуляцию, связанные со зрелостью личности родителя.

Совокупность взаимосвязанных интрапсихических характеристик, таких как: принятие гендерной роли отца (включающее половое самосознание, гендерную идентичность, принятие отцовской роли) и ценностные характеристики (система ценностных ориентаций личности, ценность отцовства, ценностное отношение к ребенку, нравственное развитие, ответственность) определяет аксиологический компонент стратегии отцовства.

Интерпсихические характеристики, включающие рефлексивность (самопознание, автономность, рефлексивность и эмпатию), саморегуляцию (определяемую такими характеристиками, как: гибкость, спонтанность, самостоятельность, контактность, креативность и уровень субъективного контроля), связанные с биологической, трудовой, умственной, эмоциональной, социальной, и психологической зрелостью личности объединяются в рефлексивно-регулятивный компонент стратегии отцовства.

Экстрапсихические характеристики, проявляющиеся во взаимодействии супругой (поведение мужчины, супружеские взаимоотношения и со-родительство) и в отцовских практиках (поведение отца, самореализация как родителя, взаимоотношения с ребенком) составляют праксиологический компонент стратегии отцовства (Рисунок 1.3.1).

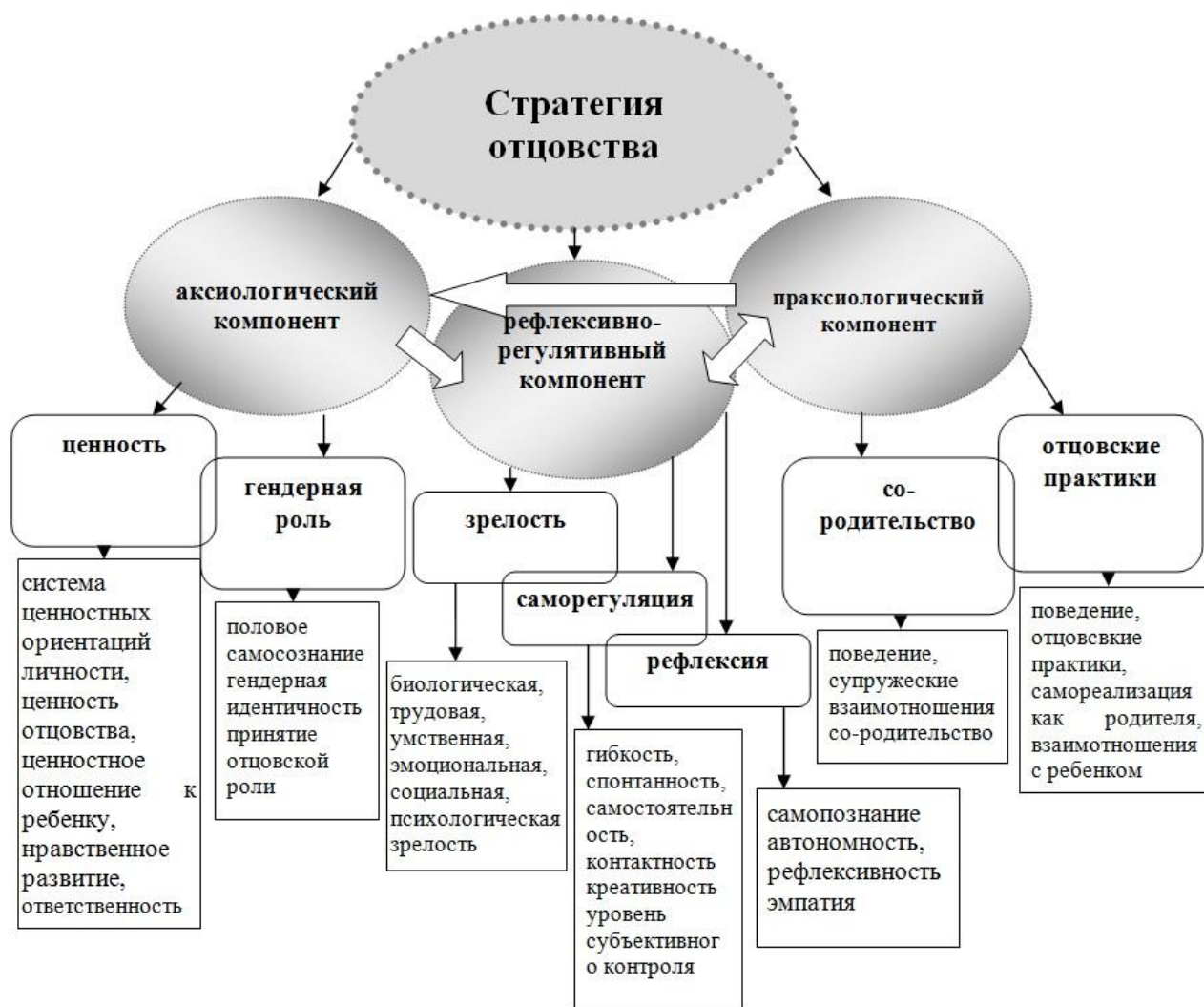

Рисунок 1.3.1. – Содержание компонентов стратегии отцовства

Анализ обширной литературы, посвященной отцовству и отцовским практикам, проведенный в предыдущих параграфах, позволяет сделать вывод о том, что стратегия отцовства определяется принятием своей гендерной роли, принятием отцовской роли, зрелостью личности, ответственностью по отношению к собственному здоровью, поведению, отцовству, что позволяет сформировать ценность отцовства, ценностное отношение к ребенку и кооперационное отношение к супруге, как партнеру родительства. При этом конструктивность стратегий взаимосвязана с принятием своей гендерной роли, ответственностью и ценностью отцовства, со зрелостью личности, развитой саморегуляцией и рефлексией, реализующихся в позитивных отцовских практиках.

Специфика отцовских практик, которая освещается во многочисленных работах, посвященных ответственному отцовству, таких авторов, как: W. Doherty [531], D. J. Eggebeen [533], W. E. Fthenakis [550], M. Lamb [597], J. Pleck [631] и проблемам девиантного отцовства и жестокого обращения с детьми (J. Belsky [484], E. Friedman, S. B. Billick [547]) позволяет выделить внутри содержания всех стратегий отцовства четкую дихотомию, два полюса: положительный, связанный с личностным развитием (в иностранной и переводной литературе называемый «ответственное» отцовство), что соотносится с постулатами Р. Эммонса о приоритете нравственных ценностей, позитивных социальных целей и целей саморазвития в жизненных стратегиях личности [539]) и отрицательный, связанный с отрицанием роли отца, отказом от выполнения отцовских функций («безответственное» отцовство). На наш взгляд определение отцовства через термин «ответственное» отцовство не исчерпывает всей широты проявления феномена. Введение термина стратегии отцовства позволяет преодолеть терминологические сложности разграничения понятий «ответственное», «вовлеченное», «новое» отцовство. В русском языке, так же как и в английском, дихотомия «ответственный – безответственный» предполагает оценку, причем в случае «безответственного отцовства» это оценка личности отца и его поведения (т. к. в отечественной литературе «ответственность» отцовства в первую очередь связывают с реализацией отцовских практик). Определение всей совокупности проявлений отцовства у конкретного мужчины через термин «стратегия» позволяет преодолеть противоречие между внутренними и внешними проявлениями отцовства конкретного человека. При этом, описание в терминах «конструктивный – неконструктивный», несмотря на также имеющуюся некоторую оценочность, предполагает возможность изменения, смены неконструктивных способов поведения более конструктивными. Ответственность или неответственность (безответственность) отцовства связана не только выбором самого отца (хотя это подразумевается в первую очередь), но и с особенностями гендерной идентичности, личностной зрелостью или незрелостью, развитостью саморегуляции и рефлексии, отношением с собственным отцом, отношениями с

супругой – матерью ребенка и влиянием других факторов. В этом смысле нам представляется терминологически и лингвистически более верным использовать для описания этих двух крайностей отцовства понятий конструктивной и неконструктивной стратегии отцовства. Однако неправомерно говорить о наличии только двух противоположных стратегий. Скорее можно говорить о некоем наборе стратегий внутри континуума между крайними полюсами. Например, в общем, конструктивные стратегии отцовства связаны со сформированностью гендерной идентичности, принятием своей гендерной роли, принятием отцовской роли, ценностью отцовства, нравственной зрелостью личности, ценностным отношением к ребенку, ответственностью, а также настроенностью на позитивные, партнерские отношения с супругой. При этом неконструктивные стратегии отцовства определяются несформированностью гендерной идентичности, непринятием своей гендерной роли, непринятием отцовской роли, отсутствием ценности отцовства, личностной незрелостью, слабой ответственностью, отсутствием ценностного отношения к ребенку. Такое поведение часто порождает не только проблемы в детско-родительских, но и в супружеских отношениях.

Однако выраженность этих параметров в каждом конкретном случае может быть различная. То есть конструктивные стратегии маскулинных, андрогинных или феминных мужчин, мужчин, выросших в полной или неполной семье [37, 142], мужчин состоящих в браке или в разводе, биологических отцов или отчимов будут значительно отличаться.

При этом необходимо помнить, что стратегия отцовства не является статичным образованием, но представляет собой динамический процесс интериоризации и экстериоризации отцовской роли мужчиной, то есть органично включена в его жизнедеятельность, связана с его возрастными-психологическими особенностями, его социальной ситуацией развития личности, опытом взаимоотношений с собственным отцом, опытом и удовлетворенностью супружескими отношениями.

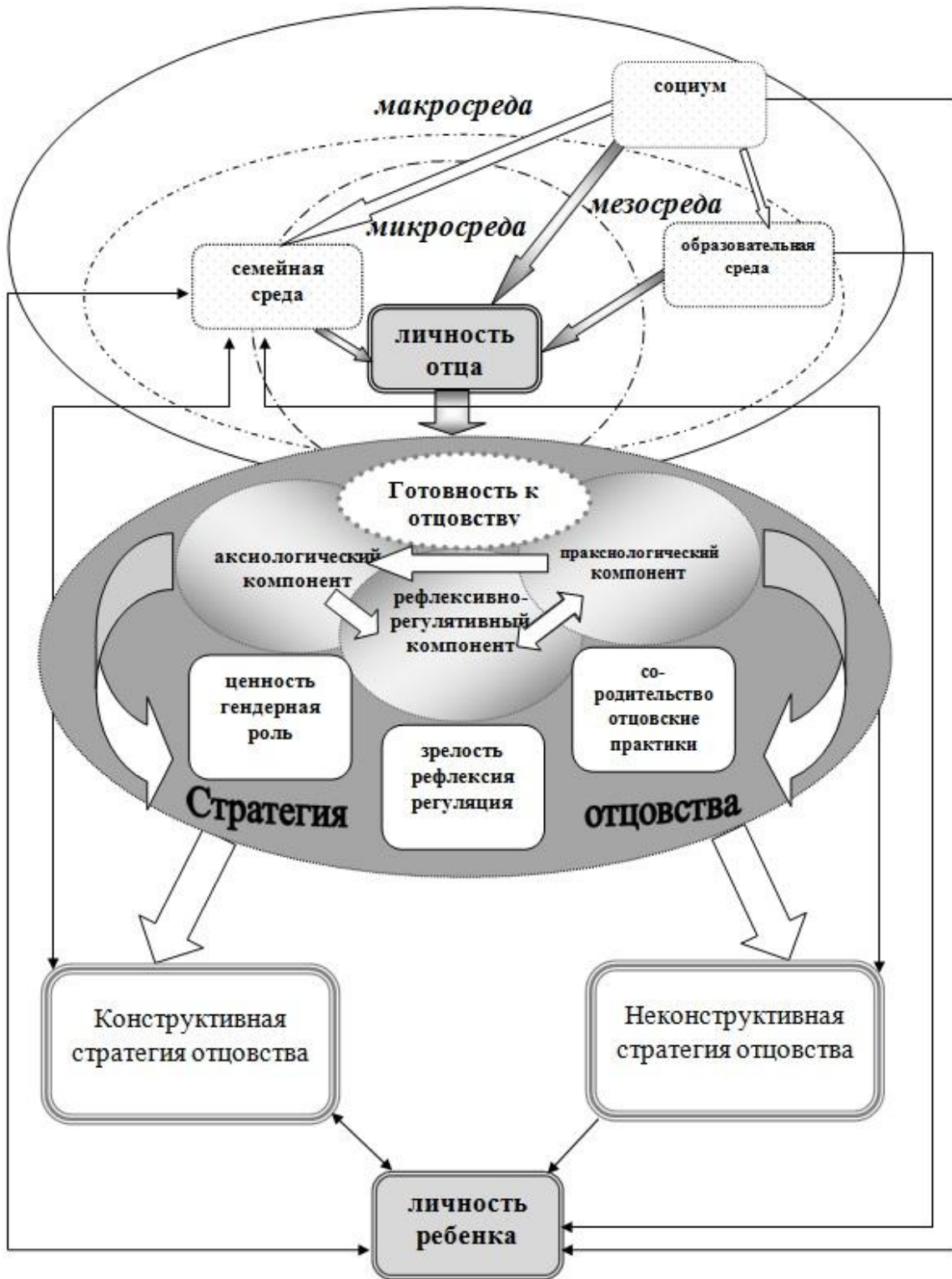

Рисунок 1.3.2. – Структурно-функциональные характеристики психологической готовности к отцовству

Таким образом, стратегия отцовства открыта к социальным влияниям, определяющимся состоянием окружающего социума, то есть макрофакторов среды, мезофакторов (включающих, образовательную среду) и микрофакторов

среды (как, например, происходит в случае отсутствия отцовского воспитания у самого мужчины-отца или его развода с супругой) и, в свою очередь, определяет, изменяет окружающую действительность (например, согласно данным W. Doherty [532], при большом желании общаться с ребенком нерезидентный отец может постепенно преодолеть психологическое сопротивление матери и(или) бабушки его присутствию в жизни ребенка и выработать общую стратегию воспитания). Таким образом, важнейшим свойством стратегии отцовства, как показано на Рисунке 1.3.2., является ее постоянное саморазвитие.

Теоретический анализ позволяет определить, что стратегия отцовства, как динамический процесс интериоризации и экстериоризации отцовской роли мужчиной, представляет собой многокомпонентное и многоуровневое образование, которое обладает качественными и количественными характеристиками. К качественным характеристикам относятся типы стратегии отцовства: конструктивная и неконструктивная стратегии отцовства. Количественные характеристики включают в себя частные компоненты, которые организуются в общие: равнозначные аксиологический, рефлексивно-регулятивный и праксиологический компоненты стратегии отцовства.

Аксиологический компонент стратегии отцовства включает в себя гендерные характеристики, определяемые половым самосознанием, гендерной идентичностью, принятием отцовской роли, и ценностные характеристики – систему ценностных ориентаций личности, ценность отцовства, ценностное отношение к ребенку, нравственное развитие, ответственностью по отношению к собственному здоровью, поведению, отцовству, что позволяет сформировать и кооперационное отношение к супруге, как партнеру родительства.

Рефлексивно-регулятивный компонент стратегии отцовства включает рефлексию (самопознание, автономность, рефлексивность и эмпатию), саморегуляцию (определяемую такими характеристиками, как: гибкость, спонтанность, самостоятельность, контактность, креативность и уровень субъективного контроля) и определяется зрелостью личности, социальной компетентностью, самодисциплиной, произвольностью, самостоятельностью,

биологической, трудовой, умственной, эмоциональной, социальной и психологической зрелостью.

Праксиологический компонент стратегии отцовства: будет включать в себя реализацию внутренних характеристик стратегии отцовства в поведении (в том числе гендерно-типичном поведении) и отцовских практиках, самореализацию как родителя, и обобщенное чувство, отражающее степень соответствия желаемого и достигнутого во взаимоотношениях с ребенком, во взаимодействии супругой (супружеские взаимоотношения и со-родительство). При этом окончательно праксиологический компонент формируется последним уже во взаимодействии с ребенком.

Опираясь на описанные выше характеристики стратегии отцовства, мы полагаем, что все три компонента взаимовлияют друг на друга и являются равнозначными в контексте реализации стратегии отцовства. Отправной точкой поведения является аксиологический компонент, определяющий ценностно-смысловое содержание и гендерный диапазон поведения, связанные с личностной зрелостью и проявляющиеся в поведении, которое в свою очередь может создавать условия для развития аксиологического и рефлексивно-регулятивного компонентов (Рисунок 1.3.2.). Элементы стратегии отцовства формируются, начиная с дошкольного возраста, и составляют наполнение компонентов психологической готовности к отцовству.

При этом мы рассматриваем стратегию отцовства как результат формирования психологической готовности к отцовству. На протяжении всего периода детства и взросления происходит формирование психологической готовности к отцовству, реализация которой приходится на период взаимодействия с собственным ребенком в виде реализации определенной стратегии отцовства. Зная специфику стратегии отцовства, мы можем проследить этапы развития отдельных ее компонентов или их содержательных характеристик, начиная с дошкольного возраста. При этом мы предполагаем определенную содержательную преемственность, то есть, компоненты психологической готовности в процессе становления консолидируются в компоненты стратегии

отцовства. Тогда уместно говорить о трех содержательных компонентах готовности к отцовству, которые в практической деятельности реализуются в стратегии отцовства мужчины-отца. То есть на этапе обозначения и осмысления отцовства мы анализируем аксиологический, рефлексивно-регулятивный и праксиологический компоненты готовности к отцовству, которые после рождения ребенка реализуются в описанных выше компонентах стратегии отцовства. Для нас важно, что на первых двух этапах данные компоненты находятся в стадии становления, когда происходит формирование их содержательных характеристик, так, начало формирования аксиологического компонента готовности к отцовству определяется появлением первых гендерных характеристик личности, связанных со становлением полового самосознания и нравственных норм в дошкольном возрасте, становлением гендерной идентичности и ответственности по отношению к собственному здоровью и поведению в подростковом и юношеском возрасте и принятием гендерной роли и становлением системы ценностных ориентаций личности в период ранней взрослости. Рефлексивно-регулятивный компонент готовности к отцовству начинает формироваться в рамках саморегуляции личности, затем при развитии рефлексии, формируется возможность отношения к собственному поведению и саморегуляции, что в период взрослости определяет зрелость личности. Практиологический компонент готовности к отцовству, начиная с дошкольного возраста, проявляется в гендерно-типичном поведении и включает ответственное поведение в период юности и взрослости.

Таким образом, к периоду взрослости формируется психологическая готовность к отцовству, которая в рамках реальной ситуации взаимодействия может реализоваться в определенной стратегии отцовства. Для нас в контексте психологического благополучия семьи, ребенка и самого отца представляется чрезвычайно важным, чтобы к периоду взрослости сформировалась психологическая готовность к отцовству, которая в рамках реальной ситуации взаимодействия может реализоваться в конструктивной стратегии отцовства

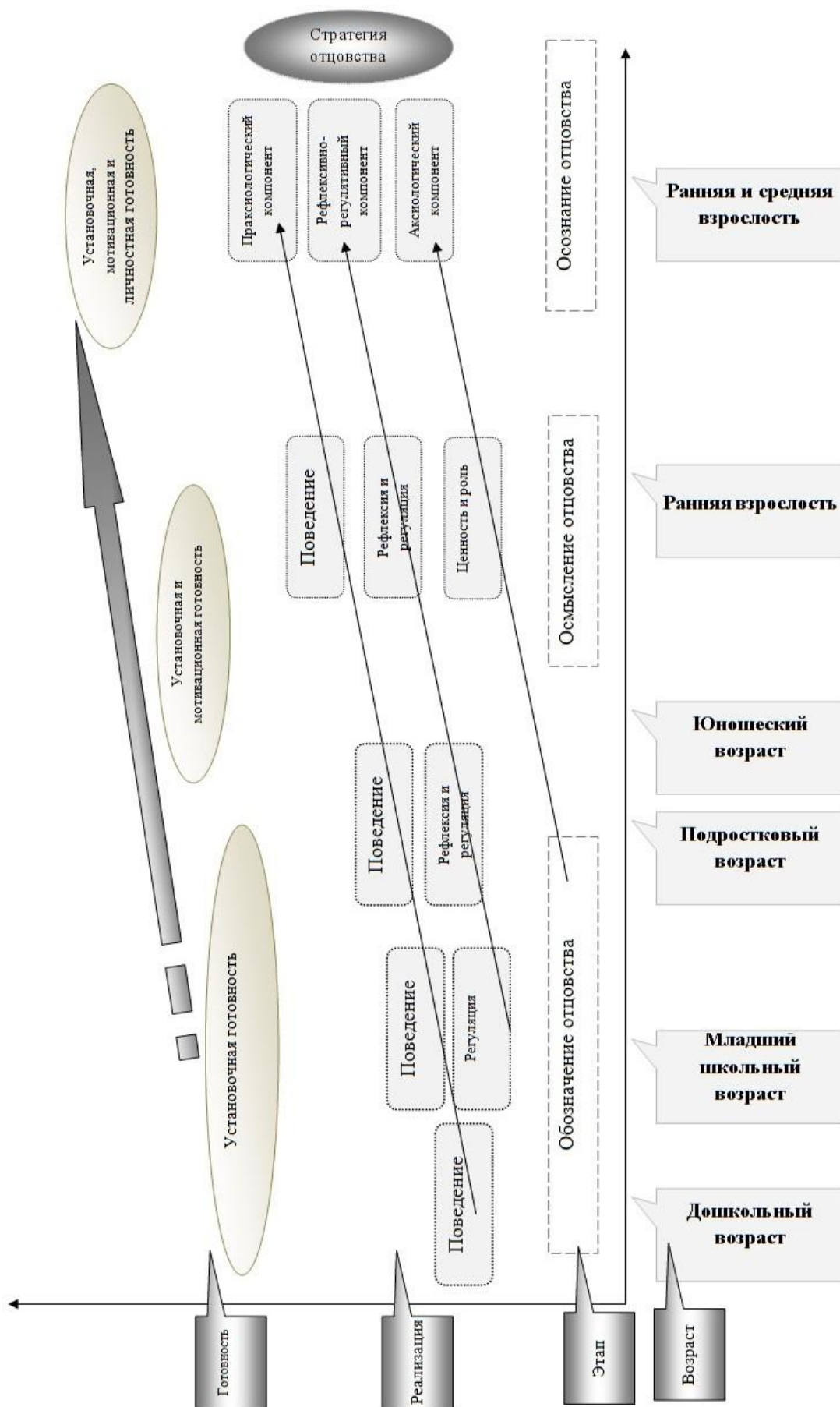

Рисунок 1.3.3. – Модель становления психологической готовности к отцовству

При этом становление готовности к отцовству – это процесс, в рамках которого происходит развитие и формирование отдельных элементов конструктивных стратегий отцовства, как показано на Рисунке 1.3.3., происходящий поэтапно, начиная с дошкольного возраста, включая: этап обозначения отцовства (формирование представлений об отцовстве), этап осмысления отцовства (переосмысление имеющихся знаний и представлений об отцовстве в период беременности) и этап ценностного осознания отцовства и реализации на этой основе, а также дальнейшего развития стратегии отцовства в отцовских практиках после рождения ребенка.

Нарушения в любом из этапов становления готовности к отцовству приведут к трудностям формирования конструктивной стратегии отцовства, однако выявление затруднений в конкретном компоненте стратегии отцовства позволит сделать практическую работу с отцами более эффективной и адресной. Кроме того, для практической деятельности психологов и педагогов то, что отцовство является открытой системой взаимоотношений, является важнейшей его характеристикой и позволяет осуществлять определенное психолого-педагогическое воздействие на поведение отца. Мы не можем воздействовать на всю личность, не можем изменить историю личности и ее родительскую семью, но, имея критерии конструктивности стратегий отцовства, мы можем разрабатывать программы психологической помощи семье, отцу или ребенку, направленные на работу с ценностно-смысловой сферой личности, сформированностью гендерной идентичности и ответственностью отцовства. При этом такая работа может быть необходима не только мужчинам, готовящимся или уже ставшим отцами. Становление готовности к отцовству, в рамках которого начинают формироваться отдельные элементы конструктивных стратегий отцовства, связано с условиями развития личности мужчины, начиная с самого раннего возраста, так Г.Г Филиппова и С. А. Абдуллина постулируют, что «по аналогии с тем, как внутренняя позиция школьника формируется до фактического поступления ребенка в школу и является итогом благополучного развития дошкольника, так ... к моменту вступления в актуальное родительство у человека

уже существует определенная внутренняя позиция родителя, которая отражает его предварительную готовность к родительской деятельности и будет преобразовываться в процессе реального освоения родительства» [2, с.126]. В своем исследовании Г. Г. Филиппова и С.А. Абдуллина обнаружили элементы внутренней позиции родителя у детей младшего школьного и подросткового возраста. При этом исследование показало недостаточный уровень сформированности этих элементов у значительной части детей младшего школьного возраста в современных условиях. У подростков была обнаружена другая особенность: дети, имевшие младших сиблингов, демонстрировали более высокий уровень сформированности родительской позиции [2]. Согласно нашей концепции становление психологической готовности к отцовству начинается с формирования элементов аксиологического, рефлексивно-регулятивного и праксиологического компонентов, так как формирование гендерной идентичности, некоторых аспектов ценностно-смысловой сферы, ответственности и нравственных характеристик, особенностей саморегуляции личности начинается в дошкольном возрасте.

Выводы

Современные психологические исследования определяют, что отец играет важнейшую роль в социальном, интеллектуальном, эмоциональном развитии, полоролевой идентификации ребенка и усвоении им моральных норм. Специфика отцовства по сравнению с материнством состоит в уникальности вклада отца в социализацию ребенка, в меньшей биологической и большей социальной и семейной детерминированности отцовства по сравнению с материнством при одновременной нечеткости ролевых ожиданий относительно отцовской роли, и

зависимостью степени вовлеченности в жизнь ребенка от степени вовлеченности матери в жизнь ребенка.

При этом отцовство конкретного мужчины определяется его прошлыми и настоящими взаимоотношениями с собственным отцом, который предоставляет модель ролевого поведения мужчины и с настоящими взаимоотношениями с супругой, в которых эта модель реализуется, оценивается и трансформируется.

Принятие роли отца определяет успешность выполнении этой роли, однако, несмотря на то, что осознание себя отцом происходит преимущественно после рождения ребенка, различные аспекты принятия ребенка и себя как отца начинают складываться еще задолго до непосредственного взаимодействия с ребенком в рамках становления психологической готовности к отцовству, представляющей собой совокупность сформированных установок, мотивов и определенных качеств личности, характеризующих способы и варианты интериоризации и экстериоризации отцовской роли мужчиной, детерминированных базисными ценностями личности и реализуемых на практике в конструктивной стратегии отцовства.

Структура психологической готовности к отцовству определяется следующими содержательными характеристиками: аксиологический (включающий принятие гендерной отцовской роли, зрелость личности, ответственностью по отношению к собственному здоровью, поведению, отцовству, ценность отцовства, ценностное отношение к ребенку и кооперационное отношение к супруге, как партнеру родительства), рефлексивно-регулятивный (включающий личностную зрелость, рефлекссию и саморегуляцию) и праксиологический (характеризующий поведение и/или отцовские практики) компоненты.

Стратегии отцовства представляют собой совокупность способов конструирования жизни отца и ребенка (а во многом и матери) в соответствии с установками и представлениями отца об отцовстве, имеющую трехкомпонентную структуру и содержание, критерии сформированности, определяемые через социальные, культурные и личностные ориентации личности (сформированные

микро- мезо- и макрофакторами среды). При этом конструктивность стратегий взаимосвязана со зрелостью личности, высоким уровнем саморегуляции и развитой рефлексией, принятием своей гендерной роли, ответственностью и ценностью отцовства.

Становление готовности к отцовству представляет собой процесс поэтапного формирования качеств личности, характеризующих способы и варианты интериоризации и экстериоризации отцовской роли мужчиной, происходящий в системном единстве с общей и гендерной социализацией личности, определяющей возможности психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству. Это процесс, в рамках которого происходит развитие и формирование отдельных элементов конструктивных стратегий отцовства, происходящий поэтапно, начиная с дошкольного возраста, включая: этап обозначения отцовства (формирование представлений об отцовстве), этап осмысления отцовства (переосмысление имеющихся знаний и представлений об отцовстве в период беременности жены) и этап ценностного осознания отцовства и реализации на этой основе, а также дальнейшего развития стратегии отцовства в отцовских практиках после рождения ребенка.

Кроме того, для практической деятельности психологов и педагогов, открытость отцовства к социальным влияниям является важнейшей его характеристикой и позволяет осуществлять определенное психолого-педагогическое воздействие на поведение отца. При этом такая работа может быть необходима не только взрослым мужчинам, готовящимся или уже ставшим отцами, но и мужчинам и мальчикам в более ранних возрастах, так как становление предпосылок психологической готовности к отцовству начинается в дошкольном возрасте.

ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ, УСЛОВИЯ И ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ОТЦОВСТВУ

2.1. Содержательные характеристики и детерминанты становления компонентов психологической готовности к отцовству

Определяя содержательные характеристики и детерминанты становления компонентов психологической готовности к отцовству, мы не можем обойти вниманием проблему ценностно-смыслового содержания отцовства (как основы аксиологического компонента психологической готовности к отцовству), так как именно ценностно-смысловая сфера задает параметры личностного развития [466].

Система ценностных ориентаций, рассматриваемая как внутренняя основа отношения личности к действительности [345], определяет целеполагание в деятельности личности [21]. В психологии развития формирование и эволюция смысловых систем личности рассматривается в качестве движущей силы личностного развития [221]. В психологии понятие «ценность» по разному определяется и имеет различное значение в зависимости от научного направления. В психоанализе ценности личности формируются через суперэго, включающее модели суперэго родителей конкретного человека, которые, таким образом, выполняют функцию передачи традиций и ценностей, от поколения к поколению [378]. Согласно Э. Фромму, можно выделить две большие группы ценностей, присущих человеку: а) осознанные официально признанные, декларируемые (религиозные и гуманистические) ценности и б) действительные, неосознаваемые ценности, связанные с социальной системой [429]. При этом

каждая группа структурирована и иерархизирована. Конкретизируя источники происхождения ценностей личности Д. Рисмен [352] определяет внешний (среде) или внутренний (личность) характер их происхождения. Значительный вклад в изучение понятия «ценность» внесли идеи Э. Шпрангера [452], полагавшего, что основой личности является ценностная ориентация, являющаяся результатом общей ценностной ориентации человечества, благодаря которой личность познает мир [452].

Психологи гуманистического направления анализировали не только типы или варианты ценностей, но и их регулятивную роль в поведении личности [354, с. 46]. Весомый вклад в изучение специфики ценностей внес В. Франкл, описывая ценность как смысловую универсалию, сформированную в результате обобщения типичных ситуаций, с которыми человечество сталкивалось в истории [427]. Он выделяет три группы ценностей: 1) ценности творчества – естественные и важные, но не необходимые ценности, реализуемые через труд; 2) ценности переживания, включающие, согласно В. Франклу, любовь и ценности отношения, которые определяют осмысленное отношение к боли, вине и смерти [427].

Итак, ценностные ориентации исследуются в основном в рамках концепций мотивации либо описания мировоззрения личности. М. Рокич, учитывая это, определяет ценности как: «... устойчивое убеждение в том, что определенный способ поведения или конечная цель существования предпочтительнее с личной или социальной точек зрения, чем противоположный или обратный способ поведения...» [цит. по 249; с. 4; 639]. М. Рокич выделяет два класса ценностей: а) терминальные ценности – это самоценности, убеждения в том, что данная цель индивидуального существования настолько значима, что стремление к ней представляется аксиомой [приводится по 657]; б) инструментальные ценности – это ценности-средства, инструменты для достижения терминальных целей, с ними связаны убеждения в том, что какой-то образ действий является предпочтительным в любых ситуациях [378]. Терминальные ценности более устойчивы и менее вариативны.

В отечественной психологии изучение понятия ценность имеет глубокие

методологические и теоретические предпосылки, так как в качестве ведущей личностной характеристики вне зависимости от основного подхода к личности, выделяется направленность, как смыслообразующий мотив [246], основная жизненная направленность [21], динамическая тенденция [355], либо как доминирующие отношения [290], или как системообразующее свойство личности, определяющее ее психологический склад [255].

Б. Г. Ананьев полагал, что ценностные ориентации – важнейшее звено в комплексном изучении личности и закономерностей ее развития [21]. По мнению С.Л. Рубинштейна, ценности также связаны с отношениями мира и человека, определяя значимость объекта для человека [355]. Согласно А. Г. Здравомыслову, ценности представляют собой связующее звено между обществом, социальной средой и внутренним миром личности [177]. Ш. А. Надирашвили, связывает ценностные ориентации с волей, так как волевая активность личности регулируется ценностными ориентациями [291]. Согласно с ним и Н. Ф. Наумова, описывающая ценностные ориентации как один из механизмов целеполагания. По ее мнению, ценности определяют выбор альтернатив действия (целей и средств), регулируя, таким образом, деятельность человека [293]. Л. Н. Антилогова, изучая нравственное сознание личности, полагает, что в качестве его ядра выступают нравственные убеждения и ценности [24], при этом его содержанием являются нравственные качества личности, ее способности и мотивы, теснейшим образом переплетенные друг с другом [23].

Соответственно, ценностные ориентации играют решающую роль в саморегуляции поведения, что подтверждено исследованиями [приводится по 378]. Это справедливо, как в самом широком смысле в рамках регуляции любой деятельности и выбора способа действий человека, так и в узком смысле в контексте изучения регулирующей функции ценностно-смыслового компонента отцовства [372].

Изучение понятие смысла также имеет длительную историю в рамках гуманитарных наук, равно, как и в психологии. З. Фрейд использовал данное понятие, предполагая, что какой-то конкретный акт осмыслен, то есть значим для

человека в силу того, что он замещает собой другой репрессированный в силу различных обстоятельств психический акт, который связан с лежащей в основе данного акта подлинной интенцией, порожденной побудительным мотивом на основе желания, связанного с аффективным переживанием детства или просто более раннего периода в жизни данного человека. А. Адлер, развивает концепцию смыслов, постулируя, что люди живут в мире смыслов, связывающих людей в некое единство. Смысл любого действия, слова или даже жизни человека всегда связан и реализуется в контексте отношений с другими людьми [9]. Согласно, К. Г. Юнгу нахождение смысла является неотъемлемой потребностью человека и важнейшей задачей развития личности [461].

В отечественной психологической традиции вслед за введением Л. С. Выготским дихотомии «смысл-значение», проблема смыслов трактуется в контексте проблемы строения человеческого мышления и сознания. Однако подлинное раскрытие проблемы смысла в отечественной психологии начинается с работ А. Н. Леонтьева, который не только определяет понятие смысла через отношение, возникающее вместе с возникновением психического отражения действительности, но и описывает психическую деятельность как осмысленную, то есть подчиняющуюся этому отношению деятельность [246]. Учитывая, что динамика смысла, согласно Д. А. Леонтьеву, связана с динамикой деятельности субъекта, его важнейшей чертой является неустойчивость, изменчивость. Таким образом, смыслообразование – это процесс распространения смысла от ведущих, смысловых структур к частным, реализующимся в конкретной деятельности [248].

Конкретизируя анализ смысловой системы личности, А. В. Серый указывает, что первым уровнем выступает уровень биологически обусловленных смыслов, возникающих на базе ощущений и обуславливающих функционирование организма. Это – «доличностный» уровень, включающий неосознаваемые предсмыслы, позволяющие выстроить ощущение реальности и первичное разделение «Я» и «не Я», являющийся базой для возникновения потребностей и мотивов [376]. Второй уровень слабо осознан, включает

отражающие потребностную сферу личности. На третьем уровне находятся личностные смыслы, опосредующие жизнедеятельность личности, выступающие в виде ценностных ориентаций личности, служащие для целей интегрирования личности в новые условия социальной жизни [377]. Четвертый уровень включает смысло-жизненные отношения человека, вступающие как целостное восприятие человеком своей жизни, характеризующиеся концептуализацией, терпимостью к неопределенности, объективностью, выстроенной временной перспективой. Идентичность личности как субъекта жизни связана с принятием ответственности за собственную жизнь. При этом система личностных смыслов находится в непрерывной динамике в связи с изменением личности и самой действительности [375].

Оперируя понятием смысл, необходимо разграничить понятия личностный смысл, смысловая установка, мотив, смысловая диспозиция, смысловой конструкт, ценности личности. Собственно личностный смысл, связан с образами восприятия и представления объектов и явлений действительности, через отражение их жизненного смысла для субъекта [248]. В рамках психологии отцовства уместно говорить о личностном смысле отцовства. Понятие «смысловая установка» отражает жизненный смысл явлений действительности, на которые направлена деятельность личности, проявляющаяся в стабилизирующем, отклоняющем или дезорганизирующем влиянии на деятельность [32; 248]. Установка во многом определяет готовность (при стабилизирующем влиянии) или неготовность (при остальных формах проявления) к отцовству. Мотив определяет смысловую регуляцию отдельно взятой деятельности [248]. Таким образом, применительно к отцовству уместно говорить не только о репродуктивной мотивации, но и мотивах каждой деятельности в рамках взаимодействия с ребенком: воспитательной деятельности отца, общения и т.д.

Смысловая диспозиция представляет собой отношение к явлениям действительности, имеющим для человека устойчивый жизненный смысл, и определяющее личностно-смысловую и установочно-смысловую регуляцию деятельности [248]. Таким образом, смысловая диспозиция по отношению к

отцовству определяет отцовские практики на протяжении всей жизни мужчины. Смысловой конструкт представляет собой категориальную шкалу, связанную с образом мира личности, позволяющую дифференцировать явления действительности по значимости и присваивать, таким образом, им соответствующий жизненный смысл [248]. Смысловые конструкты определяют значимость и место собственного отцовства в жизни мужчины.

Личностные ценности представляют собой смысловые компоненты мировоззрения, усваиваемые в процессе социализации личности через интериоризацию групповых и общекультурных ценностей [248]. Для нас представляет значительный интерес механизм, процесс и результат включения отцовства в систему личностных ценностей.

В отечественных исследованиях проблема ценностно-смыслового наполнения отцовства изучается в двух аспектах: изучение особенностей ценностных ориентаций мужчин с различным опытом отцовства и ценностно-смысловое сопровождение ответственного отцовства. Первое направление представлено интересными новыми работами отечественных авторов, такими, как: исследование проблемы выделения ценностно-смысловых аспектов психолого-педагогической деятельности отца [91; 92], самоотношения у молодых мужчин с несформированной личностно-смысловой сферой отцовства [239], ценностные ориентации мужчин, ожидающих появления ребёнка [93], особенности ценностных ориентаций мужчин-отцов с разными родительскими установкам [92], ценность отцовства для современных мужчин [330]. Кроме того, изучаются проблемы влияния семейной системы на ценностное отношение к ребенку [329; 331; 532; 630] и субъективные характеристики личности отца [350].

Проблемы ценностно-смыслового сопровождения ответственного отцовства гораздо менее изучены. Так как реализация отцовских функций связана с личностным принятием, интернализацией роли отца конкретным мужчиной [78], ценностно-смысловой сферой мужчины [91], мы можем говорить о том, что формирование ценностного отношения к отцовству, включение отцовства в систему ценностей личности определяет реализацию психологического

компонента стратегии отцовства. Учитывая этот момент, формирование конструктивных стратегий отцовства у мужчин может быть рассмотрено в качестве профилактики социальных рисков развития ребенка, в том числе «ухода» отца из жизни ребенка, отсутствия заботы, в том числе финансовой о будущем ребенка, девиантного отцовства [328].

Таким образом, аксиологический компонент отцовства помимо гендерной роли включает в себя такие ценности, как: ценность любви (супружеской и родительской), дружбы с ребенком, развития (через поддержку развития личности ребенка и взрослого), морали (связанной с представлениями о должном и ответственности перед супругой, ребенком и обществом), религиозные (в том числе в рамках реализации предписываемых религией отцовских ролей), гуманистические ценности (как ценность личности ребенка), ценности переживания и ценности отношения с конкретным ребенком. Он связан с волевой активностью личности (так как она регулируется ценностными ориентациями индивида) [291] и механизмами целеполагания [293] и реализуется в отцовских практиках.

Большая проблема изучения ценностного отношения к отцовству может быть связана с тем, что ценности отцовства могут быть только декларируемыми, признаваемыми обществом, но не быть действительными для конкретной личности [429]. Хотя для каждого ребенка было бы желательно, чтобы ценность отцовства была действительной для его отца.

В этой связи примечательно, что в том, что касается отцовства, особенности ценностных ориентаций личности могут быть связаны с личностной зрелостью через такие характеристики, как ответственность в разных сферах деятельности, эмоциональную зрелость, самоконтроль поведения, самостоятельность, адекватность самоотражения, высокий уровень реализованности, адекватность целеполагания [446]. Это подтверждается А. Г. Портновой, указывающей на интегральность нравственного компонента в структуре личностной зрелости [333].

Описывая детерминанты становления рефлексивно-регулятивного компонента психологической готовности к отцовству, мы в первую очередь, должны определить детерминанты развития личностной зрелости. «Зрелость» и ее критерии рассматривались Б. Г. Ананьевым на уровнях индивида, субъекта деятельности, личности и индивидуальности [21, с 89-90].

Зрелость может быть оценена по показателю успешности овладения деятельностью [119]; может быть связана с субъективной оценкой жизненного пути, например, через индивидуальные особенности психологического времени, определена через высшее личностное образование, выполняющее функции организации, регуляции, обеспечения целостности жизненного пути [5]; или свободный личностный выбор тактики целеполагания [94]; оценена по критерию образованности [261] или мировоззренческой зрелости (развитие смысла) [240]; определена через понятие личностной зрелости, как результата жизненного пути и онтогенеза [333] или комплекса перечисленных характеристик [446].

Согласно А. Г. Портновой, «зрелость выступает качеством личности, обуславливающим способы осуществления и самоосуществления, организующим жизненный путь личности, его направление, стратегии прохождения, регулирующим сложную систему отношений личности к окружающему миру и самому себе (к результатам собственной деятельности) и иерархизованность данной системы» [333, с. 37].

Зрелость имеет возрастную специфику и приходится на период взрослости, однако предпосылки формирования зрелости наблюдаются на более ранних этапах онтогенеза и связаны с задачами развития каждого возрастного этапа. Таким образом, некоторые составляющие рефлексивно-регулятивного компонента стратегии отцовства начинают формироваться задолго до формирования личностной зрелости во взрослости.

Ранняя взрослость является возрастом первых проявлений зрелости личности. Зрелость в период взрослости можно рассматривать на индивидуальном уровне, субъекта деятельности, личности и индивидуальности [21]. На уровне индивида можно наблюдать биологическую зрелость, включающую в себя

соматическую и половую зрелость, нервно-психическую устойчивость и здоровье [333]. На уровне субъекта деятельности можно выделить умственную зрелость (определяемую умственными способностями и пониманием в самом широком смысле), эмоциональную зрелость (проявляющуюся в эмоциональной стабильности и эмпатии) и трудовую зрелость, включающую в себя работоспособность, трудоспособность и профессиональную компетентность, определяемую такими характеристиками, как: гибкость, спонтанность, самостоятельность, контактность, креативность и интернальность субъективного контроля [333]. На уровне личности выделяется социальная зрелость, критериями которой является социальный статус, коммуникативная компетентность [118], конкурентоспособность и психологическая зрелость, связанная с системой отношений личности и определяемая направленностью личности. Система отношений личности включает в себя отношение к себе, деятельности, обществу и другим людям, отношение к жизни и смерти. Направленность личности связана с такими критериями зрелости, как ответственность, активность, осознанность, нравственность, толерантность и целеустремленность [333]. Процессуальными критериями зрелости выступают адаптация, субъектность, самоосуществление, самореализация, самоопределение и саморазвитие. [333]. Эти критерии выступают предпосылками позитивной реализации стратегии отцовства.

А. А. Реан [345] выделяет четыре компонента или критерия личностной зрелости: ответственность, терпимость, саморазвитие и позитивное мышление, позитивное отношение к миру, определяющее позитивный взгляд на мир.

Ответственность – это то, что отличает социально незрелую личность от средней нормы [308]. В настоящее время распространена концепция о двух типах ответственности. Ответственность первого типа – это случай, когда личность считает себя ответственной за происходящее в жизни саму себя (интернальный локус контроля по Дж. Роттеру). Ответственность второго типа связана с ситуацией, когда человек склонен считать ответственными за все происходящее в его жизни других людей, либо внешние обстоятельства (экстернальный локус контроля), говоря житейским языком, – безответственность. А. И. Ореховский

дополняет анализ структуры ответственного отношения выделением ее основных содержательных элементов, включающих: субъект ответственности (кто отвечает), инстанцию (перед кем субъект отвечает), меру ответственности и объективные основания ответственности (ценность) [308]. Объективные основания ответственности (ценность) включены в аксиологический компонент стратегии отцовства, тогда как ответственное поведение, связанное со зрелостью личности, определяет рефлексивно-регулятивный компонент стратегии отцовства.

Данная точка зрения поддерживается и в западной экзистенциальной психологии, например, по Э. Фромму забота, ответственность, уважение и знание – это совокупность качеств зрелого человека [429]. В. Франкл также уделяет ответственности значительное место в своей концепции, утверждая, что духовность, свобода и ответственность – это три основы, три экзистенциала человеческого существования. Согласно взглядам отечественных психологов, ответственность формируется и развивается в деятельности, в предоставлении личности свободы выбора и ответственности за него [427]. Д. А. Леонтьев полагает, что «ответственность» – это волевое качество личности, проявляющееся в контроле деятельности человека, выделяя такие виды ответственности, как: внешняя ответственность, связанная с возможным возложением ответственности, и внутренняя ответственность, связанная с внутренним миром человека: чувство ответственности, чувство долга [250].

Второй составляющей зрелой личности является терпимость. Существует два вида терпимости – сенсуальная, как повышения порога чувствительности к различным воздействиям окружающей среды, и диспозиционная, как предрасположенность, готовность к определенной терпимой реакции на среду. Терпимость связана с отношением к миру, мировоззрением личности [345]. Здесь можно провести параллели между точкой зрения А. А. Реана и Э. Эриксона, оба говорят об особенностях взаимодействия со средой, обусловленных личностным отношением к ней.

Саморазвитие также является основополагающей составляющей зрелой личности, проявляющейся в служении делу, любви к другому человеку [427],

увлеченность значимой работой [267] или утверждение собственной жизни свободы и развития происходит через способность человека любить [429], например, любить собственного ребенка [534].

Г. Олпорт также выделял специфические характеристики зрелой личности: широкие границы «Я»; способность к теплым, сердечным социальным отношениям; незабоченность и самопринятие; реалистичное восприятие, опыт и притязания; способность к самопознанию и чувство юмора; цельной жизненной философией [306].

Интересным с этой точки зрения представляется онтопсихологический подход к человеку, в котором раскрывается противоречивое, и сложное становление человека, как биосоциального существа. Индивид является представителем вида, при этом он становится личностью в связи с включением в общественные отношения, таким образом, личность представляет собой социальное существо [333]. Именно общество предоставляет индивиду рамки, траектории и задачи развития на каждом возрастном этапе.

Это согласуется с точкой зрения У. Бронфенбреннера [503; 504], о том, что социум влияет на личность на трех уровнях: микросреда, мезосреда, и макросреда. Здоровая микросреда (семья, друзья, учебное заведение), позволяет развиваться здоровой личности, подготавливает личность к успешной взрослой жизни. При этом мезосреда, включающая национально-культурные и религиозные нормы и традиции, культурно-образовательное пространство личности, круг общения, массовые средства коммуникации и информации, также косвенно оказывают влияние на личность [111]. Макросреда, связанная с уровнем научно-технического прогресса, особенностями государства, социально-экономической системы, общественной психологии, общественного сознания, объединяет в себе основы образовательных, экономических, политических, религиозных и социальных ценностей. Макросреда определяет возраст взрослости, определяет социальные привычки, задачи развития каждого возраста, устанавливает эталоны ролевого и этического поведения мужчин и женщин, определяет личностные нравственно-образовательные стандарты, которые

связаны с формированием автономной морали самой личности. При этом адекватность автономной морали личности социальной морали является, по У. Бронфенбреннеру, показателем личностной зрелости [503].

Таким, образом, анализируя работы Б. Г. Ананьева [21], А. А. Реана [345], Е. Ф. Рыбалко [356], А. Л. Слободского [381], К. Муздыбаева [287], В. И. Слободчикова [382; 383], А. Г. Портновой [333] можно выделить следующие характеристики зрелой личности: развитое чувство ответственности, просоциальное поведение, способность к активному участию в жизни общества и к эффективному использованию знаний и способностей, к конструктивному решению различных проблем, эмоциональная и нравственная зрелость.

Так, А. Г. Портнова полагает, что «способность подчинять свое поведение все более отдаленным целям, превращение этих целей в реально действующие, регулирующие текущее поведение, – это не только закономерность онтогенетического развития человека, но и критерий его нравственной зрелости» [333, с. 131].

Именно родительство во многих культурах, так или иначе, связано с понятием социальной зрелости [78], и, кроме того, является одним из путей развития личности по Э. Эриксону, как важнейший путь достижения продуктивности и установления идентичности в близких отношениях [79], по Э. Фромму, как реализация способности любить и партнера, и ребенка, по Г. С. Абрамовой, как выполнение задачи развития данного возраста, по Г. Крайг, как высшая фаза как в индивидуальном развитии отца и матери, так и в развитии пары в целом – развитии идентичности интимности с близким человеком [3; 79; 221].

Для мужчины именно взаимодействие с таким хрупким существом, как ребенок, способствует дальнейшему личностному росту, достижению личностной зрелости, так как раскрывает потенциал развития личности в потребности и способности защищать, принимать на себя ответственность. Таким образом, отцовская забота связана с переживанием любви к ребенку, развитием исполнительности, ответственности и личностной зрелости. [11].

Интересный подход реализует Е. И. Захарова [174], постулируя, что в период ожидания ребенка, как у женщин, так и у мужчин происходят специфические изменения личности. Рождение ребенка позволяет личности родителя достичь нового уровня развития, благодаря принятию родительской позиции матерью или отцом, когда она переходит во внутреннюю позицию родителя. При этом Е. И. Захарова указывает, что рождение ребенка не делает человека родителем автоматически: то есть не все родители успешно осваивают родительскую позицию. При этом, предварительное положительное отношение к данной социальной позиции является условием ее принятия. Принятие позиции родителя определяется готовностью к реализации социальной позиции, положительным отношением к ее элементам: к себе в роли родителя, к родительским функциям и к самому ребенку [174].

Процесс становления внутренней позиции личности описан Л. И. Божович как формирование готовности к реализации определенной социальной позиции, сопровождающейся позитивным отношением к ее элементам и функциям [56]. Так, Е. И. Захарова, используя данную категорию, определяет внутреннюю позицию родителя, через осознанное, позитивное отношение к родительским функциям, предписанной социальной позицией и особое положение «посредника, организатора и помощника в системе детско-родительских отношений» [172, с. 154]. Отличительной особенностью позиции родителя является высокое значение эмоциональной сферы. Деятельность родителя, как матери, так и отца, приобретает развивающий потенциал и является условием формирования таких, новообразований личности, как глобальные изменения самосознания [110], идентичности [171] только тогда, когда она осуществляется в рамках новой социальной позиции – позиции родителя, при позитивном отношении к ней. Происходящие в связи этим изменения структуры личности, ее ценностно-смысловой сферы и новообразования мотивационной сферы личности родителя «с усиливающимся отражением общечеловеческих ценностей», согласно А. А. Бодалеву, указывают на прогрессивное развитие личности взрослого [55]. При этом, согласно Е. И. Захаровой, «только вовлеченные в

родительскую деятельность взрослые становятся носителями указанных новообразований личности» [172, С 154].

Несмотря на то, что Е. И. Захарова раскрывает содержание «внутренней позиции родителя», анализируя этот процесс в контексте развития личности женщины, этот подход может быть с успехом применен к изучению отцовства. Таким образом, рождение ребенка является тем жизненным событием, которое ставит перед взрослым задачу освоения новой социальной роли – позиции родителя, формирующейся во взаимосвязи осваиваемой социальной ситуации, как ситуации развития личности, родительской деятельности, имеющий развивающий потенциал при принятии родительской позиции, и новообразований личности при вхождении в родительство [172].

Таким образом, отцовство взаимосвязано с личностной зрелостью двояко: с одной стороны, родительство может выступать фактором, способствующим развитию зрелости личности [159], с другой – только зрелая личность может стать эффективным родителем [78]. Поэтому зрелость личности является ключевым элементом стратегии отцовства, определяя функционирование рефлексивно-регулятивного компонента стратегии отцовства.

Следовательно, зрелость является важнейшим параметром, определяющим родительское поведение, потому, что только сформированная личность становится субъектом свободного, самостоятельного и ответственного поведения в социуме. Однако важнейшим условием позволяющим реализовывать сформированные ценности и роли является специфически человеческая форма активного отношения. Активность самой личности определяет ее деятельность. Для нас важно, что здесь важнейшее значение приобретают интерпсихические характеристики, включающие саморегуляцию (определяемую такими характеристиками, как: гибкость, спонтанность, самостоятельность, контактность, креативность и уровень субъективного контроля), рефлексии (самопознание, автономность, рефлексивность и эмпатию), связанные с биологической, трудовой, умственной, эмоциональной, социальной, и психологической зрелостью личности

– то есть, содержательные характеристики рефлексивно-регулятивного компонента психологической готовности к отцовству.

При этом важнейшее значение приобретает развитая у зрелой личности способность к саморегуляции. Саморегуляция представляет собой целостную систему выдвижения и управления достижением целей поведения и деятельности [286]. Проблема саморегуляции осмыслилась в исследованиях многих психологов, анализирующих процесс мотивации. Одной из первых идей зарубежных исследователей, посвященных саморегуляции поведения является концепция саморегуляции, разработанная такими авторами как Ю. Куль, И. Бекман, Дж. Нюттен, А. В. Круглански, Г. Акомба, Ф. Ирвина, А. Кенни, К. Ламбека и др. Ч. Шеррингтон, развивший эти идеи, описывал саморегуляцию, как связанную с сознанием человека, работу отдельных нервных центров, связанных с сознательным отражением [приводится по 311].

В нашей стране многие позиции И. М. Сеченова, И. П. Павлова, В. М. Бехтерева и его учеников Л. Ф. Лазурского, М. Я. Басова, В. Н. Мясищева определяли регуляторный характер протекания психических процессов. Проблема произвольной регуляции человеческой деятельности получила развитие в работах Л. С. Выготского, К. А. Абульхановой-Славской, Н. А. Бернштейна, О. А. Конопкина, А. Н. Леонтьева, Б. Ф. Ломова, Г. С. Никифорова, С. Л. Рубинштейна и др. Б. В. Зейгарник определяла саморегуляцию как сознательный процесс, направленный на управление своим поведением [приводится по 179]. В. И. Селиванов включал в нее также регуляцию эмоций и психических состояний. В концепции В. А. Иванникова, регуляция представляет собой способность к смыслообразованию при недостатке мотивации для осуществления или прекращения действия [179]. О. А. Конопкин, описывает саморегуляцию через системно-организованный процесс внутренней психической активности человека, направленный на инициацию, построение, поддержание и управление внешней и внутренней активности, направленной на достижение целей личности [213].

Выделяют деятельностную, проявляющуюся в конкретной деятельности, и личностную саморегуляцию, при этом в состав последней включаются следующие составляющие: ценности и цели, идеалы и образ «Я», уровень притязаний и самооценка [311]. Основным механизмом личностного уровня регуляции выступает жизненный выбор [311]. Личностная саморегуляция изучались в рамках концепций волевого овладения личностью своим поведением (Л. П. Басов, В. И. Селиванов, В. А. Иванников, Т. И. Шульга, А. В. Быков, Т. Куль и др.).

В. И. Моросанова вводит понятие индивидуального стиля саморегуляции как необходимое условие реализации субъектного подхода к исследованию индивидуально-типических форм активности человека [286]. Среди основных характеристик индивидуального стиля саморегуляции выделяют активность, способность к самостоятельности, творческий характер саморегуляции и самоорганизации, гибкость, спонтанность, самостоятельность, контактность, креативность и уровень субъективного контроля [286]. При этом, согласно Т. О. Сафоновой, регуляция деятельности осуществляется по активному типу посредством особого механизма [366]. Она полагает, что «две стороны взаимоотношений человека и его социального окружения – отношения социально-культурного мира к индивидуальности и индивидуальности к этому миру – определяют характер процессов регулирования и выступают в виде значений и смыслов» [366, с. 105]. Значение при этом регулирует деятельность личности в рамках культурных норм взаимоотношений ее с окружением, обеспечивая возможности усвоения социального опыта, развитие форм общения, познания, производства материальных и культурных ценностей. Это возвращает нас к описанной в предыдущем параграфе логике формирования ценностей личности, которые в итоге определяют регуляцию и саморегуляцию поведения человека.

Таким образом, мера того, насколько декларируемые личностью ценности будут определять ее деятельность, определяется уровнем ее зрелости и саморегуляции. При исследовании проблем отцовства данное положение

особенно важно, так как большинство мужчин, даже те, кто не являются отцами или сами не имели в детстве качественного образца, описывают идеального отца схожим образом. Однако реализуют собственное отцовство очень по-разному. Помимо разграничения реальных личностных ценностей и ценностей ею декларируемых, здесь необходимо учитывать особенности социальной и личностной зрелости личности, уровень ее саморегуляции, а также особенности рефлексии данной личности [358].

Рефлексия позволяет человеку исследовать собственную деятельность, сформировать отношение к ней, сознательно планировать, контролировать и регулировать свою деятельность и свое мышление. Так, согласно, А. В. Карпову [191] рефлексия представляет собой интегрированный процесс, одновременно являясь способом и механизмом выхода психики за пределы себя, и определяя пластичность и адаптивность личности. При этом рефлексивность – это когнитивная мета-способность, определяющая регуляцию психики. С. Ю. Степанов и И. Н. Семенов выделяют кооперативную рефлексию (в психологии управления, педагогике, проектировании и спорте), коммуникативную рефлексию, как важнейшую составляющую развитого общения и межличностного восприятия, и личностную рефлексию, как процесс исследования собственных поступков субъекта, его образов «Я». Личностная рефлексия реализует функцию самоопределения личности. Выделяется также интеллектуальная рефлексия, рассматриваемая в связи с проблемами разработки средств обучения по решению типовых задач [371]. Н. И. Гуткина [139] выделяет логическую рефлексию, предметом которой является содержание деятельности индивида, личностную рефлексию, отвечающую за аффективно-потребностную сферу и связанную с процессами развития самосознания, и межличностную рефлексию, направленную на исследование межличностной коммуникации.

Для нас также важна рефлексия образа действия как анализ технологий личности, применяемых ею для достижения целей. Такая рефлексия определяет правильное использование принципов действий, знакомых личности, когда непосредственно после деятельности личность анализирует схему своего

действия, свои ощущения, результаты и делает определенные выводы об успешности и недостатках деятельности. Именно благодаря развитию такой рефлексии, например, на описанных нами ниже занятиях с отцами, личность может увязать ценности с практикой, повысить способность к саморегуляции в рамках выполнения отцовских функций или реализации отцовских практик.

Таким образом, интрапсихический аксиологический компонент стратегии отцовства находит свою реализацию в рамках экстрапсихического праксиологического компонента стратегии отцовства опосредованно через осуществляющий это взаимодействие интерпсихический рефлексивно-регулятивный компонент, включающий рефлексивность (самопознание, автономность, рефлексивность и эмпатию), саморегуляцию (определяемую такими характеристиками, как: гибкость, спонтанность, самостоятельность, контактность, креативность и уровень субъективного контроля), связанные с биологической, трудовой, умственной, эмоциональной, социальной, и психологической зрелостью личности.

Для описания праксиологического компонента стратегии отцовства можно использовать понятие отцовские практики, соответствующее удачному термину «fathering» в английском языке в противовес термину «fatherhood», что обозначает статус и социальные характеристики отцовства. Отцовские практики определяются как особенности взаимодействия отца с конкретным ребенком, обусловленные полом, возрастом ребенка, особенностями его развития и здоровья, а также ситуацией его рождения, отношением к нему и отношениями с его матерью.

В этой связи интересны исследования выявляющие факторы риска и факторы устойчивости отцовства, описывающие барьеры участия отца в жизни ребенка и потенциальные условия преодоления этих барьеров [542; 544]. К рискам относят любые условия, которые ограничивают ответственность отца и благосостояние его ребенка (наркомания и алкоголизм, безработица, здоровье и бедность) [542], тогда как факторы устойчивости включают личностные черты отца, например, адаптивность, ответственность, зрелость [605], а также включают

социальную поддержку отцовства, в том числе от матери, религиозность, занятость и образование, что способствует долгосрочному участию отца в жизни ребенка [542; 544]. Одним из параметров, влияющих на отцовские практики, является отцовская компетентность в родительской роли [652, с. 179]. Оценка отцом своей компетентности как родителя является фактором сохранности отношений с ребенком. В настоящее время отцовская компетентность является достоянием общественного мнения за рубежом, хотя исследуется в основном, в сравнении с материнской [516; 642]. Огромное количество исследований материнской компетентности [584; 594; 615] не уравнивается единичными работами, посвященными отцовской компетентности [595; 640].

Отцовская роль имеет глубокие исторические корни, но, несмотря на важность и длительную историю, достаточно мало регламентирована [147]. Социальные предписания по ее выполнению и представления о ее сущности представлены в социальных стереотипах, однако они зачастую противоречивы [353]. Можно выделить следующие важнейшие функции, выполнения которых требует роль отца: 1) отец как кормилец [480]; 2) отец как защитник – возможность предоставления своим детям образования, выбора профессии, реализуется опосредованно через социальный статус отца и экономическое благосостояние; 3) отец как воспитатель не только прививает нормы и правила поведения, но и во многом может вносить вклад в профессиональный выбор ребенка, расширяя его кругозор, занимаясь, особенно с мальчиком, каким-либо совместным делом [210].

Исследования отцовских практик, как было указано выше, имеют свою историю, но данные, полученные в различных исследованиях достаточно противоречивы в связи с различными позициями авторов исследований, если мы выделяем отцовство как специфический вариант родительства, а не просто сравниваем время, проводимое с детьми родителями обоего пола и функции родителей, то поведение отца, детерминируемое внутренними характеристиками стратегии отцовства представляется целостной открытой системой. Поскольку формирование отцовства является сложным многоступенчатым процессом,

детерминированным социальными, семейными и личностными факторами, необходимо выделить основные параметры или оси, определяющие развитие стратегии отцовства. На основании вышеизложенного, а также проведенного анализа современных работ, посвященных отцовству (Т. Д. Боязитова [91], М. В. Бутаев [101], Ю. А. Данилова [140], И. С. Клецина, [199], Р. В. Овчарова [301], Ю. А. Токарева [401], М. Lamb [596], W. Doherty [532], D. J. Eggebeen, С. Knoester [534], W. E. Fthenakis [550], R. Palkovitz, G. Palm [620], M. R. Waller [674], S. L. Hofferth [574], E. Friedman, S. B. Billick [547]), среди основных параметров, определяющих стратегии отцовства, можно выделить: принятие гендерной роли отца, систему ценностных ориентаций личности, реализуемые в зависимости от уровня личностной зрелости, саморегуляции и способности мужчины отрефлексировать свое поведение в отцовских практиках. Однако, кроме собственно отцовских практик важнейшее значение имеет так называемое «со-родительство» или «родительский альянс» – то есть кооперация обоих родителей в совместной деятельности по уходу и воспитанию ребенка. Женщины часто отстраняют отцов от заботы за ребенком или воспринимают отца как заместителя матери, игнорируя различие функций отца и матери. Мужчины, кроме того, стесняются проявлять нежные чувства по отношению к ребенку, стесняются жен и своей «неуклюжести» в общении с ребенком. Материнская функция признается обществом почти священной и довольно хорошо регламентирована. Проявление материнских чувств является нормой. Мужчины же скупы на проявление эмоций вообще, в том числе и чувств к ребенку [210].

Таким образом, принятие роли отца играет важнейшую роль в выполнении этой роли, однако, несмотря на то, что осознание себя отцом происходит преимущественно после рождения ребенка, различные аспекты принятия ребенка и себя как отца начинают складываться еще задолго до непосредственного взаимодействия с ребенком. При этом психологические эффекты реализации конструктивных отцовских практик частично наблюдаются на втором и, в основном, третьем этапе онтогенеза отцовства. Все психологические эффекты конструктивности стратегий отцовства можно условно разделить на несколько

групп: 1) развитие личности отца, 2) снижение супружеских конфликтов на почве детско-родительских проблем, 3) гармоничное развитие личности ребенка. Наглядно специфику эффектов реализации стратегий отцовства можно отобразить на Рисунке 2.1.1.

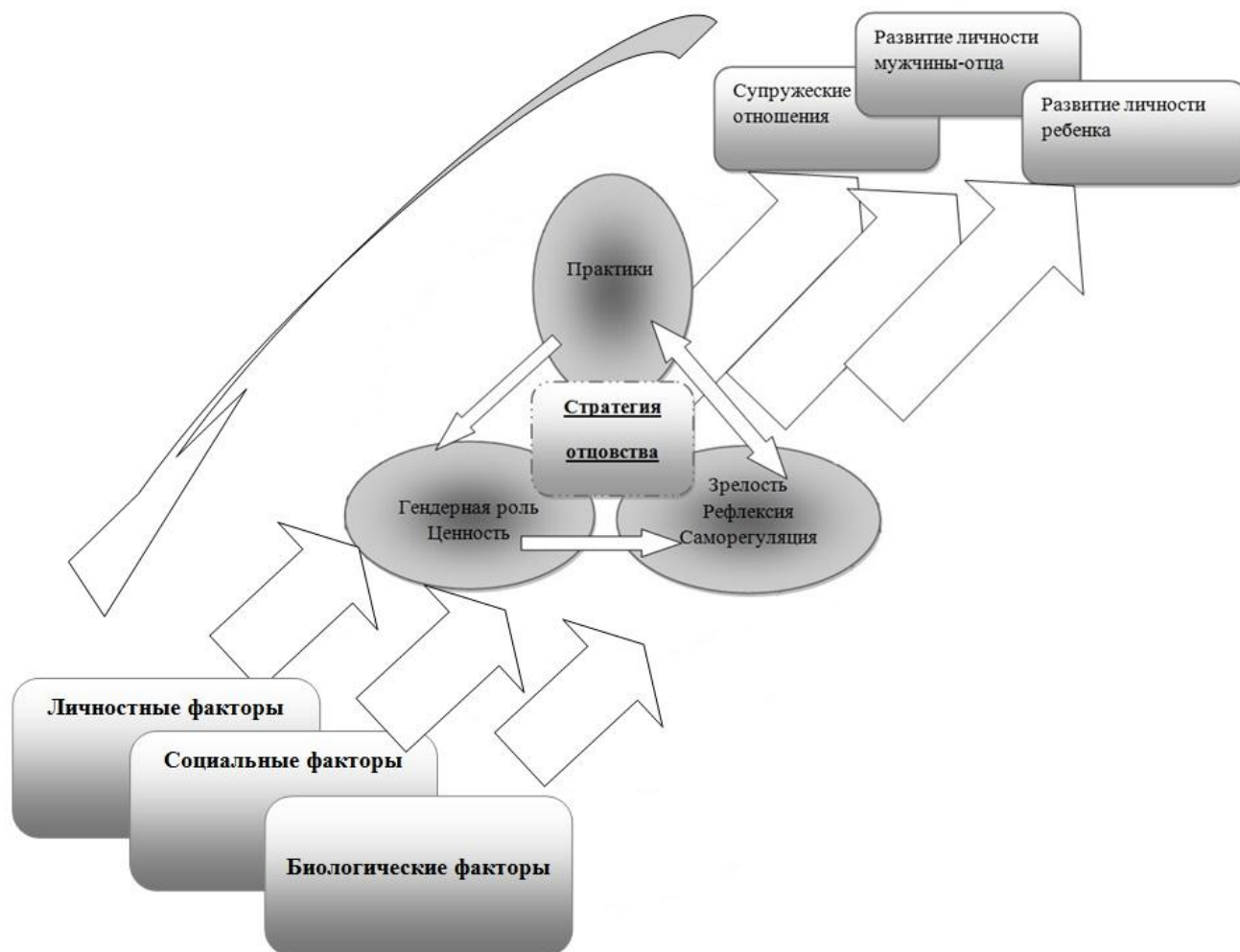

Рисунок 2.1.1. – Психологические эффекты стратегий отцовства

Согласно многочисленным данным [159; 535; 628] включенное, ответственное отцовство, реализующее в конструктивных отцовских практиках, является одним из путей развития личности, в рамках достижения продуктивности и установления идентичности в близких отношениях [460], реализации способности любить и партнера, и ребенка [430], выполнения задач развития данного возраста [3], и как высшая фаза как в индивидуальном развитии отца и матери, так и в развитии пары в целом [3; 221; 505].

Не менее важна взаимосвязь супружеских и детско-родительских отношений [540]. Эта взаимосвязь проявляется двояко. С одной стороны взаимоотношения родителей оказывают значительное влияние на отцовство. Множество исследований (R. R. Abidin [470], S. Demuth, S. L. Brown [529], M. J. Carlson, S. S. McLanahan [513]) показало, что качество отношений отца и ребенка вне брака и в браке коррелирует с качеством отношений супругов больше, чем в случае «мать-ребенок». Например, контакт ребенка с нерезидентным отцом может быть по многим причинам затруднен [475]. Кроме того, отцы имеют тенденцию уходить из жизни ребенка, когда они не проживают с его матерью, тогда как для матерей подобное – редкость. Объяснений данному феномену существует несколько: например, F. Furstenberg с коллегами [552] утверждают, что для многих мужчин, брак и статус родителя – «коммерческая сделка». С другой стороны, в общественном мнении, если женщина – мать, то в этом вся ее жизнь, но мужчина является отцом, если имеет жену [660]. Известно, что если он имеет жену, но не проживает с нею, он может присутствовать как отец в жизни детей, но качество его отношений с ними чаще всего ухудшается [583].

Интересно, что супружеские отношения связаны отношениями взаимовлияния с выполнением родительских ролей. Так, переход к статусу родителя может быть одной из самых сложных стадий цикла семейной жизни, но раннее взаимодействие с ребенком (в возрасте 3 месяцев или младше) способствует развитию отцовской компетентности, увеличивая материнскую поддержку роли отцовства, вовлеченность отца в жизнь ребенка и удовлетворенность браком супругов. При этом первые попытки взаимодействия с более старшим ребенком (после 5-6 месяцев) такого эффекта не дают [666].

Удовлетворенность браком положительно связана с участием отца в жизни и воспитании ребенка [499; 601]. При этом, удовлетворенность браком у мужчин связана с заботой о жене во время беременности, участием в родах и послеродовой заботе о ребенке [601]. При этом качество брачных отношений влияет на благополучие ребенка, так как супружеские конфликты влияют на качество взаимодействия в рамках родительского альянса и, соответственно, на

жизнь ребенка. Считается, что разъяснение связи между удовлетворенностью браком и участием отца в жизни ребенка в рамках образовательных программ позволит буферизовать негативные изменения в супружеских отношениях во время перехода к статусу родителя [600].

Родительский альянс – «совместная деятельность взрослых, ответственных за уход и воспитание ребенка» [611, с. 16]. В этой связи материнская поддержка отца – важное условие компетентности отца и его участия отца в жизни ребенка [543]. При этом включенность отца в жизнь семьи связана с эффективностью родительского альянса, и обратно связана с доминированием матери в семье [527]. Так, что отцы становятся более заботливыми и нежными с детьми, когда их супруги полагают, что забота и проявления нежности является важной частью отцовской роли [634]. Таким образом, отцовство сильнее зависит от супружеских отношений из-за того, что стандарты и ожидания в отношении отцовства более переменчивы и размыты, а, следовательно, снисходительны, чем для матерей.

Важнейшей детерминантой отношений отца и матери, как показали исследования [532], является оформление брака, так как вносит определенную ответственность в отношения между партнерами. Можно было бы утверждать, что быть официально женатым не важно, потому что сожительствующие пары могут иметь качественно те же самые отношения. Хотя, в принципе, это верно, исследования относительно сожительства ясно указывают, что сожительство – временная договоренность большинства пар; и они, в конечном счете, или женятся или расходятся [507]. Итак, основной внутрисемейной детерминантой ответственного отцовства является поддерживающий совместный брак. В зарубежной литературе для обозначения его эффектов существуют специальные термины «родительский альянс» (parenting alliance) [481] и «сородительство» или совместное родительство (coparenting) [514; 544; 565; 660], обозначающий то, что Р. В. Овчарова называет наиндивидуальным уровнем родительства [301].

Среди внешних влияний на отцовство, роль матери имеет свою специфику, так как матери служат партнерами и, иногда, препятствием в отцовско-детских отношениях, и в браке и вне его. Но отношения родителей часто могут быть

осложнены жалобами матери на нежелание или некомпетентность отца в выполнении отцовских функций [210; 523], отсутствие финансовой [519] и эмоциональной поддержки [485]. Возможно, при определенных условиях четкое сформированное понимание того, супружеские конфликты ухудшают ситуацию развития ребенка и увеличивают риск развода [579], неблагоприятно сказывающегося на жизни и развитии ребенка, позволит усилить мотивацию конструктивного решения супружеских конфликтов у мужчины [618]. Но существуют данные, что, даже в удовлетворительных брачных отношениях, вовлеченность отцов, особенно когда дети маленькие, часто зависит от отношений и ожидания матери, ее поддержки отцу, так же как и степенью ее занятости [663]. Действительно, исследования показали, что многие матери, имеют двойственное отношение к активной вовлеченности отцов [574]. Возможно, изменение общественного мнения по вопросу необходимости отцовского воспитания приведет к пониманию, что ответственная материнская забота включает в себя и поддержку отцовства [531; 473; 670].

Таким образом, все компоненты психологической готовности к отцовству детерминированы социальными условиями, семейной спецификой и возрастными особенностями развития личности, что определяет необходимость изучения условий и этапов становления психологической готовности к отцовству.

2.2. Филогенетические и социальные условия формирования гендерной роли отца

Ввиду того, что родительство, и в частности отцовство, является многомерным и многоаспектным феноменом, имеет глубокие исторические корни, во многом детерминировано генетическими и видовыми особенностями

прокреационного процесса Homo Sapiens, и в то же время, связано с социальной сферой активности личности, личностным развитием, и, несмотря на важность и длительную историю, достаточно мало регламентировано и изучено, исследование данного феномена требует четкого методологического принципа, положенного в основу его изучения. Изучение современных представлений об особенностях структуры и содержания феномена отцовства необходимо дополнить рассмотрением вопросов формирования всех аспектов отцовства в индивидуальной истории личности.

Проблема природы родительских чувств очень противоречива [38]. Существует точка зрения, что поведение родителей детерминировано врожденными инстинктами, потребностью в продолжении рода, а отсутствие родительских чувств – является проявлением нарушения этой биологической и социально-нравственной нормы [210].

Однако родительство является не только биологическим, но и социокультурным или биосоциальным явлением и разноуровневые его характеристики и доминанты по-разному взаимодействуют между собой. Отношения родителей и ребенка зависят от их собственного пола и пола ребенка, возраста ребенка, конкретных социальных условий, традиций.

Родительская забота о потомстве (в том числе и отцовство) имеет, по мнению многих авторов, в частности И. С. Кона, филогенетические предпосылки. Общий образец родительского ухода генетически запрограммирован и варьируется от одного вида к другому. Наличие или отсутствие такого ухода, его длительность и специфика различают биологические виды. Очень важную роль в детерминации родительской заботы играют экологические факторы. Например, устойчивый брачный союз самца и самки, хотя бы на срок выращивания одного выводка, обусловлен условиями среды обитания, в которой самка без помощи самца не может вырастить потомство. Такие условия определяются скудостью пищевых ресурсов, необходимостью охраны территории от врагов, длительностью периода беспомощности потомства [210]. И чем выше уровень

организации, тем дольше период зависимости детеныша от матери и тем сильнее выражен родительский инстинкт [123].

Таким образом, существуют очевидные генетически запрограммированные предпосылки отцовства, однако биология не объясняет всю специфику родительского поведения, его мотивации и институциализации у человека. Как было отмечено выше, родительское поведение человека в значительной мере детерминировано социальными отношениями в человеческом обществе.

Если рассматривать личность отца, как совокупность стабильных, длительно существующих характеристик, понимание того, как они развиваются, приобретают определенный, свойственный данной личности характер возможно только при тщательном изучении совокупности причин и факторов, влияющих на развитие личности. В основе анализа развития личности лежит несколько научных теорий, рассматривающих в качестве факторов, влияющих на развитие личности культурно-исторические детерминанты [117], либо мегафакторы, макрофакторы, мезофакторы и микрофакторы окружающей среды [503], либо противостояние между внутренними побуждениями личности и внешними запретами общества [428], которые, однако, могут быть сведены к двум важнейшим факторам – внутренним и внешним детерминантам развития личности.

К внешним факторам относятся принадлежность индивидуума к определенной культуре, включая природно-климатический фактор, специфику страны и общества, этнические традиции, решение возрастных задач развития в период взрослости [680], принадлежность к социально-экономическому классу и уникальной для каждой семейной среде [440].

К внутренним факторам можно отнести личностные, мотивационные, эмоциональные особенности человека, которые могут повлиять на эффективность развития личности, такие, как, например, осмысленность жизни, позволяющая делать обдуманый, ответственный выбор.

Внутренние детерминанты можно определить как влияние наследственных факторов. Генетические факторы – это тот род влияний на поведение, который передается от родителей к детям благодаря механизму наследственности. Наряду

с окружающей средой наследственные факторы играют ключевую роль в обусловливании развития личности. Существуют данные, что такие психологические характеристики, как: эмоциональная устойчивость, экстраверсия, и даже альтруизм, застенчивость, и робость, устойчиво передаются по наследству; генетический компонент имеют и агрессивность, лидерство, воображение, стремление к достижениям [440]. Очевидно, что наследственность создает материальную основу и предпосылки развития в виде задатков и предрасположенностей. Следовательно, такие особенности организма, как, например, задатки мышления, речи, способности к труду и особенности нервной системы будут играть важнейшую роль для целостного развития личности.

Сразу после рождения ребенок попадает в определенную среду, которая, начиная с природно-климатических условий и заканчивая спецификой положения ребенка в конкретной семье, вступают во взаимодействие с внутренними факторами, образуя единство различных факторов, обуславливающих развитие личности. Естественная среда, включая климат, природные условия и ресурсы, оказывает специфическое опосредованное воздействие на ребенка через культурные традиции и особенности образа жизни данного общества. Взаимодействие внутренних и внешних факторов развития личности начинается еще до рождения ребенка, определяя его врожденные характеристики, с которыми он попадает в не менее влиятельную социальную среду [434].

Важнейшим фактором социальной среды является культура, которая формирует личность так как дает готовые, апробированные решения многих жизненных проблем, включая средства коммуникации, такие, как: язык, схемы медицинского лечения, научные достижения, облегчающие жизнь, этика, религия. Культура предлагает хранилище решений, не всегда точных, но всегда доступны [306].

Кроме того, культура предоставляет определенные нормативы для развития личности – возрастные периоды, в которые человек не только получает социальное одобрение за выполнение определенной деятельности (решение социальных задач по П. Хеймансу [572]), но и имеет физические, социальные и

психические возможности для ее выполнения. Именно культура определяет статус мужчины и женщины в обществе, наполнение мужских и женских ролей и их соотношение и, соответственно, детерминирует отцовские и материнские роли. Например, ценность отцовства, декларируемая в патриархальном обществе, прививает определенное отношение к старшему поколению и к собственным детям. Современными детерминантами организации общественного мнения являются средства массовой информации, формирующие стереотип «правильной жизни», «правильных» стремлений и ценностей, в том числе ценность сексуальных отношений, важность близких отношений, «идеальной» семьи, необходимость рождения детей. В среднем к 18-23 годам формируются основные стереотипные представления об отцовстве [83, с. 103-105].

Содержание отцовской роли до недавнего времени можно было описать при помощи социальных норм, составляющих мужскую гендерную роль. К числу таких норм относятся – норма статуса, норма эмоциональной и физической твердости и норма антиженственности [51]. Норма статуса подразумевает, что мужчина должен завоевывать статус и уважение других, а главная обязанность отца содержать семью и исправно приносить в дом деньги. Чтобы соответствовать ожиданиям, мужчина должен почти все время посвящать работе, вследствие чего ослабевает его контакт с детьми. По мере того как доходы отца растут, его вклад в воспитание уменьшается. Например, еще 25 лет назад американские отцы проводили с детьми в среднем 12 минут в день [210].

Нормы твердости и антиженственности подразумевают, что выражение чувств и самораскрытие «принадлежит» исключительно женщинам. Отцы могут стесняться выражать свои чувства по отношению к ребенку. Поскольку в обществе существует стереотип восприятия мужчин как сильных и уверенных, способных преодолевать различные трудности, многие из них подавляют свои переживания, например, в некоторых традициях восточных народов [210].

Современная отцовская роль, по нашему мнению, постепенно трансформируется, становится менее жесткой. В последние десятилетия появилось понятие «новый отец», в отношении отцовства все чаще звучат такие

термины как «продуктивное» [159] или «ответственное» [210; 159] отцовство. Предполагается, что мужчины вновь открыли для себя ценность отцовства.

Для многих современных мужчин семья выходит на первый план, становится не менее, а порой и более важной, чем работа, сферой жизни. Растут ожидания по отношению к отцам. Зарплатой, которую отец приносит домой, уже не исчерпывается его роль. Ожидается, что отцы и физически, и вербально, будут вовлечены в воспитание. Ожидания являются результатом того, что все больше женщин работают вне дома. В связи с чем, женщины приобщают своих партнеров к радостям и обязанностям родительства, и мужчины начинают обнаруживать качества, которые было принято считать женскими: нежность, привязанность и заботу о малышах [83, с. 104-105].

Отцовская роль является одной из традиционных мужских ролей, и, несмотря на некоторую нечеткость и неструктурированность роли отца в современном обществе, остается важнейшей частью мужской гендерной роли. Гендерная роль является выражением и демонстрацией гендерной идентичности с помощью поведения, одежды и других характеристик, которые могут быть и физическими (внешний вид половых органов, тела), и социокультурные (длина волос, одежда и тип поведения принятый в данном обществе), проявления отцовства, то есть реализация мужской гендерной роли, тесно связаны с гендерной идентичностью, т.е. внутренним восприятием человеком своего пола, той степенью, в которой каждый индивид идентифицирует себя в качестве мужчины или женщины или некоего сочетания того и другого [210]. При этом гендерная идентичность – внутренняя структура, создаваемая в процессе развития, организующая образ Я и позволяющая социально функционировать в соответствии с полом – определяет, как индивид переживает свой гендер, способствует чувству уникальной тождественности и принадлежности [210]. Значительный вклад в развитие представлений об идентичности внесли как зарубежные (Э. Эриксон [460], Дж. Мид [274], А. Тэджфел [410], J. E. Marcia [607], A. S. Waterman [676], Н. Не, J. Balmer [569]), так и отечественные исследователи, изучавшие проблемы формирования

самосознания [441], подросткового возраста [7; 28], взрослости [114; 147], гендерную проблематику идентичности [208].

Согласно Н. В. Дмитриевой, идентичность является самоотождествлением личностью своих биологических, психических и социальных составляющих с собственным Я, элементами которого являются принятые человеком суждения относительно себя и своей жизни. Идентичность включает два аспекта: личностный (описание своих личностных качеств) и социальный (описание своих групповых и межличностных отношений), которые взаимосвязаны генетически и содержательно [147]. Гендерная идентичность предполагает определение своего места в рамках нормативных культурных представлений о мужественности и женственности (маскулинности и фемининности), об анатомических, физиологических, соматических, психических и поведенческих свойствах, характерных для мужчин и женщин, которые проявляются как полоспецифичные характеристики личности и являются базовыми категориями анализа гендерной идентичности и психологического пола [102].

О. В. Рябов [636] в структуре гендерной идентичности выделяет три компонента: когнитивный – как осознание принадлежности к определенному полу и описание себя как мужчины или женщины; эмоциональный – как оценка своего поведения и своих проявлений с соответствием с эталонами мужского и женского; и поведенческий (волевой) – как реализация собственного поведения как представителя гендерной группы. Эти три составляющие гендерной идентичности проявляются в трех аспектах отцовства: потребностно-эмоциональном (аффективном), ценностно-смысловом и операциональном (деятельностном или поведенческом) блоках. Появление ребенка является своеобразным «запускающим моментом» трансформации идентичности личности в связи с началом реализации новой роли. Опираясь на концепцию Н. В. Дмитриевой о различных вариантах трансформации идентичности, выделяющей позитивную (или достигнутую) трансформацию идентичности, для которой характерна «нормативность кризиса», приводящего к личностному росту, и негативную (или диффузную) трансформацию идентичности, приводящую к

дезинтеграции самости [147], можно определить внутренний механизм реализации конструктивных и неконструктивных стратегий отцовства.

Таким образом, наполнение структурных составляющих отцовства и реализация стратегий отцовства тесно связаны с особенностями гендерной идентичности мужчины, его восприятием и принятием мужской роли [571].

При этом мужские качества или маскулинность можно описать через совокупность поведенческих характеристик, психических свойств и специфических особенностей, присущих мужчинам в отличие от женщин. Однако маскулинность выступает также одним из элементов символической культуры общества, обозначающим специфику социальных представлений, установок о свойствах и качествах «истинно» мужского. В понятие маскулинность включается также нормативный эталон мужественности [208]. Таким образом, маскулинность – это комплекс характеристик поведения, установок, возможностей и ожиданий, детерминирующих социальную практику представителей мужского пола. По меткому выражению А. В. Синельникова: «маскулинность – это то, что следует добавить к анатомии, чтобы получить мужскую гендерную роль» [384, с.192]. То есть мужская гендерная роль описывается через представление о мужском поведении в конкретном обществе. При этом, в рамках одной культуры «правильное» мужское поведение может меняться в зависимости от исторической или политической ситуации [241]. Так во время войн мужские качества описываются как более агрессивные и милитаризированные, чем во времена спокойной политической обстановки. Принятие или непринятие какого-то аспекта или всей совокупности характеристик гендерной роли является проявлением гендерной идентичности личности [210].

Г. М. Андреева описывает три этапа понимания человеком идентичности: социальная категоризация (через группирование окружающих людей способом, который имеет смысл для личности); социальная идентификация (помещение себя в ту или иную категорию); социальная идентичность (социальное отождествление личности с группой и принятие свойственных ей ролей) [22].

Гендерная идентичность включает в себя многие аспекты сексуальности, в том числе и сексуальную ориентацию человека [210]. Однако в контексте современных социальных условий, когда воспитание детей становится возможным для лиц с различной сексуальной ориентацией и гендерной идентичностью более правомерно говорить не столько о взаимосвязи реализации стратегий отцовства с гендерной идентичностью личности, сколько с принятием гендерной роли, особенно роли отца. Такой подход позволяет определить специфику реализации стратегий отцовства у различных групп мужчин, даже тех, кто традиционно оказывается за рамками анализа реализации отцовских функций, но именно такие семьи в силу многочисленных социально-психологических сложностей могут оказаться адресатами психологической помощи.

Принятие гендерной роли отца является одной из важнейших характеристик конструктивной стратегии отцовства. Исследования германских ученых [549] показали, что отцовство, когда оно интернализировано, влияет на собственную полоролевою идентификацию мужчины, его удовлетворенность жизнью, а также на мировоззрение мужчины. Вовлеченные в воспитание своих детей мужчины показывали менее ригидное понимание мужской роли и стереотипа мужественности, они рассматривали отцовство как важнейший фактор своей мужской роли, таким образом, идентифицируя себя с собственным отцом. Кроме того, было выявлено, что мужчины, принимающие значительное участие в воспитании своих детей, обнаруживали большую удовлетворенность жизнью и самим собой по сравнению с контрольной группой. Они имели более высокую самооценку и были более уверены в себе. Была обнаружена взаимосвязь между самоуважением и принятием отцовской заботы о детях на себя. Интересные результаты дало исследование [606], показавшее, что отцовство влияет также и на изменение мировоззрения и убеждений личности. Меняется представление о ценности человеческой жизни, очень важным становится благополучие ребенка, его нормальное развитие. Ученые связывают даже продуктивность на работе с удовлетворенностью семейной жизнью [617]. Все это возможно при условии

сформированности субъективного смысла родительства [372], и ответственности отцовства [424].

Таким образом, принятие роли отца оказывает влияние на операциональный аспект ее выполнения и влияет на личностные изменения мужчины [332]. Появление ребенка естественным образом оказывает влияние на мотивацию и установки человека, однако многие исследования говорят о том, что именно принятие данной роли способствует успешной реализации себя в ней. Так как, по мнению И. С. Кона социальная роль связывает деятельность личности и ее самосознание с функционированием социальной системы, причем отправной точкой является не индивид, а социум [210]. Функции самосознания Л. С. Выготский назвал «третичными» функциями, имея в виду, что они производны как от непосредственного социального общения личности, так и от уже ее интернализированных и в этом смысле «вторичных» психических функций [117]. Кроме того, при неблагоприятном развитии событий, возможен ролевой конфликт, когда представления о ролях выполняемых одним человеком разнятся. И. С. Кон утверждает, что понятием социальная роль обозначается та сторона деятельности, которая является интернализированной ролью. Интернализированная роль – это компонент самосознания, отношение к тому или иному аспекту жизнедеятельности. Таким образом, успешное функционирование в роли отца невозможно без ее интернализации, которая, в свою очередь, «встраивает» отцовство в самосознание личности, ее «Я концепцию» и «образы Я». Аспект отношения связан с оценкой: своего ребенка, самооценкой себя как мужчины, себя как отца и своего выполнения социальных ролей, что формирует определенный «образ Я». Таким образом, «Я реальное» и «Я социальное» формируются через сравнение собственного поведения с требованиями общества. Соотношения компонентов «образа Я», их взаимодействие определяет осознание себя как отца и может изменяться в процессе жизни [210].

Интересна связь отцовства и остальных характеристик гендерной роли мужчины. Дж. Плек предполагает, что связь маскулинности и отцовства можно оценить по 6 показателям: 1) гендерные различия в воспитании, 2) взаимосвязь

между присутствием отца и развитием ребенка, 3) роль отцовской вовлеченности в жизнь ребенка в развитии личности ребенка, 4) влияния наличия детей на оценку своей маскулинности мужчиной, 5) уникальность вклада отца в развитие ребенка и 6) взаимосвязь между выраженностью отцовской маскулинности, вовлеченностью отца и развитием личности ребенка. Эти шесть тем по-разному представлены в литературе и исследованиях. Больше всего исследований роли отца в развитии ребенка. Иногда исследователи, особенно американцы все проблемы подростков сводят к отсутствию отца в семье. Таким образом, взаимосвязь отцовства и маскулинности мужчины является многосторонней и специфически обусловленной. Дж. Плек предполагает, что мужской гендерный статус обуславливает отцовские практики прямо и опосредованно через формирование понятия отцовство и возможный отцовский статус в обществе. Так, доминирование гегемонной маскулинности в обществе определяет социальный и сексуальный статус мужчины более свободно по отношению к любым женщинам и их детям, не являющихся прямыми наследниками данного мужчины. Он может по типу альфа-самца в животном мире не заботиться о них, не интересоваться вероятностью их появления в результате многочисленных связей. С другой стороны, количество детей может добавлять статуса мужчине; следовательно, в таком обществе мужчины признают и заботятся обо всех своих детях. Чем более демократично общество, тем больше различных вариантов статуса и, соответственно, отцовских практик оно предлагает мужчине: в современном западном обществе мужчина может юридически признавать ребенка и участвовать в его воспитании экономически и психологически, может признавать и участвовать только психологически, или только экономически, или совсем не участвовать [208]. Мужчина может быть признан отцом или отчимом приемного и не признан отцом своего ребенка и т.д. Эти данные подтверждаются и российским исследованиями взаимосвязи норм маскулинности и социальных представлений о содержании поведения в рамках отцовской роли [198].

Таким образом, отцовство и отцовские практики, являющиеся производными гендерной идентичности, взаимосвязаны с особенностями

маскулинности мужчины. Эти особенности и, возможно, выраженность маскулинности мужчины определяют отношение к отцовству мужчины. Само отцовство обычно исследуется с двух позиций: С одной стороны, отцовство рассматривается как социальный институт, определяющий требования и ожидания общества по отношению к родительской роли мужчины. С другой стороны, отцовством проявляется в практической деятельности мужчины по воспитанию детей и уходу за ними, что описывается понятием, отцовские практики или стили воспитания, которые реализуются в единстве родительского взаимодействия с супругой [595]. Такая научная традиция объясняет характерное для отцовства различие между отцовством как родительским статусом и отцовством как родительским поведением и идентичностью. В качестве теорий дающих материал для исследования факторов оптимизации развития личности ребенка и мужчины выделяются: а) теория жизненного пути (которая исследует, как мужской опыт отцовства изменяется в связи с различными периодами жизни); б) социальная описательная теория (которая подчеркивает, что отцы усваивают культурные образцы и роли); и в) теория социальной идентичности (которая сосредотачивается на том, как мужчины воспринимают идентичность отца относительно их других социальных ролей). В контексте теории Э.Эриксона, отцовство повышает генеративность взрослых мужчин. Другие ученые применяли понятия экономических теорий, для описания решения отца вносить свой вклад в жизнь ребенка или уйти из семьи [631].

Мы полагаем, что чрезмерная, жесткость, отсутствие или слабость мужской модели поведения у мужчины не столько ухудшает отношения с супругой и собственным ребенком, сколько осложняет процесс выстраивания этих отношений [63, с. 34-36; 67]. Кроме того, в зависимости от особенностей маскулинности мужчины выстраивают различные отношения с супругой и ребенком. Например, гипермаскулинные мужчины могут вообще не создавать семью, довольствуясь сексуальными победами, высокомаскулинные мужчины ориентированы на социальный успех в большей степени способны реализовывать роль кормильца и персонификатора власти в семье, при этом, не уделяя времени

на общение с ребенком. Андрогинные мужчины в большей степени способны уделять внимание внутреннему, эмоциональному состоянию ребенка. Каждый вариант проявления уровня маскулинности определяет выбор фемининной/маскулинной супруги, специфику супружеских отношений и, как следствие, создает специфические условия для взаимодействия с ребенком. Таким образом, большая вариативность выраженности маскулинности мужчин создает пространство для проявления различных способов взаимодействия с ребенком, которые расставляют смысловые акценты на различных аспектах отцовских ролей и практик. Каждая из этих практик с учетом взаимодействия с супругой может быть признана ценной для развития личности ребенка. Это дает возможность мужчине с любым вариантом выраженности маскулинности при желании найти приемлемый вариант отцовских практик, так как каждый отец ответственен за интеллектуальное, эмоциональное и финансовое благополучие своего ребенка [653; 662]. Сказанное выше определяет широкий круг вопросов для психологической практики в рамках работы с семьей. Материалы данного параграфа частично опубликованы автором в монографии [76, с. 53-61].

2.3. Этапы становления психологической готовности к отцовству

Проблема выделения этапов становления отцовства связана со спецификой формирования гендерных характеристик личности и занимает ученых с самого начала появления психологической науки и является важнейшим направлением исследования и сейчас [546]. Одной из первых была концепция З. Фрейда, который ввел понятие «либидо» и описал развитие личности ребенка личности согласно стадиям фиксации либидо (оральная, анальная, фаллическая, генитальная стадии) [428]. Сторонники теории обусловливания и социального

научения описали механизм влияния моделей поведения (в том числе и гендерного и сексуального поведения человека) на реализацию конкретных функций личностью [479]. Усвоение системы гендерных ролей называют гендерной социализацией [210; 334].

В понимание развития гендерной идентичности вносит значительный вклад теория развития Э. Эриксона, которая рассматривает социальное влияние на развитие сексуальности человека. Если в первые периоды жизни ребенка (младенчество и детство) важнейшими детерминантами гендерной социализации является положительное решение кризисов развития, что обеспечивается семьей, то в подростковом и юношеском возрасте (12 – 19 лет), являющимся сенситивным для формирования идентичности, происходят определение дальнейшей траектории развития, в том числе определение сексуальной ориентации, выбор характеристик будущего брачного партнера и появление установок относительно желаний, необходимости и времени собственного родительства. Ранняя взрослость (20-25 лет) является периодом, сенситивным для формирования брачной пары, рождения ребенка и выработки операциональных аспектов отцовства. В период средней взрослости важнейшая задача развития – формирование продуктивности и генеративности, как заботы о будущих поколениях и выходе за пределы собственной личности связана с реализацией гендерной роли, а именно, отцовских функций в рамках мужской гендерной роли [460].

Универсальная теория психосексуального развития Д. Банкрофта рассматривает гендерную идентичность, которая начинает формироваться в детстве, а в подростковом возрасте оформляется и осознается, описывает сексуальную реакцию, как понимание собственной сексуальной ориентации и полагает, что способность к близким парным отношениям определяет дальнейшее развитие личности в связи с тем, насколько удачным был выбор партнера [478]. В рамках этой теории психосексуальное развитие личности связано с социальным сценарием, который представляет собой сложную схему поведения, формирующуюся под влиянием социума [478]. При этом немаловажным с точки

зрения Д. Банкрофта является влияние на наше поведение «брачной экономики», которое проявляется в том, что в поиске пары человек стремится найти себе партнера с равными ресурсами (возможно при этом, что недостаток одних качеств компенсируется другими и, таким образом, происходит уравнивание «стоимости» индивидов). Однако понимание ценности или значимости своих ресурсов, норма и идеал отношений и образцы поведения складываются в процессе социализации личности в данной культуре [478].

В отечественной литературе принята концепция психосексуального развития Г. С. Васильченко, В. М. Маслова и И. Л. Болневой о фазах и этапах развития [108], которая позволяет выделить периоды формирования гендерной идентичности личности, важнейшие новообразования и критерии позитивного развития идентичности в рамках каждого возрастного периода. Г. С. Васильченко выделяет следующие этапы: 1) парапубертатный период (от рождения до 7 лет), определяемый как период формирования полового самосознания; 2) препубертатный период (7 – 13 лет) – время формирования стереотипа полоролевого поведения; 3) пубертатный период (12 – 18 лет) период полового созревания и оформления гендерной идентичности личности; 4) переходный период (16 – 26 лет) – период формирования пары, начало половой жизни, 5) период половой зрелости (26 -55 лет), на который приходится рождение детей и взаимодействие с супругой по воспитанию детей, 6) инволюционный период (51 – 70 лет), на этот период приходится этап построительства.

Несмотря на то, что в дальнейшем в эту периодизацию был добавлен пренатальный период, определяющий все дальнейшее развитие гендерной идентичности личности [69, с. 61-63; 195], в силу того, что, помимо определения пола будущей личности, гормональное программирование в этот период определяет формирование внешних и внутренних половых органов, будущее функционирование гипоталамуса и гипофиза в пубертате и после него, а также мозговые структуры, отвечающие за половое поведение, родительский инстинкт и агрессивность во взрослости, в психолого-педагогическое сопровождение

формирования гендерной идентичности личности возможно только в постнатальном периоде.

Соответственно, формирование гендерной идентичности связано с особенностями общества, которое воспитывает, обучает ребенка, помогая усвоить определенную систему гендерных ролей. Этот процесс называется психосексуальным развитием или гендерной социализацией [210]. При этом конструирование гендера в процессе социализации реализуется основными институтами социализации посредством трансляции сформировавшихся в культуре представлений о нормативности поведения мальчиков и девочек, юношей и девушек, мужчин и женщин. Важнейшую роль в этом процессе играет семья, особенно, отец, участвующий в формировании установок и ожиданий относительно мужского поведения и мужской роли в качестве образца такого поведения.

В парапубертатный период, приходящийся на время от рождения до 7 лет, происходит осознание своей половой принадлежности, формирование полового самосознания. Согласно многочисленных психологических концепций (Е. Ф. Рыбалко [356], Г. С. Абрамовой [3], Г. С. Васильченко [108], К. Н. Поливановой [326], З. Фрейда [428]; Э. Эриксона [460]; Ш. Бюлер [506]) важнейшее значение для формирования полового самосознания приобретает окружающая среда, в первую очередь родители, особенно, мать. Причем степень влияния отца и матери зависит от возраста ребенка. Первоначально общение с матерью в период новорожденности и младенчества намного интенсивнее, чем с отцом. Мать кормит, ухаживает за ребенком, заботится о нем, играет с ним, разговаривает. Дж. Боулби и М. Кляйн [495; 589] описали особенности общения матери с ребенком-младенцем. Чувствуя ее поддержку и присутствие, будучи в безопасности, ребенок может исследовать мир. Отец является фигурой, которая помогает ребенку изучать мир, собственное тело и его возможности через силовые игры. Позднее взаимоотношения родителей становятся моделью поведения в обществе сверстников в младшем школьном и в подростковом возрасте. Однако на формирование представлений об отцовстве оказывает

влияние не только семейная ситуация. Часто мужчина, выросший без отца, может быть хорошим родителем, если у него есть модель мужского поведения. Это может быть дедушка, тренер спортивной секции, учитель и др. Коррективы вносит и социальная среда, окружающая ребенка. Например, ценность отцовства, декларируемая в патриархальном обществе, прививает определенное отношение к старшему поколению и к собственным детям.

Родители создают условия для развития личности ребенка, являются образцами для идентификации [428], демонстрируют гендерные модели поведения [479], поощряют или реагируют отрицательно на определенные способы поведения ребенка [480], в том числе, касающиеся проявления гендерно-специфических качеств [602]. Известно, что с самого рождения родители по-разному относятся к мальчикам и девочкам, позволяя ребенку женского пола и себе по отношению к нему гораздо больше свободы в проявлении эмоций [578]. А ведь именно любовь, тепло и внимание к ребенку в этом возрасте ограждает его от множественных проблем в дальнейшем [460].

Важность этого периода состоит в том, что он является сензитивным для развития полового самосознания, и различные травмирующие обстоятельства могут нарушить ход этого развития на всю дальнейшую жизнь. Например, слишком строгие запреты на сексуально окрашенные игры, развратные действия старших. При этом травмирующие воспоминания вытесняются и продолжают вести разрушительную работу из человеческого бессознательного [108].

Если мы вспомним, З. Фрейд впервые обратил внимание на влияние родителей на формирование сексуальности ребенка. При детских неврозах особенности психосексуального развития напрямую зависят от того, на какой стадии развития произошла травма [428]. Обычно правильное представление о своей половой принадлежности формируется к 1,5 – 2 годам [108].

Второй этап формирования гендерной идентичности и сексуальности личности – парапубертат – характеризуется формированием стереотипа полоролевого поведения – системы представлений и моделей полового поведения

для обоих полов, некоего гендерного эталона поведения, таким образом, создается база для последующего общения и адаптации в браке. [108].

В это время происходит переход в школу, новое общение, развитие абстрактного мышления, постепенная потеря близкого контакта с родителями и повышение авторитета сверстников. Однако полороловое поведение родителей в этом возрасте все еще оказывает ведущее влияние на формирование гендерной идентичности ребенка. Например, известно, что жесткие, авторитарные отцы или матери, стремящиеся «сформировать из сына мужчину», обычно имеют слабых, податливых, внушаемых и несамостоятельных сыновей [210; 435]. Напротив, у демократичных, но требовательных отцов вырастают ответственные и самостоятельные сыновья [458].

По мере взросления дети все большее значение придают коллективу с его гипертрофированными требованиями к мужественности и женственности, и в нем происходит формирование гендерно-типичного поведения.

Третий этап формирования гендерной идентичности и сексуальности личности – пубертат. Это период с 12 до 26 лет – период полового созревания, формирования психосексуальных реакций и психосексуальной ориентации. Период максимального функционирования эндокринной системы. Он включает стадии формирования платонического, эротического и сексуального либидо.

В это время на основе индивидуальных особенностей и опыта формируется личность, происходит эмансипация от семьи, вырабатывается собственное мировоззрение, социальное сознание.

На подростковом этапе для личности характерно повышение чувствительности, застенчивости, независимости. Если в семье и в классе нет взаимопонимания, то подросток будет искать понимания где-то вне семьи и найдет его в компании отверженных. По мнению Д. Н. Исаева и В. Е. Кагана, полное отождествление себя с группой сверстников является необходимым этапом социализации [приводится по 64, с. 58]. На этот возраст приходится поиск идентичности, в том числе профессиональной, личностной, сексуальной, семейной [79].

Спецификой этого возраста считается выработка психосексуальных ориентаций, которые обуславливают в последующем выбор объекта влечения с его индивидуальными особенностями (половая принадлежность, внешний вид, телосложение, поведение) [108].

На переходном этапе (16-26 лет), возможно и дольше, так как в современном мире возраст вступления в брак все время повышается [512]) оформляется идентичность, происходит дифференциация от родительской семьи и достижение эмоциональной и финансовой независимости от родителей, занятие молодым человеком адекватного возрасту статуса, отработка навыков ухаживания и привлечения партнера, поиск брачного партнера, встреча будущих супругов, их эмоциональное притяжение друг к другу, выработка совместных способов взаимодействия. Именно на этот этап при несформированной ответственности в межличностных отношениях и сексуальном поведении приходится так называемые «незапланированные» беременности, когда приходится решать вопросы юридического оформления отцовства, брачные, финансовые вопросы и др. Безответственность поведения мужчины может быть связана с социальными установками [152], отношением к конкретной женщине, например, в нашем исследовании неженатый испытуемый 23-х лет пояснил свои сложности с выбором ответа на вопрос «Кто виноват в случае нежелательной беременности?» таким образом: «Если ты дорожишь отношениями с этой женщиной, то оба, а если нет – то она сама» [77]. В результате возникают многочисленные проблемы репродуктивного поведения современной российской молодежи: распространение заболеваний, передаваемых половым путем, абортное поведение, приводящие к нарушению репродуктивной сферы, как женщин, так и мужчин. Кроме того, исследования семейных психологов показывают, что наличие беременности до свадьбы является одним из факторов нестабильности брака [205].

На период ранней и средней взрослости приходится, вступление в брак, формирование супружеских отношений, характеризующихся сформированной сексуальностью, рождение ребенка и принятие родительской роли, взаимодействие с ребенком, воспитательная деятельность отца.

Согласно В. В. Брутману, М. С. Радионовой [96], планирование беременности, ее желательность или нежелательность оказывают многообразное влияние на дальнейшее взаимодействие родителя и ребенка. Рождение ребенка и взаимодействие с ним является отдельным этапом гендерной социализации мужчины. Именно поэтому понимание онтогенеза комплекса отцовства способно внести вклад в раскрытие проблем общения формирования конструктивных стратегий отцовства.

Изучение родительства в настоящее время находится на этапе накопления научных знаний, проведения большого количества исследований в узких направлениях, таких как: например, влияние отношений с отцом на мотивационно-ценностные аспекты родительства у мужчин, имеющих детей [31], влияние родительской семьи на психологическую готовность юношей к отцовству, зависимость ориентировки супругов в конфликте от образов родителей, сформированных в детстве [72], проблемы эмоционального состояния детей в неполных семьях [142], проблемы детско-родительских отношений [223], проблема семейных отношений в период ожидания ребенка [324], особенности патеральной депривации [75, с. 15-23; 500; 555] в условиях семейного восприятия [413] и др. Одной из немногих работ с простроенной теоретико-методологической концепцией является разработка Г. Г. Филипповой проблемы психологии материнства, его структуры, содержания и формирования [420; 423]. В качестве особо ценной разработки Г. Г. Филипповой можно выделить изучение ею проблем онтогенеза материнства и его основных составляющих.

На основании изучения биологии и психологии материнства она выделяет шесть основных этапов развития материнства в процессе развития личности в онтогенезе: 1. взаимодействие с собственной матерью (начинающийся с внутриутробного периода и продолжающийся почти всю жизнь, особо значимо взаимодействие в первые годы жизни), 2. развитие материнской сферы в игровой деятельности (включает все сюжетно-ролевые игры, например, «дочки-матери» (3-5 лет), 3. нянчанье (общение с младенцем девочки 5-11 лет, помогающее овладению социальными навыками взаимодействия с малышом), 4. этап

дифференциации ценностно-смысловых основ моделей партнерских и родительских отношений (11–15 лет) и этап мотивационной готовности к родительству (15–18 лет); 5. взаимодействие с собственным ребенком, 6. этап принятия ребенка как личности.

На протяжении первых этапов важнейшим процессом является формирование гештальта младенчества, который включает физические свойства младенца (пропорции, запахи, голосовые реакции), поведение (неловкие движения, позы), инфантильная результативность (характеризующая неспособность младенца выжить самостоятельно). По мнению Г. Г. Филипповой, гештальт младенчества является «комплексным ключевым раздражителем, который вызывает у взрослых особей множество разнообразных переживаний и стремление к их возобновлению и сохранению» [423, с. 141]. Иными словами, младенец обладает такими свойствами, которые вызывают определенное поведение у взрослых, и оно совпадает с задачами развития младенца, то есть именно инстинктивно закрепленная реакция на младенца – забота, не только позволяет выжить конкретному младенцу и виду в целом, но и отвечает потребностям взрослой особи. Такая закономерность прослеживается и у животных, и у человека. Однако поведение человека более сложно и меньше регламентировано инстинктивно заложенными программами поведения. Вопрос же о восприятии гештальта младенчества рассматривается в основном для женщин. По результатам нашего опроса, мужчины при определении отцовства исходят из особенностей ребенка более старшего возраста. Они считают, что необходимо передавать знания, принципы и взгляды ребенку, однако не описывают заботу о неговорящем младенце как составную часть их образа собственного будущего или имеющегося ребенка. Таким образом, специфические реакции на младенца, восприятие собственного родительства, формирование родительской сферы у мужчин отличны от специфически женских и материнских.

Процесс общения женщины с ребенком начитается задолго до рождения ребенка, через сенсорный опыт, приобретаемый женщиной во время беременности. Исследования процесса осознания своего ребенка как части

симбиотической связи, а затем, как отдельной личности посвящены многие работы [259; 273], выявившие множество проблем и сложностей в этом процессе. Однако встраивание конструкта ребенка в самосознание мужчины еще более сложно.

Согласно, Г. Г. Филипповой и С. А. Абдуллиной, данная периодизация применима, как к анализу развития как материнства, так и отцовства, «т. к. по мнению ряда исследователей, принципиальных различий в родительском уходе за ребенком между мужчиной и женщиной нет, и гораздо важнее учитывать индивидуальные различия, а не межгрупповые» [2, с. 127]. Однако О. А. Карабанова полагает, что сенситивными периодами для формирования внутренней позиции родителя для отцовства и материнства являются различные периоды жизни отца и матери, полагая, что для матери – это период беременности, а для отца – вторая половина беременности жены и первый год жизни ребенка [188]. На наш взгляд, несмотря на то, что мы согласны с тем, принципиальной разницы в родительском уходе за ребенком нет [210], существуют существенные различия в социальной траектории развития личности детей разного гендера [564]. Несмотря на то, что взаимодействие с собственной матерью в преддошкольном детстве является ключевым фактором развития личности ребенка любого пола, для формирования стратегии отцовства у мальчика в этом возрасте имеется определенная специфика: в современном теоретическом осмыслении формирования личности мужчины представляется аксиоматичным тот факт, что важнейшей фигурой, детерминирующей формирование полового самосознания и становление гендерной роли мальчика, является отец [536, 614, 582, 631]. Кроме того, множество исследований констатируют различия в игровых предпочтениях детей разного пола [508; 564; 646]. Более того, отсутствие таких различий в игре могут в дальнейшем быть связаны со сложностями гендерной идентификации [564, 603]. Хотя в современных девочках наряду с ценностью родительства воспитываются и ценности из других сфер, таких как профессиональная и личная успешность, для воспитания девочки более характерен акцент на будущем материнстве, чем в

воспитании мальчиков на будущем отцовстве. Мальчика воспитывают, прежде всего, как активного деятеля в социальном плане, профессионала, кормильца семьи. Более того, сейчас наблюдаются проблемы с моделированием родительства в игре девочек: существуют работы, указывающие на отсутствие в современных реалиях моделей материнства среди игр девочек-дошкольниц [322]. Поэтому говорить о сходности значимости игры с куклой у мальчиков и девочек достаточно сложно. При этом, дети любого пола могут играть с куклой, особенно, в совместных играх разнополых детей [322]. Кроме того, если в традиционной культуре нянчанье являлось неотъемлемой функцией девочки 6-11 лет, то к мальчику этого возраста предъявлялись совершенно иные требования. Материнская функция на всех этапах развития личности является более регламентированной обществом. Поэтому четкое выделение этапов в развитии материнской сферы является актуальным и возможным. И так как мы согласны и с постулатом С. А. Абдуллиной о том, что формирование родительской позиции личности является длительным периодом, начинающимся с дошкольного детства, мы полагаем, в силу социальных, педагогических и мотивационных причин этапы формирования материнства и отцовства имеют свою специфику.

В психологии выделяются несколько стадий родительства: принятие решения о рождении ребенка, беременность, период становления родительства, период зрелого родительства, период, называемый «постродительство», т.е. бабушек и дедушек. [422]. Данные стадии характерны как для женщин, так и для мужчин, однако существует определенная специфика прохождения этих стадий у мужчин, так как отцовство взаимосвязано с развитием личности не только взрослого мужчины и его ребенка, формирование всех компонентов отцовства связано с общим развитием личности мужчины, особенно с формированием гендерной идентичности личности и формированием нравственных и волевых характеристик личности.

В онтогенезе комплекса отцовства можно выделить три основных этапа [83, с. 103]: 1) формирование представлений об отцовстве, стереотипное представление об отцовстве до беременности жены; 2) этап переосмысления

имеющихся знаний и представлений об отцовства в течение периода ожидания ребенка; 3) практический этап – реализация стратегий отцовства после рождения ребенка. Нами было проведено исследование, чтобы отследить формирование отношения к своему ребенку, с которым в пренатальный период мужчина не имеет такой связи, как женщина, соответственно, и изменение отношения к себе, формирование отношения к ребенку, принятие новой роли отца представляет собой сложный и многофакторный процесс.

В рамках изучения становления психологической готовности к отцовству мы опираемся на нами ранее выделенные этапы развития отцовства, учитывая специфику первых двух описываемых этапов, как подготовительных к отцовству, то есть этапов становления готовности к отцовству, и акцентируя внимание на особенностях становления психологической готовности к отцовству в рамках данных этапов, мы выделяем: 1) этап обозначения отцовства – формирование представлений об отцовстве, стереотипное представление об отцовстве до беременности жены; 2) этап осмысления отцовства, переосмысления имеющихся знаний и представлений об отцовства в течение периода ожидания ребенка; 3) этап ценностного осознания отцовства в отцовских практиках после рождения ребенка (практический этап) – реализация стратегий отцовства после рождения ребенка.

Первый этап можно определить как этап обозначения отцовства. Он начинается с рождения мальчика до момента получения сведений о беременности его жены (партнерши). Формирование стереотипов об отцовстве происходит в процессе взаимодействия с собственными родителями. Современными детерминантами организации общественного мнения являются средства массовой информации, формирующие стереотип «правильной жизни», «правильных» стремлений и ценностей, в том числе ценность сексуальных отношений, важность близких отношений, «идеальной» семьи, необходимости рождения детей.

Этот период охватывает четыре первых этапа гендерной социализации мужчины (парапубертат, препубертат и пубертат и переходный этап). Именно в это время формируются личностные и ценностные предпосылки стратегий

отцовства. Внутренне, первичные по отношению к внешним, характеристики стратегии отцовства ценностные характеристики, ответственность личности, принятие своей гендерной роли и даже модель отцовских практик, основанная на взаимодействии с собственным отцом, формируются именно в этот период [83, с. 103-104].

Согласно Л. С. Выготскому ценности личности оформляются в «психологическую систему» в период раннего юношеского возраста. Однако база развития данной системы закладывается в период дошкольного детства [194], когда начинают проявляться начала ценностей, возникающие и проявляющиеся согласованно с развитием личности, и которые С. С. Бубнова [97] называет «ценностями-идеалами». Д. В. Каширский и О. С. Безугляк полагают, что их появление приходится на период 6-7 лет и связано с кризисом семи лет [194]. Это некие приоритеты, связанные с иерархизированными мотивами [246], которые постепенно складываются в систему ценностей к раннему юношескому возрасту.

В этой связи для нас ценны высказанные В. Е. Ключко [201] идеи о динамике и соотношении понятий «значение», «смысл» и «ценность». Значение изначально определяется объяснением взрослого какого-либо понятия ребенку, обсуждая со взрослым значение, ребенок формирует собственный смысл этого понятия, который затем может быть декларирован любому другому взрослому в качестве ценности. Данная логика характерна и для формирования ценности отцовства, так как изначально во взаимодействии со взрослым, благодаря его объяснениям, оценкам и демонстрируемым им моделям определяется значение понятия отцовства, которое осмысливается несколько позже, чтобы затем в качестве ценности определять поведение человека.

Кроме того, предпосылки личностной зрелости также формируются в детстве. Так, в дошкольном периоде предпосылками зрелости выступают: на уровне индивида (здоровье), личности (половая идентификация, отношения в детском коллективе) и субъекта деятельности (игровая деятельность, готовность к школьному обучению), процессуальным критерием зрелости выступает адаптация.

Кроме того, для нас важно, что нравственное развитие дошкольника является базой формирования ответственности личности. Однако сензитивным периодом для формирования ответственности является младший школьный возраст. При этом важнейшим моментом проявления ответственности является учение. Так, М. В. Матюхина и С. Г. Ярикова определяют следующие критерии оценки ответственности младших школьников: проявление самостоятельности на уроке и в процессе подготовки домашних заданий; положительное отношение к учению и требованиям учителя, умение планировать и организовать свою учебную деятельность; умение дать адекватную нравственную оценку своего поведения [269]. Ученик с высоким уровнем ответственности способен критично оценивать как свое отношение к учебе, так и поведение, понимает социальную значимость учения, умеет признавать свои ошибки, правильно понимает причины и следствия [270].

Таким образом, правомерно говорить о развитии ответственности, как одной из характеристик зрелости личности, определяющей стратегию отцовства, начиная с самого раннего возраста.

Именно ответственность по отношению к собственному здоровью в отношениях с сексуальным партнером, принятие на себя ответственности за свое сексуальное поведение, ответственное отношение к выбору брачного партнера, к семье, браку и рождению детей, является критерием конструктивности стратегий отцовства, реализуемых личностью во взрослости.

В младшем школьном возрасте можно выделить следующие предпосылки зрелости: на уровне индивида (здоровье), личности (половая идентификация, построение социальных отношений) и субъекта деятельности (успеваемость, произвольность самодисциплины, произвольность поведения, самостоятельность, ответственность), процессуальным критерием зрелости выступает адаптация.

В подростковом возрасте предпосылками зрелости являются: на уровне индивида (здоровье, физическое созревание), личности (половая идентификация, выстраивание отношений со сверстниками и родителями) и субъекта деятельности (успеваемость, произвольность самодисциплины, произвольность

поведения, самостоятельность, ответственность), процессуальным критерием зрелости выступает адаптация. Для юношеского возраста предпосылками зрелости являются: на уровне индивида (здоровье, физическое созревание), личности (выбор дальнейшего пути, профессиональное и личностное самоопределение, половая идентификация, выстраивание отношений со сверстниками и родителями) и субъекта деятельности (успеваемость, самодисциплина, произвольность поведения, самостоятельность, ответственность), процессуальным критерием зрелости выступает адаптация, самоопределение.

Таким образом, формирование ценностных ориентаций и предпосылок зрелости личности происходит в процессе социализации личности и связано с конкретной социальной ситуацией развития личности.

Этот постулат достаточно давно известен и применяется в педагогике. Так, В. А. Сухомлинский, вслед за А. С. Макаренко, придавал большое значение специально организованному воспитывающему социуму, включающему семью, школу и общественные организации, контактирующие с ребенком, и позволяющему сформировать определенную систему ценностей личности [397].

Эти идеи могут иметь широкое практическое применение в контексте работы с отцовством: не отрицая активности самой личности, но учитывая определенную социальную детерминированность ценностной сферы личности и педагогические возможности семьи, мы можем говорить о необходимости создания специальных условий формирования ценностно-смысловой стороны отцовства. Такие условия могут быть созданы в рамках семейно-образовательной среды.

Итак, в среднем к 18-23 годам формируются основные представления об отцовстве, характерные для этого периода: молодые люди собираются иметь детей в будущем, но не сейчас, считают необходимым планировать рождение детей и рассматривают это как перспективу только через несколько лет (от 2-х до 5-ти), они положительно относятся к детям, но общаются не часто, полагают, что с рождением ребенка у мужчины появляется большая ответственность. Принимая

социальные стереотипы современности как собственное мнение, они полагают, что отец для ребенка является образцом для подражания, воспитывает физически и духовно, социально поддерживает, дает чувство уверенности в себе, защиту.

В проведенном нами исследовании, которое проводилось в марте – апреле 2002 года в городе Кемерово [83, с. 102-106], приняли участие семейные пары (в том числе в период ожидания ребенка) и мужчины, не имеющие детей. Мужчины, не имеющие детей, выделяют следующие качества идеального отца: ответственность, доброжелательность, любовь, забота, признание ребенка как ценного существа, справедливость, дисциплинированность, честность, решительность, заинтересованность. Испытуемые оценивают себя по шкале «идеального отца» на 80%.

Второй этап – время осмысления отцовства в течение периода ожидания ребенка. Он начинается с того момента, когда мужчина узнал, что будет отцом, до начала взаимодействия с уже родившимся ребенком. Это период согласования внутренних и внешних характеристик стратегий отцовства. Этим обусловлена некая двойственность, неясность стратегии отцовства в этот период. Сам момент сообщения о беременности и осознание факта реальности ребенка разнесены во времени. Реакция на сообщение о беременности может быть различной в зависимости от многих факторов, включающих намерения мужчины, относительно конкретной женщины, материальную, социальную и другие виды готовности принять ответственность за будущую жизнь. Даже в том, случае, когда решение о рождении ребенка принято заранее, и является результатом оформления потребностно-эмоциональной и ценностной сферы отцовства, выраженном в желании иметь ребенка, известие о беременности может вызвать сложные переживания. По нашим данным 60 % испытуемых, опрошенных в период беременности жены, ответили, что испытали радость, 40% - тревогу, при этом ребенок был желанным во всех случаях.

В ходе нашего исследования было выяснено, что большинство женщин впервые ощущают себя матерями в период беременности, мужчины – уже после рождения ребенка, с которым в пренатальный период мужчина не имеет такой

связи, как женщина, соответственно, изменение отношения к себе, формирование отношения к ребенку, принятие новой роли отца - сложный и многофакторный процесс. Эта сложность связана с большей включенностью женщины в общение с ребенком до рождения и в первые месяцы после родов. Беременность жены для мужчины обозначает ограничение желаний, перестройку планов, погруженность в многочисленные бытовые дела. Как таковая, способность мужчины вынести потерю внимания к себе и, одновременно, дарить его другим, не получая при этом немедленного удовлетворения, может быть показательной в том, насколько он может быть хорошим отцом. По мнению А. Н. Друсилловой и И. С. Баклушанского (приводится по 210), поворотным моментом в формировании чувства отцовства, а также возникновения возможных проблем является середина беременности, примерно четвертый месяц, когда у женщины появляется живот, ее положение становится явным, и ребенок становится «материальным», более реальным.

Беременность жены ставит перед мужчиной сложную задачу – оказать психологическую поддержку жене, взять на себя большую часть внешних проблем, создав защитный барьер между женщиной, носящей ребенка, и остальным миром. Как поведет себя будущий отец, в каждом конкретном случае, будет зависеть от многих факторов. Основные из них – его личностный склад, зрелость отношения к семье, осознанная оценка возникающих трудностей, способность справиться с ними и отношения с собственной матерью и отцом. Одно из сильнейших переживаний – замороженность способностью женщины породить из себя что-то новое, давать жизнь. Вкупе с кормлением грудью, когда мать как бы насыщает собой, это вызывает у мужчин ощущение величайшей могущественности женщины, и, с другой стороны, как писала К. Хорни [437], ощущение собственной незначительности, несовершенства. Это может спровоцировать чрезмерное увлечение работой, другими женщинами или чем-то еще, что приводит к тому, что будущий отец пропускает возможность установления контакта с ребенком. Еще одной важной проблемой является то, что беременность жены актуализирует образы материнства, сложившиеся у мужчины много лет назад. Таким образом, очень важна реальная история отношений с

матерью: насколько присутствовали забота, доверие, осознание матерью отдельных от нее интересов ребенка – насколько многомерный и позитивный образ женщины и матери сложился у мужчины. Беременность жены может «столкнуть» мужчину с давними детскими отношениями с матерью и спровоцировать различные реакции, в том числе, не действия взрослого человека в ответ на реальные сложности, а реакцию ребенка на мать [257] Причины этого могут быть связаны с родительской семьей такого мужчины [459], специфическими проблемами ценностно-смысловых ориентаций в период ранней и средней взрослости [372], отсутствием личностной готовности ответственному отцовству [316], проблемами отношения с собственным отцом [344].

Ко всему этому прибавляется ощущение, что ребенок займет место мужчины в жизни женщины, женщина становится самодостаточной и получает все, что ей нужно, от ребенка. Страх быть ненужным становится одним из самых мощных переживаний этого периода. Боязнь кардинальных перемен в жизни и потеря свободы маневра в отношениях может даже быть причиной нежелания иметь ребенка [71, с. 97-105].

Важно отметить, что хотя эти страхи могут не осознаваться, но влияют на поведение мужчины. Позднее проблемы, возникающие во время беременности, приводят к нарушению отношений в диаде «отец – ребенок», а иногда к проблемам в семье. Отец может отказаться от своей экзистенциальной, социализирующей роли, если на ранних этапах развития ребенка не возникло никаких чувств, и превратится только в источник материальных благ. Мужчина может воспринимать ребенка, как обязанного любить родителей и без близкой эмоциональной связи только потому, что это – родители ребенка. Соответственно, он не будет стремиться к контакту с ребенком. Тогда возникают проблемы с методами воспитания, например, применением силы. Мужчина также может отказываться общаться с ребенком-младенцем, мотивируя это возрастом ребенка, теряя при этом возможность установления контакта с ребенком. На это могут повлиять установки матери и ее стремление отстранить мужа от ребенка, тогда и с более взрослым ребенком общение будет нарушено.

Также мужчина, у которого не возник бондинг [643], может ревновать жену к ребенку, такое отношение будет еще больше способствовать отстранению отца от ребенка и ведет к различным семейным проблемам [221]. Для женщины беременность, является периодом подготовки к общению с ребенком после его рождения, происходит эта подготовка через непосредственные физиологические изменения организма женщины, изменения ее ценностно-смысловой сферы личности в период беременности.

По мнению психоаналитиков в период предшествующий родам, происходят также изменения в эмоциональной сфере женщины, что выражается в таких защитных реакциях как: регресс, вытеснение, инфантилизм. Г.Г. Филиппова приводит данные о том, что женщина во время беременности становится более зависимой от посторонней помощи, проявляет зависимое поведение, провоцирующее покровительство и снисхождение. Даже у беременных самок приматов отмечаются инфантильные черты внешнего вида и поведения: изменение пропорций тела, неуклюжесть движений, импульсивность, «детские» интонации в голосе. Это стимулирует проявления покровительства группы у животных. У человека данные изменения также носят временный характер и, кроме всего прочего, являются защитным механизмом, позволяющим подготовиться к такому сложному и ответственному событию, как роды.

В ходе нашего исследования были получены данные, которые позволяют сделать вывод о том, что эмоциональные реакции женщины не только являются защитным механизмом, но и запускают в мужчине – будущем отце – стремление заботиться и опекать и проявлять по отношению к беременной жене те чувства и ответственность, которую затем он будет проявлять по отношению к ребенку, что позволяет говорить о том, что, по всей вероятности, подготовка к общению с ребенком у мужчины в период ожидания ребенка все же происходит и происходит опосредованно, через женщину.

Интересен тот факт, что 70% мужчин, опрошенных в период беременности жены, полагали, что ощутили отцовские чувства впервые после шевеления ребенка, однако те же мужчины, опрошенные после рождения ребенка полагали,

что это произошло после рождения ребенка. Это говорит о том, что до общения с ребенком даже малейшее взаимодействие с ним имеет важнейшее значение для осознания его существования для мужчины. С него начинается формирование отцовских практик, как внешних проявлений стратегии отцовства. Критерии идеального отца представляются испытуемым такими же, как и представителей первой группы, не имеющей детей. Однако мужчины - будущие отцы не смогли оценить себя по шкале идеального отца. Таким образом, налицо рассогласование теоретических стереотипических представлений о том, каким должен быть отец и их практическим применением. Затрудненность самооценки говорит о том, что процесс осознания себя отцом находится в развитии, не закончен.

Итак, первые два этапа представляют собой период подготовки к общению с ребенком – период становления психологической готовности к отцовству. Теоретические представления об отцовстве формируются в социуме с начала жизни мужчины, затем изменяются, преломляясь через собственный опыт общения с еще неродившимся ребенком через жену и преобразования, изменения самосознания, самооценки и образов Я. Этот процесс является очень сложным и легко нарушается при отторжении со стороны жены или социальных проблемах будущего отца, таких как отсутствие материальных ресурсов, постоянной работы и др. Большинство исследований подтверждают специфическую уязвимость отцовства к средовым воздействиям: таким как сложности признания юридического отцовства и большего воздействия безработицы на отцовство, чем на материнство. Мужчин, которые подвергаются финансовым кризисам, часто отказываются от экономических и психологических обязанностей отца, что частично является следствием уязвимости отцовства по отношению к успеху во внешней среде. Многие мужчины испытывают повышенную тревожность и ответственность за материальное положение семьи, это приводит к стремлению больше работать, чтобы обеспечить семью, но может вызывать чувство одиночества у жены. Другие наоборот, делают вид, что ничего не происходит такого, о чем стоило бы беспокоиться. Такие мужчины полагают, что рождение ребенка – нормальное физиологическое явление и с раздражением относятся к

проявлениям тошноты, утомляемости, плаксивости. Женщины в таком случае не чувствуют поддержки и понимания. Г. Дик-Рид считает, что этот период требует от мужа понимания, терпимости и бескорыстия по отношению к жене, чтобы правильно оценить ее мысли и поведение во время беременности [145]. То есть мужчина оказывается в ситуации повышенных требований, считается, что этот период является периодом проверки готовности к отцовству. Тем не менее, этот период является важным с точки зрения формирования отношения к будущему ребенку и собственной позиции в семье.

Третий этап ценностного осознания отцовства – период реализации внутренних и внешних характеристик стратегий отцовства. Начало этого периода является критическим с точки зрения возникновения бондинга – связи мужчины с родившимся ребенком. Однако ребенок вызывает эмоциональный отклик у отца далеко не всегда. Мужчине гораздо сложнее, чем женщине, воспринимать ребенка как продолжение себя. Женщина готовится к общению с ребенком задолго до его рождения и в процессе родов. В период беременности у женщины появляется новый сенсорный опыт, начинается процесс духовного принятия ребенка. Мужчина отлучен от этого общения, поэтому чувство отцовства, эмоциональный отклик, восприятие ребенка затруднено [210]. Женщина в период беременности изменяется, она может прибегать к защитной «регрессии», в терминологии психоанализа, предполагающей детские эмоциональные реакции в столкновении с взрослыми проблемами. В то время как будущие отцы склонны рационализировать и схематизировать угрожающие переживания. Такая разница связана с традиционными представлениями о мужественности, которые внушаются мальчикам, не приветствуя фиксацию на чувствах и переживаниях, и содержат установки на хладнокровное избавление от них (подавление, вытеснение). Это приводит к тому, что мужчины подавляют проявления чувств, в том числе и чувств к ребенку.

В исследовании П. А. Поповой [332], были выделены некоторые аспекты принятия роли отца мужчиной: уважение и привязанность к отцу со стороны матери – только в такой обстановке, считает П. А. Попова, мужчина может

проявить себя как отец и воспитатель; особенности родительской семьи мужчины и его отношений с отцом; немаловажным фактором является возраст мужчины (не слишком рано, когда существует опасность легкомысленного отношения к отцовству и не слишком поздно, когда ответственность за судьбу детей может испугать), то есть личностная зрелость; участие отца в общении с ребенком до рождения и в период младенчества; участие отца в родах, так как беременность жены – это первая проба реальной готовности мужчины к появлению ребенка, который на долгие годы становится главной точкой отсчета семьи и требует внимания, сил и энергии. В значительной степени это обозначает ограничение желаний, перестройку планов, погруженность в многочисленные бытовые дела. Как таковая, способность мужчины вынести потерю внимания к себе и, одновременно, дарить его другим, не получая при этом немедленного удовлетворения, определяет насколько он может быть хорошим отцом. Поворотным моментом в формировании чувства отцовства, а также возникновения возможных проблем является середина беременности, примерно четвертый месяц, когда у женщины появляется живот, ее положение становится явным, и ребенок становится «материальным», более реальным. В этой связи важно, что подготовка к выполнению отцовской роли позволяет мужчине более осознанно принимать эту роль.

Подобные идеи характерны не только для отечественной психологии, но и для американских коллег [532; 561; 610], которые имеют серьезную поддержку в политических кругах страны, например, в рамках Инициативы здорового брака и ответственного отцовства [670; 671].

Основная идея зарубежных коллег состоит в том, что учитывая огромную значимость отцовского воспитания для гармоничного развития личности ребенка [544; 641], большие сложности в выстраивании отношений с ребенком у нерезидентного (не живущего в одном домохозяйстве с ребенком) отца [475; 513], а также тот факт, что в случае зарегистрированного брака сами супружеские отношения определяют социальную ситуацию развития личности ребенка (O. Erel, B. Burman [540], E. M. Cummings, P. Davies [526], I. Gordon, R. Feldman [565])

и даже специфику взаимодействия родителей с ребенком [619], а супружеские конфликты обуславливают множественные проблемы детей, включая когнитивные проблемы [653], девиантное поведение [529] и даже социальные достижения во взрослости [561], социально, политически и психологически оправдано создание программ по формированию ценности здорового супружества и отцовства среди мужчин в США. То есть, такие меры, как пропаганда здорового образа жизни, здорового брака, «ответственного» отцовства, открытие центров помощи отцам являются оправданными в силу того, что экономически намного выгоднее воспитывать «ответственных» родителей, и прежде всего, отцов, создающих базу для финансовой и психологической стабильности в жизни ребенка, вместо того, чтобы материально поддерживать матерей-одиночек, выплачивать пособия детям-сиротам и малолетним матерям, оплачивать пребывание детей в детских домах, бороться с подростковой преступностью, содержать тюрьмы для малолетних преступников и решать другие проблемы, которые так или иначе связаны с отсутствием отцовского воспитания в семье [532; 670].

W. Doherty полагает, что сложность составления программ психологического сопровождения семьи, с одной стороны обусловлена тем, что широкое распространение таких программ невозможно без соответствующих политических программ по улучшению демографической ситуации, а с другой – основной акцент в этих программах должен быть поставлен на то, чтобы отражать множественные области отцовства, различные бытовые и брачные обстоятельства отцов, и множество личных отношений и экологических факторов, которые влияют на то, каким отцом является мужчина. То есть, такие программы должны вовлекать матерей в помощь отцу, особенно для не состоящих в браке отцов; пропагандировать совместное родительство внутри и вне брака; обратить внимание на критические периоды в семейной жизни, например, рождения ребенка и развода родителей; обеспечить возможность отцов учиться от других отцов; и пропагандировать жизнеспособность браков, построенных на совместной заботе, преданности и взаимодействии [532]. Некоторые разработчики таких

программ пытаются донести до мужчин интересную мысль, о том, что каждый раз, когда мужчина поддерживает конфликт с супругой, не пытается решить его конструктивно, он рискует будущим своего ребенка, так как супружеские конфликты ухудшают ситуацию развития ребенка [574] и увеличивают риск развода, неблагоприятно сказывающегося на жизни и развитии ребенка [618].

Среди наших испытуемых – отцов детей возраста 4-7 лет - 90% почувствовали себя отцом после рождения ребенка, а 10% - через 6-7 месяцев. 30% представляли себе своего будущего ребенка во время беременности жены. Они полагают, что во время беременности жены появилась большая забота о жене, ответственность, а после рождения ребенка – бытовые проблемы. 60% испытали радость и гордость, когда впервые увидели ребенка, 20% – боязнь, растерянность и 20% испытали смешанные чувства. В отличие от мужчин во время беременности, которые отрицательно относятся к совместным родам, 100% отцов относятся к участию отца в родах положительно, но никто из испытуемых не имеет такого опыта. Отец, по их мнению, воспитывает в ребенке рациональность, нормальные условия развития, эстетическое, нравственное развитие. Примечательно, что средняя оценка отцов самих себя по шкале «идеального отца» составляет 50%. Таким образом, реальное практическое взаимодействие с ребенком приводит к более реалистичному оцениванию собственного поведения.

Таким образом, становление психологической готовности к отцовству является сложным многоступенчатым процессом, на который влияют различные факторы, в том числе биологические, социальные и личностные. Формирование стратегии отцовства взаимосвязано с развитием личности отца с самого раннего возраста, и многие составляющие процесса формирования малоизученны и данные по детерминации их развития противоречивы, и только дальнейшее изучение онтогенеза отцовства позволит ответить на стоящие перед наукой вопросы.

Выводы

Таким, образом, мы определили, что становление психологической готовности к отцовству детерминировано как биологическими, так и социальными факторами. Кроме того, важнейшее значение для становления готовности к отцовству приобретают личностные факторы: процессы развития личности в онтогенезе: опыт личности, формирование ценностных ориентаций и достижение зрелости личности, саморегуляция и рефлексия.

В процессе становления психологической готовности к отцовству мы выделяем несколько этапов: первый этап становления психологической готовности к отцовству начинается с рождения мальчика до планирования рождения ребенка или момента получения сведений о беременности его жены – этап обозначения отцовства, включающий формирование гендерных стереотипов о мужской роли вообще и об отцовстве в связи с ней, которое происходит в процессе взаимодействия с собственными родителями, сверстниками, социумом. Второй этап – время осмысления отцовства в течение периода ожидания ребенка. Он начинается с того момента планирования рождения ребенка до начала взаимодействия с уже родившимся ребенком. Это период согласования представлений об отцовстве с реальными жизненными условиями личности. Третий этап, начинающийся после рождения ребенка – период ценностного осознания отцовства – период реализации сформированной ранее психологической готовности к отцовству в рамках стратегии отцовства.

При этом формирование предпосылок психологической готовности к отцовству, составляющих основу аксиологического компонента (например, гендерной идентификации и ценностных ориентаций личности), также рефлексивно-регулятивного компонента (саморегуляции, предпосылок зрелости личности), происходит в процессе социализации личности, начиная с

дошкольного периода, и связано с конкретной социальной ситуацией развития личности.

Принимая во внимание то, что ценностные ориентации личности связаны с личностной зрелостью через такие характеристики, как ответственность в разных сферах деятельности, эмоциональную зрелость, самоконтроль поведения, самостоятельность, адекватность самоотражения, высокий уровень реализованности, адекватность целеполагания, саморегуляция и рефлексия личности, можно сказать, что в период взрослости при реализации сформированной готовности к отцовству на практике зрелость является важнейшим параметром, определяющим родительское поведение, потому, что только сформированная личность становится субъектом свободного, самостоятельного и ответственного поведения в социуме.

Таким образом, интрапсихический аксиологический компонент стратегии отцовства находит свою реализацию в рамках экстрапсихического праксиологического компонента стратегии отцовства опосредованно через осуществляющий это взаимодействие интерпсихический рефлексивно-регулятивный компонент, включающий рефлексивность (самопознание, автономность, рефлексивность и эмпатию), саморегуляцию (определяемую такими характеристиками, как: гибкость, спонтанность, самостоятельность, контактность, креативность и уровень субъективного контроля), связанные с биологической, трудовой, умственной, эмоциональной, социальной, и психологической зрелостью личности.

При этом психологические эффекты реализации конструктивных стратегий отцовства проявляются в развитии личности самого мужчины-отца и его ребенка, а также в поддержании благополучия супружеских отношений в семье. В этой связи правомерно говорить о необходимости создания специальных условий семейно-образовательной среды благоприятной для становления психологической готовности к отцовству.

ГЛАВА 3. СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ОТЦОВСТВУ НА РАЗНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ЭТАПАХ

3.1. Организация и методы исследования

В соответствии с целью и задачами исследования, а также для проверки гипотезы нами было спланировано и проведено эмпирическое исследование содержательных характеристик психологической готовности к отцовству на разных возрастных этапах.

Экспериментальное исследование проводилось в период с февраля 2001 по июнь 2017. Всего в исследовании принимали участие 1654 человек, из них 1167 мужчин различного возраста, 487 женщин в период взрослости, 189 супружеских пар. Все испытуемые русскоговорящие жители Российской Федерации, преимущественно Кемеровской (города Кемерово, Новокузнецк, Топки, Березовский, Юрга), Томской (г. Томск) и Новосибирской областей (города Новосибирск, Бердск, Болотное, Искитим), Красноярского края (г. Красноярск), а также Омской, Курской, Челябинской, Московской и Ленинградской областей.

Исследование проводилось в несколько этапов:

I. Подготовительный этап февраль 2001 – март 2013, включающий постановку и обоснование проблемы, ее теоретико-методологическим анализ; определение научного аппарата планирование экспериментального исследования, разработка программы исследования; определение его методологических и методических принципов, выбор и апробацию методов исследования: анкеты в трех вариантах: для мужчин, не имеющих детей (вариант А), для мужчин во время беременности (вариант В), для мужчин-отцов (вариант С), «Шкала

отцовских установок Дж. Плека», «Опросник родительской идентичности», созданный в 2001 году коллективом авторов под руководством Дж. Плека (J. Pleck) и методики Pre-School Activities Inventory (PSAI) в русскоязычной версии «Кембриджский опросник гендерно-типичного поведения дошкольников», созданной в 1993 году Психометрическим центром Кембриджского университета. В апробации методик приняли участие 1224 человека (738 мужчин, 456 женщины), из них 158 супружеских пар [493].

Разработка анкеты в трех вариантах: для мужчин, не имеющих детей, для мужчин во время беременности жены, для мужчин-отцов проходила в рамках пилотажного исследования (апрель – август 2002). Количество испытуемых – 25 человек, мужчины в возрасте 18 -59 лет (средний возраст – 31 год), среди них – 34% студенты, 32% рабочие, 34% - предприниматели и служащие; 39 % имеющих высшее образование, 51 % имеющих одного или более детей. Выборка формировалась случайным образом. Результатом обработки полученных данных стало корректирование и уточнение вопросов анкет двух вариантов [71, с. 272-276].

В силу того, что в современных российских условиях эмпирическое исследование отцовства или его составляющих представляет определенную трудность из-за ограниченности круга опросников, изучающих отцовство, а также того, что зарубежные исследователи имеют целый блок опросников, специально разработанных для изучения отцовства нами были переведены и адаптированы следующие методики: Father Involvement Attitude Scale (FIAS), в российской версии «Шкала отцовских установок Дж. Плека», Caregiving and Breadwinning Reflected Appraisal Inventory (CBIRAI) в русскоязычной версии «Опросник родительской идентичности» и методики Pre-School Activities Inventory (PSAI) в русскоязычной версии «Кембриджский опросник гендерно-типичного поведения дошкольников», созданной Психометрическим центром Кембриджского университета. В апробации методик приняли участие 1224 человека (738 мужчин, 456 женщины), из них 158 супружеских пар. Все испытуемые имеют детей. Средний возраст мужчин 31,9 лет, женщин 30,7 лет. Среди испытуемых – 4%

студенты, 39% рабочие, 51% – предприниматели и служащие, 5% – руководители предприятий и учреждений 1% – безработные; 44% имеющих высшее образование (из них 1% имеет ученую степень), 54% – среднее специальное образование, 2 % имеют образование ниже среднего. Выборка формировалась случайным образом. Результатом обработки полученных данных стала оценка валидности методик, изложенная автором в статье [63, с. 34-37].

II. Экспериментальный этап (ноябрь 2002 – март 2017) проводилось в соответствии с разработанной нами в процессе теоретического анализа феномена моделью формирования стратегий отцовства и выдвинутой гипотезой и включало констатирующий этап исследования и формирующий эксперимент, включающий лонгитюдное исследование.

II. 1. Констатирующий этап исследования проходил с ноября 2002 по март 2015 года, включал исследование психологической специфики, закономерностей стратегий отцовства, уточнение научного аппарата; изучение психолого-педагогических условий формирования стратегий отцовства, построение психолого-педагогической модели формирования конструктивных стратегий отцовства в разные возрастные периоды, выделение критериев оценки ее эффективности. В исследовании приняли участие: 1. мальчики дошкольного возраста – 84 человека, средний возраст которых составляет 5,3 года из них 44 детей из полной семьи; 40 – из неполной семьи; 2. мальчики младшего школьного возраста – 45 человек, средний возраст которых составляет 10,1, из них 33 ребенка и полной семьи, 12 – из неполной семьи; 3. мальчики подросткового и юношеского возраста 64 человека, средний возраст которых составляет 16,1 года, из них 32 из полной семьи и 32 из неполной семьи; 4. мужчины в возрасте ранней и средней взрослости (974 человека из них 49 мужчин без детей и 925 мужчин имеющих одного или более детей). Обе группы были уравнены по возрасту (средний возраст мужчин, имеющих детей – 29,7, мужчин без детей – 29 лет) и социальным характеристикам – в основном испытуемые являются служащими (74% в первой группе, 71% – во второй), студентами (6% и 8% соответственно), предпринимателями (21% и 19% соответственно), временно неработающими (по

3% в каждой группе) с высшим (49% и 52% соответственно), среднетехническим и средне-специальным образованием (51% и 48% соответственно). Выборка формировалась случайным образом. Результаты были подвергнуты статистическому анализу в целях выявления особенностей стратегий отцовства различных групп мужчин. Всего на этом этапе в исследовании приняли участие 1167 испытуемых.

II. 2. Формирующий этап исследования (декабрь 2002 – апрель 2017) описан ниже.

III. Обобщающий этап, включающий обработку полученных данных, соотнесение их с заявленными целями, гипотезами исследования, анализ, обобщение и интерпретацию результатов, формулирование выводов и рекомендаций, внедрение их в практику.

Планирование исследования осуществлялось в соответствии с поставленной целью, выдвинутой гипотезой и учетом выявленной нами на этапе теоретического анализа недостаточной разработанности данной проблемы в современной психологии, к которой можно отнести: отсутствие исследований содержательных характеристик психологической готовности к отцовству на разных возрастных этапах, малая разработанность методов исследования отцовства, неразработанность проблемы становления психологической готовности к отцовству в современных российских условиях.

Методы и методики

При выборе методов мы ориентировались на методологическую основу диссертационного исследования и опирались на следующие соображения:

1. Руководствуясь системным подходом к личности и ставя целью разработку целостного представления о психологической готовности к отцовству, включающей принятие отцовской роли, зрелость личности, ответственность, ценность отцовства, ценностное отношение к ребенку и кооперационное отношение к супруге, как партнеру родительства, учитывая, что конструктивность стратегий взаимосвязана со зрелостью личности, принятием своей гендерной роли, ответственностью и ценностью отцовства на различных возрастных этапах,

а также разработанной нами на основе теоретического анализа феномена модели формирования стратегий отцовства мы предполагаем выделить данные компоненты стратегии отцовства для дальнейшего изучения их эффектов и особенностей формирования. Для этого использовались стандартизованные опросные методы, позволяющие выявить содержание характеристик психологической готовности к отцовству.

2. Опираясь на проведенные ранее исследования [71], мы полагаем, что характеристики психологических эффектов реализации конструктивных стратегий отцовства, таких, как: ответственное отцовство (планирование рождения ребенка, юридически оформленный статус, эмоциональное, физическое и финансовое участие в жизни ребенка, сформированность аксиологического, рефлексивно-регулятивного компонентов стратегии отцовства, а также позитивных отцовских практик, позитивное взаимодействие с супругой в рамках реализации родительских функций, позитивное родительское отношение, могут быть определены с помощью стандартизированных психологических методик, специально разработанной анкеты, а также глубинного интервью.

3. Руководствуясь положением о том, что становление психологической готовности к отцовству происходит в процессе развития личности в связи с формированием гендерной роли, ценностных ориентаций и компонентов зрелости личности в течение длительного времени начиная с периода дошкольного детства, мы полагаем необходимым выделить четыре группы испытуемых, разделенных по возрастному критерию: дошкольники, младшие школьники, подростки и юноши и взрослые.

4. Опираясь на положение о том, что становление психологической готовности к отцовству начинается с дошкольного периода, в дошкольный и младший школьный период мы выделяем предпосылки становления психологической готовности к отцовству, которые в подростковом и юношеском возрасте оформляются в содержательные характеристики компонентов психологической готовности к отцовству, трансформирующиеся в компоненты стратегии отцовства при взаимодействии с ребенком.

5. Принимая во внимание тот факт, что, согласно нашему теоретическому исследованию различные семейно-педагогические условия (полные /неполные семьи, участие /неучастие отца в жизни ребенка) могут быть значимы в процессе становления психологической готовности к отцовству, мы выделили внутри возрастных групп испытуемых с различными условиями развития личности (дети и подростки из полных семей, дети и подростки из неполных (одна мать) семей, дети отцов, участвующих в тренинговой работе по формированию конструктивных стратегий отцовства, мужчины, выросшие в полной и неполной семье).

6. Обеспечение достоверности результатов возможно только при тщательной и точной статистической обработке. Для повышения степени достоверности результатов исследования статистическая обработка проводилась с использованием компьютерных программ «Statistica for Windows 8.0», «STATISTICA 10.00», «SPSS for Windows 1999/ v. 10.05» и «EXCEL».

Использованный нами комплекс методик включал в себя:

Для диагностики детей дошкольного возраста:

1. *Изучение гендерных установок у детей (Полустандартизированное интервью В. Е. Кагана)* направленное на изучение гендерных установок и представлений детей о различиях мальчиков и девочек, отношении к родителям своего пола, постоянности или временности различий между полами. Методика включает в себя 12 вопросов, в том числе и просьбу нарисовать самого себя. Мы использовали модификацию данной методики, оценивая общий результат в соответствии со шкалой: соответствие представлений гендеру ребенка 2 балла, частичное соответствие 1 балл, полное несоответствие 0 баллов.

2. *«Кембриджский опросник гендерно-типичного поведения дошкольников» (русскоязычная версия англоязычного опросника «Pre-School Activities Inventory (PSAI)»)*, созданного в 1993 году С. Голомбок и Дж. Растом [562; 563; 88, с. 92-98] в Психометрическом центре Кембриджского университета. Опросник предназначен для родителей ребенка (от 2,5 до 5 лет), которым предлагается оценить, как часто ребенок играл с указанными игрушками, как часто

демонстрировал указанное поведение и проявлял определенные качества, выбрав один из следующих вариантов ответов «никогда», «почти никогда», «иногда», «часто», «очень часто». Результат подсчитывается по следующей формуле: $СБ=48,25+1,1 \times (\sum \text{мужских вопросов} - \sum \text{женских вопросов})$, где СБ – сырой балл. Мужские вопросы: 1, 3, 5, 6, 11, 12, 14, 15, 17, 19, 20, 21, женские вопросы: 2, 4, 7, 8, 9, 10, 13, 16, 18, 22, 23, 24. Для перевода в стандартизированные баллы (СТЕНы) учитывается поправка на возраст: Для мальчиков: $СТЕН = СБ \times 1.075 - \text{возраст} \times 0.177 + 0.88$; а для девочек: $СТЕН = СБ \times 1.026 + \text{возраст} \times 0.218 - 8.33$, где СТЕН – стандартизированный по возрасту балл, СБ – сырые баллы методики, и возраст ребенка указывается в месяцах. Результат оценивается с учетом следующих параметров: чем выше балл, тем более маскулинным является поведение ребенка. При этом, средней нормой для мальчиков является 60 ± 10 баллов, для девочек 40 ± 10 баллов. Результаты апробации методики опубликованы автором в следующей статье [88, с. 92-98].

3. *Диагностическая методика «Сюжетные картинки» (модифицированный вариант Е. О. Смирновой, Р. Р. Калининой)* использовалась для выявления нравственных норм дошкольников [187]. Стимульный материал представляет собой картинки, содержащие полярные по своим характеристикам нравственные нормы: 1) «доброта-жадность» (мальчик угощает всех конфетами из коробки, улыбается, девочка закрывает руками все игрушки от окруживших ее детей), 2) «отзывчивость-равнодушие» (маленькая девочка плачет, другая – ее утешает, выражение лица второй девочки сочувствующее, один мальчик плачет над сломанной машинкой, другой показывая на него пальцем смеется), 3) «дружелюбие-конфликтность» (дети вместе дружно играют на ковре, два ребенка отбирают друг у друга игрушечную лошадку), 4) «аккуратность – неаккуратность» (девочка причесывается перед зеркалом, девочка в грязном платье, непричесанная вырывает листы из книги.), 5) «вежливость-невнимание к взрослым» (ребенок предлагает женщине стул, она улыбается, бабушка сидит грустная, держится за голову; мальчик играет на барабане, смеется).

Исследование проводится индивидуально с предъявлением следующей инструкции: «Разложи картинки так, чтобы с одной стороны лежали те, на которых нарисованы хорошие поступки, а с другой – плохие. Раскладывай и объясняй, куда ты положишь каждую картинку и почему». Ребенок должен дать моральную оценку изображенным на картинке поступкам, что позволит выявить отношение детей к нравственным нормам. Особое внимание уделяется оценке адекватности эмоциональных реакций ребенка на моральные нормы: положительная эмоциональная реакция на нравственный поступок и отрицательная эмоциональная реакция – на безнравственный. При предъявлении картинок с ребенком проводится беседа, результаты обрабатываются в зависимости от выбора ребенка: 0 баллов присваивается, если ребенок неправильно раскладывает картинки (картинки с изображением положительных и отрицательных поступков складывает вместе), эмоциональные реакции неадекватны или отсутствуют; 1 балл присваивается, если ребенок правильно раскладывает картинки, но не может обосновать свои действия, эмоциональные проявления не выражены при оценке поступков; 2 балла присваиваются, если правильно раскладывая картинки, ребенок обосновывает свои действия, эмоциональные реакции адекватны, но выражены слабо; и 3 балла присваивается, если ребенок правильно отбирает поступки детей, обосновывает свой выбор, называет моральную норму, эмоциональные реакции на поступки героев ситуации адекватны, яркие.

4. Методика диагностики дошкольной зрелости и саморегуляции: диагностическая игра «Помощники доброго волшебника» О. И. Барчук, М. Р. Битянова [53]. Диагностика зрелости дошкольника, предложенная авторами интересна тем, что осуществляется в игровой деятельности, когда детям даются различные задания, что позволяет существенно облегчить детям ситуацию диагностики. Анализ результатов осуществляется по следующим параметрам: развитие мышления, развитие способности к воображению, развитие произвольности, мотивационная сфера (самостоятельность), развитие самосознания и игровая деятельность. В процессе игры фиксируются следующие

проявления: эмоции ребенка, слуховое и зрительное внимание, координация движений, мелкая моторика, развитие речи, воображение, особенности мышления, развитие памяти, произвольность поведения и коммуникативные навыки, а также уровень притязаний и самооценка. Максимальное количество баллов, которое может получить ребенок равно 51, при этом набор ниже 50% из возможного количества баллов (0-25 баллов) характерен для детей с низкой дошкольной зрелостью; дети, получившие 50-75% из возможного количества баллов (26-37 баллов) характеризуются средней дошкольной зрелостью; и дети, получившие 75-100% (38-51 балл) характеризуются высокой дошкольной зрелостью. Автор методики полагает, что результаты диагностической игры коррелируют со школьной успеваемостью и адаптацией к школе в первом классе [53].

Также нами использовались анкетные данные о возрасте, поле и семье ребенка.

Для диагностики детей младшего школьного возраста:

1. *Изучение гендерных установок у детей (Полустандартизированное интервью В. Е.Кагана)* описано выше.
2. *Модификация опросника «Распределение ролей в семье» (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская)*. Данная методика исследования супружеских отношений, опубликованная в 1987 году [15], предназначена для изучения представления супругов о ролевой структуре их семьи, раскрываемой через семь основных внутрисемейных ролей, наиболее полно характеризующих современную семью: воспитание детей, эмоциональный климат в семье, материальное обеспечение семьи, организация развлечений, роль «хозяина», «хозяйки», сексуальный партнер, организация семейной субкультуры. Нами были выбраны вопросы, касающиеся представлений детей о роли родителей в таких сферах, как: воспитание детей, эмоциональный климат в семье, материальное обеспечение семьи, организация развлечений, роль «хозяина», «хозяйки» и организация семейной субкультуры. В тексте методики для начальной школы вопросы были переформулированы из утвердительных в вопросы о

долженствовании или правильности поведения следующим образом: вместо слов «жена», «муж» были использованы слова «мама», «папа». Так, например, на вопрос «Кто в вашей семье играет с маленькими детьми?» исходные варианты ответов «А) В основном жена», «Б) Чаще жена, но и муж тоже», «В) Чаще муж, но и жена тоже» и «Г) В основном муж», были переформулированы в такие варианты, как: «Кто в семье должен играть с маленькими детьми?» «А) В основном мама», «Б) Чаще мама, но и папа тоже», «В) Чаще папа, но и мама тоже» и «Г) В основном папа».

3. *Анкета с модифицированной методикой самооценки гендерных качеств* на основе методики изучения самооценки Дембо-Рубинштейн. Согласно инструкции ребенку необходимо, заполнив таблицу, назвать пять качеств настоящего мужчины, оценить по этим качествам себя и своего отца. Нами оценивались сами выделенные качества, а также средний балл по выделенным качествам.

4. *Рисунок себя*. По инструкции необходимо было нарисовать себя. Нами оценивались 1) структура рисунка; 2) графические особенности; 3) процесс рисования. Оценивается соответствие изображения полу и возрасту автора рисунка, наличие или отсутствие гендерных характеристик образа, соответствующих или несоответствующих полу ребенка. Анализ особенностей графических особенностей может дать информацию большого диапазона: о «Я-образе» ребенка, его половой идентификации и т. д. Обращалось внимание на следующие элементы графических презентаций: 1) количество деталей тела. Присутствуют ли голова, волосы, уши, глаза, зрачки, ресницы, брови, нос, щеки, рот, шея, плечи, руки, ладони, пальцы, ноги, ступни; 2) декорирование: шапка, воротник, галстук, банты, карманы, ремень, пуговицы, элементы прически, сложность одежды, украшения, узоры на одежде; 3) количество использованных цветов (если рисунки выполнены в цвете). Информативным может быть и абсолютный размер фигур. Большие, занимающие весь лист фигуры рисуют импульсивные, уверенные в себе, склонные к доминированию дети. Очень маленькие фигуры связаны с тревожностью, чувством небезопасности. У

детей младшего школьного возраста в рисунках уже выделяются две разные схемы рисования индивидов разной половой принадлежности [283, с. 400].

5. *Методика «Диагностика нравственной мотивации»* разработана лабораторией воспитания нравственно-этической культуры ГосНИИ семьи и воспитания РАО и представляет собой описание четыре ситуации, в которых необходимо выбрать подходящий по мнению ребенка вариант поведения. Результат оценивается 0-1 низкий уровень нравственной мотивации поведения, 2-3 балла средний уровень нравственной мотивации поведения, 4 бала - высокий уровень нравственной мотивации поведения.

6. *Методика «Изучение направленности ответственности»* М. В. Матюхиной, С. Г. Яриковой [270] сконструирована для изучения интернальности или экстернальности направленности личной ответственности и саморегуляции младшего школьника. Детям предлагается 10 конкретных школьных ситуаций, связанных с невыполнением учащимися заданий учителя или школьных правил поведения по вине самого ученика или по внешней причине. Дети, описывая предложенные ситуации, выбирают один из вариантов объяснения причины своего поведения. Для подсчета результатов определяются и подсчитываются ответы с указанием субъективной и объективной причины произошедшего. Максимально можно набрать 10 баллов, при этом экстернальная направленность ответственности характерна для ребенка при наборе до 5, интернальная направленность ответственности определяется при наборе от 5 до 10 баллов.

7. *Диагностика личностного роста* П. В. Степанова, Д. В. Григорьева, И. В. Степановой [388]. Нами была использована модификация данного опросника, так как изначально опросник предназначен для учащихся 5-8 классов и содержит 91 утверждение, к которым нужно выразить свое отношение, оценив степень своего согласия (или несогласия) в баллах от «+4» до «-4». Мы проводили опросник для учащихся 3-4 классов, уменьшив количество шкал до 7, и, соответственно, уменьшив количество вопросов. В результате мы получили данные по следующим шкалам: 1) Характер отношений школьника к семье, 2)

Характер отношений школьника к миру, 3) Характер отношений школьника к труду, 4) Характер отношений школьника к знаниям, 5) Характер отношений школьника к человеку как таковому, 6) Характер отношений школьника к своему телесному Я, 7) Характер отношений школьника к своему внутреннему миру, своему душевному Я.

Также нами использовались анкетные данные о возрасте, поле и семье ребенка. Для диагностики поведения ребенка использовался метод экспертных оценок. Учителям предъявлялись результаты диагностики, и они оценивали совпадение поведение с полученными результатами по 100-балльной шкале.

Для обследования подростков и юношей:

1. *Модификация опросника «Распределение ролей в семье» (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская) описана выше.*
2. *Опросник «Я – женщина (мужчина)» (Л. Н. Ожиговой) создан для изучения самооценки соответствия гендерному стереотипу. Представляет собой 9 незаконченных предложений (например, «Я – мужчина, потому что...»), которые необходимо закончить в соответствии с собственными представлениями. Результат оценивается исходя из набранных баллов: при 19-27 личность характеризует себя как соответствующую гендерному стереотипу; при 10-18 баллах личность плохо осознает собственные гендерные характеристики; при наборе 9 баллов и меньше личность характеризует себя как не соответствующую гендерному стереотипу.*
3. *Анкета с модифицированной методикой самооценки гендерных качеств описана выше.*
4. *Рисунок себя описан выше.*
5. *Первая и четвертая шкалы «Опросника родительской идентичности» Дж. Плека описаны ниже.*
6. *Тест-опросник личностной зрелости Ю. З. Гильбуха описан ниже.*
7. *Методика «Принятие ответственности» В. П. Прядеина описан ниже.*
8. *Опросник терминальных ценностей (ОТЕЦ) И. Г. Сенина описан ниже.*

9. *Методика диагностики уровня развития рефлексивности А. В. Карпова описана ниже.*

Также нами использовались анкетные данные о возрасте, поле и семье ребенка. Для диагностики поведения ребенка использовался метод экспертных оценок. Учителям предъявлялись результаты диагностики, и они оценивали совпадение поведения с полученными результатами по 100-балльной шкале.

Для обследования взрослых:

1. *Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева* является адаптированной версией теста Дж. Крамбо и Л. Махолика (Purpose-in Life Test), разработанный на основе теории стремления к смыслу и логотерапии В. Франкла и преследовала целью валидизацию ряда представлений этой теории, в частности представление об «экзистенциальном вакууме» и «ноогенных неврозах». Цель жизни авторы теста определили как переживание индивидом «онтологической значимости жизни» Русскоязычная версия теста была впервые выполнена К. Муздыбаевым [288] на основе модификации теста Дж. Крамбо. Эта версия была усовершенствована и адаптирована Д. А. Леонтьевым [247; 249]. Данная методика представляет собой 20 симметричных шкал-вопросов, состоящих из пары целостных альтернативных предложений с одинаковым началом. Показатели теста включают в себя общий показатель осмысленности жизни (ОЖ) и пять субшкал, отражающих три конкретные смысложизненные ориентации и два аспекта локуса контроля.

2. *Методика «Личностный Дифференциал»* использовалась для исследования компонента оценки и активности выполнения отцовской роли. Данная методика была разработана на базе современного русского языка и отражает сформировавшиеся в нашей культуре представления о структуре личности. Методика адаптирована сотрудниками психоневрологического института им. В. М. Бехтерева. Целью ее разработки являлось создание компактного и валидного инструмента изучения определенных свойств личности, ее самосознания, межличностных отношений, который мог бы быть применен в

клинико-психологической и психодиагностической работе, а также в социально-психологической практике [99].

3. *Методика «Измерение родительских установок и реакций» (PARI) Шеффера-Белла и др. (Schaefer, E. S. – Bell, R. A.).* Опросник PARI направлен на изучение наиболее общих особенностей воспитания. Он не связан с установками на воспитание конкретного ребенка. Родители выражают свое мнение, касающееся воспитания детей вообще. Это позволяет изучить установки родителей на воспитание ребенка априорно, что необходимо в практике усыновления и при создании семейных детских домов. Опросник затрагивает не только сферу взаимоотношений родителей с ребенком, но и отражает позицию в межсупружеских отношениях. Опросник PARI (4-я форма) включает 115 утверждений, касающихся семейной жизни и воспитания детей. В него заложены 23 шкалы, в каждой из шкал по 5 вопросов. PARI является многомерным опросником, поэтому осуществлялось выявление связей между шкалами с помощью факторного анализа [71].

4. *Анкеты.* Для выявления содержания выделенных нами компонентов структуры отцовства, а также отслеживания различных параметров отцовства, для измерения которых нет соответствующих методик, нами были специально разработаны два варианта анкеты для мужчин, имеющих детей, (вариант С) и для мужчин без детей (вариант А). **Вариант С** состоит из 23 вопросов, включает закрытые и открытые вопросы, позволяющие выявить индивидуальные особенности выполнения отцовской роли, взаимоотношений с ребенком (детьми), особенности взаимоотношений с собственными родителями, а также представления конкретного мужчины о социальных нормах, регулирующих отцовские функции. **Вариант А** включает также открытые и закрытые вопросы, позволяет выявить особенности индивидуального отношения к исследуемому нами феномену, а также включает вопросы об отношениях в родительской семье и отношениях с собственными родителями, кроме того, с помощью данной анкеты выявлялось намерение иметь собственных детей, а также в данный

вариант анкеты были включены вопросы, исследующие представления о социальных ролях и нормах, регулирующих отцовство.

5. *Опросник родительской идентичности Дж. Плека (Caregiving and Breadwinning Reflected Appraisal Inventory (CBIRAI))*. Методика была создана коллективом авторов Т. W. Maurer, J. H. Pleck и Т. R. Rane в 2001 году для исследования отцовской родительской идентичности, однако, она в том же виде с успехом была применена и для исследования материнской идентичности [609]. Опросник родительской идентичности имеет шесть шкал, описывающих родительство и построен на основе концептуальной теории родительской идентичности J.H. Pleck. Авторы опросника полагают, что родительская идентичность партнеров-родителей тесно взаимосвязана между собой. То есть, родительство не является просто личностным феноменом, оно во многом обусловлено супружескими отношениями и историей семьи [167; 168; 233; 234].

Опросник состоит из двух блоков: блок шкал, определяющих родительскую идентичность в уходе за ребенком (традиционно женская роль) – 1-3 шкалы; и блок шкал, описывающих идентичность в роли кормильца (традиционно мужская роль) – 4-6 шкалы. Каждый блок отражает концепцию авторов о взаимосвязи родительской идентичности личности с оценкой и ожиданиями партнера. Так первый блок состоит из шкал: 1. Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком, 2. Шкала оценки родительской идентичности супруга(и) в уходе за ребенком, 3. Шкала оценки собственной родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруга (и). Второй блок соответственно составляют шкалы: 4. Шкала родительской идентичности в роли кормильца, 5. Шкала оценки родительской идентичности супруга(и) в роли кормильца) и 6. Шкала оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруга(и).

6. *Шкала отцовских установок Дж. Плека (Father Involvement Attitudes Scale (FIAS))* была разработана Дж. Плеком для экспресс-диагностики установок мужчин, относительно ценности, необходимости, возможностей и желательности вовлеченности отца в жизнь ребенка в рамках четвертой волны проводимого в США в 1988 года Национального обследования мужчин (National Survey of

Adolescent Males (NSAM), wave 4). Опросник содержит всего 8 утверждений, испытуемому необходимо оценить, насколько он согласен с высказываниями, выбрав ответ среди ранжированных вариантов: «полностью не согласен», «скорее не согласен», «скорее согласен», «полностью согласен». Результаты подсчитываются суммированием баллов; при этом баллы по пунктам 3,6,7 пересчитываются, используя нисходящую шкалу, остальные пункты пересчитываются с использованием восходящей шкалы. В результате чем выше балл, тем выше установка на вовлеченное отцовство. При этом при 0-8 баллах для испытуемого характерна установка на исключенность из жизни ребенка, избегание ответственности, нежелание с ним общаться, восприятие ребенка как обузы; при 9-16 баллах – избегание или редкое общение, неответственное отношение к ребенку; при 17-23 баллах для испытуемого характерна смешанная установка, непонимание роли отца в развитии личности ребенка, общение по случаю, избегание ответственности; при 24-32 баллах характерна установка на вовлеченность в жизнь ребенка, ответственность, понимание роли отца в развитии личности ребенка.

7. *Методика С. Бэм «Маскулинность и Фемининность» (МиФ)*. Методика разработана С. Бэм в 1974 году для диагностики психологического пола в соответствии с теоретическими положениями автора о наличии трех вариантов гендерных качеств: маскулинность, феминность и андрогинность и, соответственно, определяет степень маскулинности, феминности или андрогинности личности. Опросник содержит 60 утверждений о качествах, которые могут быть присущи, как мужчине, так и женщине, но имеют гендерную специфику. Испытуемому необходимо оценить наличие или отсутствие у себя данных качеств [71, с. 124-129]. Затем по ключу определяются показатели феминности (F) и маскулинности (M) и основной индекс IS в соответствии с формулой, предложенной С. Бэм. Несмотря на изменение теоретических положений в сторону признания маскулинности и феминности не противоположными, а параллельно функционирующими в психике и поведении

человека характеристиками, методика остается одной из самых валидных и наиболее употребляемых в рамках гендерных исследований [76].

8. *Тест-опросник личностной зрелости Ю. З. Гильбуха* [181] используется для изучения личностной зрелости по следующим шкалам: 1) мотивация достижения (как направленность личности на значимые жизненные цели, стремление к самореализации, лидерству, достижению высоких результатов в деятельности, самостоятельность и инициативность); 2) отношение к своему Я или «Я-концепция» (связано с адекватной самооценкой, позитивным самоотношением и удовлетворенностью своими способностями и характерологическими особенностями, а также знаниями, умениями и навыками, уверенностью в своих возможностях, и при этом высокой требовательностью к себе, скромностью, уважением к другим людям); 3) чувство гражданского долга; 4) жизненная установка (включает рассудительность, эмоциональную уравновешенность как преобладание интеллекта над импульсивностью); 5) способность к психологической близости с другим человеком (связана с эмпатией, потребностью в духовной близости и доброжелательным отношением к людям, умением выслушать).

9. *Методика «Принятие ответственности» В. П. Прыдеина* [337] создана для диагностики ответственности и саморегуляции на основе модификации стимульного материала теста С. Розенцвейга. Результаты оформлены в три шкалы: первый фактор «Принятие ответственности на себя в ситуации обвинения» включает в себя анализ ответов испытуемого в первой и второй ситуациях. Вторым фактор «Принятие ответственности другого лица» включает также ответы испытуемых по двум другим ситуациям. Здесь 10-8 баллов характерны для принятия и понимания взятой на себя ответственности субъектом, 7-5 баллов – для нейтральной реакции, и 4-2 балла связаны с отказом от ответственности и агрессивной реакцией на безответственность субъекта.

Фактор А «Принятия ответственности на себя» представляет собой анализ ответов испытуемого по всем четырем ситуациям. При этом, 20-15 баллов характерны для интернального акцента при разборе конфликтной ситуации,

эмпатийного отношения к субъекту, совершившего промах; 14-10 баллов связаны с отсутствием устойчивой реакции, колебаниями между интернальностью и экстернальностью; 9-4 балла связаны с избеганием ответственности, переложением ее на другого, негативизмом в решении спорных вопросов. Валидность теста подтверждена корреляционными связями с социоцентричностью мотивационного компонента ответственности и субъектностью результативного компонента ответственности [337].

10. *Опросник терминальных ценностей (ОТЕЦ)*, разработанный И. Г. Сениным на основе теоретических положений М. Рокича о системе ценностей личности. Методика содержит 80 утверждений, которые оцениваются по пятибалльной шкале. В результате оценивается выраженность восьми терминальных ценностей, и, кроме того, представленность данных ценностей в различных сферах жизни (профессиональная деятельность, обучение и образование, семейная жизнь, общественная жизнь, увлечения). Полученные в сырых баллах оценки переводятся в стэны. Результаты представляются в форме индивидуального профиля, отдельно для шкал терминальных ценностей и жизненных сфер. Опросник обладает удовлетворительной надежностью, конструктивной и критериальной валидностью [99].

11. *«Тест-опросник удовлетворенности браком»* В. В. Столина, Т. Л. Романовой, Г. П. Бутенко предназначен для экспресс-диагностики степени удовлетворенности или неудовлетворенности браком. При разработке опросника авторы исходили из тезиса о том, что супружеские союзы скрепляются эмоциональными узами. В соответствии с этим, они предположили, что удовлетворенность/неудовлетворенность браком является обобщенной эмоцией, генерализованным переживанием, нежели следствием рациональной оценки успешности брака по тем или иным параметрам. Опросник представляет собой одномерную шкалу, состоящую из 24 утверждений, относящихся к различным сферам: восприятия себя и партнера, мнения, оценки, установки [283, с. 413-415].

12. *Методика «Уровень субъективного контроля» (УСК)* (Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, Л. М. Эткинд). Основываясь на концепции локуса контроля

Дж. Роттера, авторы создали методику, которая позволяет выявить особенности локуса контроля в различных ситуациях. Данная методика имеет несколько шкал: Шкала общей интернальности (Ио), Шкала интернальности в области достижений (Ид), Шкала интернальности в области неудач (Ин), Шкала интернальности в семейных отношениях (Ис), Шкала интернальности в области производственных отношений (Ип), Шкала интернальности в области межличностных отношений (Им), Шкала интернальности в отношении здоровья и болезни (Из).

13. Методика диагностики уровня развития рефлексивности А. В. Карпова. Методика создана в соответствии с теоретическими положениями автора о сущности и составляющих рефлексивности в 2003. Опросник содержит 27 вопросов, на которые испытуемый отвечает в соответствии со следующей шкалой: 1 – абсолютно неверно; 2 – неверно; 3 – скорее неверно; 4 – не знаю; 5 – скорее верно; 6 – верно; 7 – совершенно верно. Полученные баллы переводятся в звезды по предложенной схеме, и результат оценивается согласно трем уровням: высокоразвитый, средний и низкий уровень развития рефлексивности [191].

14. Опросник «Репродуктивные мотивы» И. С. Морозовой, К. Н. Белогай, Ю. В. Борисенко и Т. О. Отт. Опросник «Репродуктивные мотивы» в своей основе имеет классификации репродуктивных мотивов, предложенные психологами и социологами. В структуру опросника были включены два основных блока: исследование причин, побуждающих к рождению детей и исследование причин, препятствующих тому, чтобы обзавестись ребенком. После выполнения испытуемыми задания необходимо посчитать суммарное количество баллов по каждому блоку. К конструктивным мотивам относятся: желание рождения ребенка ради ребенка и мотив рождения ребенка от любимого человека. К деструктивным репродуктивным мотивам было отнесено значительно больше вариантов: соответствие ожиданиям семьи, соответствие социальным ожиданиям, рождение ребенка как протест, рождение ребенка ради сохранения отношений, рождение ребенка как уход от настоящего, мотив рождения ребенка для получения материальной выгоды, мотив воплощения своих нереализованных стремлений через ребенка [280, с. 140-142; 493].

3.2. Предпосылки психологической готовности к отцовству у детей дошкольного возраста

Уровневые характеристики выборки, состоявшей из 84 детей дошкольного возраста, представлены в таблице (Таблица 3.2.1, Приложение 1), из которой видно, что наибольшей дисперсией характеризуются данные, полученные по шкалам зрелости и гендерно-типичного поведения, что свидетельствует о высокой индивидуальности результатов данных опросников, наименьшей дисперсией характеризуются шкалы нравственности и гендерных установок детей, являющиеся более однородными. Средний возраст детей 5,3 года. Сравнение результатов данного исследования со статистическими нормами говорит, что средние и стандартные отклонения данных по методике оценки гендерно-типичного поведения находятся в рамках статистических норм. Таким образом, можно говорить, что наша выборка не обладает какими-либо специфическими особенностями по сравнению с другими детьми того же возраста, следовательно, мы можем проводить дальнейший анализ результатов, полученных от данной выборки детей. Среднее и медиана по показателю гендерно-типичного поведения практически совпадают (62,6 и 62,0 соответственно), близки по данным гендерных установкам детей (8,9 и 9 соответственно) и зрелости (36,7 и 37 соответственно). Однако при повторном замере заметен разрыв между показателями среднего и медианы по методике оценки гендерно-типичного поведения. По другим показателям такой тенденции не наблюдается. Возможно, это связано с тем, что эта методика заполняется родителем ребенка (в нашем случае это были всегда мамы), тогда как на вопросы остальных методик отвечает сам ребенок. То есть, такие изменения связаны с изменением родительской оценки или внимания к ребенку в семье после проводимых нами занятий.

Для анализа результатов данной выборки нами были изучены различия между группами дошкольников, разделенными по нескольким признакам:

наличие или отсутствие отцовской фигуры, включение семьи в специально организованную образовательную среду.

Сначала мы сравнили детей из полных и неполных семей. Все исследуемые нами параметры подчиняются нормальному закону распределения (по критерию Колмогорова-Смирнова), кроме данных по методике оценки нравственных норм дошкольников. Таким образом, для выявления различий были использованы t-критерий Стьюдента для параметрических данных (результаты представлены в Таблице 3.2.2) и U критерий Манна-Уитни для непараметрических данных по одной методике (результаты проверки по данному критерию представлены в Таблице 3.2.3).

Таблица 3.2.2. – Сравнение данных детей из полных и неполных семей по t-критерию Стьюдента

	Среднее - 1	Среднее - 2	t-знач.	p
Гендерно-типичное поведение*	60,52	64,10	2,41	0,01
Гендерные установки	8,47	8,93	-1,51	0,13
Зрелость и саморегуляция	37,20	36,68	0,37	0,70

* отмечены значимые различия

Из таблицы видно, что значимые различия среди детей из полных и неполных семей наблюдаются только по показателю гендерно-типичного поведения.

Таблица 3.2.3. – Сравнение данных детей из полных и неполных семей по U критерию Манна-Уитни

	Сум.ранг - Группа 1	Сум.ранг - Группа 2	U	Z	P- уров.	Z - скорр .	N - Группа 1	N - Группа 2	2-х стор - точное p
Нравственные нормы	1271,00	1144,00	451,00	-1,56	0,118	-1,58	40	29	0,11

Различий по другим показателям, включая и показатели нравственных норм (Таблица 3.2.3) не наблюдается.

В целях дальнейшего изучения содержательных характеристик предпосылок психологической готовности к отцовству у детей дошкольного возраста нами был проведен кластерный анализ с использованием иерархической классификации по методу полной связи, результаты которого представлены на Рисунке 3.2.1.

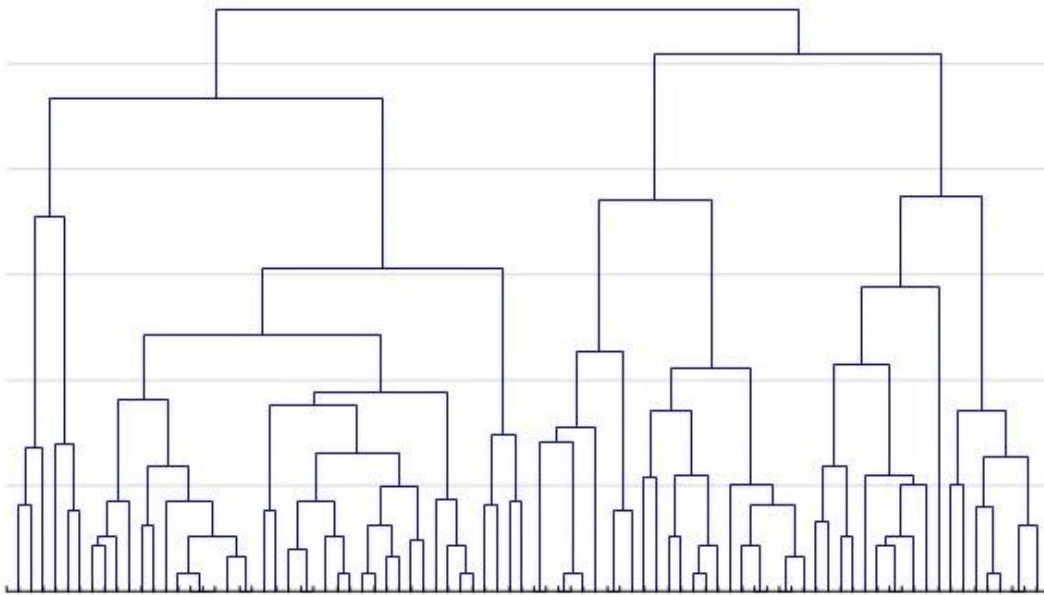

Рисунок 3.2.1. – Результаты кластерного анализа в группе дошкольников

На рисунке четко видны 4 кластера. Используя данные результаты для дальнейшего изучения специфики выделенных групп детей, мы провели кластеризацию данных методом К средних, результаты которой представлены на Рисунке 3.2.2.

Таким образом, мы наблюдаем 4 кластера данных, характеризующиеся следующими параметрами: для первого кластера характерны высокая нравственность, низкая оценка по гендерным установкам и средний результат по зрелости; для второго кластера характерны высокая оценка по гендерным установкам, высокая нравственность и зрелость, для третьего кластера характерны низкие показатели по гендерным установкам и очень низкие – по нравственным нормам и средние показатели по зрелости; четвертый кластер

имеет низкие показатели по гендерным установкам и нравственным нормам и очень низкие по показателю зрелости.

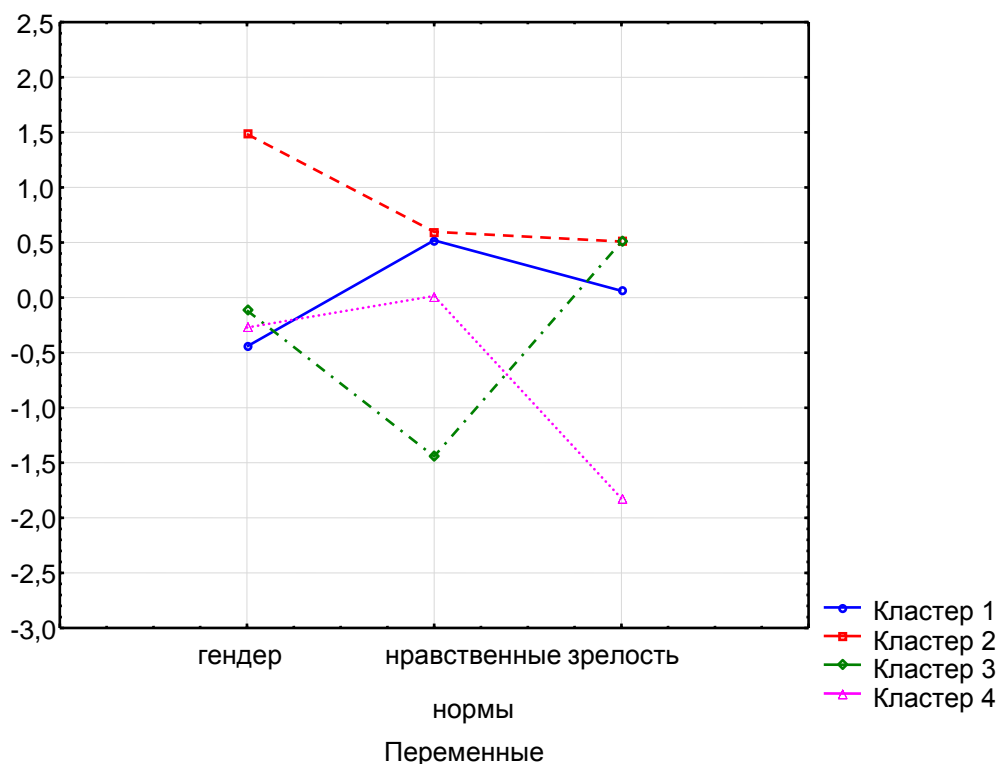

Рисунок 3.2.2. – Результаты кластеризации данных методом K средних в выборке дошкольников

То есть, первая группа детей имеет средние показатели при этом самым ярким из них является показатель нравственных норм, вторая группа имеет высокие показатели при самом высоком показателе гендерных установок, третья группа имеет низкие показатели по гендеру, средние по зрелости и очень низкие по нравственным нормам, четвертая группа демонстрирует все низкие показатели при очень низком показателе зрелости.

В целях дальнейшего изучения выделенных групп дошкольников мы определили характеристики детей, попавших в каждый кластер. Выяснилось, что в первый кластер попали 45% детей, во второй 17%, в третий 25% детей и в четвертый 13% детей. Результаты сравнения частот распределения по кластерам представлены в Таблице 3.2.4.

Таблица 3.2.4. – Распределение испытуемых по кластерам для выборки дошкольников

	группа	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4	Всего
Частота	1	18	4	13	5	40
% по строке		45%	10%	32%	12%	
Частота	2	18	5	4	2	29
% по строке		62%	17%	13%	6%	
Частота	3	2	6	3	4	15
% по строке		13%	40%	20%	26%	
Частота	Всего	38	15	20	11	84
% по строке		45%	17%	25%	13%	

Дети из неполных семей относятся в основном к первому (45%) и к третьему кластеру (32%), второй и четвертый кластер практически равно представлены в данной группе (10 и 12% соответственно); дети из полных семей относятся к первому кластеру в большинстве случаев (62%), однако среди них есть дети, попавшие во второй и третий кластер (17% и 13% соответственно), и среди них мало относящихся к четвертому кластеру (6%). Если отдельно проанализировать результаты детей тех родителей, что выразили желание участвовать в разработанных нами занятиях, то получится, что среди них высок процент детей из второго кластера (40%), при достаточно высоких показателях по третьему и четвертому кластеру (20% и 26: соответственно), также присутствуют дети, попавшие в первый кластер (13%).

Таким образом, получается, что дети из неполных семей характеризуются средними показателями при этом самым ярким из них является показатель нравственных норм, либо, наоборот, низкими показателями по гендеру, средними по зрелости и очень низкими по нравственным нормам. Тогда как в большинстве случаев дети из полных семей характеризуются средними показателями при этом самым ярким из них является показатель нравственных норм, среди них примерно в равном количестве встречаются дети с низкими показателями о гендеру, средними по зрелости и очень низкими по нравственным нормам, а также дети, демонстрирующие высокие показатели при самом высоком показателе гендерных установок.

Дети из семей тех родителей, что выразили желание участвовать в разработанных нами занятиях, часто демонстрируют высокие показатели при самом высоком показателе гендерных установок, что связано с особенностями семейной среды, так как именно такие родители заинтересованы в развитии своего ребенка, взаимодействии с ним и, соответственно, такие дети отличаются более высокими показателями развития. Однако среди детей испытуемых, участвующих в занятиях, оказалось больше детей с очень низкими показателями по развитию нравственных норм, либо детей, демонстрирующих низкие показатели по всем параметрам. Таким образом, в нашем исследовании участвовали либо родители из очень благополучных в отношении взаимоотношений родителей и детей семей, либо родители, имеющие сложности с ребенком.

В этой связи интересным представляется взаимосвязь предпосылок психологической готовности к отцовству в дошкольном возрасте. Если мы в качестве основы для анализа возьмем параметры зрелости и нравственных норм, то кластеризация с использованием иерархической классификации по методу полной связи дает нам 3 кластера в исследуемой нами группе (Рисунок 3.2.3).

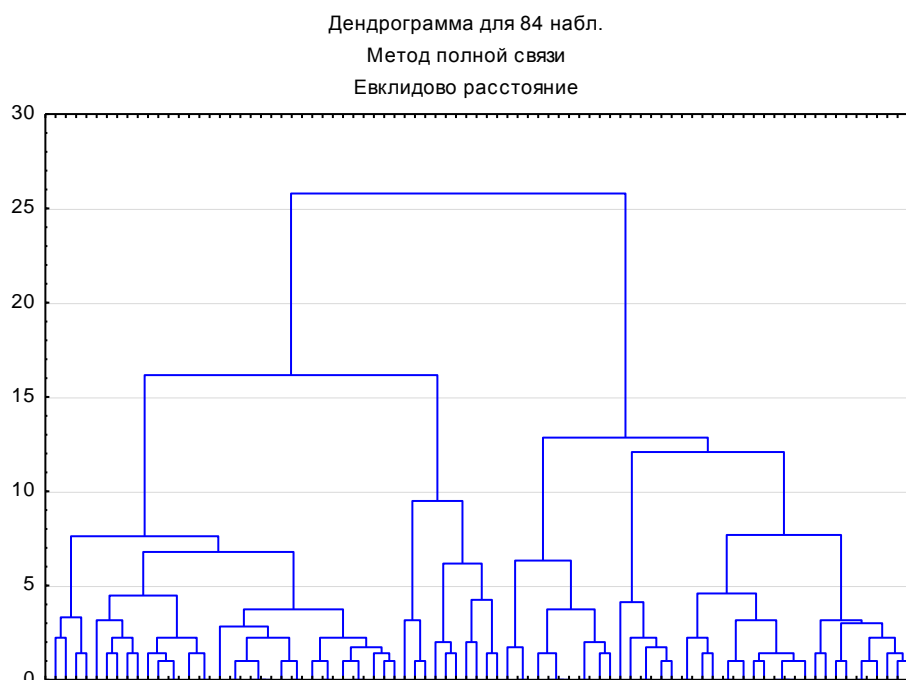

Рисунок 3.2.3. – Результаты кластерного анализа по двум параметрам в группе дошкольников

На рисунке четко видны 3 кластера. Используя данные результаты для дальнейшего изучения специфики выделенных групп детей, мы провели кластеризацию данных методом К средних, результаты которой представлены на Рисунке 3.2.4.

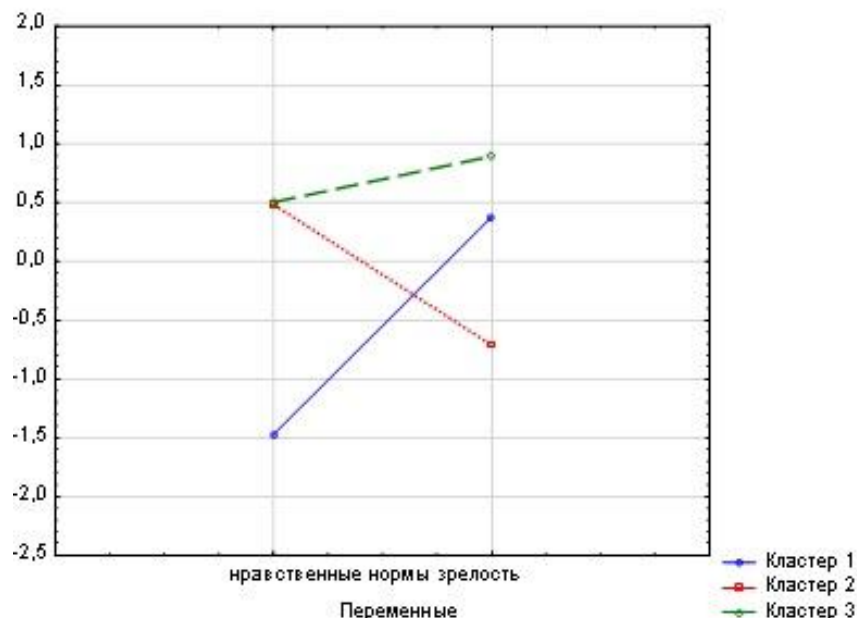

Рисунок 3.2.4. – Результаты кластеризации данных по двум параметрам методом К средних в выборке дошкольников

Таким образом, мы наблюдаем 3 кластера, при этом испытуемые, попавшие в первый кластер, характеризуются средней зрелостью и низкими показателями по нравственным нормам, испытуемые второго кластера характеризуются низкой зрелостью и высокими показателями по нравственным нормам, испытуемые третьего кластера демонстрируют высокие показатели по обоим шкалам. Анализ распределения испытуемых по кластерам, представленный в Таблице 3.2.4, показал, что дети из неполных семей попадают во второй (45%) и первый кластер (35%), и в меньшей степени в третий кластер (20%) (Таблица 3.2.5, Приложение 1).

Дети из полных семей в большинстве относятся ко второму (55%) и третьему (31%) кластеру. Если отдельно проанализировать детей из экспериментальной группы (ЭГ), то они попадают также во второй (40%) и третий (40%) кластеры.

Наглядно это представлено на Рисунке 3.2.5.

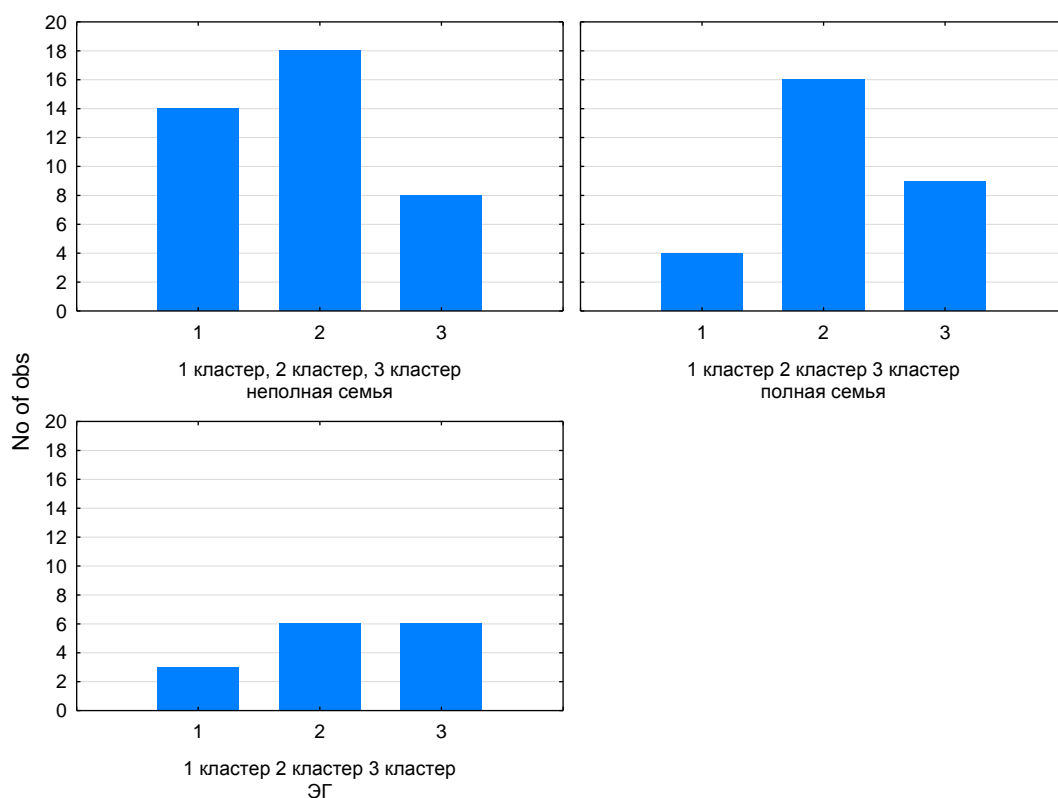

Рисунок 3.2.5. – Распределение испытуемых после кластеризации по двум параметрам

Таким образом, дети из неполных семей чаще, чем дети из полных семей относятся к первому кластеру, то есть характеризуются средней зрелостью и низкими показателями по нравственным нормам. Дети с низкой зрелостью и высокими показателями по нравственным нормам примерно равно представлены среди детей из полных и неполных семей. Дети из полных семей намного чаще демонстрируют высокие показатели по обеим шкалам. По данным параметрам дети из полных семей и дети из экспериментальной группы (также из полных семей) практически не различаются.

Однако однофакторный дисперсионный анализ, результаты которого представлены на Рисунке 3.2.6, показал, что особенности гендерно-типичного поведения у детей третьего кластера отличаются от остальных групп, что подтверждает наше предположение о том, что усвоение системы гендерных ролей в дошкольном возрасте взаимосвязано и с нравственным развитием, и с параметрами зрелости личности.

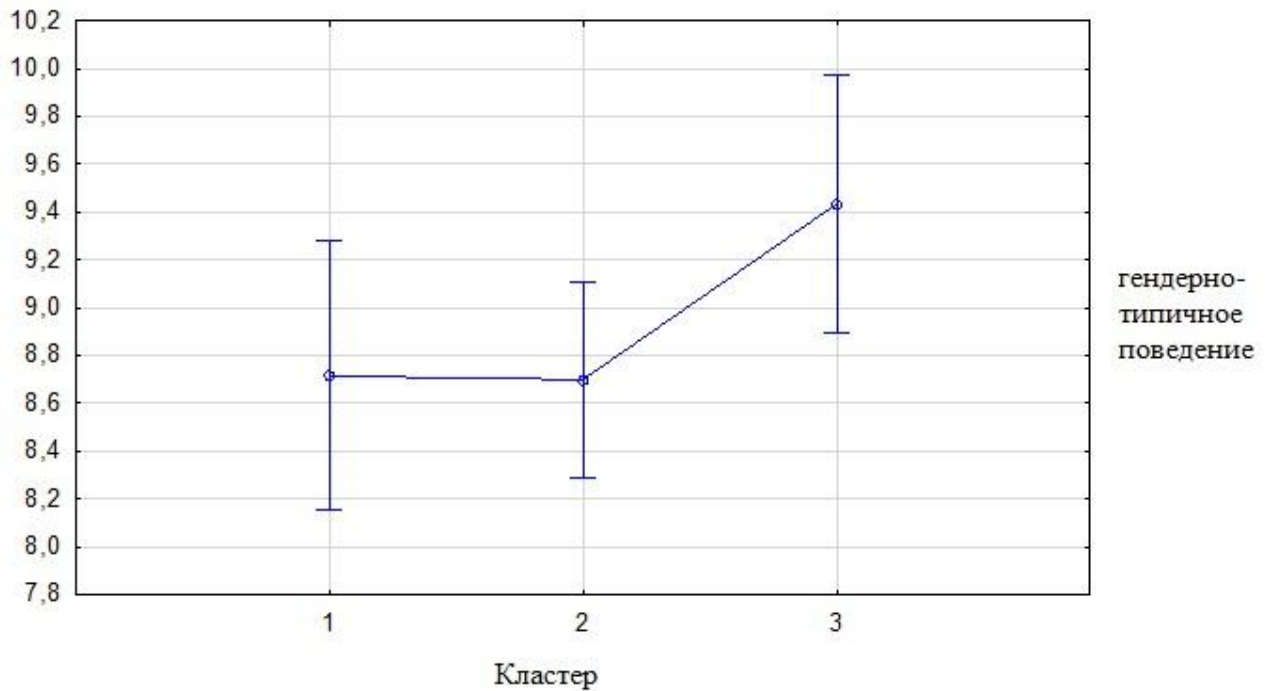

Рисунок 3.2.6. – Распределение дисперсий по показателю «гендерно-типичное поведение» по кластерам для выборки дошкольников

Это связано с особенностями семейной среды, в которой родители, особенно, отцы уделяют внимание взаимодействию с ребенком. Более подробно данное положение будет описано при анализе результатов формирующего эксперимента.

На основе теоретического анализа нами было проведено исследование интегрального показателя психологической готовности к отцовству. Зная количественные характеристики и имея критерии оптимальности становления психологической готовности к отцовству, можно вычислить интегральный показатель психологической готовности к отцовству для дошкольников, который будет изменяться от 0 до 1 и включать в себя пропорционально равные общие компоненты психологической готовности к отцовству:

$ГО = A_k * 0,33 + R_k * 0,33 + P_k * 0,33$, где ГО – интегральный показатель становления психологической готовности к отцовству, A_k – аксиологический компонент психологической готовности к отцовству, R_k – рефлексивно-

регулятивный компонент психологической готовности к отцовству, P_k – праксиологический компонент психологической готовности к отцовству.

Значения интегрального показателя становления готовности к отцовству изменяются от 0 до 1, и нами было эмпирически определено, что при значениях $0 \leq 0,3$ отмечается низкий уровень; $0,3 \leq 0,7$ средний уровень; $0,7 \leq 1$ высокий уровень. Значения внутри каждого компонента также изменяются в пределах от 0 до 1. Так значение $0 \leq 0,3$ определяет низкий уровень становления предпосылок психологической готовности к отцовству, связанный с нарушениями в формировании какого-либо или нескольких компонентов стратегии отцовства. В рамках аксиологического компонента стратегии отцовства в этом возрасте – это затруднения в формировании полового самосознания и серьезные нарушения нравственного развития, в рамках рефлексивно-регулятивного компонента стратегии отцовства – трудности самодисциплины, произвольности, самостоятельности; в праксиологическом компоненте – гендерная недифференцированность поведения. Значения $0,3 \leq 0,7$ определяют средний уровень становления предпосылок психологической готовности к отцовству. Значения $0,7 \leq 1$ определяют высокий уровень становления предпосылок психологической готовности к отцовству: аксиологический компонент стратегии отцовства включает в себя раннее формирование полового самосознания, определяет оптимальное нравственное развитие; рефлексивно-регулятивный компонент стратегии отцовства определяется социальной компетентностью, самодисциплиной, произвольностью, самостоятельностью. Практиологический компонент стратегии отцовства: будет включать в себя ярко выраженное гендерно-типичное поведение.

Анализ средних по всей группе дошкольников показывает, что интегральный показатель и показатель праксиологического компонента находятся в пределах средних величин, показатели аксиологического и рефлексивно-регулятивного компонентов также в рамках средних значений, но несколько ниже праксиологического компонента, что связано с возрастными особенностями в силу несформированности в данном возрасте аксиологического и рефлексивно-

регулятивного компонентов психологической готовности к отцовству и подтверждает наше предположение о том, что в этом возрасте наиболее развит праксиологический компонент (поведение) (Таблица 3.2.6, Приложение 1).

Как показывает анализ описательных статистик, представленных в Таблице 3.2.7 (Приложение 1), для детей из неполных семей показатели всех компонентов немного ниже, чем в среднем по выборке. Для детей из полных семей показатели немного выше, чем в среднем по выборке (Таблица 3.2.8., Приложение 1).

Сравнение групп по показателям всех компонентов интегрального показателя психологической готовности к отцовству по t-критерию Стьюдента для независимых выборок выявило значимые отличия между детьми из полных и неполных семей по следующим показателям (Таблица 3.2.9): праксиологический и аксиологический компонент, и интегральный показатель психологической готовности к отцовству, что подтверждает наше предположение о том, что фактором, определяющим предпосылки готовности к отцовству в детстве, является семья.

Таблица 3.2.9. – Результаты сравнения интегрального показателя детей-дошкольников из полных и неполных семей

Параметры	Среднее – неполная семья	Среднее – полная семья	t-знач.	p
Праксиологический компонент*	0,60	0,64	0,41228	0,018
Аксиологический компонент*	0,55	0,57	0,00297	0,04
Рефлексивно-регулятивный компонент	0,57	0,58	0,37	0,70
Интегральный показатель *	0,59	0,62	0,62	0,0005

* отмечены значимые отличия

Для всех детей-дошкольников результаты оценки компонентов интегрального показателя психологической готовности к отцовству находятся в рамках средних и выше средних значений, то есть в рамках возрастной нормы.

Если мы проанализируем распределение результатов интегрального показателя по выделенным нами кластерам, то получится, что дети из 3 и 4 кластера попадают в одни значения по интегральному показателю.

Первая группа детей имеет средние показатели при этом самым ярким из них является показатель нравственных норм и средние значения по интегральному показателю; вторая группа имеет высокие показатели при самом высоком показателе гендерных установок и интегрального показателя, третья группа имеет низкие показатели о гендере, средние по зрелости и очень низкие по нравственным нормам и низкие баллы по интегральному показателю, четвертая группа демонстрирует все низкие показатели при очень низком показателе зрелости и низкие баллы по интегральному показателю (Рисунок 3.2.7).

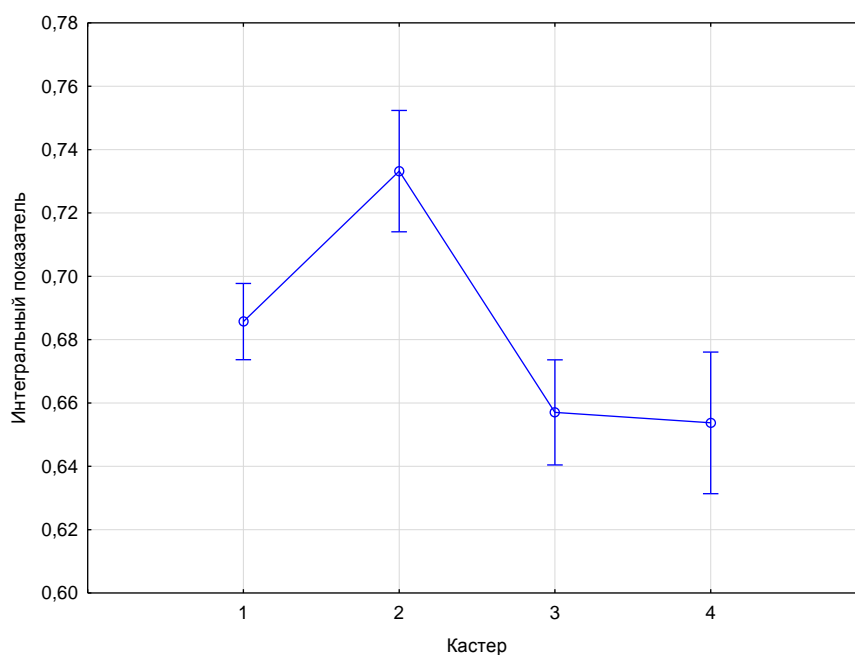

Рисунок 3.2.7. – Распределение результатов интегрального показателя по четырем кластерам

Для оптимизации выделения групп мы объединили два последних кластера (Рисунок 3.2.8.).

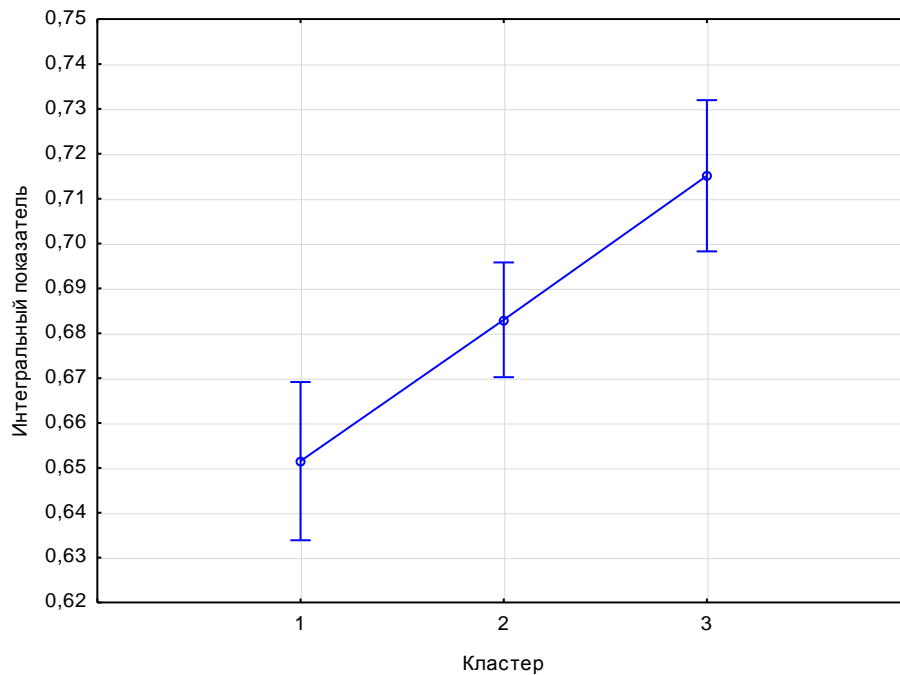

Рисунок 3.2.8. – Распределение результатов интегрального показателя по трем кластерам

Анализ распределения результатов интегрального показателя по выделенным нами кластерам, показал, что испытуемые, попавшие в первый кластер, характеризующиеся средней зрелостью и уровнем саморегуляции и низкими показателями по нравственным нормам, имеют самые низкие баллы по интегральному показателю; испытуемые второго кластера, характеризующиеся низкой зрелостью и уровнем саморегуляции и высокими показателями по нравственным нормам, имеют средние результаты, испытуемые третьего кластера демонстрируют высокие показатели по обеим шкалам и самые высокие результаты по интегральному показателю. Таким образом, можно четко выделить три группы среди детей-дошкольников, различающиеся по особенностям формирования предпосылок становления психологической готовности к отцовству, при этом недостаточность развития этих качеств у некоторых детей из неполных семей или семей с неблагоприятной для становления предпосылок психологической готовности к отцовству средой создает необходимость разработки программ психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству, начиная с дошкольного возраста.

3.3. Предпосылки становления психологической готовности к отцовству у младших школьников

Уровневые характеристики выборки, состоявшей из 45 детей младшего школьного возраста, представлены в таблице (Таблица 3.3.1, Приложение 2), из которой видно, что наибольшей дисперсией характеризуются данные, полученные по шкалам методики диагностики личностного роста, описывающих отношение к семье и к миру, что свидетельствует о высокой индивидуальности результатов, наименьшей дисперсией характеризуются шкалы гендерных установок детей, являющиеся более однородными. Средний возраст детей 10,1 года. Сравнение результатов данного исследования со статистическими нормами говорит, что средние и стандартные отклонения данных находятся в рамках статистических норм. Таким образом, можно говорить, что наша выборка не обладает какими-либо специфическими особенностями по сравнению с другими детьми того же возраста. Среднее и медиана по показателю опроснику «Распределение ролей в семье» (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская) практически совпадают, близки к результатам оценки гендерных установок детей (1,9 и 2 соответственно) и нравственной мотивации поведения (2,3 и 2 соответственно) и ответственности (3,8 и 4 соответственно).

Для анализа результатов данной выборки нами были изучены различия между группами младших школьников, разделенными по нескольким признакам: наличие или отсутствие отцовской фигуры, включение семьи в специально организованную образовательную среду (параграф 5.2). Сначала мы сравнили детей из полных и неполных семей. Все исследуемые нами параметры подчиняются нормальному закону распределения (по критерию Колмогорова-Смирнова). Дисперсии обеих групп различаются незначимо по критерию Фишера. Таким образом, для выявления различий был использован t-критерий Стьюдента (результаты представлены в Таблице 3.3.2).

Таблица 3.3.2. – Результаты сравнения детей младшего школьного возраста из полной и неполной семьи по критерию Стьюдента

Параметры*	Среднее - 2	Среднее - 1	t-знач.	сс	p
Гендерные установки	1,951	1,808	2,641	45	0,011
Оценка отца	4,481	3,666	2,254	45	0,029
Нравственная мотивация	2,575	1,666	2,073	45	0,044
Ответственность	4,060	3,333	2,221	45	0,031
Отношение к миру	18,51	12,417	2,536	45	0,014
Отношение к труду	18,69	13,833	2,593	45	0,012
Отношение к человеку	18,18	13,250	2,535	45	0,014

* представлены только параметры, по которым найдены значимые различия

Таким образом, дети младшего школьного возраста из неполных семей отличаются от детей из полных семей, то есть, детей, имеющих отцовскую фигуру, тем, что имеют более низкие баллы по параметрам гендерных установок, оценке отца по гендерным качествам (дети из полных семей оценивают отца, как более маскулинного), по параметрам нравственной мотивации поведения, ответственности, отношения к миру, к труду и к человеку, что соответствует теоретическим положениям данного исследования.

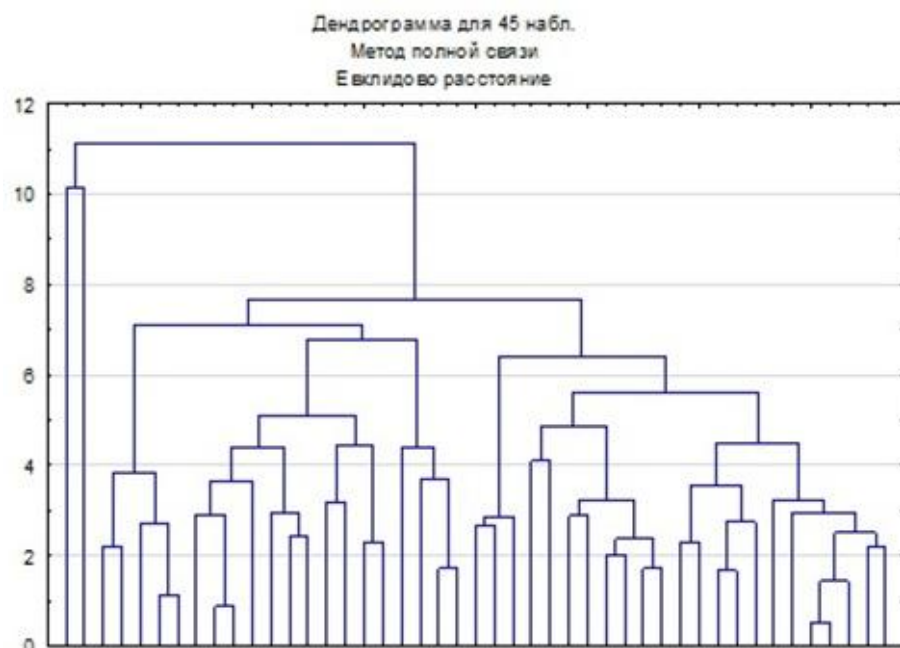

Рисунок 3.3.1. – Результаты кластерного анализа в группе младших школьников

В целях дальнейшего изучения содержательных характеристик психологической готовности к отцовству отцовства у детей младшего школьного возраста нами был проведен кластерный анализ с использованием иерархической классификации по методу полной связи, результаты которого представлены на Рисунке 3.3.1. В результате мы выделили три кластера, причем два из них являются примерно равнозначными, третий представлен слабо.

Используя данные результаты для дальнейшего изучения специфики выделенных групп детей, мы провели кластеризацию данных методом К средних, результаты которой представлены на Рисунке 3.3.2. Таким образом, мы выделили три кластера, первый из которых имеет в основном низкие значения по шкалам, второй – высокие, третий – демонстрирует разнонаправленные характеристики.

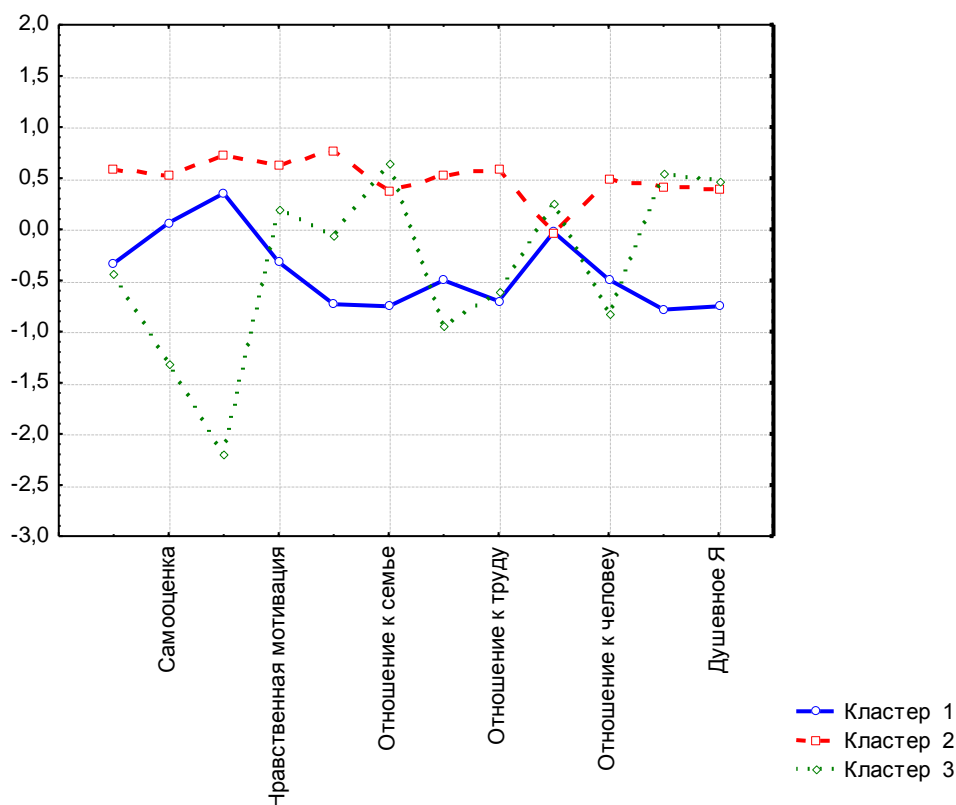

Рисунок 3.3.2. – Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке младших школьников

Для удобства анализа результаты представлены отдельно по параметрам на Рисунках 3.3.3. и 3.3.4.

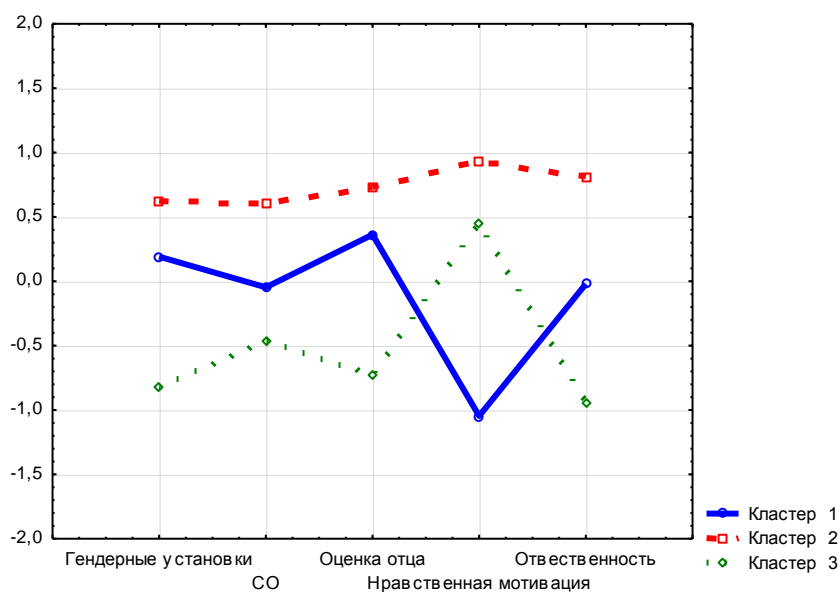

Рисунок 3.3.3. – Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке младших школьников (гендерные установки и ответственность)

На Рисунке 3.3.3 видно, что дети, сгруппированные во второй кластер, заметно отличаются от детей, первого и третьего кластера по параметрам оценки гендерных установок, оценки гендерных качеств, как себя, так и отца, а также параметрам нравственной мотивации поведения, саморегуляции и ответственности.

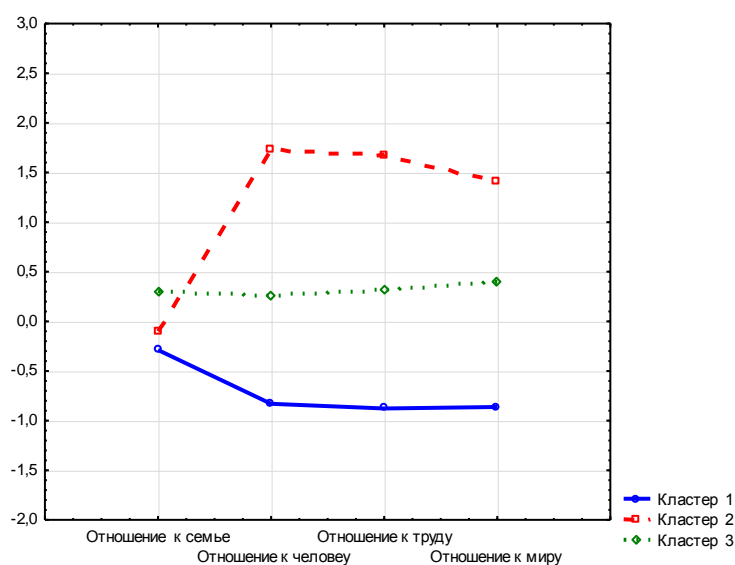

Рисунок 3.3.4. – Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке младших школьников (ценности)

Кроме того, как видно на Рисунке 3.3.4, дети второго кластера отличаются более высокими показателями по методике оценке личностного роста.

В целях дальнейшего изучения выделенных групп младших школьников мы определили характеристики детей, попавших в каждый кластер. Выяснилось, что в первый кластер попали 35% детей, во второй 53% и в третий 11% детей. Результаты сравнения частот распределения по кластерам представлены в Таблице 3.3.3.

Таблица 3.3.3. – Распределение испытуемых по кластерам для выборки младших школьников

	семья	КЛАСТЕР - 1	КЛАСТЕР - 2	КЛАСТЕР - 3	Всего
Частота	неполная	8	1	3	12
% по строке		66%	8%	25%	
Частота	полная	8	23	2	33
% по строке		24%	69%	6%	
Частота	Всего	16	24	5	45
Всего		35%	54%	11%	

Анализ распределения детей из полных и неполных семей по кластерам дает возможность определить различия характеристик стратегий отцовства детей относящихся к разным группам. Наглядно это представлено на Рисунке 3.3.5.

Так, дети из неполных семей, в основном, относятся к первому кластеру (66%), демонстрируя низкие показатели по всем методикам, кроме того, среди них значительное число детей (25%) относятся к третьему кластеру, характеризующемуся разнонаправленными результатами и только 8% детей относятся ко второму кластеру, который определен нами, как связанный с высокими результатами по всем параметрам. Дети из полных семей, напротив, в основном (69%), относятся ко второму кластеру, кроме того, значительное их число относится к первому (35%), и только 11% относятся к третьему кластеру, связанному с отсутствием четкой линии в характеристиках стратегий отцовства.

То есть, среди детей, имеющих перед собой отцовскую фигуру значительно чаще встречаются дети с развитыми характеристиками стратегий отцовства, дети из неполных семей чаще демонстрируют низкие показатели по данным параметрам, однако среди них встречаются дети с несогласованными характеристиками стратегий отцовства, что позволяет нам сделать вывод о значимости семейной среды для формирования стратегий отцовства.

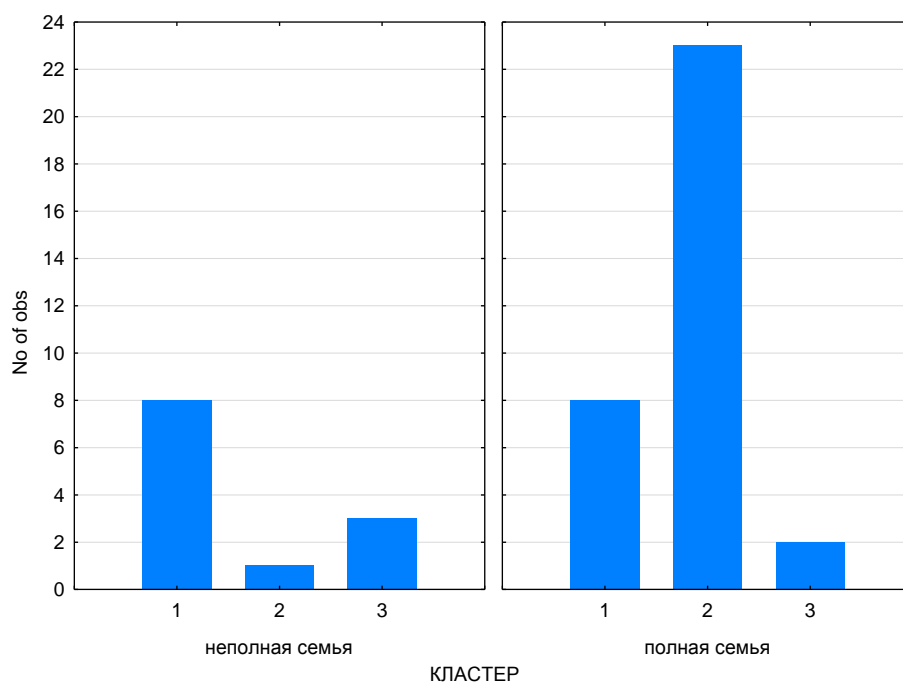

Рисунок 3.3.5. – Распределение испытуемых по кластерам для выборки младших школьников

На основе теоретического анализа нами было проведено исследование интегрального показателя психологической готовности к отцовству. Зная количественные характеристики и имея критерии становления психологической готовности к отцовству, можно вычислить интегральный показатель становления психологической готовности к отцовству для младших школьников, который будет изменяться от 0 до 1 и включать в себя пропорционально равные общие компоненты стратегии отцовства:

$ГО = A_k * 0,33 + R_k * 0,33 + P_k * 0,33$, где ГО – интегральный показатель становления психологической готовности к отцовству, A_k – аксиологический

компонент психологической готовности к отцовству, R_k – рефлексивно-регулятивный компонент психологической готовности к отцовству, P_k – праксиологический компонент психологической готовности к отцовству.

Значения интегрального показателя оптимальности психологической готовности к отцовству изменяется от 0 до 1, так при значениях $0 \leq 0,3$ отмечается низкий уровень; $0,3 \leq 0,7$ средний уровень; $0,7 \leq 1$ высокий уровень. Значения внутри каждого компонента также изменяются в пределах от 0 до 1.

Так значение $0 \leq 0,3$ для младших школьников определяет низкий уровень развития предпосылок становления психологической готовности к отцовству, связанный с нарушениями в формировании какого-либо или нескольких компонентов стратегии отцовства. В рамках аксиологического компонента в этом возрасте – это затруднения в формировании стереотипа полоролевого поведения, серьезные нарушения нравственного развития, в рамках рефлексивно-регулятивного компонента стратегии отцовства – трудности самодисциплины, произвольности, самостоятельности, проблем формирования трудолюбия, ответственности.

В качестве праксиологического компонента в данном возрасте выпутает только поведение. При низких показателях наблюдаются видимые проблемы в поведении мальчика в сторону гендерной недифференцированности поведения, а также демонстрируемая безответственность, отсутствие компетентности, социальная или школьная дезадаптация.

Значения $0,3 \leq 0,7$ определяют средний уровень становления психологической готовности к отцовству и указывают в рамках аксиологического компонента на небольшие затруднения в формировании стереотипа полоролевого поведения, отсутствие или небольшие проблемы в нравственном развития; в рамках рефлексивно-регулятивного компонента – небольшие трудности с самодисциплиной, произвольностью, самостоятельностью, трудолюбием, ответственностью; в рамках праксиологического компонента – отсутствие изменений в поведении мальчика в сторону гендерной недифференцированности поведения. Значения $0,7 \leq 1$ определяют высокий уровень становления

психологической готовности к отцовству: аксиологический компонент включает в себя раннее и беспроблемное формирование стереотипа полоролевого поведения; определяет оптимальное нравственное развитие; рефлексивно-регулятивный компонент определяется социальной компетентностью, самодисциплиной, произвольностью, самостоятельностью, формированием чувства компетентности, самодисциплины. Праксиологический компонент будет включать в себя ярко выраженное гендерно-типичное поведение, социальную адаптированность, социальную компетентность, успешное построение социальных отношений.

Анализ средних по всей группе младших школьников показывает, что все показатели находятся в пределах средних величин (Таблица 3.3.4, Приложение 2).

Для всех младших школьников показатели компонентов интегрального показателя становления психологической готовности к отцовству находятся в рамках средних и выше средних значений, то есть в рамках возрастной нормы. Обращает на себя внимание тот факт, что, показатель рефлексивно-регулятивного компонента является самым низким (0,61), а показатель праксиологического компонента – наоборот, самым высоким (0,67) из всех компонентов стратегии отцовства для младших школьников, что подтверждает наше предположение о том, что, в младшем школьном возрасте праксиологический компонент психологической готовности к отцовству наиболее развит. Как показывает анализ описательных статистик, представленных в Таблице 3.3.5 (Приложение 2), для детей из неполных семей показатели всех компонентов немного ниже, чем в среднем по выборке. Для детей из полных семей показатели немного выше, чем в среднем по выборке (Таблица 3.3.6., Приложение 2).

Сравнение групп по показателям всех компонентов интегрального показателя психологической готовности к отцовству по t-критерию Стьюдента для независимых выборок выявило значимые отличия между детьми из полных и неполных семей по следующим показателям (Таблица 3.3.7): праксиологический, аксиологический, рефлексивно-регулятивный компонент, и интегральный показатель психологической готовности к отцовству, что подтверждает наше

предположение о том, что фактором, определяющим становления психологической готовности к отцовству в данном возрасте, является семья.

Таблица 3.3.7. – Результаты сравнения интегрального показателя младших школьников из полных и неполных семей по t-критерию Стьюдента

Параметры	Среднее – неполная семья	Среднее – полная семья	t-знач.	p	Ст. откл. - 1	Ст. откл. - 2	p - дисп.
Праксиологический компонент*	0,64	0,67	0,22	0,03	0,20	0,19	0,88
Аксиологический компонент*	0,50	0,61	0,13	0,00	0,13	0,16	0,39
Рефлексивно-регулятивный компонент*	0,41	0,62	0,65	0,01	0,18	0,15	0,43
Интегральный показатель *	0,59	0,62	0,15	0,00	0,12	0,13	0,82

* отмечены значимые отличия

Анализ распределения результатов интегрального показателя по выделенным кластерам показал, что первая группа детей имеет низкие значения по шкалам и интегральному показателю, вторая – высокие по всем шкалам и по интегральному показателю, третья демонстрирует разнонаправленные характеристики и средние показатели по интегральному показателю становления психологической готовности к отцовству (Рисунок 3.3.6).

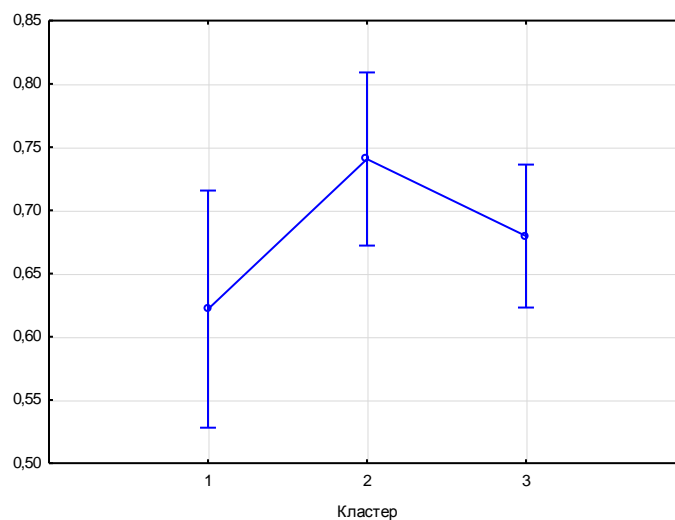

Рисунок 3.3.6. – Распределение результатов интегрального показателя по кластерам для выборки младших школьников

Таким образом, как видно на Рисунке 3.3.6, можно четко выделить три группы среди младших школьников, различающиеся по особенностям становления психологической готовности к отцовству, характеризующиеся по выраженности и соотношению компонентов психологической готовности к отцовству, которые можно условно назвать, неоптимальный, приемлемый и оптимальный тип становления психологической готовности к отцовству.

В сравнении с дошкольниками младшие школьники демонстрируют более высокие показатели по праксиологическому, аксиологическому, рефлексивно-регулятивному компонентам (Таблица 3.3.8.).

Таблица 3.3.8. – Сравнение результатов анализа интегрального показателя по выборкам дошкольников и младших школьников t-критерию Стьюдента для независимых переменных

Параметры	Среднее дошкольники	Среднее младшие школьники	t-знач.	p	Ст.откл. - 1	Ст.откл. - 2
Интегральный показатель	0,60	0,62	0,00	1,00	0,14	0,14
Праксиологический компонент*	0,63	0,67	0,15	0,00	0,20	0,05
Аксиологический компонент*	0,54	0,62	0,06	0,00	0,07	0,10
Рефлексивно-регулятивный компонент*	0,58	0,61	0,03	0,00	0,17	0,13

* отмечены значимые отличия

Однако различий по интегральному показателю у этих двух групп нет, результаты находятся в рамках средних значений и для группы дошкольников и для группы младших школьников. Таким образом, различия в структурных компонентах интегрального показателя психологической готовности к отцовству отражают возрастные особенности развития данного феномена и подтверждают наше предположение о том, что психологические закономерности становления психологической готовности к отцовству имеют возрастно-психологическую и семейную специфику.

3.4. Содержательные характеристики психологической готовности к отцовству в подростковом и юношеском возрасте

Уровневые характеристики выборки, состоявшей из 64 человека подросткового и юношеского возраста, представлены в таблице (Таблица 3.4.1, Приложение 3), из которой видно, что наибольшей дисперсией характеризуются данные, полученные по шкалам методики диагностики личностного роста, что свидетельствует о высокой индивидуальности результатов, наименьшей дисперсией характеризуются шкалы гендерных установок, являющиеся более однородными. Средний возраст детей 16,1 года. Сравнение результатов данного исследования со статистическими нормами говорит, что средние и стандартные отклонения данных находятся в рамках статистических норм данных методик. Таким образом, можно говорить, что наша выборка не обладает какими-либо специфическими особенностями по сравнению с другими детьми того же возраста, следовательно, мы можем проводить дальнейший анализ результатов, полученных от данной выборки детей. Среднее и медиана по большинству показателей практически совпадают, близки по результатам оценки гендерных ценностей по методике ОТЕЦ, незначительно разнятся по методике оценки зрелости личности.

Для анализа результатов данной выборки нами были изучены различия между группами школьников, разделенными по нескольким признакам: наличие или отсутствие отцовской фигуры, участие в специально-организованном тренинге.

Сначала мы сравнили детей из полных и неполных семей. Все исследуемые нами параметры подчиняются нормальному закону распределения (по критерию Колмогорова-Смирнова). Дисперсии обеих групп различаются незначимо по критерию Фишера. Однако различий по t-критерий Стьюдента для независимых выборок между группами подростков и юношей из полных и неполных семей

обнаружено не было. Вероятнее всего, в данном возрасте влияние семья является более опосредованным, чем в более ранних возрастах.

В целях дальнейшего изучения содержательных характеристик компонентов стратегий отцовства у подростков и юношей нами был проведен кластерный анализ с использованием иерархической классификации по методу полной связи, результаты которого представлены на Рисунке 3.4.1

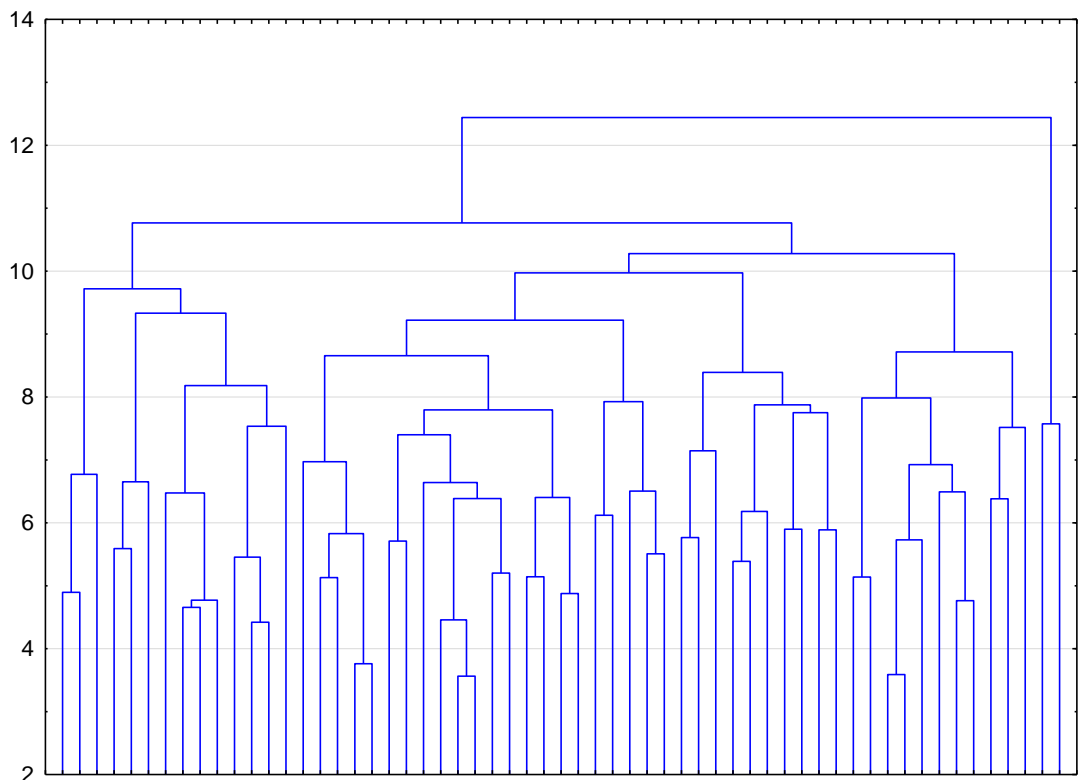

Рисунок 3.4.1. – Результаты кластерного анализа в группе подростков и юношей

В результате мы выделили три кластера, причем два из них являются примерно равнозначными, третий представлен слабо. Используя данные результаты для дальнейшего изучения специфики выделенных групп детей, мы провели кластеризацию данных методом К средних, результаты которой представлены на Рисунке 3.4.2., из которого видно, что для испытуемых, попавших первый кластер, характерны низкие баллы по ответственности и зрелости, ценности престижа, развития себя, сфере обучения и образования и

семейной жизни, большое значение придается роли отца в семейной культуре и ценности достижений (Таблица 3.4.2, Приложение 3). Условно назовем его неоптимальный, для этих испытуемых характерны неответственность и незрелость.

Для испытуемых второго кластера характерны высокие баллы по шкале роль отца в воспитании детей и досуге, они придают большое значение ценностям сохранения собственной индивидуальности, собственного престижа, высокого материального положения, креативности, имеют низкие баллы по ценности достижений, отношению к своему «Я», шкале жизненная установка и роль отца в формировании эмоционального климата в семье, а также по гендерным установкам. Условно назовем его приемлемый, однако для него свойственны разнонаправленные характеристики, смешение гендерных ролей.

Для третьего кластера характерны высокие оценки по всем шкалам зрелости, роли отца в формировании эмоционального климата в семье, шкале родительской идентичности в роли кормильца, ценностям развития себя, сферы обучения и образования и семейной жизни, низкие баллы по роли отца в воспитании детей, ценности собственного престижа и высокого материального положения. Условно назовем его оптимальный. (Рисунки 3.4.2 и 3.4.3).

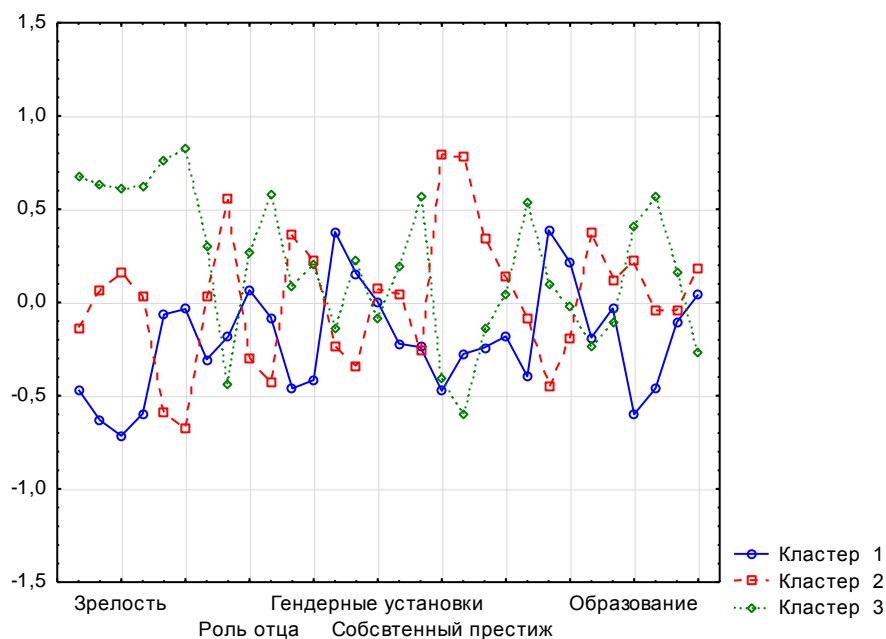

Рисунок 3.4.2. – Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке подростков и юношей

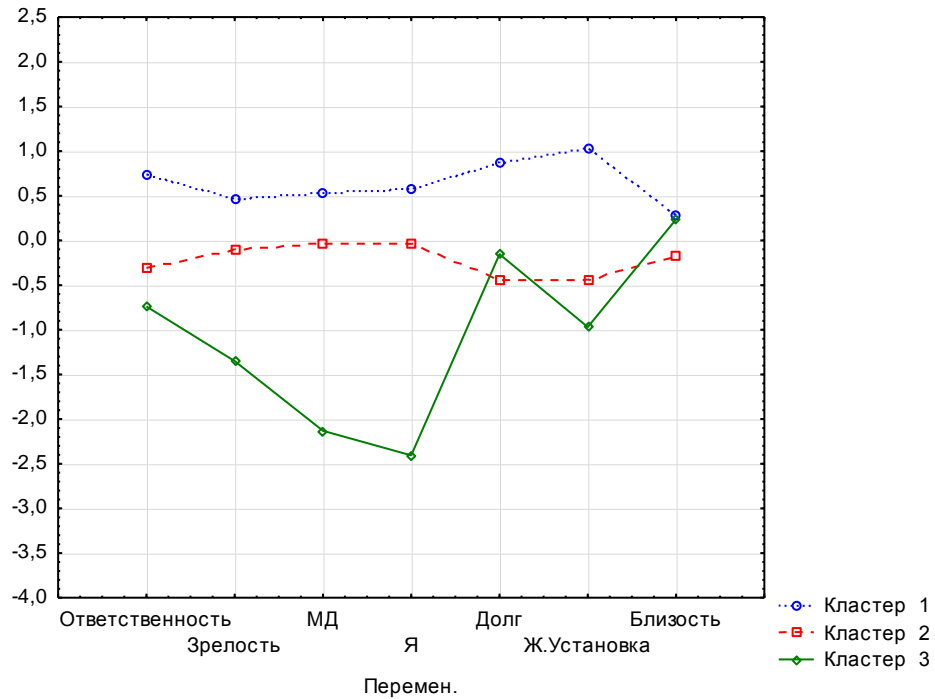

Рисунок 3.4.3. – Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке подростков и юношей (параметры ответственность и зрелость)

В целях дальнейшего изучения выделенных групп подростков и юношей, мы определили характеристики детей, попавших каждый кластер. Выяснилось, что в первый кластер попали 45% испытуемых, во второй 45% и в третий 9% испытуемых. Результаты сравнения частот распределения по кластерам представлены в Таблице 3.4.3.

Таблица 3.4.3. – Распределение испытуемых по кластерам для выборки подростков и юношей

	семья	Кластер - 1	Кластер - 2	Кластер - 3	Всего .
Частота	1	13	16	3	32
Всего процент		20,45%	25,00%	4,55%	50,00%
Частота	2	16	13	3	32
Всего процент		25,00%	20,45%	4,55%	50,00%
Частота	Всего	29	29	6	64
Всего процент		45,45%	45,45%	9,09%	

Наглядно это представлено на Рисунке 3.4.4.

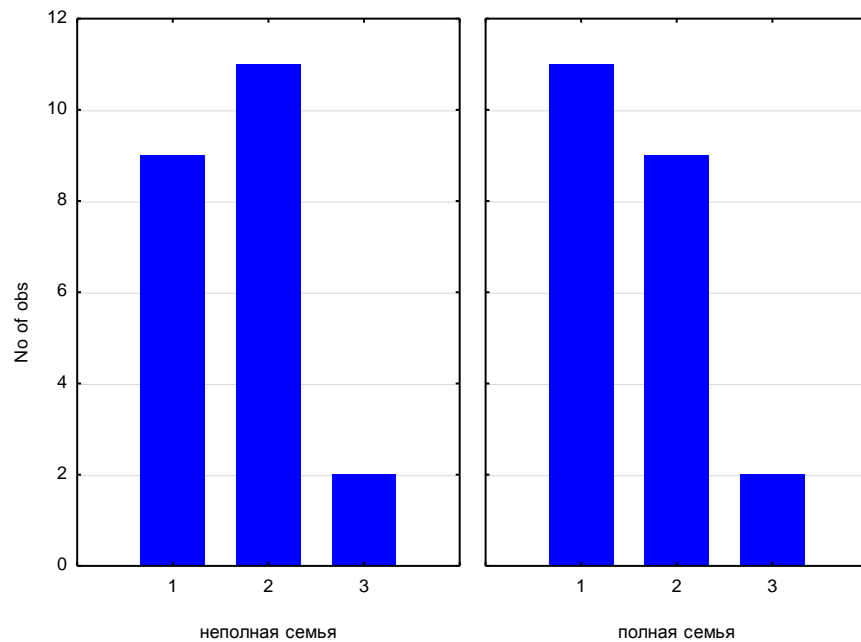

Рисунок 3.4.4. – Распределение испытуемых по кластерам для выборки подростков и юношей

Как видно на Рисунке 3.4.4. для подростков из неполных семей чаще свойственны разнонаправленные характеристики, смешение гендерных ролей, для подростков из полных семей характерны неответственность и незрелость. Оптимальный тип – самый малочисленный и равно представлен в обеих группах. Эти особенности могут быть связаны с тем, что в подростковом возрасте меняется стиль отношения с ребенком в семье, ему предоставляется больше свободы, а также с тем, что личностные особенности ребенка становятся более значимыми для становления психологической готовности к отцовству, что дает возможность развивать программы психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству с использованием тренинговой работы с подростками. Однако, различия между подростками из полных и неполных семей сохраняются и на этом возрастном этапе, как показывает представленный ниже анализ интегрального показателя психологической готовности к отцовству.

Анализируя распределение испытуемых по кластерам в зависимости от возраста, мы выяснили, что испытуемые 14 лет попали в первый кластер,

испытуемые 15 лет в основном в первый, испытуемые 16 лет, частично в первый (11%), однако значительная часть (20%) попали во второй кластер, испытуемые 17 лет равно представлены в первом и втором кластерах и частично – в третьем, испытуемые 18 лет попали в третий кластер. Однако данные для возраста 14 и 18 лет не являются надежными по причине малого количества выборки для этих возрастов. Данные представлены в Таблице 3.4.4.

Таблица 3.4.4. – Распределение испытуемых по кластерам в зависимости от возраста для выборки подростков и юношей

Возраст	Кластер - 1	Кластер - 2	Кластер - 3	Всего
14	1,69%	0,00%	0,00%	1,69%
15	8,47%	3,39%	6,78%	18,64%
16	11,86%	20,34%	11,86%	44,07%
17	11,86%	11,86%	10,17%	33,90%
18	0,00%	0,00%	1,69%	1,69%
Всего	33,90%	35,59%	30,51%	

Наглядно это представлено на Рисунке 3.4.5.

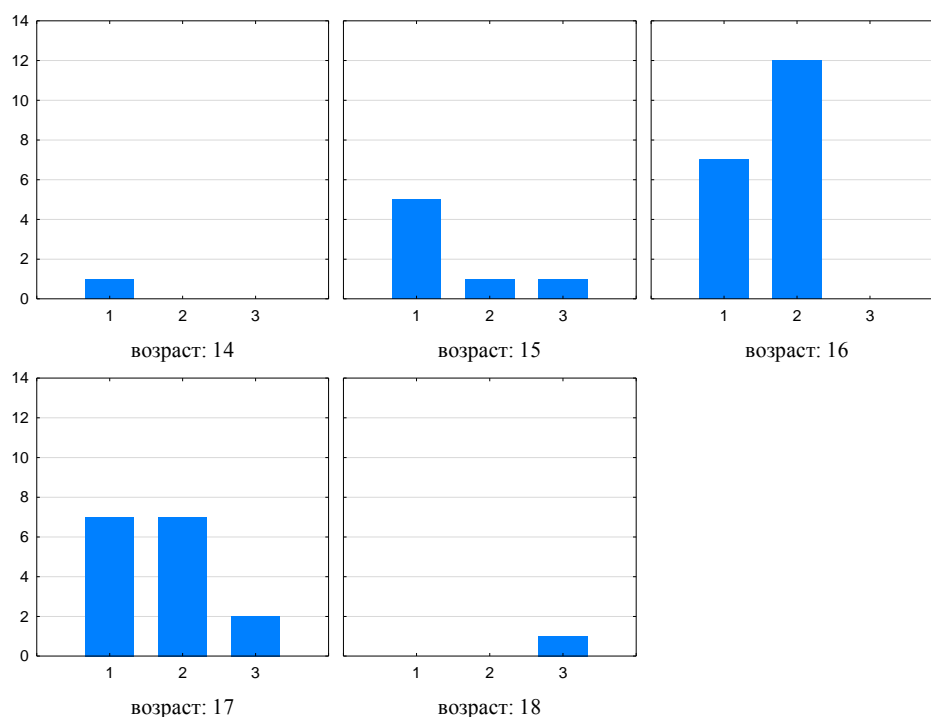

Рисунок 3.4.5. – Распределение испытуемых по кластерам в зависимости от возраста для выборки подростков и юношей

Если проанализировать распределение испытуемых по кластерам в группах подростков из полных и неполных семей, то получим, что пятнадцатилетние подростки из полных и неполных семей распределяются по кластерам практически сходно, однако среди подростков из неполных семей несколько больше детей попали в первый кластер (Рисунок 3.4.6.).

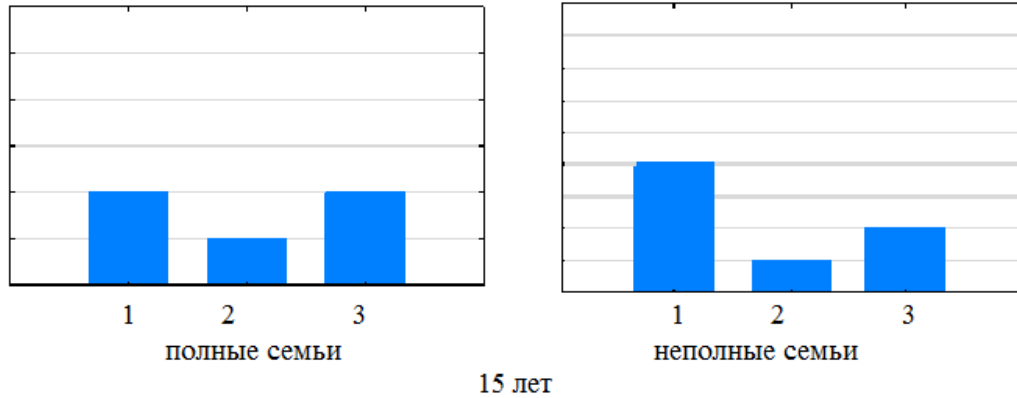

Рисунок 3.4.6. – Распределение испытуемых подростков и юношей по кластерам в 15 лет

Шестнадцатилетние подростки из полных семей наполняют первый и второй кластер, а из неполных семей представлены, в основном, во втором кластере, то есть демонстрируют гендерно-смешанные характеристики (Рисунок 3.4.7.).

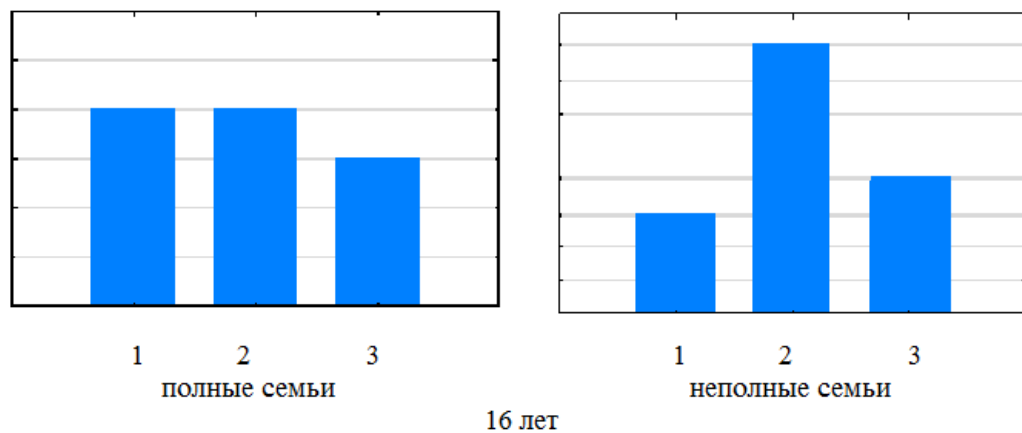

Рисунок 3.4.7. – Распределение испытуемых подростков и юношей по кластерам в 16 лет

Для семнадцатилетних испытуемых также заметно различие. Юноши из полных семей чаще демонстрируют ответственные характеристики, тогда, как из неполных чаще демонстрируют традиционные или гендерно-смешанные характеристики (рисунок 3.4.8.).

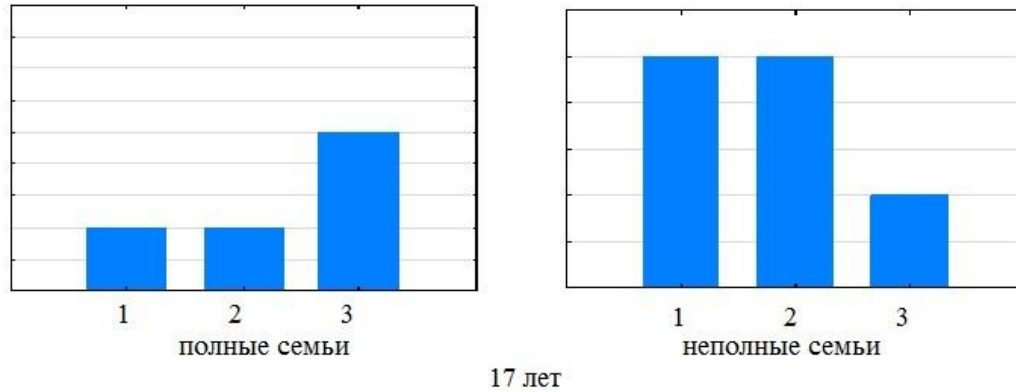

Рисунок 3.4.8. – Распределение испытуемых подростков и юношей по кластерам в 17 лет

На основе теоретического анализа нами было проведено исследование интегрального показателя психологической готовности к отцовству для группы подростков и юношей. Зная количественные характеристики и имея критерии оптимальности стратегии отцовства, можно вычислить интегральный показатель стратегии отцовства для подростков и юношей, который будет изменяться от 0 до 1 и включать в себя пропорционально равные общие компоненты стратегии отцовства:

$ГО = A_k * 0,33 + R_k * 0,33 + P_k * 0,33$, где ГО – интегральный показатель становления психологической готовности к отцовству, A_k – аксиологический компонент психологической готовности к отцовству, R_k – рефлексивно-регулятивный компонент психологической готовности к отцовству, P_k – праксиологический компонент психологической готовности к отцовству.

Значения интегрального показателя психологической готовности к отцовству изменяется от 0 до 1, так при значениях $0 \leq 0,3$ отмечается низкий уровень; $0,3 \leq 0,7$ средний уровень; $0,7 \leq 1$ высокий уровень. Значения внутри каждого компонента также изменяются в пределах от 0 до 1.

Так значение $0 \leq 0,3$ для подростков и юношей определяет низкий уровень становления психологической готовности к отцовству, связанный с нарушениями в формировании какого-либо или нескольких компонентов психологической готовности к отцовству. В рамках аксиологического компонента в этом возрасте – это проблемы формирования гендерной роли, проблемы формирования ценностных ориентаций личности; в рамках рефлексивно-регулятивного компонента стратегии отцовства – отставание или опережение в физическом созревании, отсутствие чувства компетентности, самодисциплины, произвольности, самостоятельности, отсутствие рефлексии, проблемы в самоопределении. В качестве праксиологического компонента в данном возрасте выпутает только поведение. При низких показателях наблюдаются видимые проблемы в поведении мальчика в сторону безответственного поведения, такие подростки конфликтуют с окружающими, учителями, родителями, демонстрируют отсутствие своего мнения, социальную дезадаптированность, социальную некомпетентность, девиантное поведение, аддиктивное поведение, а также отсутствие ориентиров либо чрезмерно жесткие ориентиры в гендерной роли.

Значения $0,3 \leq 0,7$ определяют средний уровень становления психологической готовности к отцовству и указывают в рамках аксиологического компонента на небольшие затруднения в формировании гендерной роли, некоторые сложности формирования ценностных ориентаций личности и мировоззрения, в рамках рефлексивно-регулятивного компонента – небольшое отставание или опережение в физическом созревании, сложности в формировании самодисциплины, саморегуляции, произвольности, самостоятельности, рефлексии, некоторые проблемы в самоопределении, в рамках праксиологического компонента – это отсутствие или небольшие проблемы в поведении сторону безответственного поведения, социальной дезадаптированности и некомпетентности, могут наблюдаться некоторые конфликты с окружающими, учителями, родителями.

Значения $0,7 \leq 1$ определяют высокий уровень становления психологической готовности к отцовству: аксиологический компонент включает в

себя принятие гендерной роли, определяет оптимальное нравственное развитие и формирование мировоззрения; рефлексивно-регулятивный компонент определяется через физическое созревание, чувство компетентности, самодисциплину, произвольность, самостоятельность, самоопределение, развитая рефлексия. Праксиологический компонент будет включать в себя гендерно-типичное и во многих случаях ответственное поведение, социальную адаптированность, социальную компетентность, успешное построение социальных отношений.

Анализ средних интегрального показателя по всей группе подростков и юношей показывает, что показатель аксиологического компонента является самым низким, а показатель праксиологического и рефлексивно-регулятивного компонента наиболее высокими из всех компонентов (Таблица 3.4.5., Приложение 3).

Для всех подростков и юношей показатели компонентов интегрального показателя психологической готовности к отцовству находятся в рамках средних и выше средних значений, то есть в рамках возрастной нормы. Обращает на себя внимание тот факт, что, показатель аксиологического компонента является самым низким (0,65), а показатель праксиологического (0,71) и рефлексивно-регулятивного компонента (0,67) наиболее высокими из всех компонентов, что подтверждает наше предположение о том, в подростковом и юношеском возрасте наиболее развиты праксиологический и рефлексивно-регулятивный компоненты компонент психологической готовности к отцовству.

Как показывает анализ описательных статистик, представленных в Таблице 3.4.6 (Приложение 3), для детей из неполных семей показатели всех компонентов находятся в пределах чуть ниже средних по выборке.

Для детей из полных семей показатели также находятся в пределах средних по выборке (Таблица 3.4.7., Приложение 3).

Сравнение групп по показателям всех компонентов интегрального показателя психологической готовности к отцовству по t-критерию Стьюдента для независимых выборок показало, что значимые отличия по компонентам

стратегий отцовства между подростками из полных и неполных семей наблюдаются только по праксиологическому компоненту и интегральному показателю (Таблица 3.4.8).

Таблица 3.4.8. – Результаты сравнения интегрального показателя подростков и юношей из полных и неполных семей по t-критерию Стьюдента

Параметры	Среднее неполная семья	Среднее полная семья	t-знач.	p	Ст.откл. - 1	Ст.откл. - 2
Рефлексивно-регулятивный компонент	0,65	0,66	0,66	0,51	0,11	0,06
Аксиологический компонент	0,63	0,65	0,88	0,94	0,06	0,05
Праксиологический компонент *	0,67	0,71	0,36	0,00	0,13	0,12
Интегральный показатель *	0,61	0,65	0,12	0,00	0,08	0,07

*отмечены значимые различия

Если мы проанализируем распределение результатов интегрального показателя по выделенным нами кластерам, то получится, что первая группа испытуемых, попавших первый кластер, демонстрирует низкие баллы по ответственности, рефлексии и зрелости, ценности престижа, развития себя, сфере обучения и образования и семейной жизни, большое значение придается роли отца в семейной культуре и ценности достижений и самые низкие баллы по интегральному показателю.

Для испытуемых второго кластера характерны высокие баллы по шкале роль отца в воспитании детей и досуге, они придают большое значение ценностям сохранения собственной индивидуальности, собственного престижа, высокого материального положения, креативности, имеют низкие баллы по ценности достижений, отношению к своему «Я», шкале жизненная установка и роль отца в формировании эмоционального климата в семье, а также по гендерным установкам и средние баллы по интегральному показателю.

Для третьего кластера характерны высокие оценки по шкалам зрелости и рефлексии, роли отца в формировании эмоционального климата в семье, шкале родительской идентичности в роли кормильца, ценностям развития себя, сферы обучения и образования и семейной жизни, низкие баллы по роли отца в воспитании детей, ценности собственного престижа и высокого материального положения и высокие баллы по интегральному показателю (Рисунок 3.4.9.).

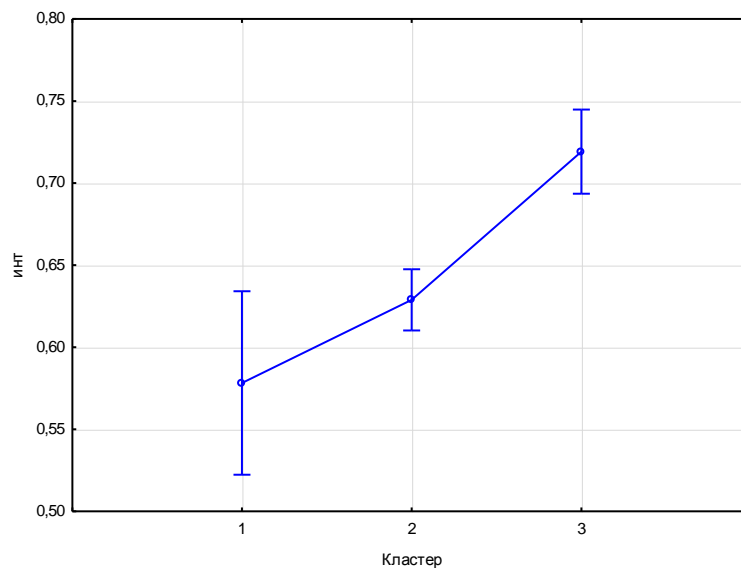

Рисунок 3.4.9. – Распределение результатов интегрального показателя по кластерам для выборки подростков и юношей

Таким образом, как видно на Рисунке 3.4.8, можно четко выделить три группы среди подростков и юношей, различающиеся по особенностям становления психологической готовности к отцовству, различающиеся по выраженности и соотношению компонентов стратегии отцовства, которые можно условно назвать, неоптимальный (неконструктивный), приемлемый (средний) и оптимальный (конструктивный) тип становления психологической готовности к отцовству, имеющие различные содержательные характеристики. Попарное сравнение с группами с дошкольников и младших школьников показывает, что подростки демонстрируют более высокие показатели по всем компонентам психологической готовности к отцовству (Таблица 3.4.9. и Таблица 3.4.10.)

Таблица 3.4.9. – Сравнение результатов анализа интегрального показателя по выборкам дошкольников и подростков и юношей по t-критерию Стьюдента для независимых переменных

Параметры	Среднее подростки	Среднее дошкольники	t-знач.	p	Ст.откл. Группа 1	Ст.откл. Группа 2
Рефлексивно-регулятивный компонент*	0,67	0,58	0,38	0,00	0,09	0,12
Аксиологический компонент*	0,65	0,54	0,08	0,00	0,05	0,11
Праксиологический компонент *	0,71	0,63	0,09	0,00	0,13	0,06
Интегральный показатель *	0,65	0,60	0,49	0,00	0,07	0,05

* отмечены значимые отличия

Таблица 3.4.10. – Сравнение результатов анализа интегрального показателя по выборкам младших школьников и подростков и юношей по t-критерию Стьюдента для независимых переменных

Параметры	Среднее подростки	Среднее мл. школьники	t-знач.	p	Ст.откл. Группа 1	Ст.откл. Группа 2
Рефлексивно-регулятивный компонент*	0,67	0,61	0,08	0,00	0,09	0,17
Аксиологический компонент*	0,65	0,62	0,26	0,00	0,05	0,07
Праксиологический компонент *	0,71	0,67	0,38	0,00	0,13	0,20
Интегральный показатель *	0,65	0,62	0,08	0,00	0,07	0,14

* отмечены значимые отличия

Таким образом, в юношеском возрасте наблюдаются более высокие показатели в структурных компонентах и в интегральном показателе психологической готовности к отцовству, что отражает возрастные особенности формирования данного феномена и подтверждает наше предположение о том, что психологические закономерности становления психологической готовности к отцовству имеют возрастно-психологическую и семейную специфику.

3.5. Содержательные характеристики компонентов стратегий отцовства в мужчин-отцов в период ранней и средней зрелости

Уровневые характеристики выборки, состоявшей из 127 человек в возрасте ранней и средней зрелости, представлены в таблице (Таблица 3.5.1, Приложение 4), из которой видно, что наибольшей дисперсией характеризуются данные, полученные по шкале осмысленность жизни (СЖО), а также по таким шкалам методики диагностики личностного роста, как: зрелость, чувство гражданского долга и жизненная установка (по методике Гильбуха). Кроме того, высокой дисперсией отличаются параметры: отцовские установки, оценка себя и своей активности по методике Личностный дифференциал, удовлетворенность браком и оценка своей маскулинности (МИФ), что свидетельствует о высокой индивидуальности результатов данных шкал, наименьшей дисперсией характеризуются шкалы по методике оценке родительской идентичности Плека, особенно по шкале оценки родительской идентичности супруги в роли кормильца, а также по шкалам оценки родительской идентичности супруги в уходе за ребенком, оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги, родительской идентичности в роли кормильца. Низкая дисперсия характерна для следующих шкал, описывающих ценности: ценность достижений, сохранение собственной индивидуальности, рефлексии, а также сферы профессиональной жизни и сферы обучения и образования (ОТЕЦ). Кроме того достаточно однородными являются результаты по шкале интернальности в области производственных отношений. Средний возраст испытуемых 29,7 лет. Сравнение результатов данного исследования со статистическими нормами говорит, что средние и стандартные отклонения данных находятся в рамках статистических норм данных методик. Таким образом, можно говорить, что наша выборка не обладает какими-либо специфическими особенностями по сравнению с другими мужчинами того же возраста, следовательно, мы можем проводить

дальнейший анализ результатов, полученных от данной выборки мужчин. Среднее и медиана по большинству показателей практически совпадают, близки по результатам оценки гендерных ценностей по методике ОТЕЦ, незначительно разнятся по методике оценки родительских установок.

В целях дальнейшего изучения содержательных характеристик компонентов стратегий отцовства у мужчин нами при предварительной стандартизации данных был проведен кластерный анализ с использованием иерархической классификации по методу полной связи, результаты которого представлены на Рисунке 3.5.1.

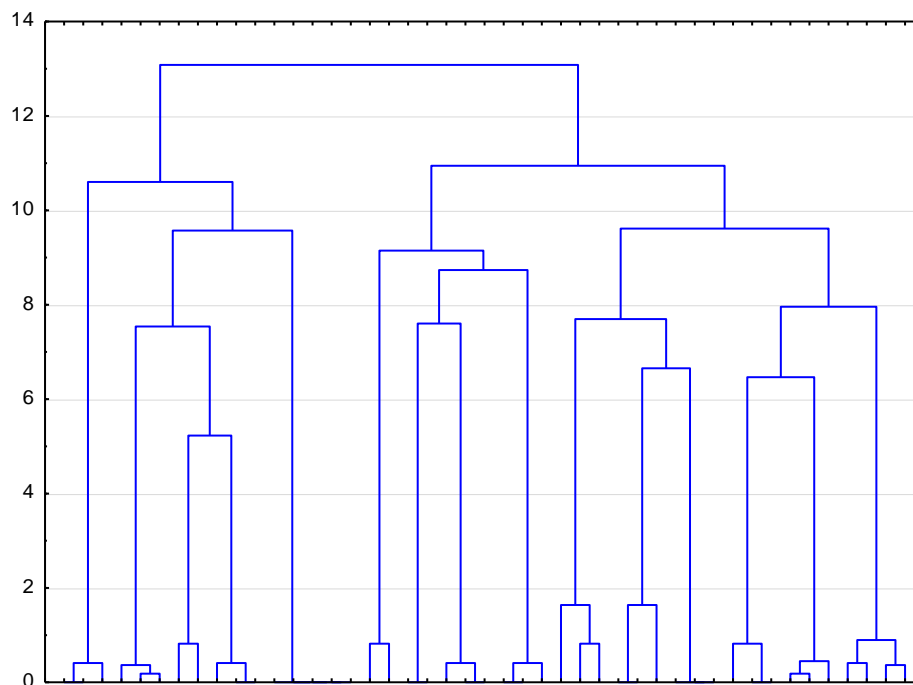

Рисунок 3.5.1. – Результаты кластерного анализа в группе взрослых

На рисунке видны два кластера, каждый из которых в свою очередь разделяется еще на два кластера. Используя данные результаты для дальнейшего изучения специфики выделенных групп мужчин, мы провели кластеризацию данных методом К средних, результаты которой для удобства восприятия были разбиты на отдельные графики и представлены на Рисунках 3.5.2.- 3.5.5.

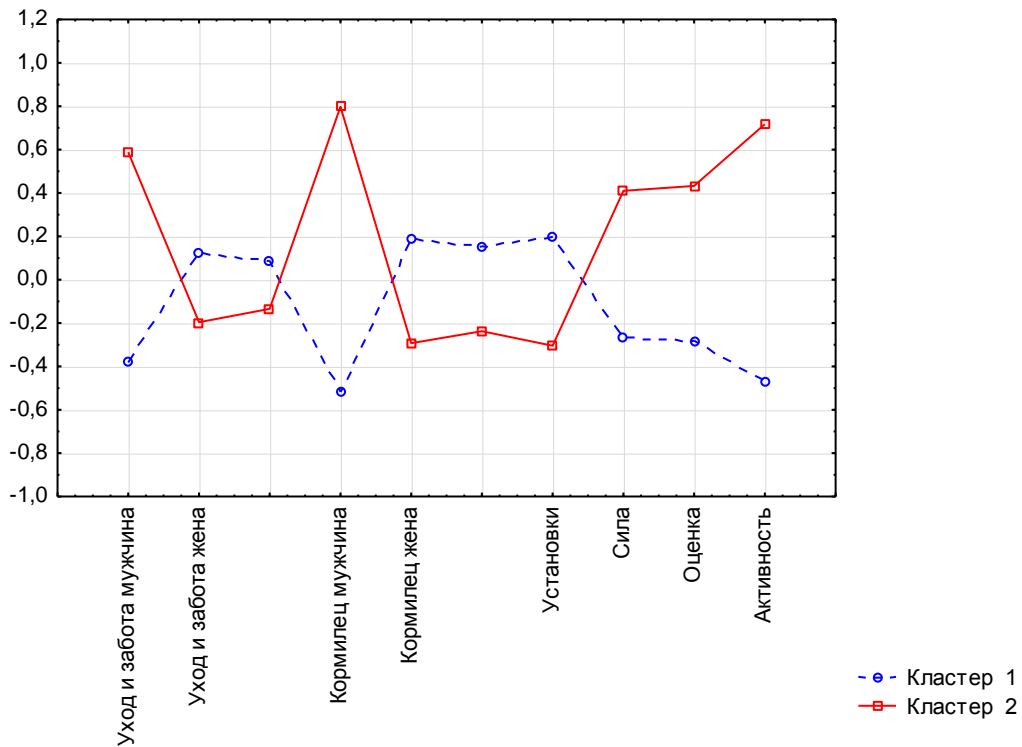

Рисунок 3.5.2 – Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке взрослых (характеристики отцовства)

На Рисунке 3.5.2. представлены данные кластеризации испытуемых по параметрам, оценивающим отцовские установки и родительскую идентичность в различных родительских ролях, из которого видно, что для испытуемых, попавших первый кластер, характерны низкие баллы по шкалам родительской идентичности в уходе за ребенком (традиционно материнская роль) и родительской идентичности в роли кормильца (традиционно отцовская роль). При этом мужчина оценивает свою жену по этим характеристикам высоко, о чем говорят высокие баллы по шкалам оценки родительской идентичности супруги в уходе за ребенком, оценки родительской идентичности супруги в роли кормильца. Обращает на себя внимание то факт, что мужчина полагает, что по этим параметрам жена должна оценивать его примерно наравне с ним, о чем говорят примерно схожие с этими шкалами результаты по шкалам предположительной (по мнению испытуемого) оценки испытуемого его супругой по шкалам оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги и оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги.

Родительские установки у таких испытуемых непомерно высоки, и они оценивают себя как отца по факторам силы, оценки и активности достаточно низко. Таким образом, существует некоторый конфликт между предполагаемым поведением «идеального» отца и реальным поведением данного мужчины, что подтверждают данные включенной в анкету модифицированной методики самооценки качеств идеального отца (на основе методики Дембо-Рубинштейн). У данных испытуемых разрыв между оценкой себя и оценкой идеального отца был самый значительный. Описательные статистики по данным методикам для первого кластера представлены в Таблице 3.5.2. (Приложение 4).

Для испытуемых, составивших второй кластер, характерны следующие особенности: высокие баллы по шкалам родительской идентичности в уходе за ребенком (традиционно материнская роль) и родительской идентичности в роли кормильца (традиционно отцовская роль), причем по шкале, описывающей традиционно мужскую роль результаты намного выше (Таблица 3.5.3, Приложение 4). При этом мужчины оценивают свою жену по этим характеристикам ниже себя, о чем говорят невысокие баллы по шкалам оценки родительской идентичности супруги в уходе за ребенком, оценки родительской идентичности супруги в роли кормильца. Особенно велик разрыв по шкалам родительской идентичности в роли кормильца и оценки родительской идентичности супруги в роли кормильца, что четко обозначает ориентацию мужчин на традиционные роли в родителстве. При этом мужчины полагают, что по этим параметрам жены оценивает их несколько выше, чем они оценивает своих жен, о чем говорят близкие показатели по шкалам оценки родительской идентичности супруги в уходе за ребенком, и оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги, а также оценки родительской идентичности супруги в роли кормильца и оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги; но намного ниже реального мужского поведения, о чем говорит различие по шкалам родительской идентичности в уходе за ребенком и оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги, а также родительской идентичности в роли кормильца и оценки родительской

идентичности в роли кормильца в глазах супруги. Родительские установки у таких испытуемых не так высоки, как у испытуемых первого кластера (однако они укладываются в рамки средних значений по методике), но они оценивают себя как отца по факторам силы, оценки и активности достаточно высоко. Таким образом, у данной группы мужчин существует определенный баланс между предполагаемым поведением «идеального» отца и реальным поведением данного мужчины, что подтверждают данные включенного в анкету модифицированной методики самооценки качеств идеального отца (на основе методики Дембо-Рубинштейн). У данных испытуемых разрыв между оценкой себя и оценкой идеального отца был незначителен. Описательные статистики по данным методикам для первого кластера представлены в Таблице 3.5.3. (Приложение 4).

На Рисунке 3.5.3. представлены данные кластеризации испытуемых по параметрам, оценивающим зрелость личности. Испытуемые первого кластера характеризуются низкими баллами по зрелости, за исключением параметра жизненной установки, он находится в пределах средних значений. Испытуемые второй группы (попавшие во второй кластер) демонстрирует высокие баллы по зрелости, но низкие по параметру жизненной установки.

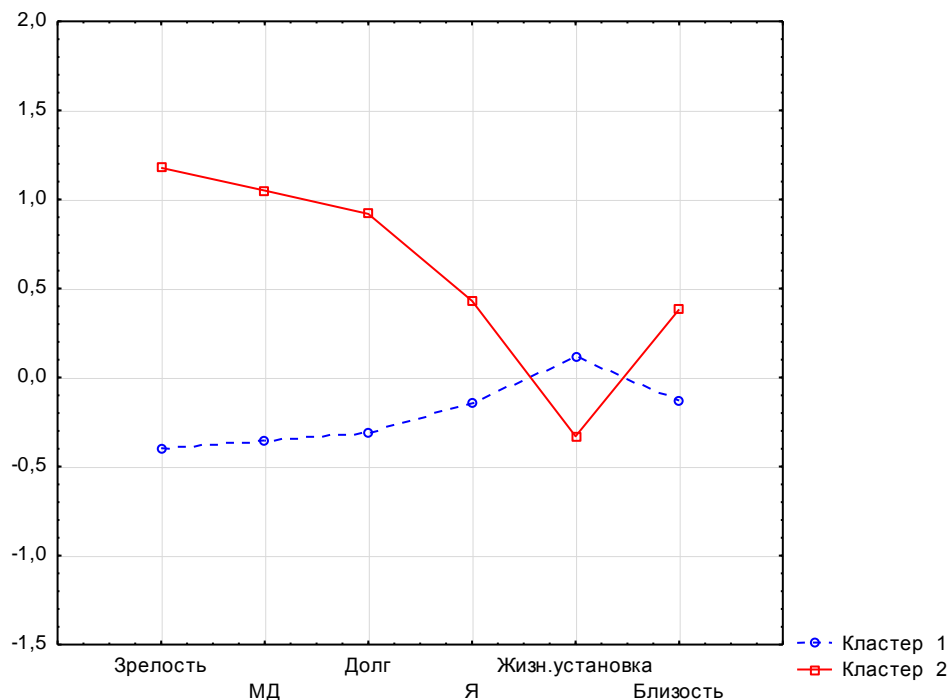

Рисунок 3.5.3. – Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке взрослых (зрелость)

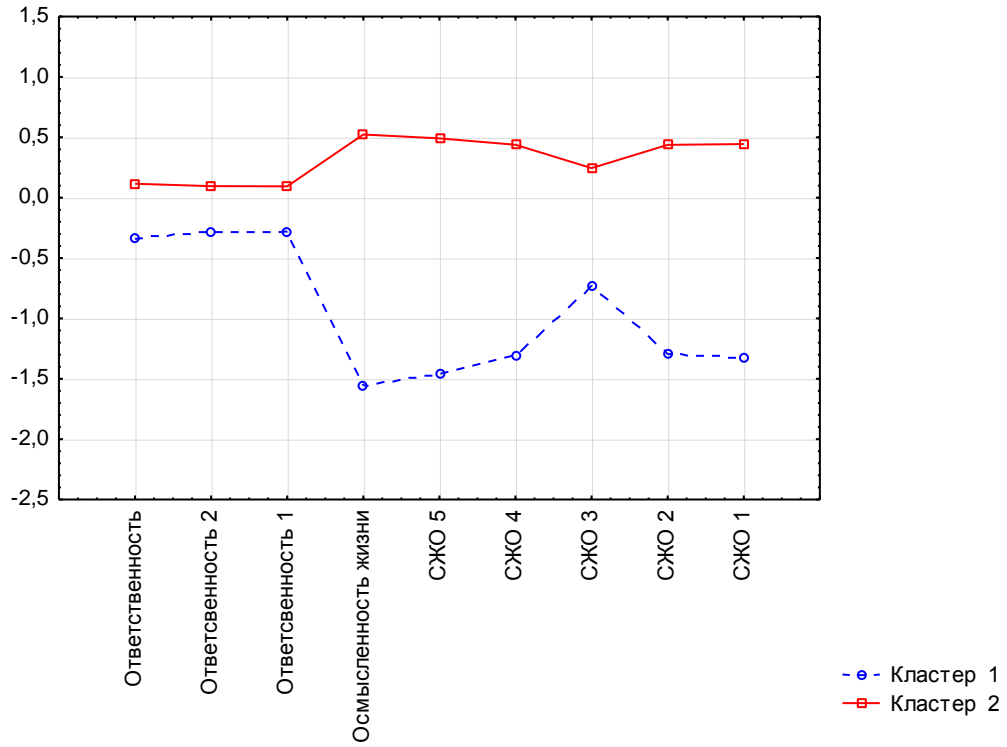

Рисунок 3.5.4. – Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке взрослых (осмысленность жизни и ответственность)

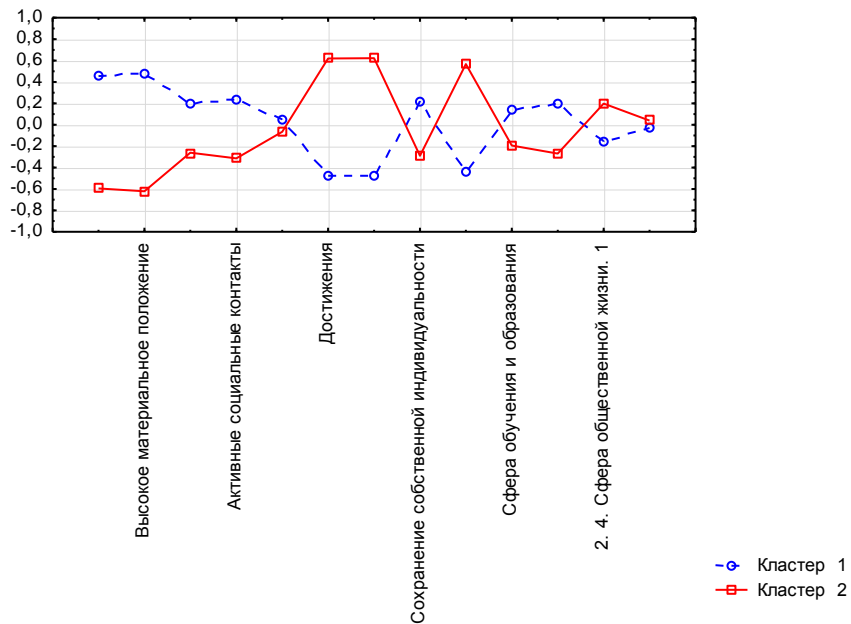

Рисунок 3.5.5. – Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке взрослых (ценности)

На Рисунке 3.5.4. представлены данные кластеризации испытуемых по параметрам, оценивающим параметры осмысленности жизни. Испытуемые первого кластера характеризуются низкими баллами по всем шкалам. Испытуемые второго кластера демонстрируют высокие баллы по всем шкалам СЖО и ответственности.

На Рисунке 3.5.5. представлены данные кластеризации испытуемых по параметрам, оценивающим ценности. Испытуемые первого кластера наиболее важными оказались ценности собственного престижа, высокого материального положения, наименее важными – ценности духовного удовлетворения и достижений, а также сфера профессиональной жизни. Для испытуемых второго кластера важными оказались ценности духовного удовлетворения и достижений, также сфера профессиональной и семейной жизни, наименее важными – ценности собственного престижа, высокого материального положения и активных социальных контактов. Подробные данные представлены в Таблицах 3.5.4 и 3.5.5 в Приложении 5.

Таблица 3.5.6. – Распределение испытуемых по кластерам в зависимости от возраста для выборки взрослых

Возраст	Кластер - 1	Кластер - 2	Всего
24 лет	0,00%	2,36%	2,36%
26 лет	0,79%	1,57%	2,36%
27 лет	3,94%	3,15%	7,09%
28 лет	13,39%	17,32%	30,71%
29 лет	9,45%	6,30%	15,75%
30 лет	0,79%	2,36%	3,15%
31 год	2,36%	3,15%	5,51%
32 года	3,94%	14,17%	18,11%
33 года	1,57%	7,87%	9,45%
34 года	1,57%	2,36%	3,94%
35 лет	0,79%	0,00%	0,79%
36 лет	0,79%	0,00%	0,79%
Всего	39,37%	60,63%	

Если мы проанализируем распределение по кластерам в зависимости от возраста, то получим, что особых различий в связи с возрастом не наблюдается (Таблица 3.5.6.), однако в первый кластер попало меньше испытуемых, как в целом так и отдельно по группам возрастов (кроме возраста 29 лет, когда наблюдается обратное соотношение).

Таким образом, выделенные нами кластеры можно условно назвать конструктивным и неконструктивным. Так как наши два кластера согласно кластерному анализу подразделяются в свою очередь на еще два подкластера, проанализируем их особенности. Выделив отдельно испытуемых первого кластера, мы провели кластеризацию внутри данной группы методом К средних. В результате мы получили два подкластера 1.1 и 1.2 (рисунок 3.5.6.).

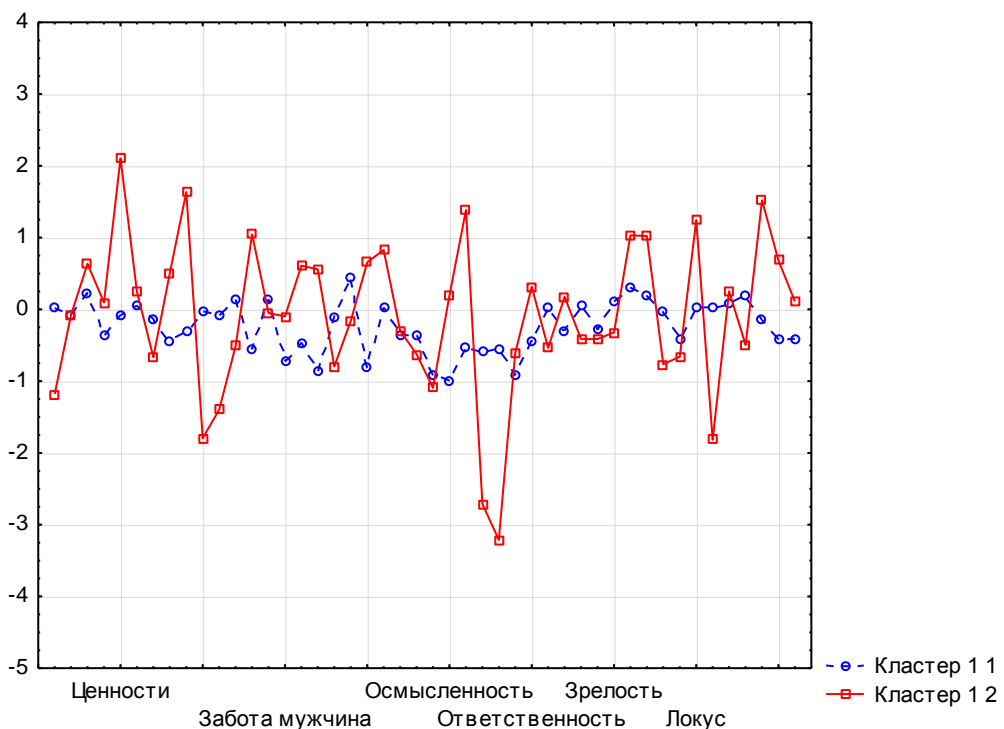

Рисунок 3.5.6. – Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке взрослых внутри первого кластера

Как видно на Рисунке 3.5.6. Кластер 1.1 характеризуется средними значениями, кластер 1.2. характеризуется неравномерностью данных, наличием или высоких или низких значений.

Для испытуемых кластера 1.1. характерны высокие показатели по шкалам оценки родительской идентичности супруги в роли кормильца и шкале отношение к своему «Я», и низкие баллы по следующим шкалам: ценность креативности, духовного удовлетворения и сферы общественной жизни, а также по шкалам родительской идентичности в уходе за ребенком, оценки родительской идентичности супруги в уходе за ребенком, оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги, оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги, по всем шкалам методики СЖО, параметрам оценка и активность методики Личностный дифференциал, шкале принятие ответственности на себя в ситуации обвинения, шкалам общей интернальности и интернальности в области производственных отношений, а также удовлетворенности браком. Данные испытуемые демонстрируют феминность по методике С.Бэм. Данные испытуемые, пассивны, в больше степени ориентируются на феминные роли, либо не имеют четко-сформированного представления об отцовской роли (Таблица 3.5.7, Приложение 4).

Испытуемые кластера 1.2. демонстрируют высокие баллы по параметрам: ценности высокого материального положения, духовного удовлетворения, сохранения собственной индивидуальности, шкале оценки родительской идентичности супруги в уходе за ребенком, оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги (что связано с тем, что оценивает себя по традиционно женским качествам), оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги параметру сила методики Личностный дифференциал, шкале интернальности в отношении здоровья и болезни и интернальности в области производственных отношений и низкие баллы по ценностям достижений, сферы профессиональной жизни, обучения и образования семейной жизни, низкие баллы по шкале родительской идентичности в роли кормильца, фактору активность методики Личностный дифференциал, шкалам СЖО «Локус контроля – Я» и осмысленность жизни, шкале принятия ответственности другого лица, зрелости личности, мотивации достижений, чувству гражданского долга и способности к психологической близости с другим

человеком, а также шкалам общей интернальности, интернальности в области неудач, интернальности в области межличностных отношений.

Такие испытуемые не принимают и не реализуют мужскую гендерную роль, в том числе, и отцовские функции. Часть данных испытуемых демонстрирует феминность, другая часть – самые высокие показатели маскулинности по методике С. Бэм (Таблица 3.5.8, Приложение 4).

То есть, в нашей выборке феминные мужчины (в связи со сложностями в гендерной роли), равно как и мужчины с очень высокими показателями по маскулинности (в связи с особенностями, описанными для таких мужчин в рамках теории гегемонной маскулинности) демонстрируют неконструктивные стратегии отцовства.

Выделив отдельно испытуемых второго кластера, мы провели кластеризацию внутри данной группы методом К средних. В результате мы получили два подкластера 2.1 и 2.2 (Рисунок 3.5.7.).

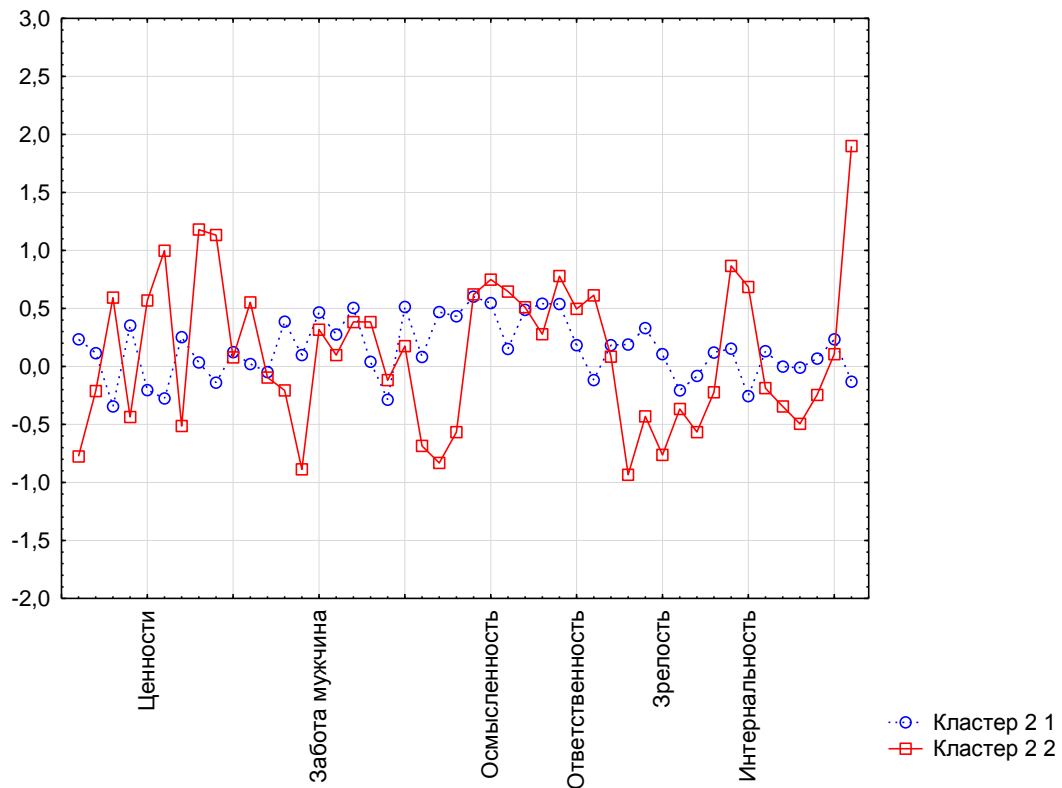

Рисунок 3.5.7. Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке взрослых внутри первого кластера

Испытуемые кластера 2.1. демонстрируют высокие баллы по шкалам ценности креативности и сферы общественной жизни, а также по шкалам родительской идентичности в уходе за ребенком, оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги, оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги параметрам оценка и активность методики Личностный дифференциал, всем шкалам СЖО, шкале мотивация достижений и низкие по ценности высокого материального положения (Таблица 3.5.9, Приложение 4). Данные испытуемые демонстрируют андрогинность по методике С. Бэм. Данные испытуемые активны, мобильны и легко выполняют андрогинные роли.

Испытуемые кластера 2.2. демонстрируют высокие баллы по шкалам ценностей высокого материального положения, активных социальных контактов, развития себя и сферы обучения и образования, а также принятия ответственности на себя, зрелости личности, мотивации достижений, чувству гражданского долга, шкалам родительской идентичности в уходе за ребенком, оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги, родительской идентичности в роли кормильца, всем шкалам СЖО, шкале отцовских установок, принятию ответственности на себя в ситуации обвинения, принятию ответственности другого лица, шкалам общей интернальности, интернальности в области достижений и удовлетворенности браком и низкие по шкалам ценности креативности, сферы увлечений и шкалам жизненной установки и интернальности в области межличностных отношений (Приложение 4, Таблица 3.5.10). Данные испытуемые демонстрируют маскулинность (основная часть 82%), либо андрогинность (небольшая часть 18%) по методике С. Бэм. Данные испытуемые демонстрируют традиционную мужскую роль.

То есть, стратегии маскулинных и андрогинных мужчин могут отличаться, оставаясь при этом конструктивными. Таким образом, мы можем сделать вывод, что конструктивные стратегии представлены мужчинами с андрогинностью и маскулинностью (но не самых высоких значений), что согласуется с теоретическими положениями, описанными нами выше. На основе

теоретического анализа нами было проведено исследование интегрального показателя оптимальности стратегии отцовства для группы мужчин-отцов в период взрослости. Зная количественные характеристики и имея критерии оптимальности стратегии отцовства, можно вычислить интегральный показатель стратегии отцовства для мужчин-отцов в период взрослости, который будет изменяться от 0 до 1 и включать в себя пропорционально равные общие компоненты стратегии отцовства:

$ГО = A_k * 0,33 + R_k * 0,33 + P_k * 0,33$, где ГО – интегральный показатель стратегии отцовства, A_k – аксиологический компонент стратегии отцовства, R_k – рефлексивно-регулятивный компонент стратегии отцовства, P_k – праксиологический компонент стратегии отцовства. Значения интегрального показателя оптимальности стратегии отцовства изменяется от 0 до 1, так при значениях $0 \leq 0,3$ отмечается низкий уровень; $0,3 \leq 0,7$ средний уровень; $0,7 \leq 1$ высокий уровень. Значения внутри каждого компонента также изменяются в пределах от 0 до 1. Так значение $0 \leq 0,3$ для мужчин-отцов в период взрослости определяет низкий уровень развития стратегии отцовства, связанный с нарушениями в формировании какого-либо или нескольких компонентов стратегии отцовства. В рамках аксиологического компонента стратегии отцовства в этом возрасте – это деструктивная репродуктивная мотивация, неприятие гендерной роли отца, отсутствие ценности отцовства; в рамках рефлексивно-регулятивного компонента стратегии отцовства – личностная незрелость, низкая саморегуляция и рефлексия. В качестве праксиологического компонента в данном возрасте выступают характерные для мужчины отцовские практики: при низких показателях для мужчины характерны отказ от ребенка, подстрекание к аборту, игнорирование, жестокое обращение с детьми, девиантное родительство, безответственное поведение, отсутствие своего мнения, девиантное поведение, аддиктивное поведение, социальная дезадаптация.

Значения $0,3 \leq 0,7$ определяют средний уровень развития стратегии отцовства и указывают в рамках аксиологического компонента на отсутствие или небольшие затруднения в принятии гендерной роли отца, сформированное

мировоззрение, но сложности с формированием ценности отношений и/или ценности отцовства, в рамках рефлексивно-регулятивного компонента стратегии отцовства – задержка обретения зрелости на каком-либо из уровней зрелости, невысокий уровень саморегуляции и рефлексии. В рамках праксиологического компонента – это отсутствие или небольшие отклонения в поведении в сторону отсутствия ответственности, активности, толерантности или целеустремленности поведения, сложности в реализации конструктивных отцовских практик (либо непоследовательная реализация позитивных и деструктивных отцовских практик).

Значения $0,7 \leq 1$ определяют высокий уровень развития стратегии отцовства: аксиологический компонент стратегии отцовства включает в себя принятие гендерной роли отца; сформированное мировоззрение, ценность отношений, ценность отцовства; рефлексивно-регулятивный компонент стратегии отцовства определяется через зрелость на уровне индивида, личности и субъекта деятельности, высокий уровень саморегуляции и развитая рефлексия, что определяют сформированность конструктивной стратегии отцовства и самореализация как родителя. Праксиологический компонент стратегии отцовства: будет включать в себя гендерно типичное поведение, кооперационное взаимодействие с супругой, ответственное поведение, обеспечение условий нормального протекания беременности, ответственное поведение, активное, нравственное, толерантное и целеустремленное поведение, реализацию конструктивных отцовских практик. Учитывая, что содержательные характеристики компонентов стратегии отцовства являются собой развитые и реализованные на практике характеристики психологической готовности к отцовству, то есть, параметры готовности описывают потенциал будущей стратегии, причем сформированная готовность к ответственному отцовству реализуется в конструктивных стратегиях отцовства, мы можем сравнивать параметры интегрального показателя психологической готовности к отцовству у детей, подростков, юношей и молодых мужчин с параметрами интегрального показателя оптимальности стратегии отцовства у мужчин-отцов.

Анализ средних по всей группе мужчин-отцов в период взрослости показывает, что интегральный показатель и показатель праксиологического компонента находятся в пределах средних величин, показатели аксиологического, и рефлексивно-регулятивного компонентов находятся в рамках высоких значений (Таблица 3.5.11).

Таблица 3.5.11. – Описательные статистики по интегральному показателю для всей группы мужчин-отцов в период взрослости

Параметры	Среднее	Медиана	Мода	Мин.	Макс.	Дисп.	Ст. откл.
Рефлексивно-регулятивный компонент	0,76	0,59	0,53	0,49	0,70	0,00	0,05
Аксиологический компонент	0,75	0,72	Мн.	0,56	0,88	0,01	0,07
Праксиологический компонент	0,78	0,77	0,77	0,42	0,84	0,01	0,11
Интегральный показатель	0,78	0,69	Мн.	0,51	0,76	0,00	0,06

Для всех мужчин-отцов в период взрослости показатели компонентов интегрального показателя оптимальности стратегий отцовства находятся в рамках средних и выше средних значений, то есть в рамках нормы. Обращает на себя внимание тот факт, что, показатели аксиологического компонента являются самым низким (0,75), а показатель рефлексивно-регулятивного и (0,76) и праксиологического компонентов (0,78) – самыми высокими из всех компонентов стратегии отцовства для мужчин-отцов в период взрослости. Таким образом, получается, что среди внутренних характеристик стратегии отцовства у мужчин-отцов в период взрослости наибольшее выражение рефлексивно-регулятивный компонент.

Если мы проанализируем распределение результатов интегрального показателя по выделенным нами кластерам, то получится, что испытуемые, составившие первый кластер (демонстрирующие низкие баллы по шкалам как родительской идентичности в уходе за ребенком, так и родительской идентичности в роли кормильца; при этом высоко оценивающие по этим параметрам свою жену; имеющие низкие баллы по зрелости и всем шкалам

смыслоразнозначных ориентаций; оценивающие себя как отца по факторам силы, оценки и активности достаточно низко; выделяющие в качестве наиболее важных ценности собственного престижа, высокого материального положения, и наименее важных – ценности духовного удовлетворения и достижений, а также сферу профессиональной жизни) имеют самые низкие результаты по интегральному показателю.

Испытуемые, составившие второй кластер и демонстрирующие высокие баллы по обеим шкалам родительской идентичности, причем выше по шкале, описывающей традиционно мужскую роль, высокие баллы по зрелости и по всем шкалам смыслоразнозначных ориентаций и ответственности, оценивающие себя как отца по факторам силы, оценки и активности достаточно высоко, выделившие в качестве наиболее важных ценности духовного удовлетворения и достижений, также сферы профессиональной и семейной жизни, а наименее важных – ценности собственного престижа, высокого материального положения и активных социальных контактов, демонстрируют высокие баллы по интегральному показателю оптимальности стратегии отцовства (Рисунок 3.5.8.).

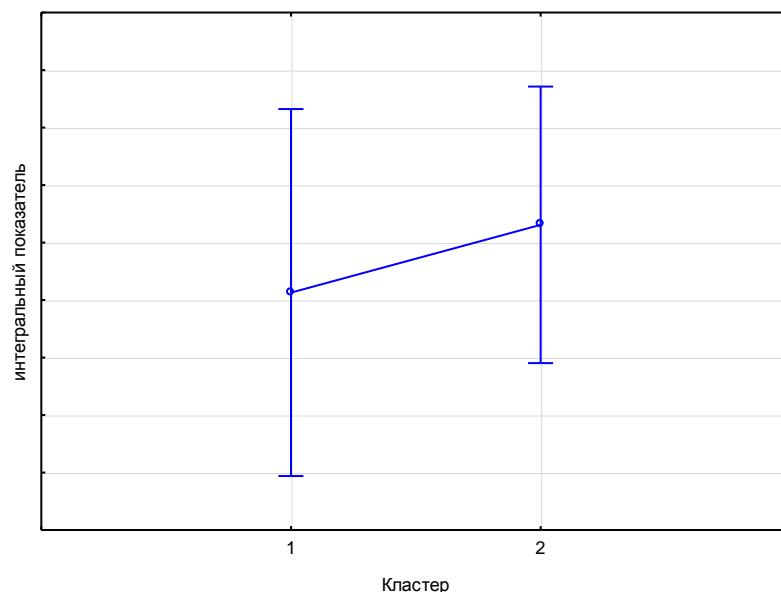

Рисунок 3.5.8. – Распределение результатов интегрального показателя по кластерам для выборки мужчин-отцов в период зрелости

Таким образом, как видно на Рисунке 3.5.8, можно четко выделить две группы среди мужчин-отцов в период взрослости, различающиеся по особенностям развития стратегии отцовства, различающиеся по выраженности и соотношению компонентов стратегии отцовства, которые можно условно назвать, неоптимальная (неконструктивная) и оптимальная (конструктивная) стратегия отцовства, имеющих различную наполненность содержательных характеристик стратегии отцовства.

Сравнение результатов мужчин, составивших разные кластеры, по t-критерию Стьюдента показывает, что мужчины-отцы второго кластера демонстрируют намного более высокие показатели по всем компонентам стратегии отцовства (Таблица 3.5.12.), причем наибольшая разница заметна в рамках аксиологического и праксиологического компонентов стратегии отцовства.

Таблица 3.5.12. – Сравнение результатов анализа интегрального показателя по выборкам мужчин-отцов разных кластеров по t-критерию Стьюдента для независимых переменных

Параметры	Среднее 1 кластер	Среднее 2 кластер	t-знач.	p	Ст. откл. Группа 1	Ст. откл. Группа 2
Рефлексивно-регулятивный компонент*	0,66	0,80	0,55	0,01	0,18	0,16
Аксиологический компонент*	0,55	0,87	0,34	0,08	0,08	0,09
Праксиологический компонент*	0,51	0,81	0,22	0,03	0,20	0,16
Интегральный показатель оптимальности стратегии отцовства*	0,65	0,82	0,15	0,00	0,12	0,12

* отмечены значимые отличия

Сравнение данных результатов всей выборки мужчин с данными подростков и юношей по t-критерию Стьюдента показывает, что мужчины-отцы демонстрируют более высокие показатели по всем компонентам стратегии

отцовства (Таблица 3.5.13.), что подтверждает наше предположение о том, что психологические закономерности формирования стратегий отцовства имеют возрастно-психологическую специфику.

Таблица 3.5.13. – Сравнение результатов анализа интегрального показателя по выборкам мужчин-отцов и подростков и юношей по t-критерию Стьюдента для независимых переменных

Параметры	Среднее подростки	Среднее - отцы	t-знач.	p	Ст.откл Группа 1	Ст.откл Группа 2
Рефлексивно-регулятивный компонент*	0,67	0,76	0,65	0,01	0,18	0,15
Аксиологический компонент*	0,65	0,75	0,55	0,09	0,08	0,07
Праксиологический компонент*	0,71	0,78	0,22	0,03	0,20	0,19
Интегральный показатель*	0,65	0,78	0,15	0,00	0,12	0,13

* отмечены значимые отличия

Сравнение результатов анализа интегрального показателя оптимальности стратегии отцовства для всех групп испытуемых всех представленных в нашей выборке возрастов подтверждает наше предположение о том, что формирование стратегии отцовства предполагает динамику постепенного повышения показателей всех компонентов интегрального показателя оптимальности стратегии отцовства от дошкольного периода ко взрослости.

Сравнение данных результатов всей выборки мужчин с данными группы мужчин того же возраста, не имеющих детей (49 человек), по t-критерию Стьюдента показывает, что мужчины-отцы также демонстрируют более высокие показатели по всем компонентам стратегии отцовства (Таблица 3.5.14.), что отражает сущностную специфику формирования данного феномена. Особенно заметна разница в показателях праксиологического компонента.

Таблица 3.5.14. – Сравнение результатов анализа интегрального показателя по выборкам мужчин-отцов и мужчин, не имеющих детей, в период взрослости по t-критерию Стьюдента для независимых переменных

Параметры	Среднее мужчины-отцы	Среднее мужчины, не имеющие детей	t-знач.	p	Ст. откл. Группа 1	Ст. откл. Группа 2
Рефлексивно-регулятивный компонент*	0,76	0,74	0,23	0,00	0,27	0,70
Аксиологический компонент*	0,75	0,67	0,24	0,07	1,43	1,62
Праксиологический компонент*	0,78	0,71	0,53	0,00	0,27	0,70
Интегральный показатель*	0,78	0,68	0,84	0,05	1,43	1,62

* отмечены значимые отличия

Однако, если мы сравним мужчин из первой группы отцов и мужчин, не имеющих детей, то получим совершенно противоположные данные (Таблица 3.5.15).

Таблица 3.5.15. – Сравнение результатов анализа интегрального показателя по выборкам мужчин-отцов первого кластера и мужчин, не имеющих детей, в период взрослости по t-критерию Стьюдента для независимых переменных

Параметры	Среднее мужчины-отцы 1 кластер	Среднее мужчины, не имеющие детей	t-знач.	p	Ст. откл. Группа 1	Ст. откл. Группа 2
Рефлексивно-регулятивный компонент*	0,66	0,74	0,23	0,00	0,17	0,12
Аксиологический компонент*	0,55	0,67	0,24	0,08	1,43	1,35
Праксиологический компонент*	0,51	0,71	0,33	0,00	0,67	0,75
Интегральный показатель оптимальности стратегии отцовства*	0,65	0,68	0,54	0,09	1,03	1,00

Мужчины, не имеющие детей, имеют более высокие показатели по всем шкалам стратегии отцовства, включая и интегральный показатель, чем мужчины-

отцы, демонстрирующие неконструктивную стратегию отцовства. Данные результаты связаны с тем, что мужчины, составившие первый кластер по стратегии отцовства, реализуют неконструктивную стратегию отцовства, которая связана с проблемами в личностном, нравственном, гендерном развитии и личностной незрелостью. Таким образом, не само наличие детей автоматически приводит к развитию личности мужчины, но личность определяет специфику отцовства. То есть, наше первое допущение первой гипотезы о том, что конструктивность стратегий отцовства взаимосвязана со зрелостью личности, принятием своей гендерной роли, ответственностью и ценностью отцовства, а также предположение том, что принятие гендерной роли отца, осмысленность жизни, ценность отношений и отцовства, а также личностная зрелость и развитая рефлексия взаимосвязаны с конструктивной стратегией отцовства в период взрослости, подтвердились.

Предпринятый в целях проверки гипотезы корреляционный анализ между результатами анализа интегрального показателя и результатами анкеты показал, что существуют положительные взаимосвязи следующих параметров: аксиологический компонент и количество детей, положительные отношения с отцом, желанность ребенка, рефлексивно-регулятивный компонент и желанность ребенка, праксиологический компонент и положительные чувства к ребенку, представление ребенка до рождения, участие в жизни ребенка-младенца, участие в жизни ребенка, партнерство родителей, интегральный показатель оптимальности стратегии отцовства и положительные чувства при беременности жены, позитивные отношения с ребенком, партнерство родителей, а также отрицательные взаимосвязи между аксиологическим компонентом и плохими отношениями с матерью, и важностью пола ребенка, рефлексивно-регулятивным компонентом и отсутствием оформления отцовства и материальными трудностями при беременности. Результаты представлены в Таблице 3.5.16.

Таким образом, наше предположение о том, что психологическими эффектами реализации конструктивных стратегий отцовства являются: ответственное отцовство (планирование рождения ребенка, юридически

оформленный статус, эмоциональное, физическое и финансовое участие в жизни ребенка), сформированность позитивных отцовских практик; позитивное родительское отношение и позитивное взаимодействие с супругой в рамках реализации родительских функций, гармоничные супружеские отношения, развитие личности отца и ребенка.

Таблица 3.5.16. – Результаты корреляционного анализа

Параметры	Коэффициент корреляции (при $p \leq 0,05$)
Аксиологический компонент – количество детей	0,57
Аксиологический компонент – желанность ребенка	0,61
Рефлексивно-регулятивный компонент – желанность ребенка	0,76
Аксиологический компонент – положительные отношения с отцом	0,57
Праксиологический компонент – положительные чувства к ребенку	0,56
Праксиологический компонент – представление ребенка до рождения	0,63
Праксиологический компонент – участие в жизни ребенка-младенца*	0,58
Праксиологический компонент – участие в жизни ребенка	0,67
Праксиологический компонент – партнерство родителей*	0,68
Интегральный показатель оптимальности стратегии отцовства – положительные чувства при беременности жены	0,55
Интегральный показатель оптимальности стратегии отцовства – позитивные отношения с ребенком	0,81
Интегральный показатель оптимальности стратегии отцовства – партнерство родителей	0,77
Аксиологический компонент – плохие отношения с матерью	-0,69
Рефлексивно-регулятивный компонент – отсутствие оформления отцовства*	-0,89
Рефлексивно-регулятивный компонент – материальные трудности при беременности	-0,78
Аксиологический – важность пола ребенка	-0,57

* $p \leq 0,01$

Для уточнения данных, полученных с помощью статистического анализа, нами проводилась беседа, кроме того, в анкеты были включены открытые вопросы, ответы на которые конкретизируют отношение мужчин к исследуемому феномену, однако недостаточно стандартизированы для статистической

обработки. Качественный анализ этих данных свидетельствует о том, что: среди мужчин, не имеющих детей, 52% считают, что любят детей, но общаются не часто, 32% часто, 12% испытывают желание отстраниться, для 76% пол ребенка не важен, свои отношения с матерью оценивают, как очень хорошие 76% испытуемых, причем ни один испытуемый не рассматривает свои отношения с матерью, как плохие, в то время как отношения с отцом классифицируются таким образом 20% испытуемых, однако 68% считают свои отношения с отцом близкими. 92% испытуемых планируют иметь детей в будущем и считают, что рождение детей необходимо планировать. 92% считают, что появление ребенка сильно изменит их жизнь. 48% представляли себе когда-нибудь своего будущего ребенка, при этом 64% представляют себя в роли отца. На вопрос о трудностях, сопряженных с рождением ребенка, 44% ответили, что это материальные трудности, 28% - ответственность. К практике совместных родов 36% относятся положительно, абсолютное большинство 44% не знают или не задумывались об этом, 40% считают, что с рождением ребенка изменится отношение окружающих к ним, все считают, что в положительную сторону, станут более уважительными, при этом 64% полагают, что изменится их отношение к самим себе, в сторону большей ответственности, большей взрослости. По мнению данной категории испытуемых отец должен давать ребенку представление об окружающем мире, физическое воспитание, заботу, тепло опору, опыт, поддержку, мужественность, представление об ответственности, мудрость, защиту, уважение. При этом отмечается, что отец отдает все, что имеет, и абсолютное большинство отмечают воспитание 85%.

Среди мужчин-отцов – 76% любят детей, но не часто общаются, 12% общаются часто, для 88% пол ребенка не важен, 76% классифицируют свои отношения с матерью как хорошие, с отцом -64%. Первый ребенок для 92% был желанным, при этом к известию о беременности 52% отнеслись с радостью, 12% испытали страх, 40% никаких особенных чувств не испытали, при этом, впервые увидев ребенка, 68% испытали радость и 12% испуг. Во время беременности 52% отцов представляли себе будущего ребенка, 44% считают, что уже во время

беременности их жизнь сильно изменилась, 76% - после рождения ребенка. С рождением ребенка мужчины сталкиваются с материальными трудностями 36%, отсутствием времени 40%, нежеланием, страхом общения с ребенком 12%. Практику совместных родов отвергает 52% мужчин-отцов, 16% не задумывались об этом. При этом 68% отцов занимались с ребенком-младенцем. В идеале отец должен давать ребенку навыки, уверенность, воспитание, радость, помощь, защиту, материальное обеспечение, мужские навыки, содержание общения, ответственность, воспитание характера, отношение к людям. При это конкретный отец обеспечивает основное жизненное направление, общение, понимание и решение проблем ребенка, помощь, совет, деньги, жизнь, средства к существованию, научение, заботу, любовь, опеку, оптимизм, поддержку, смысл жизни, практические навыки оценивания обстановки и отношений, образование, будущее, статус. Отмечается также стремление дать все, что возможно и что в силах.

Отношение окружающих после рождения ребенка изменилось в сторону большего уважения для 50%. Отношение к себе изменилось у 64% испытуемых в сторону большей ответственности (40%), заботы о ребенке, большей серьезности, меньшего внимания на себя, увеличения требований к себе.

На предложение закончить фразу: «Мужчина без ребенка – это...» 72% дали негативную реакцию по отношению к такому мужчине. Приводились следующие сравнения: по мнению мужчин-отцов, мужчина без ребенка – «это очаг без огня», «дом без крыши», «птица без крыльев», «жизнь впустую», «не мужчина», «без сердца», «пустота», «дерево без листьев», «дерево без ветвей», «машина без мотора», «тупик», «эгоист», «мальчик».

Таким образом, качественный анализ показал, что мужчины, не имеющие детей в настоящий момент, планируют это сделать в будущем, при этом вполне представляют себя в роли отцов и считают, что рождение ребенка сильно изменит их жизнь – с рождением ребенка изменится и отношение окружающих к ним в положительную сторону, изменится и их отношение к самим себе. То есть, можно

констатировать наличие определенных представлений и стереотипов об отцовстве у мужчин, еще не имеющих детей.

Для мужчин-отцов характерно положительное отношение к отцовству, они считают, что отношение окружающих меняется в лучшую сторону, а мужчина меняется в сторону большей ответственности и увеличения требований к себе. Можно отметить также сложности с ответами на некоторые конкретные вопросы, касающиеся взаимодействия с ребенком, что может говорить о меньшей вовлеченности конкретных отцов в жизнь детей.

Корреляционный анализ, проводимый при адаптации перевода методики «Опросник родительской идентичности» Джозефа Плека при участии 738 мужчин-отцов разных возрастов (средний возраст 30,7 лет) описательные статистики сырых баллов которых представлены в Таблице 3.5.17. (Приложение 4), показал, что существуют взаимосвязи между отношениями с собственным отцом в детстве и параметрами отцовства самого мужчины.

Так, для всей выборки мужчин существует взаимосвязь отношений с отцом и значимостью оценки параметров отцовства женой (шкала оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги и шкала оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги), а также удовлетворенностью браком (Таблица 3.5.18.).

Таблица 3.5.18. – Взаимосвязь отношений с отцом в детстве с различными параметрами

Параметры	Шкала оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги	Шкала оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги	Удовлетворенность браком
Отношения с отцом	0,24*	0,12*	0,23*

*результаты значимы при $p \leq 0,01$

А удовлетворенность браком мужчины связана со шкалой родительской идентичности в уходе за ребенком (то есть, того насколько он оказывает помощь

супруге в повседневной заботе о ребенке), шкалой оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги (того, насколько это оценивает и ценит супруга) и того, какие требования к материальному вкладу отца она предъявляет (шкала оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги), а также с отношениями с отцом (Таблица 3.5.19.).

Таблица 3.5.19. – Взаимосвязь удовлетворенности браком с различными параметрами

Параметры	Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком (Плек)	Шкала оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги (Плек)	Шкала оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги (Плек)	Отношения с отцом
Удовлетворенность браком	-0,76*	0,29*	0,28*	0,23*

*результаты значимы при $p \leq 0,01$

Отдельно проанализировав результаты мужчин, разделенных на группы по параметру «отношения с отцом в детстве», мы получили интересные результаты. Для мужчин, описавших свои отношения с отцом в детстве, как «отсутствие отца» (0 баллов) существует взаимосвязь удовлетворенности браком и шкал оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги и оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги (Таблица 3.5.20.).

Таблица 3.5.20. – Взаимосвязь удовлетворенности браком с различными параметрами у мужчин, выросших без отца

Параметры	Шкала оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги (Плек)	Шкала оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги (Плек)
Удовлетворенность браком	0,64*	0,72*

*результаты значимы при $p \leq 0,01$

То есть для таких мужчин, значимо важна оценка их отцовских практик супругой. Для других групп мужчин, в том числе описавших свои отношения, как конфликтные (1 балл), ровные (2 балла) и теплые (3 балла), значимых корреляций не обнаружено. Получается мужчины, выросшие без отца, значительно более ориентируется на свою супругу в своих отцовских практиках, чем остальные мужчины.

Дополнительно предпринятое нами для определения особенностей отцовского отношения мужчины, выросшего в условиях патернальной депривации, эмпирическое исследование, в котором приняли участие 60 мужчин-отцов, 32 из которых выросли в условиях патернальной депривации, 28 – контрольная группа (КГ) показало сходные результаты [82, с. 145-148]. Возраст мужчин в среднем составил от 24 до 50 лет. Исследование проходило в период с февраля по апрель 2012 года. Исследование уровневых характеристик выборки, состоявшей из 60 человек, показывает, что наибольший разброс наблюдается в данных по общим стереотипным представлениям о родительстве, причем как для всей выборки, так и для обеих групп, что свидетельствует о высокой индивидуальности результатов данного опросника. Данные, полученные с помощью методики Дж.Плека, являются более однородными как внутри выборки, так и внутри каждой группы, что свидетельствует о наличии определенной модели поведения. Сравнение результатов данного исследования со статистическими нормами говорит, что средние и стандартные отклонения данных по шкалам находятся в рамках статистических норм данных методик, данные по опроснику PARI являются высокой нормой, данные по методике Дж. Плека соответствуют средним значениям норм. Проверка по критерию Фишера при уровне значимости равном 0,05 показала, что дисперсии обеих групп различаются незначимо.

Проведена проверка по t-критерию Стьюдента показала, что группы мужчин, воспитанных в полной и неполной семье различаются по следующим параметрам: родительская идентичность супруги в уходе за ребёнком; родительская идентичность в роли кормильца; родительская идентичность в роли

кормильца в глазах супруги; ролевой выбор; ограничение матери ролью хозяйки дома; «жертвенность» родителей; зависимость ребёнка от матери; избегание общения с ребёнком; ускорение развития ребёнка; наличие брака; стаж брака; отношение мужчины со своим отцом.

Структурный анализ результатов, полученных в ходе нашего исследования, заключается в выявлении и изучении взаимосвязи патеральной депривации в детстве с параметрами родительского отношения. Для этого нами был проведен корреляционный анализ по Спирмену, показавший, что существует взаимосвязь между отношениями с отцом в детстве и результатами по методике Дж.Плека: родительская идентичность супруги в уходе за ребёнком, означает то, что мужчина действует по материнскому стереотипу в общении с ребенком; идентичность в роли кормильца, идентичность в роли кормильца в глазах супруги, заключается в том, что мужчина идентифицирует себя с кормильцем, через взаимоотношения с супругой; ролевой выбор (скорее всего, связан с проблемами в ролевом выборе мужчины между материнскими и отцовскими функциями в заботе о ребенке).

Таблица 3.5.21. – Параметры, взаимосвязанные с отсутствием отца в детстве

Параметры	Коэффициент корреляции (при $p \leq 0,05$)
Родительская идентичность супруги в уходе за ребёнком	-0,53
Идентичность в роли кормильца	0,50
Идентичность в роли кормильца в глазах супруги	-0,61
Ускорение развития ребёнка	-0,42
Избегание общения с ребёнком	-0,39
Зависимость ребёнка от матери	0,52
«Жертвенность» родителей	-0,50
Ограничение матери ролью хозяйки дома	-0,45

Примечательно, что у мужчин, выросших в полных семьях, такой связи не обнаружено, что говорит о наличии проблемы именно в связи с формированием модели мужского и отцовского поведения в детстве. А также таких параметров PARI как: ограничение матери ролью хозяйки дома (чрезмерное притязание на мужскую роль, как следствие слабости мужских ролевых моделей);

«жертвенность» родителей; зависимость ребёнка от матери, избегание общения с ребёнком, что говорит о проблемах во взаимоотношениях с ребенком; ускорение развития ребёнка (Таблица 3.5.21.).

Для мужчин, выросших в полной семье, выявлены такие взаимосвязи как: родительская идентичность в роли кормильца (мужская модель поведения); зависимость ребёнка от матери; сохранность брака (то есть, мужчины, выросшие в полной семье, реже разводятся); стаж брака (соответственно); отношения с отцом (Таблица 3.5.22).

Таблица 3.5.22. – Параметры, взаимосвязанные с воспитанием в полной семье

Параметры	Коэффициент корреляции (при $p \leq 0,05$)
Родительская идентичность в роли кормильца	0,50
Отношения с отцом	0,94
Сохранность брака	0,49
Зависимость ребёнка от матери;	0,45

Для уточнения данных, полученных с помощью корреляционного анализа, был проведено детальное сравнение корреляционных матриц двух групп испытуемых. Количественное сравнение межуровневых связей в корреляционной матрице позволяет сделать вывод о том, что в обеих группах родительское отношения структурировано одинаково, однако качество этих связей разное.

Для мужчин, выросших в неполной семье (Таблица 3.5.23) характерны такие взаимосвязи как: родительская идентичность в уходе за ребёнком в глазах супруги с жертвенностью родителей; родительская идентичность в уходе за ребёнком со страхом причинить вред ребёнку; родительская идентичность в уходе за ребёнком с отношениями с родителями; наличие брака с подавлением воли ребёнка; поощрение активности ребёнка с наличием брака; невнимательность мужа к жене со стажем брака; количество детей с подавлением сексуальности ребёнка; власть матери с родительской идентичностью в роли кормильца; ускорение развития ребёнка с наличием брака; возраст с зависимостью ребёнка от

матери; «жертвенность» родителей с отношениями мужчины с родителями; отношения с родителями с невнимательностью мужа к жене.

Таблица 3.5.23. – Взаимосвязи параметров в группе мужчин из неполной семьи

Взаимосвязанные параметры		Коэффициент корреляции (при $p \leq 0,05$)
Родительская идентичность уходе за ребёнком	Подавление агрессивности ребёнка	0,678
Родительская идентичность в уходе за ребёнком в глазах супруги	Жертвенность родителей	0,742
Родительская идентичность в уходе за ребёнком	Страх причинить вред ребёнку	0,76
Родительская идентичность в уходе за ребёнком	Отношения с родителями	0,7
Наличие брака	Подавление воли ребёнка	0,774
Поощрение активности ребёнка	Наличие брака	0,894
Невнимательность мужа к жене	Стаж брака	0,819
Количество детей	Подавление сексуальности ребёнка	0,866
Власть матери	Родительская идентичность в роли кормильца	0,685
Ускорение развития ребёнка	Наличие брака	0,794
Возраст	Зависимость ребёнка от матери	0,74
Жертвенность родителей	Отношения с родителями	0,777
Отношения с родителями	Невнимательность мужа к жене	0,786

Следовательно, здесь можно увидеть, что большинство взаимосвязей включают в себя параметры отношений с собственными родителями и ребёнком и описывают трансгенерационную проблему.

Для второй группы (мужчины, выросшие в полной семье (Таблица 3.5.24)) характерны такие взаимосвязи: родительская идентичность в уходе за ребёнком с «жертвенностью» родителей; равенство родителей и ребёнка с родительской идентичностью супруги в уходе за ребёнком; подавление агрессивности ребёнка с родительской идентичностью в роли кормильца; мученичество родителей с родительской идентичностью в роли кормильца; родительская идентичность в уходе за ребёнком с предоставлением ребёнку возможности высказаться; «жертвенность» родителей с ролевым выбором; товарищеские отношения между родителями и детьми с ролевым выбором; «мученичество» родителей со

сравнением с партнёром; отношения с родителями с предоставлением ребёнку возможности высказаться; отношения с супругой со строгостью родителей; отношения с супругой с подавлением агрессивности ребёнка; отношения с супругой с навязчивостью родителей.

Таблица 3.5.24. – Взаимосвязи параметров в группе мужчин из полной семьи

Взаимосвязанные параметры		Коэффициент корреляции (при $p \leq 0,05$)
Родительская идентичность в уходе за ребёнком	Жертвенность родителей	0,434
Равенство родителей и ребёнка	Родительская идентичность супруга в уходе за ребёнком	0,475
Подавление агрессивности ребёнка	Родительская идентичность в роли кормильца	0,484
Мученичество родителей	Родительская идентичность в роли кормильца	0,629
Предоставление ребёнку возможности высказаться	Родительская идентичность в уходе за ребёнком	0,515
Раздражительность родителей	Родительская идентичность в уходе за ребёнком	0,459
Жертвенность родителей	Ролевой выбор	0,509
Товарищеские отношения между родителями и детьми	Ролевой выбор	0,505
Мученичество родителей	Сравнение с партнёром	0,448
Отношения с родителями	Предоставление ребёнку возможности высказаться	0,449
Отношения с супругой	Строгость родителей	0,447
Отношения с супругой	Подавление агрессивности ребёнка	0,482
Отношения с супругой	Навязчивость родителей	0,576

Здесь можно увидеть, что большинство взаимосвязей включают в себя отношения с супругой и ребенком и описывают проблему отношений.

Однако, по данным анкетирования все мужчины в данной выборке выстраивают отношения со своими детьми, следовательно, отсутствие отцовской модели поведения определяет не способность/неспособность быть хорошим отцом, а особенности выстраивания отцовского поведения в условиях недостатка мужских образцов поведения с ребенком. Так же наблюдается большая зависимость ребёнка от матери у мужчин из неполной семьи. Это объясняется тем, что если нет ни вспомогательного, ни уравновешивающего влияния отца, то

естественно, что значение личности матери становится намного большим, чем при нормальных обстоятельствах. Таким образом, стратегии отцовства мужчин, выросших в полной или неполной семье, имеют отличия.

Результаты исследования подтверждают наше предположение о том, психологические эффекты конструктивных стратегий отцовства имеют семейную специфику.

Выводы

Согласно полученным нами данным, в дошкольном возрасте формируются следующие предпосылки становления психологической готовности к отцовству: гендерные установки и нравственные нормы (предпосылки аксиологического компонента), основы саморегуляции (предпосылки рефлексивно-регулятивного компонента) и гендерно-типичное поведение (предпосылка праксиологического компонента). В этом возрасте выделяются три группы детей, различающихся по особенностям становления психологической готовности к отцовству: неоптимальный, приемлемый и оптимальный тип. При этом существуют значимые отличия между детьми из полных и неполных семей по следующим показателям: праксиологический и аксиологический компонент, и интегральный показатель, что подтверждает наше предположение о том, что фактором, определяющим становление предпосылок психологической готовности к отцовству в детском возрасте, является семья.

В младшем школьном возрасте формируются следующие предпосылки становления психологической готовности к отцовству: аксиологический компонент включает в себя формирование стереотипа полоролевого поведения; определяет оптимальное нравственное развитие; рефлексивно-регулятивный

компонент определяется социальной компетентностью, самодисциплиной, произвольностью, самостоятельностью, формированием чувства компетентности, самодисциплины. Праксиологический компонент включает в себя ярко выраженное гендерно-типичное поведение, социальную адаптированность, социальную компетентность, успешное построение социальных отношений. Среди младших школьников также были выделены три группы, различающиеся по уровню развитости данных параметров.

При этом, значимые различия среди детей из полных и неполных семей определяются по параметрам гендерных установок, оценке отца по гендерным качествам (дети из полных семей оценивают отца, как более маскулинного), по параметрам нравственной мотивации поведения, ответственности, отношения к миру, к труду и к человеку, а также показателей предпосылок становления аксиологического, рефлексивно-регулятивного и праксиологического компонентов, и интегрального показателя психологической готовности к отцовству, что соответствует теоретическим положениям данного исследования. В младшем школьном возрасте наиболее развиты предпосылки праксиологического компонента психологической готовности к отцовству.

В сравнении с дошкольниками младшие школьники демонстрируют более высокие показатели по аксиологическому, рефлексивно-регулятивному и праксиологическому компонентам. Таким образом, различия в структурных компонентах интегрального показателя психологической готовности к отцовству отражают возрастные особенности развития данного феномена и подтверждают наше предположение о том, что психологические закономерности становления психологической готовности к отцовству имеют возрастно-психологическую и семейную специфику.

В подростковом возрасте формируются следующие характеристики психологической готовности к отцовству: аксиологический компонент включает в себя принятие гендерной роли; определяет оптимальное нравственное развитие и формирование мировоззрения; рефлексивно-регулятивный компонент определяется через физическое созревание, чувство компетентности,

самодисциплину, произвольность, самостоятельность, самоопределение, развитую рефлексию. Праксиологический компонент включает в себя гендерно-типичное и во многих случаях ответственное поведение, социальную адаптированность, социальную компетентность, успешное построение социальных отношений.

Среди подростков можно выделить три группы, различающиеся по параметрам готовности к отцовству: для первой группы (неоптимальный тип) характерны низкая ответственность и зрелость, отсутствие ценности престижа, развития себя, сфере обучения и образования и семейной жизни, большое значение придается роли отца в семейной культуре и ценности достижений. Для второй группы (приемлемый тип) характерны высокие баллы по шкале роль отца в воспитании детей и досуге, ценности сохранения собственной индивидуальности, собственного престижа, высокого материального положения, креативности, имеют низкие баллы по ценности достижений, отношению к своему «Я», шкале жизненная установка и роль отца в формировании эмоционального климата в семье, а также по гендерным установкам. Третья группа (оптимальный тип) представлена мало, для нее характерны высокие оценки по всем шкалам зрелости, роли отца в формировании эмоционального климата в семье, шкале родительской идентичности в роли кормильца, ценностям развития себя, сферы обучения и образования и семейной жизни, низкие баллы по роли отца в воспитании детей, ценности собственного престижа и высокого материального положения.

При этом, значимые отличия по компонентам готовности к отцовству между подростками из полных и неполных семей наблюдаются по праксиологическому компоненту и интегральному показателю психологической готовности к отцовству.

По сравнению с предыдущим возрастными группами в подростковом и юношеском возрасте наблюдаются более высокие показатели в структурных компонентах и в интегральном показателе психологической готовности к отцовству, что отражает возрастные особенности формирования данного

феномена и подтверждает наше предположение о том, что психологические закономерности становления психологической готовности к отцовству имеют возрастно-психологическую специфику.

При этом, в дошкольном, младшем школьном, подростковом и юношеском возрасте можно четко выделить три группы, различающиеся по особенностям развития стратегии отцовства, характеризующиеся по выраженности и соотношению компонентов стратегии отцовства, которые можно условно назвать, неоптимальный (неконструктивный), приемлемый и оптимальный (конструктивный) тип психологической готовности к отцовству.

Для взрослых испытуемых мужчин-отцов психологическая готовность к отцовству реализуется в рамках стратегии отцовства, внутри которой можно выделить следующие компоненты: аксиологический компонент стратегии отцовства включает в себя принятие гендерной роли отца; сформированное мировоззрение, ценность отношений, ценность отцовства; рефлексивно-регулятивный компонент стратегии отцовства определяется через зрелость на уровне индивида, личности и субъекта деятельности, высокий уровень саморегуляции и развитую рефлексию, что определяют сформированность конструктивной стратегии отцовства и самореализацию как родителя. Праксиологический компонент стратегии отцовства включает в себя гендерно типичное поведение, кооперационное взаимодействие с супругой, ответственное поведение, обеспечение условий нормального протекания беременности жены, ответственное поведение, активное, нравственное, толерантное и целеустремленное поведение, реализацию конструктивных отцовских практик. Среди взрослых испытуемых было выделено две группы, различающиеся по данным параметрам, названные конструктивный и неконструктивный тип стратегии отцовства. Представители первой группы (неконструктивный тип) демонстрируют «неответственное» отцовство, ролевую несогласованность супружеских отношений и феминность, либо очень высокие показатели маскулинности; представители второй группы (конструктивный тип) демонстрируют ответственное отцовство, согласованные супружеские отношения

и характеризуются андрогинностью или средне выраженной маскулинностью. Наибольшая разница между группами заметна в рамках аксиологического и праксиологического компонентов стратегии отцовства. Мужчины-отцы демонстрируют более высокие показатели по всем компонентам стратегии отцовства по сравнению с подростками и юношами, а также по сравнению с мужчинами того же возраста, не имеющими детей. Однако мужчины, не имеющие детей, имеют более высокие показатели по всем компонентам стратегии отцовства, включая и интегральный показатель, чем мужчины-отцы, демонстрирующие неконструктивную стратегию отцовства. Кроме того, выявлены взаимосвязи между отношениями с собственным отцом в детстве и параметрами отцовства самого мужчины.

Таким образом, на констатирующем этапе исследования были подтверждены следующие гипотезы: а) содержательные характеристики психологической готовности к отцовству образуют трехкомпонентную структуру, представленную аксиологическим, рефлексивно-регулятивным и праксиологическим компонентами; б) становление психологической готовности к отцовству начинается с дошкольного возраста и имеет возрастную психологическую и семейную специфику, предполагающую динамику постепенного повышения показателей всех компонентов психологической готовности к отцовству от дошкольного периода ко взрослости, при этом: семейная среда определяет становление предпосылок психологической готовности к отцовству в дошкольном и младшем школьном возрасте; в подростковом и юношеском возрасте наиболее развиты праксиологический и рефлексивно-регулятивный компоненты психологической готовности к отцовству; сформированная психологическая готовность к отцовству реализуется во взрослости в конструктивной стратегии отцовства взаимосвязанной с принятием гендерной роли отца, осмысленностью жизни, ценностью отношений и отцовства, а также личностной зрелостью, высоким уровнем саморегуляции и развитой рефлексией.

ГЛАВА 4. ПСИХОЛОГО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ И ТЕХНОЛОГИИ СОПРОВОЖДЕНИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ОТЦОВСТВУ

Социальную значимость «ответственного», продуктивного, вовлеченного отцовства невозможно переоценить. Отцовское воспитание, роль отца в поддержании экономического и социального благополучия ребенка, его определяющее влияние на нравственное, интеллектуальное, когнитивное развитие ребенка (наряду с влиянием матери), связанность реализации отцовских практик с конструктивностью стратегий отцовства конкретного мужчины обуславливает необходимость изучения психолого-педагогических условий и критериев становления психологической готовности к отцовству и конструктивных стратегий отцовства. Это позволит определить возможности психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству, одним из вариантов которого является создания специальных условий семейно-образовательной среды.

4.1. Специфика становления психологической готовности к отцовству в разных семейно-образовательных условиях

Психологическая готовность к отцовству детерминирована социальными, культурными и личностными ориентациями личности. В свою очередь эти ориентации сформированы определенными микро-, мезо- и макрофакторами среды.

Макрофакторы, определяя своеобразие мезо- и микрофакторов, оказывают опосредованное влияние на формирование личности, в том числе и на специфику стратегий отцовства. Однако экономическое развитие общества, демографическая политика государства, урбанизация, занятость женщин, культурные и этнические условия могут иметь решающее значение в ситуации выбора. Так, например, общественные установки более жестко регламентируют материнскую роль, чем отцовскую [476]. Мать, бросившая ребенка, является практически преступницей в глазах социума. При этом для мужчины отца подобная ситуация оценивается более лояльно. Реальное поведение людей, реализуемое и оцениваемое в рамках таких представлений [532], приводит к тому, что гораздо большее количество детей растет без отца, чем без матери.

Социально-психологические факторы (мезофакторы) регулируют родительское поведение на уровне семьи. Здесь важна семейная история, как прародительской, так и собственной семьи, структура и состав семьи, распределение ролей в семье, отношения супругов, пол, число детей, а также отношение родителей к воспитанию и образованию [153].

Микроуровень – уровень личности – также проявляется на каждом возрастном этапе в зависимости от социальной ситуации развития личности.

При этом, воздействие всех уровней среды может быть как благоприятным, то есть создающим условия для оптимального развития личности, и становления ее психологической готовности к отцовству, и предлагающим при необходимости поддержку и/или коррекцию развития, либо неблагоприятным (определяющим ограничения и риски развития). При этом, оптимальное становление психологической готовности к отцовству для конкретного возраста представляет собой адекватное для данного возраста развитие содержательных характеристик аксиологического, рефлексивно-регулятивного и праксиологического компонентов готовности к отцовству. Таким образом, оптимизация становления психологической готовности к отцовству – это процесс благоприятного прогрессивного развития содержательных характеристик всех компонентов психологической готовности к отцовству, нацеленного на достижение вершин в

этом развитии, имеющий свою специфику на каждом возрастном этапе развития личности.

Понимание специфики формирования стратегий отцовства невозможно без описания влияния семейной среды на формирование личности ребенка и, в будущем, взрослого [211; 385]. Многочисленные исследования показывают, что отношения мужчины с его собственным отцом могут быть фактором, помогающим собственной идентификации в роли отца, через идентификацию с отцом (O. Erel, B. Burman [540], D. J. Eggebeen, C. Knoester [534], J. Fagan, R. Palkovitz [544], L. Tach, R. Mincy, K. Edin [660], T. D. Fisher [546]) или компенсацию его ошибок [475; 514]. Семейная среда во многом определяет будущее представление о нормах поведения, в том числе взаимоотношений между людьми, включая и гендерные отношения, брачных отношений, родительского поведения, сути родительской любви. Так, известно, что люди, подвергшиеся в детстве физическому или сексуальному насилию, во взрослом возрасте статистически чаще сами совершают насилие над своими детьми, чем лица, не пережившие подобную травму [561].

Согласно подходу З. Фрейда, именно отец является ключевой фигурой в жизни ребенка, он определяет жесткие рамки формирования личности мальчика в условиях страха кастрации и выраженной любви к матери, которая выступает как объект влечения. Для девочки же отношения с отцом и подсмотренные паттерны общения матери с ним определяют ее дальнейшие ожидания по отношению к мужчине [428].

Э. Фромм полагает, что младенец в момент рождения испытывает страх смерти, однако он несколько предохранен от чувства тревоги, связанной с отделением от матери самим кризисным процессом рождения. Новорожденный почти не отличается от того существа, каким он был до момента рождения, и не может осознавать себя и окружающий его мир как нечто, бывшее еще до него. Он воспринимает пока только положительное действие тепла и пищи, не отличая их от источника – матери. Мать – это тепло, пища, состояние удовлетворения и безопасности. Внешняя реальность, люди и вещи пока имеют значение лишь в той

степени, в какой они удовлетворяют или фрустрируют физиологические потребности. Реально только то, что внутри; все, что находится вовне, реально, поскольку необходимо младенцу, но не как объективная ценность с присущими ей качествами.

Как полагает Э. Фромм, переживание «любимости» матерью – пассивное чувство. Мне ничего не надо делать для того, чтобы быть любимым, – материнская любовь безусловна. Все, что от меня требуется, – это быть – быть ее ребенком. Но есть и негативная сторона в этой «гарантированной» любви. Ее не только не нужно заслуживать, но ее и нельзя добиться, тем более контролировать. Если она есть, то она равна блаженству, если же ее нет, это все равно как если бы все прекрасное ушло из жизни – и ничего нельзя сделать, чтобы эту любовь искусственно создать [430].

Таким образом, ребенок, хотя теперь уже живет не в утробе, все еще полностью зависим от матери. Однако день за днем он становится все более самостоятельным: учится ходить, говорить, познавать мир; со временем связь с матерью несколько утрачивает свое жизненно необходимое значение, и вместо этого все более и более важными становятся взаимоотношения с отцом.

Э. Фромм, впервые описавший существенное различие между материнской и отцовской любовью, считает, что материнская любовь по самой своей природе безусловна. Мать любит новорожденного младенца, потому что это ее дитя, потому что с его появлением в ее мире произошли преобразования, свершились какие-то важные ожидания. Безусловная любовь утоляет одно из сокровеннейших желаний не только ребенка, но и любого человека. Условная любовь менее надежна: всегда существует опасность, что любовь к тебе может исчезнуть. Кроме того, такая «заслуженная» любовь всегда оставляет горькое чувство, что ты любим не сам по себе, а потому что приятен. У взрослых потребность в бескорыстной материнской любви проявляется как компонент нормальной эротической любви [430].

Связь с отцом совершенно иная. Мать, по меткому выражению Э. Фромма, подобна дому, из которого мы уходим, природе, океану; отец же имеет слабый

контакт с ребенком в первые годы его жизни, не идущий ни в какое сравнение с материнским. Отец представляет собой другой полюс человеческого существования – мысли, вещи, созданные человеческими руками, закон и порядок, дисциплину, путешествия и приключения. Отец – это тот, кто учит ребенка, как узнавать дорогу в большой мир [430].

С этой отцовской функцией тесно связана и другая, которую можно назвать социально-экономической. Когда возникли частная собственность и возможность передать наследство одному из потомков, отец стал с нетерпением ждать появления сына, которому он мог бы оставить свое дело. Им оказывался тот сын, которого отец считал наиболее подходящим своим преемником, который был более всего похож на отца и, следовательно, которого он любил больше всех. Отцовская любовь – это обусловленная любовь. То есть принцип отцовской любви состоит в том, что ребенка любят, потому что он удовлетворяет отцовским ожиданиям, достойно исполняет свои обязанности, или похож на отца в чем-то. В обусловленной отцовской любви мы находим, как и в безусловной материнской, отрицательную и положительную стороны. Отрицательную сторону составляет тот факт, что отцовская любовь должна быть заслужена, что она может быть утеряна, если человек не сделает того, чего от него ждут. В самой природе отцовской любви заключено, что послушание становится основной добродетелью, непослушание – главным грехом. И наказанием за него служит утрата отцовской любви. Положительной стороной является то, что отцовскую любовь можно добиться, она находится в пределах контроля личности.

Материнская и отцовская установки по отношению к ребенку соответствуют его собственным потребностям. Младенец нуждается в материнской безусловной любви и заботе как физиологически, так и психически. Более старшему ребенку необходима отцовская любовь, его авторитет и руководство [448]. Таким образом, по мнению психоаналитиков, функция матери – обеспечить ребенку безопасность в жизни, функция отца – учить его, руководить им, чтобы он смог справляться с проблемами, которые ставит перед человеком то общество, в котором он родился. Отцовская любовь является направляющим принципом, а также ожиданиями; ей

следует быть терпеливой и снисходительной, а не угрожающей и авторитарной. Она должна давать ребенку всевозрастающее чувство собственной силы и, наконец, позволить ему выглядеть авторитетным в собственных глазах, освободившись от авторитета отца.

В. Н. Дружинин полагает, что в сходстве интеллекта членов семьи проявляется их эмоциональная близость, таким образом, по коэффициентам корреляции интеллекта можно выявить близость членов среднестатистической семьи. То, что в постсоветской семье мать дальше от отца, чем сын, сын ближе к матери, чем к отцу, может объяснять так называемый «материнский эффект», когда корреляция интеллектуальных способностей детей и матерей выше, чем детей и отцов [151]. В некоторых исследованиях обнаружен противоположный «отцовский эффект», однако, вероятнее всего, корреляция обусловлена не генетическими факторами, а временем, проводимым родителем с ребенком [154].

В исследовании Т. А. Думитрашку было выявлено, что размер семьи является фактором, значимым для когнитивного развития детей, которое зависит от идентификации с родителем и порядка рождения. Действие указанных факторов обусловлено тем, что психологический статус каждого ребенка в семье изменяется вместе с изменением конфигурации семьи. А эффект очередности рождения объясняется положением детей в семье. Так наиболее тесное взаимодействие у родителей, как показывает практика, с первенцами. Различия в корреляции «родитель – первый ребенок» и «родитель – второй ребенок» могут возникать в двух случаях: при более тесной идентификации ребенка с родителем, что повышает связь, и, наоборот, при возникновении таких отношений, которые понижают эту связь [154, с. 112-113].

Имитируя взрослого, ребенок принимает его за модель и оказывается психологически зависимым от этого взрослого. Отрицательный эффект большего порядкового номера рождения на когнитивное развитие детей будет определяться тем, что у последнего ребенка в большой семье выбор объекта для идентификации становится шире (в качестве модели могут выступать и старшие дети) и тем, что статус ребенка изменяется с появлением нового члена. Заметим,

что качество взаимодействия со старшими детьми и родителями существенно различно. Контакты с родителями и вербально и интеллектуально богаче, чем контакты со старшими братьями и сестрами. Таким образом, старшие дети не в состоянии служить полным аналогом родителей для младших.

В данном исследовании также было выяснено влияние взаимоотношений родителей с детьми на развитие способностей детей. Констатируется наличие взаимосвязей между типом отношения к детям у родителей и отдельными показателями когнитивного развития детей. При этом проявляется ряд особенностей. У матерей, с более высокими баллами по отвержению ребенка, первые дочери менее интеллектуально развиты и менее креативны, чем у матерей с низкими баллами. У отцов, как и у матерей, корреляции выделяются по величине только в парах с первым сыновьями по показателям интеллектуальности и креативности. У матерей, с сильно выраженным стремлением соответствовать социально желательному образу матери, первые дочери менее результативны в тестах на интеллектуальность, у отцов этот тип отношения положительно коррелирует с показателем креативности вторых сыновей. Тесно коррелирует с показателем когнитивного развития детей интеллектуальное развитие и степень авторитарности отца (высокая корреляция с показателем креативности первых сыновей, креативности вторых дочерей с авторитарными отношениями отца с детьми). Влияние определенного стиля воспитания на ребенка может быть специфическим в каждом отдельном случае в зависимости от того, кто из родителей придерживается этого стиля и по отношению к каким детям он используется [154].

Значительную роль в формировании стратегий отцовства в детском возрасте имеет родительское воспитание и отношение к гендерным проблемам в целом. Традиционная культура дает четкие образцы, позволяющие легко ориентироваться и взрослым, и детям в нормативах поведения [546]. При этом лица, по каким-то причинам не принимающие эти нормативы оказываются в социальной изоляции [580] или подвергаются гонениям [211]. Современное общество в некотором смысле позволяет большую свободу поведения своим

членам, в том числе детям, однако представления о роли гендера в развитии личности характеризуются противоречивостью. При этом часто наблюдается чрезмерная поляризованность взглядов: от полного отрицания влияния пола и гендера на развитие личности до биологического детерминизма [165; 166]. Показательно то, что в последнее время процент родителей, выбирающих гендерно-нейтральные цвета для новорожденного ребенка и его комнаты, возрастает [475; 645]. Существующая в современной зарубежной практике идея равноправного воспитания обоих полов, иногда доходит до крайней позиции, выражающейся в утверждении о том, что гендерное воспитание «навязывает» ребенку гендерные стереотипы и, соответственно, воспитатели должны всячески избегать упоминаний о гендере и гендерных различиях, предоставляя выбор самому ребенку [592]. Предполагается, что достигнув определенного возраста, он сам определится с тем, какой именно гендер (или пол) ему более предпочтителен. Однако, не имея определенных социальных ориентиров, ребенок не может четко сформировать собственные [603]. Такая позиция создает базу для проблем гендерной аутоидентификации в будущем. [537]. В контексте определения параметров гендерного поведения большое значение приобретают не только отношения с родителями, но и игры и игрушки, которые они выбирают для своего ребенка [51; 175]. Гендерная специфика игрушек хорошо заметна в любом магазине игрушек, на любой детской площадке [564].

Если проблемы игрушек для девочек обсуждаются в литературе в связи с превалированием сексуально-откровенных образов и отсутствия моделей материнства среди игр девочек-дошкольниц [322], то у мальчиков проигрывание отцовской роли в детских играх встречается крайне редко и в основном, в разнополых играх сиблингов [646]. Однако типично мальчишеские занятия, такие, как: игры пистолетами и мечами (или заменителями огнестрельного оружия или холодного оружия), инструментами, поездами, машинками, самолетами, игры в солдатики, в войну, спортивные и силовые игры или возня, лазанье по деревьям, заборам, спортивным снарядам, интерес к реальным машинам, поездам, самолетам, техническим устройствам, новым местам, животным и насекомыми

[562], способствуют позитивному осознанию гендерных различий и гендерной специфики поведения [563], что имеет долгосрочный эффект вплоть до подросткового возраста в связи общим благополучием подростков [580], а также с таким конкретным проявлением гендерного самоопределения, как определение сексуальной ориентации в подростковом возрасте [603]. Важнейшей фигурой, открывающей мальчику типично мужские занятия и интересы, является отец [508].

Кроме того, S. Barth полагает, что отец играет важнейшую роль в усвоение детьми моральных норм. Родители через слова и поведение, так или иначе, выражают свое отношение к определенным событиям или поступкам людей, предоставляя, таким образом, модели поведения и моральную оценку. Кроме того, родители, особенно отец, дисциплинируют детей, ставя определенные рамки поведения, одобряя одни поступки и наказывая за другие. Главными факторами, влияющими на усвоение моральных норм, являются: страх потери любви родителей; идентификация с родителем; развитие эмпатии и чувства вины, первоначально через оценку родителей, а затем, через объяснение последствий действий ребенка. По мнению М. Муна и Ч. Хоффмана, именно идентификация является наиболее важным фактором, и отец в этом случае особенно необходим мальчику [614]. То, что любовь отца условна, по мнению S. Barth, является важнейшим фактором морального развития ребенка [480]. К похожему выводу пришла О. Б. Чиркова, которая в своем исследовании обнаружила, что отец играет более важную роль в формировании у ребенка ответственности [приводится по 181]. Происходит это потому, что отцы придают большее значение самостоятельности, предоставляя детям отвечать за свои действия, и с большим уважением, чем матери, относятся к проявлению детьми независимости. Лишь отец способен сформировать у ребенка способность к инициативе и противостоянию групповому давлению. Чем больше ребенок привязан к матери (по сравнению с отцом), тем менее активно он может противостоять агрессии окружающих. Чем меньше ребенок привязан к отцу, тем ниже самооценка

ребенка, тем меньше он придает значение духовным и социальным ценностям, по сравнению с материальными и индивидуалистическими [105].

О том, что взаимоотношения с отцом влияют на формирование полоролевой идентичности, говорил еще З. Фрейд. По мнению S. Barth, важнейшими детерминантами полоролевой идентификации для мальчика являются доминантность отца (как влияние в семье, с одной стороны, а с другой, именно доминирование отца может привести к развитию пассивности ребенка) и забота отца. Если отличительной чертой отношений отца и сына является забота и теплота, желание быть таким же «мужественным» как отец значительно усиливает позитивное восприятие, усвоение мужского поведения и формирование адекватной полоролевой идентичности. Взаимоотношения девочки с отцом оказывают влияние на ее дальнейшие отношения в браке. [480].

Многие исследования подтверждают позитивность вклада отцов в воспитании детей. Доказано также влияние отца на развитие различных личностных характеристик ребенка, например, эмпатии и эмоциональной чуткости, социабельности, самооценки, самоуважения и уровня притязаний [181].

Исследования привязанности родителей и младенцев показало, что отцы, проводившие с детьми много времени и позитивно настроенные по отношению к ним, имели младенцев, более прочно привязанных к родителям. Помимо этого, взаимодействие отцов с детьми способно улучшить физическое самочувствие малышей, их восприятие, отношение с окружающими уже с очень раннего возраста. Изучение годовалых детей показало, что дети «вовлеченных» отцов, оставаясь с незнакомцем, плакали и страдали меньше, чем дети «менее вовлеченных» отцов [181].

Таким образом, участие отца в воспитании ребенка невозможно переоценить, оно необходимо для формирования полноценной гармоничной личности, и, возможно, целый ряд проблем современного общества связан именно с отстранением мужчин от воспитания молодого поколения.

Современные реалии отцовства во всем мире имеют две тенденции, с одной стороны в патриархальных культурах ценность отцовства традиционно высока,

при этом отец имеет почти неограниченную власть в семье, таковыми, например, являются культуры некоторых стран Азии и Востока. В современном западном обществе все четче проявляется тенденция к возрастанию внимания отцовства и его роли в жизни ребенка (так называемое «ответственное отцовство»), однако даже в этих государствах вовлеченные отцы в силу различных обстоятельств не являются большинством, кроме того, в странах, проходящих через реформирование социальных и гендерных систем, находящихся между традиционным миропониманием и формированием более либерального общества, разрушение устоев и традиций приводит к уменьшению социального контроля и большей свободе самой личности по отношению к таким социальным явлениям как, например, семья [567; 627]. В идеале большая свобода означает большую ответственность личности по отношению к собственной жизни, своей семье и детям, что далеко не всегда происходит в реальности. В итоге, большая эмансипация и свобода женщин, включенность их в производственный процесс, приводящие в контексте семьи к проявлению конфликтов на почве лидерства; разграничение сексуальности и репродукции; снижение возраста вступления в половую жизнь приводит к распространению практики воспитания ребенка одним родителем, которым в подавляющем большинстве случаев является мать. В нашей стране, по данным Е. П. Ильина, количество детей, растущих без отца, становится угрожающим [181]. При этом, по мнению Й. Лангмейера и З. Матейчека [236], часто, хотя и внешне не столь трагичным, как отсутствие матери, обстоятельством жизни ребенка является отсутствие отца («патернальная депривация»).

Это касается многих детей, живущих со своими незамужними или по иным причинам одинокими матерями. Если нет ни вспомогательного, ни уравновешивающего влияния отца, то естественно, что значение личности матери становится намного большим, чем при нормальных обстоятельствах [236]. К этому следует добавить еще несколько важных обстоятельств: как показывает обычный опыт и как это было также доказано социологическими исследованиями, функции отца в семье претерпевают сравнительно быстрые и серьезные изменения. В современном обществе – правда, не равномерно во всех слоях

населения, однако все же заметно – отцы значительно больше, чем ранее, принимают участие в уходе за грудными детьми и их воспитании, причем часто возникают сотрудничество между мужчиной и женщиной, что было несвойственно предыдущим поколениям [471, 472]. На фоне данной тенденции отсутствие отца проявляется более тяжело, чем в прошлом, когда забота о ребенке целиком сосредотачивалась на матери. Речь идет не только о физической труде и времени, которое затрачивается на общение с ребенком (в данном отношении помощь ныне оказывает современная техника), но, прежде всего, о психической нагрузке. Помощь, предоставляемая в данном отношении совместными интернатами для одиноких матерей с детьми, также не является вполне совершенной. Во-первых, здесь продолжает отсутствовать мужской элемент в воспитании, а во-вторых, взаимопомощь матерей в домашних работах и в воспитании приводит к ситуации «разделяющейся материнской заботы» со всеми ее трудностями и неясностями.

Еще одним негативным аспектом является отсутствие уверенности и устойчивости в социальном включении, так как профессия отца представляет обычно реальную и символическую базу экономического обеспечения семьи, а ее основательность является порукой уверенности. В то время как мать предоставляет ребенку возможность ощутить интимность человеческой любви, отец проторяет ребенку путь и отношение к человеческому обществу. По словам М. О. Шварца, мать нас приводит к человеку, а отец к людям [236]. Иным образом это выражает А. Гремс [566, с. 21]: «материнская забота обеспечивает возможность принятия, отцовская же забота побуждает к отдаче. И то, и другое необходимо для развития личности, и то, и другое должно здесь присутствовать, если мы хотим когда-нибудь приблизиться к границе человеческих возможностей». Кроме того, отец представляет для детей наиболее естественный источник познаний о мире, труде, технике, способствуя как их ориентировке на будущую профессию, так и созданию социально полезных целей и идеалов.

Если место отца занимает в семье отчим, а иногда дедушка, депривационные влияния подавляются, зато здесь более благоприятная почва для

развития различных конфликтов, причем невротические расстройства, возникающие на данной основе, являются, по мнению Й. Лангмейера и З. Матейчека весьма частыми.

Ребенок, растущий без отца, лишен, таким образом, важного мужского примера, который особенно значителен для мальчиков старшего возраста в регуляции их поведения, но важен также и для девочек в качестве модели их будущего партнера. Ребенок без отца страдает также, как правило, от недостатка авторитета, дисциплины и порядка, которые в нормальных условиях олицетворяются отцом [655].

Кроме того, ребенок, растущий, главным образом, без отцовского авторитета, бывает часто недисциплинированным, несоциальным, агрессивным в отношении взрослых и детей. В обследовании, проведенном Й. Лангмейером и З. Матейчком, 163 мальчиков из детских учреждений с повышенной воспитательной заботой в среднечешской области было установлено, что 41% из них росло без отца [236].

Если отца нет, то это имеет еще другое косвенное депривационное влияние. Дело в том, что если матери одной приходится нести все экономические и воспитательные заботы о семье, то она, как правило, бывает настолько занятой, что у нее не остается для ребенка много времени и у нее ослабевает даже интерес к нему [236]. Ребенок в таком случае предоставлен самому себе большую часть дня, может начать бродяжничать, у него больше возможностей для правонарушения помимо физического отсутствия, значительным фактором в развитии ребенка по направлению к асоциальности может явиться также несоответствующая роль, играет отец в семейном сообществе [650].

Отец предоставляет модель мужественности ребенку, особенно мальчику, что особенно важно в подростковый период, который во многом является критическим для формирования стереотипа полоролевого поведения. П. П. Блонский полагал, что без такой модели демонстрировать «мужское поведение» достаточно сложно, ведь начиная с детского сада, где все воспитатели – женщины; потом в школе и в вузе мальчик (юноша) встречает модель женского

поведения в десятки раз чаще, чем мужского. Если у него нет примера такого поведения перед глазами, для того, чтобы выстроить собственное поведение, он либо берет за образец поведение женщины – матери, бабушки, учительницы – и вырастает мягким и чувствительным, что считается «немужественным». Или считает, что поведение мужчины противоположно поведению женщины: если женщина выполняет социальные нормы, вежлива, внимательна, избегает вредных привычек – то мужчина должен поступать «наоборот». Такое понимание «мужского поведения» может привести к злоупотреблению алкоголем и наркотиками и даже к правонарушениям. То есть, значимость образца мужского поведения – будь то отец, даже дедушка или тренер спортивной секции – неоспорима [532].

Статистические данные США за несколько десятилетий [667; 668] подтверждают, что проблема отсутствия отца в семье все возрастает. До 39% детей младше 18 лет живут отдельно от своих отцов. Влияния разведенных отцов на своих детей невелико. Половина детей после развода родителей ни разу не встречается со своими отцами, каждый пятый не видится с отцом в течение пяти лет [336; 532]. Ф. Фестенберг обнаружил, что более половины детей, чьи родители развелись, никогда не бывали в доме отца [553]. Отцы могут отсутствовать также, если находятся в местах лишения свободы. Бывает и так, что отцы живут с семьей, но эмоционально и физически отсутствуют. В полной семье 25% детей напрямую взаимодействуют со своими отцами хотя бы час в день. Остальные проводят со своими отцами менее 30 минут в день. Почти 20% старшеклассников не разговаривают со своими родителями больше 10 минут подряд уже в течение месяца [598]. Это не может не сказаться на их развитии.

Множество исследований констатировало, что матери и бабушки часто препятствуют присутствию отца в жизни ребенка, и что современная практика социальных институтов создает барьеры в этом, особенно для молодых отцов [210]. Многие из этих отцов прекращают участвовать в жизни ребенка, и многие, кто пробует остаться вовлеченным в жизнь своего ребенка, сталкиваются с сильным социальным противодействием [532].

Между тем, существует связь сильного отрицательного влияния внебрачного отцовства на отношения отца и ребенка, что доказано многочисленными исследованиями. В случае, когда родители не женаты, но сожительствуют, отцы намного больше присутствуют в жизни своих детей. Однако исследования указывают, что сожительствующие пары имеют высокий процент разрыва, и те, кто в последствии женятся, имеют более высокие проценты разводов [532].

Отрицательное влияние развода на качество отношений отца и ребенка также весьма сильное [678]. Большая часть исследования вовлеченности отцов в жизнь их детей после развода сосредоточилась на выявлении ее влияния на состояние ребенка [679]. Множество ученых обнаружили, что, хотя, в принципе, контакт с обоими родителями желателен, польза вовлеченности отца для ребенка может быть уменьшена, если существует существенный конфликт между родителями. Таким образом, когда между родителями серьезный конфликт, частые контакты с отцом могут создать дополнительное напряжение для ребенка, которое нивелирует преимущества более частых встреч с отцом [660].

Вообще, в то время как более частые контакты с нерезидентным отцом коррелировали с лучшими показателями здоровья [544], судебные соглашения по посещениям были важным фактором уменьшения этих показателей [514; 515]. Таким образом, реализация отцовских функций возможна для мужчины-нерезидентного отца, однако, осложнена влиянием матери и социума, поэтому именно такие мужчины могут нуждаться в психологической помощи в организации взаимодействия с ребенком и реализации стратегии отцовства в условиях проживания в разных домохозяйствах.

Феномен «патернальной депривации» характерен для многих детей, живущих со своими одинокими матерями [236]. Еще одним важным является отсутствие уверенности и устойчивости в социуме, так как профессия отца представляет обычно реальную и символическую базу экономического обеспечения семьи, а ее основательность является порукой уверенности. В то время как мать предоставляет ребенку возможность ощутить интимность

человеческой любви, отец проторяет ребенку путь и отношение к человеческому обществу. Кроме того, отец представляет для детей наиболее естественный источник познаний о мире, труде, технике, способствуя как их ориентировке на будущую профессию, так и созданию социально полезных целей и идеалов.

В этом смысле весьма перспективным представляется рассмотрение семьи как системы, в которой каждый элемент взаимосвязан со всеми другими и нормальное функционирование которой невозможно без какого-либо ее элемента [14]. Все члены семьи находятся во взаимосвязи друг с другом и взаимовлияют друг на друга. Таким образом, не только отец и мать влияют на детей или отношения супружеской пары оказывают влияние на развитие детей, но и отношения в диаде «родитель – ребенок» влияют на стабильность семьи и самочувствие каждого из ее членов [512; 645]. Данное положение подтверждают исследование, в котором было выяснено, что дети, воспитывающиеся в неполных семьях, «доставляют» семью в своих фантазиях об отце [602].

Данные W. Fthenakis [550], подтверждают, что проблема патеральной депривации становится все более актуальной, и среди молодого поколения эта проблема стоит острее, чем раньше. Чаще всего она связана с рождением детей вне брака и разводами. Эти причины ведут к физическому отсутствию отца в семье. Это не может не сказаться на их развитии, так как участие отца в воспитании ребенка необходимо для формирования полноценной гармоничной личности, и, возможно, целый ряд социальных проблем современного общества связаны именно с отстранением мужчин от воспитания молодого поколения.

Таким образом, семейная ситуация определяет дальнейшее развитие ребенка, его поведение, нравственное развитие [298], обучение и формирование отношения к будущему собственному родительству, поэтому семейные дефекты являются наиболее опасными рисками социализации личности [454].

Соответственно, дети, воспитывающиеся вне семьи, составляют самую проблемную категорию, так как отсутствие одного из главных «агентов социализации» – семьи оказывает негативное влияние на весь процесс социализации, осложняет вхождение в новую социальную среду и освоение

социальных ролей [260]. Утрата семьи всегда является массивной травмой [116], при этом резкое изменения социальной действительности, переживание утраты и горя, (часто этому предшествуют тяжелые условия и жестокое обращение в семье) приводит к значительным сложностям в формировании психологической суверенности личности [285], размытости границ личности, потере ориентиров, неспособности выстроить жизненные стратегии [260] и, отсутствию не только гендерных моделей для формирования собственного поведения, но и фрустрации привязанности - невозможности переживания чувства привязанности и близости с другим человеком [236], что нарушает и формирование родительских чувств. Так, согласно Г. Г. Филипповой теплые, нежные отношения девочки с матерью в детстве позволяют ей самой пережить подобные чувства по отношению к своему ребенку [234; 421]. Отношения с родителями во многом задают тон собственному сексуальному и родительскому поведению личности, либо как образец для подражания, либо как «антиобразец» при тяжелой семейной обстановке [72, с. 35].

Так Г. Ньюфельд и Г. Матэ полагают, что ранняя отстраненность родителей от детей и, что особенно важно в связи с культурными традициями, от подростков приводит к отсутствию ощущения безопасности у детей [299]. Ребенок пытается заполнить пустоту, вызванную фрустрацией потребностей в принятии и безопасности, другими отношениями по типу невротической замены объекта [437]. С этим связан ранний сексуальный дебют и беспорядочность сексуальных отношений в подростковом возрасте у детей из неблагополучных семей [299; 537]. Подростки с фрустрированной потребностью в привязанности вступают в сексуальные отношения раньше других [664] и не в контексте любовных отношений (то есть конкретный партнер вообще не является значимым), а для того, чтобы быть принятыми в круг сверстников, потому, что «все так делают», чтобы почувствовать принадлежность к какой-то группе [530]. Такие действия не предполагают никакой ответственности ни перед друг другом, ни перед собственным здоровьем, и зачастую связаны с передачей различных заболеваний и нежелательными беременностями в раннем возрасте [530]. Естественно, в этом

случае психологических условий для благополучного развития рожденного у них ребенка или развития личности несовершеннолетних родителей нет, что приводит к многочисленным социальным, экономическим, политическим и психологическим проблемам [590].

Таким образом, семейная среда и ближайшее окружение ребенка [26] во многом определяют отношение к вопросам, связанным с отцовством: сексуальные и эмоционально-близкие отношения, формирование пары, моделей поведения в браке, моделей родительского поведения. Поэтому, несмотря на то, что некоторое воздействие на формирование гендерной идентичности возможно оказывать в рамках образовательной организации [162], включение семьи в подобную работу является наиболее перспективным направлением психологической работы по формированию конструктивных стратегий отцовства. Идеальным вариантом можно считать формирование широкого общественного мнения относительно значимости ответственного сексуального и родительского поведения для развития личности конкретного человека и общества в целом, что предполагает программу нравственного воспитания будущих поколений.

Однако в настоящее время, наиболее жизнеспособным представляется вариант сотрудничества родителей и педагогов в этом направлении. При этом, повышение педагогической грамотности родителей является первоочередной задачей, стоящей перед современным российским обществом.

4.2. Тенденции и риски становления психологической готовности к отцовству на разных возрастных этапах

С точки зрения психолого-педагогической практики функционирование семейной и образовательной среды, относящейся, в основном, к мезо- и микроуровню, направленной на поддержку становления психологической

готовности к отцовству, представляет собой посильную задачу при условии учета особенностей, тенденций и рисков отнoгенетического развития личности мужчины и этапов становления психологической готовности к отцовству.

Первый – период обозначения отцовства начинается с рождения мальчика и продолжается до момента получения сведений о беременности его жены. Формирование стереотипов отцовства происходит в процессе взаимодействия с собственными родителями. Причем степень влияния отца и матери зависит от возраста ребенка. Первоначально общение с матерью в период новорожденности и младенчества намного интенсивнее, чем с отцом. Мать кормит, ухаживает за ребенком, заботится о нем, играет с ним, разговаривает. Дж. Боулби и М. Кляйн описали особенности общения матери с ребенком-младенцем [495; 497]. Чувствуя ее поддержку и присутствие, будучи в безопасности, ребенок может исследовать мир. Отец является фигурой, которая помогает ребенку изучать мир, собственное тело и его возможности через силовые игры. Позднее взаимоотношения родителей становятся моделью поведения в обществе сверстников в младшем школьном и в подростковом возрасте.

Первый период охватывает значительный период в жизни мужчины, приходящийся на время интенсивного формирования личности, когда за короткий срок происходят значительные изменения и появляются многочисленные психические новообразования. Возрастная специфика формирования стратегий отцовства состоит в том, что для каждого возрастного периода характерны определенные значимые изменения, без которых дальнейшее развитие происходит неравномерно. То есть, внутри возрастных этапов можно выделить сензитивные периоды для формирования определенных аспектов будущей стратегий отцовства, причем первые значимые характеристики стратегий отцовства проявляются задолго до реализации отцовских практик во взрослости. Поэтому внутри первого этапа целесообразно выделить периоды, позволяющие акцентировать внимание на важных новообразованиях каждого возраста. За основу периодизации первого этапа взята модель формирования гендерной идентичности Г. С. Васильченко [108], который в интересующем нас возрасте

выделяет следующие важнейшие периоды формирования гендерной идентичности: парапубертат, препубертат, пубертат и переходный период, имеющие свои специфические особенности [69, с. 61-85; 195].

При этом в рамках становления психологической готовности к отцовству выделяется пять периодов: дошкольное детство, младший школьный возраст, подростковый и юношеский период и ранняя зрелость. На каждом из них возможны специфические риски или неблагоприятные условия для становления психологической готовности к отцовству.

Возрастные особенности содержательных характеристик психологической готовности к отцовству на этапе становления и основные характеристики конструктивной стратегии отцовства в период зрелости кратко резюмированы в Таблицах 4.1.1 и 4.1.2. (Приложение 5).

Дошкольное детство характеризуется тем, что с самого рождения ребенка важнейшее значение для гендерной идентификации приобретает окружающая среда [128], особенно, родители [121], которые по-разному воспитывают, общаются и относятся к мальчикам и девочкам [565]. Мальчики-младенцы получают меньше тактильных ласк, чем девочки [663]. Кроме того, даже в семейной среде мальчики с самого раннего возраста не имеют свободы выражать свои чувства, так же легко как девочки, но их меньше наказывают за проявление агрессии [649]. В период дошкольного детства родители не только предоставляют своим детям гендерные образцы, но и поощряют либо, наказывают за определенное поведение [518]. Особенно это касается нравственных моментов и гендерно-специфического поведения. Таким образом, именно родительское поведение во многом определяет формирование представлений о гендерной роли мужчины. Важнейшим новообразованием этого периода является формирования полового самосознания [108] или гендерной аутоидентификации [195]. Половое самосознание определяется как осознание себя представителем определенного пола и, кроме того, умение регулировать свое поведение в соответствии с гендерными морально-этическими требованиями и установками общества [338]. Е. А. Кащенко и С. Т. Агарков определяют гендерную аутоидентичность через

понятие полового самосознания, отнесения себя к определенному полу [195]. Считается, что правильное представление о своей половой принадлежности формируется к 1,5 – 2 годам [195]. Важнейшим моментом формирования гендерной аутоидентичности является то, что после прохождения сензитивного периода в парапубертатном возрасте изменить или как-то повлиять на сформированное половое самосознание практически невозможно. При этом важно, чтобы ребенок имел возможность выстроить гендерную модель поведения на основе своего взаимодействия с родителями обоего пола (или замещающими фигурами). Нарушения семейной системы, серьезные проблемы со здоровьем, задержка психического или речевого развития [169] могут привести к сложностям в формировании половой идентификации. Дело в том, что помимо отнесения себя к определенному полу, ребенок должен представлять, какие социальные и психологические черты присущи каждому полу (или гендеру), какие особенности поведения могут быть одобрены обществом [338], являются гендерно-специфичными, а какие не связаны с определенным полом [546], соответственно, могут быть присущи и мужчине и женщине [478]. Современная действительность привносит свои коррективы в процесс гендерной аутоидентификации. Отнесение себя к определенному полу начинает складываться достаточно рано, когда родители называют ребенка мальчиком или девочкой, и поощряют определенные проявления гендера. Во многих случаях маркировка определенного пола начинается еще до рождения через выбор цвета гардероба и оформление помещения для ребенка. Однако в последнее время процент родителей, выбирающих гендерно-нейтральные цвета, возрастает [475; 645]. Существующая в современной зарубежной практике идея равноправного воспитания обоих полов, иногда доходит до крайней позиции, выражающейся в утверждении о том, что гендерное воспитание «навязывает» ребенку гендерные стереотипы и, соответственно, воспитатели должны всячески избегать упоминаний о гендере и гендерных различиях, предоставляя выбор самому ребенку [592]. Предполагается, что достигнув определенного возраста, он сам определится с тем, какой именно гендер (или пол) ему более предпочтителен. Однако, не имея определенных

социальных ориентиров, ребенок не может четко сформировать собственные [603]. Такая позиция создает базу для проблем гендерной аутоидентификации в будущем. [537]. Отсутствие гендерных моделей не разрешит проблемы детей, имеющих врожденные или приобретенные сложности с отнесением себя к определенному полу, но осложнит не только гендерную идентификацию в детском возрасте [559; 564], но и может стать причиной трудностей в общении и внутренних психологических проблем в подростковом возрасте у остальных детей [580]. Таким образом, такая важнейшая характеристика будущей стратегии отцовства, как принятие своей гендерной роли, начинает формироваться именно в дошкольный период.

Кроме того, дошкольное детство – важнейший сенситивный период в формировании нравственных характеристик личности [3]. Именно в это время закладываются основы формирования таких характеристик, как: вежливость, тактичность, ответственность, инициативность, самостоятельность, альтруизм, скромность, уважительность, великодушие, гуманность, деликатность, доброта, душевность, отзывчивость, порядочность, почтительность, совесть, сострадательность, справедливость, человечность, честность, чуткость, эмпатия и толерантность. Усвоение оценочных норм происходит в процессе наблюдения за реакциями родителей, предоставляющих модели поведения [468]. В. С. Мухина, дополняя анализ формирования ценностных норм, обращает внимание на то, что в качестве эталонных образцов поведения могут выступать не только реальные люди, но сказочные персонажи, имеющие моральные черты [289]. При этом критериями нравственного развития ребенка выступают: знание норм, привычки поведения, эмоциональное отношение к нравственным нормам и внутренняя позиция ребенка [468]. Однако, по мнению М. С. Яницкого, выработка осознанной внутренней позиции ребенка не реализуется в полной мере в дошкольном возрасте. Согласно Г. Крайг, сначала дети просто копируют словесные формулировки взрослых, связанные с нравственной оценкой ситуации, и только потом, стараясь соответствовать собственному представлению о себе, как о «хорошем» ребенке, он совершает социально одобряемые действия [221].

Как показывают исследования [574] различие мужского и женского воспитания особенно ярко проявляются в отношении к дисциплине. Именно в контексте формирования нравственных ориентиров личности отцовское влияние становится незаменимым. Дисциплинирующая роль отца позволяет ему регламентировать поведение ребенка и, таким образом, транслировать культурные и нравственные нормы через поколения [480].

Общение со сверстниками и взрослыми в дошкольном возрасте ориентирует детей на нормы определенной группы людей, которая опосредует нормы и ценности общества в целом [468] и, кроме того, силу межличностного взаимодействия, определяет эмоциональное принятие социальных норм и ценностей в процессе совместной деятельности.

Кроме того, в этом возрасте начинают формироваться первые предпосылки будущей зрелости личности: на уровне индивида (здоровье), личности (половая идентификация, отношения в детском коллективе) и субъекта деятельности (игровая деятельность, некоторая саморегуляция, готовность к школьному обучению), процессуальным критерием зрелости выступает адаптация [333]. Таким образом, некоторые составляющие рефлексивно-регулятивного компонента стратегии отцовства также начинают формироваться в этом возрасте.

Так как ведущим видом деятельности в дошкольном возрасте является игра, важнейшие аспекты социального и нравственного развития личности отрабатываются и осознаются в игровой деятельности. Появление познавательной мотивации, когнитивное развитие ребенка и готовность к школе, формирующаяся к концу периода дошкольного детства, создают базу для дальнейшего развития субъекта деятельности в школьный период [232; 356].

В дошкольном детстве гендерная роль формируется через половое самосознание, происходит начало формирования ценностных ориентаций личности через развитие нравственных ориентиров, и появляются предпосылки рефлексивно-регулятивного компонента, такие, как: здоровье, отношения в детском коллективе, игровая деятельность, саморегуляция, готовность к школьному обучению. В этом контексте содержательные характеристики

психологической готовности к отцовству в дошкольном возрасте будут иметь свою специфику и будут отличаться от содержания трех компонентов несформированной готовности к отцовству или неготовности к отцовству. Критерии становления предпосылок психологической готовности к отцовству в дошкольный период обобщены в Таблице 4.1.3. (Приложение 5).

Таким, образом, в этот возрастной период, важнейшими условиями становления психологической готовности к отцовству является полная семья, предоставляющая гендерные модели поведения ребенку, нравственное воспитание личности.

Младший школьный возраст приходится на возраст 7-13 лет и характеризуется формированием стереотипа полоролевого поведения или системы представлений и моделей полового поведения для обоих полов [108]. Важнейшую роль в формировании ценностей личности в этом возрасте играет учебная деятельность, с которой связано когнитивное и социальное развитие ребенка, усваивающего новые знания, взаимодействующего со взрослыми в контексте учебной деятельности. Согласно М. С. Яницкому, развитие ценностных представлений в это время осуществляется сформированными ранее механизмами [468]. По мнению Ж. Пиаже, смена стадий морального развития связана с когнитивными возрастными изменениями. При этом младший школьный возраст является сензитивным для развития интеллекта, что способствует дальнейшему формированию ценностных ориентаций личности [318].

Согласно Э. Эриксону, в этот период происходит формирование такого качества, как трудолюбие, которое связано в первую очередь с развитием волевых характеристик личности, и будет являться одним из критериев личностной зрелости во взрослости [460]. Таким, образом, в этом возрасте важнейшими условиями становления психологической готовности к отцовству также является семья, предоставляющая гендерные модели поведения ребенку, адекватный возрасту статус ребенка, правильно сформированная образовательная среда.

Если говорить о предпосылках формирования рефлексивно-регулятивного компонента готовности к отцовству, то в младшем школьном возрасте важнейшие

изменения происходят на уровне субъекта деятельности и включают такие предпосылки, связанные с началом обучения, как: успеваемость, произвольность, саморегуляция, самодисциплина, произвольность поведения, самостоятельность.

В невыгодном положении оказываются дети по каким-то причинам дезадаптированные в школе. В силу того, что собственная самооценка и оценка других детей младшего школьного возраста тесно связана с оценками школьных учителей [3], явная неуспешность в начальных классах, особенно, при серьезном давлении родителей, создает условия для непринятия ребенком декларируемых таким угрожающим социумом социальных ценностей.

Младший школьный возраст сензитивен для формирования стереотипа полоролевого поведения, что внешне проявляется в гендерно типичном поведении. Продолжение формирования ценностей связано с нравственным развитием, трудолюбием, ответственностью и социально-нормативным поведением. Предпосылками рефлексивно-регулятивного компонента выступают: здоровье, успеваемость, самодисциплина, произвольность поведения, самостоятельность, чувство компетентности, социальная адаптированность, саморегуляция, социальная компетентность, умение выстраивать социальные отношения. В этом контексте содержательные характеристики психологической готовности к отцовству в младшем возрасте также будут иметь свою специфику и будут отличаться от содержания трех компонентов несформированной готовности к отцовству. Критерии становления предпосылок психологической готовности к отцовству в младшем школьном возрасте обобщены в Таблице 4.1.4. (Приложение 5).

Следующий период становления готовности к отцовству приходится на возраст с 12 до 18 лет и включает в себя подростковый (пубертатный) и юношеский период. Это время формирования психосексуальных реакций и психосексуальной ориентации. В это время на основе индивидуальных особенностей и опыта формируется личность, происходит эмансипация от семьи, вырабатывается собственное мировоззрение, социальное сознание, оформляются представления об отцовской и материнской роли. И если женщины примеряют на

себя материнские роли с детства, то мужчины именно в этом возрасте впервые задумываются об отцовстве, чаще всего в связи с возникновением проблем или разговоров о нежелательной беременности, обсуждением общественного мнения об ответственности за будущее. Однако многое зависит от воспитания, от семейных традиций и позиции матери мальчика-юноши [325]. Ведь именно отношения с собственной матерью на много лет определяют отношение к женщине вообще. Насколько мать подрастающего мужчины принимает его взросление и его самостоятельность, предоставляет ему возможность решать некоторые вопросы самому, принимая ответственность за свои решения, настолько внимательно относится он к своим сексуальным отношениям. Авторитарное поведение матери, пресекающей любые проявления инициативы, может привести к безответственности в отношениях с противоположным полом [486].

Подростковый возраст является сензитивным для формирования системы ценностей личности. До этого возраста ребенок не может создать свою систему ценностей, в силу отсутствия соответствующих когнитивных структур, незрелости рефлексии [124; 221; 318]. Важнейшим новообразованием подросткового возраста является чувство взрослости, связанное с ориентацией на взрослые ценности [3]. Внешние «взрослые» ценности в этот период подвергаются внутренней личностной переработке, что позволяет создать собственную систему ценностей. Это может быть связано интернализацией внешних запретов, способностью эмпатийно понимать чувства других людей, или с развитием мышления на уровне «формальных операций», когда у подростка появляется возможность переоценки информации и понятий [323; 468]. При этом создание собственной системы ценностей сопровождается поиском ответов на философские вопросы, бунтарством, идеализацией морали своего поколения [113; 356] нравственных ориентиров старшеклассников [323; 391].

Происходят изменения и в плане формирования рефлексивно-регулятивного компонента психологической готовности к отцовству: на уровне индивида, помимо здоровья важнейшим процессом становится физическое созревание, на

уровне личности продолжается половая идентификация, усиливаются проблемы социальных предпосылок зрелости, таких, как: выстраивание отношений со сверстниками и родителями и на уровне субъекта деятельности продолжают быть значимыми успеваемость, произвольность, самодисциплина, саморегуляция, произвольность поведения, самостоятельность. Кроме того, в этом возрасте начинает активно работать рефлексия.

В юношеском возрасте продолжается физическое созревание, но многочисленные изменения охватывают уровень личности, появляется необходимость выбора дальнейшего пути, профессионального и личностного самоопределения, сохраняют свою значимость половая идентификация, выстраивание отношений со сверстниками и родителями, на уровне субъекта деятельности предпосылками зрелости остаются: успеваемость, самодисциплина, произвольность поведения, самостоятельность. Процессуальным критерием зрелости выступает адаптация, самоопределение.

Кроме того, согласно Е. В. Куфтяк [235] в этом возрасте дифференцируется поведенческая стратегичность, так в подростковом возрасте мальчики демонстрируют, как продуктивные (конструктивные) стратегии совладания с ситуацией (духовность, обращение к друзьям), так и непродуктивные (неконструктивные), такие как: ожидание чуда, несовладание, игнорирование, активный отдых. В юношеском возрасте мальчики по сравнению с подростками чаще используют стратегию «решение проблемы», реже – «духовность» или обращение к друзьям и реже демонстрируют непродуктивные стратегии, такие как: ожидание чуда, несовладание, игнорирование и активный отдых [230]. Возможности саморегуляции возрастают.

Важно то, что в юношеском возрасте наиболее ярко проявляется создание системы ценностей. Это – период поиска собственной идентичности в личностном [460], профессиональном [342] и сексуальном планах [195]. Только в юношеском возрасте формируется устойчивая система нравственных идеалов, принципов и ориентаций, которая начинает опосредовать поведение и деятельность личности, а также отношение к окружающему миру и к себе [56].

М. С. Яницкий полагает, что значительную роль в формировании системы ценностных ориентаций личности в этом возрасте играет осознание человеком личностного смысла своей жизни [468]. Для юношей характерно появление жизненных планов, целей, придание личностных смыслов ситуациям и выбору, иерархизации мотивов, становления устойчивого ядра ценностных ориентаций, появление собственного мировоззрения. Поэтому, согласно М. С. Яницкому, юношеский возраст является решающим в плане формирования ценностной системы личности [468]. Таким образом, ценностное отношение к отцовству определяется еще до того, как мужчина реально встречается с подобными ситуациями в реальности.

В современном обществе происходит достаточно четкое разграничение родительской и сексуальной сферы. Однако в подростковом и юношеском возрасте такие вопросы стоят особенно остро в силу физической возможности стать родителем, но отсутствием личностной и социальной зрелости личности. И, несмотря на огромное количество источников информации, именно семейная ситуация во многом определяет отношение молодых людей к проблемам сексуальной свободы и ответственности. Открытость сексуально откровенной информации в сети интернет, практически полное отсутствие каких-либо ориентиров от взрослых [69, с. 74-83; 73; 62, с. 61-67, 84, с. 33-40] приводит к формированию специфических потребительских установок у молодых людей относительно секса, брака, семьи и родительства [608], определяющих в будущем деструктивность стратегий отцовства [613]. Думается, что правильно организованная образовательная среда, включающая не только самих молодых людей, но и на определенных этапах и их родителей, позволит использовать достижения современной медицины и науки, позволяющие не только гармонизировать эти две сферы жизни взрослого человека, но и более осмысленно подходить к родительству. В последние десятилетия в развитых странах заметна тенденция рождения детей в более позднем возрасте, что позволяет некоторым ученым сделать вывод о том, что родительство связано не только с сексуальной потребностью, но и различными другими, в том числе и

потребностью в продолжении рода, в ученике, в аффилиации, кроме того существует целый блок социальных потребностей [83, с. 106]. Таким образом, именно в первый период, являющийся теоретическим с точки зрения отцовских практик, происходит становление психологической готовности к отцовству, основные условия формирования которой определяет семейно-образовательная среда.

В подростковом и юношеском возрасте оформляется гендерная идентичность (связанная в этот период с принятием гендерной роли и гендерно типичным поведением) и происходит оформление системы ценностных ориентаций личности через формирование мировоззрения (связанного с ответственным поведением). Рефлексивно-регулятивный компонент представлен такими параметрами, как: самодисциплина, произвольность, саморегуляция, самостоятельность, физическое созревание, выстраивание отношений со сверстниками и родителями, чувство компетентности, самодисциплина, произвольность, самостоятельность социальная адаптированность, социальная компетентность и рефлексия. В этом контексте содержательные характеристики психологической готовности к отцовству в подростковом и юношеском возрасте также будут иметь свою специфику и будут отличаться от содержания трех компонентов несформированной готовности к ответственному отцовству или неготовности к отцовству. Критерии становления психологической готовности к отцовству в подростковом и юношеском возрасте обобщены в Таблице 4.1.5. (Приложение 5).

На второй этап приходится осмысление отцовства в рамках применения знаний о нем к действительности. Это период изменения стереотипов, начинающийся с того момента, когда мужчина узнал, что будет отцом, и продолжается до начала взаимодействия с уже родившимся ребенком [83, с. 104-106]. Иногда данный период начинается немного раньше при сознательном планировании беременности, обсуждении с супругой вопросов здоровья будущего ребенка, здорового образа жизни при планировании и не только. Беременность жены для мужчины означает ограничение желаний, перестройку

планов, погруженность в многочисленные бытовые дела. Как таковая, способность мужчины вынести потерю внимания к себе и, одновременно, дарить его другим, не получая при этом немедленного удовлетворения, определяет насколько он может быть хорошим отцом. Поворотным моментом в формировании чувства отцовства, а также возникновения возможных проблем является середина беременности, примерно четвертый месяц, когда у женщины появляется живот, ее положение становится явным, и ребенок становится «материальным», более реальным. Эмоциональные реакции женщины не только являются защитным механизмом, но и запускают в мужчине – будущем отце – стремление заботиться и опекать и проявлять по отношению к беременной жене те чувства и ответственность, которую затем он будет проявлять по отношению к ребенку, что позволяет говорить о том, что, по всей вероятности, подготовка к общению с ребенком у мужчины в период ожидания ребенка все же происходит и происходит опосредованно, через женщину. Однако даже малейшее взаимодействие с ребенком имеет важнейшее значение для осознания факта его существования для мужчины [83, с. 104-105]. Рассогласование теоретических стереотипических представлений о том, каким должен быть отец и их практическим применением в период ожидания ребенка, затрудненность самооценки говорит о том, что процесс осознания себя отцом находится в развитии, не закончен.

Механизм происходящих изменений становится понятен, если обратиться к изучению динамики ценностно-смысловой сферы личности во взрослости. Согласно М. С. Яницкому, система ценностных ориентаций личности характеризуется динамичностью, не останавливается в своем развитии в юношеском возрасте и наиболее значительные изменения претерпевает в периоды кризисов развития в зрелом возрасте [468]. По мнению А. Г. Асмолова, любые кризисы развития в период взрослости неизбежно связаны с перестройкой системы ценностей личности [32]. Период ожидания ребенка связан со значительными перестройками системы ценностей, как у женщин [110], так и у мужчин [83, с. 105]. Этот период характеризуется переосмыслением своих

отношений с родителями, обращением к экзистенциальным вопросам, изменением жизненных целей, то есть, к трансформации системы ценностей. Причем, это происходит не в связи с возрастом, а в связи с определенными жизненными событиями, что согласуется с позицией Н. Н. Васягиной о влиянии родительства на субъектность личности [110] и положениями М. С. Яницкого о том, что критерии оценки уровня развития ценностных ориентаций, не привязаны к определенному возрасту, носят универсальный, «вневозрастной» характер [468].

Основные проблемы данного периода связаны с нежелательной беременностью или нежеланием иметь ребенка от конкретной женщины [71, с. 108]. Особенностью сексуального и репродуктивного поведения современной молодежи являются внебрачные сексуальные отношения, которые вопросы рождения детей ставят в разряд «нежелательных». В основе сексуального и репродуктивного поведения лежат различные, в том числе и биологические обусловленные потребности. При этом способность иметь детей является, с одной стороны, характеристикой взрослого человека, а, с другой, не является достаточным основанием для рождения ребенка. А сексуальное поведение может быть и не связано со зрелостью личности или отношений, пониманием и принятием ответственности. Важнейшее значение здесь приобретает влияние социальных, исторических и культурных факторов: социальной стратификации, соотношения психофизиологического и социального статусов личности, а также информационная составляющая просвещения [84, с. 47].

Проблемы деторождения, сексуальных взаимоотношений и ответственности тесно взаимосвязаны со здоровьем в первую очередь женщины и ребенка, а также возможностью рождения и воспитания ребенка. Во внебрачных отношениях эти вопросы становятся более драматичными, и именно поэтому проблемы образования, воспитания личности, в том числе и ее сексуальной культуры и просвещения являются особо актуальными в настоящее время. Кроме того, с точки зрения психологов, именно в рамках пары формируются родительское поведение личности. Мы полагаем особенно важным отметить, что материнская роль в связи с положением женщины в обществе претерпевает существенные

изменения в последние десятилетия. Например, меняется представление женщин о ценности материнства, о роли мужчины в жизни женщины и ребенка. Считается, что если женщина решается родить ребенка, на первом году жизни ребенка материнские функции достаточно определены. Женская роль более традиционная, более инертна – так как во многом биологически обусловлена. Но и она уже не является неизменной. Сейчас часто в обыденном сознании людей материнство ассоциируется лишь с исполняемой ролью, обязанностями и правами. Современная культура не предлагает женщине адекватный образ материнства. Все больше молодых девушек не только не хотят иметь детей, но активно пропагандируют свою точку зрения, так называемое движение «childfree» - свободный от детей [488]. Произошедшие социально-экономические изменения в обществе, развитие феминистского движения дали обществу образ самореализующейся в профессиональном плане женщины, на фоне чего образ матери стал менее значимым. В современном обществе очень мало осталось традиционно материнских функций женщины, на них накладываются еще профессиональные. При этом, женщина становится более несвободна в отношении карьеры, от нее требуется «быть успешной» в профессиональном плане, однако и требования к материнской роли остаются. В итоге женщина старается выполнить все свои социальные роли: учится, реализуется в карьере, планирует рождение ребенка после тридцати лет, отказывается от грудного вскармливания, выходит на работу сразу после родов, и оставляет воспитание ребенка на откуп более или менее профессиональным педагогам: няням, воспитателям, бабушкам. Юридически и статусно она становится матерью, но фактически ее роль в становлении личности ребенка минимальна. Ее стремление быть матерью обществом не поддерживается [13; 307].

В соответствии с этими тенденциями и ожиданиями женщины меняется и отцовство. Видоизменение отцовства заметно уже в течение нескольких поколений. Предыдущее поколение уже отошло от традиционной модели поведения отца. В советском обществе была значительно распространена ситуация, когда мужчина был «еще одним ребенком в семье». В итоге,

нормальное материнское поведение, согласно транслируемым нормам предыдущего поколения в нашей стране, и современными женщинами воспринимается как авторитарное. При этом материнская роль составляет основу самооценки женщины. Ситуация во многом усложняется тем, что женщины сами воспринимают отцов, как своих заместителей, зачастую мужчина вообще не включен в общение и заботу о ребенке-младенце, хотя данный период является важным для установления взаимоотношений отца и ребенка. Однако потом от отца требуется участие в воспитании ребенка, с которым он уже привык не общаться. С другой стороны, мужчина–отец обязан обеспечивать семью, и если для матери общество полагает возможным и даже предписывает уход за ребенком и обеспечивает женщин специальным отпуском, то мужчины в данном случае менее свободны.

На фоне этих ожиданий конкретные отцовские функции могут варьироваться от полного игнорирования рождения ребенка до попытки вытеснения матери из отношений с ребенком. Например, после совместных родов, при возникновении сильного бондинга, отец пытается сам включаться в жизнь ребенка и испытывает ревность к жене, когда она кормит ребенка грудью. Это происходит из-за противоречивости материнских ожиданий и отсутствия

Еще одной особенностью современного репродуктивного поведения современной молодежи являются внебрачные сексуальные отношения, которые вопросы рождения детей ставят в разряд «нежелательных». Здесь проблемы взаимоотношений и ответственности тесно взаимосвязаны со здоровьем в первую очередь женщины и ребенка, а также возможностью рождения и воспитания такого ребенка. Во внебрачных отношениях эти вопросы становятся более драматичными, и именно поэтому проблемы образования, воспитания личности, в том числе и ее сексуальной культуры и просвещения являются особо актуальными в настоящее время. Однако представляется, что сексуальное просвещение является достаточно сложным и не решенным до сих пор вопросом в связи с отсутствием практических разработок компетентных специалистов, необходимостью подготовки педагогических кадров по этому вопросу и

неразрывной связи полового воспитания с нравственным воспитанием и развитием личности. Существуют различные концепции сексуального воспитания и его влияния на сексуальное и репродуктивное здоровье молодежи. Однако нам представляется, что сексуальное воспитание неотделимо от воспитания личности в целом, следовательно, даже специальный курс занятий в школе не сможет заменить родительское воспитание в данном вопросе, даже при условии установления с детьми доверительных отношений, что практически невозможно, когда такие занятия проводит абсолютно чужой, незнакомый человек. При этом, по справедливому замечанию И. С. Кона [210], большего эффекта можно добиться образованием взрослых – т.е. через организацию обучающих курсов для родителей, посвященных вопросам грамотного взаимодействия и общения с детьми на темы, связанные с сексуальным поведением, контрацепцией и т.п.

Возможно в силу безграмотности и нежелания (со ссылкой на то, что сами получили эту информацию от сверстников, и говорить на эти темы со своими родителями и/или со своими детьми «неудобно») родителей заниматься половым воспитанием детей, несмотря на широкую представленность работ по сексуальному просвещению, согласно статистическим данным медиков одним из самых популярных средств регулирования рождаемости в нашей стране до сих пор является аборт [10]. Это имеет тяжелейшие последствия: демографические, экономические, политические и медицинские: наносит огромный вред здоровью – соматическому, репродуктивному и психологическому, как конкретной женщины, так и населения в целом вследствие появления многочисленных проблем в системе медицинского сопровождения вынашивания беременности и родовспоможения [10]. Однако женщины не только владеют большей информацией, но и демонстрируют несколько более ответственное сексуальное поведение, чем мужчины [541]. Проблемы усугубляются тем, что для нашей страны сейчас актуально недостаточность специальных знаний, низкая сексуальная культура общества, невежество в вопросах сексуальности, репродуктивного поведения и уход от этих вопросов педагогами, родителями и врачами – то есть теми, кто должен обладать научными знаниями о предмете и о

том, как донести свои знания до нового поколения. Именно в таких условиях формируется нравственное и ценностное содержание аксиологического компонента стратегии отцовства, связанного с ответственностью или безответственностью поведения.

В рамках ответственности поведения проблема контрацепции, контрацептивного поведения, этических аспектов контрацепции вызывает серьезные диспуты в современном мире. При этом достаточно часто высказываются полярные, даже радикальные точки зрения. Например, признание контрацепции и даже стерилизации большим достижением и благом цивилизации, которое нужно распространить на все культуры и страны при полном неприятии другого отношения к проблеме, когда любые дискуссии называются «отсталостью взглядов», «отсутствием необходимого образования» и др. (Pro-Choice Movement). С другой стороны, сейчас четко оформлена противоположная точка зрения, воспринимающая контрацепцию как нарушение естественной среды организма, этически неприемлемое действие. С точки зрения этой позиции, контрацепция – это отказ от ответственности за собственное поведение, в том числе и сексуальное, т.к. оно предполагает рождение детей «по природе» (Pro-life Movement). Каждая сторона выдвигает свои аргументы в защиту своих позиций, часто более эмоциональные, чем логичные или научные.

Наиболее часто имеет место некая срединная точка зрения, которая также определенным образом аргументирована. Однако как показывают исследования [195], большинство современных молодых людей вообще мало информированы о различных аспектах обсуждаемой проблемы. Помимо индивидуальных взглядов на вопросы контрацепции здесь играют большую роль взаимоотношения между партнерами, их статус относительно друг друга (супруги, сожители), их умение открыто обсуждать эти вопросы. Кроме того, определенную роль может сыграть и отсутствие сексуальной культуры и воспитания [537].

Однако игнорируя нравственное воспитание, замалчивая проблемы, связанные с сексуальным поведением, общество сталкивается с еще более серьезными демографическими, социальными и психологическими проблемами,

которые требуют своего решения, как в контексте общества в целом, так и в рамках воспитания конкретной личности, так как психологическая готовность к отцовству связана с системой ценностных ориентаций личности, включающей ценность отношений, ценность отцовства и ответственное поведение мужчины. Ранняя зрелость – период формирования зрелости личности. Сформированная биологическая, трудовая, умственная, эмоциональная, социальная и психологическая зрелость, развитая саморегуляция и рефлексия являются наполнением рефлексивно-регулятивного компонента конструктивной стратегии отцовства в этот период.

Для ранней зрелости характерны формирование стратегии отцовства, включающей принятие гендерной роли отца, формирование репродуктивной мотивации, действующая система ценностных ориентаций личности, включающая мировоззрение, ценность отношений, ценность отцовства, связанная с ответственностью поведения, развитая саморегуляция и рефлексия образа действий, а также биологическая, трудовая, умственная, эмоциональная, социальная и психологическая зрелость.

Второй и третий периоды онтогенеза отцовства не связаны с конкретным возрастом мужчины, но связаны с его жизненной ситуацией, интимностью отношений и стадией жизненного цикла его супружеской семьи. Второй период приходится на период ожидания ребенка. Это период осмысления отцовства и начала реализации стратегии отцовства (через ответственное поведение, обеспечение условий нормального протекания беременности). Он является подготовительным для третьего практического периода – периода реализации стратегий отцовства в отцовских практиках. Оба периода приходятся на раннюю и среднюю зрелость.

Третий этап, приходящийся на время после рождения ребенка – этап осознания отцовства – связан с реализацией стратегий отцовства. В этот период возникает и реализуется эмоциональная связь мужчины с родившимся ребенком, применяются и реализуются на практике сформированные стратегии отцовства, происходит экспериментирование, оценка собственного поведения [606] и поиск

эффективных способов взаимодействия с ребенком [83, с. 103-105; 616]. Стратегии отцовства в этот период продолжают развиваться, подвергаясь некоторой коррекции в связи с развитием личности мужчины и самого ребенка [501]. В это время формируется праксиологический компонент отцовства уже во взаимодействии с ребенком. Критерии реализации конструктивной и неконструктивной стратегии отцовства на практике представлены в Таблице 4.1.6. (Приложение 5).

Конструктивное поведение на этапе практической реализации стратегий отцовства (конструктивные отцовские практики) будут включать в себя помимо всего прочего знание особенностей развития ребенка в каждом возрасте, умение и желание взаимодействовать с ним. Этот процесс запускается во время ожидания ребенка, но не заканчивается со взрослением ребенка, так как взрослые дети могут сохранять достаточно близкие отношения с отцами, способствующие ощущению субъективного благополучия и повышения качества жизни и тех, и других [588].

Ранняя взрослость является возрастом первых проявлений зрелости личности. Зрелость в период взрослости можно рассматривать на индивидуальном уровне, субъекта деятельности, личности и индивидуальности [21]. На уровне индивида можно наблюдать биологическую зрелость, включающую в себя соматическую и половую зрелость, нервно-психическую устойчивость и здоровье [333]. На уровне субъекта деятельности можно выделить умственную зрелость, эмоциональную зрелость и трудовую зрелость. На уровне личности выделяется социальная зрелость, критериями которой является социальный статус, коммуникативная компетентность, конкурентоспособность и психологическая зрелость, связанная с системой отношений личности и определяемая направленностью личности [333]. Эти характеристики теснейшим образом связаны с реализацией отцовской роли мужчиной [534].

Таким образом, среди основных критериев, определяющих конструктивность стратегии отцовства, выделяются: принятие гендерной роли отца, система ценностных ориентаций, включающая ценность отцовства, и

зрелость личности. Эти параметры имеют свою специфику развития на каждом возрастном этапе, формируя аксиологический, рефлексивно-регулятивный и праксиологический компоненты психологической готовности к отцовству, и тесно взаимосвязаны с социальной ситуацией развития личности.

На втором и третьем этапе многочисленные риски отцовства теснейшим образом связаны со структурой семьи (в том числе официальным оформлением отношений, так как нерезидентные отцы часто вносят весьма ограниченный вклад в жизнь ребенка [513; 515; 544]) и супружескими отношениями (L. Tach, R. Mincy, K. Edin [660], J. D. Teachman [661], M. E. Feinberg [545], S. L. Hofferth [574]), в том числе отсутствием конфликтов [593; 619].

4.3. Модель психолого-образовательного сопровождения становления психологической готовности к отцовству

Анализ психолого-педагогической литературы показывает, важнейшей характеристикой отцовства является его открытость в системе взаимоотношений семьи и социума, что до определенной степени позволяет осуществлять определенное психолого-педагогическое воздействие на поведение отца. Мы не можем воздействовать на интегральное психологическое образование личности, не можем изменить историю личности и ее родительскую семью, но, имея критерии конструктивности стратегий отцовства, мы можем разрабатывать программы психологической и педагогической помощи семье, отцу или ребенку, направленные на работу с ценностно-смысловой сферой личности, принятие гендерной роли и ответственности отцовства.

При этом оптимизация формирования стратегий отцовства определяется формированием конструктивных стратегий отцовства, которое связано с

условиями развития личности мужчины, начиная с самого раннего возраста, так как формирование гендерной идентичности, некоторых аспектов ценностно-смысловой сферы, ответственности и нравственных характеристик личности начинается в дошкольном возрасте, соответственно психолого-педагогическое воздействие необходимо осуществлять с самого раннего возраста.

При этом изменения современной системы образования в направлении индивидуализации, отраженные как в федеральных государственных образовательных стандартах, так и в общественном мнении, создают возможности для организации психолого-педагогического сопровождения развития личности в системе образования, включая научное [190; 310; 407] и правовое обеспечение [400] этого процесса, а также сопровождение личностного [408] и социального [465] развития учащихся и обеспечение качества образования [339].

Актуализация парадигмы сопровождения связана с развитием педагогической и психологической наук, становлением гуманистического подхода к личности в качестве ведущего в образовании. Специфика, цели, содержание и методы сопровождения описаны в работах К. А. Абульхановой-Славской, А. Г. Асмолова, О. С. Газмана, М. И. Губановой, Т. М. Чурековой, В. С. Гелевицкой, Н. И. Кондратьевой Л. М. Шипициной, Р. В. Овчаровой, Л. И. Понамаревой, Л. Г. Суботиной. Комплексность сопровождения, необходимость интеграции специалистов различных профилей (педагогов, психологов, социальных и медицинских работников) и учета культурной и региональной специфики ситуации развития личности для его осуществления определяет множественность определений понятия сопровождения.

Р. В. Овчарова определяет сопровождение в рамках технологии деятельности психолога, специфичной по способам взаимодействия, целям, приоритетам в работе критериям оценки деятельности [300]. При этом технология включает последовательные этапы деятельности специалистов (не только психологов, но и педагогов), направленных, как правило, на оптимизацию учебных достижений школьника.

М. И. Губанова рассматривает сопровождение через призму взаимодействия субъектов образовательного процесса, включающих педагогов, других специалистов (например, психологов), обучающихся, родителей, направленного на оказание помощи в трудных ситуациях [133].

Т. М. Чурекова определяет педагогическое сопровождение через систему деятельности педагога, направленную на создание психолого-педагогических условий для развития ребенка, а также профессионального развития педагога, при этом акцентируя внимание на построении субъект-субъектных отношений [444].

В диссертационном исследовании, посвященном изучению психолого-педагогического сопровождения развития личности учащегося, Л. Г. Субботина выделяет в качестве значимого элемента сопровождения психологический аспект, включающий психодиагностическую работу для обеспечения мониторинга развития личности, ее адаптации к образовательной среде и самореализации в различных сферах деятельности [394].

В качестве одного из важнейших параметров, обеспечивающих эффективность сопровождения, Л. Г. Субботина определяет тесное взаимодействие родителей (законных представителей) и специалистов системы образования, включая в первую очередь педагогов и психологов, которое обеспечивает позитивную динамику развития личности.

Необходимо отметить, что, согласно А. Г. Асмолову, психолого-педагогическое сопровождение включает в себя два компонента: педагогический и психологический [32]. При этом, педагогическая работа обеспечивает помощь в усвоении ребенком образовательного стандарта, тогда как психологическое сопровождение обеспечивает освоение индивидуальной траектории развития. Соответственно, в рамках работы с содержательными характеристиками психологической готовности к отцовству психологическое сопровождение обеспечивает более гибкий подход к формированию программ сопровождения с учетом условий и механизмов становления феномена. Общие условия, механизмы и эффекты становления психологической готовности к отцовству представлены на Рисунке 4.3.1. (Приложение 6).

Психолого-педагогическое сопровождение может иметь две различные формы: системное и индивидуальное сопровождение. Системная форма осуществляется специализированными центрами психологической помощи по запросу администрации или родителей. Индивидуальная форма позволяет обеспечить создание специальных условий для осуществления адресной помощи конкретному ребенку или семье. В рамках работы со стратегиями отцовства наилучший результат может быть достигнут сочетанием двух форм сопровождения [122].

В психолого-педагогической литературе используются также термины «психолого-педагогическая поддержка» и «психолого-педагогическое обеспечение». Термин «поддержка» используется чаще всего в рамках педагогических исследований и определяется как превентивная или оперативная помощь в решении конкретных проблем ребенка, чаще всего подразумевающая координированное взаимодействие нескольких специалистов. Согласно В. А. Сластенину поддержка является более узким термином, является более ситуативным видом деятельности специалиста, при этом может выступать первым этапом и в ряде случаев переходить в сопровождение развития личности [315].

Понятие психолого-педагогического обеспечения используется для определения вида профессиональной деятельности, предполагающего активизацию ресурсов личности или конкретного социального института, необходимых для оптимизации конкретного процесса развития. [398].

При этом различия между терминами определяются направленностью деятельности специалистов: задачей психолого-педагогического сопровождения выступает обеспечение психического здоровья и развитие личности обучающегося, тогда как психологическое обеспечение способствует созданию специфических условий в обучении, развитии и воспитании учащихся, педагогов и других субъектов образования. Психологическое обеспечение может быть непосредственным, осуществляемым педагогом-психологом, и опосредованным

или косвенным, осуществляемым совместно педагогами, родителями, учащимися [449].

Таким образом, психолого-педагогическое сопровождение включает в себя, как психолого-педагогическую поддержку, так и психолого-педагогическое обеспечение развития конкретных характеристик личности. В рамках формирования конструктивных стратегий отцовства могут быть использованы как педагогическая и психологическая поддержка, так и психолого-педагогическое обеспечение формирования стратегий отцовства.

Однако стоит отметить, что в современных условиях система психолого-педагогического сопровождения развития личности осуществляется чаще всего изолировано на каждом образовательном уровне, исключая случаи создания преемственности в учреждениях в рамках непрерывного образования. В этом смысле любая программа психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству представляет собой хоть и до определенной степени автономную и вариативную часть, которая должна встраиваться в общую канву программ психолого-педагогического сопровождения развития личности в образовательном процессе.

Тогда предметом психолого-педагогического сопровождения оптимизации становления готовности к отцовству могут выступать психологические закономерности развития стратегий отцовства. При этом целью психолого-педагогического сопровождения оптимизации формирования стратегий отцовства становится создание условий в семейно-образовательной среде, способствующих формированию конструктивных стратегий отцовства, начиная с дошкольного возраста. Интеграция ребенка в образовательную среду в этом случае взаимосвязана с процессом саморазвития [231].

Учитывая обозначенную ранее позицию, связанную с необходимостью способствовать становлению не любой готовности к отцовству, а именно психологической готовности к отцовству, психолого-педагогическое сопровождение становления психологической готовности к отцовству мы понимаем как создание условий для формирования специфических для каждого

возраста новообразований личности, связанных с формированием предпосылок конструктивных стратегий отцовства и представляет собой сложную систему психолого-педагогического взаимодействия, решающую ряд задач и включающую условия реализации, содержательные и технологические аспекты работы, определяющих применение различных технологий, методов, средств и форм работы.

Целью подобной работы будет выступать психолого-педагогическое обеспечение становления готовности к отцовству и создание условий семейно-образовательной среды для гармоничного развития личности ребенка в рамках его возрастных особенностей и специфики становления психологической готовности к отцовству. В связи с этим нами составлена программа психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству, опирающаяся на психологические и образовательные технологии оптимизации становления психологической готовности к отцовству.

В современной психолого-педагогической литературе большое внимание уделяется определению и разработке психологических и педагогических технологий оптимизации процессов развития личности. Для нас представляют интерес возможности психологических и образовательных технологий оптимизации становления психологической готовности к отцовству.

Этиология термина «технология» восходит к греческим словам «*techne*» – «искусство, мастерство» и «*logos*» – «учение» и определяется, как учение о мастерстве. В педагогической литературе встречается в сочетании с понятием образовательный и педагогический.

При этом, согласно Г. К. Селевко [370], «образовательная технология» обозначает расширенно технологию в сфере образования и является более широким понятием по отношению к педагогической технологии, так как включает в себя как собственно педагогические технологии, рассмотренные такими авторами, как: Н. И. Алмазова и О. А. Сенцова [18], Н. А. Асташова [33], Л. Л. Босова [89], В. М. Букатов [98], А. А. Аронов и Н. С. Кайдалова [29], Н. В. Бордовская, О. О. Жебровская, И. М. Бродская [61]; А. А. Вербицкий [112]; а

также культурологические, социально-политические, экономические, социальные, управленческие, психолого-педагогические, медико-педагогические аспекты и технологии [370].

Учитывая специфику работы по оптимизации психологической готовности к отцовству, в нашей работе мы опираемся на использование образовательных технологий.

Понимание образовательных технологий также зависит от позиции автора, например, Б. Т. Лихачев, С. А. Смирнов, Н. Б. Крылова, Р. де Киффер, М. Мейер рассматривают педагогические технологии как средство, организационно-методический инструментарий педагогического процесса [253].

Образовательные (педагогические) технологии как способ действий, ориентирующийся на определенный алгоритм или программу действий, связанный с мастерством преподавания или воспитания рассматривают В. П. Беспалько, М. А. Чошанов, В. А. Сластенин, В. М. Монахов, А. М. Кушнир, Б. Скиннер, С. Гибсон [приводится по 370].

В. В. Гузеев, П. И. Пидкасистый, М. Эраут, С. Ведемейер, Р. Кауфман, определяют образовательные технологии как научное направление, систему, включающую определенные исходные данные и результаты обучения, а также средства диагностики, разнообразие моделей обучения, а также четкие критерии выбора оптимальной модели обучения для данных конкретных условий [135].

Кроме того, можно рассматривать педагогические (образовательные) технологии как многомерный процесс, как он описан в работах В. И. Боголюбова, М. В. Кларина, В. В. Давыдова, Г. К. Селевко, Е. В. Коротаевой, В. Э. Штейнберга, К. М. Силбера и Р. Томаса. При этом, «педагогическая (образовательная) технология – это система функционирования всех компонентов педагогического процесса, построенная на научной основе, запрограммированная во времени и в пространстве и приводящая к намеченным результатам» [370, с.37].

При этом общими чертами образовательной технологии в любом случае являются: наличие планирования результатов с ориентацией на определенный

эталон, программирование учебно-воспитательного процесса (схема и последовательность действий учителя и ученика), мониторинг и коррекция результатов при необходимости.

Таким образом, в самом широком смысле слова образовательная технология представляет собой концепцию развития личности, учитывающую социально-культурологические, дидактические, инструментальные, операциональные, временные аспекты и коммуникативные и личностные особенности участников. В узком смысле технология определяется набором способов действий, увязанных в определенный алгоритм.

С точки зрения расширенного толкования термина, предлагаемая нами технология определяет концепцию становления психологической готовности к отцовству через определение критериев желаемого результата (сформированная готовность, реализуемая в конструктивной стратегии отцовства), выделение этапов становления готовности (обозначение, осмысление, осознание отцовства), обозначение временных рамок этих этапов (1. дошкольный, младший школьный подростковый и юношеский период; 2. ранняя зрелость; 3. ранняя и средняя зрелость), разработку схемы действий для каждого возрастного этапа и различной семейной ситуации, разработку диагностического инструментария для мониторинга процесса становления, определение методов работы по оптимизации или коррекции становления психологической готовности к отцовству.

При этом содержательная часть технологии включает в себя в качестве цели оптимизацию становления психологической готовности к отцовству, а также специфичное для каждой возрастной группы содержание материала. Процессуальная часть определяется направлениями работы и включает в себя диагностический инструментарий для мониторинга процесса, общие технологии работы, конкретизируемые в методах и формах деятельности психолога, педагога и родителей (по возможности).

При этом в условиях любого возрастного этапа психолого-педагогическое сопровождение становления психологической готовности к отцовству будет включать психологическую работу с семьей по созданию благоприятной семейно-

воспитательной среды, создание образовательной среды, а также при необходимости психологический тренинг (Рисунок 4.3.2).

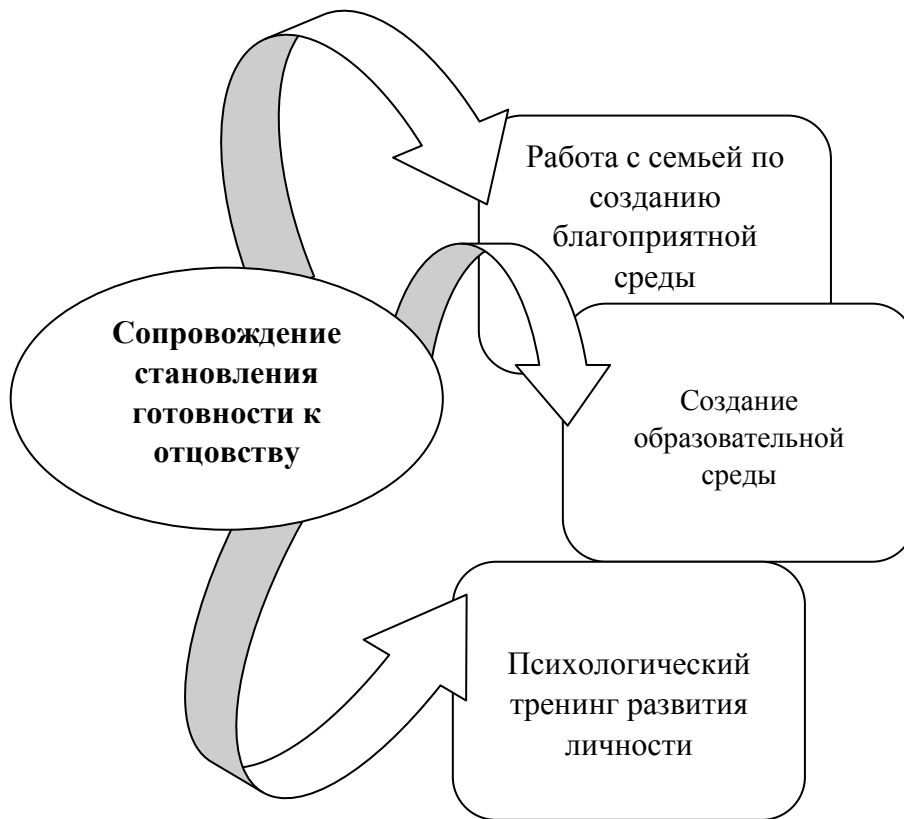

Рисунок 4.3.2. – Направления работы по сопровождению становления готовности к отцовству

Внутри каждого направления работы выделены формы, технологии (трактуемые здесь в узком смысле понятия) и методы работы, представленные в Таблице 4.3.1 (Приложение 6).

Для дошкольного возраста основные условия развития личности в целом и становления психологической готовности к отцовству в частности, задают семейная среда и дошкольное образовательное учреждение. Таким образом, работу по психолого-педагогическому обеспечению становления психологической готовности к отцовству у ребенка дошкольного возраста необходимо организовывать в рамках психологического просвещения родителей, психологической работы с семьей, включающей психологические тренинги,

направленные на осознание родителями своей роли в становлении гендерной идентичности и полового самосознания ребенка, и организации специальной среды в образовательном учреждении, если ребенок посещает таковое, что, однако, не является обязательным для формирования стратегии отцовства [266]. При этом семейная и образовательная среда должны соответствовать друг другу, не допуская противоречивого подхода [386].

Учитывая выделенные нами критерии становления психологической готовности к отцовству в данном возрасте, работу необходимо строить в направлении обеспечения формирования полового самосознания, нравственного развития ребенка, его здоровья и социальной компетентности. При этом могут быть использованы различные модели, способы и методики воспитания. Традиционная народная педагогика с ее четким разделением по гендерному признаку предоставляет многочисленные способы ориентировки ребенка в окружающем его мире [193; 431]. При этом, в качестве основной деятельности выступает игра, однако постепенно к ней добавляются несложные обязанности, способствующие развитию чувства компетентности у ребенка еще до школы. Примеривая на себя, проигрывая различные социальные роли, выполняя определенные действия с помощью взрослого, а затем и без нее, общаясь со сверстниками, проявляя заботу о ком-то, ребенок не только осуществляет гендерное самоопределение, но и ориентируется в ценностях, определяет нравственные ориентиры.

Современные родители сами воспитывались в условиях нарушения преемственности поколений, ломки системы половой стратификации и отсутствия четких гендерных ориентиров. Это осложняет им задачу выстраивания качественной воспитательной среды для своего ребенка [127]. Поэтому в нашей программе большой акцент сделан на выстраивание взаимодействия родителей с детьми [155], уточнении воспитательных целей и задач развития, являющихся ведущими для каждого возрастного этапа. Включение прародителей и (бабушек, и особенно, дедушек) и близких родственников может сыграть положительную роль в формировании благоприятной семейно-воспитательной среды при условии

отсутствия конфликтов между поколениями [224]. Для мальчика огромную роль играет включение отца в процесс взаимодействия с ребенком [411]. Поэтому, по нашему мнению, для формирования конструктивной стратегии отцовства у ребенка данного возраста необходимо уделить значительное внимание формированию конструктивной стратегии отцовства его отца. Психологическая работа здесь направлена на усиление включенности в жизнь ребенка в условиях полной семьи, и актуализацию присутствия отца в жизни ребенка в условиях неполной семьи или после развода (при этом работа должна проводиться и матерью ребенка в направлении принятия необходимости выстраивать отношения ребенка с отцом). Особенно важным является проработка траектории развития ребенка в условиях неполной семьи [131; 132] или воспитания вне семьи [368] в условиях жестокого обращения [150]. Однако взаимодействие родителей и педагогов в рамках образовательного учреждения позволяет создать единую воспитательно-образовательную среду для ребенка [122; 162; 222].

Формирование готовности к отцовству в этом возрасте происходит в рамках создания условий для развития полового самосознания ребенка (гендерное воспитание), формирования нравственных ориентиров, включающих в себя ответственное поведение по отношению к младшим и слабым [389], а также организации условий игровой, трудовой деятельности, обучения и общения.

В младшем школьном возрасте работу также необходимо выстраивать в условиях двух сред: семьи и образовательного учреждения. При этом в этом возрасте в силу того, что ведущей деятельностью является учение, важнейшее значение приобретает формирование способности к систематическому труду. Поэтому в нашей программе большой акцент сделан на выстраивание взаимодействия родителей с детьми, уточнении воспитательных целей и задач развития, являющихся ведущими для данного возрастного этапа.

Сопровождение становления психологической готовности к отцовству в этом возрасте происходит в рамках создания условий для развития стереотипа гендерного поведения, формирования ценностных ориентаций личности, а также

мотивирования ребенка к учебе, проявлению самодисциплины, произвольности поведения, самостоятельности.

Кроме того, необходимо продолжать работу с семьей по созданию благоприятной семейно-воспитательной среды.

Подростковый и юношеский возраст, с одной стороны, создает многочисленные сложности во взаимодействия родителей и ребенка, что затрудняет психологическую работу с семьей, направленную на формирование стратегий отцовства у ребенка [360; 409], а с другой, – позволяет проводить работу с самими подростками и юношами в направлении актуализации и становления психологической готовности к отцовству.

Сопровождение становления психологической готовности к отцовству в этом возрасте происходит в рамках создания условий для формирования гендерной идентичности, осознания и принятия своей гендерной роли, нравственно-полового воспитания, формирования системы ценностных ориентаций личности, поддержания здоровья, через выстраивание отношений со сверстниками и родителями, профессиональное самоопределение, опирающееся на такие характеристики, как успеваемость, самодисциплина, произвольность, самостоятельность.

Сопровождение становления психологической готовности к отцовству в период ранней взрослости происходит в условиях взаимоотношений в родительской семье (эмансипации, автономности, эмоциональной и финансовой независимости от родительской семьи [257]), формирования и функционирования отношений в паре и связано со сформированной, в целом, стратегией отцовства, системой ценностных ориентаций личности, а также со степенью биологической, трудовой, умственной, эмоциональной, социальной и психологической зрелости.

Второй и третий периоды являются периодами реализации стратегий отцовства, однако, на этих этапах, особенно, в начале, оптимизация и коррекция стратегий отцовства происходит в рамках взаимоотношений с супругой, а также в рамках возможного обучение взрослых, например, на курсах подготовки родителей или в рамках психологического тренинга [46].

На всех возрастных этапах психологическая работа с семьей является важнейшим направлением деятельности в рамках психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству. Она включает работу по основным видам деятельности практического психолога в образовании, включающим просветительское, профилактическое, диагностическое, коррекционно-развивающее, консультационное направление деятельности, позволяющие повышать все уровни родительской культуры человека [374]: ценностно-смысловой; рефлексивно-оценочный, когнитивный компонент, включающий грамотность и компетентность, а также компонент, метко названный Л. С. Колмогоровой «культуротворческим» [206].

Психологическая работа с семьей включает в себя информирование с использованием информационно-коммуникационных и он-лайн технологий, (например, просвещение и пропаганда ценности отцовства в рамках обучения взрослых или тренинга или создание доступной базы данных по проблемам родительства и репродуктивного здоровья) а также индивидуальную и групповую работу, ориентирующуюся на технологии гуманистического, экзистенциального, трансгенерационного подходов, психоанализа, выбираемых в зависимости от квалификации психолога, его схемы работы и самой проблемной ситуации, и включающую по необходимости: психологическую диагностику, индивидуальное и семейное психологическое консультирование, психологическую коррекцию.

Одним из важнейших направлений, позволяющим охватить большие аудитории, является просвещение, предполагающее работу с родителями в дошкольном и младшем школьном возрасте, просветительскую работу с детьми старшего возраста и взрослыми.

Консультационное направление включает индивидуальные и групповые консультации учеников, родителей и педагогов. Диагностическое и профилактическое направления связаны с выявлением групп риска и предупреждением возрастно-половых и семейно-обусловленных проблем гендерной социализации. Коррекционно-развивающее направление работы включает в себя психологическую помощь по запросу со стороны родителей или

педагогов. Вспомним, что в содержание понятия «психологическая помощь» включается обеспечение эмоциональной, смысловой и экзистенциальной поддержки семье и ее отдельным членам [205].

Выделяются следующие функции психолога в рамках психологической помощи семье: поддерживающая функция (психологическая поддержка, которая отсутствует или приняла искаженные формы в реальных семейных отношениях); посредническая функция (психолог выполняет функцию посредника, содействующего восстановлению нарушенных связей семьи с миром); обучающая (способствующая развитию навыков общения, приемов саморегуляции, самопознания); развивающая (помощь членам семьи в развитии основных социальных умений и навыков, например, навыки внимательного слушания, умение оказывать поддержку и решать конфликтные ситуации, умение выражать свои чувства и понимать чувства других людей); информационная (включает в себя изложение (например, лекционное или в рамках беседы) информации о психическом здоровье и нездоровье, норме развития и ее вариантах).

Виды психологической помощи семье можно классифицировать следующим образом 1) информирование (предоставление информации об особенностях функционирования семьи на разных этапах развития, о задачах, стоящих перед семьей в кризисные периоды, о возрастно-психологических особенностях развития личности); 2) индивидуальное психологическое консультирование – так как работа с одним из членов семьи, по мнению М. Боуэна может привести к изменениям всей системы внутрисемейных отношений; 3) консультирование (психотерапия) супружеской пары; 4) групповая тренинговая работа (психотерапия) супружеских пар (участвуют несколько семейных пар) [656]; 5) семейное консультирование (работа с нуклеарной семьей); 6) групповое семейное консультирование (психотерапия).

Одним из вариантов работы с семьей может быть командная работа специалистов (2-4 человека). По мнению Н. И. Олифиревич и коллег [205], работа в команде позволяет избежать ряда «ловушек», связанных со спецификой работы с семейной системой, например, соблазна присоединиться и образовать коалицию

с одним из членов семьи. Они выделяют несколько способов работы в команде: 1) с семьей взаимодействует вся команда; 2) с семьей работает один член команды, остальные, по типу супервизорства, не включаясь в непосредственное взаимодействие с семьей, наблюдают за процессом и дают психологу обратную связь после работы; либо после завершения работы они обсуждают возникшие у них предположения в присутствии членов семьи. Все эти виды работ могут быть использованы в работе с семьей, отцом и ребенком.

В период беременности на первый план среди условий реализации стратегий отцовства выходят взаимоотношения с супругой. Для женщины переживание беременности и динамика стиля переживания беременности отражает ценность ребенка, взаимодействие ценности ребенка с другими значимыми для женщины ценностями, и является прогностическим для выявления особенностей материнского отношения и динамики ценности ребенка после родов, это же характерно и для мужчин, хоть и не столь явно проявляется. Отношения мужчины-будущего отца с беременной женщиной, особенно во второй половине беременности запускают множественные переживания, перестройку ценностей, апеллируя к детским переживаниям, отношениям с собственной матерью и отцом.

Как показывает наше исследование переживание беременности жены (партнерши) мужчиной во многом зависит от поведения и отношений с женщиной. Согласно мнения В. И. Брутмана, А. Я. Варга, М. С. Радионовой, Г. Г. Филипповой, И. Ю. Хамитовой, изучавших психологические состояния женщин во время вынашивания ребенка, в беременности есть собственная, динамика обострения и ослабления имеющихся у женщины проблем. Например, в первом триместре у женщин актуализируются и остро переживаются проблемы с собственной матерью и другими объектами привязанности, проблемы отношений с мужем [423]. Для мужчины – это период рационального принятия факта беременности и актуализации множественных социальных проблем: материальных, проблем принятия ответственности и др. Во втором и третьем триместрах у женщин появляется выраженное избегание отрицательных эмоций,

проблемы первого триместра ослабляются, актуальными становятся страх перед родами и своей некомпетентности в послеродовом периоде, появляется «синдром обустройства гнезда», который проявляется в повышении активности, стремлении упорядочить имеющиеся проблемы. В это время направление активности на подготовку к родам и послеродовый период свидетельствует о благоприятной динамике течения беременности; тогда как активность, не связанная с ребенком, – неблагоприятный показатель. Для мужчины это период первичного осознания факта существования и скорого рождения ребенка. Большинство исследователей полагают, что появление физического свидетельства беременности – увеличение живота, приводит к новому эмоциональному переживанию, иррациональному пониманию существования будущего ребенка. Однако, несмотря на то, что поведение мужчины в этот период может быть весьма диагностичным, четкого определения влияния типов отношения мужчины к беременности жены на последующие отношения с ребенком на настоящий момент не выявлено. Известны наиболее общие закономерности: отрицательное, враждебное отношение к будущему ребенку коррелирует с несформированностью ценностно-смысловой сферы личности, различными сложностями в родительской семье, серьезными материальными проблемами. Однако отношение мужа к беременной женщине в этот период, как правило, меняется: усиливается любовь и желание заботиться [423]. Г. В. Скобло, Л. Л. Баз и Т. А. Баландина полагают, что гордость и переживание собственной причастности мужчины при появлении физических признаков беременности являются показателем появления ценности ребенка в структуре ценностно-смыслового блока отцовства [379].

У женщин к концу беременности чаще всего ослабляется страх родов, своей некомпетентности, снижается напряжение всех остальных проблем. Тогда как, противоположная ситуация отражает выраженную неблагоприятную динамику переживания беременности и ценности ребенка. В этот период принимается решение об участии отца в родах.

Особенности проявления отцовства являются относительно устойчивыми, однако могут варьировать относительно каждого конкретного ребенка. Многое

зависит от возраста мужчины в момент рождения ребенка, и, зачастую, от пола ребенка, особенно в семьях с патриархальными традициями.

Проблема принятия ребенка, восприятия его как продолжения себя, особенно в период беременности, подготовляющий последующие отношения с ребенком, и в первый год жизни ребенка, актуальна для мужчин, в силу гораздо меньшей, чем у женщин, выраженности «гештальта младенчества», который запускает эмоциональные, смысловые и другие реакции, облегчающие формирование привязанности матери во время первичного взаимодействия с ребенком. И именно этим осложнена любая психологическая работа с отцом и ребенком.

В рамках работы с отцовством, по мнению W. Doherty [532], сложность составления программ психологического сопровождения семьи, с одной стороны обусловлена тем, что широкое распространение таких программ невозможно без соответствующих политических программ по улучшению демографической ситуации, а с другой – основной акцент в этих программах должен быть поставлен на то, чтобы отражать множественные области отцовства, различные бытовые и брачные обстоятельства отцов, и множество личных отношений и экологических факторов, которые влияют на то, каким отцом является мужчина. Такая программа должна: вовлекать матерей, особенно для не состоящих в браке отцов, пропагандировать совместное родительство внутри и вне брака, обратить внимание на критические периоды в семейной жизни, например, рождения ребенка и развода родителей, обеспечить возможность отцов учиться от других отцов и пропагандировать жизнеспособность браков, построенные на совместной заботе, преданности и взаимодействии.

Проблемы отцовства могут решаться в рамках общей семейной и индивидуальной консультационной и психотерапевтической работы. Может применяться психоаналитический подход к консультированию и терапии, ориентированные на проработку личностных проблем, а также клиент-центрированная и семейная терапия и консультирование.

В зарубежной традиции нередко используются комплексные методы оказания помощи, включающие услуги врачей, психологов, психиатров, педиатров и т.д. Часто применяется групповая работа, причем существуют специальные группы отцов, которые делятся своим опытом, что также стимулирует родителей к поискам дополнительных форм решения своих проблем [532].

В нашей стране участие отцов в работе с семьей ограничивается либо рамками семейной терапии, либо курсами по подготовке к совместным родам, которые посещают далеко не все. Различная помощь для родителей с детьми раннего возраста оказывается психологами детских дошкольных учреждений или в специализированных центрах, иногда – в психологических консультациях. В основном, в такой работе задействованы матери. Но консультирование для матерей с младенцами, новорожденными, также как и в пренатальный период, практически осложнено.

При оказании такого рода психологической помощи семье хорошо разработаны и широко используются методы диагностики развития ребенка, его эмоционального благополучия, диагностика родительского отношения и взаимодействия матери с ребенком. Этот род психологической практики традиционно ориентирован на проблемы ребенка, мать, и ее психологические проблемы рассматриваются с позиций оптимизации условий развития ребенка, отец и его отношение изучается крайне редко. Чаще всего это детско-родительское или семейное консультирование, которое проводят специалисты в области психического развития ребенка. Нередко в этих случаях открывающиеся проблемы семьи побуждают ее обращаться к другим специалистам [532].

Наиболее приемлемым представляется организация комплексной психологической помощи в местных центрах, связанных с медицинскими учреждениями (женскими консультациями, родильными домами, детскими поликлиниками) и детскими дошкольными, а возможно, и образовательными учреждениями с участием обоих родителей. Возможно также включение элементов просвещения и пропаганды ценности отцовства в воспитательный

процесс в образовательных программах для учащихся средних учебных заведений. Содержанием такого психологического консультирования могут быть: диагностика индивидуальных особенностей материнской и отцовской сферы; психологическая помощь в планировании семьи, беременности и взаимодействии отца и матери с ребенком; диагностика родительской компетентности; помощь в решении семейных психологических проблем; подготовка родителей к родам; организация групповых занятий в беременности и для родителей, и для детей; индивидуальное консультирование; работа специалистов-психологов и врачей с семьей в кризисные периоды, например, сразу после рождения ребенка, в период рождения второго ребенка, мероприятия различного уровня по формированию конструктивных стратегий отцовства, адекватного контрацептивного поведения, профилактики абортного поведения обучающихся различных образовательных организаций [282], создание доступной для обучающихся, их родителей и педагогов базы данных по проблемам родительства и репродуктивного здоровья.

Индивидуальное и семейное консультирование по проблемам родительства хорошо сочетается с групповой работой (подготовка к родам, школа для родителей и т.п.). Психологическая помощь в этом случае включает в себя не только консультирование, психотерапия, но и коррекционные мероприятия, специфика которых зависит от особенностей каждого конкретного случая.

В работе с отцом или семьей в целом целесообразно использовать следующие диагностические методы: клиническая беседа в форме полуструктурированного или структурированного интервью; генограмма с проработкой родительских отношений в нескольких поколениях [450]; анкетирование для уточнения формальных данных и оптимизации сбора информации (например, анкеты представленные в приложении); определение родительской идентичности с помощью опросника ОРИ Дж. Плека в нашей адаптации, Шкала отцовских установок Дж. Плека в нашей адаптации, определение особенностей самооценки себя как отца с помощью опросника «Личностный дифференциал», с помощью модифицированного метода Дембо-Рубинштейн, включающего набора из 5 шкал (качеств идеального отца или

матери) для оценки себя [76]; методика диагностики межличностных отношений (модифицированный вариант интерперсональной диагностики Т.Лири); тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева; методика «Мое письмо супруге» С. А. Белорусова; сочинение о своем ребенке (или модификация «Письмо своему ребенку»), как для матери, так и для отца с использованием контент-анализа; методика PARI; Кембриджский опросник гендерно-типичного поведения дошкольников в нашей адаптации, опросник «Анализ семейных взаимоотношений» Э. Г. Эйдемиллера и В. В. Юстицкиса; диагностика уровня тревожности (Ч. Д. Спилберга-Ю. Л. Ханина, М. Люшера и др.); диагностика уровня агрессии (С. Розенцвейг); различные проективные рисуночные тесты «Кинетический рисунок семьи», «Я и мой ребенок», «Я-ребенок и моя мама» (Г. Г. Филиппова) и на другие темы в зависимости от ситуации; проективные методики: тест «Фигуры», «Психометрический тест», тест «Эпитеты» (В. И. Брутман, Г. Г. Филиппова, И. Ю. Хамитова), а также предложенные нами в данной работе методики.

По результатам диагностики и предварительной беседы определяются содержание и формы психологического воздействия, которые зависят от возраста ребенка, особенностей развития ребенка, и выявленные особенности семейных взаимоотношений [81, с. 31-34]. Однако опыт показывает, что в современных условиях обращаются к специалисту в подавляющем большинстве матери, и в рамках работы с проблемами материнства выявляется необходимость работы с отцом. Ввиду множественных социальных и личностных барьеров, таких как стеснение, неумение выразить свои эмоции, большая занятость мужчины, особенно в период младенчества ребенка, меньшая представленность осознаваемых ценностей отцовства в общественном мнении, важнейшей задачей психологов, работающих с семьей и материнством, становится привлечение мужчин к процессу продуктивного взаимодействия в семье, в том числе и в рамках психокоррекционной и психотерапевтической работы.

Создание образовательной среды возможно в рамках базового и/или дополнительного образования. При этом, под базовым образованием, вслед за

Т.М.Чурековой, мы понимаем приобретение совокупности знаний, умений, навыков и установок, составляющих основу дальнейшей учебной или профессиональной деятельности обучающегося в образовательном учреждении, осуществляющем базовую, фундаментальную подготовку, окончание которого связано с завершением определенного этапа обучения и получением образовательного или профессионального статуса [442].

Дополнительное образование представляет собой процесс воспитания и обучения в рамках оказания дополнительных образовательных услуг и информационно-образовательной деятельности за пределами основных образовательных программ в интересах человека, обучающегося в учреждении, осуществляющем дополнительную подготовку. При этом окончание учреждений дополнительного образования не знаменует собой приобретение какого-то статуса, однако позволяет углубить знания, умения или навыки в определенной интересующей человека области. Для детей такие учреждения представлены кружками, студиями, секциями, лекториями, научными обществами для молодежи; для взрослых – системой повышения квалификации (ИПК, ФПК), курсами, школами, лекциями, общеобразовательными курсами и лекториями. Таким образом, образовательные запросы личности могут включать профессиональные и непрофессиональные виды деятельности [442]. Применительно к проблемам отцовства, Особое значение имеет в дошкольном и школьном возрасте структура и содержание всей образовательной среды; для взрослых – дополнительное образование.

Образовательная среда представляет собой триединое индивидуальное пространство, которое состоит внутриспсихологического пространства личности, зоны общения и взаимодействия с ближайшим окружением и сферы значимого [60]. Соответственно, наполнение образовательной среды дошкольного образовательного учреждения, школы или учреждения дополнительного образования специфическим для актуализации психологической готовности к отцовству содержанием с учетом психологических закономерностей и факторов гендерной социализации и нравственного развития [395] будущих отцов, при

сотрудничестве субъектов социализации позволит оптимизировать процесс становления психологической готовности к отцовству.

Технологии формирования образовательной среды определяются возрастными особенностями респондентов и возможной (выбранной) формой работы. Так, индивидуальная работа включает информационно-коммуникационные технологии, технологии социализации, технологии проблемного обучения, проектные технологии, с использованием всех методов просвещения родителей, поддержки формирования субъектных свойств личности и методов убеждения, (беседа, разъяснение, чтение, критика и самокритика), этических бесед.

Групповая работа весьма разнообразна и включает в себя такую форму работы, как: общеклассная работа с использованием информационно-коммуникационных технологий, групповых технологий, технологий проблемного обучения, проектных технологий, технологии уровневой дифференциации, игровые технологии, технологии мастерских, кейс-технологий, а также традиционной технологии (в рамках классно-урочной системы). Здесь могут быть использованы такие методы, как: поддержка формирования субъектных свойств личности, методы убеждения (беседа, разъяснение, чтение, критика и самокритика, этическая беседа), тренинговые упражнения; деловые игры, метод включения совместную деятельность, а также включение элементов гендерного, нравственного, патриотического и гражданского воспитания в преподаваемые дисциплины.

Внеклассная работа позволяет уделить большее внимание информационно-коммуникационным технологиям, групповым, проектным и игровым технологиям, а также кейс-технологии. Здесь используются методы работы с детьми и взрослыми, такие, как: информирование, поддержка формирования субъектных свойств личности, методы убеждения, тренинговые упражнения; ролевые и деловые игры, командообразование, экскурсии, этические беседы, обсуждение содержания художественных произведений и конкретных поступков,

поручения и задания для организации общешкольных мероприятий и утренников, включение совместную деятельность, а также обучение взрослых, скрайбинг.

Эффективны для организации образовательной среды, оптимальной для становления психологической готовности к отцовству, специально спланированные занятия в дошкольном образовательном учреждении или в школе [162], однако для создания гендерно-ориентированной образовательной среды для дошкольников и младших школьников и подростков необходимо сочетание выполнения мужских видов деятельности или занятий с мужским руководством, погружающих учащихся в гендерную реальность и позволяющих организовать пример мужского подхода к решению проблем, практического и действенного решения различных проблемных ситуаций [550]. В традиционной педагогике эти проблемы не возникали в силу того, что обучением мальчиков в различных социальных слоях занимались, в основном, мужчины. При этом диапазон воспитательных и образовательных воздействий был чрезвычайно широк: от совместной работы в поле с отцом в рамках интуитивно-подражательного воспитания до специально организованной программы обучения закрытых мужских школ [480]. В современных условиях создание гендерно-ориентированной образовательной среды для дошкольников и младших школьников может включать в себя занятия в учреждениях дополнительного образования или включение их в образовательную программу школы на условиях факультатива или дисциплин по выбору (как например, включение дисциплины «Рукопашный бой» под руководством опытного тренера-мужчины в образовательный процесс в одной из школ, явившихся базой нашего исследования).

Сложность состоит в том, что мужчины во много раз меньше, чем женщины, участвуют в образовательном процессе младших детей. Кроме того, для интересующего нас положительного эффекта такой педагог должен сочетать в себе педагогическое мастерство с выраженными гендерно-типичными качествами, демонстрировать образец успешного решения задач, в том числе профессиональных, статусных и ролевых, а также проявлять такие черты, как

успешность, уверенность, организаторские способности, центрированность (умение максимально сосредоточиться на чем-то одном), целеустремленность, доминантность, чувство свободы, уравновешенность, сфокусированность, решительность. Образец успешного мужского поведения особенно необходим детям, воспитывающимся по различным причинам без отца.

Однако в силу гендерного неравенства в педагогической профессии и социального статуса педагога более эффективным будет не столько включение конкретных дисциплин в образовательный процесс, сколько организация дополнительных условий гендерного обучения в рамках спортивных секций [455] (например, секции боевых искусств с преподавателями, успешно выступающими на соревнованиях, научные кружки, демонстрирующие мужской подход к решению научных проблем) [343], организаций патриотического [207] и гражданского воспитания [453] по типу скаутских движений (Братство Православных Следопытов).

Помимо оптимизации формирования гендерной роли необходимо уделить внимание проблемам нравственного развития и формированию ответственности. В рамках данных задач педагогические воздействия могут быть более разнообразными и эффективными, чем в ситуации формирования гендерно-ориентированной среды. Сложившиеся в современном социуме негативные тенденции, такие как: доминирование материальных ценностей, потребительское отношение к деятельности, вещам и людям, понижение значимости нравственных ценностей, снижают качество межличностных отношений людей, и в частности, взаимоотношений в диаде «отец-ребенок» и требуют грамотной работы с учащимися по преодолению данных негативных тенденций в рамках образовательной среды. Задачи педагогов, связанные с формированием нравственных качеств личности учащихся, согласуются с ФГОС НОО, указывающим на необходимость формирования в рамках дисциплины «Окружающий мир» уважительного отношения к своей семье, истории, культуре, а также норм здоровьесберегающего поведения; в рамках дисциплины «Основы духовно-нравственной культуры народов России» такие черты, как: «готовность к

нравственному самосовершенствованию и духовному саморазвитию», понимание норм морали и их «значения в выстраивании конструктивных отношений в семье и обществе»; «внутренней установки личности поступать согласно своей совести; воспитание нравственности, основанной на свободе совести и вероисповедания, духовных традициях народов России; осознание ценности человеческой жизни». В рамках реализации технологий оптимизирующих становления психологической готовности к отцовству нами предложены рекомендации по раскрытию связанных с данной проблематикой тем внутри этих дисциплин (Приложение 7).

Воспитание нравственных качеств личности и формирование ответственности обусловлены семейной средой, однако воспитательное воздействие образовательной среды может в данном случае быть весьма значимым [390].

Основная задача семейно-образовательной среды в процессе обучения и воспитания заключается в формировании у ребенка умения осознанно управлять своим поведением и самостоятельно принимать решения, а также готовности нести за них полную ответственность. При этом родители и педагоги, как первичные агенты социализации и воспитания определяют формирование ответственности [35; 244].

Согласно мнения отечественных психологов Л. С. Выготского, В. В. Давыдова, Е. Ф. Рыбалко, Н. Ф. Талызиной, Д. Б. Эльконина, и их последователей (А. К. Марковой, Ю. А. Полуянова, В. В. Репкина, В. В. Рубцова, Г. А. Цукермана) наиболее продуктивным периодом для развития ценностно-смысловой сферы личности является младший школьный возраст, в силу того, что младший школьник обладает высокой эмоциональной восприимчивостью к окружающей действительности [134], нестандартным мышлением, непосредственностью; кроме того благодаря интеллектуальному развитию у него формируются ценностные ориентации и закладываются основы будущей общественной деятельности [192; 436].

Так, по мнению Т. М. Чурековой, одним из возможных направлений нравственного развития школьника может выступать целенаправленное

воспитание нравственного отношения к общественно полезному труду [443]. При этом младший школьный возраст является сензитивным для целенаправленного воспитания нравственного отношения к общественно полезному труду, в рамках критериев возрастной периодизации (Л. С. Выготский, Д. Б. Эльконин): социальной ситуацией развития, ведущего вида деятельности. Так, согласно теории личностного развития Э. Эриксона, именно в этот период формируется база трудового и социального опыта, трудолюбие, добросовестное отношение к труду, чувство долга, а также ответственность за порученное дело. Социальная ситуация развития личности младшего школьника, ведущий вид деятельности, коим является в данный период учение, взаимосвязь самооценки с оценкой взрослого (учителя) благоприятствует формированию ответственности и трудолюбия [53]. Характерное для этого возраста стремление следовать требованиям взрослых, правилам и нормам, по мнению Л.И. Божович, определяет начальную стадию формирования чувства долга и ответственности [приводится по 443].

Формирование нравственных ценностей школьников возможно лишь во взаимодействии с окружающими [277]. При этом важнейшими направлениями в урочной и внеурочной работе учителя по формированию нравственных ценностей являются: развитие самосознания младших школьников и организация взаимодействия «ученик-ученик».

Оптимизация развития данных личностных характеристик младшего школьника, по мнению Л. А. Бабицкой, А. К. Кузьминых может достигаться с помощью четырех групп методов педагогического воздействия: 1) методов убеждения, напрямую обращенных на сознание человека, формирующих у индивидуума правильные убеждения и понятия, включающих беседу, коллективное обсуждение, разъяснение, чтение, критику и самокритику; 2) методов, способствующих закреплению ответственного поведения на практике, таких, как: тренинговые упражнения; 3) приёмов, побуждающие человека работать над формированием у себя ответственности, таких, как: требование, поощрение и принуждение; и 4) методов самовоспитания [35; 295].

Конкретные формы и методы работы по формированию у младших школьников ответственности связаны с целями и задачами, стоящими перед педагогом, и могут включать: этические беседы (как индивидуальные, так и групповые), обсуждение содержания художественных произведений и конкретных поступков, утренники, поручения и задания [35], организацию деятельности, способствующей переживанию учениками ценностного отношения к явлениям действительности и осознанию общественного и личного смысла ценности, а также включение младших школьников в совместную деятельность, направленную на актуализацию ценности [277].

Так, качественным средством формирования ответственности у младших школьников могут выступать этические беседы, позволяющие дать морально-нравственную оценку определенному поступку или действию [179]. Кроме того, одним из вариантов работы в рамках такой беседы может выступать обучение самоанализу собственной деятельности по достижению цели, которое включает получение знаний о формах проведения самоанализа, формирование понимания необходимости самоанализа собственной деятельности, формирование умений анализа и формулирования выводов о продуктивности собственной деятельности [129; 200].

По мнению И.А. Федяковой, для того, чтобы способствовать формированию ответственности и нравственному развитию личности школьника, образовательная среда школы должна быть ориентирована на педагогическую поддержку формирования субъектных свойств личности младшего школьника; на создание активного межличностного общения [133]; на эффективное использование педагогического инструментария для активного вовлечения школьников в различные виды деятельности (учебная, игровая, трудовая), способствующие формированию субъектных свойств личности младшего школьника [416].

Данные положения согласуются с мнением К. Муздыбаева о том, что для успешного формирования ответственности, важно эмоциональное ощущение и

переживание ребенком порученного ему задания не только для него самого, но и для других людей [287].

То есть ответственность, формируется в процессе активного участия ребенка в организованной учителем учебной и внеучебной практической деятельности и общении детей друг с другом и взрослыми. Воспитательная работа в рамках практической деятельности может включать организацию трудовых дел (волонтерские отряды, например, как помощь пожилым в рамках скаутского движения «Братство Православных Следопытов»), дежурств по классу и/или школе [361], подготовку праздников с поручением конкретных заданий ученикам, способствующих воспитанию у детей ответственности и социальной активности [35]. При этом повышение самооценки учеников в связи с оценкой учителем, родителями и классом хорошо выполненных заданий способствует дальнейшему развитию личности младших школьников и их творческих способностей [25].

В подростковом, юношеском возрасте и ранней взрослости гендерные аспекты личности, а также вопросы ценности отцовства и ответственности могут быть раскрыты в рамках отдельных факультативных дисциплин или разделов дисциплин в рамках образовательной программы школы, отражающихся в учебном плане и реализующихся в рамках нелинейного расписания, и определяющих индивидуализацию образовательной траектории обучающегося. В качестве таковых могут выступать обсуждение идеалов и образцов мужского (и женского) поведения в рамках классных часов, темы «История» в дисциплине «Окружающий мир», включение раздела «Гендерное взаимодействие» в рамках дисциплины «Психология» или «Человековедение» в старших классах школы, дисциплины «Гендерная психология», «Основы сексологии», «Психология семьи и брака», «Психология родительства» в рамках Основной профессиональной образовательной программы высшего образования. Включение подобных дисциплин в учебный план не отменяет сказанного выше об организации дополнительных условий гендерного обучения. Одним из наиболее эффективных

видов деятельности в этот период выступает специально организованный психологический тренинг, описание которого дано ниже.

Период ранней и средней взрослости дает широкие возможности для использования дополнительного образования в рамках развития уже сложившихся к этому времени стратегий отцовства.

Отдельно необходимо отметить, такой вид деятельности по оптимизации реализации стратегий отцовства, как обучение взрослых [103, с. 45]. Элементы такого обучения включены в нашу тренинговую программу. Однако обучение взрослых может выступать как самостоятельный и достаточно эффективный вид деятельности [103].

Согласно Н. Н. Васягиной, обучение взрослых имеет свою специфику: в отличие от традиционной педагогической модели обучения, где доминирующее положение занимает педагог, определяющий такие параметры учебного процесса, как: цели, содержание, средства, формы, методы и источники обучения, в обучении взрослых ведущая роль принадлежит самому обучающемуся [245]. В силу того, что взрослый является субъектом процесса обучения, имеющим глубокую потребность в самостоятельности [456], деятельность преподавателя сводится к поощрению и поддержанию стремления взрослого к самоуправлению [186]. При этом основными формами занятий становятся дискуссии, различные виды деловых игр, тренинги. В этом случае большое значение приобретает опыт обучающегося и возможность делиться им с коллегами. При этом, по мнению Н. Н. Васягиной, важнейшим критерием качества обучения взрослого человека является способность к самореализации человека в жизни, которая способствует развитию личности [109]. Это повышает требования к разработке и внедрению активных методов обучения [228; 414; 469], таких, как: компьютерные симуляторы, дистанционное обучение на базе ИКТ, кейсы, тренажерные комплексы, деловые игры, проектные методы обучения, стажировки, а также различные формы дистанционного обучения: конференции, семинары, вебинары, деловые игры, практикумы и другие формы учебных занятий, проводимые с использованием скрайбинга, с помощью средств телекоммуникаций и других

возможностей Web-сервиса [312; 451]. Все это применимо к обучению взрослых в рамках оптимизации реализации стратегий отцовства, например, в рамках групп подготовки к родительству, психологического тренинга или он-лайн групп, создающихся отцами по интересам и имеющих целью обмен опытом, знаниями, мыслями и эмоциями, связанными с взаимодействием с ребенком. Это достаточно эффективный способ получения разнообразной практической информации, который в современной России активно используется женщинами-матерями, и в гораздо меньшей степени отцами, возможно в связи с ложными стереотипами о том, что тема родительства является прерогативой женщин.

Таким образом, создание благоприятной для становления психологической готовности к отцовству образовательной среды охватывает все уровни образования, не ограничивается границами учебных предметов или проведением единичных мероприятий, а должно сочетать в себе комплексный подход и перспективное видение формирования стратегий отцовства в рамках развития личности, важнейшим психолого-педагогическим условием чего выступает психолого-педагогическое сопровождение формирования стратегий отцовства.

Отдельным видом деятельности в рамках оптимизации становления психологической готовности к отцовству и психолого-педагогического обеспечения формирования стратегии отцовства является разработка и реализация программ психологического тренинга, направленного на формирование и развитие конструктивных стратегий отцовства. В рамках психологического тренинга в зависимости от конкретной проблематики и аудитории может быть использован навыковый тренинг с использованием информационно-коммуникационных и игровых технологий и таких методов работы, как: мини-лекции, скрайбинг, тренировочные упражнения; либо социально-психологический тренинг, с использованием, помимо перечисленных технологии мастерских и таких методов, как: фокус-группы направленной дискуссии, ролевые игры, методы «мозгового штурма»; эффективен также и психотерапевтический тренинг с ориентацией на конкретные технологии гуманистического, экзистенциального, трансгенерационного подходов,

технологии психоанализа, психодраматические и телесноориентированные технологии и репертуаром методов, включающих: психотехнические игры и упражнения, дискуссии, элементы психодрамы, упражнения телесноориентированной терапии, фокус-группы направленной дискуссии, ролевые игры, сказкотерапия, методы «мозгового штурма», круглые столы по обмену опытом.

Литературные данные свидетельствуют о наличии большого количества разнообразных исследований материнства, включая описания разработок тренинговых программ, основанных на корректирующем влиянии тренинговых занятий на психическое состояние человека, его самовосприятие, восприятие жизненной ситуации в целом, и направленных на помощь матери в различных ситуациях, в том числе и работу по принятию материнской роли в период беременности. Ориентация проводимых нами групповых занятий на решение этих задач определена зарубежным и отечественным (преимущественно эмпирическим) опытом работы.

Опыт исследовательской и практической работы позволяет предположить, что в результате подобных занятий оптимизируется психическое состояние клиента, повышается его самооценка и самопринятие [616]. Этот комплекс личностных изменений, влияющий в итоге на решение различных семейных проблем, можно считать подтверждением результативности групповых занятий как формы психологической поддержки человека. Однако, учитывая широкое распространение тренинговой работы, необходимо изучение динамики индивидуально-психологических качеств под воздействием тренинговых занятий и получение более точной исследовательской оценки их результативности.

Разработанная нами и постепенно модифицируемая система тренинговой работы по становления психологической готовности к отцовству и формированию конструктивных стратегий отцовства, общее описание которой здесь представлено, состоит из нескольких стандартных блоков. Первый блок: «разогрев», второй блок: формирования доверительных отношений, третий блок: лекционный, четвертый - практический, пятый блок – релаксационный. Занятия

проводились в рамках групп встреч и включали 10 – 11 встреч в течение 2-х месяцев. В группу набирались мужчины, имеющие одного или более ребенка по 15 человек в каждую группу. В данной работе психологическая поддержка рассматривается как заданное воздействие на клиента в целях изменения его психического состояния для облегчения процесса принятия роли отца, взаимодействия с ребенком, обеспечения повышения продуктивности отцовства. Реализация данного воздействия может быть осуществлена на нескольких уровнях: когнитивном - как повышение самооценки, коррекция представлений человека о самом себе; мотивационном - как повышение активности человека, актуализация потребности в самопознании и саморазвитии; эмоциональном - как изменение текущего состояния клиента и формирование умений саморегуляции; поведенческом – как формирование эффективных умений и навыков для повышения эффективности операциональной сферы отцовства.

Второй и третий уровни могут быть объединены под общим названием саморегулятивный уровень, однако разделение их на два отдельных блока позволяет конкретизировать направленность упражнения.

В соответствии с таким подходом основными задачами данной тренинговой работы являются: снятие эмоционального напряжения для обеспечения эффективности взаимодействия с ребенком; актуализация эмоционального отношения к ребенку; информирование отцов о возможностях способах взаимодействия с ребенком; информирование отцов о влиянии отца на развитие ребенка и возможных последствиях нарушений отношений в диаде «отец-ребенок»; обучение умениям и навыкам эффективного поведения.

Таким образом, в работе с отцами необходимы мероприятия, направленные на оптимизацию их состояния, повышение активности и ответственности.

Во избежание упущения какого-либо аспекта отцовства в качестве основной концепции тренинговой программы была принята разработанная нами модель феномена отцовства. Согласно нашей модели, в структуру стратегии отцовства входят следующие компоненты: аксиологический, рефлексивно-регулятивный и праксиологический. В соответствии с этим, теоретическая и практическая части

были выстроены таким образом, чтобы в процессе работы были затронуты каждый из компонентов.

Кроме того, для реализации поставленных целей были использованы упражнения на актуализацию имеющихся у человека ресурсов развития, включая: личностные ресурсы, как актуализацию особенностей восприятия; семейные ресурсы, а именно, отношения с людьми на которых, данный человек может опереться, в данном случае, это могли быть жена и родители; социальные ресурсы – ресурсы, предоставляемые социальной средой конкретного человека; культуральные – культурно закрепленные способы поведения или модели восприятия и оценки поведения.

Все эти ресурсы, так или иначе, задействуются при обращении к такому значимому аспекту жизни мужчины, находящегося в возрасте взрослости, как отцовство. При работе с любым из блоков отцовства, мы обращались к перечисленным выше ресурсам развития человека, что позволяло использовать при работе собственный опыт мужчины, а также его представления об обсуждаемом явлении.

Таким образом, главными задачами тренинга являются обеспечение отцов информацией, обучение навыкам взаимодействия с ребенком и оказание помощи в практическом применении полученных навыков в целях оптимизации этого взаимодействия.

Тренинговая программа была разработана в трех вариантах для подростков и юношей и для мужчин в период взрослости, имеющих и не имеющих детей, и включала в себя теоретическую и практическую части. Результаты работы с мужчинами в период взрослости подробно описаны [158, с. 81-87]. Различие в работе с тремя типами групп было связано с возрастными и статусными особенностями групп [65, с. 323]. В теоретическом курсе излагаются постулаты детской, семейной психологии и психологии развития, данные о развитии ребенка, о влиянии отца на развитие ребенка, специфических функциях и роли отца в жизни ребенка и семье, а также данные акмеологии о развитии личности в период взрослости, данные взаимосвязи мужской гендерной идентичности и

отцовства, кроме того, о способах взаимодействия с ребенком, а также данные о конкретной деятельности, например, способах решения конфликтных ситуаций, а также примеры взаимодействия с ребенком других отцов. Материалы были подготовлены на основе анализа литературных источников, таких как, монографии и статьи по детской психологии, акмеологии и семейной психологии, материалов работы В. Фтенакиса [549], а также сайта fathers.com, который предлагает большое количество описаний конкретного опыта взаимодействия конкретных отцов со своими детьми, а также сайта американского центра репродуктивного здоровья March Of Dimes. Собственно практическая часть включает в себя упражнения на принятие ответственности и гендерной роли на различных уровнях: когнитивном, поведенческом и саморегулятивном (эмоциональном и мотивационном).

В процессе занятий использовались разнообразные психологические приемы и методы работы: психотехнические игры и упражнения, методы «мозгового штурма», фокус-группы и направленной дискуссии, кроме того, элементы психодрамы, сказкотерапия, ролевые игры. Отрабатывались умения и навыки общения. Содержание групповых занятий адекватно отражает основные психологические проблемы, возникающие в процессе взаимодействия с ребенком. Они направлены на формирование психических состояний и развитие личностных качеств, обеспечивающих возможность оптимизации действий человека в данной жизненной ситуации (повышение эмоциональной устойчивости и уверенности в себе, информированности, формирование практичности и реалистического представления о жизни и самом себе). В процессе психологического тренинга создаются условия для индивидуализации стратегии отцовства, то есть процесса сочетания социальных ожиданий, норм, ценностей с особенностями потребностей, свойств и стилей деятельности конкретного мужчины через интернализацию смысла отцовства.

Содержание занятий кратко представлено в Таблице 4.3.2. (Приложение 6). Эффективность данного тренинга подтверждается проведенной нами работой и

соответствующим исследованием и опубликовано автором в нескольких работах [81, с. 31-35; 158, с. 81-87].

Однако психологическая работа с семьей и отцовством не ограничивается только групповой и консультативной работой и требует дальнейшей разработки психокоррекционных методик, методов практической, психотерапевтической работы с семьей и отцовством, как важнейшим компонентом гармоничности семейной системы.

Обращение к психологической или педагогической помощи чаще происходит с подачи женщины-матери. При этом она сама описывает отсутствие взаимодействия отца с ребенком как следствие профессиональной занятости отца. Примечательно, что в большинстве случаев сама женщина также работает на условиях полной занятости, однако, предполагает, что родительство является ее непосредственной обязанностью, что по ее мнению не так важно для мужчин. Здесь мы сталкиваемся с влиянием макрофакторов, изменить или трансформировать влияние которых за короткий срок невозможно, так как они связаны с культурой и лишь в небольшой степени определяются образовательной средой и информационной культурой личности, формирующейся в этой среде.

В настоящее время наблюдаются некоторые сдвиги в общественном и культурном контексте отцовства. Большинство современных культурных споров о родительстве сосредоточилось на том, что матери должны делать вне семьи, а отцы – внутри семьи. Некоторая размытость современных норм относительно отцовства может приводить и к конфликтам между родителями. Известно, что некоторые отцы, принимавшие участие в родах своего ребенка, затем привязываются к нему, выполняя по существу материнскую функцию, оставляя при этом отцовские функции нереализованными. Конечно, такое положение дел приводит к недоразумениям и непониманию со стороны матери. В этой связи показателен такой пример: в США недавнее повышение интереса к отцовству привело к выступлениям сторонников прав женщин и матерей. Они полагают, что акцент на важной роли отца в семье может поддерживать давнишнее предубеждение против семей матерей-одиночек, и что работа с отцами будет

увеличена за счет работы с матерями-одиночками, и что проотцовские разговоры будут использованы сторонниками права «отцов» для того, чтобы бросить вызов пособию на ребенка, и правилам посещения после развода. С другой стороны, даже феминистски настроенные психологи недавно привели доводы в пользу большего акцента на отцовстве (предполагается, что вовлеченном отцовстве), что поможет отцам и принесет пользу женщинам, так же как детям.

Эти общественные споры служат фоном для исследований по психологии и социологии отцовства, потому что исследователи неизбежно попадают под влияние культурного контекста, в рамках которого они работают. В этом смысле не удивительно, что большинство исследований сравнивало уровни вовлеченности отцов в жизнь детей с вовлеченностью матерей, и после этого материнские функции стали точкой отсчета для формирования норм отцовства, что не совсем верно, так как отцы исторически никогда не занимались деятельностью, по которой в таком подходе оценивается отцовство.

Показательно, что интерес академического, профессионального, и публичного порядка к отцовству кристаллизовался тогда, когда устои традиционного отцовства – физически существующего отца, который служит единственным семейным кормильцем – быстро разрушались.

Использование рядом зарубежных специалистов термина «ответственное отцовство» отражает недавнюю в научной среде тенденцию перехода от свободного языка в терминологии к более строгому подходу. «Ответственный» предполагает «должный», дает ряд желательных норм для того, чтобы оценить поведение отцов. Термин также передает моральную оценку, означающую (правильно и неправильно), что некоторые отцы могут быть «безответственными» или «неответственными». Готовность использовать явно оценочный и моральный термин отражает изменение в социальном климате среди западных ученых и политиков, которые до недавнего времени традиционно считали, что психология, социальная политика, и социальные программы должны быть безоценочными. С конца двадцатого столетия стало более возможным мнение о неизбежности ценностных и моральных положений, являющихся частью психологии и

социальных наук, и общество с большей готовностью принимает моральные оценки, что дает возможность открыто обсуждать их влияние на психологию и политику. Действительно, всегда существовало сильное, но неявное оценочное отношение в исследованиях отцовства, большей частью проводимого мужчинами и женщинами с интересами в пропагандировании более преданной и нежной вовлеченности мужчин в жизнь их детей. Точно так же всегда был моральный оттенок фокусирования на отсутствии отца, которым характеризовалась большая часть литературы по отсутствующему, «неплательщику» и эмоционально невовлеченному отцу. Эта нормативность, с одной стороны, сужает область исследования, а с другой – является показателем общественного внимания к данной проблеме. При этом некоторые зарубежные исследователи, изучающие российской отцовство, приходят к неутешительным выводам об отсутствии отцовского воспитания в России [672].

Однако, несмотря на то, что предложенная психологическая работа с семьей и создание благоприятной для формирования конструктивных стратегий отцовства семейно-воспитательной и образовательной среды затрагивает только микро и мезофакторы, оказывающие влияние на реализацию отцовских функций мужчиной, и не затрагивают макрофакторы среды, изменение поведения даже части отцов позволит их детям вырасти в благоприятных условиях, что позволит им самим позитивно наполнять понятие маскулинности и определять ценность гендерной роли отца для ребенка и отца, имея перед собой позитивный образец.

В целом, модель психолого-педагогического обеспечения становления психологической готовности к отцовству можно представить на Рисунке 4.3.3.

Рисунок 4.3.3. – Схема психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству и развития конструктивной стратегии отцовства

Таким образом, несмотря на то, что существуют определенные объективные свидетельства уязвимости отцовства в неблагоприятных социальных условиях, спада отцовского авторитета, и кризиса семьи, можно будет говорить о постепенном изменении общественного мнения относительно отцовства.

Значительная социальная детерминированность отцовства в этом смысле позволяет делать оптимистичные прогнозы. Мы строим свое поведение на основе моделей общества, но мы и есть это общество. По существу, то, какую роль будет играть мужчина в жизни детей в будущем, каким будет «отец XXI века» зависит не только от сегодняшних 12-17-летних мальчишек, но и от тех отношений, которые они выстраивают с окружающими; от каждого из нас: окружающих, сверстников, родителей, педагогов, политиков, психологов, специалистов по социальной работе.

При этом, в силу объективных причин и осознания границ профессиональной компетентности, нами разработана программа оптимизации становления психологической готовности к отцовству на уровне микро- и мезофакторов, наиболее значимые положения которой были апробированы эмпирически. В рамках нашей модели, условия и возможности формирования стратегий отцовства возрастено-специфичны, что наглядно представлено в Таблице 4.3.3. (Приложение 6).

Таким образом, теоретически обоснованное определение условий и возможностей становления отцовства, начиная с дошкольного периода, позволяет нам проводить разработку, апробацию и реализацию комплексной программы психолого-педагогического сопровождения оптимизации становления психологической готовности к отцовству и развития стратегий отцовства, в условиях, когда:

а) учитывается специфика становления психологической готовности к отцовству на разных возрастных этапах (дошкольники, младшие школьники, подростки и старшеклассники, взрослые) и в разных семейно-педагогических условиях;

б) реализуются технологии, оптимизирующие становление психологической готовности к отцовству по основным направлениям сопровождения становления психологической готовности к отцовству (психологическая работа с семьей, создание образовательной среды,

благоприятной для становления психологической готовности к отцовству и/или специальный психологический тренинг).

Выводы

На основе анализа современных работ, посвященных отцовству, а также проведенного нами исследования среди основных параметров, определяющих становление психологической готовности к отцовству, мы выделили: гендерную роль, систему ценностных ориентаций и зрелость личности. Среди основных критериев, определяющих конструктивность стратегии отцовства, выделяются: принятие гендерной роли отца, система ценностных ориентаций, включающая ценность отцовства, и зрелость личности. Эти параметры имеют свою специфику развития на каждом возрастном этапе и тесно взаимосвязаны с социальной ситуацией развития личности.

Анализ психолого-педагогической литературы показывает, важнейшей характеристикой отцовства является его открытость в системе взаимоотношений семьи и социума, что до определенной степени позволяет осуществлять определенное психолого-педагогическое воздействие на поведение отца. При этом, в рамках нашей модели, условия и возможности формирования стратегий отцовства возрастно-специфичны, но в условиях любого возрастного этапа психолого-педагогическое обеспечение формирования стратегии отцовства будет включать психологическую работу с семьей по созданию благоприятной семейно-воспитательной среды, создание образовательной среды, а также при необходимости психологический тренинг.

В качестве технологий в рамках психологической работы с семьей используются информирование с использованием информационно-

коммуникационных и он-лайн технологий (например, просвещение и пропаганда ценности отцовства в рамках обучения взрослых или тренинга или создание доступной базы данных по проблемам родительства и репродуктивного здоровья), а также индивидуальная и групповая работа, ориентирующаяся на технологии гуманистического, экзистенциального, трансгенерационного подходов, психоанализа, выбираемые в зависимости от квалификации психолога, его схемы работы и самой проблемной ситуации, и включающая по необходимости: психологическую диагностику, индивидуальное и семейное психологическое консультирование, психологическую коррекцию.

Технологии формирования образовательной среды определяются возрастными особенностями респондентов и возможной (выбранной) формой работы. Так, индивидуальная работа включает информационно-коммуникационные технологии, технологии социализации, технологии проблемного обучения, проектные технологии, с использованием всех методов просвещения родителей, поддержки формирования субъектных свойств личности и методов убеждения, этических бесед.

Групповая работа весьма разнообразна и включает в себя такую форму работы, как: общеклассная работа с использованием информационно-коммуникационных технологий, групповых технологий, технологий проблемного обучения, проектных технологий, технологии уровневой дифференциации, игровых технологий, технологий мастерских, кейс-технологий, а также традиционной технологии. Здесь могут быть использованы такие методы, как: поддержка формирования субъектных свойств личности, методы убеждения, тренинговые упражнения; деловые игры, метод включения в совместную деятельность, а также включение элементов гендерного, нравственного, патриотического и гражданского воспитания в преподаваемые дисциплины.

Внеклассная работа позволяет уделить большее внимание информационно-коммуникационным технологиям, групповым, проектным и игровым технологиям. Здесь такие могут быть использованы методы работы с детьми и взрослыми, как: информирование, поддержка формирования субъектных свойств

личности, методы убеждения, тренинговые упражнения; ролевые и деловые игры, командообразование, экскурсии, этические беседы, обсуждение содержания художественных произведений и конкретных поступков, поручения и задания для организации общешкольных мероприятий и утренников, включение совместную деятельность, а также обучение взрослых, скрайбинг.

В рамках психологического тренинга в зависимости от конкретной проблематики и аудитории может быть использован навыковый тренинг с использованием информационно-коммуникационных и игровых технологий и таких методов работы, как: мини-лекции, скрайбинг, тренировочные упражнения; либо социально-психологический тренинг, с использованием, помимо перечисленных технологии мастерских и таких методов, как: фокус-группы направленной дискуссии, ролевые игры, методы «мозгового штурма»; эффективен также и психотерапевтический тренинг с ориентацией на конкретные технологии гуманистического, экзистенциального, трансгенерационного подходов, психодраматические и телесноориентированные технологии и репертуаром методов, включающих: психотехнические игры и упражнения, дискуссии, элементы психодрамы, упражнения телесноориентированной терапии, фокус-группы направленной дискуссии, ролевые игры, сказкотерапия, методы «мозгового штурма», круглых столов по обмену опытом.

Проанализировав теоретические психолого-педагогические работы, мы пришли к выводу, что психолого-педагогическое сопровождение обеспечивает процесс становления психологической готовности к отцовству, если учитывается специфика становления психологической готовности к отцовству на разных возрастных этапах и в разных семейно-педагогических условиях и реализуются технологии, оптимизирующие становление психологической готовности к отцовству по основным направлениям сопровождения становления психологической готовности к отцовству (психологическая работа с семьей, создание образовательной среды, благоприятной для становления психологической готовности к отцовству и специальный психологический тренинг).

ГЛАВА 5. ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ОТЦОВСТВУ

Формирующий этап исследования проходил в период с декабря 2002 по апрель 2017 и включал в себя лонгитюдное исследование.

Поскольку анализ литературных источников показал отсутствие достаточно четких критериев конструктивности стратегий отцовства, для отслеживания становления психологической готовности к отцовству на разных возрастных этапах мы руководствовались выделенными в процессе теоретического анализа на основании методологии диссертационного исследования критериями становления психологической готовности к отцовству (Таблицы 4.1.2 – 4.1.7).

Основываясь на выделенных критериях, мы использовали специально разработанную программу сопровождения становления психологической готовности к отцовству для проверки эффективности которой, а также устранения возможности влияния различных других переменных на результаты исследования, нам представляется необходимым сравнение результатов, полученных при работе с испытуемыми экспериментальной группы с данными обследования контрольной группы, представители которой не подвергались экспериментальному воздействию.

В исследовании приняли участие несколько групп испытуемых:

1. мальчики дошкольного возраста (84 человека, включая 15 человек экспериментальная и 71 человек контрольная группа). Семьи детей из экспериментальной группы (15 семей) участвовали в работе по созданию благоприятной для формирования конструктивных стратегий отцовства семейно-образовательной среды в разное время в период с декабря 2002 по апрель 2017; Дети являются учащимися семейного центра «Развивайки», г. Кемерово, а также Муниципального казенного учреждения «Топкинский социально-

реабилитационный центр для несовершеннолетних» г. Топки Кемеровской области.

2. мальчики младшего школьного возраста. 45 (21 человек экспериментальная группа и 24 человека – контрольная группа); Семьи детей экспериментальной группы (21 семья) участвовали в работе по созданию благоприятной для формирования конструктивных стратегий отцовства семейно-образовательной среды в разное время в период с сентября 2014 по апрель 2017. Дети экспериментальной группы являются учащимися ЧОУ Православная гимназия г. Кемерово, а также клиентами Муниципального казенного учреждения «Топкинский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних» г. Топки Кемеровской области; дети контрольной группы являются учащимися МБОУ СОШ № 92 «Средняя общеобразовательная школа № 92 с углублённым изучением предметов».

3. мальчики подросткового и юношеского возраста (39 человек, из них 15 человек – экспериментальная группа и 24 контрольная группа). Обе группы были уравнены по возрасту (средний возраст экспериментальной группы – 16,5, контрольной – 16,4 года) и социальным характеристикам.

4. мужчины в возрасте ранней и средней зрелости (139 мужчин имеющих одного или более детей (из них 61 мужчина (три группы по 15 человек (2004г) и одна 16 человек (2016)) составляли экспериментальную группу, подвергшуюся экспериментальному воздействию, 78 – контрольную группу). Лица экспериментальной группы 45 человек были подвергнуты экспериментальному воздействию в рамках работы над нашим диссертационным исследованием в 2004 году, когда в период с сентября 2003 по июнь 2004 в исследовании приняли участие всего 95 мужчин имеющих одного или более детей. Из них 45 мужчин (три группы по 15 человек) составляли экспериментальную группу, подвергшуюся экспериментальному воздействию, 50 – контрольную. Обе группы были уравнены по возрасту (средний возраст экспериментальной группы – 32, контрольной – 33 года) и социальным характеристикам – в основном испытуемые являются служащими (75% и 78% соответственно), предпринимателями, с

высшим, среднетехническим и средне-специальным образованием (49% и 50% соответственно). Экспериментальное воздействие включало в себя проведение специально разработанного нами тренингового курса, направленного на принятие роли отца и формирование конструктивной стратегии отцовства. В 2016 году удалось собрать данные только 30 мужчин экспериментальной группы, также была подвергнута аналогичному воздействию еще одна группа из 16 человек. Данные, полученные в результате этих обследований, были подвергнуты статистической обработке.

5. в лонгитюдном исследовании приняли участие 40 мальчиков подросткового и юношеского возраста (20 человек в 2004 году, 15 человек в 2016 году – экспериментальная группа и 20 человек в 2004, из них 14 человек в 2016 году – контрольная группа). Подростки экспериментальной группы участвовали в лонгитюдном исследовании, проходившем с декабря 2002 по октябрь 2016 года. Контрольная группа включала в себя как участников лонгитюдного исследования, так и испытуемых обследованных во время второго замера. Для проверки эффективности разработанного нами психологического тренинга нами было проведено три обследования испытуемых: в 2004 году до экспериментального воздействия и сразу после и после рождения ребенка у большинства участников тренинга в 2016 году. Для контрольной группы эти срезы совпадали по времени с обследованием экспериментальной группы. Из 40 человек, принимавших участие в исследовании в 2004 году, удалось собрать данные 29 человек (15 человек из экспериментальной группы и 14 – из контрольной группы). Данные, полученные в результате этих обследований, были подвергнуты статистической обработке. Подростки и юноши экспериментальной и контрольной группы в 2004 году являлись учащимися МБОУ СОШ №№ 10, 62, 92 г. Кемерово, и студентами 1-2 курсов ФГБУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф.Горбачева», подростки контрольной группы (2016) являются учащимися МБОУ СОШ № 92 «Средняя общеобразовательная школа № 92 с углублённым изучением предметов». На декабрь 2016 испытуемые экспериментальной и контрольной группы, принимавшие участие в исследовании с 2004 года, являлись

служащими (100%) с высшим 94% и средним 6% образованием (экспериментальная группа) и с высшим 66%, средне-специальным образованием 26%, средним образованием 8% в контрольной группе.

В 2004 году экспериментальная группа представляла собой две группы испытуемых по 10 человек из полной (50%) и неполной (50%) семьи. В 2016 году удалось собрать данные 15 человек, из них 8 (53%) воспитывавших в неполной и 7 (47%) – в полной семье. Контрольная группа 2004 года состояла из 20 человек по 10 (50%) человек из полной и неполной семьи. В 2016 году данные были собраны у 14 человек, 6 (42%) из полной и 8 (58%) из неполной семьи.

На данном этапе исследования применялись следующие методики:

Для диагностики детей дошкольного возраста:

1. Изучение гендерных установок у детей (Полустандартизированное интервью В. Е. Кагана);
2. «Кембриджский опросник гендерно-типичного поведения дошкольников» (русскоязычная версия англоязычного опросника «Pre-School Activities Inventory (PSAI)»);
3. Диагностическая методика «Сюжетные картинки» (модифицированный вариант Е.О. Смирновой, Р.Р. Калининой);
4. Методика диагностики дошкольной зрелости и саморегуляции: диагностическая игра «Помощники доброго волшебника» О. И. Барчук, М. Р. Битянова.

Также нами использовались анкетные данные о возрасте, поле и семье ребенка.

Для диагностики детей младшего школьного возраста:

1. Изучение гендерных установок у детей (Полустандартизированное интервью В. Е. Кагана);
2. Модификация опросника «Распределение ролей в семье» (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская);
3. Анкета с модифицированной методикой самооценки гендерных качеств;
4. Рисунок себя;

5. Методика «Диагностика нравственной мотивации»;
6. Методика «Изучение направленности ответственности» М.В.Матюхиной, С.Г.Яриковой;
7. Диагностика личностного роста П. В. Степанова, Д. В. Григорьева, И. В.Степановой.

Для диагностики поведения ребенка использовался метод экспертных оценок. Учителям предъявлялись результаты диагностики, и они оценивали совпадение поведение с полученными результатами по 100-балльной шкале.

Для обследования подростков и юношей:

1. Модификация опросника «Распределение ролей в семье» (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская);
2. Опросник «Я – женщина (мужчина)» (Л. Н. Ожиговой);
3. Анкета с модифицированной методикой самооценки гендерных качеств,
4. Рисунок себя;
5. Первая и четвертая шкалы «Опросника родительской идентичности» Дж. Плека;
6. Тест-опросник личностной зрелости Ю. З. Гильбуха;
7. Методика «Принятие ответственности» В. П.Прядеина;
8. Опросник терминальных ценностей (ОТЕЦ), И. Г. Сенина;
9. Методика диагностики уровня развития рефлексивности А. В. Карпова.

Также нами использовались анкетные данные о возрасте, поле и семье ребенка. Для диагностики поведения ребенка использовался метод экспертных оценок. Учителям предъявлялись результаты диагностики, и они оценивали совпадение поведение с полученными результатами по 100-балльной шкале.

Для обследования взрослых:

1. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева;
- 2.Методика «Личностный Дифференциал»;
3. Методика «Измерение родительских установок и реакций» (PARI) Шеффера-Белла и др. (Schaefer, E. S. – Bell, R. A.);
4. Анкеты;

5. Опросник родительской идентичности Дж. Плека (Caregiving and Breadwinning Reflected Appraisal Inventory (CBIRAI));
6. Шкала отцовских установок Дж. Плека (Father Involvement Attitudes Scale (FIAS));
7. Методика С. Бэм «Маскулинность и Фемининность» (МиФ);
8. Тест-опросник личностной зрелости Ю.З. Гильбуха;
9. Методика «Принятие ответственности» В. П.Прядеина;
10. Опросник терминальных ценностей (ОТЕЦ) И. Г. Сенина;
11. «Тест-опросник удовлетворенности браком» В. В. Столина, Т. Л. Романовой, Г. П. Бутенко;
12. Методика «Уровень субъективного контроля» (УСК) (Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, Л. М. Эткинд);
13. Методика диагностики уровня развития рефлексивности А. В. Карпова;
14. Опросник «Репродуктивные мотивы» И. С. Морозовой, К. Н. Белогай, Ю. В. Борисенко и Т. О. Отт.

5.1. Особенности психолого-педагогического сопровождения становления предпосылок психологической готовности к отцовству у детей дошкольного возраста

На формирующем этапе исследования в работе приняли участие мальчики дошкольного возраста (84 человека, включая 15 человек экспериментальная группа и 71 человек контрольная группа). Семьи детей из экспериментальной группы (15 семей) участвовали в работе по созданию благоприятной для формирования предпосылок становления психологической готовности к отцовству семейно-образовательной среды в разное время в период с декабря

2002 по апрель 2017; Дети являются учащимися семейного центра «Развивайки», г. Кемерово, а также Муниципального казенного учреждения «Топкинский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних» г. Топки Кемеровской области.

Создание благоприятной для становления психологической готовности к отцовству семейно-образовательной среды было организовано в рамках прохождения отцами данных детей психологического тренинга, направленного на формирование конструктивных стратегий отцовства. В процессе прохождения тренинга испытуемые не только получали информацию на теоретической части, где излагались постулаты детской, семейной психологии, психологии развития, данные о развитии ребенка, о влиянии отца на развитие ребенка, специфических функциях и роли отца в жизни ребенка и семье, а также данные акмеологии о развитии личности в период взрослости, данные взаимосвязи мужской гендерной идентичности и отцовства, кроме того, о способах взаимодействия с ребенком, а также данные о конкретной деятельности, например, способах решения конфликтных ситуаций, а также примеры взаимодействия с ребенком других отцов, но и отрабатывали умения и навыки общения в практической части, включавшей в себя упражнения на принятие ответственности и гендерной роли на различных уровнях: когнитивном, поведенческом и саморегулятивном (эмоциональном и мотивационном), а также получали домашнее задание, вели дневники и отчитывались группе о проделанной работе. Так как, в процессе психологического тренинга создаются условия для индивидуализации стратегии отцовства, то есть процесса сочетания социальных ожиданий, норм, ценностей с особенностями потребностей, свойств и стилей деятельности конкретного мужчины через интернализацию смысла отцовства, это позволяет отцу быть более эффективным родителем, и домашняя работа строилась вокруг создания родительского альянса, урегулирования отношений с супругой, вовлечения в жизнь ребенка, давались конкретные задания по развитию у ребенка всех компонентов стратегии отцовства, это позволяло создавать специфическую

семейную среду, благоприятную для становления психологической готовности к отцовству у ребенка такого отца.

Уровневые характеристики выборки, состоявшей из 84 детей дошкольного возраста, представлены в Таблице 3.2.1 (Приложение 1) и подробно проанализированы в параграфе 3.2.

Проверка данных экспериментальной и контрольной групп по критерию Фишера при уровне значимости равном 0,05 показала, что дисперсии обеих групп различаются незначимо. Все исследуемые нами параметры подчиняются нормальному закону распределения (по критерию Колмогорова-Смирнова), кроме данных по методике оценки нравственных норм дошкольников. Для проверки второй гипотезы нами было проведено сравнение данных экспериментальной и контрольной групп до воздействия по t-критерию Стьюдента, которое показало, группы различаются по показателю гендерных установок, что связано с особенностями семей, выразивших желание участвовать в работе по созданию специальной среды (Таблица 5.1.1.).

Таблица 5.1.1. – Результаты сравнения экспериментальной и контрольной группы дошкольников до воздействия

Параметры	ЭГ	КГ	t-знач.	p	Ст. откл. - ЭГ	Ст. откл. - КГ
Гендерно-типичное поведение	65,47	64,10	0,83	0,41	3,58	5,78
Гендерные установки*	10,00	8,93	2,97	0,00	1,13	1,13
Зрелость	36,73	36,69	-0,43	0,67	8,40	6,11

* отмечены значимые различия

Для непараметрических данных сравнение было проведено по U критерию Манна-Уитни, показавшее отсутствие значимых различий между группами до воздействия (результаты проверки по данному критерию представлены в Таблице 5.1.2.).

Таблица 5.1.2. – Сравнение данных экспериментальной и контрольной группы дошкольников по U критерию Манна-Уитни до воздействия

Параметры	Сум.ранг ЭГ	Сум.ранг КГ	U	Z	р-уров.	Z - скорр	р-уров.	р
Нравственные нормы	1298,00	1264,00	462,0	-1,58	0,12	-1,53	0,11	0,12

Данные результаты анализа данных групп до воздействия были учтены при обработке данных после воздействия. После проведения работы с семьей, испытуемые были повторно обследованы и данные обработаны с помощью дисперсионного анализа с повторными измерениями, t-критерия Стьюдента для зависимых выборок для параметрических данных и критерия Вилкоксона для непараметрических данных.

При сравнении экспериментальной и контрольной группы дошкольников по компонентам стратегии отцовства до воздействия значимых различий обнаружено не было.

Таблица 5.1.3. – Сравнение результатов экспериментальной группы до и после воздействия по t-критерию Стьюдента для зависимых выборок

Параметры	Среднее	Стд. откл	t	р	Доверит. -95,0%	Доверит. +95,0%
Гендерно-типичное поведение 1	65,47	3,58				
Гендерно-типичное поведение 2*	68,44	6,63	2,54	0,01	-1,42	-0,17
Зрелость 1	36,73	8,40				
Зрелость 2*	38,57	6,04	3,44	0,00	-2,86	-0,76
Гендерные установки 1	10,00	1,13				
Гендерные установки 2*	11,76	2,42	2,07	0,01	-0,58	-0,11

* отмечены значимые различия

Сравнение результатов экспериментальной группы до и после воздействия по t-критерию Стьюдента при 5%-ом уровне значимости для зависимых выборок указывает на произошедшие значимые изменения по параметрам гендерно-типичное поведение, зрелость и гендерные установки (Таблица 5.1.3).

Сравнение результатов по параметру нравственных норм по критерию Вилкоксона при 5%-ом уровне значимости также показало наличие значимых различий между данными до и после воздействия (Таблица 5.1.4.).

Таблица 5.1.4. – Сравнение результатов экспериментальной группы до и после воздействия по критерию Вилкоксона

Параметры	T	Z	p-уров.
Нравственные нормы 1 & Нравственные нормы 2*	0,00	3,059	0,002

* отмечены значимые различия

Сравнение результатов экспериментальной группы до и после воздействия по t-критерию Стьюдента при 5%-ом уровне значимости для зависимых выборок по интегральному показателю также показало наличие значимых изменений в интегральном показателе, а также в рамках аксиологического и праксиологического компонентов стратегии отцовства после воздействия (Таблица 5.1.5.).

Таблица 5.1.5. – Результаты сравнения экспериментальной группы дошкольников до и после воздействия по интегральному показателю*

Параметры	Среднее	Ст. откл	t	p	Доверит. - 95,0%	Доверит. +95,0%
Интегральный показатель 1	0,64	0,06				
Интегральный показатель 2	0,68	0,04	0,10	0,00	-0,06	-0,04
Праксиологический компонент 1	0,64	0,05				
Праксиологический компонент 2	0,68	0,06	0,31	0,00	-0,05	-0,04
Аксиологический компонент 1	0,54	0,06				
Аксиологический компонент 2	0,61	0,05	0,40	0,00	-0,07	-0,03

* представлены только значимые различия

У детей контрольной группы по данным параметрам изменений обнаружено не было.

Сравнение результатов экспериментальной группы и контрольной после воздействия по t-критерию Стьюдента при 5%-ом уровне значимости для независимых выборок показало наличие значимых различий после воздействия по всем параметрическим показателям (Таблица 5.1.6).

Таблица 5.1.6. – Результаты сравнения экспериментальной и контрольной группы дошкольников после воздействия

Параметры	ЭГ	КГ	t-знач.	p	Ст.отк л. ЭГ	Ст.отк л. КГ
Гендерно-типичное поведение*	68,44	64,10	0,73	0,02	6,63	5,78
Гендерные установки*	11,76	8,93	2,23	0,00	2,43	1,13
Зрелость*	38,57	36,69	0,33	0,05	6,04	6,11
Интегральный показатель*	0,68	0,60	0,13	0,06	0,04	0,04

* отмечены значимые различия

Для непараметрических данных сравнение было проведено по U критерию Манна-Уитни, показавшее также наличие значимых различий между группами после воздействия (результаты проверки по данному критерию представлены в Таблице 5.1.7.).

Таблица 5.1.7. – Сравнение данных экспериментальной и контрольной группы дошкольников по U критерию Манна-Уитни

Параметры	Сум.ранг ЭГ	Сум.ранг КГ	U	Z	p-уров.	Z - скорр.	p-уров.	2-х стор - точно е р
Нравственные нормы	1788,00	1264,00	23,00	-2,21	0,02	-2,24	0,02	0,02

При сравнении экспериментальной и контрольной группы дошкольников по компонентам стратегии отцовства после воздействия были обнаружены значимые различия по всем компонентам и интегральному показателю психологической готовности к отцовству.

Таблица 5.1.8. – Результаты сравнения экспериментальной и контрольной группы дошкольников по компонентам психологической готовности к отцовству после воздействия

Параметры	ЭГ	КГ	t-знач.	p	Ст.отк л. - ЭГ	Ст.отк л. - КГ
Праксиологический компонент*	0,68	0,63	0,13	0,00	3,38	5,18
Аксиологический компонент*	0,61	0,56	0,43	0,07	7,41	6,21
Рефлексивно- регулятивный компонент*	0,63	0,58	0,03	0,01	3,18	4,78
Интегральный показатель *	0,68	0,62	0,07	0,00	1,13	1,13

Таким образом, даже опосредованное через родителей воздействие оказалось значимым для формирования конструктивной стратегии отцовства в данном возрасте.

Дисперсионный анализ с повторными измерениями по параметру гендерные установки, проведенный для экспериментальной и контрольной группы (разделенной для удобства анализа на подгруппы детей из полной и неполной семьи) показал, что у детей контрольной группы изменений не произошло. Дети экспериментальной группы, хотя и отличались от детей контрольной группы до воздействия в сторону более высоких показателей по данной шкале, показали изменение в сторону повышения результатов. Таким образом, несмотря на изначальное различие групп изменения по данному параметру были зафиксированы только в экспериментальной группе после воздействия, то есть, связаны с экспериментальным воздействием (Рисунок 5.1.1) .

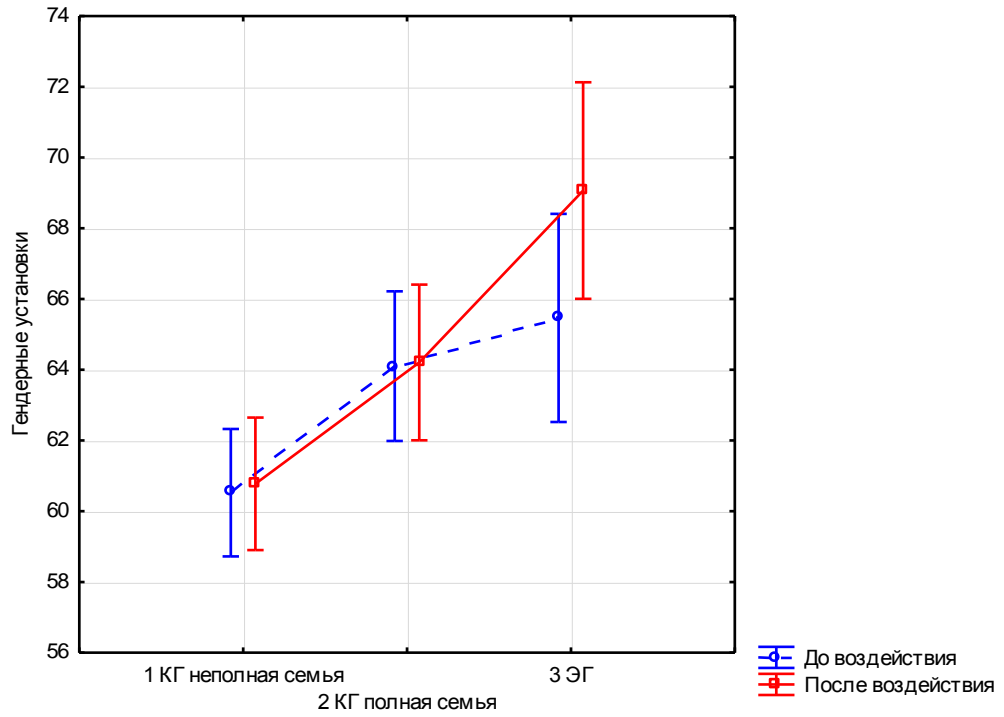

Рисунок 5.1.1. – Результаты дисперсионного анализа с повторными измерениями по параметру гендерные установки для группы дошкольников

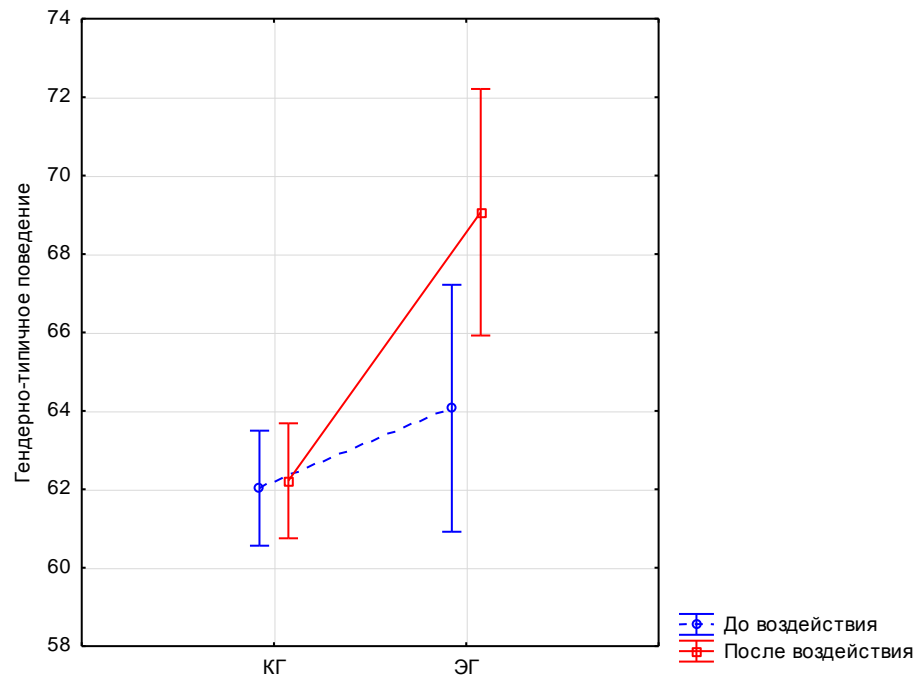

Рисунок 5.1.2. – Дисперсионный анализ с повторными измерениями по параметру гендерно-типичное поведение

Дисперсионный анализ с повторными измерениями по параметру гендерно-типичное поведение проведенный для экспериментальной группы и контрольной группы показал, что у детей контрольной группы изменений не произошло (Рисунок 5.1.2). У детей экспериментальной после воздействия результаты стали выше. То есть, данные изменения связаны с экспериментальным воздействием.

Дисперсионный анализ с повторными измерениями по параметру нравственные нормы, проведенный для экспериментальной группы и контрольной группы показал, что у детей контрольной группы изменений не произошло (Рисунок 5.1.3). У детей экспериментальной результаты стали выше. То есть, данные изменения связаны с экспериментальным воздействием.

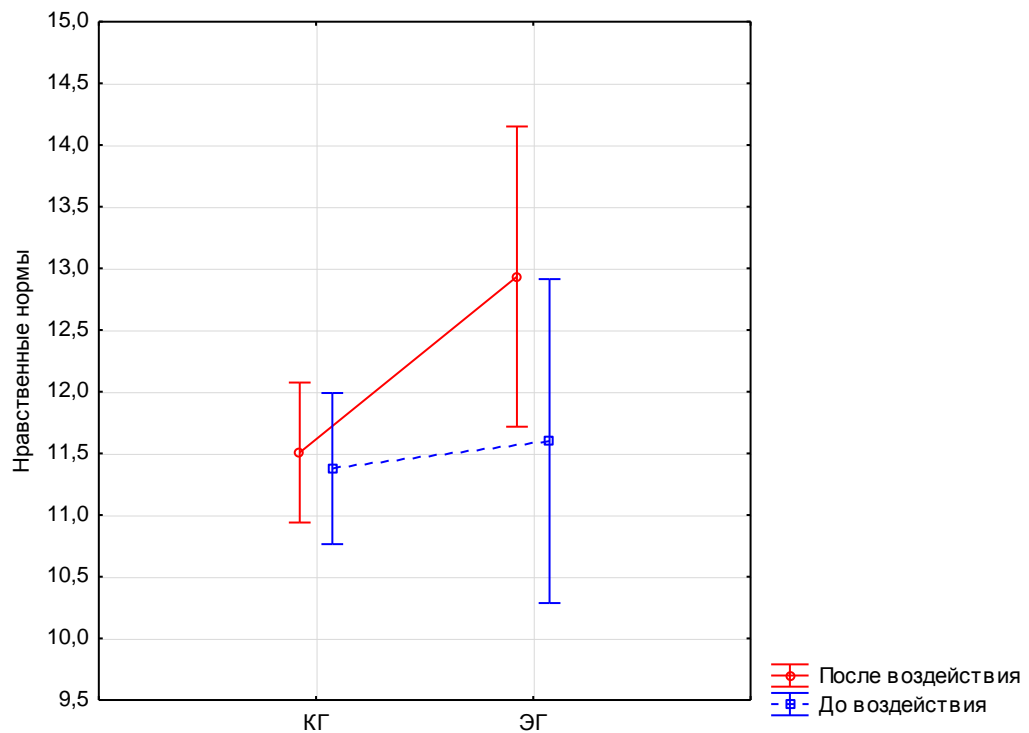

Рисунок 5.1.3. – Дисперсионный анализ с повторными измерениями по параметру нравственные нормы

Дисперсионный анализ с повторными измерениями по параметру зрелость, проведенный для экспериментальной группы и контрольной группы также показал, что у детей контрольной группы изменений не произошло (Рисунок

5.1.4). У детей экспериментальной результаты также стали выше. То есть, данные изменения связаны с экспериментальным воздействием.

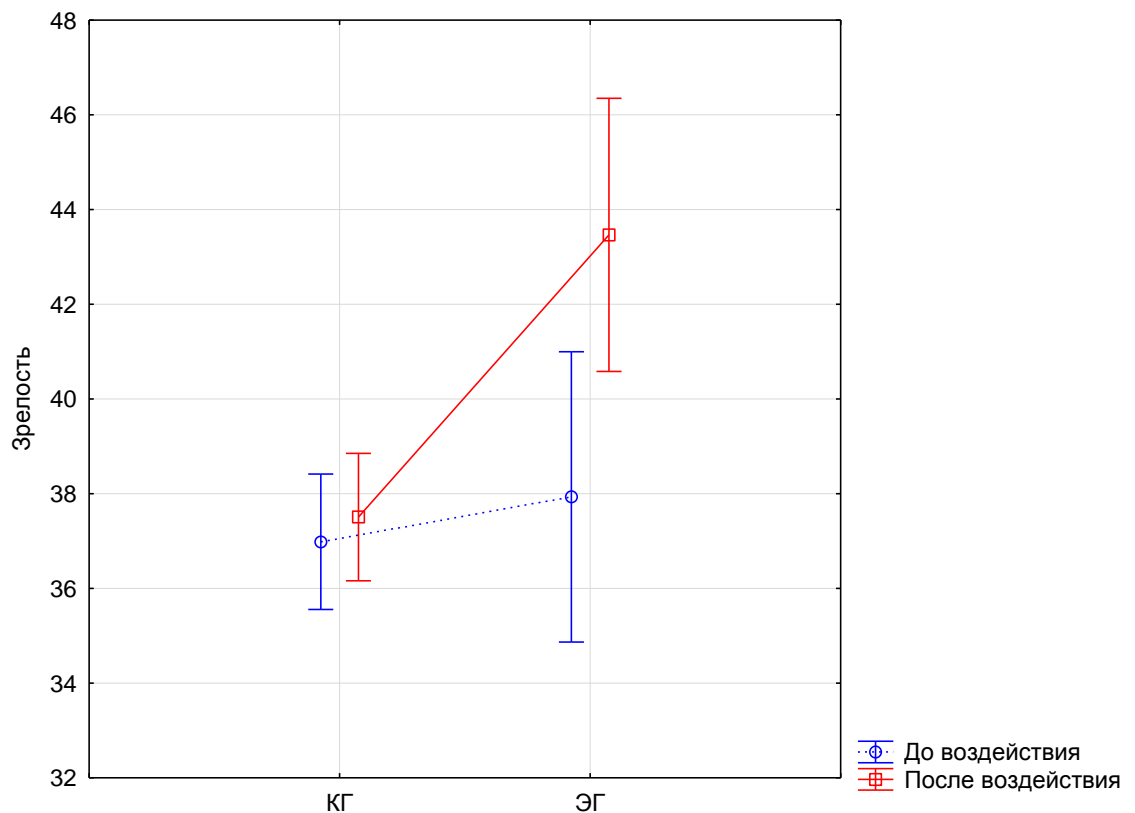

Рисунок 5.1.4. – Дисперсионный анализ с повторными измерениями по параметру зрелость

Таким образом, после экспериментального воздействия все параметры, описывающие становление предпосылок психологической готовности к отцовству в данном возрасте, включая интегральный показатель, стали выше, что указывает на изменение стратегии отцовства дошкольников в сторону большей конструктивности, говорит о том, что даже опосредованное через родителей воздействие оказалось значимым для становления психологической готовности к отцовству в данном возрасте и согласуется с нашими теоретическими положениями о возможности сопровождения становления психологической готовности к отцовству, начиная с дошкольного возраста.

Материалы данного параграфа опубликованы автором в следующей статье [86, с. 65-71].

5.2. Особенности формирования предпосылок психологической готовности к отцовству у младших школьников

На формирующем этапе исследования в работе приняли участие 45 мальчиков младшего школьного возраста. (21 человек экспериментальная группа и 24 человека – контрольная группа). Семьи детей экспериментальной группы (21 семья) участвовали в работе по созданию благоприятной для формирования конструктивных стратегий отцовства семейно-образовательной среды в разное время в период с сентября 2014 по апрель 2017. Дети экспериментальной группы являются учащимися ЧОУ Православная гимназия г. Кемерово, а также клиентами Муниципального казенного учреждения «Топкинский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних» г. Топки Кемеровской области; дети контрольной группы являются учащимися МБОУ СОШ № 92 «Средняя общеобразовательная школа № 92 с углубленным изучением предметов». Уровневые характеристики выборки, состоявшей из 45 детей младшего школьного возраста, представлены в Таблице 3.3.1 (Приложение 2) и подробно проанализированы в параграфе 3.3.

В качестве модельной группы для отслеживания специфики становления психологической готовности к отцовству у детей младшего школьного возраста в различных семьях нами были выбраны дети, чьи семьи отражают наиболее важные условия становления психологической готовности к отцовству, описанные нами в теоретической части, отличаются по специфичным для исследуемого феномена характеристикам: полная семья, участие отца в жизни ребенка, наличие гендерной стратификации семейных ролей, гендерное воспитание в семье, внимание к воспитанию ответственности и ценностной сферы личности ребенка с дошкольного периода, согласующаяся с этими параметрами образовательная среда. Таким образом, в качестве экспериментальной группы нами были выбраны некоторые учащиеся 2-3 классов ЧОУ Православная

гимназия г. Кемерово в силу специфики традиционного воспитания в семьях и наличия дополняющего воспитательного воздействия образовательного учреждения, направленного на создание благоприятной для становления психологической готовности к отцовству образовательной среды.

Уровневые характеристики экспериментальной выборки, состоявшей из 21 ребенка младшего школьного возраста, представлены в Таблице 5.2.1. (Приложение 2), из которой видно, что наибольшей дисперсией характеризуются данные, полученные по шкалам методики диагностики личностного роста, описывающих отношение к семье и к миру, гендерной самооценки и нравственных норм, что свидетельствует о высокой индивидуальности результатов, наименьшей дисперсией характеризуются шкалы гендерных установок детей, являющиеся более однородными. Средний возраст детей 9,4 года. Сравнение результатов данного исследования со статистическими нормами говорит, что средние и стандартные отклонения данных находятся в рамках статистических норм. Таким образом, можно говорить, что наша выборка не обладает какими-либо специфическими особенностями по сравнению с другими детьми того же возраста, следовательно, мы можем проводить дальнейший анализ результатов, полученных от данной выборки детей. Среднее и медиана по показателю опроснику «Распределение ролей в семье» (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская) практически совпадают, близки по результатам оценки гендерных установок детей (1,9 и 2 соответственно) и нравственной мотивации поведения (2,9 и 3 соответственно) и гендерной оценки отца (4,6 и 4,8 соответственно).

В качестве контрольной группы были выбраны учащиеся из обычных семей МБОУ СОШ № 92 «Средняя общеобразовательная школа № 92 с углубленным изучением предметов». Уровневые характеристики выборки, состоявшей из 24 детей младшего школьного возраста, представлены в Таблице 5.2.2. (Приложение 2), из которой видно, что наибольшей дисперсией характеризуются данные, полученные по шкалам методики диагностики личностного роста, описывающих отношение к семье и к миру, гендерной оценки отца и нравственных норм, что

свидетельствует о высокой индивидуальности результатов, наименьшей дисперсией характеризуются шкалы гендерных установок детей, являющиеся более однородными. Средний возраст детей 10,7 лет. Сравнение результатов данного исследования со статистическими нормами говорит, что средние и стандартные отклонения данных находятся в рамках статистических норм. Таким образом, можно говорить, что наша выборка не обладает какими-либо специфическими особенностями по сравнению с другими детьми того же возраста, следовательно, мы можем проводить дальнейший анализ результатов, полученных от данной выборки детей. Среднее и медиана по показателю опроснику «Распределение ролей в семье» (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская) практически совпадают, близки по результатам оценки гендерных установок детей (1,8 и 1,9 соответственно) и гендерной самооценки (3,4 и 3,2 соответственно). Проверка данных экспериментальной и контрольной групп по критерию Фишера при уровне значимости равном 0,05 показала, что дисперсии обеих групп различаются незначимо. Все исследуемые нами параметры подчиняются нормальному закону распределения (по критерию Колмогорова-Смирнова).

Таблица 5.2.3. – Результаты сравнения детей младшего школьного возраста из экспериментальной и контрольной групп по критерию Стьюдента*

Параметры	Среднее КГ	Среднее ЭГ	t-знач.	P	Ст.откл. КГ	Ст.откл. ЭГ
Гендерные установки	1,87	1,97	0,02	0,05	0,21	0,08
Гендерная оценка отца	3,89	4,69	0,53	0,02	1,39	0,42
Нравственная мотивация поведения	1,79	2,95	0,16	0,00	1,28	1,16
Ответственность	3,42	4,38	3,19	0,00	0,93	0,86
Отношение к семье	9,58	15,14	2,31	0,03	9,17	6,56
Отношение к миру	13,88	20,33	3,13	0,00	7,72	5,82
Отношение к труду	14,75	20,43	3,63	0,00	5,67	4,68
Отношение к человеку	14,79	19,24	2,59	0,01	6,42	4,88
Телесное Я	9,50	16,43	2,77	0,01	9,12	7,39
Душевное Я	9,42	15,67	2,62	0,01	8,94	6,72

* представлены только значимые различия

Сравнение данных экспериментальной и контрольной групп по t-критерию Стьюдента, показало, что группы различаются по следующим показателям: гендерные установки, гендерная оценка отца, нравственные установки, ответственность, отношение к семье, отношение к миру, отношение к труду, отношение к человеку, телесное Я и душевное Я (Таблица 5.2.3.).

Таким образом, дети из экспериментальной и контрольной групп отличаются по всем параметрам, описывающим предпосылки психологической готовности к отцовству.

Сравнение данных экспериментальной и контрольной групп по интегральному показателю по t-критерию Стьюдента, показало, что группы различаются по показателям: аксиологического, рефлексивно-регулятивного и праксиологического компонентов и интегральному показателю (Таблица 5.2.4.).

Таблица 5.2.4. – Результаты сравнения детей младшего школьного возраста из экспериментальной и контрольной групп по интегральному показателю по критерию Стьюдента

Параметры	Среднее КГ	Среднее ЭГ	t-знач.	p	Ст.о ткл. КГ	Ст.о ткл. ЭГ
Праксиологический компонент*	0,68	0,88	0,59	0,00	0,19	0,17
Аксиологический компонент*	0,52	0,73	0,33	0,00	0,13	0,14
Рефлексивно-регулятивный компонент *	0,43	0,61	0,20	0,00	0,16	0,12
Интегральный показатель *	0,61	0,78	0,31	0,00	0,11	0,10

* отмечены значимые различия

Таким образом, специально-организованные семейно-образовательные условия взаимосвязаны с повышением интегрального показателя оптимальности стратегии отцовства и аксиологического, рефлексивно-регулятивного и праксиологического его компонентов.

Однофакторный дисперсионный анализ, предпринятый для уточнения гипотезы, подтверждает полученные результаты. Сравнение по показателю гендерных установок детей представлено на Рисунке 5.2.1.

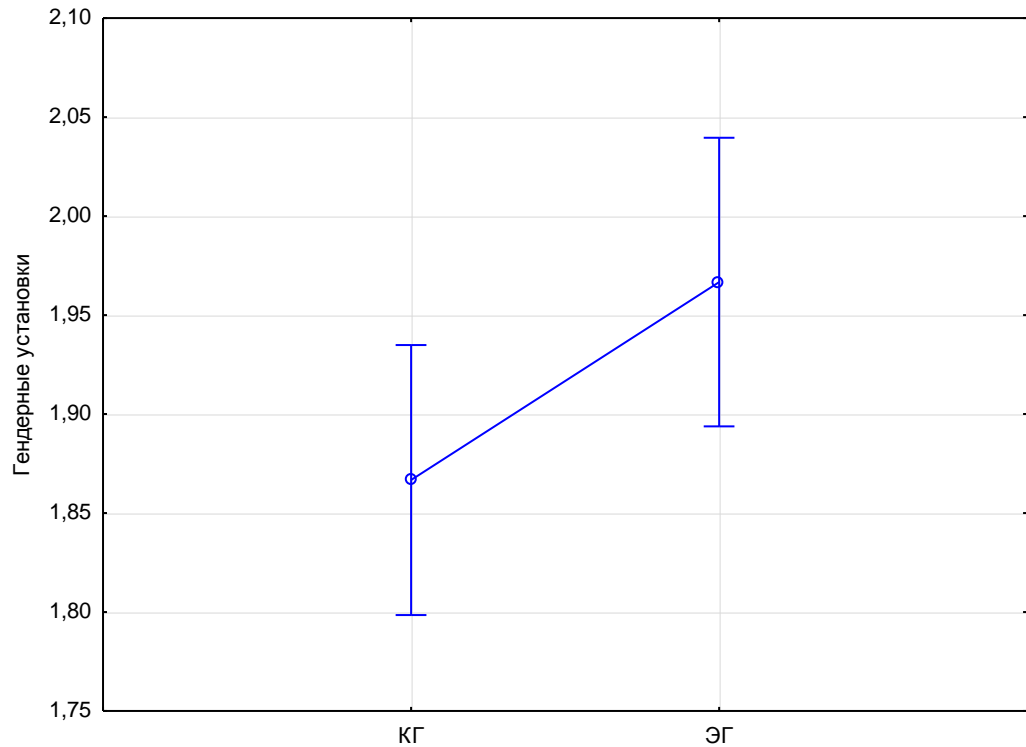

Рисунок 5.2.1. – Сравнение гендерных установок детей экспериментальной и контрольной групп

Таким образом, у детей экспериментальной группы наблюдаются более четкие гендерные установки.

Сравнение по показателю гендерной самооценки и оценки отца дополняют эти данные (Рисунок 5.2.2.), показывает, что дети экспериментальной группы при более четких установках оценивают себя по гендерным качествам выше, чем дети контрольной группы.

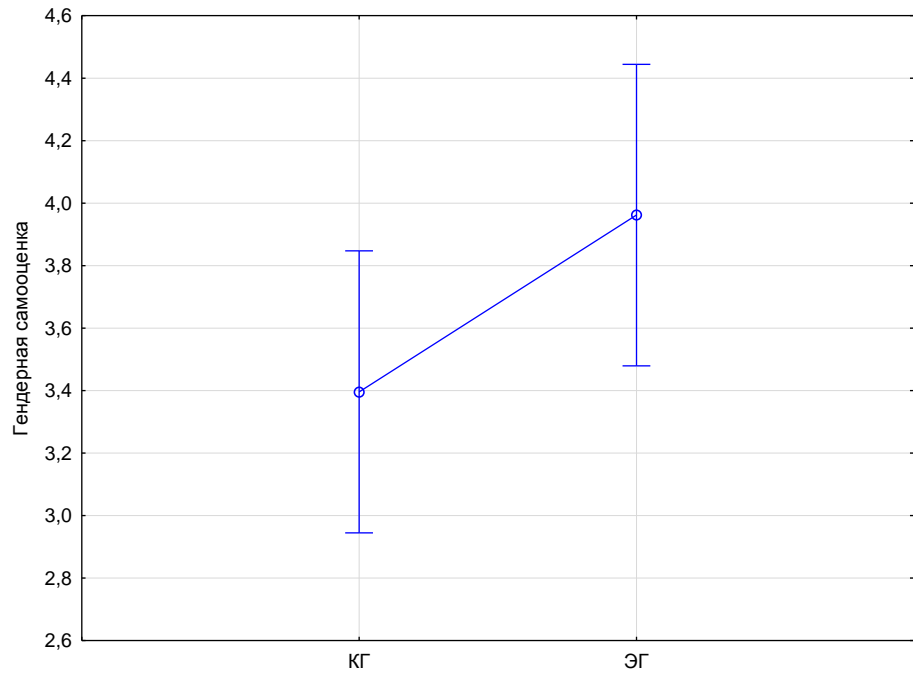

Рисунок 5.2.2. – Сравнение гендерной самооценки детей экспериментальной и контрольной групп

Они также оценивают своего отца по гендерным качествам выше, чем дети контрольной группы (Рисунок 5.2.3.).

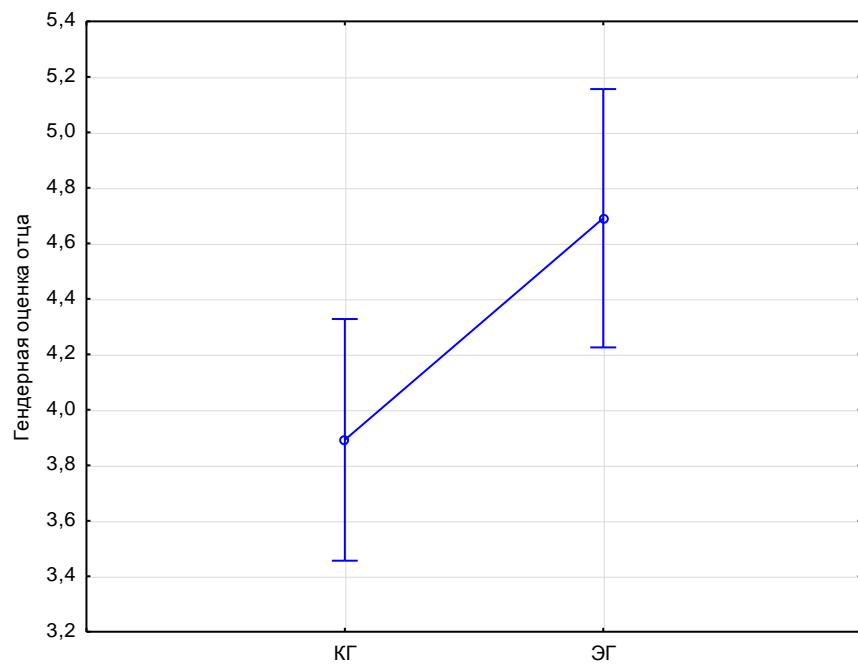

Рисунок 5.2.3. – Сравнение гендерной оценки отца детьми экспериментальной и контрольной групп

Интересно, что дети экспериментальной группы демонстрируют более высокие, чем у детей контрольной группы, результаты по оценке роли отца в таких внутрисемейных сферах, как: воспитание детей, эмоциональный климат, семейная культура, но немного ниже по параметру материальная сфера (Рисунок 5.24.).

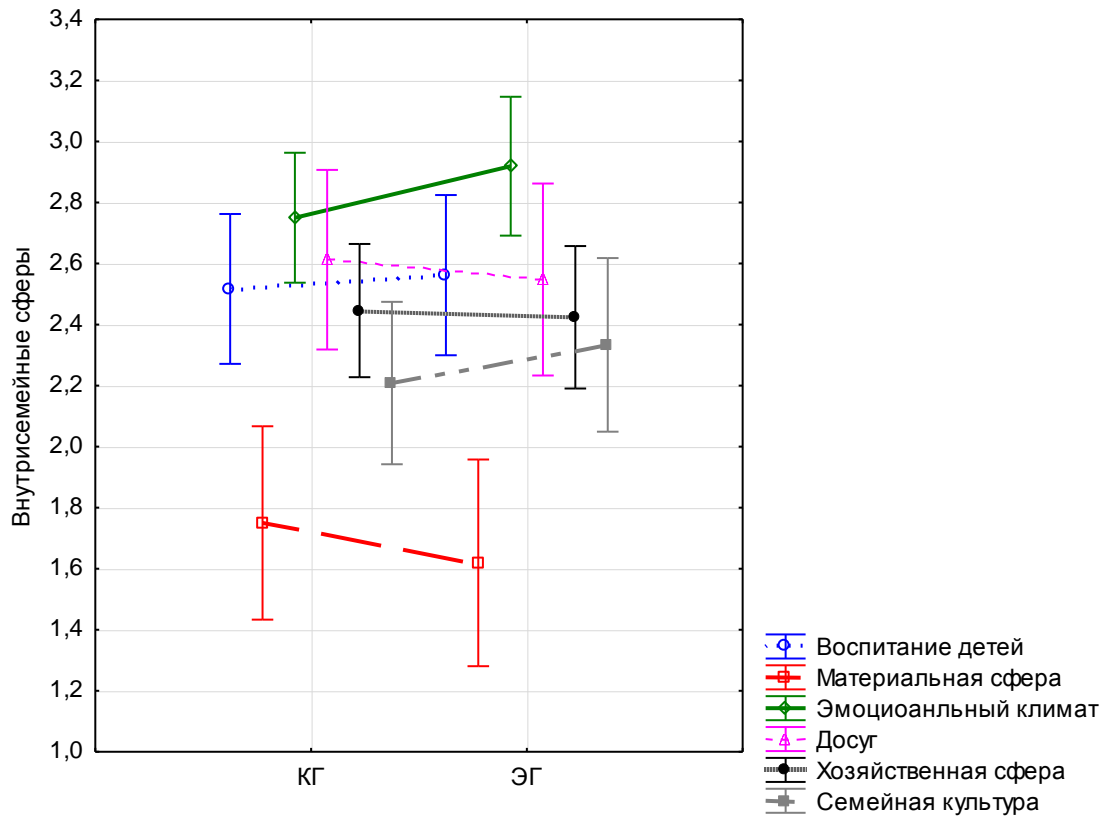

Рисунок 5.2.4. – Сравнение оценки роли отца детьми экспериментальной и контрольной групп

Более наглядно эти данные представлены на отдельных графиках (Рисунки 5.2.5-5.2.8.)

Так, дети экспериментальной группы немного выше оценивают роль отца в воспитании детей (Рисунок 5.2.5).

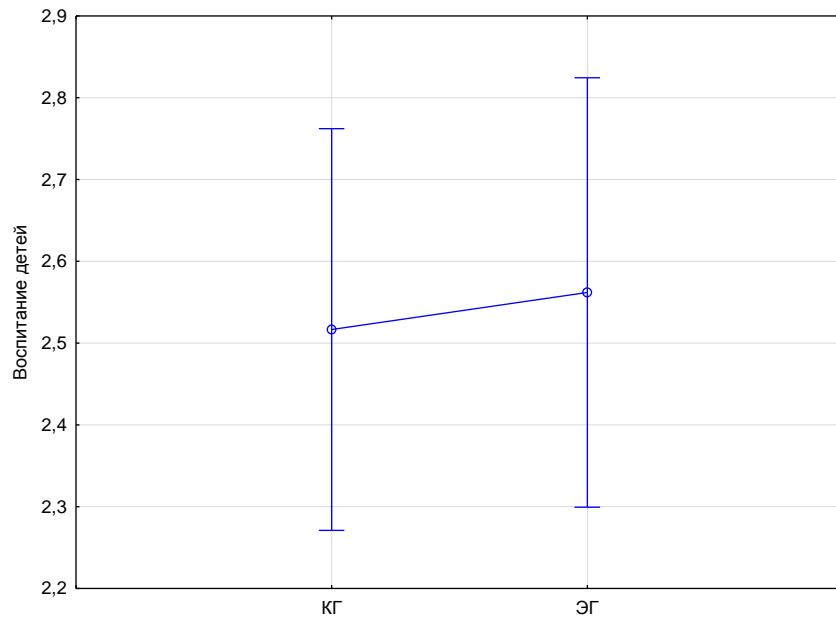

Рисунок 5.2.5. – Сравнение оценки роли отца в воспитании детей детьми экспериментальной и контрольной групп

Но при этом дети экспериментальной группы намного выше оценивают роль отца в создании и поддержании эмоционального климата в семье (Рисунок 5.2.6).

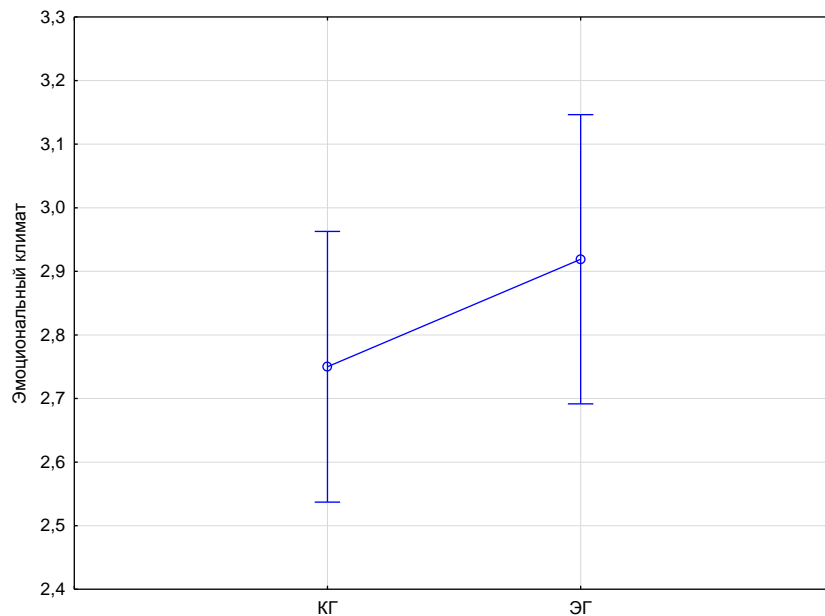

Рисунок 5.2.6. – Сравнение оценки роли отца в эмоциональном климате семьи детьми экспериментальной и контрольной групп

Они также выше, чем дети контрольной группы, оценивают роль отца в семейной культуре (Рисунок 5.2.7.).

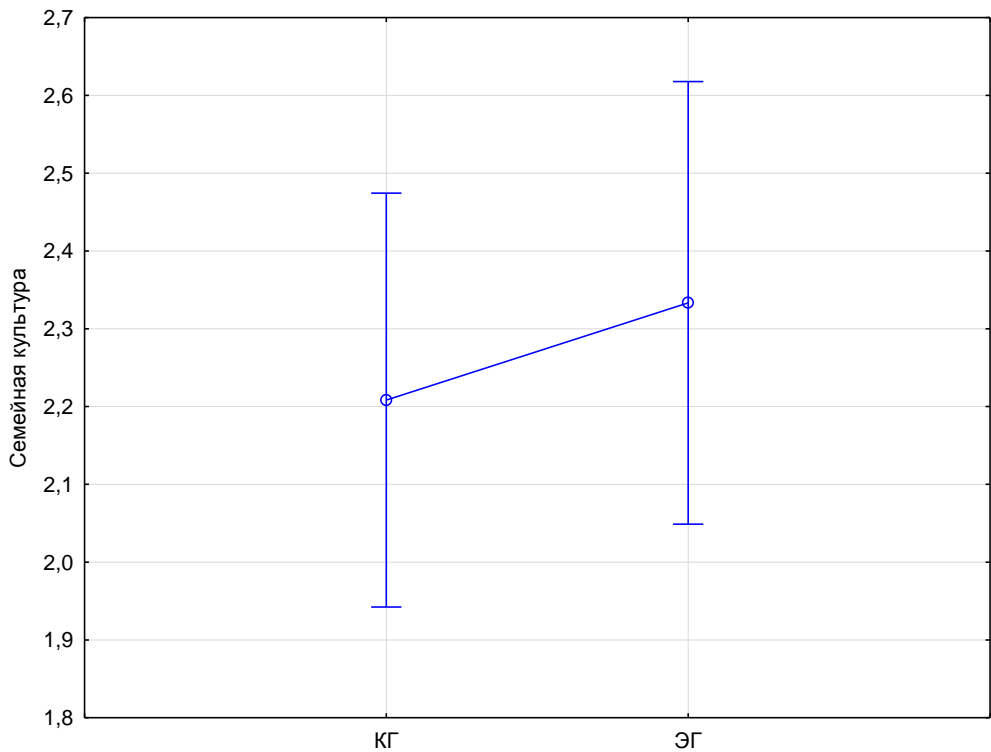

Рисунок 5.2.7. – Сравнение оценки роли отца в семейной культуре детьми экспериментальной и контрольной групп

То есть, дети экспериментальной группы видят многогранность отцовских функций в семье и не ограничивают их только материальной сферой, что заметно при сравнении оценки роли отца в этой сфере детьми экспериментальной и контрольной групп. Дети экспериментальной группы имеют более низкие показатели по этому параметру (Рисунок 5.2.8.).

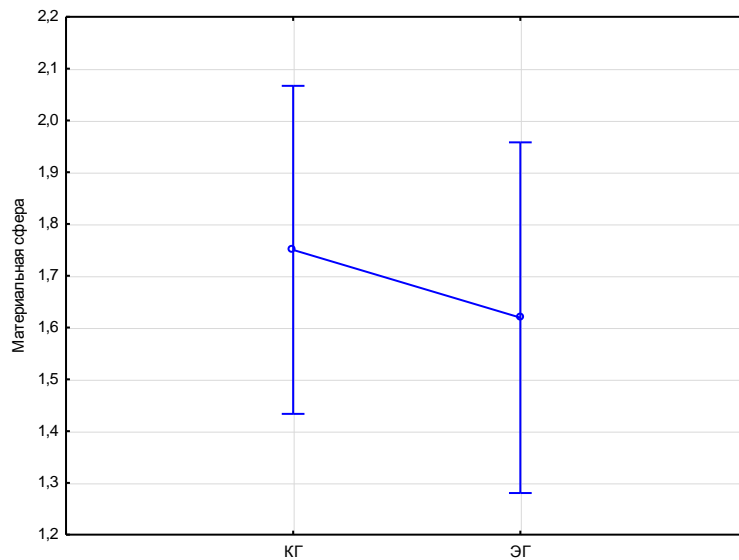

Рисунок 5.2.8. – Сравнение оценки роли отца в материальной сфере семьи детьми экспериментальной и контрольной групп

Данный результат является достаточно интересным в силу того, что семьи экспериментальной группы чаще всего имеют традиционное распределение ролей, где отец отвечает за материальную сферу больше, чем мать. Возможно, эти результаты связаны с влиянием религиозности семьи на оценку материальной сферы. Кроме отличий в гендерных оценках дети экспериментальной и контрольной группы отличаются также более высокими результатами по параметрам нравственной мотивации поведения и ответственности (Рисунок 5.2.9.).

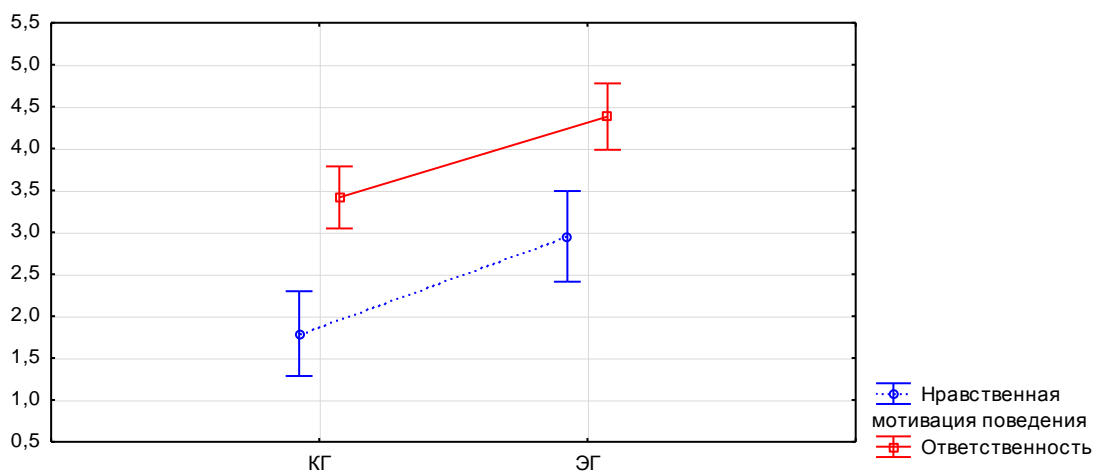

Рисунок 5.2.9. – Сравнение параметров ответственности и нравственной мотивации поведения детей экспериментальной и контрольной групп

По шкалам методики оценки личностной зрелости по параметрам: отношение к семье (позитивное отношение к семье, ценность семьи), отношение к миру (пацифизм), отношение к труду (трудолюбие) и к человеку (ценность человека), а также телесное Я (здоровый образ жизни) и душевное Я (принятие себя) также имеются значимые различия между детьми экспериментальной и контрольной группы (Рисунок 5.2.10.). Дети экспериментальной группы демонстрируют более высокие результаты по данным шкалам.

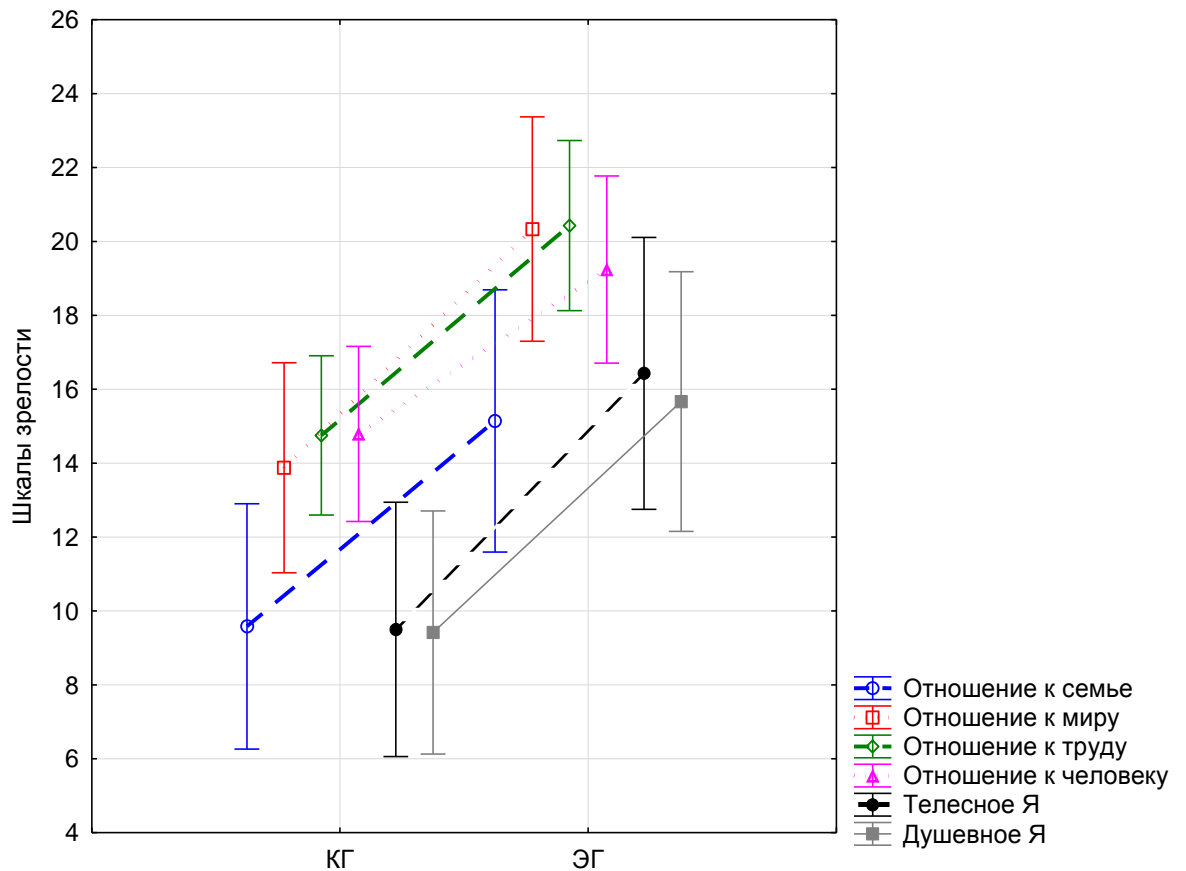

Рисунок 5.2.10. – Сравнение параметров зрелости детей экспериментальной и контрольной групп

Если мы сравним распределение детей экспериментальной и контрольной групп по выделенным нами на констатирующем этапе исследования кластерам, то получим, что дети из контрольной группы, в основном, относятся к первому кластеру (35%), демонстрируя низкие показатели по всем методикам, дети экспериментальной группы в основном (46%) относятся ко второму кластеру,

который определен нами, как связанный с высокими результатами по всем параметрам (Таблица 5.2.5).

Таблица 5.2.5. – Распределение испытуемых контрольной и экспериментальной групп по кластерам для выборки младших школьников

	Группа	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Всего
Частота	КГ	16	3	5	24
Всего процент		35,56%	6,67%	11,11%	53,33%
Частота	ЭГ	0	21	0	21
Всего процент		0,00%	46,67%	0,00%	46,67%
Частота	Всего	16	24	5	45
Всего процент		35,56%	53,33%	11,11%	

Предпринятый нами для полноты анализа корреляционный анализ отдельно по группам показал наличие взаимосвязей следующих параметров у контрольной группы: отрицательно связаны гендерные установки и нравственная мотивация поведения ($r=-0,46$), гендерная самооценка и отношение к знаниям ($r=-0,44$), нравственная мотивация поведения и отношение к миру ($r=-0,41$), нравственная мотивация поведения и ответственность ($r=-0,42$), гендерная оценка отца и телесное Я ($r=-0,41$); положительно связаны гендерные установки и отношение к миру ($r=0,44$), гендерные установки и отношение к человеку ($r=0,44$), гендерная самооценка и гендерная оценка отца ($r=0,47$), нравственная мотивация поведения и отношение к человеку ($r=0,48$), нравственная мотивация поведения и отношение к труду ($r=0,42$), отношение к семье и телесное Я ($r=0,98$), отношение к семье и душевное Я ($r=0,99$) телесное Я и душевное Я ($r=0,97$) отношение к миру и отношение к труду ($r=0,91$), отношение к миру и отношение к человеку ($r=0,95$) (Таблица 5.2.6).

Таблица 5.2.6. – Взаимосвязи внутри параметров стратегии отцовства у детей контрольной группы

Взаимосвязанные параметры		Коэффициент корреляции*
Гендерные установки	Нравственная мотивация поведения	-0,46
Гендерные установки	Отношение к миру	0,44
Гендерные установки	Отношение к человеку	0,44
Гендерная самооценка	Гендерная оценка отца	0,47
Гендерная самооценка	Отношение к знаниям	-0,44
Гендерная оценка отца	Телесное Я	-0,41
Нравственная мотивация поведения	Ответственность	-0,42
Нравственная мотивация поведения	Отношение к миру	-0,41
Нравственная мотивация поведения	Отношение к человеку	0,48
Нравственная мотивация поведения	Отношение к труду	0,42
Отношение к семье	Телесное Я	0,98
Отношение к семье	Душевное Я	0,99
Телесное Я	Душевное Я	0,97
Отношение к миру	Отношение к труду	0,91
Отношение к миру	Отношение к человеку	0,95

* представлены только значимые при $p \leq 0,05$ связи

Для экспериментальной группы наблюдается наличие взаимосвязей следующих параметров: гендерные установки и гендерная самооценка ($r=0,45$), нравственная мотивация поведения и отношение к знаниям ($r=0,46$), отношение к семье и телесное Я ($r=0,83$), отношение к семье и душевное Я ($r=0,95$), телесное Я и душевное Я ($r=0,88$), отношение к миру и отношение к труду ($r=0,81$), отношение к миру и отношение к человеку ($r=0,76$), отношение к труду и отношение к человеку ($r=0,79$) (Таблица 5.2.7).

Таблица 5.2.7. – Взаимосвязи внутри параметров стратегии отцовства у детей контрольной группы

Взаимосвязанные параметры		Коэффициент корреляции*
Гендерные установки	Гендерная самооценка	0,45
Нравственная мотивация поведения	Отношение к знаниям	0,46
Отношение к семье	Телесное Я	0,83
Отношение к семье	Душевное Я	0,95
Телесное Я	Душевное Я	0,88
Отношение к миру	Отношение к труду	0,81
Отношение к миру	Отношение к человеку	0,76
Отношение к труду	Отношение к человеку	0,79

* представлены только значимые при $p \leq 0,05$ связи

Примечательно, что у детей контрольной группы взаимосвязей больше, но при этом они имеют различный знак, что говорит о несогласованности параметров, так отрицательно взаимосвязаны гендерные установки и нравственная мотивация поведения, что указывает на сложности с установлением положительной модели мужского поведения (получается, что у этих детей маскулинность связана с свободой от нравственных норм), гендерная самооценка и отношение к знаниям (получается, что для детей оценивающих себя выше по гендеру, характерно отрицательное отношение к знаниям, что согласуется с другими исследованиями маскулинности, но также указывает на сложности с установлением положительной модели мужского поведения), на это же указывает и отрицательная связь гендерной оценки отца и телесного Я (чем выше ребенок оценивает своего отца по гендеру, тем ниже у него показатели, характеризующие внимание к своему здоровью и здоровому образу жизни); то есть, в контрольной группе присутствует отрицательная модель мужского поведения. Отрицательная взаимосвязь нравственной мотивации поведения и отношения к миру и, особенно,

ответственности четко указывает на рассогласование параметров стратегии отцовства у контрольной группы.

Положительно связаны гендерные установки и отношение к миру и к человеку (получается, что у контрольной группы гендерный аспект наиболее заострен, что возможно связано с определенными несогласованностями в гендерной модели), гендерная самооценка и гендерная оценка отца, чего не наблюдается у экспериментальной группы, нравственная мотивация поведения и отношение к человеку и к труду, отношение к труду и отношение к человеку.

Взаимосвязей у экспериментальной группы намного меньше, но они все положительны. Прямо взаимосвязаны гендерные установки и гендерная самооценка, что указывает на наличие и согласованность критериев гендерной оценки. Нравственная мотивация поведения связана с отношением к знаниям, что определяется ведущей ролью учебной деятельности у младших школьников.

Наблюдаются также одинаковые для двух групп связи, различающиеся только коэффициентом корреляции. Так, отношение к миру связано с отношением к труду и человеку у обеих групп, также у обеих групп отношение к семье взаимосвязано с телесным Я и душевным Я, которые в свою очередь взаимосвязаны между собой, то есть ценность семьи и принятие семейных ценностей связаны с положительным отношением к своему здоровью и принятием себя, которые взаимосвязаны между собой в младшем школьном возрасте.

Таким образом, в экспериментальной группе все параметры, описывающие предпосылки психологическую готовность к отцовству в данном возрасте, включая интегральный показатель, выше, что указывает на изменение психологической готовности к отцовству в сторону большей конструктивности в определенных семейно-образовательных условиях и согласуется с нашими теоретическими положениями о возможности психолого-образовательного сопровождения становления психологической готовности к отцовству в младшем школьном возрасте. Материалы данного параграфа опубликованы автором в следующей статье [87, с. 23-33].

5.3. Психолого-педагогическое сопровождение становления психологической готовности к отцовству у подростков и юношей

На формирующем этапе исследования, проходившем в 2016 году, в работе приняли участие 39 испытуемых подросткового и юношеского возраста (15 человек – экспериментальная группа и 24 контрольная группа). Подростки экспериментальной группы участвовали в лонгитюдном исследовании, проходившем с марта по октябрь 2016 года.

Обе группы были уравнены по возрасту (средний возраст экспериментальной группы – 16,5, контрольной – 16,4 года) и социальным характеристикам. Экспериментальное воздействие составляло прохождение в течение двух месяцев специально разработанного нами тренингового курса, направленного на интернализацию смысла отцовства, принятие роли отца и формировании конструктивных стратегий отцовства.

Для контрольной группы эти срезы совпадали по времени с обследованием экспериментальной группы.

Данные, полученные в результате этих обследований, были подвергнуты статистической обработке. Подростки и юноши экспериментальной группы являлись учащимися МБОУ СОШ №№ 10, 62, 92 г. Кемерово, МБОУ СОШ №№ 8 г. Топки, Кемеровской области и студентами 1-2 курсов ФГБУ ВО «Кемеровский государственный университет» и ФГБУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф.Горбачева», подростки контрольной группы являются учащимися МБОУ СОШ № 92 «Средняя общеобразовательная школа № 92 с углублённым изучением предметов».

Тренинговая программа была разработана в трех вариантах для юношей и для мужчин в период взрослости, имеющих и не имеющих детей, и включала в себя теоретическую и практическую части. Различие в работе с тремя типами групп было связано с возрастными и статусными особенностями групп: то есть

для подростков и юношей акцент был сфокусирован на обозначении отцовства, рефлексии отношений с собственным отцом и возможным будущем собственном отцовстве; для мужчин, не имеющих детей в период ранней взрослости на актуальных отношениях с противоположным полом, отношениях с собственным отцом и будущем (планируемом) отцовстве; для мужчин-отцов – на отношениях с супругой, ребенком и рефлексии отношений с отцом. В теоретическом курсе излагались постулаты детской, мужской и семейной психологии и психологии развития, данные о развитии ребенка, о влиянии отца на развитие ребенка, специфических функций и роли отца в жизни ребенка и в семье, а также данные взаимосвязи мужской гендерной идентичности и отцовства. Собственно практическая часть включала в себя упражнения на принятие ответственности и гендерной роли на различных уровнях: когнитивном, поведенческом и саморегулятивном (эмоциональном и мотивационном).

Согласно нашему предположению одним из эффектов положительной динамики в сторону повышения психологической готовности к отцовству можно рассматривать повышение ответственности, интернальности, осмысленности в отношениях (Шкала интернальности в области межличностных отношений (УСК), Шкала интернальности в отношении здоровья и болезни (УСК), Шкала интернальности в семейных отношениях (УСК), Общая осмысленность жизни (СЖО)).

Уровневые характеристики экспериментальной выборки, состоявшей из 15 испытуемых, представлены в Таблице 5.3.1. (Приложение 3), из которой видно, что наибольшей дисперсией характеризуются данные, полученные по шкалам методикам диагностики личностного роста и ценностей, что свидетельствует о высокой индивидуальности результатов, наименьшей дисперсией характеризуются данные по шкале «Чувство гражданского долга», являющиеся более однородными. Средний возраст испытуемых составил 16,5 лет.

Уровневые характеристики контрольной группы, состоявшей из 24 испытуемых, представлены в Таблице 5.3.2. (Приложение 3), из которой видно, что наибольшей дисперсией характеризуются данные, полученные по шкалам

методики ОРИ Дж.Плека, что свидетельствует о высокой индивидуальности результатов, наименьшей дисперсией характеризуются шкалы, описывающей роль отца в воспитании детей и ценность семейной сферы жизни, являющиеся более однородными. Средний возраст детей 16,0 лет.

Сравнение результатов данного исследования со статистическими нормами говорит, что средние и стандартные отклонения данных находятся в рамках статистических норм. Таким образом, можно говорить, что наша выборка не обладает какими-либо специфическими особенностями по сравнению с другими испытуемыми того же возраста, следовательно, мы можем проводить дальнейший анализ результатов, полученных от данной выборки.

Сравнение групп по t-критерию Стьюдента по всем параметрам, включая интегральный показатель, до воздействия различий между группами не выявило. Описательные статистики данных экспериментальной и контрольной групп после воздействия представлены в Таблицах 5.3.3 и 5.3.4 соответственно (Приложение 3).

Таблица 5.3.6. – Результаты сравнения экспериментальной и контрольной групп по интегральному показателю после воздействия по t-критерию Стьюдента

Параметры	Среднее ЭГ	Среднее КГ	t- знач.	p	Ст. откл. ЭГ	Ст. откл. КГ
Рефлексивно-регулятивный компонент *	0,64	0,49	0,53	0,00	0,08	0,05
Аксиологический компонент	0,69	0,68	0,83	0,41	0,06	0,05
Праксиологический компонент *	0,80	0,68	0,52	0,00	0,08	0,13
Интегральный показатель *	0,72	0,63	0,02	0,00	0,04	0,07

* отмечены значимые при $p \leq 0,05$ отличия

Сравнение групп по t-критерию Стьюдента после воздействия показало, что появились различия по следующим параметрам: ответственность, зрелость, мотивация достижений, чувство гражданского долга, отношение к своему «Я»

(«Я» - концепция), жизненная установка, способность к психологической близости с другим человеком, шкала родительской идентичности в роли кормильца, ценности высокого материального положения, развития себя, сферы обучения и образования и сферы семейной жизни (Таблица 5.3.5 в Приложении 3).

Сравнение групп после воздействия по t-критерию Стьюдента по параметрам интегрального показателя показало отличие по следующим параметрам: рефлексивно-регулятивный и психологический компоненты и интегральный показатель психологической готовности к отцовству (Таблица 5.3.6).

Таким образом, в экспериментальной группе все параметры, описывающие стратегию отцовства в данном возрасте, включая интегральный показатель, стали выше, что указывает на изменение стратегии отцовства в сторону большей конструктивности после экспериментального воздействия и согласуется с нашими теоретическими положениями о возможности формирования конструктивной стратегии отцовства в рамках психологического тренинга.

Предпринятый нами для полноты анализа корреляционный анализ отдельно по группам показал наличие отрицательных взаимосвязей следующих параметров у контрольной группы: зрелость и материальный фактор ($r=-0,36$), зрелость и досуг ($r=0,34$), зрелость и высокое материальное положение ($r=0,31$), мотивация достижений и ценность высокого материального положения ($r=0,47$), чувство гражданского долга и шкала родительской идентичности в роли кормильца ($r=0,30$), чувство гражданского долга и ценность креативности ($r=-0,35$), отношение к своему «я» и воспитание детей ($r=-0,30$), отношение к своему «я» и ценность активных социальных контактов ($r=-0,30$), отношение к своему «я» и ценность сохранения собственной индивидуальности ($r=-0,33$), жизненная установка и ценность собственного престижа ($r=-0,30$), жизненная установка и ценность креативности ($r=-0,38$).

Взаимосвязи внутри параметров готовности к отцовству у контрольной группы представлены в Таблице 5.3.7.

Таблица 5.3.7. – Взаимосвязи внутри параметров готовности к отцовству у контрольной группы

Взаимосвязанные параметры		Коэффициент корреляции*
Зрелость	Материальный фактор	-0,36
Зрелость	Досуг	0,34
Зрелость	Высокое материальное положение	0,31
Мотивация достижений	Высокое материальное положение	0,47
Чувство гражданского долга	Шкала родительской идентичности в роли кормильца	0,30
Чувство гражданского долга	Креативность	-0,35
Отношение к своему «Я»	Воспитание детей	-0,30
Отношение к своему «Я»	Активные социальные контакты	-0,30
Отношение к своему «Я»	Сохранение собственной индивидуальности	-0,33
Жизненная установка	Собственный престиж	-0,30
Жизненная установка	Креативность	-0,38
Жизненная установка	Достижения	0,34
Жизненная установка	Сохранение собственной индивидуальности	-0,37
Способность к психологической близости с другим человеком	Развитие себя	0,32
Способность к психологической близости с другим человеком	Активные социальные контакты	0,31
Воспитание детей	Материальный фактор	-0,38
Воспитание детей	Эмоциональный климат	-0,40
Воспитание детей	Собственный престиж	0,35
Воспитание детей	Сфера обучения и образования	0,36
Воспитание детей	Сфера общественной жизни	-0,35
Материальный фактор	Семейная культура	0,32
Материальный фактор	Шкала родительской идентичности в роли кормильца	0,38
Эмоциональный климат	Досуг	0,39
Эмоциональный климат	Хозяйственная сфера	0,47
Эмоциональный климат	Семейная культура	-0,42
Эмоциональный климат	Гендерная самооценка	-0,31
Эмоциональный климат	Достижения	0,40
Гендерные установки	Высокое материальное положение	-0,34
Гендерная самооценка	Эмоциональный климат	-0,31
Гендерная самооценка	Семейная культура	0,43
Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком	Сфера профессиональной жизни	0,30
Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком	Возраст	0,30

* представлены только значимые при $p \leq 0,05$ связи

Кроме того, положительно связаны: жизненная установка и ценность достижений ($r=0,34$), жизненная установка и ценность сохранения собственной индивидуальности ($r=-0,37$), способность к психологической близости с другим человеком и ценность развития себя ($r=0,32$), способность к психологической близости с другим человеком и ценность активных социальных контактов ($r=0,31$), воспитание детей и материальный фактор ($r=-0,38$), воспитание детей и эмоциональный климат ($r=-0,40$), воспитание детей и ценность собственного престижа ($r=0,35$), воспитание детей и ценность сферы обучения и образования ($r=0,36$), воспитание детей и ценность сферы общественной жизни ($r=-0,35$), материальный фактор и семейная культура ($r=0,32$), материальный фактор и шкала родительской идентичности в роли кормильца ($r=0,38$), эмоциональный климат и досуг ($r=0,39$), эмоциональный климат и хозяйственная сфера ($r=0,47$), эмоциональный климат и семейная культура ($r=-0,42$), эмоциональный климат и гендерная самооценка ($r=-0,31$), эмоциональный климат и ценность достижений ($r=0,40$), гендерные установки и ценность высокого материального положения ($r=-0,34$), гендерная самооценка и эмоциональный климат ($r=-0,31$), гендерная самооценка и семейная культура ($r=0,43$), шкала родительской идентичности в уходе за ребенком и ценность сферы профессиональной жизни ($r=0,30$), шкала родительской идентичности в уходе за ребенком и возраст ($r=0,30$).

Анализ данных взаимосвязей позволяет определить, что среди них большинство связей обратные. Так, отрицательно связаны параметры: зрелость и материальный фактор, чувство гражданского долга и ценность креативности, отношение к своему «я» и роль отца в воспитании детей, отношение к своему «я» и ценность активных социальных контактов, отношение к своему «я» и ценность сохранения собственной индивидуальности, жизненная установка и ценность собственного престижа, жизненная установка и ценность креативности, жизненная установка и ценность сохранения собственной индивидуальности, роль отца в воспитании детей и роль отца в создании эмоционального климата, роль отца в воспитании детей и ценность сферы общественной жизни, роль отца в материальном состоянии семьи и роль отца в воспитании детей, роль отца в

создании эмоционального климата и роль отца в создании семейной культуры, роль отца в создании эмоционального климата и гендерная самооценка, гендерные установки и ценность высокого материального положения, гендерная самооценка и эмоциональный климат семьи. Эти данные отличаются внутренней противоречивостью, но при этом согласуются с данными, полученными на выборке младших школьников, и также говорят о наличии некоторой рассогласованности внутри стратегии отцовства в подростковом и юношеском возрасте.

Однако у испытуемых подросткового и юношеского возраста наблюдаются также и значительное количество положительных связей, которые обладают внутренней согласованностью, что указывает на более высокий уровень формирования стратегии отцовства у подростков и юношей контрольной группы по сравнению с младшими школьниками контрольной группы, что согласуется с нашими теоретическими положениями. Положительно связаны параметры: зрелость и роль отца в организации досуга, зрелость и ценность высокого материального положения, мотивация достижений и ценность высокого материального положения, чувство гражданского долга и шкала родительской идентичности в роли кормильца, жизненная установка и ценность достижений, способность к психологической близости с другим человеком и ценность развития себя, способность к психологической близости с другим человеком и ценность активных социальных контактов, роль отца в воспитании детей и ценность сферы обучения и образования (предполагает обеспечение образования отцом), роль отца в материальной сфере семьи и в семейной культуре, роль отца в материальной сфере семьи и оценка родительской идентичности в роли кормильца (предполагает финансовое обеспечение ребенка), связаны роль отца в эмоциональном климате семьи и роль отца в организации досуга, хозяйственной сферы, и ценность достижений, гендерная самооценка и роль отца в создании семейной культуры, шкала родительской идентичности в уходе за ребенком и ценность сферы профессиональной жизни, шкала родительской идентичности в

уходе за ребенком и возраст (то есть, чем старше испытуемый, тем выше его оценка своих возможностей в роли заботящегося).

У испытуемых экспериментальной группы, как и у экспериментальной группы младшего школьного возраста меньше взаимосвязей, но большинство из них положительны. Взаимосвязи внутри параметров стратегии отцовства у экспериментальной группы представлены в Таблице 5.3.8.

Таблица 5.3.8. – Взаимосвязи внутри параметров стратегии отцовства у экспериментальной группы

Взаимосвязанные параметры		Коэффициент корреляции*
Зрелость	Высокое материальное положение (ОТЕЦ)	-0,77
Способность к психологической близости с другим человеком (Гильбух)	Гендерные установки	0,71
Способность к психологической близости с другим человеком (Гильбух)	Гендерная самооценка	0,61
Досуг	Достижения (ОТЕЦ).	0,61
Гендерные установки	Духовное удовлетворение (ОТЕЦ)	0,61
Семейная культура	Сфера увлечений (ОТЕЦ)	0,61
Семейная культура	Сфера общественной жизни (ОТЕЦ)	-0,65
Гендерная самооценка	Высокое материальное положение (ОТЕЦ)	-0,61
Шкала родительской идентичности в роли кормильца (Плек)	Сфера обучения и образования (ОТЕЦ)	0,52
Шкала родительской идентичности в роли кормильца (Плек)	Сфера семейной жизни (ОТЕЦ)	0,53
Возраст	Достижения (ОТЕЦ)	-0,67
Возраст	Духовное удовлетворение (ОТЕЦ)	-0,67
Ответственность	Высокое материальное положение (ОТЕЦ)	-0,53

* представлены только значимые при $p \leq 0,05$ связи

Из таблицы видно, что положительно связаны такие параметры, как: способность к психологической близости с другим человеком и гендерные установки ($r=0,71$), способность к психологической близости с другим человеком и гендерная самооценка ($r=0,61$), роль отца в организации досуга и ценность достижений ($r=0,61$), гендерные установки и ценность духовного удовлетворения ($r=0,61$), роль отца в создании семейной культуры и ценность сферы увлечений ($r=0,61$), шкала родительской идентичности в роли кормильца и ценность сферы обучения и образования ($r=0,52$), шкала родительской идентичности в роли кормильца и ценность сферы семейной жизни ($r=0,53$). Данные параметры описывают понимание отцовских функций испытуемыми. Отрицательных связей меньше и они не являются противоречивыми: обратно связаны, в основном, параметр ценность высокого материального положения с ответственностью ($r=-0,53$), со зрелостью ($r=-0,77$) и гендерной самооценкой ($r=-0,61$), а также роль отца в организации семейной культуры и ценность сферы общественной жизни ($r=-0,65$).

То есть, корреляционный анализ показал, что испытуемые экспериментальной группы после прохождения тренинга демонстрируют менее противоречивые взаимосвязи внутри параметров, описывающих стратегии отцовства, что связано с экспериментальным воздействием.

Таким образом, в экспериментальной группе все параметры, описывающие становление психологической готовности к отцовству в данном возрасте, включая интегральный показатель, стали выше, что указывает на изменение психологической готовности к отцовству испытуемых в сторону большей конструктивности в определенных семейно-образовательных условиях и согласуется с нашими теоретическими положениями о возможности сопровождения становления психологической готовности к отцовству в подростковом и юношеском возрасте.

5.4. Лонгитюдное исследование эффектов психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству в юношеском возрасте

В рамках изучения становления психологической готовности к отцовству проследить эффективность тренинговой работы с испытуемыми подросткового и юношеского возраста (находящимися на этапе становления стратегии отцовства, но не ее реализации на практике) возможно только в контексте долговременных эффектов формирования конструктивных стратегий отцовства в юношеском возрасте на реализацию стратегии отцовства конкретным испытуемым после рождения его ребенка во взрослости. В связи с этим, нами было проведено лонгитюдное исследование эффектов формирования конструктивных стратегий отцовства в юношеском возрасте на реализацию стратегии отцовства после рождения ребенка во взрослости. Данное исследование в силу семейных и личных обстоятельств испытуемых (т.к. рождению ребенка предшествовало взросление самого испытуемого, его профессиональное и брачное самоопределение, выстраивание отношений с супругой и проч.) заняло 12 лет. В данной работе приняли участие 40 испытуемых подросткового и юношеского возраста (20 человек в 2004 году, из них 15 человек в 2016 году – экспериментальная группа и 20 человек в 2004 году, из них 14 человек в 2016 году – контрольная группа). Подростки экспериментальной группы участвовали в лонгитюдном исследовании, проходившем с декабря 2002 по октябрь 2016 года. Первой этап исследования проходил в период с сентября 2003 по июнь 2004. В исследовании принимали участие всего 40 юношей – 20 юношей (две группы по 10 человек) составляли экспериментальную группу, подвергшуюся экспериментальному воздействию, 20 юношей – контрольную. В целях изучения эффективности тренингового воздействия на испытуемых из разных семейных условий из 20 человек экспериментальной группы нами была сформирована отдельная группа подростков и юношей, растущих без отца. Обе группы были уравнены по

возрасту (средний возраст экспериментальной группы – 16,5, контрольной – 16,4 года) и социальным характеристикам. Экспериментальное воздействие составляло прохождение в течение двух месяцев специально разработанного нами тренингового курса, направленного на интернализацию смысла отцовства, принятие роли отца и формировании конструктивных стратегий отцовства.

Для проверки эффективности разработанного нами психологического тренинга нами было проведено три обследования испытуемых: в 2004 году до экспериментального воздействия и сразу после прохождения тренинга и после рождения ребенка у большинства участников тренинга в 2016 году. Для контрольной группы эти срезы совпадали по времени с обследованием экспериментальной группы. Из 40 человек, принимавших участие в исследовании в 2004 году, удалось собрать данные 29 человек (15 человек из экспериментальной группы и 14 – из контрольной группы).

Данные, полученные в результате этих обследований, были подвергнуты статистической обработке. Подростки и юноши экспериментальной и контрольной группы в 2004 году являлись учащимися МБОУ СОШ №№ 10, 62, 92 г. Кемерово, и студентами 1-2 курсов ФГБУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф.Горбачева». На декабрь 2016 испытуемые экспериментальной и контрольной группы, принимавшие участие в исследовании с 2004 года, являлись служащими (100%) с высшим 94% и средним 6% образованием (экспериментальная группа) и с высшим 66%, средне-специальным образованием 26%, средним образованием 8% в контрольной группе.

В 2004 году экспериментальная группа представляла собой две группы испытуемых по 10 человек из полной (50%) и неполной (50%) семьи. В 2016 году удалось собрать данные 15 человек, из них 8 (53%) воспитывавших в неполной и 7 (47%) – в полной семье. Контрольная группа 2004 года состояла из 20 человек по 10 (50%) человек из полной и неполной семьи. В 2016 году данные были собраны у 14 человек, 6 (42%) из полной и 8 (58%) из неполной семьи.

Тренинговая программа была разработана в трех вариантах для юношей и для мужчин в период взрослости, имеющих и не имеющих детей, и включала в

себя теоретическую и практическую части. Результаты работы с мужчинами в период взрослости подробно описаны автором [76, с. 100-113]. Различия в работе с тремя типами групп было связано с возрастными и статусными особенностями групп. В теоретическом курсе излагались постулаты детской, мужской и семейной психологии и психологии развития, данные о развитии ребенка, о влиянии отца на развитие ребенка, специфических функциях и роли отца в жизни ребенка и семье, а также данные взаимосвязи мужской гендерной идентичности и отцовства. Собственно практическая часть включала в себя упражнения на принятие ответственности и гендерной роли на различных уровнях: когнитивном, поведенческом и саморегулятивном (эмоциональном и мотивационном).

Согласно нашему предположению одним из эффектов положительной динамики в сторону повышения конструктивности стратегии отцовства можно рассматривать повышение ответственности, интернальности, осмысленности в отношениях (Шкала интернальности в области межличностных отношений (УСК), Шкала интернальности в отношении здоровья и болезни (УСК), Шкала интернальности в семейных отношениях (УСК), Общая осмысленность жизни (СЖО).

Уровневый анализ выборки 2004 года, состоявшей из 40 человек, показал, что наибольший разброс, как для экспериментальной, так и для контрольной выборок, наблюдался в данных по смысложизненным ориентациям, что свидетельствует о высоких индивидуальных различиях результатов данного опросника. Проверка данных экспериментальной и контрольной групп по критерию Фишера при уровне значимости равном 0,05 показала, что дисперсии обеих групп различаются незначимо. Все исследуемые нами параметры подчиняются нормальному закону распределения (по критерию Колмогорова-Смирнова). Таким образом, незначительные различия генеральных дисперсий выборок позволяли использовать для проверки статистических гипотез критерий Стьюдента. При этом проверка значимости различий данных экспериментальной и контрольной группами до экспериментального воздействия по Т-критерию Стьюдента не показала значимых различий между группами.

Сравнение результатов экспериментальной группы до и после экспериментального воздействия по критерию Стьюдента для зависимых выборок, выявило значимые различия по следующим параметрам: шкала PARI «Навязчивость родителей», шкалам СЖО «Результативность жизни» и «Локус контроля Я», Общая осмысленность жизни по СЖО, по следующим факторам 16PF: склонность к риску, сдержанность – экспрессивность, подверженность социальным нормам, конформизм – нонконформизм, а также по шкалам интернальности в области межличностных отношений (УСК), интернальности в отношении здоровья и болезни (УСК), интернальности в семейных отношениях (УСК).

Наглядно результаты тренинговой работы могут быть представлены в виде Таблицы 5.4.1. Как видно из Таблицы 5.4.1. после прохождения тренинга у испытуемых снизились показатели по таким шкалам 16PF, как склонность к риску и сдержанность-экспрессивность. Увеличились показатели склонности к выполнению социальных норм, а также показатели шкал СЖО «Результативность жизни» и «Локус контроля — Я», интернальности в области межличностных отношений (УСК), интернальности в отношении здоровья и болезни (УСК), интернальности в семейных отношениях (УСК) и, кроме того, общая осмысленность жизни.

Снижение склонности к риску и одновременное повышение показателей социальной нормативности, интернальности в области межличностных отношений, в отношении здоровья и болезни и в семейных отношениях являются свидетельством увеличения ответственности. Увеличение показателей по шкалам СЖО «Результативность жизни» и общей осмысленности жизни является важнейшим показателем оптимизации развития личности в данный возрастной период.

Интересен факт повышения результатов по шкале «Навязчивость родителей» опросника PARI, являющейся характеристикой включенности родителей в жизнь ребенка, иногда даже чрезмерной озабоченностью его проблемами, возможно связанный с привлечением к ним внимания во время прохождения тренинга.

Таблица 5.4.1. – Сравнение результатов экспериментальной и контрольной группы

Среднее арифметическое	Экспериментальная группа 20 ч.		15 ч.	Контрольная группа 20 ч.		14 ч.
	2004 до	2004 после	2016	2004 до	2004 после	2016
Н Склонность к риску	6	4,5	4	5,2	5,23	5
F (сдержанность - экспрессивность)	4,8	1	1	4,3	4,3	4
G (подверженность социальным нормам)	4,4	5,75	6,8	4,5	4,6	5,2
Q4 (конформизм - нонконформизм)	4,1	4,5	4,6	4,1	4,2	4,2
Шкала PARI «Навязчивость родителей»	11,4	12,5	12,5	11,3	11,3	11
Шкала интернальности в области межличностных отношений (УСК)	3,1	4	6,1	3,2	3	4
Шкала интернальности в отношении здоровья и болезни (УСК)	2,7	4,2	6	2,5	2,7	4,9
Шкала интернальности в семейных отношениях (УСК)	2,4	4	8,1	2,2	2,2	4,1
Принятие ответственности	-	-	16	-	-	14,7
«Результативность жизни» (СЖО)	22,2	23,75	28,26	21,7	21,8	25,1
«Локус контроля - Я» (СЖО)	25,5	26,5	24,4	25	24,9	21,2
Общая осмысленность жизни (СЖО)	90,6	102,5	106,46	90,1	90,2	100,1

Примечания:

- показатели до и после тренинга в экспериментальной группе значимо отличны при $p \leq 0,05$;
- показатели до тренинга у экспериментальной группы и контрольной отличаются незначимо;
- значимых отличий в показателях контрольной группы не обнаружено.

При повторном измерении различия между испытуемыми экспериментальной группы из полной и неполной семьи уменьшились. Значимых

различий между результатами контрольной группы, полученными в первый и второй замер, не выявлено.

Дообследование, проведенное в 2016 году, показало, что различия в экспериментальной и контрольной выборках сохранились на протяжении 12 лет. При этом различий между испытуемыми экспериментальной группы, выросшими в полной и неполной семье, обнаружены не были. Для уточнения особенностей отцовства испытуемых в исследование 2016 года к методикам, используемым в 2004 году, были добавлены следующие методики: «Ответственность» В. П. Прядеина, Опросник родительской идентичности Дж.Плека, Шкала отцовских установок Дж.Плека, МИФ С. Бэм.

Уровневый анализ выборки 2016 года, состоявшей из 29 мужчин, показал, что наибольший разброс, как для экспериментальной, так и для контрольной выборок, наблюдался в данных по смысловым ориентациям. Проверка по критерию Фишера при уровне значимости равном 0,05 показала, что дисперсии обеих групп различаются незначимо. Таким образом, незначительные различия генеральных дисперсий выборок позволяли использовать для проверки статистических гипотез критерий Стьюдента. Результаты сравнения экспериментальной и контрольной групп представлены в Таблице 5.4.2., из которой видно, что возраст испытуемых, возраст первого ребенка и параметры образования в экспериментальной и контрольной группах значимо не отличаются, возраст первого ребенка у экспериментальной группы чуть ниже, при этом детей у экспериментальной группы в среднем больше, чем у испытуемых контрольной группы. У испытуемых экспериментальной группы отношение к детям вообще более теплое, первый ребенок был желанным у большего числа респондентов, соответственно, им свойственно более позитивное отношение к беременности жены. Среди испытуемых экспериментальной группы представляли своего будущего ребенка во время беременности жены большее число респондентов, свои чувства, при первом знакомстве с первым ребенком, большее число респондентов описали в положительном ключе.

Таблица 5.4.2. – Сравнение параметров отцовства экспериментальной и контрольной группы (2016)

Среднее арифметическое	Экспериментальная группа 15 ч.	Контрольная группа 14 ч.
Возраст	29,4	29,2
Возраст первого ребенка	5,6	6,1
Образование	высшее 93% среднее 7% иное 0	высшее 89% среднее 9% иное 2%
Брак	в браке 93% холост 7%	в браке 85% разведен 7% холост 7%
Количество детей	1,5*	1,2
Отношение к детям	2,66*	2,0
Желанность первого ребенка	2*	1,4
Отношение к беременности жены	1,93*	1,2
Представление своего будущего ребенка во время беременности жены	1,5*	1,2
Чувства, когда впервые увидели первого ребенка	2,8*	2,3
Принятие ответственности	16*	14,7
Установки на вовлеченность	27*	25,2
Шкала интернальности в области межличностных отношений (УСК)	6,1*	4
Шкала интернальности в отношении здоровья и болезни (УСК)	6*	4,9
Шкала интернальности в семейных отношениях (УСК)	8,1*	4,1
Результативность жизни (СЖО)	28,26*	25,1
«Локус контроля — Я» (СЖО)	24,4*	21,2
Общая осмысленность жизни	106,46*	100,1
1. Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком	3,83*	3,20
2. Шкала оценки родительской идентичности супруга(и) в уходе за ребенком	3,88*	3,20
4. Шкала родительской идентичности в роли кормильца	3,46*	3,14
5. Шкала оценки родительской идентичности супруга(и) в роли кормильца	1,86*	3,04
ЛД О	40,53*	38,2

* показатели экспериментальной и контрольной группе значимо различны при $p \leq 0,05$

В экспериментальной группе значимо выше показатели по таким шкалам, как: принятие ответственности, установки на вовлеченность отца, интернальность в области межличностных отношений, интернальность в отношении здоровья и болезни, интернальность в семейных отношениях, шкала СЖО «Результативность жизни», общая осмысленность жизни, родительская идентичность в уходе за ребенком, оценка родительской идентичности супруги в уходе за ребенком, родительская идентичность в роли кормильца, оценка родительской идентичности супруга(и) в роли кормильца, фактор оценка Личностного дифференциала, и значимо ниже показатели по шкале СЖО «Локус контроля - Я». Эти данные свидетельствуют о большей ответственности отцовства мужчин экспериментальной группы и после рождения ребенка.

Таким образом, показатели ведущих характеристик стратегии отцовства обрели более устойчивый характер у участников проведенного нами тренинга. Данные изменения становятся возможными благодаря действию психологического механизма индивидуализации конструктивной стратегии отцовства, в результате чего личностные характеристики обретают статус личностных свойств. То есть, можно сделать вывод, что тренинговая работа с юношами, направленная на формирование ответственного отцовства не только эффективна для развития положительных установок вовлеченности в жизнь будущего ребенка, осмысленности и ответственности по отношению к родительской роли, супруге, собственному здоровью, то есть, формирования конструктивных стратегий отцовства; но и имеет долгосрочный положительный эффект более, чем через 10 лет, что позволяет нам проводить разработку, апробацию и реализацию комплексной программы психолого-педагогического обеспечения оптимизации формирования и развития стратегий отцовства.

Материалы данного параграфа опубликованы автором в следующей статье [85, с. 125-131].

5.5. Развитие конструктивных стратегий отцовства у взрослых в рамках психологического тренинга

На формирующем этапе исследования в работе приняли участие мужчины в возрасте ранней и средней взрослости (139 мужчин имеющих одного или более детей (из них 61 мужчин (три группы по 15 человек (2004г) и одна 16 человек (2016)) составляли экспериментальную группу, подвергшуюся экспериментальному воздействию, 78 – контрольную группу). Лица экспериментальной группы 2004 года (45 человек) были подвергнуты экспериментальному воздействию в рамках работы над нашим диссертационным исследованием в 2004 году, когда в период с сентября 2003 по июнь 2004 в исследовании приняли участие всего 95 мужчин имеющих одного или более детей. Из них 45 мужчин (три группы по 15 человек) составляли экспериментальную группу, подвергшуюся экспериментальному воздействию, 50 – контрольную. Обе группы были уравнены по возрасту (средний возраст экспериментальной группы – 32, контрольной – 33 года) и социальным характеристикам – в основном испытуемые являются служащими (75% и 78% соответственно), предпринимателями, с высшим, среднетехническим и средне-специальным образованием(49% и 50% соответственно). Экспериментальное воздействие включало в себя проведение специально разработанного нами тренингового курса, направленного на принятие роли отца и формирование и развитие конструктивной стратегии отцовства. В 2016 году также была подвергнута аналогичному воздействию еще одна группа из 16 человек. Для проверки эффективности психологического тренинга, направленного на развитие конструктивности стратегий отцовства у мужчин-отцов, а также выявления эффектов конструктивных стратегий отцовства, нами было проведено два обследования испытуемых: до экспериментального воздействия и после. Для контрольной группы эти срезы совпадали по времени с обследованием

экспериментальной группы. Данные, полученные в результате этих обследований, были подвергнуты статистической обработке.

Уровневые характеристики экспериментальной выборки 2004 года, состоявшей из 45 человек, представлены в таблицах (Таблица 5.5.1. до и Таблица 5.5.2. после экспериментального воздействия в Приложении 4), из которых видно, что наибольший разброс наблюдается в данных по смысложизненным ориентациям, что свидетельствует о высоких индивидуальных различиях результатов данного опросника. Данные, полученные с помощью Шестнадцатифакторного опросника Кеттелла и опросника PARI, являются более однородными как внутри выборки, так и внутри каждой группы, что для PARI свидетельствует о наличии определенной модели поведения. Сравнение результатов данного исследования со статистическими нормами говорит, что средние и стандартные отклонения данных по шкалам ЛД и СЖО находятся в рамках статистических норм данных методик, данные по опроснику PARI являются высокой нормой, данные по 16PF соответствуют средним значениям норм, так же, как и у испытуемых, обследованных на первом этапе исследования. Проверка по критерию Фишера при уровне значимости равном 0,05 показала, что дисперсии обеих групп различаются незначимо. Таким образом, незначительные различия генеральных дисперсий выборок позволяют использовать для проверки статистических гипотез критерий Стьюдента.

Проверка различий данных экспериментальной и контрольной группами до экспериментального воздействия по T-критерию Стьюдента не показала значимых различий между группами. Сравнение результатов экспериментальной группы до и после экспериментального воздействия по критерию Стьюдента для зависимых выборок выявило значимые различия по следующим параметрам: шкала PARI «Навязчивость родителей», Оценка себя как отца, Отношение к совместным родам, Оценка изменения отношения окружающих после рождения ребенка в положительном направлении, 3 шкала СЖО «Результативность жизни», Общая осмысленность жизни по СЖО, а также следующим факторам 16PF: Н (склонность к риску), F (сдержанность - экспрессивность), М (практичность –

воображение), G (подверженность социальным нормам), Q4 (конформизм - нонконформизм) (Таблица 5.5.3, Приложение 4).

Наглядно результаты тренинговой работы могут быть представлены в виде таблицы (Таблица 5.5.4).

Таблица 5.5.4. – Оценка эффективности тренинга по средним показателям

Параметры		Экспериментальная группа 45 ч.		Контрольная группа 50 ч.	
		до	после	до	после
1	H Склонность к риску	6	4,5	5,2	5,23
2	F (сдержанность - экспрессивность)	4,8	1	4,3	4,3
3	M(практичность – воображение)	5,2	6,75	5,4	5,3
4	G (подверженность социальным нормам)	4,2	5,75	4,5	4,6
5	Q4 (конформизм - нонконформизм)	4	4,5	4	4
6	«Навязчивость родителей»	11,4	12,5	11,3	11,3
7	Оценка себя как отца	1,4	1	1,3	1,3
8	Отношение к совместным родам	1,6	1,25	1,6	1,6
9	Оценка изменения отношения окружающих после рождения ребенка в положительном направлении	1,2	1,75	1,3	1,3
10	«Результативность жизни»	22,2	23,75	21,7	21,8
11	Общая осмысленность жизни	90,6	102,5	90,1	90,2

Примечания:

- показатели до и после тренинга в экспериментальной группе значимо отличны при $p \leq 0,05$;
- показатели до тренинга у экспериментальной группы и контрольной отличаются незначимо;
- значимых отличий в показателях контрольной группы не обнаружено.

Как видно из Таблицы 5.5.4. после прохождения тренинга у испытуемых снизились показатели по таким шкалам 16PF, как Н (склонность к риску) и F (сдержанность-экспрессивность), а также оценка себя как отца и негативное отношение к совместным родам. Увеличились показатели практичности, склонности к выполнению социальных норм, а также показатели шкалы СЖО «Результативность жизни», которая характеризует удовлетворенность самореализацией, оценку пройденного отрезка жизни, ощущение того, насколько продуктивна и осмыслена была прожитая ее часть, и, кроме того, общая осмысленность жизни.

Снижение склонности к риску и одновременное повышение показателей социальной нормативности, практичности являются свидетельством увеличения ответственности. Понижение показателя субъективной оценки себя как отца, согласно мнения самих испытуемых, выявленного в послетренинговой беседе, является следствием открытия новых перспектив взаимодействия с ребенком в процессе тренинговой работы. Достаточно интересны результаты оценки отношения испытуемых к совместным родам, если до тренинга 94% испытуемых отрицательно относились к такой идее, мотивируя свое отношение тем, что это «женское дело», что они могут «только мешать», то после тренинга 75% испытуемых считали такую практику возможной или полезной для ребенка. Увеличение показателей по шкалам СЖО «Результативность жизни» и общей осмысленности жизни является важнейшим показателем оптимизации развития личности в данный возрастной период.

Интересен факт повышения результатов по шкале «Навязчивость родителей» опросника PARI, являющейся характеристикой включенности родителей в жизнь ребенка, иногда даже чрезмерной озабоченностью его проблемами, возможно связанный с привлечением к ним внимания во время прохождения тренинга.

В дополнение к статистическому анализу нами был проделан качественный анализ данных анкет и данных, полученных в послетренинговых беседах, который показал, что если до тренинга 60% трудностей, связанных с рождением

ребенка, связывалось с материальными проблемами, и 75% мужчин на вопрос, «что может дать ребенку отец» ответили: «материальное обеспечение», то после тренинга первый показатель стал равен 37%, снизившись за счет включения в разряд трудностей различных других факторов, в том числе, «ответственность» 12%, «установка контакта» 9% (Рисунок 5.5.1.).

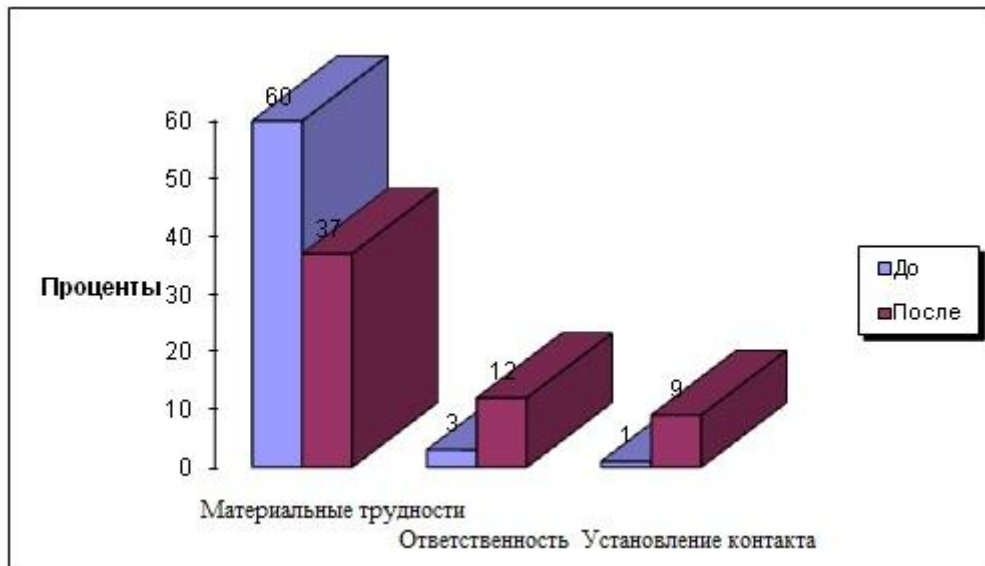

Рисунок 5.5.1. – Оценка типичных трудностей, связанных с рождением ребенка, мужчинами экспериментальной группы до и после тренинга

На вопрос о том, «что может дать ребенку отец» после тренинга ответы были гораздо разнообразнее, упоминались такие понятия, как «забота», «мужское воспитание», «передача опыта», «передача моделей поведения в различных ситуациях».

Лучше всего результаты тренинга проявляются в том, что, по мнению 86% испытуемых, прошедших тренинг, за время участия в тренинговой программе отношения с ребенком (детьми) изменились в сторону большей близости.

Исследование результатов 16 испытуемых экспериментальной и 28 человек контрольной группы 2016 года показало схожие результаты. Сравнение данных экспериментальной и контрольной групп по критерию Фишера при уровне значимости равном 0,05 показала, что дисперсии обеих групп различаются

незначимо. Все исследуемые нами параметры подчиняются нормальному закону распределения (по критерию Колмогорова-Смирнова).

Так, при отсутствии различий между группами по t-критерию Стьюдента для независимых выборок до воздействия, сравнение по t-критерию Стьюдента после воздействия выявило значимые отличия по следующим параметрам: ценность высокого материального положения, достижений, сферы увлечений, шкала оценки родительской идентичности в уходе за ребенком, цели в жизни, осмысленность жизни, рефлексивность, принятие ответственности на себя в ситуации обвинения, способность к психологической близости с другим человеком, шкала интернальности в области достижений, шкала интернальности в области межличностных отношений, удовлетворенность браком (Таблица 3.5.5. в Приложении 4).

Сравнение результатов экспериментальной группы до и после воздействия по t-критерию Стьюдента для зависимых выборок показало появление различий по следующим параметрам: отцовские установки, развитие себя, шкала родительской идентичности в уходе за ребенком, шкала родительской идентичности в роли кормильца, оценка себя по параметру «сила» методики Личностный дифференциал, цели в жизни, процесс жизни, результативность жизни, осмысленность жизни, рефлексивность, принятие ответственности на себя, способность к психологической близости с другим человеком, шкала интернальности в семейных отношениях, шкала интернальности в области межличностных отношений, шкала интернальности в отношении здоровья и болезни и удовлетворенность браком (Таблица 5.4.6. в приложении 4.). Эти данные свидетельствуют, что после экспериментального воздействия параметры, описывающие конструктивную стратегию отцовства в данном возрасте стали выше, что указывает на изменение стратегии отцовства в сторону большей конструктивности и согласуется с нашими теоретическими положениями о возможности развития конструктивности стратегии отцовства у мужчин-отцов.

Дисперсионный анализ с повторными измерениями, предпринятый для уточнения гипотезы, подтверждает полученные результаты. Сравнение по

показателю отцовских установок мужчин контрольной и экспериментальной групп до и после воздействия представлено на Рисунке 5.5.2.

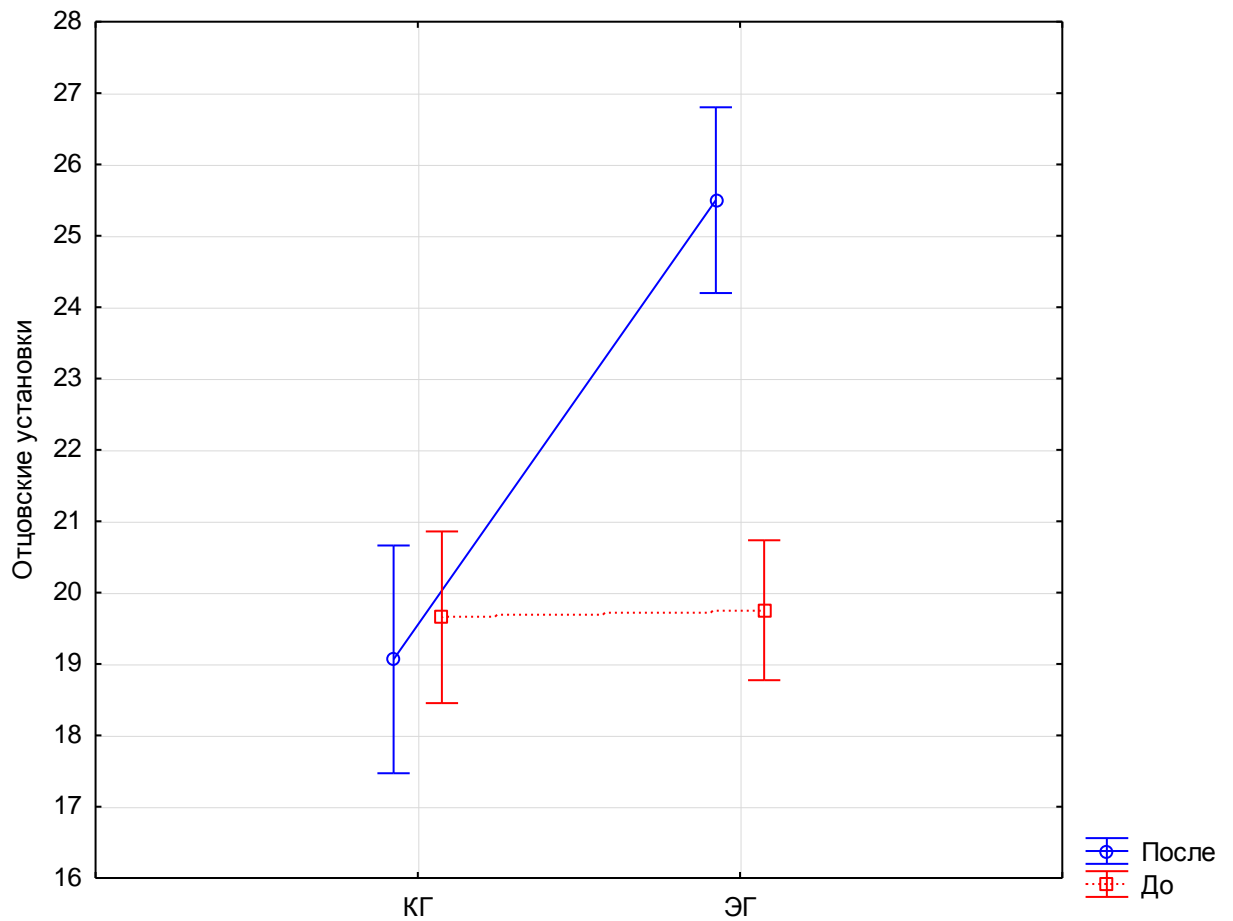

Рисунок 5.5.2. – Сравнение отцовских установок мужчин контрольной и экспериментальной групп до и после воздействия

На Рисунке 5.5.2, заметны значительные изменения по параметру отцовских установок у экспериментальной группы, что раскрывает большую настроенность на вовлеченность мужчин в жизнь ребенка после тренинга.

Изменения параметров родительской идентичности в уходе за ребенком и в роли кормильца представлены на Рисунке 5.5.3. Если по параметру идентичности в уходе и заботе о ребенке (традиционно материнская роль) мужчины экспериментальной группы до воздействия демонстрировали результаты немного ниже контрольной группы, то после воздействия – намного выше контрольной группы. Данные представлены на левом графике.

Это связано с тем, что в нашей работе были актуализированы в том числе и операциональные компоненты отцовских практик. Незначительное повышение показателей контрольной группы связано с привлечением внимания к отцовским проблемам в процессе обследования и интервьюирования испытуемых до воздействия. То же касается и показателей контрольной группы по параметру идентичности в роли кормильца (традиционно мужская роль). У мужчин экспериментальной группы заметно значительное возрастание показателей (Рисунок 5.5.3, правый график).

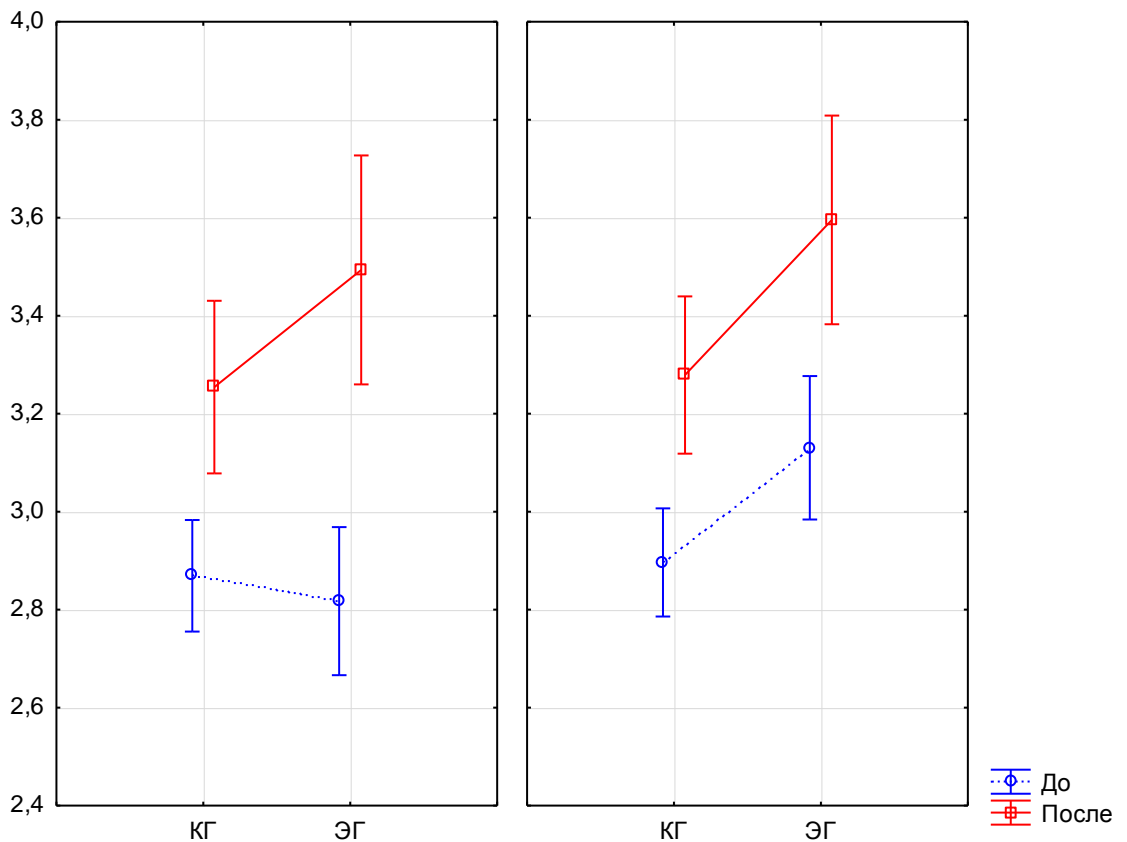

Рисунок 5.5.3. – Сравнение параметров родительской идентичности мужчин контрольной и экспериментальной групп до и после воздействия

Изменения параметра общей осмысленности жизни представлены на Рисунке 5.5.4., на котором видно, повышение этого параметра у экспериментальной группы, при отсутствии изменений у контрольной группы.

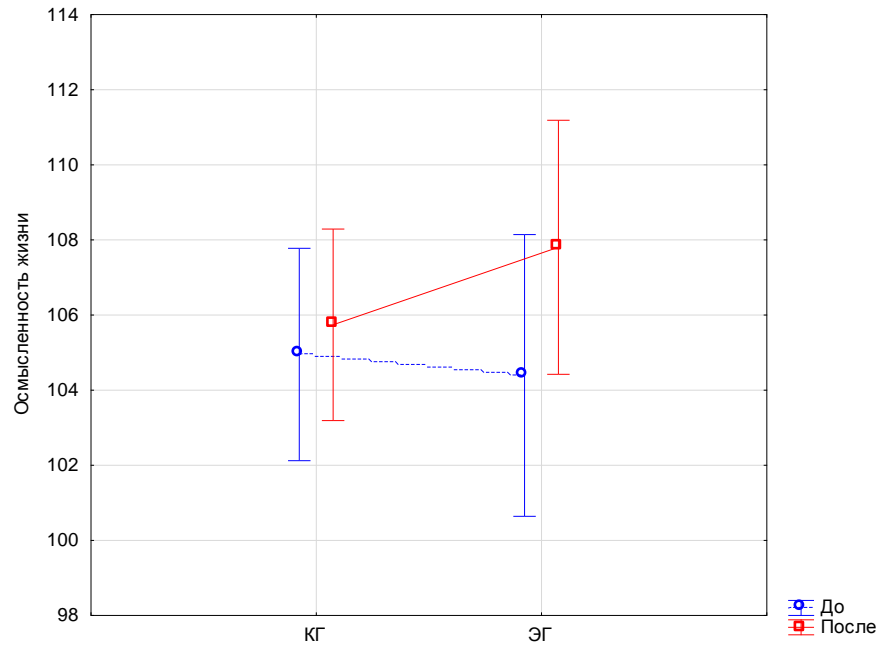

Рисунок 5.5.4. – Сравнение параметра общей осмысленности жизни мужчин контрольной и экспериментальной групп до и после воздействия параметра

Изменения коснулись также параметра способности к психологической близости с другим человеком (Рисунок 5.5.5.).

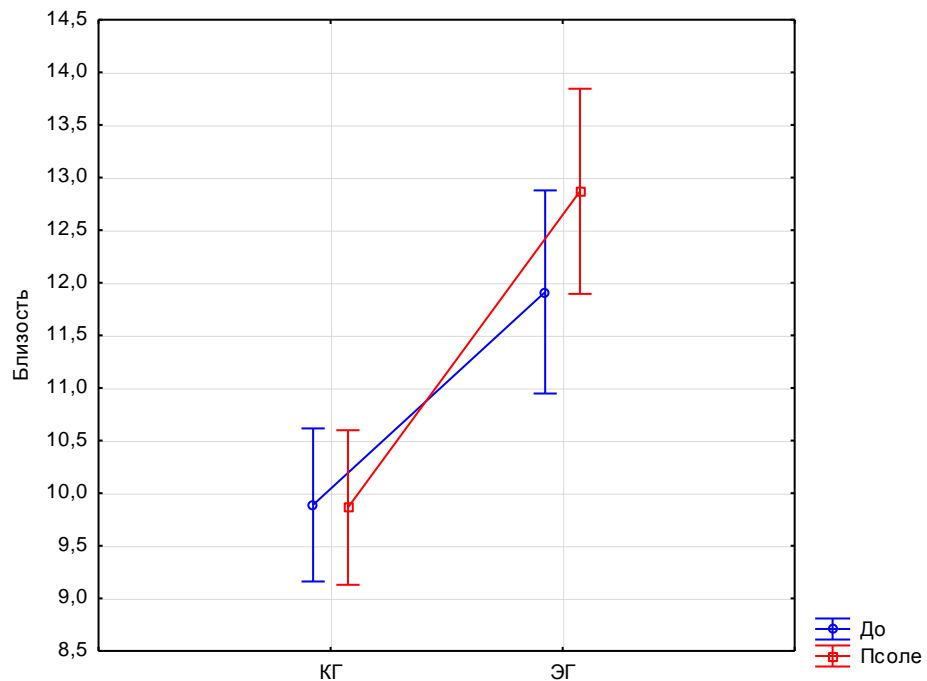

Рисунок 5.5.5. – Сравнение параметра способности к психологической близости мужчин контрольной и экспериментальной групп до и после воздействия параметра

У контрольной группы изменений не произошло, у экспериментальной группы, несмотря на изначально более высокие показатели, произошло повышение показателей по тому параметру.

Таким образом, данные дисперсионного анализа согласуются и дополняют результаты проверки по критерию Стьюдента.

Сравнение данных экспериментальной и контрольной групп по интегральному показателю по t-критерию Стьюдента, при отсутствии различий до воздействия, показало, что группы после воздействия различаются по показателям всех компонентов и интегральному показателю оптимальности стратегии отцовства (Таблица 5.5.7.).

Таблица 5.5.7. – Результаты сравнения мужчин экспериментальной и контрольной группы после воздействия по интегральному показателю по критерию Стьюдента

Параметры	Среднее ЭГ	Среднее КГ	t-знач.	p	Ст. откл. ЭГ	Ст. откл. КГ
Рефлексивно-регулятивный компонент *	0,67	0,56	0,64	0,00	0,20	0,05
Аксиологический компонент *	0,81	0,74	0,10	0,00	0,10	0,08
Праксиологический компонент *	0,83	0,72	0,70	0,00	0,13	0,11
Интегральный показатель *	0,86	0,67	0,64	0,00	0,16	0,06

* отмечены значимые отличия

Наглядно сравнение интегрального показателя оптимальности стратегии отцовства у мужчин экспериментальной и контрольной групп после тренинга с помощью дисперсионного анализа представлено на Рисунке 5.5.6.

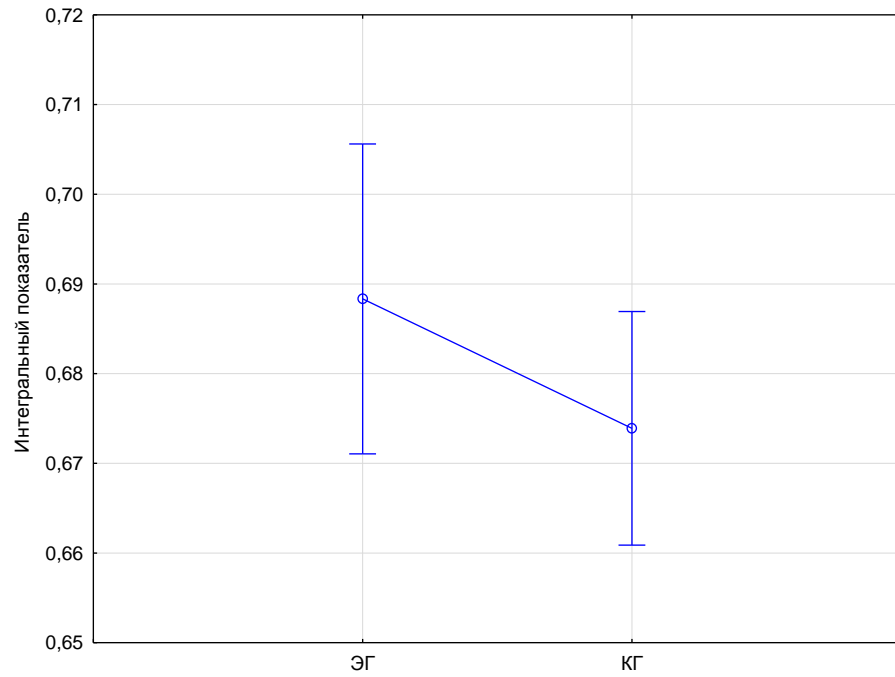

Рисунок 5.5.6. – Сравнение интегрального показателя мужчин контрольной и экспериментальной групп после воздействия параметра

Таким образом, все проанализированные данные свидетельствуют, что после экспериментального воздействия параметры, описывающие стратегию отцовства в данном возрасте стали выше, при отсутствии изменений у контрольной группы, что указывает на изменение стратегии отцовства в сторону большей конструктивности в экспериментальной группе и согласуется с нашими теоретическими положениями о возможности развития конструктивности стратегии отцовства у мужчин-отцов.

Выводы

Лонгитюдный этап исследования проходил в период с декабря 2002 по апрель 2017 и включал в себя исследование, организованное с помощью метода поперечных срезов и лонгитюдное исследование, в котором приняли участие испытуемые дошкольного, младшего школьного, подросткового и юношеского возраста и мужчины в период ранней и средней взрослости.

На формирующем этапе исследования в работе приняли участие 84 мальчика дошкольного возраста, разделенные на контрольную и экспериментальную группу по критерию участия в экспериментальной работе. Семьи детей из экспериментальной группы участвовали в работе по созданию благоприятной для формирования предпосылок становления психологической готовности к отцовству семейно-образовательной среды. Для анализа динамики предпосылок психологической готовности к отцовству использовались: t -критерий Стьюдента для независимых выборок и U критерий Манна-Уитни для сравнения групп до воздействия, а также после воздействия; t -критерий Стьюдента для зависимых выборок и критерий Вилкоксона для анализа динамики показателей внутри групп, анализ интегрального показателя отдельно по группам, а также дисперсионный анализ с повторными измерениями. Статистический анализ показал, что после экспериментального воздействия все параметры, описывающие становление предпосылок психологической готовности к отцовству в данном возрасте, включая интегральный показатель, стали выше, что говорит о том, что даже опосредованное через родителей воздействие оказалось значимым для становления предпосылок психологической готовности к отцовству в данном возрасте и согласуется с нашими теоретическими положениями о возможности сопровождения становления психологической готовности к отцовству, начиная с дошкольного возраста.

Среди испытуемых младшего школьного возраста на этом этапе исследования в работе приняли участие 45 мальчиков. В качестве модельной группы для отслеживания специфики становления психологической готовности к отцовству у детей младшего школьного возраста в различных семьях нами были выбраны дети, чьи семьи отражают наиболее важные условия становления психологической готовности к отцовству, описанные нами в теоретической части, отличаются по специфичным для исследуемого феномена характеристикам: полная семья, участие отца в жизни ребенка, наличие гендерной стратификации семейных ролей, гендерное воспитание в семье, внимание к воспитанию ответственности и ценностной сферы личности ребенка с дошкольного периода, согласующаяся с этими параметрами образовательная среда.

Статистический анализ по t-критерию Стьюдента для независимых выборок, анализ интегрального показателя отдельно по группам, а также однофакторный дисперсионный анализ, констатируют, что в экспериментальной группе все параметры, описывающие предпосылки психологической готовности к отцовству в данном возрасте, включая интегральный показатель, выше, чем у контрольной, что подтверждает положение о том, что оптимальное становление психологической готовности к отцовству определяется семейно-образовательными условиями и согласуется с нашими теоретическими положениями о возможности психолого-образовательного сопровождения становления психологической готовности к отцовству в младшем школьном возрасте.

На формирующем этапе исследования в работе приняли участие также 64 испытуемых подросткового и юношеского возраста. Подростки экспериментальной группы 2004 года участвовали в лонгитюдном исследовании в течение 12 лет. Экспериментальное воздействие составляло прохождение в течение двух месяцев специально разработанного нами тренингового курса, направленного на интернализацию смысла отцовства, принятие роли отца и формировании конструктивных стратегий отцовства.

Статистический анализ показал, что после экспериментального воздействия все параметры, описывающие становление психологической готовности к отцовству в данном возрасте стали выше, что согласуется с нашими теоретическими положениями о возможности оптимизации становления психологической готовности к отцовству с помощью психологического тренинга. Подобное воздействие, проведенное в 2016 году на группе 15 подростков и юношей, имело аналогичные результаты.

Дообследование наших испытуемых, принявших участие в работе в 2004 году, проведенное в 2016 году, когда практически все они стали отцами, показало, что различия в экспериментальной и контрольной выборках сохранились на протяжении 12 лет. Таким образом, показатели ведущих характеристик стратегии отцовства обрели более устойчивый характер у участников проведенного нами тренинга. Данные изменения становятся возможными благодаря действию психологического механизма индивидуализации конструктивной стратегии отцовства, в результате чего личностные характеристики обретают статус личностных свойств. То есть, можно сделать вывод, что тренинговая работа с юношами, направленная на формирование ответственного отцовства не только эффективна для развития положительных установок вовлеченности в жизнь будущего ребенка, осмысленности и ответственности по отношению к родительской роли, супруге, собственному здоровью, то есть, формирования конструктивных стратегий отцовства; но и имеет долгосрочный положительный эффект более, чем через 10 лет.

Среди взрослых мужчин-отцов на формирующем этапе исследования в работе приняли участие мужчины в возрасте ранней и средней взрослости, из них 61 мужчина (три группы по 15 человек (2004г) и одна 16 человек (2016)) составляли экспериментальную группу, подвергшуюся экспериментальному воздействию, 78 – контрольную группу.

Анализ по t-критерию Стьюдента для независимых выборок для сравнения групп до воздействия, а также после воздействия; по t-критерию Стьюдента для зависимых выборок для анализа динамики показателей внутри групп, анализ

интегрального показателя отдельно по группам, а также дисперсионный анализ с повторными измерениями свидетельствуют, что после экспериментального воздействия параметры, описывающие стратегию отцовства в данном возрасте стали выше, при отсутствии изменений у контрольной группы, что указывает на изменение стратегии отцовства в сторону большей конструктивности в экспериментальной группе и согласуется с нашими теоретическими положениями о возможности развития конструктивности стратегии отцовства у мужчин-отцов.

Все проанализированные данные свидетельствуют, что после экспериментального воздействия параметры, описывающие становление психологической готовности к отцовству экспериментальных групп дошкольного, младшего школьного, подросткового и юношеского возраста стали выше, при отсутствии изменений у контрольных групп, что указывает на изменение психологической готовности к отцовству в сторону большей оптимальности (конструктивности) в экспериментальной группе и согласуется с нашими теоретическими положениями о возможности психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству, начиная с дошкольного возраста, в младшем школьном, подростковом и юношеском возрасте, а также возможности развития конструктивности стратегии отцовства у мужчин-отцов если: учитывается специфика становления психологической готовности к отцовству на разных возрастных этапах и в разных семейно-педагогических условиях; реализуются технологии, оптимизирующие становление психологической готовности к отцовству по основным направлениям сопровождения становления психологической готовности к отцовству (психологическая работа с семьей, создание образовательной среды, благоприятной для становления психологической готовности к отцовству и/или специальный психологический тренинг).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В соответствии с целью данной работы и для решения первой задачи нами был проведен анализ различных теоретических и эмпирических исследований и походов к пониманию сущности феномена отцовства. Таким образом, мы пришли к выводу, что отец играет важнейшую роль в социальном, интеллектуальном, эмоциональном развитии, полоролевой идентификации ребенка и усвоении им моральных норм. Специфика отцовства по сравнению с материнством состоит в уникальности вклада отца в социализацию ребенка, в меньшей биологической и большей социальной и семейной детерминированности отцовства по сравнению с материнством при одновременной нечеткости ролевых ожиданий относительно отцовской роли, и зависимостью степени вовлеченности в жизнь ребенка от степени вовлеченности матери в жизнь ребенка. При этом отцовство конкретного мужчины определяется его прошлыми и настоящими взаимоотношениями с собственным отцом, который предоставляет модель ролевого поведения мужчины и с настоящими взаимоотношениями с супругой, в которых эта модель реализуется, оценивается и трансформируется.

Принятие роли отца определяет успешность выполнения этой роли, однако, несмотря на то, что осознание себя отцом происходит преимущественно после рождения ребенка, различные аспекты принятия ребенка и себя как отца начинают складываться еще задолго до непосредственного взаимодействия с ребенком в рамках становления психологической готовности к отцовству, представляющей собой сформированность установок, мотивов и определенных качеств личности, характеризующих способы и варианты интериоризации и экстериоризации отцовской роли мужчиной, детерминированных базисными ценностями личности и реализуемых на практике в конструктивной стратегии отцовства.

Структура психологической готовности к отцовству определяется следующими компонентами: аксиологический компонент (принятие гендерной отцовской роли, зрелость личности, ответственность по отношению к собственному здоровью, поведению, отцовству, ценность отцовства, ценностное отношение к ребенку и кооперационное отношение к супруге, как партнеру родительства), рефлексивно-регулятивный компонент (личностная зрелость, рефлексия и саморегуляция) и праксиологический компонент (поведение и/или отцовские практики).

Стратегии отцовства представляют собой совокупность способов конструирования жизни отца и ребенка (а, во многом, и матери) в соответствии с установками и представлениями мужчины об отцовстве, имеющую трехкомпонентную структуру и содержание, критерии сформированности, определяемые через социальные, культурные и личностные ориентации личности (сформированные микро- мезо- и макрофакторами среды). При этом конструктивность стратегий взаимосвязана со зрелостью личности, высоким уровнем саморегуляции и развитой рефлексией, принятием своей гендерной роли, ответственностью и ценностью отцовства.

Становление готовности к отцовству представляет собой процесс поэтапного формирования качеств личности, характеризующих способы и варианты интериоризации и экстериоризации отцовской роли мужчиной, происходящий в системном единстве с общей и гендерной социализацией личности, определяющей возможности психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству. Это – процесс, в рамках которого происходит развитие и формирование отдельных элементов конструктивных стратегий отцовства, происходящий поэтапно, начиная с дошкольного возраста, включая: этап обозначения отцовства (формирование представлений об отцовстве), этап осмысления отцовства (переосмысление имеющихся знаний и представлений об отцовстве в период беременности) и этап ценностного осознания отцовства и реализации на этой

основе стратегии отцовства, а также дальнейшего развития стратегии отцовства в отцовских практиках после рождения ребенка.

Решая вторую задачу, мы определили, что становление психологической готовности к отцовству детерминировано как биологическими, так и социальными факторами. Кроме того, важнейшее значение для становления готовности к отцовству приобретают личностные факторы: процессы развития личности в онтогенезе: опыт личности, формирование ценностных ориентаций и достижение зрелости личности, саморегуляция и рефлексия.

В процессе становления психологической готовности к отцовству выделяются несколько этапов: первый этап становления психологической готовности к отцовству начинается с рождения мальчика до момента получения сведений о беременности его жены – этап обозначения отцовства – формирование гендерных стереотипов о мужской роли вообще и об отцовстве в связи с ней (происходит в процессе взаимодействия с собственными родителями, сверстниками, социумом [130]). Второй этап – время осмысления отцовства в течение периода ожидания ребенка. Он начинается с момента планирования рождения ребенка до начала взаимодействия с уже родившимся ребенком. Это период согласования представлений об отцовстве с реальными жизненными условиями личности. Третий этап, начинающийся после рождения ребенка – период ценностного осознания отцовства – период реализации сформированной ранее психологической готовности к отцовству в рамках стратегии отцовства.

При этом формирование предпосылок психологической готовности к отцовству, составляющих основу аксиологического компонента (например, гендерной идентификации и ценностных ориентаций личности), также рефлексивно-регулятивного компонента (саморегуляции, предпосылок зрелости личности), происходит в процессе социализации личности, начиная с дошкольного периода, и связано с конкретной социальной ситуацией развития личности.

Принимая во внимание то, что ценностные ориентации личности связаны с личностной зрелостью через такие характеристики, как ответственность в разных

сферах деятельности, эмоциональная зрелость, самоконтроль поведения, самостоятельность, адекватность самоотражения, высокий уровень реализованности, адекватность целеполагания, саморегуляция и рефлексия личности, можно сказать, что в период взрослости при реализации сформированной готовности к отцовству на практике зрелость является важнейшим параметром, определяющим родительское поведение, потому, что только сформированная личность становится субъектом свободного, самостоятельного и ответственного поведения в социуме.

Таким образом, интрапсихический аксиологический компонент стратегии отцовства находит свою реализацию в рамках экстрапсихического праксиологического компонента стратегии отцовства опосредованно через осуществляющий это взаимодействие интерпсихический рефлексивно-регулятивный компонент, включающий рефлексивность (самопознание, автономность, рефлексивность и эмпатию), саморегуляцию (определяемую такими характеристиками, как: гибкость, спонтанность, самостоятельность, контактность, креативность и уровень субъективного контроля), связанные с биологической, трудовой, умственной, эмоциональной, социальной, и психологической зрелостью личности.

При решении третьей задачи в рамках эмпирического исследования мы выяснили, что в дошкольном возрасте формируются следующие предпосылки становления психологической готовности к отцовству: гендерные установки и нравственные нормы (предпосылки аксиологического компонента), основы саморегуляции (предпосылки рефлексивно-регулятивного компонента) и гендерно-типичное поведение (предпосылка праксиологического компонента). В этом возрасте выделяются три группы детей, различающихся по особенностям становления психологической готовности к отцовству: неоптимальный, приемлемый и оптимальный тип. При этом существуют значимые отличия между детьми из полных и неполных семей по следующим показателям: праксиологический и аксиологический компонент, и интегральный показатель, что подтверждает наше предположение о том, что фактором, определяющим

становление предпосылок психологической готовности к отцовству в детском возрасте, является семья.

В младшем школьном возрасте формируются следующие предпосылки становления психологической готовности к отцовству: аксиологический компонент включает в себя формирование стереотипа полоролевого поведения; определяет оптимальное нравственное развитие; рефлексивно-регулятивный компонент определяется социальной компетентностью, самодисциплиной, произвольностью, самостоятельностью, формированием чувства компетентности, самодисциплины; праксиологический компонент включает в себя ярко выраженное гендерно-типичное поведение, социальную адаптированность, социальную компетентность, успешное построение социальных отношений. Среди младших школьников также были выделены три группы, различающиеся по уровню развитости данных параметров.

При этом, значимые различия среди детей из полных и неполных семей определяются по параметрам гендерных установок, оценке отца по гендерным качествам (дети из полных семей оценивают отца, как более маскулинного), по параметрам нравственной мотивации поведения, ответственности, отношения к миру, к труду и к человеку, а также показателей предпосылок становления аксиологического, рефлексивно-регулятивного и праксиологического компонентов, и интегрального показателя психологической готовности к отцовству, что соответствует теоретическим положениям данного исследования. В младшем школьном возрасте наиболее развиты предпосылки праксиологического компонента психологической готовности к отцовству.

В сравнении с дошкольниками младшие школьники демонстрируют более высокие показатели по аксиологическому, рефлексивно-регулятивному и праксиологическому компонентам. Таким образом, различия в структурных компонентах интегрального показателя психологической готовности к отцовству отражают возрастные особенности развития данного феномена и подтверждают наше предположение о том, что психологические закономерности становления

психологической готовности к отцовству имеют возрастную-психологическую и семейную специфику.

В подростковом возрасте формируются следующие характеристики психологической готовности к отцовству: аксиологический компонент включает в себя принятие гендерной роли; определяет оптимальное нравственное развитие и формирование мировоззрения; рефлексивно-регулятивный компонент определяется через физическое созревание, чувство компетентности, самодисциплину, произвольность, самостоятельность, самоопределение, развитая рефлексия; праксиологический компонент включает в себя гендерно-типичное и во многих случаях ответственное поведение, социальную адаптированность, социальную компетентность, успешное построение социальных отношений.

Среди подростков можно выделить три группы, различающиеся по параметрам готовности к отцовству: для первой (неответственной) характерны низкая ответственность и зрелость, отсутствие ценности престижа, развития себя, ценности обучения и образования и семейной жизни, большое значение придается роли отца в семейной культуре и ценности достижений. Для второй (гендерно-смешанной) характерны высокие баллы по шкале роли отца в воспитании детей и досуге, ценности сохранения собственной индивидуальности, собственного престижа, высокого материального положения, креативности, имеют низкие баллы по ценности достижений, отношению к своему «Я», шкале жизненная установка и роль отца в формировании эмоционального климата в семье, а также по гендерным установкам. Третий (ответственный) представлен мало, для него характерны высокие оценки по всем шкалам зрелости, роли отца в формировании эмоционального климата в семье, шкале родительской идентичности в роли кормильца, ценностям развития себя, сферы обучения и образования и семейной жизни, низкие баллы по роли отца в воспитании детей, ценности собственного престижа и высокого материального положения.

Для подростков из неполных семей чаще характерен гендерно-смешанный тип, для подростков из полных семей – неответственный. Ответственный тип равно представлен в обеих группах. При этом, значимые отличия по компонентам

готовности к отцовству между подростками из полных и неполных семей наблюдаются по праксиологическому компоненту и интегральному показателю психологической готовности к отцовству.

По сравнению с предыдущими возрастными группами в подростковом и юношеском возрасте наблюдаются более высокие показатели в структурных компонентах и в интегральном показателе психологической готовности к отцовству, что отражает возрастные особенности формирования данного феномена и подтверждает наше предположение о том, что психологические закономерности формирования стратегий отцовства имеют возрастную психологическую специфику.

При решении четвертой задачи, мы определили, что у взрослых испытуемых мужчин-отцов психологическая готовность к отцовству реализуется в рамках стратегии отцовства, внутри которой можно выделить следующие компоненты: аксиологический компонент стратегии отцовства включает в себя принятие гендерной роли отца, сформированное мировоззрение, ценность отношений, ценность отцовства; рефлексивно-регулятивный компонент стратегии отцовства определяется через зрелость на уровне индивида, личности и субъекта деятельности, высокий уровень саморегуляции и развитая рефлексия, что определяет сформированность конструктивной стратегии отцовства и самореализация как родителя; праксиологический компонент стратегии отцовства включает в себя гендерно типичное поведение, кооперационное взаимодействие с супругой, ответственное поведение, обеспечение условий нормального протекания беременности, ответственное поведение, активное, нравственное, толерантное и целеустремленное поведение, реализацию конструктивных отцовских практик. Среди взрослых испытуемых было выделено две группы, различающиеся по данным параметрам, названные конструктивный и неконструктивный тип стратегии отцовства. Представители первой группы (неконструктивный тип) демонстрируют «неответственное» отцовство, ролевую несогласованность супружеских отношений и феминность, либо очень высокие показатели маскулинности; представители второй группы (конструктивный тип)

демонстрируют ответственное отцовство, согласованные супружеские отношения и характеризуются андрогинностью или средне выраженной маскулинностью. Наибольшая разница между группами заметна в рамках аксиологического и праксиологического компонентов стратегии отцовства.

Мужчины-отцы демонстрируют более высокие показатели по всем компонентам стратегии отцовства по сравнению с подростками и юношами, а также по сравнению с мужчинами того же возраста, не имеющими детей. Однако мужчины, не имеющие детей, имеют более высокие показатели по всем компонентам стратегии отцовства, включая и интегральный показатель, чем мужчины-отцы, демонстрирующие неконструктивную стратегию отцовства. Кроме того, выявлены взаимосвязи между отношениями с собственным отцом в детстве и параметрами отцовства самого мужчины. Таким образом, были подтверждены все допущения первой гипотезы.

В рамках решения пятой задачи мы разработали модель психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству, предполагающую создание семейно-образовательной среды, и включающую: психологическую работу с семьей, создание образовательной среды, благоприятной для становления психологической готовности к отцовству и специальный психологический тренинг.

В качестве технологий в рамках психологической работы с семьей используются информирование с использованием информационно-коммуникационных и он-лайн технологий, а также индивидуальная и групповая работа, ориентирующаяся на технологии гуманистического, экзистенциального, трансгенерационного подходов, психоанализа, выбираемых в зависимости от квалификации психолога, его схемы работы и самой проблемной ситуации, и включающую по необходимости: психологическую диагностику, индивидуальное и семейное психологическое консультирование, психологическую коррекцию.

Технологии формирования образовательной среды определяются возрастными особенностями респондентов и формой работы. Так, индивидуальная работа включает информационно-коммуникационные

технологии, технологии социализации, технологии проблемного обучения, проектные технологии. Групповая работа весьма разнообразна и включает в себя такую форму работы, как: общеклассная работа с использованием информационно-коммуникационных технологий, групповых технологий, технологий проблемного обучения, проектных технологий, технологии уровневой дифференциации, игровых технологий, технологий мастерских, кейс-технологий, а также традиционной технологии. Внеклассная работа позволяет уделить большее внимание информационно-коммуникационным технологиям, групповым, проектным и игровым технологиям.

В рамках психологического тренинга в зависимости от конкретной проблематики и аудитории может быть использован навыковый тренинг с использованием информационно-коммуникационных и игровых технологий; социально-психологический тренинг, с использованием, помимо перечисленных: технологии мастерских, либо психотерапевтический тренинг с ориентацией на конкретные технологии гуманистического, экзистенциального, трансгенерационного подходов, технологии психоанализа, психодраматические и телесноориентированные технологии и репертуаром методов.

Решая шестую задачу мы провели лонгитюдное исследование с использованием образовательных технологий, оптимизирующих становление психологической готовности к отцовству, в котором приняли участие испытуемые дошкольного, младшего школьного, подросткового и юношеского возраста и мужчины в период ранней и средней взрослости.

Семьи детей из экспериментальной группы участвовали в работе по созданию благоприятной для формирования предпосылок становления психологической готовности к отцовству семейно-образовательной среды. Результаты исследования доказывают, что даже опосредованное через родителей воздействие значимо для становления психологической готовности к отцовству в данном возрасте.

Показатели нашей модельной группы для отслеживания специфики становления психологической готовности к отцовству у детей младшего

школьного возраста также подтверждают, что оптимальное становление психологической готовности к отцовству определяется семейно-образовательными условиями.

Двенадцатилетнее лонгитюдное исследование возможностей оптимизации становления психологической готовности к отцовству в юношеском возрасте с помощью психологического тренинга показало, что различия в экспериментальной и контрольной выборках сохранились на протяжении 12 лет. Таким образом, показатели ведущих характеристик стратегии отцовства обрели более устойчивый характер у участников проведенного нами тренинга. Данные изменения становятся возможными благодаря действию психологического механизма индивидуализации конструктивной стратегии отцовства, в результате чего личностные характеристики обретают статус личностных свойств. То есть, можно сделать вывод, что тренинговая работа с юношами, направленная на формирование ответственного отцовства не только эффективна для развития положительных установок вовлеченности в жизнь будущего ребенка, осмысленности и ответственности по отношению к родительской роли, супруге, собственному здоровью, то есть, для формирования конструктивных стратегий отцовства, но и имеет долгосрочный положительный эффект более, чем через 10 лет.

Подобные результаты были получены и на выборке взрослых мужчин-отцов, у которых после экспериментального воздействия параметры, описывающие стратегию отцовства в данном возрасте стали выше, при отсутствии изменений у контрольной группы, что указывает на изменение стратегии отцовства в сторону большей конструктивности в экспериментальной группе и согласуется с нашими теоретическими положениями о возможности развития конструктивности стратегии отцовства у мужчин-отцов. Таким образом, были подтверждены все допущения второй гипотезы.

Основные выводы:

1. Проведенный нами историко-психологический анализ состояния изученности проблемы позволил определить психологическую готовность к

отцовству как совокупность сформированных установок, мотивов и определенных качеств личности, характеризующих способы и варианты интериоризации и экстериоризации отцовской роли мужчиной, детерминированных базисными ценностями личности и реализуемых на практике в конструктивной стратегии отцовства.

2. На основе теоретико-методологического анализа феномена психологической готовности к отцовству нами выделены в структуре психологической готовности к отцовству следующие компоненты: аксиологический компонент (принятие гендерной отцовской роли, зрелость личности, ответственность по отношению к собственному здоровью, поведению, отцовству, ценность отцовства, ценностное отношение к ребенку и кооперационное отношение к супруге, как партнеру родительства), рефлексивно-регулятивный компонент (личностная зрелость, рефлексия и саморегуляция) и праксиологический компонент (поведение и/или отцовские практики).

3. Стратегии отцовства представляют собой совокупность способов конструирования жизни отца и ребенка (а во многом и матери) в соответствии с установками и представлениями отца об отцовстве, имеющую трехкомпонентную структуру и содержание, критерии сформированности, определяемые через социальные, культурные и личностные ориентации личности (сформированные микро- мезо- и макрофакторами среды), и имеющую различную вариативность, позволяющую выделить внутри них конкретные типы проявления стратегий.

4. Психологическую готовность к отцовству можно описать через интегральный показатель оптимальности, который на каждом возрастном этапе определяется соотношением аксиологического, рефлексивно-регулятивного и праксиологического компонентов готовности к отцовству, что дает возможность выделить оптимальные и неоптимальные типы становления готовности к отцовству (конструктивные и неконструктивные типы стратегии отцовства во взрослости).

5. Несмотря на то, что родительство приходится на период взрослости, первые значимые характеристики готовности к отцовству проявляются задолго до

реализации отцовских практик во взрослости, начиная с дошкольного периода. В процессе становления психологической готовности к отцовству мы выделяем: 1) этап обозначения отцовства (включающий формирование представлений об отцовстве в дошкольном, младшем школьном, подростковом и юношеском возрасте); 2) этап осмысления отцовства и начала реализации стратегии отцовства; и 3) этап осознания отцовства и реализации готовности к отцовству в стратегии отцовства. Для каждого этапа характерны определенные, свойственные этому периоду детерминанты, условия, ведущие факторы и особенности и критерии сформированности психологической готовности к отцовству.

6. Психологические закономерности становления психологической готовности к отцовству отражают устойчивые связи и отношения между развитием личности и становлением системы ценностных ориентаций, гендерной идентичности, личностной зрелости, саморегуляции и рефлексии личности: становление психологической готовности к отцовству начинается с дошкольного возраста и имеет возрастно-психологическую и семейную специфику, предполагающую динамику постепенного повышения показателей всех компонентов психологической готовности к отцовству от дошкольного периода ко взрослости.

7. Семейное воспитание и образовательная среда детерминируют становление предпосылок психологической готовности к отцовству в дошкольном и младшем школьном возрасте; во многом определяют становление психологической готовности к отцовству в подростковом и юношеском возрасте и специфику реализации стратегии отцовства во взрослости.

8. Сформированная психологическая готовность к отцовству реализуется во взрослости в конструктивной стратегии отцовства взаимосвязанной с принятием гендерной роли отца, осмысленностью жизни, ценностью отношений и отцовства, а также личностной зрелостью, высоким уровнем саморегуляции и развитой рефлексией. Психологическими эффектами реализации конструктивных стратегий отцовства являются: ответственное отцовство (планирование рождения ребенка, юридически оформленный статус, эмоциональное, физическое и

финансовое участие в жизни ребенка), сформированность позитивных отцовских практик; позитивное родительское отношение и позитивное взаимодействие с супругой в рамках реализации родительских функций, гармоничные супружеские отношения, развитие личности отца и ребенка.

9. Психолого-педагогическая модель становления психологической готовности к отцовству предполагающая учет специфики становления психологической готовности к отцовству на разных возрастных этапах (дошкольники, младшие школьники, подростки и старшеклассники, взрослые) и в разных семейно-педагогических условиях и реализацию технологий психолого-педагогического сопровождения, оптимизирующих становление психологической готовности к отцовству по основным направлениям сопровождения становления психологической готовности к отцовству (психологическая работа с семьей, создание образовательной среды, благоприятной для становления психологической готовности к отцовству и/или специальный психологический тренинг) эффективна в современных условиях.

10. В качестве технологий в рамках психологической работы с семьей используются информационно-коммуникационные и он-лайн технологии, а также технологии гуманистического, экзистенциального, трансгенерационного подходов, психоанализа, и включающие по необходимости: психологическую диагностику, индивидуальное и семейное психологическое консультирование, психологическую коррекцию. Технологии формирования образовательной среды определяются возрастными особенностями респондентов. Индивидуальная работа включает информационно-коммуникационные технологии, технологии социализации, технологии проблемного обучения, проектные технологии, с использованием всех методов просвещения родителей, поддержки формирования субъектных свойств личности и методов убеждения. Групповая общеклассная работа проводится с использованием информационно-коммуникационных технологий, групповых технологий, технологий проблемного обучения, проектных технологий, технологии уровневой дифференциации, игровые технологии, технологии мастерских, кейс-технологий, а также традиционной

технологии (в рамках классно-урочной системы). Групповая внеклассная работа позволяет уделить большее внимание информационно-коммуникационным технологиям, групповым, проектным и игровым технологиям, а также кейс-технологиям.

В рамках психологического тренинга в зависимости от конкретной проблематики и аудитории может быть использован навыковый тренинг с использованием информационно-коммуникационных и игровых технологий, либо социально-психологический тренинг, с использованием, помимо перечисленных технологий мастерских и психотерапевтический тренинг с ориентацией на конкретные технологии гуманистического, экзистенциального, трансгенерационного подходов, технологии психоанализа, психодраматические и телесноориентированные технологии.

Подводя итог, следует отметить, что выдвинутые гипотезы подтвердились, а поставленные задачи решены. Представляется целесообразным дальнейшая разработка вопросов и проблем, как теоретического (изучение механизмов ассимиляции и интернализации отцовских функций, механизмов социального регулирования отцовства и т.д.), так и прикладного характера (применение полученных результатов для подготовки и повышения квалификации практических психологов, оказывающих психологическую помощь семье; при разработке коррекционных программ, в том числе и для детей, растущих без отца, программ для приемных родителей и отчимов), решение которых возможно только в более масштабном, возможно лонгитюдном (в двух и более поколениях) или кросскультурном исследовании, которое позволило бы своевременно прогнозировать и находить пути решения различных сложностей взаимодействия отца и ребенка, а также выявить и исследовать возможности регуляции становления психологической готовности к отцовству или формирования конструктивных стратегий отцовства, социальную значимость которого невозможно переоценить, на уровне макрофакторов среды.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абакумова, И. В. Влияние стиля родительского воспитания на формирование психологической готовности к обучению в дошкольном возрасте / И. В. Абакумова, П. Н. Ермаков, А. В. Гришина, А. С. Коленова // Воспитание и обучение детей младшего возраста, 2017. – № 6. – С. 262–263.
2. Абдуллина, С. А. Особенности внутренней позиции родителя у детей подросткового возраста / С. А. Абдуллина, Г. Г. Филиппова // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), 2016. – № 7(63). – С. 78–95. – doi: 10.12731/2218–7405–2016–7–78–95
3. Абрамова, Г. С. Возрастная психология: учеб. пособие / Г. С. Абрамова. – Екатеринбург: Деловая книга, 2002. – 704 с.
4. Абросимова, А. Е. Феномен отцовства в современной психологии / А. Е. Абросимова, Д. А. Кудачкин // Закономерности и тенденции развития науки в современном обществе. Сборник статей международной научно–практической конференции, 2016. – С. 149–152.
5. Абульханова-Славская, К. А. Стратегии жизни. / К. А. Абульханова-Славская. – М: Мысль, 1991 – 300 с.
6. Авдеева, Н. Н. Представления подростков с разной степенью агрессивности о взаимоотношениях с отцами: результаты лонгитюдного исследования / Н. Н. Авдеева, Е. А. Чепракова // На пороге взросления. Сборник научных статей к третьей Всероссийской научно–практической конференции. Серия «Психология развития». Департамент образования города Москвы, Российский гуманитарный научный фонд, 2011. – С. 124–136.
7. Авдуевская, Е. П. Психология подростка. Психосексуальное развитие / Е. П. Авдуевская. - М.: Педагогика, 1991. –176 с.
8. Авсиевич, М. Т. Супружеские конфликты и пути их преодоления / М. Т. Авсиевич, Л. И. Мельник. – М.: Материал в помощь лектору, 1988. – 22с.

9. Адлер, А. Воспитание детей. Взаимодействие полов / А. Адлер. - Ростов н/Д: Феникс, 1998. – 448с.
10. Айламазян, Э. К. Акушерство: учебник для медицинских вузов / Э. К. Айламазян. – СПб.: СпецЛит, 2010. – 543 с.
11. Акивис, Д. А. Отцовская любовь / Д. А. Акивис. - М.:Профиздат, 1989. – 208 с.
12. Акиньшина, Н. В. Особенности представлений об отцовстве у молодых отцов / Н. В. Акиньшина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки, 2011. – Т. 10. – № 12. – С. 271–278.
13. Алексеева, А. В. Трансформация семейных ролей мужчины и женщины в современном украинском обществе/ А. В. Алексеева // Семейная психология и семейная терапия, 2003. – №4.– С. 25.
14. Алешина, Ю. Е. Индивидуальное и семейное психологическое консультирование / Ю. Е. Алешина. – Изд. 2–е. – М.: Независимая фирма «Класс», 1999. – 208 с.
15. Алешина, Ю. Е. Социально-психологические методы исследования супружеских отношений: спецпрактикум: учебно-методическое пособие / Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская. – Москва: Издательство Московского университета, 1987. – 120 с.
16. Аликин, И. А. Особенности родительского отношения отцов / И. А. Аликин, Н. В. Лукьянченко // Молодёжь Сибири – науке России: Международная научно–практическая конференция, 2014. - С. 7–10.
17. Аллин, О. Н. Формирование готовности космонавтов к деятельности в нештатных ситуациях: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / О. Н. Аллин. - Москва. – 1998. – 218 с.
18. Алмазова, Н. И. К вопросу о возможности применения интернет-технологий на уроках английского языка в средней школе / Н. И. Алмазова, О. А. Сенцова //Вопросы методики преподавания в вузе, 2013. – № 2 (16). – С. 121– 128.
19. Алмазова, О. В. Современное отцовство: теоретико–практический анализ участия отцов в воспитании детей младенческого и раннего возраста

- / О. В. Алмазова, А. В. Ильиных // Специальное образование, 2015. – № 2. – С. 5–16.
20. Алферов, А. В. Проблема воспитания со стороны отца в семье / А. В. Алферов, О. И. Маркова // Педагогика и психология семьи: современные вызовы, традиции и инновации. Всероссийская научно–практическая конференция. - Якутск: Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2015. – С. 91–92.
21. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. - 3-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – 288 с.
22. Андреева, Г. М. Социальная психология / Г. М. Андреева. - М: Аспект Пресс, 2017. – 363 с.
23. Антилогова, Л. Н. Духовно-нравственное становление личности в современных условиях / Л. Н. Антилогова // Инновационное образование и экономика, 2014. – Т.1. - № 16. – С. 12–15.
24. Антилогова, Л. Н. Психологическое здоровье и психологическая культура в современном российском образовании / Л. Н. Антилогова // Материалы V Всероссийской научно–практической конференции «Психологическое здоровье и психологическая культура в современном российском образовании». – Барнаул, 2013. – С. 12–15.
25. Антилогова, Л. Н. Роль самооценки в развитии творческих способностей младших школьников / Л. Н. Антилогова, Л. Г. Карпова // Наука о человеке: гуманитарные исследования, 2016. – № 2. – С. 129–133. - DOI: 10.17238/issn1998–5320.2016.24.129
26. Антилогова, Л. Н. Роль семьи в нравственном становлении ребенка / Л. Н. Антилогова // Детство, открытое миру: сборник материалов Всероссийской научно–практической конференции. – Омск: Федеральное Государственное Бюджетное Образовательное Учреждение Высшего Образования Омский государственный педагогический университет, 2017. – С. 49–53.
27. Апасова, С. В. Формирование жизненных стратегий учащихся в учреждении дополнительного образования детей: автореф. дис. ... канд. пед.наук: 13.00.01 / С. В. Апасова. - Самара, 2007. – 20 с.

28. Араканцева, Т. А. Психологические особенности подростков с разным типом полоролевой ориентации: автореф. дис. ... канд. психол.наук: 19.00.07 / Т. А. Араканцева. – М., 1999. – 19 с.
29. Аронов, А. А. Досуг как средство патриотического воспитания молодежи / А. А. Аронов, Н. С. Кайдалова // Мир образования – образование в мире, 2015. – № 3. – С. 42–46.
30. Артамонова, А. Ф. Роль отца в воспитании ребенка в полных и неполных семьях / А. Ф. Артамонова // Актуальные научные вопросы и современные образовательные технологии: сборник научных трудов по материалам Международной научно–практической конференции: в 7 частях. – М., 2013. - С. 17–19.
31. Архиреева, Т. В. Влияние отношений с отцом на мотивационно–ценностные аспекты родительства у мужчин, имеющих детей / Т. В. Архиреева // Материалы второй Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи». В 3–х частях. – Часть 1 / под общей редакцией В. К. Шабельникова и А. Г. Лидерса. – М., 2005. – С. 64–74.
32. Асмолов, А. Г. Психология личности / А. Г. Асмолов. – М.: Изд–во МГУ, 1990. –367 с.
33. Асташова, Н. А. Аксиологические основы современного образования / Н. А. Асташова – Брянск: группа компаний «Десяточка», 2009. – 281 с.
34. Афонюшкин, О. С. Уровень сформированности конструктивной жизненной стратегии у учащейся молодежи / О. С. Афонюшкин // Молодой ученый, 2014. - № 21 (80). - С. 608–610.
35. Бабицкая, Л. А. Формирование ответственности у детей младшего школьного возраста в условиях семейного воспитания / Л. А. Бабицкая, А. К. Кузьминых // Наука вчера, сегодня, завтра: сборник статей по материалам XLII международной научно-практической конференции. – Новосибирск: СибАК, 2017. - № 1(35). – С. 32–35.
36. Бабич, Е. Г. Роль отца в семье, воспитывающей ребенка с ограниченными возможностями здоровья / Е. Г. Бабич, Д. В. Савченко // Ответственное отцовство:

актуальные проблемы и пути их решения: сборник научных статей. /Под ред. Е. А. Петровой. - Москва, 2015. - С. 14–17.

37. Баранова, Е. Ф. Особенности представлений об отце у мальчиков–подростков, воспитывающихся в полной и неполной семье / Е. Ф. Баранова, В. С. Новов // Личность, семья и общество: Вопросы педагогики и психологии, 2016. - № 62. - С. 62–68.

38. Басимов, М. М. Общий профиль системы позитивных родительских чувств у отцов / М. М. Басимов, Е. А. Падурин // Ученые записки Российского государственного социального университета, 2015. - Т. 14. - № 4 (131). - С. 53-68.

39. Батуков, С. А. Формирование готовности молодых спасателей к профессиональной деятельности в чрезвычайных ситуациях / С. А. Батуков // Вестник университета Государственный университет управления, 2010. – №25. – С. 11-13.

40. Бахадова, Е. В. Специфика отцовства в феномене родительства / Е. В. Бахадова // Научная и техническая информация в планировании и осуществлении научных исследований и реализации проектов Sp. z o.o. «Diamond trading tour», 2014. - С. 21–23.

41. Безрукова, О. Н. Готовность к отцовству: факторы, условия и предпосылки / О. Н. Безрукова // Вестник Санкт-Петербургского университета, 2007. – Сер.6. – Вып. 2. – Ч. I. – С. 98–109.

42. Безрукова, О. Н. Отцовство в трансформирующемся обществе: ожидания матерей и практики отцов / О. Н. Безрукова // Социологические исследования. 2013. – № 11. – С. 118–130.

43. Безрукова, О. Н. Тенденции рождаемости и репродуктивные установки молодежи в Санкт-Петербурге / О. Н. Безрукова // Внутриутробный ребенок... / Материалы Всемирного конгресса. – М.: Academia, 2007. – С. 35 – 36.

44. Белецкая, А. А. Особенности жизненных стратегий учащихся старших классов: кросс-культурный аспект: автореф. дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / А. А. Белецкая. – М., 2012. – 25 с.

45. Белогай, К. Н. Психологические задачи брака и факторы стабильности супружеских отношений / К. Н. Белогай // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 3 (43). С. 21–26.
46. Белогай, К. Н. Психологический тренинг как метод развития родительского отношения личности / К. Н. Белогай // Психология и современное общество: взаимодействие как путь взаиморазвития: материалы Международной научно–практической конференции. – Санкт–Петербург: СПбИУиП, 2006. – ч.1. – с. 61–67.
47. Белогай, К. Н. Структурные компоненты родительского отношения личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук / К. Н. Белогай. – Красноярск, 2006. – 21 с.
48. Белогай, К. Н. Эмпирическое исследование структуры родительского отношения / К. Н. Белогай, И. С. Морозова // Психологическая наука и образование. – 2008. – № 4. – С. 12– 23.
49. Белугина, М. А. Жизненные стратегии у своевременных студентов / М. А. Белугина // Психология в вузе, 2008. – №6. – С 93–103.
50. Берковский, В. А. Семья в системе факторов, определяющих жизненных стратегий старшеклассников: автореф. дисс. ..канд. социол. наук: 22.00.04 / В. А. Берковский. – Ставрополь, 2006. – 21 с.
51. Берн, Ш. Гендерная психология / Ш. Берн. – СПб.: Прайм – ЕВРОЗНАК, 2001. – 320с.
52. Берн, Э. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы / Э. Берн. - М: Эксмо, 2016. – 576 с. ISBN 978–5–699–27309–6
53. Битянова, М. Р. Адаптация ребенка к школе: диагностика, коррекция, педагогическая поддержка: (Для администрации школы, педагогов и школьных психологов): [Методические рекомендации] / М. Р. Битянова. – Москва: Образовательный центр «Педагогический поиск», 1997. – 112 с.
54. Бобкова, А. Г. Проблема готовности юношей к отцовству / А. Г. Бобкова, В. В. Коваль // Мир науки, культуры, образования, 2013. - № 4 (41). - С. 108–109.
55. Бодалев, А. А. Вершина в развитии взрослого человека / А. А. Бодалев. - М.: Флинта; Наука, 1998. – 168 с.

56. Божович, Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. – М.: Просвещение, 1968. – 464 с.
57. Боленко, Ю.В. Готовность к профессиональной деятельности курсантов и сотрудников пожарной охраны / Ю.В. Боленко // Вестник Бурятского государственного университета, 2014. – №1 (2). – С. 90.
58. Большов, В.Б. Высшее образование в системе жизненных стратегий молодежи (региональный аспект): автореф. дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / В. Б. Большов. – Краснодар, 2007. - 17 с.
59. Бондаренко, Е. Н. Жизненные стратегии молодежи закрытых административно–территориальных образований: социологический аспект: автореф. дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Е. Н. Бондаренко. - Екатеринбург , 2009. – 23с.
60. Бондырева, С. К. Традиции: стабильность и преемственность в жизни общества: учебное пособие: учебно-методическое пособие / С. К. Бондырева, Д. В. Колесов. - Москва: Изд-во Московского психолого-социального института, 2007. – 279 с.
61. Бордовская, Н. В. Современные образовательные технологии: учебное пособие для студентов, магистрантов, аспирантов, докторантов, школьных педагогов и вузовских преподавателей / Н. В. Бордовская, О. О. Жебровская, И. М. Бродская. / Москва: Компания КноРус, 2013. – 432 с.
62. Борисенко, Ю. В. Abortивное и контрацептивное поведение в свете здоровья молодежи / Ю. В. Борисенко, К.Н. Белогай, И.С. Морозова, Т.О. Отт // Семейная психология и семейная терапия, 2014. – № 3. – С.61-88.
63. Борисенко, Ю. В. Адаптация методики Caregiving and Breadwinning Reflected Appraisal Inventory (CBIRAI) на русский язык / Ю. В. Борисенко // Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология, 2013. – №4(15). – С.34–37.
64. Борисенко, Ю. В. Введение в сексологию для студентов-психологов: учебное пособие / Ю. В. Борисенко. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – 127 с.
65. Борисенко, Ю. В. Возможности формирования конструктивных стратегий отцовства в юношеском возрасте и ранней взрослости / Ю. В. Борисенко // Теория

и практика развития современного образования в России: коллективная монография / отв. ред. А.Ю. Нагорнова. – Ульяновск: Зебра, 2017. – 548 с. – С. 318–329.

66. Борисенко, Ю. В. К вопросу о личностных детерминантах родительства: отцовство и маскулинность / Ю. В. Борисенко // Вестник КемГУ, 2015. – № 2 (62). – Т.1. – С.112–119. (2015а)

67. Борисенко, Ю. В. К проблеме исследования отцовства: русскоязычный вариант методики Caregiving and Breadwinning Reflected Appraisal Inventory (CBIRAI) / Ю. В. Борисенко // Психологическая диагностика, 2014. – № 1. – С. 3–36.

68. Борисенко, Ю. В. Модель взаимосвязи факторов, определяющих специфику отцовства / Ю. В. Борисенко // Семейная психология и семейная терапия, 2006. – № 2. – С. 44–55.

69. Борисенко, Ю. В. Основы сексологии / Ю. В. Борисенко. – Ростов–на–Дону: Феникс, 2009. – 247 с. ISBN: 978–5–222–14511–1.

70. Борисенко, Ю. В. Особенности родительского отношения отчимов / Ю. В. Борисенко // Психологические проблемы современной семьи сборник тезисов VI-ой Международной научной конференции / Под ред. О. А. Карабановой., Е. И. Захаровой, С. М. Чурбановой., Н. Н. Васягиной. – Москва – Звенигород, 2015. – 1387 с. – С. 572–581.

71. Борисенко, Ю. В. Отцовство как психологический феномен личности / Ю. В. Борисенко. – Кемерово, 2011. – 280 с.

72. Борисенко, Ю. В. Оценка супружеских отношений родителей как фактор оценки собственных межличностных отношений в подростковом и юношеском возрасте / Ю. В. Борисенко, В. Ю. Соловьева // Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология, 2012. – №3(10). – С.34–36.

73. Борисенко, Ю. В. Проблема компетенции студентов-психологов в вопросах сексуального здоровья / Ю. В. Борисенко // Современные проблемы подготовки специалистов в области психопедагогики и театрального искусства.: Материалы и

- тезисы участников Международной научно-практической конференции, 20–21 октября 2011г. - Кишинев: Славян. ун-т, 2011. – 376 с. – С.221–226.
74. Борисенко, Ю. В. Проблема отцовства в современном обществе / Ю. В. Борисенко, А. Г. Портнова // Вопросы психологии, 2006. – №3. – С.122–130.
75. Борисенко, Ю. В. Проблемы влияния патерналистской депривации на развитие личности подростка / Ю. В. Борисенко // Семейная психология и семейная терапия, 2008. – № 2. – С. 11- 23.
76. Борисенко, Ю. В. Психология отцовства / Ю. В. Борисенко. – Москва – Обнинск: «ИГ-СОЦИН», 2007. – 220 с. – 1250 экз. – ISBN 978–5–91070–015–8.
77. Борисенко, Ю. В. Рассогласование родительских ролей как причина супружеских конфликтов: экологический подход / Ю. В. Борисенко // Вариативность развития личности в современной России: национально-региональные особенности: сборник научных статей по результатам всероссийской научно-практической конференции / под ред. И. С. Морозовой. – Кемерово, 2008. – С. 67–73.
78. Борисенко, Ю. В. Родительство в контексте личностной зрелости / Ю. В. Борисенко, А. Г. Портнова // Семейная психология и семейная терапия, 2008. – №4. – С. 41–59.
79. Борисенко, Ю. В. Семейные условия формирования родительской идентичности личности в современном мире / Ю. В. Борисенко // Вестник КеМГУ, 2015. – №3(63). – Т.3. – С. 93–98. (2015b)
80. Борисенко, Ю. В. Специфика культурно-обусловленных ролевых конфликтов родителей в современной семье / Ю. В. Борисенко // Вестник Кемеровского государственного университета, 2011. – № 4 (48). – с.125 –131.
81. Борисенко, Ю. В. Специфика психологической помощи семье в контексте работы с отцовством / Ю. В. Борисенко // Вестник Кемеровского государственного университета, выпуск 3 (43). – Кемерово, 2010. – 237 с. – С. 31–37.

82. Борисенко, Ю. В. Специфика родительского отношения мужчин, выросших в условиях патернальной депривации / Ю. В. Борисенко // Вестник Кемеровского государственного университета, 2013. – № 2 (54) Т.1. – с.143–148.
83. Борисенко, Ю. В. Специфика формирования отцовства как психологического феномена / Ю. В. Борисенко, К. Н. Белогай // Сибирский психологический журнал. – 2007. – № 2. – С. 102–106.
84. Борисенко, Ю. В. Сексуальное и репродуктивное здоровье молодежи в контексте психологии семьи / Ю. В. Борисенко, К. Н. Белогай, И. С. Морозова, Т. О. Отт // Семейная психология и семейная терапия, 2014. – № 1. – С.33–47.
85. Борисенко, Ю. В. Лонгитюдное исследование формирования конструктивных стратегий отцовства / Ю. В. Борисенко // Вестник Кемеровского государственного университета, 2017. - № 4. – С. 125-131.
86. Борисенко Ю.В. Возможности формирования у детей дошкольного возраста основ готовности к отцовству / Ю. В. Борисенко // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология, 2018. – № 2 (33). – С 65.-71.
87. Борисенко, Ю. В. Особенности ценностного отношения к отцовству детей вовлеченных и невовлеченных отцов / Ю. В. Борисенко // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология, 2018. - Т. 24. - С. 23–33.
88. Борисенко, Ю.В. Адаптация методики «Pre-school Activities Inventory (PSAI)» на русский язык / Ю. В. Борисенко // Вестник КемГУ, 2018. - № 2(74). – С. 92-98.
89. Босова, Л. Л. Цифровые образовательные ресурсы для пропедевтического курса информатики и ИКТ / Л. Л. Босова // Информатика и образование, 2009. – № 2. – С. 32– 46.
90. Бочаров В. В. Антропология возраста / В. В. Бочаров. – М.: Прогресс, 1999. – 189 с.
91. Боязитова, Т. Д. Ценностно-смысловые аспекты психолого-педагогической деятельности отца / Т. Д. Боязитова // Вестник Университета (Государственный университет управления), 2011. - № 6. - С. 18–19.

92. Боязитова, Т. Д. Ценностно-смысловые аспекты психолого-педагогической деятельности отца / Т. Д. Боязитова // Вестник Университета (Государственный университет управления), 2011. - № 7. - С. 11–13.
93. Боязитова, Т. Д. Ценностные ориентации мужчин, ожидающих появления ребёнка / Т. Д. Боязитова // Наука и современность, 2011. - № 9–1. - С. 261–266.
94. Братусь, Б.С. О механизмах целеполагания / Б.С. Братусь // Вопросы психологии, 1977. – №2. – с. 121–124.
95. Братухин, А. Г. Визуальное конструирование здоровьесберегающего репродуктивного поведения / А. Г. Братухин, Е. А. Магазева // Современные проблемы науки и образования, 2015. - № 6–0. - С. 65.
96. Брутман, В.И., Формирование привязанности матери к ребенку в период беременности / В. В. Брутман, М. С. Радионова // Вопросы психологии, 1997.– №6. – С. 38–47.
97. Бубнова, С. С. Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система / С. С. Бубнова // Психологический журнал, 1999. - Т. 20, № 5. – С. 38–44.
98. Букатов, В. М. Интерактивные технологии обучения: появление, характеристики, признаки и функции / В. М. Букатов // Новое в психолого-педагогических исследованиях, 2014. – № 4. – С. 73– 80.
99. Бурлачук, Л. Ф. Словарь-справочник по психодиагностике / Л. Ф. Бурлачук, С. М. Морозов. – СПб.: Питер. –1999. – 519 с.
100. Бутаев, М. В. Методологические возможности применения гендерного подхода к философскому анализу проблемы отцовства / М. В. Бутаев // Вестник Поволжского института управления, 2012. - № 3. - С. 158–162.
101. Бутаев, М. В. Отцовство как социальнофилософская проблема / М. В. Бутаев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика, 2012. – Т. 12. – № 2. – С. 7–10.
102. Бутовская, М. Л. Антропология пола / М. Л. Бутовская. - Фрязино: Век 2, 2013. - 256 с.

103. Вавилова, Л. Н. Состояние и перспективы развития современного педагогического образования / Л. Н. Вавилова, Т.С. Панина // Профессиональное образование в России и за рубежом, 2011. – № 2. – С. 45.
104. Валитова, И. Е. Родительство отца и родительство отчима: сравнительная характеристика / И. Е. Валитова, Е. А. Клещева // Вестник Барановичского государственного университета. Серия: Педагогические науки, Психологические науки, Филологические науки (литературоведение), 2013. – Т. 1. – № 1. – С. 84–91.
105. Варга, А. Я. Системная семейная психотерапия. Краткий лекционный курс /А. Я. Варга, Т. С. Драбкина. – СПб.: Речь, 2001. – 144 с.
106. Варга, А. Я. Структура и типы родительского отношения: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / А. Я. Варга. – М., 1986. – 32 с.
107. Васильева, О. С. Изучение основных характеристик жизненной стратегии человека / О.С. Васильева, Е.А. Демченко // Вопросы психологии, 2001. - № 2. – С. 74 – 85.
108. Васильченко, Г.С. Общая сексопатология. / Г.С.Васильченко. – М.: Медицина, 2005. – 512с.
109. Васягина, Н. Н. Обучение взрослых: опыт и перспективы / Н. Н. Васягина // Педагогическое образование в России. 2012. № 2. С. 9–12.
110. Васягина, Н.Н. Субъектное становление матери в современном социокультурном пространстве: автореф. дисс. ... доктора психол. наук: 19.00.07 / Н. Н. Васягина – Екатеринбург, 2011, – 47 с.
111. Веракса, Н. Е. Понимание детского развития с позиции экологической теории У. Бронфенбреннера / Н. Е. Веракса, А. Н. Веракса // Современное дошкольное образование. Теория и практика, 2014. – № 10 (52). – С. 56– 59.
112. Вербицкий, А. А. Теория и технологии контекстного образования: учебное пособие./ А. А. Вербицкий. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2017. – 268 с.
113. Весна, Е. Б. Особенности развития смысловой сферы подростков. / Е. Б. Весна, М. А. Фризен. – Петропавловск-Камчатский: Камчатский

государственный университет им. Витуса Беринга, 2007 – 189 с.

114. Визгина, А. В. Проявления личностных особенностей в самоописаниях мужчин и женщин / А. В. Визгина, С.Р. Пантилеев // Вопросы психологии, 2010. – № 3. – С. 91–101.

115. Витакер, К. Танцы с семьей. Семейная терапия: символический подход, основанный на личностном опыте / К. Витакер, В. Бамберри / пер. с англ. А. З. Шапиро. – М.: Независимая фирма «Класс», 1997. – 172 с.

116. Волкова, Е. Н. Дети-сироты и дети, растущие в семье: сравнительный анализ распространенности насилия / Е. Н. Волкова, И. В. Волкова, О. М. Исаева // Петербургская социология сегодня, 2016. – № 7. – С. 39– 57.

117. Выготский, Л. С. Собрание сочинений / Л. С. Выготский. – В 6-ти т. – Т. 4. – М.: Педагогика, 1984. – 432 с.

118. Гайдамашко И.В., Посохова А.В. Проблема психологической готовности к предпринимательской деятельности / И. В. Гайдамашко, А. В. Посохова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки, 2015. – № 3. – С. 17– 22.

119. Гальперин, П. Я. К вопросу об инстинктах у человека / П. Я. Гальперин // Психология как объективная наука. М.; Воронеж, 1998. – 480 с.

120. Ганзен, В. А. Системные описания в психологии / В. А. Ганзен. – Л.: Изд-во Ленингр.университета, 1984. – 176 с.

121. Геномика поведения: детское развитие и образование / под ред. С. Б. Малых, Ю. В. Ковас, Д. А. Гайсиной. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2016. – 446 с.

122. Гогоберидзе, А. Г. Сотрудничество семьи и детского сада: новые форматы партнерства / А. Г. Гогоберидзе, О. С. Павлова // Семья и современный социум. Серия. «Семья и дети в современном мире». – Санкт-Петербург: Издательство «Социально-гуманитарное знание», 2017. – С. 311– 315.

123. Годфруа, Ж. Что такое психология / Ж. Годфруа. – В 2-х т. – т. 1. – М.: Мир, 1996. – 491 с.

124. Головей, Л. А. Семейные факторы формирования доверия и

удовлетворенность жизнью в подростковом возрасте / Л. А. Головей, Ю. Ю. Данилова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология, 2015. – № 1. – С. 28–37.

125. Головей, Л. А. Структура семьи и семейное воспитание как факторы развития личности дошкольника / Л. А. Головей, В. Е. Василенко, С. С. Савеньшева // Социальная психология и общество, 2016. – Т. 7. – № 2. – С. 5–18.

126. Горбачева, В. И. Методологические основания теоретического изучения отцовства / В. И. Горбачева, Д. В. Мальцева // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение, 2011. - № 3 (65). - С. 216–230.

127. Гордон, Т. Повышение родительской эффективности / Т. Гордон // Популярная педагогика. – Екатеринбург, 1997. – 273 с.

128. Горелов, А. А. Детство как особая пространственно – временная субстанция приобщения растущего человека к миру взрослых (социализация и индивидуализация) в контексте основополагающих идей академика Д. И. Фельдштейна / А. А. Горелов, Л. А. Григорович, О. Г. Румба // Культура физическая и здоровье, 2015. – № 4 (55). – С. 20–24.

129. Горелов, А. А. Осознание через движение как детерминанта личностного саморазвития индивидуума / А. А. Горелов, С. А. Горелов, Л. А. Григорович // Теория и практика физической культуры, 2015. – № 2. – С. 50–53.

130. Горошенкина, Е. А. Стереотипы восприятия: образ отца в рамках образовательного процесса / Е. А. Горошенкина // Общество. Гендер. История: сборник статей и тезисов докладов VII всероссийской научной конференции с международным участием. - Липецк: Центр по проблемам гендера и прав человека НИИ Липецкого государственного технического университета, 2015. - С. 8–11.0

131. Горшкова, Н. М. Влияние отцовской депривации на формирование телесного образа-Я у детей дошкольного возраста / Н. М. Горшкова // Вестник Университета (Государственный университет управления), 2013. – № 13. – С. 191–194.

132. Горшкова, Н. М. Особенности образа тела у детей дошкольного возраста, воспитывающихся без отца в различные периоды детства / Н. М. Горшкова, Е. В. Филиппова // Психологическая наука и образование, 2013. – № 3. – С. 66–77.
133. Губанова, М. И. Учитель и ученик: грамотность, компетентность, технологичность – учебное пособие / М. И. Губанова, Е. П. Лебедева. – Кемерово: Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования, 2013. – 167 с.
134. Губанова, М. И. Функциональная грамотность младших школьников: проблемы и перспективы формирования / М. И. Губанова, Е. П. Лебедева // Начальная школа плюс до и после, 2009. – № 12. – 65–68.
135. Гузеев, В.В. Основы образовательной технологии: дидактический инструментарий. / В. В. Гузеев. – М.: Сентябрь, 2006. – 192с.
136. Гукасова, Г. С. Социально–психологические и социально–педагогические характеристики материнства и отцовства как феномена / Т. А. Гукасова // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 4. С. 78–81.
137. Гурко, Т. А. Вариативность представлений в сфере родительства / Т. А. Гурко // Социс, 2000.–№ 10. – С. 90–97.
138. Гурко, Т. А. Родительство: социологические аспекты / Т. А. Гурко. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. – 164 с.
139. Гуткина, Н. И. Личностная рефлексия в подростковом возрасте: дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Н. И. Гуткина. – Москва, 1983. – 176 с.
140. Данилова, Ю. А. Трехмерная модель отцовства: социально–психологический подход / Ю. А. Данилова // European Social Science Journal, 2014. - № 7–2 (46). - С. 339–345.
141. Дементий, Л.И. Жизненные стратегии: монография / Л. И. Дементий, В. Е. Купченко. – Омск: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2010. – 192 с.
142. Дементьева, И. Ф. Негативные факторы воспитания детей в неполной семье / И.Ф. Дементьева // Социс, 2001. – № 11. – С. 108–114.

143. Демина, А. С. Психологическая готовность к материнству в период ранней взрослости / А. С. Демина // Вестник Кемеровского государственного университета, 2013. - № 4–2 (56). - С. 88–92.
144. Дзукаева, В. П. Сепарация и индивидуация в отношениях с отцом в юношеском возрасте / В. П. Дзукаева // Психологические проблемы современной семьи сборник тезисов VI–ой Международной научной конференции / Под редакцией: О. А. Карабановой., Е. И. Захаровой, С. М. Чурбановой., Н. Н. Васягиной. – Москва – Звенигород, 2015. – 1387 с. - С. 257–274.
145. Дик-Рид, Г. Роды без страха / Г. Дик-Рид. – СПб.: Питер, 1997. – 345 с.
146. Дильтей, В. Описательная психология / В. Дильтей. – СПб., 1995. – 160 с.
147. Дмитриева, Н. В. Психологические факторы трансформации идентичности личности: автореф. дисс. доктора психол. наук: 19.00.01 / Н. В. Дмитриева. - Новосибирск, 1999. – 36 с.
148. Добряков, И. В. Перинатальная психология / И. В. Добряков. - СПб: Питер, 2010. - 272 с.
149. Долгов, Ю. Н. Типология жизненных стратегий личности / Ю. Н. Долгов, Т. Н. Смотровва // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сборник статей по материалам IX международной научно-практической конференции. - Часть III. – Новосибирск: СибАК, 2011. – С. 34-39.
150. Донцов, А. И. Дети и подростки, подвергающиеся жестокому обращению и насилию / А. И. Донцов, Д. А. Донцов, М. В. Донцов // Образовательные технологии, 2012. – № 3. – С. 108.
151. Дружинин, В. Н. Психология семьи / В. Н. Дружинин. – СПб.: Питер, 2006. – 176 с.
152. Дубровина, И. В. Психологическая готовность к семейной жизни как аспект самоопределения / И. В. Дубровина // Семья, брак и родительство в современной России. Выпуск 2. / Под редакцией А. В. Махнача, К. Б. Зуева. – Москва: Издательство: Институт психологии РАН, 2015. – с. 86– 95.
153. Дубровина, И. В. Родительская семья как первый этап непрерывного образования / И. В. Дубровина // Человек как предмет междисциплинарного

гуманитарного познания: Сборник научных статей Международной научно-практической конференции. / под ред. Л.Ф. Уварова, Е.В. Федосенко. – Санкт-Петербург: Издательство: ООО «НИЦ АРТ», 2015. – С. 306–309.

154. Думитрашку, Т. А. Структура семьи и когнитивное развитие семьи / Т. А. Думитрашку // Вопросы психологии. – 1996. – № 2. – С. 104–113.

155. Дунаева, Л. А. Родители учеников – мои главные помощники / Л. А. Дунаева // Начальная школа, 2007. – № 4. – С. 13–15.

156. Евдокимова, Е. В. Родительские отношения: многоаспектность и амбивалентность / Е. В. Евдокимова // Семья и личность: проблемы взаимодействия, 2014. - № 2. - С. 30–35.

157. Евсеенкова (Борисенко), Ю. В. Гендерные аспекты формирования родительских чувств в период ожидания ребенка/ Ю. В. Евсеенкова // Женщина. Образование. Демократия. Материалы 5-ой международной междисциплинарной научно-практической конференции (6–7 декабря 2002 г.). – Мн.: ЖИ «ЭНВИЛА», 2003. – С. 223.

158. Евсеенкова (Борисенко), Ю. В. Опыт исследования продуктивного отцовства в рамках работы с тренинговой группой / Ю. В. Евсеенкова, Н. В. Дмитриева // Вестник Кемеровского государственного университета, 2005 – № 2 (22). - С. 81–87.

159. Евсеенкова (Борисенко), Ю. В. Отцовство как психологический фактор развития личности: автореф. дисс... канд. психол. наук: 19.00.01 / Ю. В. Евсеенкова. - Новосибирск, 2006. – 16 с.

160. Евсеенкова (Борисенко), Ю. В. Отцовство как социально-психологический феномен на рубеже тысячелетий / Ю. В. Евсеенкова, А. Г. Портнова // Философия образования, 2003. – №11 – С.160-165.

161. Евсюкова, Н. И. Психолого-педагогические условия формирования готовности юношей допризывного возраста к службе в вооруженных силах / Н. И. Евсюкова – Владимир: ВГГУ, 2009. – 192 с.

162. Евтушенко, И. Н. Подготовка педагогов дошкольного образовательного учреждения к осуществлению гендерного воспитания детей дошкольного

- возраста / И. Н. Евтушенко // Формирование базовых профессиональных компетентностей будущих педагогов в условиях реализации новых образовательных стандартов и вузовский учебник: сборник материалов III Всероссийской научно–практической конференции преподавателей педагогических вузов. – М.: Баласс, 2009. - С. 283-287.
163. Ефимова А. А. Воспитание ребенка отцом как системное психолого-педагогическое явление / А. А. Ефимова, Ю. А. Токарева // Педагогическое мастерство и педагогические технологии, 2016. - № 2 (8). - С. 285–288.
164. Жане, П. Психологическая эволюция личности / П. Жане. - М.: Академический проект, 2010. – 399 с.
165. Жуков, Д. А. Биология поведения: гуморальные механизмы. / Д. А. Жуков. – М.: Речь, 2007. – 443 с.
166. Жуков, Д. А. Стой, кто ведет? Биология поведения человека и других зверей (комплект из 2 книг) / Д. А. Жуков. - Москва: Альпина нон–фикшн, 2016. – 802 с.
167. Задорова, Ю. А. Исследование привязанности в системе отношений семьи (на примере триады ребенок-мама-бабушка) / Ю. А. Задорова, Е. В. Куфтык. // Психология - наука будущего: Материалы VII Международной конференции молодых ученых «Психология - наука будущего». / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. - М.: Институт психологии РАН, 2017. - С. 277-281.
168. Задорова, Ю. А. Трансляция паттернов привязанности в поколениях семьи / Ю. А. Задорова, Е. В. Куфтык. // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2017. – Т. 9, № 2(43). – С. 10 [Электронный ресурс]. – URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 20.03.2018).
169. Заиграева, Н.В. Гендерная социализация и полоролевые представления подростков с интеллектуальной недостаточностью / Н. В. Заиграева, И. А. Коробейников // Дефектология. 2007. № 2. С. 15– 24.
170. Залужная, М.В. Программно–целевой подход в процессе формирования ответственного отцовства / М. В. Залужная // Современные наукоемкие технологии, 2016. -№ 10-1. - С. 132–135.

171. Захарова, Е. И., Условия становления материнской идентичности / Е. И. Захарова, Ю. А. Торчинова // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского, 2012. - №28. (Общественные науки). - С. 1234–1240.
172. Захарова, Е.И. Освоение родительской позиции как траектория возрастнопсихологического развития в зрелом возрасте / Е. И. Захарова // Педагогическое образование в России, 2015. - № 11. -С. 151–156.
173. Захарова, Е.И. Психология освоения родительства / Е. И. Захарова. – М.: ИИУ МГОУ, 2014. –258 с.
174. Захарова, Е.И. Родительство как ресурс личностного развития в зрелости // Труды кафедры возрастной психологии факультета психологии МГУ. – Выпуск 1. – М. Изд-во МГУ, 2007. – С. 25 –. 40
175. Захарова, И. В. Роль родителей в гендерной социализации ребенка / И. В. Захарова // Молодой ученый, 2011. - № 5–2. - С. 140–142.
176. Звонарева, А. Е. Советское отцовство: становление, конструирование и трансформация практик / А. Е. Звонарева. - Иваново: Ивановского государственного университета, 2014. - 152 с.
177. Здравомыслов, А. Г. Потребности, интересы, ценности А. Г. Здравомыслов. – М., 1986. – 222 с.
178. Зинченко, Ю. П. Постнеклассическая методология в клинической психологии: научная школа Л.С. Выготского – А.Р. Лурия / Ю. П. Зинченко, Е. И. Первичко // Национальный психологический журнал. 2012. – № 2. – С. 32–45.
179. Иванников, В. А. Психологические механизмы волевой регуляции. Учебное пособие: 3–е издание / В. А. Иванников. – СПб.: Питер, 2006. - 208 с.
180. Игнатова, О. В. Стереотип маскулинности в патриархальной культуре современного общества (в рамках концепции современного юнгианского психоанализа) / О. В. Игнатова, А. В. Косов // Актуальные проблемы психологического знания, 2010. - № 2. - С. 65–70.

181. Ильин, Е. П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины / Е. П. Ильин. – СПб.: Питер. – 2002. – 678 с.
182. Ильиных, А. В. Специфика влияния отца на развитие личности ребенка / А. В. Ильиных // Сборник докладов II Международной научно-практической заочной конференции (30 ноября 2015 года) / Научный ред. А.В. Гумеров. – Казань: ООО «Рокета Союз», 2015. – 252 с. - С. 59–64.
183. Иргит, Е. Л. Изучение осознанности родительства у отцов / Е. Л. Иргит // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая. Материалы III международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов – Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2015. – 266 с. - С. 54–56.
184. Исследование детско-родительских отношений. Методические рекомендации к курсу «Семейное консультирование» / сост. Т. Н. Мартынова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. – 27 с.
185. Кабалевская, А. И. Особенности гендерного поведения водителей / А. И. Кабалевская, А. И. Донцов // Вопросы психологии, 2013.– № 4. – С. 69– 87.
186. Казин, Э. М. Онтогенез. Адаптация. Здоровье. Образование: учебное пособие / Э. М. Казин, О. Г. Красношлыкова, Е. В. Белоногова, Н. Г. Блинова, Т. В. Волосовец, Э. В. Працун, Т. И. Рукас. – Кемерово: Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования, 2011. – 499 с.
187. Калинина, Р. Р. Психолого-педагогическая диагностика в детском саду: Учебно-методическое пособие / Р. Р. Калинина. – СПб: Издательство «Речь», 2011. – 144 с.
188. Карабанова, О. А. Психология семейных отношений / О. А. Карабанова. - Самара: СИОКПП, 2001. – 122 с.
189. Карабущенко, Н. Б. Проблема активности как становления субъектности в постнеклассической психологии / Н. Б. Карабущенко, А. В. Иващенко, Т. С. Пилишвили, Т. В. Чхиквадзе // Психологический журнал, 2016. – Т. 37. – № 3. – С. 15– 24.

190. Каракозов, С. Д. Использование межпарадигмального подхода в условиях полипарадигмальности современного образования: актуальность и сущность / С. Д. Каракозов, Н. Ю. Королева, Н. И. Рыжова // Мир науки, культуры, образования, 2011. – № 5. – С. 146–150.
191. Карпов, А. В. Рефлексивность как психическое свойство и методики её диагностики / А. В. Карпов // Психологический журнал, 2003. – Т. 24. – № 5. – С. 45–57.
192. Карпов, А. В. Системогенез деятельности. Игра. Учение. Труд. – Монография. – Том. 2. Системогенез игровой деятельности: методологические и теоретические основы исследования / А. В. Карпов, В. Д. Шадртков, Е. В. Карпова, Л. Ю. Субботина. – Ярославль: Издательство: Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2017. – 492 с.
193. Касаткина, Е. И. Гендерный подход в воспитании дошкольников (на материале изготовления игрушек из бросового материала) [Электронный ресурс] Е. И. Касаткина // Сборник материалов Ежегодной международной научно-практической конференции «Воспитание и обучение детей младшего возраста», 2014. - №2. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/gendernyy-podhod-v-vospitanii-doshkolnikov-na-materiale-izgotovleniya-igrushek-iz-brosovogo-materiala> (дата обращения: 30.11.2017).
194. Каширский, Д. В. Развитие ценностей-идеалов на переходном этапе от дошкольного к младшему школьному возрасту / Д. В. Каширский, О. С. Безугляк // Ползуновский вестник, 2006. - № 3. - С 116–124.
195. Кащенко, Е. А. Сексуальность от зачатия до смерти: онтогенез сексуальности / Е. А. Кащенко, С. Т. Агарков. – М.: Издательские решения, 2015. – 292 с.
196. Кедярова, Е. А. Специфика отцовского отношения к детям дошкольного возраста / Е. А. Кедярова // В мире научных открытий, 2013. -№ 11.4 (47). - С. 151–160.
197. Кибальник, А. В. Проблема овладения студенческой молодёжью конструктивными стратегиями преодоления трудных жизненных ситуаций: опыт

эмпирического исследования / А. В. Кибальник // Современные исследования социальных проблем, 2015. - № 8 (52). - С. 279–293.

198. Клецина, И. С. Взаимосвязь норм маскулинности и социальных представлений о содержании поведения в рамках отцовской роли / И. С. Клецина, Е. А. Чикалова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, 2013. -Т. 5. -№ 2. - С. 24–35.

199. Клецина, И. С. Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности / И. С. Клецина // Женщина в российском обществе, 2009. - № 3. - С. 29–41.

200. Климова, К. А. О формировании ответственности у детей 6–7 лет / К. А. Климова // Формирование коллективных взаимоотношений у детей старшего дошкольного возраста. – М.: Просвещение, 1968. - С. 328–353.

201. Ключко, В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ) / В. Е. Ключко. -Томск: Изд-во Томского университета, 2005. – 189 с.

202. Ковалева, Е. О. Образ идеального отца: особенности представлений у юношей / Е. О. Ковалева // Современные проблемы науки и образования, 2014. - №1. - С. 418.

203. Ковалева, Ю. В. Совместная регуляция поведения супругов на различных этапах жизненного цикла семьи / Ю. В. Ковалева // Психологический журнал, 2012. - Т. 33. - № 5. - С. 50–70.

204. Кодесс, П. Б. особенности формирования жизненной стратегии старшеклассников: автореф. дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / П. Б. Кодесс. – Москва, 2005. - 24 с.

205. Кокоренко, В. Л. Отцовство как социально-психологический феномен / В. Л. Кокоренко // Ученые записки Санкт–Петербургского государственного института психологии и социальной работы, 2009. - Т. 11. - № 1. - С. 13–19.

206. Колмогорова, Л. С. Диагностика психологической культуры школьников: практическое пособие для школьных психологов / Л. С. Колмогорова. – Москва: Владос, 2002. – 260 с.

207. Кольцова, В. А. Социально-психологические проблемы патриотизма и особенности его воспитания в современном российском обществе / В. А. Кольцова, В.А. Соснин // Психологический журнал, 2015. – Т. 26. – № 4. – С. 89.
208. Кон, И. С. Мужчина в меняющемся мире / И. С. Кон. – М.: Время, 2009. – 496 с.
209. Кон, И. С. Открытие «Я» / И. С. Кон. - М.: Политиздат, 1978. – 367 с.
210. Кон, И. С. Ребенок и общество : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / И. С. Кон. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 336 с.
211. Кон, И.С. Мальчик – отец мужчины / И. С. Кон. – М.: Время, 2010. – 704 с.
212. Коновалова, Л. А. Роль межличностного восприятия в диаде «отец–дочь» в формировании личности студента / Л. А. Коновалова, М. К. Воронина // Дополнительное профессиональное образование в условиях модернизации: материалы шестой всероссийской научно-практической интернет-конференции (с международным участием) / под науч. ред. М. В. Новикова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2014. – 240 с. - С. 174–180.
213. Конопкин, О. А. Общая способность к саморегуляции как фактор субъектного развития / О. А. Конопкин // Вопросы психологии, 2004. – № 2. – С. 128 – 135.
214. Константинова, Е. Б. Вторичная занятость студентов как фактор формирования жизненных стратегий: автореф. дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.06 / Е. Б. Константинова. - Екатеринбург, 2006. – 22 с.
215. Коркина, Н. А. Отцовство в современной семье / Н. А Коркина // Семейная психология и семейная терапия, 2003. – №4.– С. 48–54.
216. Кормачев, А. В. Психологические характеристики готовности к действию при обнаружении взрывчатых веществ и устройств / А. В. Кормачев, С. В. Чичин // Психопедагогика в правоохранительных органах, 2000. – №2. – С.62-66.
217. Корниенко, Д. С. Отцовское отношение в связи с конфигурацией семьи / Д. С. Корниенко, Е. Н. Красильникова, Е. Н. Ротманова // Современные проблемы науки и образования, 2013. - № 5.- С. 627.

218. Корниенко, Д. С. Разработка, адаптация и психометрическая проверка опросника «утверждения об отцовстве» / Д. С. Корниенко, Ф. В. Дериш, Е. Н. Красильникова // *Фундаментальные исследования*, 2013. - № 10–8. - С. 1825–1829.
219. Кочубей, Б. И. Мужчина и ребенок / Б. И. Кочубей. – М.: Знание, 1990.– 80 с.
220. Кошель, Г. В. Формирование личности ребенка, при отсутствии одного из родителей / Г. Г. Кошель // *Молодой ученый: вызовы и перспективы*. Сборник статей по материалам I международной научно-практической конференции. - М.: Интернаука, 2015. - С. 83–88.
221. Крайг, Г. Психология развития / Г. Крайг, Д. Бокум. – 9–е изд. – СПб.: Питер, 2004. – 940 с.
222. Красавцева, Н. И. Гендерное воспитание в условиях ФГОС ДО [Электронный ресурс] / Н. И. Красавцева. - Режим доступа <http://nsportal.ru/detskii-sad/vospitatelnaya-rabota/2015/12/17/gendernoe-vospitanie-v-usloviyah-fgos-do> (дата обращения 21.03.2017)
223. Красильникова, Е. Н. Модели отцовства как фактор различий в детско–родительских отношениях / Е. Н. Красильникова // *Психологические проблемы современной семьи*. Сборник тезисов VI–ой Международной научной конференции / Под редакцией: О. А. Карабановой., Е. И. Захаровой, С. М. Чурбановой., Н. Н. Васягиной. – Москва – Звенигород, 2015. – 1387 с. - С. 649–654.
224. Краснова, О. В. Роль бабушки: сравнительный анализ / О. В. Краснова // *Психология зрелости и старения*. – 2000. – № 2. – С. 89–114.
225. Краснорядцева О. М. Готовность к инициативному поведению студенческой молодежи / О. М. Краснорядцева // *Сибирский психологический журнал*, 2012. - № 46. - С. 76-83.
226. Краснорядцева О. М. Психологическая готовность к инновационной деятельности учащихся и педагогов как характеристика образовательной среды /

О. М. Красноярцева // Вестник Томского государственного университета, 2012. - № 358. - С. 152-157.

227. Красноярцева О.М. Мотивационная готовность педагогов к использованию психологической информации в диагностической деятельности / О. М. Красноярцева // Педагог: наука, технология, практика, 1999. - № 2. - С. 81-85.

228. Красношлыкова, О. Г. Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования как центр научно-методического сопровождения приоритетных направлений развития системы образования региона / О. Г. Красношлыкова // Учитель Кузбасса, 2013. – №2 (25). – С. 3–9.

229. Крюкова, Т. Б. Современные подходы к исследованию проблемы психологической готовности к деятельности в электроэнергетической сфере / Т. Б. Крюкова // Приволжский научный журнал, 2009. – №3. – С.1-27.

230. Крюкова, Т. Л. Человек как субъект совладающего поведения / Т. Л. Крюкова. // Психологический журнал, 2008. - Т. 2. - №. 2. - С. 88–95.

231. Кузнецов, А. А. Реализация требований нового ФГОС в практике школьного образования / А. А. Кузнецов // Информатика и образование, 2014. – № 5 (254). – С. 3– 16.

232. Кукушкина, О. И. Жизненный опыт ребенка: систематизация и обобщение. Времена года / О. И. Кукушкина, Т. К. Королевская, Е. Л. Гончарова // Альманах Института коррекционной педагогики РАО, 2012. – № 16. – С. 1– 5.

233. Куфтяк Е.В. Взаимосвязь привязанности ребенка к матери с отношениями близости в семье / Е. В. Куфтяк. // От истоков к современности 130 лет организации психологического общества при Московском университете: сборник материалов юбилейной конференции в 5 томах. – М.: : Издательство Когито-Центр , 2015. - С. 119-121.

234. Куфтяк, Е. В. Паттерны привязанности в поколении семьи: межпоколенческая передача / Е. В. Куфтяк. // Психологические проблемы современной семьи: сборник тезисов VI-ой Международной научной

конференции. Под редакцией: Карабановой О.А., Захаровой Е.И., Чурбановой С.М., Васягина Н.Н. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2015. – С. 322-335.

235. Куфтяк, Е. В. Факторы становления совладающего поведения в детском и подростковом возрасте / Е. В. Куфтяк. // Психологические исследования, 2012. - №.2(22). - С. 4. - <http://psystudy.ru/num/2012n2-22/656-kuftyak22.html#e3> (дата обращения 20.03.2018)

236. Лангмейер, Й. Психическая депривация в детском возрасте / И. Лангмейер, З. Матейчек. – Прага: Авиценум, 1984. – 385 с.

237. Латышева, Ю. А. Специфика отцовской роли: традиционный и новый взгляд на проблему / Ю. А. Латышева // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. - Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика, 2012. - Т. 18. - № 4. - С. 36–39.

238. Латышева, Ю. А. Феномен отцовства: современные исследования / Ю. А. Латышева // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. - Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика, 2013. - Т. 19. - № 1. - С. 47–51.

239. Левина, Н. А. Самоотношение и механизмы психологической защиты молодых мужчин с несформированной личностно–смысловой сферой отцовства / Н. А. Левина, С. В. Сосова // Психология XXI века. Сборник материал V Международной научно–практической конференции молодых ученых. - Издательство: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2009. - С. 344–348.

240. Левицкая, И. А. Профессиональное самоопределение как социокультурный процесс / И. А. Левицкая // Вестник Кемеровского государственного университета, 2014 . – № 2(2). – С. 136–140.

241. Левкиевская, Е. Е. Магические функции хозяина в восточнославянской традиционной культуре / Е. Е. Левкиевская // Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре / Под ред. И. А. Морозова. - М.: Лабиринт, 2001. – С. 106–114.

242. Левченко, А. В. Аспекты личностной готовности современного мужчины к отцовству / А. В. Левченко // Российский психологический журнал, 2008. - Т. 5. - №3. - С. 93–95.
243. Левченко, А. В. Опыт исследования образа отца и представлений о собственном отцовстве у молодых мужчин / А. В. Левченко // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. - Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика, 2008. -Т. 14. - № 6. - С. 165–170.
244. Лельчицкий, И. Д. Интеграция семьи и школы: философско-педагогический аспект / И. Д. Лельчицкий, Р. Е. Спиридонов // Образование и общество, 2010. – № 3. – С. 29– 31.
245. Леонов, Н. И. Влияние доверия в организации на стратегии поведения сотрудников в конфликтной ситуации / Н. И. Леонов, И. Ю. Леонова // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика, 2016. – Т. 26. – № 1. – С. 53– 70.
246. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. — М.: Политиздат, 1975. — 304 с.
247. Леонтьев, Д. А. Методика изучения ценностных ориентаций / Д. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1992. – 17 с.
248. Леонтьев, Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. - 2-е, испр. изд. - М.: Смысл, 2003. — 487 с..
249. Леонтьев, Д. А. Тест смысло-жизненных ориентаций / Д. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1992. – 16 с.
250. Леонтьев, Д. А. Феномен ответственности: между недержанием и гиперконтролем / Д. А. Леонтьев // Экзистенциальное измерение в консультировании и психотерапии. - Вильнюс: ВЕАЭТ, 2005. – Т 2. – С. 122.
251. Лидерс, А. Г. Семья как психологическая система. Очерки психологии семьи / А. Г. Лидерс. – Москва – Обнинск: «ИГ – СОЦИН», 2004. – 296 с.

252. Литвинова, О. Ю. Субъектная позиция как условие формирования психологической готовности военнослужащего к деятельности в экстремальных условиях / О. Ю. Литвинова // Теория и практика общественного развития. – М.: ООО «Издательский дом «ХОРС», 2012. – №12. – С. 177-180.
253. Лихачев, Б. Т. Педагогика: курс лекций / Б. Т. Лихачев; под ред. В. А. Сластенина. — М.: Гуманитар, ВЛАДОС, 2010. — 647 с
254. Логинова, И. О. Психология жизненного самоосуществления / И. О. Логинова. - М.: Изд-во СГУ, 2009. - 279 с.
255. Ломов, Б. Ф. Личность как продукт и субъект общественных отношений / Б. Ф. Ломов// Психология личности в социалистическом обществе: Активность и развитие личности. – М.Н Наука, 1989. – С. 6–23.
256. Лукацкий, М. А. Антропологические грани процесса социализации / М. А. Лукацкий // Теория и практика воспитания: педагогика и психология: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 120-летию со дня рождения Л.С. Выготского. – Москва: Московский психолого-социальный университет, 2016. – С. 424– 427.
257. Луков, М. Ю. Автономия личности как предпосылка принятия мужчинами отцовской роли / М. Ю. Луков // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, 2013. - № 74–2. - С. 82–85.
258. Лытова, Е. С. Психологические особенности современного отцовства / Е. С. Лытова // Тенденции развития современного общества материалы II Международной научно–практической конференции. – Волжский: Волжский институт экономики, педагогики и права, 2013. - С. 381–383.
259. Ляксо, Е.Е. Некоторые характеристики материнской речи, адресованной младенцам первого полугодия жизни / Е. Е. Ляксо // Психологический журнал, 2002. – Т. 23. – №2. – С. 47–54.
260. Ляхова, М. А. Ценностные компоненты жизненных стратегий студентов вуза, воспитывавшихся вне родительской семьи: автореф. дисс. канд. психол. наук: 19.00.07 / М. А. Ляхова. - Кемерово 2011. – 23 с.

261. Максимова, В. Н. Акмеологическая теория в контексте проблемы качества образования / В. Н. Максимова // Педагогика, 2002. – №2. – С. 9–14.
262. Малаева, М. В. Структурный компонент родительской сферы у мужчин / М. В. Малаева // Молодой ученый: вызовы и перспективы. сборник статей по материалам IX международной заочной научно-практической конференции. - № 7 (9). - М., Изд. «Интернаука», 2016. - 535 с. - С. 97–101.
263. Маркелова, А. В. Психолого-социальная помощь молодым супругам в подготовке к родителству / А. В. Маркелова // Наука, образование, общество: проблемы и перспективы развития сборник научных трудов по материалам Международной научно–практической конференции. – Тамбов: АР-Консалт, 2015. - С. 87–89.
264. Маркова, М. Ю. Основы эффективного целеполагания: программа тренинга / М. Ю. Маркова. - Нижнекамск: Нижнекамский муниципальный институт, 2011. - 45 с.
265. Марковская, И. М. Мужские семейные роли в картине мира разных поколений / И. М. Марковская // Семейная психология и семейная терапия, 2003. – №4. – С. 56.
266. Марковская, И. М. Тренинг взаимодействия родителей с детьми. Цели, задачи и основные принципы / И. М. Марковская. – М.: Издательство «Речь», 2005. – 150 с.
267. Маслоу, А. Новые рубежи человеческой природы / А. Маслоу. - Под общ. ред. Г. А. Балла, А. И. Киричука, Д. А. Леонтьева. – М.: Смысл, 1999. – 421 с.
268. Маслоу, А. Самоактуализирующаяся личность / А. Маслоу // Психология личности: Тексты / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузыря. – М.: Изд–во МГУ, 1982. – 287 с.
269. Матюхина, М. В. Возрастная и педагогическая психология / М. В. Матюхина. – М., 2011. –С. 68–93.
270. Матюхина, М. В. Изучение и формирование мотивации учения у младших школьников: Учеб. пособие / М. В. Матюхина. – Волгоград: ВГПИ, 1983. - 72 с.

271. Мдивани, М. О. Методика исследования жизненных стратегий / М. О. Мдивани, П. Б. Кодесс, // Вопросы психологии, 2006. – №4. – С 146–150.
272. Медведева, А. М Отцовство: образ современного папы / А. М. Медведева, Т. К. Ростовская // Социальные технологии работы с молодежью: новое время – новые решения. Материалы межвузовской научно–практической конференции. Сборник научных статей. – М.: Перспектива, 2016. - С. 152–157.
273. Мещерякова, С.Ю. Психологическая готовность к материнству / С. Ю. Мещерякова // Вопросы психологии, 2000. – №5. – С. 18–27.
274. Мид Дж. Г. Избранное: Сб. переводов / Сост. и переводчик В. Г. Николаев. Отв. ред. Д. В. Ефременко. - М.: РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии, 2009. - 290 с
275. Михайлова, А. И. Отцовство как новый тип родителей в контексте научного знания / А. И. Михайлова // Вестник Забайкальского государственного университета, 2012. - № 12. - С. 70–79.
276. Михайлова, А. И. Социокультурная детерминация родительства: отцовский вариант / А. И. Михайлова // Ученые записки Забайкальского государственного университета. - Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа, 2010. - № 4. - С. 169–172.
277. Михайлова, Е.В. Педагогические условия формирования нравственных ценностей у младших школьников во внеурочной деятельности: автореф. дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Е. В. Михайлова. – Москва, 2007. – 20 с.
278. Михеева, Н. Д. «Методика незаконченных ситуаций (МНС) для диагностики родительской компетентности» / Н. Д. Михеева // Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям. - М.: Издательство ИП РАН, 2009. – С. 279–296.
279. Морозова, В. А. Родительские внутренние конфликты и их реализация в детско-родительских отношениях / В. А. Морозова // Психология обучения, 2009. - № 5. - С. 46–55.

280. Морозова, И. С. Апробация опросника «Репродуктивные мотивы» / И. С. Морозова, К.Н. Белогай, Ю. В. Борисенко, Т. О. Отт // Вестник КемГУ, 2014. - № 3(59). – Т.3. - С.140-146.
281. Морозова, И. С. Динамика содержательных характеристик ценностно-мотивационного компонента психологической готовности студентов к профессиональной деятельности на различных этапах обучения в вузе / И. С. Морозова, Е. В. Воронова // Вестник Кемеровского государственного университета, 2016. - №2. - С. 120 - 125.
282. Морозова, И. С. Проблемы профилактики абортного поведения молодежи / И. С. Морозова, Ю. В. Борисенко, К.Н. Белогай, Т. О. Отт // Вестник КемГУ, 2015. – № 4 (64). – Т.1. – С.90–95.
283. Морозова, И. С. Психология семейных отношений: учебное пособие / И. С. Морозова, К. Н. Белогай, Ю. В. Борисенко. – Кемерово, 2012. – 424 с.
284. Морозова, И. С. Технологии формирования конструктивной репродуктивной мотивации и профилактики абортного поведения молодежи: учебно-методическое пособие / И. С. Морозова, Ю. В. Борисенко, К. Н. Белогай, Т. О. Отт. - Кемерово, 2014. – 158 с. (2014b)
285. Морозова, И. С. Роль типа родительского поведения в процессе становления психологической суверенности подростка/ И. С. Морозова, Н. А. Викдорова // Вестник Кемеровского государственного университета, 2015. - № 1–1 (61). - С. 135–138.
286. Моросанова, В. И. Самосознание и саморегуляция поведения / В. И. Моросанова, Е. А. Аронова. – М.: Институт психологии РАН, 2007. – 213 с.
287. Муздыбаев, К. Психология ответственности / К. Муздыбаев. – Л.: Наука, 1983. – 240 с.
288. Муздыбаев, К. Удовлетворенность жизнью, ощущение счастья, переживание смысла собственного бытия / К. Муздыбаев // Рабочий класс СССР на рубеже 80–х годов. – М.: ИНИОН АН СССР, 1981. – С.181–198.
289. Мухина, В. С. Детская психология / В. С. Мухина. – М.: ЭКСМО–ПРЕСС Апрель – пресс, 2000. – 352 с.

290. Мясищев, В. Н. Социальная психология и психология отношений / В. Н. Мясищев // Проблемы общей психологии. – М.: Наука, 1965. – С. 6–17.
291. Надирашвили, Ш. А. Установка и деятельность / Ш. А. Надирашвили. – Тбилиси: Мецниереба, 1987. – 361 с.
292. Наумова, Н. Ф. Жизненная стратегия человека в переходном обществе / Н. Ф. Наумова // Социологический журнал, 1995. - № 2. - С. 5–22.
293. Наумова, Н.Ф. Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения / Н. Ф. Наумова. – М., 1988. – 199 с.
294. Некрасов, С. Д. Определимся с понятием «отцовство» / С. Д. Некрасов, З. И. Рябикина, А. Р. Тиводар // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета, 2013. - № 86. - С. 852-862.
295. Нечаев, Н. Н. Развитие и обучение: при каких условиях обучение может стать «развивающим»? / Н. Н. Нечаев // Российский психологический журнал, 2015. – Т. 12. – № 3. – С. 70– 88.
296. Нигматулина, В. А. Изучение нормативных представлений о социальной роли отца у старших подростков / В. А. Нигматулина, Т. Б. Булыгина // Психология и современный мир материалы Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием. – Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, 2016. - С. 99–102.
297. Николаев, Н. Н. Типы семей в современном российском обществе (социально–философский анализ): дисс. ... канд.а философ. наук: 09.00. 11 / Н. Н. Николаев. - Ростов–на–Дону, 2007 – 224 с.
298. Новичкова, Н. И. Роль семьи в процессе нравственного воспитания ребёнка / Н. И. Новичкова // Тенденции развития современного общества. Сборник материалов IV международной научно–практической конференции «Тенденции развития современного общества». - Волжский: Волжский институт экономики, педагогики и права, 2015. – С. 320–327.

299. Ньюфельд, Г. Не упускайте ваших детей / Г. Ньюфельд, Г. Матэ. - М.: Ресурс, 2012. – 384 с.
300. Овчарова, Р. В. Психологическое сопровождение родительства / Р. В. Овчарова. – М.: Издательство института психотерапии, 2003. – 205 с.
301. Овчарова, Р. В. Психология родительства : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Р. В. Овчарова. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 368 с.
302. Овчарова, Р. В. Стандартизация методики исследования мотивационно-потребностной сферы отцовства / Р. В. Овчарова, Ю. А. Токарева // Известия Уральского федерального университета.- Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры, 2010. - Т. 78. - № 3. - С. 75–82.
303. Овчинников, М. В. Роль отца в формировании личностной беспомощности у детей / М. В. Овчинников, Ю. В. Честюнина, К. Ю., Эвнина, Е. А. Евстафеева // Фундаментальная наука и технологии – перспективные разработки Материалы IV международной научно–практической конференции. - North Charleston: Научно-издательский центр «Академический», 2014. - С. 72.
304. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка/ С. И. Ожегов. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство «Мир и образование», 2014. – 736 с.
305. Олифиревич, Н. И. Семейные кризисы: феминология, диагностика, психологическая помощь. / Н. И. Олифиревич, Т. А. Зинкевич–Куземкина, Т. Ф. Велента. – М.-Обнинск: «ИГ– СОЦИН», 2005. – 356 с.
306. Олпорт, Г. Становление личности: Избранные труды / Г. Олпорт. – М.: Смысл, 2002. – 462 с.
307. Олсон, Л. Традиция, трансгрессия, компромисс. Миры русской деревенской женщины / Л. Олсон, С. Адоньева. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 444 с.
308. Ореховский, А. И. Ответственность и ее социальная природа (Методологический аспект) / А. И. Ореховский. – Томск, 1978. – С.3–13.

309. Осипова, А. А. К вопросу о стратегиях преодоления психологических барьеров / А. А. Осипова, М. В. Прокопенко // Российский психологический журнал, 2014. - Т. 11. - № 4. - С. 38–54.
310. Осмоловская, И. М. Проблема междисциплинарности в исследованиях процесса обучения / И. М. Осмоловская, Л. А. Краснова // Образование и наука, 2017. – Т. 19. – № 7. – С. 9– 24.
311. Отт, Т. О. Особенности саморегуляции учебной деятельности студентов на начальных этапах обучения в вузе / Т. О. Отт, И. С. Морозова // Вестник КемГУ, 2011. – № 1 (45). – с. 124–131.
312. Панина, Т.С. Образование взрослых: перспективы развития / Т. С. Панина, Л. Н. Вавилова // Профессиональное образование. Столица, 2010. – №12. – С. 31–33
313. Пастухова, М. В. Влияние отношений с отцом на развитие самооценки ребенка младшего школьного возраста / М. В. Пастухова // Российский медико–биологический вестник им. академика И.П. Павлова, 2010. - № 3. - С. 91–96.
314. Пастухова, М. В. Психологические аспекты проблематики девиантного отцовства / М. В. Пастухова // Женщина в Российском обществе, 2011. - № 2. - С. 88–93.
315. Педагогическая поддержка ребенка в образовании : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / под ред. В. А. Сластенина, И. А. Колесниковой. – М. : Академия, 2006. – 189 с.
316. Петрова, Е. А. Готовность к отцовству как социально–психологическая проблема/ Е. А. Петрова, Ю. А. Данилова // Социальная политика и социология, 2012. - № 10 (88). - С. 184–203.
317. Петронюк, И. С. Современные проблемы психологии отцовства / И. С. Петронюк // Вестник ТОГИРРО, 2016. - № 2. - С. 92–94.
318. Пиаже, Ж. Избранные психологические труды / Ж. Пиаже. – М., 1969.– 680 с.
319. Платонов, К. К. Структура и развитие личности / К. К. Платонов. – М.: Просвещение, 1986.– 224 с.

320. Плехова, В. В. Формирование конструктивных способов реагирования в конфликтных ситуациях / В. В. Плехова // Культура и образование: от теории к практике, 2015. - Т. 1. - № 1. - С. 187–191.
321. Плотницкая, М.Р. Стратегии самореализации личности при различных типах гендерной идентичности: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / М. Р. Плотницкая – Хабаровск, 2008. – 24 с.
322. Побединская, И.В., Георгиева О.М. Проявление гендерных различий в игровых предпочтениях мальчиков и девочек дошкольного возраста (на примере выбора игрушек) [Электронный ресурс] / И. В. Побединская, О. М. Георгиева, 2013. – Режим доступа: // <http://nsportal.ru/detskiy-sad/raznoe/2013/03/23/proyavlenie-gendernykh-razlichiy-v-igrovykh-predpochteniyakh-malchikov> (дата обращения 26.07.2017)
323. Повshedная, Ф. В. Духовно-нравственное и психологическое здоровье будущего педагога в контексте православного образования /Ф. В. Повshedная, О. В.Лебедева // Русская православная церковь и русская цивилизация: XXVI Рождественские православно-философские чтения. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, 2017. – С. 177– 182.
324. Подкладова, Т. Д. Мужчина-отец в семье и обществе: вовлеченность vs. Исключенность / Т. Д. Подкладова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 2016. - № 1 (33). - С. 107–112.
325. Подольский, А. И. Связь ценностных ориентаций современных подростков с психологическими характеристиками их учителей и родителей / А. И. Подольский, О.А. Идобаева // Национальный психологический журнал, 2016. – № 2 (22). – С. 84– 93.
326. Поливанова, К. Н. Психология возрастных кризисов / К. Н. Поливанова. – М.: Издательский центр Академия, 2000. – 184 с.
327. Помарчук, Т. В. Феномен отцовства: этапы формирования психологическая готовность к отцовству / Т. В. Помарчук //Вестник Орловского государственного

- университета. - Серия: Новые гуманитарные исследования, 2015. - № 1 (42). - С. 360–366.
328. Помарчук, Т. В. Формирование ответственного отцовства как профилактика социальных рисков / Т. В. Помарчук // Социальная работа: теории, методы, практика. Материалы интернет-конференций и семинаров, 2016. - Т. 3. - № 5. - С. 19–22.
329. Пономарева, Е. В. Ценность отцовства для современного мужчины / Е. В. Пономарева // Научно–методический электронный журнал Концепт, 2016. - Т. 4. - С. 11–15.
330. Пономарева, Т. А. Влияние опыта переживания совместных родов на семейную систему / Т. А. Пономарева // Психология эффективного родительства. Материалы международной научно–практической конференции. - Курск: КГМУ, 2011. - С. 354–362.
331. Попова, И. С. Проблемы семейных взаимоотношений и социальной перцепции образа ребенка / И. С. Попова // Общество: социология, психология, педагогика, 2016. - № 3. - С. 56–58.
332. Попова, П. А. Современный мужчина в зеркале семейной жизни / П. А. Попова. – М.: Мысль, 1989. – 188 с.
333. Портнова, А. Г. Онтопсихология зрелости: монография / А. Г. Портнова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2009. – 208 с.
334. Практикум по гендерной психологии / Под ред. И. С. Клециной. – СПб.: Питер, 2003. – 479 с.
335. Прилепских, О. С. Эмпирическое исследование образа отца и его влияния на выбор спутника жизни у девушек / О. С. Прилепских // Мир науки, культуры, образования, 2016. - № 1 (56). - С. 265–267.
336. Прокофьева Л. М. Отцы и их дети после развода / Л. М. Прокофьева, М.–Ф. Валетас // Социс, 2002. – №6. – С. 112–116.
337. Прядеин, В. П. Психодиагностика личности: Избранные психологические тесты: Практикум / В. П. Прядеин. – Сургут: Сургутский гос. пед. ун-т, 2014. – 215 с.

338. Психологический словарь. – М.: Педагогика–Пресс, 1999. – 439 с.
339. Пурышева, Н. С. Качество образовательного процесса в средней школе и условия его организации на основе системы менеджмента качества / Н. С. Пурышева, Н. Б. Федорова, О. В. Кузнецова // Школа будущего, 2013. – № 1. – С. 3–12.
340. Радостева, А.Г. Влияние семейных отношений на родительские установки / А. Г. Радостева // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 8–5. – С. 1238–1242. – Режим доступа: <https://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=32118> (дата обращения: 14.02.2017).
341. Радченко, С. И. Анализ феномена отцовства в аспекте его теоретической разработанности в рамках различных научных направлений / С. И. Радченко, М. А. Федорова // Ученые записки Орловского государственного университета. - Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2014. - № 5. - С. 381–385.
342. Райс, Ф. Психология подросткового и юношеского возраста / Ф. Райс. – СПб.: Питер, 2000. – 616 с.
343. Ратов, И. П. Борьба и спортивные единоборства: смена ориентиров / И. П. Ратов, Ю.Ф. Подлипняк // Теория и практика физической культуры, 1999. – № 10. – С. 27–38.
344. Рахманова, В. К. Первый опыт отцовства и отношение к своему отцу / В. К. Рахманова // Психологическая наука и образование, 2008. - № 4. С. - 48–52.
345. Реан, А. А. Акмеология личности / А. А. Реан // Психологический журнал, 2000. – т.21. – №3. – С. 88–95.
346. Резник, Т. Е. Жизненные стратегии личности / Т. Е. Резник, Ю. М. Резник // Социологические исследования, 1995 – № 4 – С 100–105;
347. Резник, Т. Е. Методология комплексного изучения жизненных стратегий личности / Т. Е. Резник // Личность. Культура. Общество, 2000. – № 2(3). – С.40–50.
348. Резник, Ю. М. Жизненные стратегии личности (опыт комплексного анализа) / Ю. М. Резник, Е. А. Смирнов. - М.: Институт человека РАН; Независимый институт гражданского общества, 2002. – 250 с.

349. Резник, Ю. М. Жизненные стратегии личности: поиск альтернатив / Ю. М. Резник. - М., 1995. - С.13.
350. Резько, П. Н. Особенности самосознания мужчин в разных типах семей / П. Н. Резько, А. В. Северин, Г. В. Лосик // Научные труды SWorld, 2015. - Т. 8. - № 4. - С. 18–21.
351. Репринцева, Г. И. Социально-педагогическая парадигма повышения родительской компетентности средствами дополнительного сетевого образования / Г. И. Репринцева // Вестник ТГПУ, 2012. - №8. - Режим доступа: URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-pedagogicheskaya-paradigma-povysheniya-roditelskoj-kompetentnosti-sredstvami-dopolnitelnogo-setevogo-obrazovaniya> (дата обращения: 14.03.2017).
352. Рисмен, Д. Некоторые типы характера и общество / Д. Рисмен // Социологические исследования, 1993. – №3.– 121–122.
353. Рогожина, М. В. Формирование представлений об отцовстве у юношей из неполных семей / М. В. Рогожина // Современные исследования социальных проблем, 2012. - № 6. - С. 10.
354. Роджерс, К. Клиентоцентрированная терапия / К. Роджерс. - Пер. с англ. - М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1997. —320 с.
355. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб.: ЗАО «Издательство «Питер», 1999. – 720 с.
356. Рыбалко, Е. Ф. Возрастная и дифференциальная психология / Е. Ф. Рыбалко. – СПб.: Питер, 1990. – 298 с.
357. Рябикина, З. И. Семья как со-бытие: ориентированность субъектности личности на поддержку приватности и личностной идентичности / З. И. Рябикина // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: сборник материалов юбилейной конференции в 5 томах. Ответственный редактор: Богоявленская Д.Б. – Москва: Издательство Когито-Центра, 2015. – С. 154– 156.
358. Рябышева, Е. Н. Влияние рефлексии на развитие личности / Е. Н. Рябышева // Территория науки, 2014. – № 1. - С 49–52.

359. Савенышева, С. С. Отношение к отцовству у мужчин на разных этапах родительства / С. С. Савенышева // Вестник Санкт–Петербургского университета. - Серия 12. Психология. Социология. Педагогика, 2012. - № 3. - С. 91–102.
360. Садчиков, А. А. Представление об ответственных родителях у подростков (гендерный аспект) / А. А. Садчиков // Наука и образование: новое время, 2016. - № 3 (14). - С. 461–464.
361. Сайгушева, Л. И. Разработка проблемы трудового воспитания детей в советской дошкольной педагогике / Л. И. Сайгушева // Историко-педагогический журнал, 2013. – №4. – С. 121–133.
362. Санжаева, Р. Д. Динамика готовности к профессиональной деятельности у курсантов военизированных ВУЗов / Р. Д. Санжаева, Ю. В. Боленко // Вестник Бурятского государственного университета, 2014. – №5. – С. 37–43.
363. Санжаева, Р. Д. Психологические механизмы формирования готовности человека к деятельности: дис. ... доктора психол. наук: 19.00.01/ Р. Д. Санжаева. - Новосибирск, 1997 – 354 с.
364. Санжаева, Р.Д. Проблемы психологической готовности личности к профессиональной деятельности / Под ред. Л. Г. Дикой, Т. Х. Невструевой // Личность и профессиональная деятельность. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2008. – Т.2. – С. 32-46.
365. Сатир, В. Психотерапия семьи / В. Сатир. – СПб.: Ювента, 1999. – 284 с.
366. Сафонова, Т. О. Уровневые характеристики саморегуляции личности / Т. О. Сафонова, И. С. Морозова // Вестник КемГУ, 2010. – № 3 (43). – С. 100–106.
367. Свешников, С. Ю. Освоение юношами социальной роли отца в семье / С. Ю. Свешников // Образование и общество, 2011. - № 2. - С. 28–31.
368. Свириденко, А. Г. Гендерная социализация в детском доме как условие решения проблемы дезадаптации воспитанников / А. Г. Свириденко, Л. Г. Локотко // Развитие непрерывного образования. Материалы IV Международной научно-практической конференции в рамках научно-образовательного форума «Человек, семья и общество: история и перспективы развития», посвященного 80-летию КГПУ им. В.П. Астафьева. – Красноярск:

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2013. – 356 с. – С. 331–335.

369. Севастьянова, У. Ю. Особенности отцовства мужчин с разным родительским стажем / У. Ю. Севастьянова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика, 2012. - Т. 18. -№ 4. -С. 39–42.

370. Селевко, Г. К. Энциклопедия образовательных технологий. В 2-х т. Т. 1. / Г. К. Селевко. – М.: Народное образование, 2005. – 816 с.

371. Семенов, И. Н. Типы и функции рефлексии в научном мышлении / И. Н. Семенов, С. Ю. Степанов // Проблемы рефлексии в научном познании. Куйбышев: Изд-во КГУ, 1983. – С. 76—82.

372. Семенова, Л. Э. Гендерные особенности субъективного смысла родительства в период ранней и средней взрослости монородителей / Л. Э. Семенова, Е. В. Кожина // Психологические исследования развития личности: возрастной, гендерный и профессиональный аспект. - Нижний Новгород: Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина, 2014. - С. 128–139.

373. Семенова, Л. Э. Специфика родительского отношения и субъективного восприятия отцовства в контексте реального опыта мужчин-монородителей / Л. Э. Семенова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета, 2014. - № 2. - С. 108–111.

374. Сериков, В. В. Личностно-развивающее образование как одна из культурологических образовательных моделей / В. В. Сериков // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2016. – Т. 106. – № 2. – С. 30– 35

375. Серый, А. В. Ценностные ориентации как фактор формирования и развития системы личностных смыслов индивида / А. В. Серый // Вопросы общей и дифференциальной психологии. Сборник научных трудов. Выпуск 3. – Кемерово, 1999. - С. 354–360.

376. Серый, А. В. Психологические механизмы функционирования системы личностных смыслов / А. В. Серый. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. – 183 с.
377. Серый, А. В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика / А. В. Серый. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 272 с.
378. Серый, А. В. Ценностно-смысловая сфера личности / Учебное пособие / А. В. Серый, М. С. Яницкий. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 1999 – 92 с.
379. Скобло, Г. В. Вопросы исследования послеродовых материнских депрессий в аспекте их влияния на психическое здоровье детей / Г. В. Скобло, Л. Л. Баз, Т. А. Баландина // Актуальные вопросы пограничных состояний и аддиктологии. – Томск: Изд-во ТГУ, 1996. – 116 с. – С. 64.
380. Скобло, Г. В. Психическое здоровье у детей дошкольного возраста от матерей с послеродовой депрессией / Г. В. Скобло, Л. Л. Баз, З. В. Луковцева // Перинатальная психология и психология родительства, 2004. - № 7. - С. 19–23.
381. Слободский, А. Л. О социально-психологическом аспекте ответственности в деятельности специалиста: автореф. канд. психол. наук: 19.00.01 / А. Л. Слободский. – Л., 1976. – 16 с.
382. Слободчиков, В. И. Интегральная периодизация общего психического развития / В. И. Слободчиков, Г. А. Цукерман // Вопросы психологии, 1996. – № 5. – С. 38-50.
383. Слободчиков, В. И. Психология развития человека / В. И. Слободчиков, Е. М. Исаев. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. — 400 с.
384. Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой / Региональная общественная организация «Восток–Запад: Женские Инновационные Проекты». М.: Информация XXI век, 2002. – 256 с.
385. Собкин, В. С. Роль социально-демографических факторов и родительской позиции в развитии ребенка-дошкольника / В. С. Собкин, А. Н. Веракса, Д. А. Бухаленкова, А. В. Федотова, Ю. А. Халутина, В. А. Якупова // Психологическая наука и образование, 2017. – Т. 22. – № 2. – С. 5– 16.
386. Сорокоумова, С. Н. Психологические особенности родительско-детского

- взаимодействия в условиях центра детского творчества / С. Н. Сорокоумова, П. А. Егорова, Т. Г. Мухина, Ф. В. Повshedная, Н. В. Панова // *Семья и личность: проблемы взаимодействия*, 2017. – № 7. – С. 102– 112.
387. Спиваковская, А. С. Особенности психологической коррекции неадекватной родительской позиции / А. С. Спиваковская // *Семья и формирование личности. Сб. научных трудов / Под. ред. А.А. Бодалева. М.:НИИ ОП, 1981. – С. 38–45.*
388. Степанов, П. В. Диагностика и мониторинг процесса воспитания в школе / П. В. Степанов, Д. В. Григорьев, И. В. Кулешова. - М.: Академия: АПКиПРО, 2003. - 82 с.
389. Степанов, А. А. Влияние игровой деятельности на развитие произвольности и осознанности поведения дошкольников / А. А. Степанов // *Территория науки*, 2006. - №1(1). – 161–165.
390. Степанов, Е. Н. Моделирование воспитательной системы образовательного учреждения: теория, технология, практика / Е. Н.Степанов. – Псков: ПОИПКРО, 1998. – 263 с.
391. Степанова, И. Г. Духовно-нравственное развитие старшеклассников современной школы / И. Г. Степанова, Ф. В. Повshedная // *Инновационная деятельность в образовании сборник статей по материалам III региональной научно-практической конференции. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, 2017. – С. 80– 81.*
392. Степин, В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // *Постнеклассика: философия, наука, культура: коллективная монография / под ред. Л. П. Киященко, В. С. Степина. – СПб., 2009. – С.249 – 295.*
393. Столин, В. В. Семья в психологической консультации: Опыт и проблемы психологического консультирования / под ред. А. А. Бодалева, В. В. Столина. - М.: Педагогика, 1989. — 208 с.
394. Субботина, Л. Г. Психолого-педагогическое сопровождение развития личности учащихся в образовательном процессе: монография / Л. Г. Субботина. – Томск: Издательство Томского государственного университета, 2008. – 152 с.

395. Субботский, Е. В. Генезис морального поведения у дошкольников / Т. Е. Субботский. — Вестник Московского университета. - Сер. 14. Психология, 1978. - № 3. – С. 13—25.
396. Сурикова, Я. А. Образ отца в дистантной семье как показатель субъективного качества жизни / Я. А. Сурикова, А. С. Ширяева, О. С. Ширяева // Высшее образование сегодня, 2014. - № 12. - С. 51–56.
397. Сухомлинский, В. А. Сердце отдаю детям / В. А. Сухомлинский. - М.: Концептуал, 2016. – 320 с.
398. Тимонин, А. И. Концептуальные основы социально–педагогического обеспечения профессионального становления студентов вуза / А. И. Тимонин. – Кострома, 2007. – с. 7.
399. Тихомирова, Ю. М. Теоретический анализ структурных компонентов психологической готовности к профессиональной деятельности / Ю. М. Тихомирова // Психологические науки: теория и практика: материалы II междунар. науч. конф. – М.: Буки-Веди, 2014. – С. 6-9.
400. Ткаченко, Е. В. Методология педагогики и нормативно-правовое обеспечение сферы образования / Е. В. Ткаченко // Педагогика, 2014. – № 10. – С. 3– 7.
401. Токарева Ю. А. Психологические основания воспитательной деятельности отца: автореф. дисс. доктора психол.наук: 19.00.07 / Ю. А. Токарева. - Екатеринбург, 2012. - 46 с.
402. Токарева, Ю. А. Особенности мотивационно-потребностной сферы отцов среднего возраста / Ю. А. Токарева // Вестник института семьи : периодический науч.-практ. журнал. – Уральский гуманитарный институт. – Екатеринбург, 2009. – С. 42-45.
403. Токарева, Ю. А. Психолого-педагогические условия и факторы реализации отцовства как воспитательной деятельности / Ю. А. Токарева // Научные проблемы гуманитарных исследований, 2011. – №2. – С. 209–216
404. Токарева, Ю. А. Типология отцовства и характер воспитательной деятельности родителя / Ю. А. Токарева // Вестник Тюменского государственного

- университета. Гуманитарные исследования. Humanitates, 2010. – № 5. – С. 154–160.
405. Токарева, Ю. А. Формирование эффективной воспитательной практики отца / Ю. А. Токарева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки, 2010. - № 2. - С. 150–155.
406. Точеная, Л. В. Современная картина отцовства / Л. В. Точеная // Февральские чтения Сборник материалов научно–практической конференции профессорско-преподавательского состава Сыктывкарского лесного института по итогам научно–исследовательской работы в 2010 году. – Сыктывкар: Сыктывкарский лесной институт, 2011. - С. 61–63.
407. Тряпицына А. П. Проблемы содействия становлению личности школьника в современном образовательном процессе / А. П. Тряпицына // Модернизация общего образовании: исследования проблемы становления личности в современном образовательном процессе. – Санкт– Петербург: РГПУ, Научно-исследовательский институт общего образования, 2016. – С. 195– 205.
408. Тряпицына, А. П. Преемственность методических систем обучения / А. П. Тряпицына, С. А. Безгодова, С. А. Писарева, Е. В. Пискунова, Н Л. Сомова.– Санкт-Петербург: Свое издательство, 2018. – 88 с.
409. Туманова, Е. В. Образ отца и образ себя у подростков (возрастные и гендерные аспекты) / Е. В. Туманова, Е. В. Филиппова // Психологическая наука и образование, 2007. - № 2. - С. 16–24.
410. Тэджфел, А. Эксперименты в вакууме // Современная зарубежная социальная психология. Тексты / под ред. Г.М.Андреевой, Н.Н.Богомоловой, Л.А.Петровской. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. - С. 229–244.
411. Удальцова, М. О. Связь социально-психологического типа родительской позиции отца с самооценкой дошкольников: автореф. дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / М. О. Удальцова. - Ярославль, 2010. – 26 с.
412. Усцева, М. Н. Взаимосвязь личностных особенностей подростков с образом отца / М. Н. Усцева // Проблемы современного педагогического образования, 2016. - № 51–1. - С. 325–333.

413. Усцева, М. Н. Особенности семьи и личности подростков с аддиктивным поведением / М. Н. Усцева // Психическое здоровье, 2011. - Т. 9. - № 5 (60). - С. 78–83.
414. Федоров, В. А. Профессионально-педагогическое образование в России: историко-логическая периодизация / В. А. Федоров, Н. В. Третьякова // Образование и наука, 2017. – Т. 19. – № 3. – С. 93– 119.
415. Федосова, И. В. Волонтерская деятельность студенческой молодежи как средство овладения конструктивными стратегиями преодоления трудных жизненных ситуаций / И. В. Федосова, А. В. Кибальник. Иркутск: Издательство: Восточно-Сибирская государственная академия образования, 2011. – 160с.
416. Федякова, И. А. Психолого-педагогические условия формирования субъективных свойств личности младшего школьника [Электронный ресурс] / И.А Федякова. 2006 – Режим доступа: <http://festival.1september.ru>
417. Филатов, Ф. Р. Психологическая помощь пострадавшим в результате терактов: критический анализ и перспективы развития / Ф. Р. Филатов, Н. С. Седых // Психология и психотехника, 2015. - № 7. - С. 735–744.
418. Филатова, А. Ю. Виды семей по степени включенности отца в воспитание детей / А. Ю. Филатова // Альманах современной науки и образования, 2008. - № 4–2. - С. 250–253.
419. Филатова, А. Ю. Современные подходы к изучению проблемы отцовства в отечественной психологии / А. Ю. Филатова // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. - Серия: Общественные науки, 2010. - № 4. - С. 112–115.
420. Филиппова Г. Г. Материнство: сравнительно-психологический подход / Г. Г. Филиппова // Психологический журнал, – 1999, – №5. – С. 82 – 87.
421. Филиппова, Г. Г. Материнство и его основные аспекты исследования в психологии / Г. Г. Филиппова // Вопросы психологии, 2001. – №2. – С. 22 – 36.
422. Филиппова, Г. Г. Особенности реализации репродуктивной функции в современно России / Г. Г. Филиппова // Внутриутробный ребенок... / Материалы Всемирного конгресса. – М.: Academia, 2007. – С. 44 – 46.

423. Филиппова, Г. Г. Психология материнства / Г. Г. Филиппова. – М.: Изд-во института психотерапии, 2002. – 240 с.
424. Фомина, Н. А. Ответственность как свойство личности в контексте психологии отцовства: некоторые аспекты / Н. А. Фомина, М. В. Пастухова // Актуальные проблемы психологии и педагогики в современном мире сборник научных трудов участников Международной конференции / Под общей редакцией Н.Б. Карабущенко. Москва: Издательство: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2013. - С. 228–232.
425. Фотекова, Т. А. Взаимосвязь уровня материнского и отцовского образования с состоянием высших психических функций сыновей и дочерей / Т. А. Фотекова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки, 2015. - № 4. - С. 62–71.
426. Фотекова, Т. А. Влияние совокупного образовательного уровня родителей на состояние высших психических функций сыновей и дочерей / Т. А. Фотекова // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2015. - № 12. - С. 139–146.
427. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 366 с.
428. Фрейд, З. Психоаналитические этюды / З. Фрейд. - Минск: Поппури, 2010. — 608 с.
429. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М.: Прогресс, 1990. – 269 с.
430. Фромм, Э. Искусство любви / Э. Фромм. – М.: Педагогика, 1988. – 157 с.
431. Фруммин, И. Д. Образовательная практика взросления / И. Д. Фруммин // Образовательная политика, 2015. – № 4 (70). – С. 28– 30.
432. Хавула, Р. М. Развитие психологической готовности юношей к отцовству Р. М. Хавула // Научно-исследовательские публикации, 2014. - № 1 (5). - С. 57–69.
433. Харламова, Т. М. Специфика взаимодействия биологических отцов и небιологических отцов с детьми дошкольного возраста / Т. М. Харламова, У. Э. Ушкова // Фундаментальные исследования, 2012. - № 11–5. - С. 1159–1163.
434. Харольд, Г. Т. Роль генетических, пренатальных и постнатальных средовых

- факторов в детском развитии / Г. Т. Харольд, С. Б. Малых, Ю. В. Ковас // Геномика поведения: детское развитие и образование / под ред. С. Б. Малых, Ю. В. Ковас, Д. А. Гайсиной. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2016. – С. 210–225.
435. Ходаковская, О. В. Взаимосвязь отношений с отцом и самооотношения у подростков / О. В. Ходаковская, Е. А. Гизатуллина // В мире научных открытий, 2015. - № 3.2 (63). - С. 1239–1249.
436. Холодкова, О. Г. Особенности развития гуманистических ценностей младших школьников / О. Г. Холодкова, О. В. Петухова // Символ науки, 2015. – № 8. – С.293–296.
437. Хорни, К. Невротическая личность нашего времени / К. Хорни / пер. с англ. и примечания А. И. Фета. — Philosophical arkiv, Nyköping (Sweden), 2016. — 186 с.
438. Хрисанфова, Л. А. Оценка взрослыми индивидуальнопсихологических характеристик ребенка по его фотографии / Л. А. Хрисанфова, В. А. Барабанщиков, А. В. Жегалло // Экспериментальная психология, 2016. – Т. 9. – № 2. – С. 38–52.
439. Хуватаев, С.А. Анализ подходов к определению сущности психологической готовности личности к деятельности / С. А. Хуватаев // Научные проблемы гуманитарных исследований, 2012. – №5. – С 186.
440. Хьел, Л. Теории личности. / Л. Хьел, Д. Зиглер. – СПб.: Питер, 1998. – 608 с.
441. Чеснокова, И. И. Проблема самосознания в психологии/ И. И. Чеснокова. - М.: Наука, 1977. – 144 с.
442. Чурекова, Т. М. Теоретико-методологические основы непрерывного образования личности в инновационных образовательных учреждениях: автореф. дис. ... доктора пед. наук: 13.00.01 / Т. М. Чурекова. – Кемерово, 2002. – 42 с.
443. Чурекова, Т. М., Штогина Е.Н. Воспитание нравственного отношения младших школьников к общественно полезному труду с учетом возрастных особенностей / Т. М. Чурекова, Е. Н. Штогина // Воспитание школьников, 2016. – №7. – С. 34–39.

444. Чурекова, Т.М. Непрерывное образование и развитие личности в системе инновационных учебных заведений / Т. М. Чурекова. – Кемерово, Кузбассвуиздат, 2001. – 262 с.
445. Шаймухаметова, С. Ф. Особенности психических состояний будущих отцов / С. Ф. Шаймухаметова, Л. Ф. Чукмарова // Психология психических состояний: сборник материалов по итогам IX Международной зимней школы по психологии состояний, 26–27 февраля. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2015. – Вып. 5. – 204 с. - С. 177–181.
446. Шамионов, Р. М. Личностная зрелость и профессиональное самоопределение в подростковом и юношеском возрасте: дис. ...канд. псих. наук: 19.00.01 / Р. М. Шамионов. - СПб, 1997. – С. 26–140.
447. Шапарь, В. Б. Новейший психологический словарь / В. Б. Шапарь – Ростов н/Д : Феникс, 2005. – 806 с.
448. Шевченко, И. О. Авторитет отца в современной российской семье / И. О Шевченко //Вестник РГГУ. - Серия: Философия. Социология. Искусствоведение, 2012. - № 2 (82). - С. 321–343.
449. Шепелева, Н. В. Педагогическое обеспечение процесса социализации учащихся в негосударственном образовательном учреждении: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Н. В. Шепелева. – Кострома, 2004. – 211 с.
450. Шерман, Р. Структурированные техники семейной и супружеской терапии: Руководство Р. Шерман, Н. Фремдман. – М .: Независимая фирма «Класс», 1997. - 336с.
451. Шихнабиева, Т. Ш. О семантических моделях в обучении / Т. Ш. Шихнабиева // Педагогическая информатика, 2011. – № 2. – С. 67– 70.
452. Шпрангер, Э. Основные идеальные типы индивидуальности / Э. Шпрангер // Психология личности. Тексты / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузыря. – М., 1982. – С. 55–60.
453. Шукшина, Т. И. Педагогические условия формирования готовности к личностным достижениям младших подростков во внеурочной деятельности спортивно-оздоровительной направленности / Т. И. Шукшина, С. В. Бакулин //

Гуманитарные науки и образование. – 2017. – № 4. – С. 121–128

454. Шульга, Т. И. Работа с неблагополучной семьей. Учеб. пособие / Т. И. Шульга. — М. : Дрофа, 2005. — 254 с.

455. Шустин, Б. Н. Моделирование в спорте: (Теоретические основы и практическая реализация): Автореф. дис. ... доктора пед. наук: 13.00.04 / Б. Н. Шустин. – М., 1995. – 82 с.

456. Щепилова, А. В. Современный университет: от модели к российской действительности / А. В. Щепилова, В. А. Гончарова, С. В. Михайлова, А. Е. Бажанов, В. В. Алпатов // Высшее образование в России, 2017. – № 12. – С. 92–101.

457. Щербакова, Е. А. Образ родителей как фактор профессиональной адаптации личности курсантов–летчиков / Е. А. Щербакова // Российский научный журнал, 2011. - № 23. - С. 146–151.

458. Эйдемиллер, Э. Г. Психология и психотерапия семьи. – / Э. Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис. – СПб.: Питер, 2000. – 656 с.

459. Эксакусто, Т. В. Гендерные представления мужчин, воспитывавшихся в семьях с высокой конфликтностью / Т. В. Эксакусто // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность сборник статей Международной научно–практической конференции. Министерство образования и науки РФ; М.: Московский государственный университет дизайна и технологии, 2016. - С. 118–123.

460. Эриксон, Э. Детство и общество / Э. Эриксон. – СПб.: Питер, 1996. – 312 с.

461. Юнг, К. Г. АИОН: Исследование феномена самости // Избранное / К. Г. Юнг. – Мн.: ООО «Попурри», 1998. – 448 с.

462. Юхина, Е. А. Психологическое сопровождение родительства: проблемы и перспективы развития / Е. А. Юхина // Теория и практика современных гуманитарных и естественных наук. Материалы ежегодной межрегиональной научно–практической конференции. – Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. - С. 268–273.

463. Явон, С. Ф. Проблема отцовства в современном мире / С. Ф. Явон // Приоритетные научные направления: от теории к практике, 2014. - № 13. - С. 43–49.
464. Якунин, А. А. Жизненные стратегии выпускников школ среднего российского города: автореф. дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / А. А. Якунин. - Новочеркасск, 2008. – 26 с.
465. Ямбург, Е. А. Школа и ее окрестности / Е. А. Ямбург. – М.: Центр книги Рудомино, 2011. – 592 с.
466. Яницкий, М. С. Основные методологические подходы к изучению ценностно-смысловой сферы личности / М. С. Яницкий, А. В. Серый // Вестник КемГУКИ, 2012. – № 19. – С. 82–97.
467. Яницкий, М. С. Постнеклассическая педагогическая психология: ценностно-смысловой тренд: монография / М. С. Яницкий, А. В. Серый, М. С. Иванов, А. А. Утюганов, Н. Р. Хакимова. — Кемерово: ГБУ ДПО «КРИПО», 2017. — 202 с.
468. Яницкий, М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система / М. С. Яницкий. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. – 204 с.
469. Янченко, В. Д. Обучающий потенциал эффекта Зейгарник в преподавании русского языка как иностранного / В. Д. Янченко // Преподаватель XXI век, 2015. – Т. 1. – № 1. – С. 178–184.
470. Abdin, R. R. Development of parenting alliance inventory / R. R. Abdin, J. F. Brunner // Journal of Clinical Child Psychology, 1995. - № 24. - p. 31–40. - doi: 10.1207/s15374424jccp2401_4
471. Alcorn, B. K. Some Psychological Effects of Paternal Deprivation Upon Children from Ten to Sixteen / B. K. Alcorn // The Journal of Educational Sociology, 1962. – Vol. 35, No. 8. – p. 337–345.
472. Anderson, R. E. Where's Dad? Paternal Deprivation and Delinquency / R. E. Anderson // Archives of General Psychiatry, 1968. – №18(6). – p. 641–649. - doi:10.1001/archpsyc.1968.01740060001001

473. Anderson, E. A. Situating fatherhood in responsible fatherhood programs / E. A. Anderson, B. L. Letiecq // *Situated fathering: A focus on physical and social spaces* / W. Marsiglio, K. Roy, G. L. Fox (Eds.). - Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers, 2005. – p. 187–208.
474. Anderson, J. A. Democratic community initiatives: The case of overscheduled children / J. A. Anderson, W. J. Doherty // *Family Relations*, 2005. – № 54. – p. 654–665.
475. Argys, L. M. Measuring contact between children and nonresidential fathers / L. M. Argys, E. Peters, S. Cok, S. Garasky, L. Nepomnyaschy, E. Sorenson, // *Handbook of Measurement Issues in Family Research* / S. L. Hofferth, L. M., Casper (Eds.). - Mahwah, NJ: Erlbaum, 2007. - p. 375–398.
476. Ariès, P. *Geschichte der Kindheit*. / P. Ariès. – München: Hanser, 1975. - 592 s.
477. Baltes, P. B. Human strengths as the orchestration of wisdom and selective optimization with compensation / P. B. Baltes, A. M. Freund // *A psychology of human strengths: Fundamental questions and future directions for a positive psychology* / L. G. Aspinwall, U. M. Staudinger (Eds.). - Washington, DC: American Psychological Association, 2002. - p. 23–35.
478. Bancroft, J. *Sexual behavior* / J. Bancroft, // *Measuring Human Problems: A Practical Guide* / D. Peck, C. Shapiro (Eds.). – Wiley: Chichester, 1990. - p. 338–373.
479. Bandura A. *Social learning and personality development* / A. Bandura, R. Walters. - NY: Holt, Rinehart and Winston, 1963. - 329 p.
480. Barth, S. *Vaterschaft im Wandel* / S. Barth // *Sozialmagazin*, 2000. – № 1. – S. 14–22.
481. Bearss, K. E. A test of the parenting alliance theory / K. E. Bearss, S. Eyberg // *Early Education and Development*, 1998. - №9(2). - p. 179–185. - doi: 10.1207/s15566935eed0902_5
482. Becker, G. S. *A treatise on the family* / G. S. Becker. - Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991. – 304 p.

483. Behrendt, V. Sozialarbeiterische Interventionsmöglichkeiten für Vater–Kind–Familien / V. Behrendt, P. Himmelsbach. - Dortmund: Verl. Modernes Lernen, 1987. - 200 S.
484. Belsky, J. Child maltreatment: an ecological integration / J. Belsky // *American Psychologist*, 1980. - №35. – p. 320–335.
485. Belsky, J. Mothering, fathering, and marital interaction in the family triad during infancy / J. Belsky, B. L. Volling, // *Men's transitions to parenthood: Longitudinal studies of early family experience* / P.W. Berman F.A. Pedersen (Eds.). - Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1987. - p. 37–63.
486. Belsky, J. The determinants of parenting: A process model / J. Belsky // *Child Development*, 1984. - № 55. – p. 83– 96.
487. Bergmann, J.-R. Lösungsorientierte Arbeit im Familienrecht. Der systemische Ansatz im Familienrecht / J.-R. Bergmann. – Koeln: Bundesanzeiger Verlag, 2001. – 356 s.
488. Biryukova S., Tyndik A. Who prefers zero? Attitudes towards childlessness in Russia and in its capital city / S. Biryukova, A. Tyndik // *European Population Conference 2014. Transitions: Opportunities and Threats*. Budapest: EAPS, 2014. - p. 312.
489. Blankenhorn D. Fatherless America: Confronting Our Most Urgent Social Problem Paperback / D. Blankenhorn. - NY: Basic books, 1995. – 352 p.
490. Bloom, D. Matching opportunities to obligations: Lessons for child support reform from the Parents' Fair Share pilot phase / D. Bloom, K. Sherwood. - New York: Manpower Demonstration Research Corporation, 1994. – p. 214.
491. Bocknek, E. L. Stability of biological father presence as a proxy for family stability: Cross–racial associations with longitudinal development of emotion regulation in toddlerhood / E. L. Bocknek, H. E. Brophy–Herb, H. E. Fitzgerald, R. F. Schiffman, C. Vogel // *Infant Mental Health Journal*, 2014. - №35(4). – p. 309–321.
492. Borisenko, J. Fatherhood as a Personality Development Factor in Men / J. V. Borisenko // *In The Spanish Journal of Psychology*, 2007. - Vol. 10. - No. 1. – p. 84–92.

493. Borisenko, J. V. Reproductive motivation in Russian women in the family context / J. V. Borisenko, K. N. Belogaya, I. S. Morozova, T. O. Ott // *Journal of Reproductive and Infant Psychology*, 2016. – №34:3. – P. 224–234. – DOI:10.1080/02646838.2016.1156660
494. Bouchard, G. Intergenerational Transmission and Transition to Fatherhood: A Mediated–Moderation Model of Paternal Engagement / G. Bouchard // *Journal of Family*, 2012. – Vol. 26. – No. 5. – p. 747–755.
495. Bowlby, J. Maternal care and mental health / J. Bowlby // *Journal of Consulting Psychology*, 1952. - № 16(3). – p. 232.
496. Bowlby, J. Attachment and Loss: Retrospect and prospect / J. Bowlby // *American Journal of Orthopsychiatry*, 1982. – № 52. – p. 664–678.
497. Bowlby, J. The nature of child's tie to his mother / J. Bowlby // *International Journal of Psychoanalysis*, 1958. – № 39. – p. 350–373.
498. Bradshaw, D. L. Attachment, temperament, and social referencing: Interrelationship among domains of infant affective behavior / D. L. Bradshaw, H. H. Goldsmith, J. J. Campos // *Infant Behavior and Development*, 1987. – № 1. – p. 223–231.
499. Bragieli, J. Fathers marital satisfaction and their involvement with their child with disabilities / J. Bragieli, P. Kaniok // *European Journal of Special Needs Education*, 2011. - № 26(3). – p. 395–404.
500. Braun, K. Paternal Deprivation Alters Region and Age-Specific Interneuron Expression Patterns in the Biparental Rodent *Octodon degus* / K. Braun, K. Seidel, S. Weigel, K. Roski, G. Poeggel // *Cerebral Cortex*, 2011. - № 21 (7). – p. 1532–1546.
501. Bretherton, I. Involved fathers of preschool children as seen by themselves and their wives: Of attachment, socialization and companionship / I. Bretherton, J. D. Lambert, B. Golby, // *Attachment and Human Development*, 2005. - № 7(3). – p. 229–251.
502. Brody, S. *Patterns of mothering* / S. Brody. - New York: International Universities Press, 1956. – 456 p.

503. Bronfenbrenner, U. Ecological systems theory / U. Bronfenbrenner // *Annals of Child Development* / R. Vasta (Ed.), 1989. - Vol.6. - Greenwich, CT: JAI Press. - p. 187–249.
504. Bronfenbrenner, U. The bioecological model of human development. / U. Bronfenbrenner, P. Morris // *Handbook of child psychology* (6th ed.) / W. Damon, R. M. Lerner (Eds). - Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2006. - Vol. 1. - p. 793–828.
505. Bugental, D. B. A developmental neuroscience perspective on the dynamics of parenting / D. B. Bugental, D. H. Olster, G. A. Martorell // L. Kuczynski (Ed.) // *Handbook of dynamics in parent-child relations*. - Thousand Oaks, CA: Sage, 2003. - p. 25–48.
506. Bühler, Ch. Der menschliche Lebenslauf als psychologisches Problem / Ch. Bühler. – Leipzig: Hirzel, 1933. – 328 S.
507. Bumpass, L. L. The role of cohabitation in declining rates of marriage. / L. L. Bumpass, J. A. Sweet, A. Cherlin // *Journal of Marriage and the Family*, 1991. – 53. – p. 913–927.
508. Cabrera, N. Fatherhood in the 21st Century / N. , C. S Tamis-LeMonda, B. Bradley, S. Hofferth, M. Lamb // *Child Development*, 2000. – № 71. – p. 127–136.
509. Camus, J. Väter. Die Bedeutung des Vaters für die psychische Entwicklung des Kindes / J. Camus. – Beltz; Auflage: Neuauflage, 2001. -199 s.
510. Canfield, K. Promises worth keeping / K. Canfield // *The fatherhood movement: A call to action* / W. Horn, D. Blankenhorn, M. Pearlstein (Eds.). - New York: Lexington Books, 1999. - p. 43–55.
511. Canitz, H.-L.v. Väter. Die neue Rolle des Mannes in der Familie. / H-L.v. Canitz. – Düsseldorf, Wien: Econ-Verlag, 1980. - 264 S.
512. Carlson, M. J. Family structure, father involvement, and adolescent behavioral outcomes. / M. J. Carlson // *Journal of Marriage and Family*, 2006. – № 68 . – p.137–154.
513. Carlson, M. J. Strengthening unmarried families: Could enhancing couple relationships also improve parenting? / M. J. Carlson, S. S. McLanahan // *Social Service Review*, 2006. - № 80(2). – p. 297–32.

514. Carlson, M. J. Coparenting and nonresident fathers' involvement with young children after a nonmarital birth / M. J. Carlson, S. S. McLanahan, J. Brooks-Gunn // *Demography*, 2008. - № 45(2). – p. 461–488. - doi: 10.1353/dem.0.0007
515. Catlett, B. S. Nonresidential fathers: Shifting identities, roles and authorities / B. S. Catlett, M. L. Toews, P. C. McKenry // *Situated fathering: A focus on physical and social spaces* / W. Marsiglio, K. Roy, G. L. Fox (Eds.) . - Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers, 2005. - p. 99–118.
516. Cessna, J. M. Relationships between parenting self-efficacy and distress in parents who have school-aged children and have been treated with hematopoietic stem cell transplant or have no cancer history / J. M. Cessna, J. Pidala, P. B. Jacobsen // *Psycho-Oncology*, 2016. - № 25(3). –p. 339–346. - doi: 10.1002/pon.3848
517. Chien-Chung H. Child Support Enforcement and Father Involvement for Children in Never-Married Mother Families / H. Chien-Chung // *Fathering*, 2006. - Vol. 4. - № 1. – p. 97–111.
518. Christian, L. G. Understanding families: Applying family systems theory to early childhood practice / L. G. Christian // *Spotlight on young children in families* / D. Koralek (Ed.). - Washington, DC: National Association for the Education of Young Children, 2007. - p. 4–11.
519. Christiansen, S. Providing as a form of paternal involvement: Why the «good provider» role still matters / S. Christiansen, R. Palkovitz // *Journal of Family Issues*, 2001. - № 22. – p. 84–106.
520. Coleman, J. S. Social capital in the creation of human capital / J. S. Coleman // *American Journal of Sociology*, 1988. - № 94. – p. 95–120.
521. Coltrane, S. *Family man: Fatherhood, housework, and gender equity* / S. Coltrane. – New York: Oxford University Press, 1996. – 293 p.
522. Coltrane, S. *Reinventing fatherhood: Toward an historical understanding of continuity and change in men's family lives* / S. Coltrane, R. D. Parke. – Philadelphia: National Center on Fathers and Families, 1998. – p. 156.

523. Cooney, T. M. Timing of fatherhood: Is «on-time» optimal? / T. M. Cooney, F. A. Pedersen, S. Indelicato, R. Palkovitz // *Journal of Marriage and the Family*, 1993. - № 55. – p. 205–215.
524. Cowan, C. P. Men's involvement in parenthood: Identifying the antecedents and understanding the barriers / C. P. Cowan, P. A. Cowan // *Men's transitions to parenthood: Longitudinal studies of early family experience* / P.W. Berman, F.A. Pedersen (Eds.). - Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1987. - p. 145–174.
525. Cowan, P. A. Promoting fathers' engagement with children: Preventive interventions for low-income families. / P. A. Cowan, C. P. Cowan, M. K. Pruett, K. Pruett, J. J. Wong // *Journal of Marriage and Family*, 2009. - № 71(3). – p. 663–679. -doi:10.1111/j.1741–3737.2009.00625.x
526. Cummings, E. M. Children and marital conflict: The impact of family dispute and resolution / E. M. Cummings, P. Davies. - New York: Guilford, 1994. - p. 165.
527. De Luccie, M. Mothers as gatekeepers: A model of maternal mediators for father involvement / M. De Luccie // *Journal of Genetic Psychology*, 1995. - № 156(1). – p. 115–131.
528. deMause, L. Evolution der Kindheit / L. deMause // *Hört ihr die Kinder weinen. Eine psychogenetische Geschichte der Kindheit.* / L. deMause (Hrsg.). - Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1977. - S. 12 – 111.
529. Demuth, S. Family structure, family processes, and adolescent delinquency: The significance of parental absence versus parental gender. / S. Demuth, S. L. Brown // *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 2004. - № 41(1). – p. 58–81. - doi: 10.1177/0022427803256236
530. DiCenso, A. Interventions to reduce unintended pregnancies among adolescents: systematic review of randomised controlled trials. / A. DiCenso, G. Guyatt, A. Willan, L. Griffith // *British Medical Journal*, 2002. - № 324(7351). – p.1426.
531. Doherty, W. J. An Intervention to Increase Father Involvement and Skills With Infants During the Transition to Parenthood / W. J. Doherty, M. F. Erickson, R. LaRossa. // *Journal of Family Psychology*, 2006. – Vol. 20. – №. 3, p. 438–447.

532. Doherty, W. J. Responsible fathering: An overview and conceptual framework / W. J. Doherty, E. F. Kouneski, M. F. Erickson // *Journal of Marriage and Family*, 1998. - № 60(2). – p. 277–292.
533. Eggebeen, D. J. The Changing Course of Fatherhood Men's Experiences With Children in Demographic Perspective / D. J. Eggebeen // *Journal of Family Issues*, 2002. – Vol. 23. – №. 4. – p. 486–506.
534. Eggebeen D. J. Does Fatherhood Matter for Men? / D. J. Eggebeen, C. Knoester // *Journal of Marriage and the Family*, 2001. -Vol. 63. - No. 2. - p. 381–393.
535. Eggebeen D. J. The Effects of the Transition to Parenthood and Subsequent Children on Men's Well-Being and Social Participation / D. J. Eggebeen, C. Knoester // *Journal of Family Issues*, 2006. –Vol. 27. – № 11. – p. 1532–1560.
536. El-Shadan, Pacific father involvement and early child behavior outcomes: Findings from the Pacific Islands Families study / El-Shadan, P. Schluter, J. Paterson // *Journal of Child and Family Studies*, 2015. - № 24(12). – p. 3497–3505.
537. Emmerink, P. M. J. The Impact of Personal Gender-Typicality and Partner Gender-Traditionality on Taking Sexual Initiative: Investigating a Social Tuning Hypothesis / P. M. J. Emmerink, R. J. J. M. Van Den Eijnden, T. F. M. Ter Bogt, I. Vanwesenbeeck // *Frontiers in Psychology*, 2017. - № 8. – p. 107. - doi.org/10.3389/fpsyg.2017.00107
538. Emmons, R. A. Personal strivings, daily life events, and psychological and physical well-being / R. A. Emmons // *Journal of Personality*, 1991. - № 59. – p. 453–472.
539. Emmons, R. A. Assessing spirituality through personal goals: Implications for research on religion and subjective well-being. / R. A. Emmons, C. Cheung, K. Tehrani // *Social Indicators Research*, 1998. - № 45. – p. 391–422.
540. Erel, O. Interrelatedness of marital relations and parent-child relations: A meta-analytic review / O. Erel, B. Burman // *Psychological Bulletin*, 1995. - № 118(1) . – p. 108–132. - doi: 10.1037/0033-2909.118.1.108

541. Evans E. A. Gender differences in the effects of childhood adversity on alcohol, drug, and polysubstance-related disorders / E. A. Evans, C. E. Grella, M. Upchurch Dawn // *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*, 2017. - №52. – p. 901-912.
542. Fagan, J. Effects of father's early risk and resilience on paternal engagement with 5-year-olds / J. Fagan, Y. Lee // *Journal of Family Relations*, 2016. - № 1(5). – p. 878–892.
543. Fagan, J. The relationship between maternal gatekeeping, paternal competence, mothers' attitudes about the father role, and father involvement. / J. Fagan, M. Barnett // *Journal of Family Issues*, 2003. - № 24(8). – p. 1020–1043.
544. Fagan, J. Unmarried, nonresident fathers. Involvement with their infants: A risk and resilience perspective / J. Fagan, R. Palkovitz // *Journal of Family Psychology*, 2007. - № 21. – p. 479–489.
545. Feinberg, M. E. Coparenting and the transition to parenthood: A framework for prevention / M. E. Feinberg // *Clinical Child and Family Psychology Review*, 2002. - № 5(3). – p. 173–195. - doi: 10.1023/A:1019695015110
546. Fisher, T. D. Gender roles and pressure to be truthful: the bogus pipeline modifies gender differences in sexual but not non-sexual behavior / T. D. Fisher // *Sex Roles*, 2013. - № 68. – p. 401–414. - doi: 10.1007/s11199-013-0266-3
547. Friedman, E. Unintentional child neglect: literature review and observational study/ E. Friedman, S. B. Billick // *Psychiatric Quarterly*, 2015. - № 86 (2)- p. 253–9. - doi:10.1007/s11126-014-9328-0
548. Frydenberg, E. *Beyond Coping. Meeting goals, visions and challenges* / E. Frydenberg. – NY: Oxford University Press, 2002. – 272 p.
549. Fthenakis, W. E. *Der Bildungs- und Erziehungsplan für Kinder von 0 bis 10 Jahren in Hessen* / W. E. Fthenakis, D. Berwanger, E. Reichert-Garschhammer. - Wiesbaden: SM + KM, 2007. – s. 78.
550. Fthenakis, W. E.: *Engagierte Vaterschaft – Die sanfte Revolution in der Familie* / W. E. Fthenakis. - Herausgeber: LBS-Initiative Junge Familie. Opladen: Leske & Budrich, 1999. – s.352. (a)

551. Fthenakis, W. E. Väter, Band I, Zur Psychologie der Vater–Kind–Beziehung. / W. E. Fthenakis. – München: Urban & Schwarzenberg, 1985. – 480 s.
552. Furstenberg, F. F. Social capital and successful development among at–risk youth // F. F. Furstenberg, M. E. Hughes // *Journal of Marriage and the Family*, 1995. - № 57. – p. 580–592.
553. Furstenberg, F. S. Divided families: What happens to children when parents part. / F. S. Furstenberg, A. J. Cherlin. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991. – 143 p.
554. Gaertner, B. M. Parental Childrearing Attitudes as Correlates of Father Involvement During Infancy / B. M. Gaertner, T. L. Spinrad, N. Eisenberg, K. A. Greving // *Journal of Marriage and Family*, 2007. - № 69(4). – p. 962–976. - doi: 10.1111/j.1741–3737.2007.00424/
555. Galenson, E. The Effect of Paternal Deprivation on the Capacity to Modulate Aggression / E. Galenson // *New Literary History*, 1995. - Vol. 26. - № 2. - p. 443–454
556. Garasky, S. Reconsidering the Increase in Father-Only Families / S. Garasky, D. R. Meyer // *Demography*, 1996. - № 33(3). – p. 385–393.
557. Gerhard, A. Vatersehnsucht (Annäherung in elf Essays) / A. Gerhard. – Bremen: Universität Bremen - Staats-und Universitätsbibliothek, 1999. – 310 s.
558. Goldberg, W. A. Trends in Academic Attention to Fathers, 1930–2006 / W. A. Goldberg, E. T. Tan, K. L. Thorsen // *Fathering*, 2009. - Vol. 7. - № 2. – p. 159–179.
559. Goldberg, A. E. Gender-Typed Play Behavior in Early Childhood: Adopted Children with Lesbian, Gay, and Heterosexual Parents / A. E. Goldberg, D. A. Kashy, J. Z. Smith // *Sex Roles*, 2012 . - № 67(9–10). – p. 503–515. - doi: 10.1007/s11199–012–0198–3
560. Goldberg, W. A. Maternal employment and children’s achievement in context: A meta-analysis of four decades of research. / W. A. Goldberg, J. A. Prause, R. Lucas-Thompson, A. J. Himsel // *Psychological Bulletin*, 2008. – № 134. – p. 77–108.
561. Goldman, J. A coordinated response to child abuse and neglect: The foundation for practice. [Электронный документ] / J. Goldman, M. K., Salus, D. Wolcott,

K. Y Kennedy // U.S. Department of Health and Human Services, Administration for Children and Families, Administration on Children, Youth and Families, Children's Bureau, Office on Child Abuse and Neglect, 2003. - Режим доступа: http://secure.psychanalyticcredit.com/articles/100843/foundation_Practice_child_abuse.pdf

562. Golombok, S. The Measurement of Gender Role Behaviour in Pre-School Children: a Research Note / S. Golombok, J. Rust // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 1993. - № 34(5). – p. 805–811.

563. Golombok, S. Continuity in Sex-Typed Behavior from Preschool to Adolescence: A Longitudinal Population Study of Boys and Girls Aged 3–13 Years / S. Golombok, J. Rust, J. Zervoulis, J. Golding, M. Hines // *Archives of Sexual Behavior*, 2012. - № 41. – p. 591–597.

564. Golombok, S. Development trajectories of sex-type behavior in boys and girls: A longitudinal general population study of children aged 2.5–8 years, / S. Golombok, J. Rust, J. Zervoulis, T. Croudace, J. Golding, M. Hines // *Child Development*, 2008. - № 79(5). – p. 1583–1593.

565. Gordon, I. Synchrony in the triad: A microlevel process model of coparenting and parent-child interactions / I. Gordon, R. Feldman // *Family Process*, 2008. - № 47(4). – p. 465–479. - doi:10.1111/j.1545-5300.2008.00266.x

566. Grams A. Fatherhood and motherhood in a changing world. / A. Grams. // *International Child Welfare Review*, Geneve, 1970. – p. 14-21.

567. Green, M. Paternal deprivation - a disturbance in fathering / M. Green, H. Beall // *Pediatrics*, 1962. - № 30 (1). – p. 91–99;

568. Greenbaum, C. W. The infant exposure to talk by familiar people: Mother, fathers and siblings in different environments / C. W. Greenbaum, R. Landau // *The social network of developing infant* / V. Lewis L. Rosenblum (Eds.). - New York: Plenum, 1982. - p.229–247.

569. He, H. Identity studies: multiple perspectives and implications for corporate-level marketing/ H. He, J. M.T. Balmer // *European Journal of Marketing*, 2007. - Vol. 41 № 7/8. - p. 765 – 785. - doi.org/10.1108/03090560710752393

570. Heiliger, A. Der Mythos von den neuen Vätern / A. Heiliger // Sozialmagazin, 1989. - № 1, S. 14 – 22.
571. Henley, K. Conditions Affecting the Association between Father Identity and Father Involvement / K. Henley, K. Pasley // *Fathering*, 2005. - Vol. 3. - № No. 1. – p. 59–80.
572. Heymans, P. Developmental tasks: a cultural analyses of human development // P. Heymans, J. Laak, A. Podolski // *Developmental tasks: toward a cultural analyses of human development*. - Dordrecht: Kluwer, 1994. – p. 3–33.
573. Hines, M. Testosterone during pregnancy and gender role behavior of preschool children: A longitudinal population study / M. Hines, S. Golombok, J. Rust, K. Johnston, J. Golding // *Child Development*, 2002. - № 73(6). – p. 1678–1687.
574. Hofferth, S. L. Residential father family type and child well-being: Investment verses selection. / S. L. Hofferth // *Demography*, 2006. - № 43(1). – p. 53–78. - doi: 10.1353/dem.2006.0006
575. Hoffman, J. P. Exploring the Direct and Indirect Family Effects on Adolescent Drug Use / J. P. Hoffman // *Journal of Drug Issues*, 1993. - № 23. – p. 535–557.
576. Horst, E. A. Gender, power, and intimacy / E. A. Horst, W. J. Doherty // *Journal of Feminist Family Therapy*, 1995. - № 6. – p. 63–85.
577. Horst, P. Väater sind anders als ihr Image: schwierige Rollenfindung und mangelnde gesellschaftliche Achtung / P. Horst // *Theorie und Praxis der Sozialpädagogik*, 2000. - № 3. – s. 52–55.
578. Horst, P. Das Drama der Vaterentbehnung. Chaos der Gefühle-Kräfte der Heilung / P. Horst. - Freiburg: Herder, 1999. - 223 s.
579. Ihinger-Tallman, M. Developing a middle-range theory of father involvement postdivorce / M. Ihinger-Tallman, K. Pasley, C. Buehler // *Fatherhood: Contemporary theory, research, and social policy* / W. Marsiglio (Ed.). - Thousand Oaks: Sage Publications, 1995. - p. 57–77.
580. Jewell, J. A. Relations among gender typicality, peer relations, and mental health during early adolescence / J. A. Jewell, C. S. Brown // *Social Development*, 2014. - № 23. – p. 137–156. - doi: 10.1111/sode.12042

581. Jeynes, W. H. A meta-analysis: The relationship between father involvement and student academic achievement / W.H. Jeynes // *Urban Education*, 2015. - № 50(4). – p. 387–423.
582. Jia, R. Effects of neonatal paternal deprivation or early deprivation on anxiety and social behaviors of the adults in mandarin voles / R. Jia, F. Tai, S. An, X. Zhang, H. Broders // *Behavioural Processes*, 2009. – Vol. 82. - № 3. – p. 271–278.
583. Johnson, W. E. Parental involvement among unwed fathers/ W. E. Johnson // *Children and Youth Services Review*, 2001. - № 23(6). – p. 513–536. - doi: 10.1016/S0190–7409(01)00146–3
584. Jones, T. L. Potential roles of parental self-efficacy in parent child adjustment: A review. / T. L. Jones, R. J. Prinz // *Clinical Psychology*, 2005. - № 25 . – p. 341–363.
585. Jopt, J.-U. Jugendhilfe und Trennungsberatung / J.-U. Jopt // *Zentralblatt für Jugendrecht*, 1998. - № 7/8. – s. 286–295.
586. Kasser, T. Be careful what you wish for / T. Kasser, R. M. Ryan // *Life goals and well-being: Towards a positive psychology of human striving* / P. Schmuck, K. M. Sheldon. - Goettingen: Hogrefe & Huber, 2001. - p. 116–131.
587. Kilmann, R. H. Developing a Forced-Choice Measure of Conflict–Handling Behavior: The «Mode» Instrument / R. H. Kilmann, K. W. Thomas // *Educational and Psychological Measurement*, 1977. - Vol. 37. - №2. - p. 309–325.
588. Kim, J. E. Retirement transitions, gender, and psychological well–being: A life–course ecological model / J. E. Kim, P. Moen // *The Journal of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*, 2002. - № 57. – p. 212–222.
589. Klein, M. *Love, Guilt and Reparation ?* / M. Klein. – New York: The Free Press, 1975. – 443 p.
590. Korenman, S. Consequences for Infants of Parental Disagreement In Pregnancy Intention / S. Korenman, R. Kaestner, T. Joyce // *Perspectives on Sexual and Reproductive Health*, 2002. - № 34(4). - p. 198–205.
591. Kotelchuck M. The infant’s relationship to the father: Experimental evidence / M. Kotelchuck // *The role of the father in child development* / M.E. Lamb (Ed). - New York: Wiley, 1976. - p. 329–344.

592. Kreager, D. A. The sexual double standard and adolescent peer acceptance / D. A. Kreager, J. Staff // *Social Psychology quarterly*, 2009. - № 72. – p. 143–164. - doi: 10.1177/019027250907200205
593. Krishnakumar, A. Interparental conflict and parenting behaviors: A meta-analytic review / A. Krishnakumar, C. Buehler // *Family Relations*, 2000. - № 49(1). – p. 25–44. -doi: 10.1111/j.1741–3729.2000.00025.x
594. Kunseler, F. C. Changes in parenting self-efficacy and mood items in the transition to parenthood: A bi-directional association / F. C Kunseler, A. M. Willemen, M. Oosterman, C. Schuengel // *Parenting–Science and Practice*, 2014. - № 14(3–4). – p. 215–234.
595. Kwan, R. The moderating role of parenting self-efficacy and co-parenting alliance on marital satisfaction among Chinese fathers and mothers / R. Kwan, S. Kwok, C. Ling // *Journal of Family Studies*, 2015. - № 24(12). – p. 3506–3515. - doi: 10.1007/s10826–015–0152–4
596. Lamb M. E. *The role of the father in child development* (5th ed.) / M. E. Lamb New York: Wiley, 2010. – 672 p.
597. Lamb, M. E. Introduction: The emergent American father / M. E. Lamb // *The father's role: Cross–cultural perspectives* / M. E. Lamb (Ed.). - Hillsdale, NJ: Erlbaum. 1987. - p. 3–25.
598. Lamb, M. E. Everyday experiences of infants in Euro-American and Central American immigrant families. / M. E. Lamb, B.Leyendecker, A. Scholmerich // M. Lewis, C. Feiring (Eds.) *Families, risk, and competence*. – Mahwah, NJ: Erlbaum, 1998. – p. 113–131.
599. LaRossa, R. Continuity and change in middle class fatherhood: 1925–1939 / R. LaRossa, D. Reitzes // *Journal of Marriage and the Family*, 1993. – №.55. – p. 455–468.
600. Lawrence, E. Prenatal expectations and marital satisfaction over the transition to parenthood / E. Lawrence, K. Nylen, R. Cobb // *Journal of Family Psychology*, 2007. - № 21(2). – p. 155–164.

601. Lee, C. Y. S. Marital satisfaction and father involvement during the transition to parenthood / Lee, C. Y. S., W. J. Doherty // *Fathering*, 2007. - № 5. – p. 75–96.
602. Lenzen, D. *Vaterschaft. Vom Patriarchat zur Alimentation* / D. Lenzen. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1991. - 272 s.
603. Li, G. Childhood Gender-Typed Behavior and Adolescent Sexual Orientation: A Longitudinal Population-Based Study / G. Li, K. T. F. Kung, M. Hines // *Developmental Psychology*, 2017. - № 53(4). – p.764-777. - doi: 10.1037/dev0000281.
604. Locke, E. A. Work motivation and satisfaction: Light at the end of the tunnel / E. A. Locke, G. P. Latham // *Psychological Science*, 1990. - № 1. – p. 240–246.
605. Luthar, S. The construct of resilience: A critical examination and guidelines for future work / S. Luthar, D. Cicchetti, B. Becker // *Child Development*, 2000. - № 71(3). – p. 543–562.
606. Main, M. The quality of the toddler's relationship to mother and to father: Related to conflict behavior and the readiness to establish new relationships / M. Main, D. R. Weston // *Child Development*, 1981. - № 52. – p. 932–940.
607. Marcia, J. E. Ego identity status: Relationship to change in self-esteem, «general adjustment», and authoritarianism / J. E. Marcia // *Journal of Personality*, 1967. – № 35. – p. 118–133.
608. Marsiglio, W. *Sex, men & babies: Stories of awareness and responsibility* / W. Marsiglio, S. Hutchinson. - New York: NYU Press. 2002. – 288 p.
609. Maurer, T.W. Parental identity and reflected appraisals: Measurement and gender dynamics. / T.W. Maurer, J.H. Pleck, T.R. Rane // *Journal of Marriage and the Family*, 2001. – №63. – p. 309–321.
610. McCoy, K. P. Constructive and destructive marital conflict, parenting, and children's school and social adjustment / K. P. McCoy, M. R. W. George, E. M. Cummings, P. T. Davies // *Social Development*, 2013. - № 22(4). – p. 641–662. - doi: 10.1111/sode.12015
611. McHale, J.P. *Co-parenting and Clinical Examination of Family Systems* / J. P. McHale, K. M. Lindahl. - Washington, D.C.: American Psychological Association. 2011. – p. 254.

612. Miller, W. B. Proception: An important fertility behavior / W. B. Miller // *Demography*, 1986. - № 23(4). – p. 579–594.
613. Miller, W. B. Pregnancy wantedness and child attachment security: Is there a relationship? / W. B. Miller, M. R. Sable, A. Csizmadia // *Maternal Child Health Journal*, 2008. - № 12. – p. 478–487.
614. Moon, M. Mothers' and Fathers' Differential Expectancies and Behaviors: Parent x Child Gender Effects / M. Moon, C. D. Hoffman // *The Journal of Genetic Psychology*, 2008. - № 169(3). – p. 261–280. - [http://dx.doi.org/10.3200/GNTP.169.3.261–280](http://dx.doi.org/10.3200/GNTP.169.3.261-280).
615. Moran, T.E. Initial validation of the assessment of parenting tool: A task and domain level measure of parenting self–efficacy for parents of infants from birth to 24 months of age / T. E. Moran, J. R. Polanin, A. L. Evenson, B. R. Troutman, C. L. Franklin // *Infant Mental Health Journal*, 2016. - № 37(3). – p. 222–234. - doi: 10.1002/imhj.21567
616. Nepomnyaschy, L. Child Support, Fatherhood, and Marriage: Findings from the First 5 Years of the Fragile Families and Child Wellbeing Study / L. Nepomnyaschy, I. Garfinkel // *Asian Social Work and Policy Review*, 2007. - № 1(1). – p. 1–20. - doi: 10.1111/j.1753–1411.2007.00002.x
617. Nord, C. W. Fathers' Involvement in their children's schools NCES 98–091 / C. W. Nord, D. A. Brimhall, J. West // U.S. Department of Education Report National Center for Educational Statistics Statistical Analysis, National Household Educational Survey. - Washington, DC: 1997. – p. 34.
618. Osborne, C. Framing the Future of Responsible Fatherhood Evaluation Research for the Fatherhood Research and Practice Network 2014 [Электронный ресурс] / C. Osborne. – Режим доступа // http://www.frpn.org/sites/default/files/responsible%20fatherhood%20report_FINAL_June14_0.pdf (дата обращения 22.08.2017)
619. Owen, M. T. Marital conflict and the development of infant–parentattachment relationships / M. T. Owen, M. J. Cox // *Journal of Family Psychology*, 1997. - № 11(2). – p. 152–164. - doi:10.1037/0893–3200.11.2.152

620. Palkovitz, R. Transitions within Fathering / R. Palkovitz, G. Palm. // *Fathering*, 2009. - Vol. 7. - № 1. – p. 3–22. - doi: 10.3149/fth.0701.3
621. Parke, R. D. Socialisation in the Family: Ethnic and Ecological Perspectives / R. D. Parke, R. Buriel // *Handbook of Child Psychology*. - Vol. 3: Social, Emotional, and Personality Development (5th Ed.) / W. Damon, N. Eisenberg (Eds.). - New York: Wiley, 1998. – p. 463–552.
622. Parke, R. Family interactions in the newborn period: Some findings, some observations, and some unresolved issues / R. D. Parke, S. O'Leary // *The developing individual in changing world*. - Vol.2. - Social and environmental issues. / K. Riegel, J. Meacham (Eds). - The Hague: Mouton, 1976. – p. 49–62.
623. Parke, R. D. Fathers and families / R. D. Parke // *Handbook of Parenting* / M. H. Bornstein (Hrsg). - Mahwah, NJ: Erlbaum, 1995. - s. 27–63.
624. Pedersen, F. Conceptualization of father influences in the infancy period / F. Pedersen, L. Yarrow, B. Anderson, R. Cain // *The social network of developing infant*. V. Lewis, L. Rosenblum (Eds). - New York: Plenum, 1978. – p. 267–289.
625. Pelchat, D. Gender differences and similarities in the experience of parenting a child with a health problem: Current state of knowledge / D. Pelchat, H. Lefebvre, M. Levert // *Journal of Health Care*, 2007. - № 11(2). - p. 112–131.
626. Pervin, L. A. Goal concepts: Themes, issues, and questions. / L. A. Pervin // *Goal concepts in personality and social psychology* / L. A. Pervin (Ed.). - Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Incorporated, 1989. - p. 473–479.
627. Pinkernelle, J. Paternal deprivation induces dendritic and synaptic changes and hemispheric asymmetry of pyramidal neurons in the somatosensory cortex. / J. Pinkernelle, A. Abraham, K. Seidel, K. Braun // *Developmental Neurobiology*, 2009. - № 69(10). – p. 663–673.
628. Pleck, J. H. Why could father involvement benefit children? Theoretical perspectives / J. H. Pleck // *Applied Developmental Science*, 2007. - № 11(4). – p. 1–7.
629. Pleck, J. H. Fatherhood and Masculinity / J. H. Pleck // *The role of the father in child development* (5rd ed.) / M. E. Lamb (Ed.). – New York: Wiley, 2010. – p. 27–57.

630. Pleck, J. H. Mother involvement as an influence on father involvement with early adolescents. / J. H. Pleck, S. Hofferth // *Fathering*, 2008. – № 6. – p. 267–286.
631. Pleck, J. H. Paternal involvement: revised conceptualization and theoretical linkages with child outcomes and paternal involvement: levels, sources, and consequences. / J. H. Pleck // *The role of the father in child development* (5th ed.) / M. E. Lamb (Ed.). - New York: Wiley, 2010. – p. 58–93.
632. Pruett, K. *Fatherneed: Why father care is as essential as mother care for your child* / K. Pruett. - New York: Free Press, 2000. – p. 125.
633. Radin, N. *The Role of the Father in Cognitive, Academic, and Intellectual Development* / N. Radin // *The Role of the Father in Child Development* / M. E. Lamb (Ed.). - New York: John Wiley & Sons, 1981. – p. 379–427.
634. Rane, T. R. Identity theory as a guide to understanding fathers' involvement with their children / T. R. Rane, B. A. McBride // *Journal of Family Issues*, 2000. - № 21. – p. 347–366,
635. Rendina, I. *Father involvement in first-born infants* / I. Rendina, J. Dickersheid // *Family Coordinator*, 1976. – № 25. – p. 373–379.
636. Riabov, O. *Remasculinization of Russia? Gender, Nationalism and Legitimation of Power under Vladimir Putin* / O. Riabov, T. Riabova // *Problems of Post-Communism*, 2014. - Vol. 61. - № 2. - p. 23-35.
637. Richter, R. *Vom Mann zum Vater – Praxismaterialien für die Bildungsarbeit mit Vätern* / R. Richter, M. Verlinden. - Münster.: VOTUM Verlag, 2000. – 100 s.
638. Roberts, J. A. *Materialism and satisfaction with over-all quality of life and eight life domains* / J. A. Roberts, A. Clement // *Social Indicators Research*, 2007. - № 82. – p. 79–92. - doi 10.1007/s11205–006–9015–0
639. Rokeach, M. *The Nature of Human Values* / M. Rokeach. - New York: Free Press, 1973. - 438 p.
640. Rominov, H. *Fathers' postnatal distress, parenting self-efficacy, later parenting behavior, and children's emotional-behavioral functioning: A longitudinal study* / H. Rominov, R. Giallo, T.A. Whelan // *Journal of Family Psychology*, 2016. - № 30(8). – p. 907–917.

641. Rosenberg, J. The importance of fathers in the healthy development of children: Fathers and their impact on children's well-being [Электронный документ] / J. Rosenberg, W. Wilcox // B. U.S. Children's Bureau, U.S. Children's Bureau, Office on Child Abuse and Neglect, 2006. - Режим доступа: <https://www.childwelfare.gov/pubPDFs/fatherhood.pdf> (дата обращения 18.09. 2017)
642. Roskam, I. Do mothers and fathers moderate the influence of each other's self-efficacy beliefs and parenting behaviors on children's externalizing behavior? / I. Roskam, J. Meunier, M. Stievenart // *Journal of Child and Family Studies*, 2016. - № 25(6). – p. 2034–2045. - doi: 10.1007/s10826–016–0365–1.
643. Rossi, A. S. Of human bonding / A. S. Rossi, P. H. Rossi. - New York: Aldine deGruyter, 1992. – p. 35.
644. Rotkirch, A. All that she wants is a (nother) baby'? Longing for children as a fertility incentive of growing importance/ A. Rotkirch // *Journal of Evolutionary Psychology*, 2007. - № 5. – p. 89–104.
645. Russell, A. Mother-son, mother-daughter, father-son, and father-daughter: Are they distinct relationships? / A. Russell, J. Saebel // *Developmental Review*, 1997. - № 17. – p. 111–147.
646. Rust, J. The Role of Brothers and Sisters in the Gender Development of Preschool Children / J. Rust, S. Golombok, M. Hines, K. Johnston // *Journal of Experimental Child Psychology*, 2000. - № 77. – p. 292–303.
647. Schaefer, E.S. Development of parental attitude research instrument / E. S. Schaefer, R. Q. Bell // *Child development*, 1958. - № 29. – p. 339–361.
648. Schneider, W. Die neuen Väter – Chancen und Risiken. Zum Wandel der Vaterrolle in Familie und Gesellschaft / W. Schneider. – Augsburg: AV-Verlag, 1989. – 177 s.
649. Schoppe-Sullivan, S. J. Maternal gatekeeping, coparenting quality, and fathering behavior in families with infants / S. J. Schoppe-Sullivan, G. L. Brown, E. A. Cannon, S. C. Mangelsdorf, M. S. Sokolowski // *Journal of Family Psychology*, 2008. - № 22(3). – p. 389–398. - doi: 10.1037/0893–3200.22.3.389

650. Seidel, K. Paternal Deprivation Affects the Development of Corticotrophin–Releasing Factor–Expressing Neurones in Prefrontal Cortex, Amygdala and Hippocampus of the Biparental *Octodon degus*. / K. Seidel, G. Poeggel, R. Holetschka, C. Helmeke, K. Braun // *Journal of Neuroendocrinology*, 2011. - № 23. – p. 1166–1176. - doi:10.1111/j.1365–2826.2011.02208.x
651. Seltzer, J. A. Relationships between fathers and children who live apart: The father's role after separation / J. A. Seltzer // *Journal of Marriage and the Family*, 1991. - № 53. – p. 79–101.
652. Sevigny, P. R. Predictors of parenting self-efficacy in mothers and fathers of toddlers / P. R. Sevigny, L. Loutzenhiser // *Child: care, health and development*, 2010. - № 36(2). - 179–180. - doi:10.1111/j.1365–2214.2009.00980.x
653. Shannon, J. D. Beyond rough and tumble: Low–income fathers' interactions and children's cognitive development at 24 months. / J. D. Shannon, C. S. Tamis-LeMonda, K. London, N. Cabrera // *Parenting: Science and Practice*, 2002. - № 2(2). – p. 77–104. -doi: 0.1207/S15327922PAR0202_01
654. Sheldon, K. M. Self–concordance, goal-attainment, and the pursuit of happiness: Can there be an upward spiral? / K. M. Sheldon, L. Houser-Marko // *Journal of Personality and Social Psychology*, 2001. - № 80. – p. 152–165.
655. Sherman, P.W. Behavioural ecology: father knows best/ P. W. Sherman, B. D. Neff // *Nature*, 2003. - № 425(6954). – p. 136–137.
656. Simmons, D. Does academic training make a difference in the practices of marriage and family therapists? / D. Simmons, W.J. Doherty // *Journal of Marital and Family Therapy*, 1998. - № 24. – p. 321–336.
657. Singh, N. Research Note and Review of the Empirical Ethical Decision–Making Literature: Boundary Conditions and Extensions. / N. Singh, Y. Park, K. Lehnert // *Journal of Business Ethics*, 2015. - № 129 (1). – p. 195–219.
658. Snarey, J. How fathers care for the next generation: A four–decade study / J. Snarey. - Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993. – 403 p.

659. Stryker, S. Identity theory: Developments and extensions / S. Stryker // *Self and identity: Psychosocial perspectives* / K. Yardley, T. Honess (Eds.). - New York: Wiley, 1987. - p. 89–103.
660. Tach, L. Parenting as a «package deal»: Relationships, fertility, and nonresident father involvement among unmarried parents / L. Tach, R. Mincy, K. Edin // *Demography*, 2010. - № 47(1). – p. 181–204. - doi: 10.1353/dem.0.0096
661. Teachman, J. D. The childhood living arrangements of children and the characteristics of their marriages / J. D. Teachman // *Journal of Family Issues*, 2004. - № 25(1). – p. 86–111. - doi: 10.1177/0192513X03255346
662. The White House. Promoting responsible fatherhood [Электронный документ] Washington, DC: The White House, 2012. - Режим доступа https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/fatherhood_report_6.13.12_final.pdf (дата обращения 12.10.2017)
663. Thompson, L. Gender in Families: Women and men in marriage, work, and parenthood / L. Thompson, A. J. Walker // *Journal of Marriage and the Family*, 1989. - № 51(4). – p. 845–871. - doi: 10.2307/353201
664. Tolfree, D. Roofs and Roots: The care of separated children in the developing world / D. Tolfree. International Save the Children Alliance, A Last Resort: The Growing Concern about Children in Residential Care London, Save the Children UK, 2003. - p. 15.
665. Townsend, N. The package deal: Marriage, work, and fatherhood in men's lives / N. Townsend. - Philadelphia, PA: Temple University Press, 2002. – p. 23-34.
666. Tremblay, S. Perceptions of fatherhood: Longitudinal reciprocal associations within the couple / S. Tremblay, T. Pierce // *Canadian Journal of Behavioral Science*, 2011. - № 43(2). – p. 99–110.
667. U.S. Census Bureau. Statistical abstract of the United States, 2012 [Электронный документ] Режим доступа: <http://www.census.gov/library/publications/2011/compendia/statab/131ed.html> (дата обращения 12.11.2017)

668. U.S. Census Bureau. America's families and living arrangements, 2015. [Электронный документ] Режим доступа: <https://www.census.gov/hhes/families/data/cps2015FG.html> (дата обращения 12.11.2017).
669. U.S. Department of Health and Human Services. ASEP Issue Brief: Information on poverty and income statistics, 2012. [Электронный документ] Режим доступа: <http://aspe.hhs.gov/hsp/12/PovertyAndIncomeEst/ib.shtml> (дата обращения 12.11.2017).
670. U.S. Department of Health and Human Services. Healthy Marriage and Responsible Fatherhood Q & A on 2014 non-competitive continuation application. Office of Family Assistance. [Электронный документ] Режим доступа: Retrieved from http://www.acf.hhs.gov/sites/default/files/ofa/hmrf_ttcw_continuationfaqs.pdf (дата обращения 12.11.2017).
671. United States Department of Health and Human Services. (2011, July). Promoting Responsible Fatherhood: Effective Parenting. Federal Research Site. [Электронный документ] Режим доступа: <http://fatherhood.hhs.gov/Parenting/index.shtml> (дата обращения 12.11.2017).
672. Utrata, J. Keeping the Bar Low: Why Russia's Nonresident Fathers Accept Narrow Fatherhood Ideals / J.Utrata // *Journal of Marriage and Family*, 2008. - № 70. – p. 1297–1310. - doi:10.1111/j.1741–3737.2008.00567.x
673. Varghese, C. The determinants of father involvement and connections to children's literacy and language outcomes: A review of literature / C. Varghese, J. Wachen // *Marriage and Family Review*, 2016. - № 52(4). – p. 331–359.
674. Waller, M. R. Family man in the other America: New opportunities, motivations, and supports for paternal caregiving / M. R. Waller // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2009. - № 624(1). – p. 156–176. - doi: 10.1177/0002716209334372
675. Wallerstein, J. S. The Long-Term Effects of Divorce on Children: A Review. / J. S. Wallerstein // *Journal of the Academy of Child Adolescent Psychiatry*, 1991. - № 30(3). – p. 349–360.

676. Waterman, A. S. Identity development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review of research / A. S. Waterman // *Developmental Psychology*, 1982. – № 18. – p. 341–358.
677. Wee, K. Y. Correlates of anteand postnatal depression in fathers: A systematic review / K. Y. Wee, H. Skouteris, C. Pier, B. Richardson, J. Milgrom // *Journal of Affective Disorders*, 2011. - № 130(3). – p. 358–377.
678. Williams, K. Child Maltreatment and Paternal Deprivation: A Manifesto for Research, Prevention, and Treatment / K. Williams // *Clinical Sociology Review*, 1987. - Vol. 5. - №. 1. - Article 22. – doi //: <http://digitalcommons.wayne.edu/csr/vol5/iss1/22>.
679. Zill, N. Longterm effects of parental divorce on parent–child relationships, adjustment, and achievement in young adulthood / N. Zill, D. R. Morrison, M. J. Coiro // *Journal of Family Psychology*, 1993. - №7. – p. 91–103.
680. Zirkel, S. Personal construal of life tasks: Those who struggle for independence / S. Zirkel, N. Cantor // *Journal of personality and social psychology*, 1990. – № 58 (1). – p. 172.

Список иллюстративного материала

Список таблиц

	Название таблицы	Стр.
1.	Таблица 3.2.1. Описательная статистика группы дошкольников	482
2.	Таблица 3.2.2. Сравнение данных детей из полных и неполных семей по t-критерию Стьюдента	179
3.	Таблица 3.2.3. Сравнение данных детей из полных и неполных семей по U критерию Манна-Уитни	179
4.	Таблица 3.2.4. Распределение испытуемых по кластерам для выборки дошкольников	182
5.	Таблица 3.2.5. Распределение испытуемых после кластеризации по двум параметрам	482
6.	Таблица 3.2.6. Описательные статистики по интегральному показателю по всей группе дошкольников	483
7.	Таблица 3.2.7. Описательные статистики по интегральному показателю детей-дошкольников из неполных семей	483
8.	Таблица 3.2.8. Описательные статистики по интегральному показателю детей-дошкольников из полных семей	483
9.	Таблица 3.2.9. Результаты сравнения интегрального показателя детей-дошкольников из полных и неполных семей по t-критерию Стьюдента	188
10.	Таблица 3.3.1. Описательные статистики выборки младших школьников	484
11.	Таблица 3.3.2. Результаты сравнения детей младшего школьного возраста из полной и неполной семьи по критерию Стьюдента	192
12.	Таблица 3.3.3. Распределение испытуемых по кластерам для выборки младших школьников	195
13.	Таблица 3.3.4. Описательные статистики по интегральному показателю для всей группы младших школьников	485
14.	Таблица 3.3.5. Описательные статистики по интегральному показателю детей-младших школьников из неполных семей	485
15.	Таблица 3.3.6. Описательные статистики по интегральному показателю детей-младших школьников из полных семей	485
16.	Таблица 3.3.7. Результаты сравнения интегрального показателя младших школьников из полных и неполных семей по t-критерию Стьюдента	199
17.	Таблица 3.3.8. Сравнение результатов анализа интегрального показателя по выборкам дошкольников и младших школьников t-критерию Стьюдента для независимых переменных	200
18.	Таблица 3.4.1. Описательные статистики для группы подростков	488
19.	Таблица 3.4.2. Описательные статистики для кластеров	490
20.	Таблица 3.4.3. Распределение испытуемых по кластерам для выборки подростков и юношей	204
21.	Таблица 3.4.4. Распределение испытуемых по кластерам в зависимости от возраста для выборки подростков и юношей	206
22.	Таблица 3.4.5. Описательные статистики по интегральному показателю для всей группы подростков и юношей	491
23.	Таблица 3.4.6. Описательные статистики по интегральному показателю детей-подростков и юношей из неполных семей	492
24.	Таблица 3.4.7. Описательные статистики по интегральному показателю детей-подростков и юношей из полных семей	492
25.	Таблица 3.4.8. Результаты сравнения интегрального показателя подростков и юношей из полных и неполных семей по t-критерию Стьюдента	211
26.	Таблица 3.4.9. Сравнение результатов анализа интегрального показателя	213

	по выборкам дошкольников и подростков и юношей по t-критерию Стьюдента для независимых переменных	
27.	Таблица 3.4.10. Сравнение результатов анализа интегрального показателя по выборкам младших школьников и подростков и юношей по t-критерию Стьюдента для независимых переменных	213
28.	Таблица 3.5.1. Описательные статистики для выборки взрослых	502
29.	Таблица 3.5.2. Описательные статистики для первого кластера	505
30.	Таблица 3.5.3. Описательные статистики для второго кластера	505
31.	Таблица 3.5.4. Описательные статистики по шкалам ценностей для первого кластера выборки взрослых	506
32.	Таблица 3.5.5. Описательные статистики по шкалам ценностей для второго кластера выборки взрослых	506
33.	Таблица 3.5.6. Распределение испытуемых по кластерам в зависимости от возраста для выборки взрослых	220
34.	Таблица 3.5.7. Описательные статистики для кластера 1.1 по выборке взрослых	507
35.	Таблица 3.5.8. Описательные статистики для кластера 1.2. по выборке взрослых	509
36.	Таблица 3.5.9. Описательные статистики для кластера 2.1. по выборке взрослых	511
37.	Таблица 3.5.10. Описательные статистики для кластера 2.2. по выборке взрослых	513
38.	Таблица 3.5.11. Описательные статистики по интегральному показателю для всей группы мужчин-отцов в период взрослости	227
39.	Таблица 3.5.12. Сравнение результатов анализа интегрального показателя по выборкам мужчин-отцов разных кластеров по t-критерию Стьюдента для независимых переменных	229
40.	Таблица 3.5.13. Сравнение результатов анализа интегрального показателя по выборкам мужчин-отцов и подростков и юношей по t-критерию Стьюдента для независимых переменных	230
41.	Таблица 3.5.14. Сравнение результатов анализа интегрального показателя по выборкам мужчин-отцов и мужчин, не имеющих детей, в период взрослости по t-критерию Стьюдента для независимых переменных	231
42.	Таблица 3.5.15. Сравнение результатов анализа интегрального показателя по выборкам мужчин-отцов первого кластера и мужчин, не имеющих детей, в период взрослости по t-критерию Стьюдента для независимых переменных	231
43.	Таблица 3.5.16. Результаты корреляционного анализа	233
44.	Таблица 3.5.17. Описательные статистики выборки мужчин	515
45.	Таблица 3.5.18. Взаимосвязь отношений с отцом в детстве с различными параметрами	236
46.	Таблица 3.5.19. Взаимосвязь удовлетворенности браком с различными параметрами	237
47.	Таблица 3.5.20. Взаимосвязь удовлетворенности браком с различными параметрами у мужчин, выросших без отца	237
48.	Таблица 3.5.21. Параметры, взаимосвязанные с отсутствием отца в детстве	239
49.	Таблица 3.5.22. Параметры, взаимосвязанные с воспитанием в полной семье	240
50.	Таблица 3.5.23. Взаимосвязи параметров в группе мужчин из неполной семьи	241

51.	Таблица 3.5.24. Взаимосвязи параметров в группе мужчин из полной семьи	242
52.	Таблица 4.1.1. Содержательные характеристики психологической готовности к отцовству на этапе становления	524
53.	Таблица 4.1.2. Содержательные характеристики психологической готовности к отцовству в младшем школьном возрасте	525
54.	Таблица 4.1.3. Содержательные характеристики психологической готовности к отцовству в подростковом и юношеском возрасте	526
55.	Таблица 4.1.4. Основные характеристики готовности к отцовству	526
56.	Таблица 4.1.5. Основные характеристики конструктивной стратегии отцовства в период взрослости	527
57.	Таблица 4.1.6. Характеристика конструктивной и неконструктивной стратегии отцовства в период ранней взрослости	528
58.	Таблица 4.3.1. Технологии оптимизации становления психологической готовности к отцовству	530
59.	Таблица 4.3.2. Краткое содержание занятий по формированию конструктивных стратегий отцовства подростков и юношей и у мужчин в период взрослости	531
60.	Таблица 4.3.3. Основные условия и возможности оптимизации становления психологической готовности к отцовству и развития конструктивных стратегий отцовства	532
61.	Таблица 5.1.1. Результаты сравнения экспериментальной и контрольной группы дошкольников до воздействия	334
62.	Таблица 5.1.2. Сравнение данных экспериментальной и контрольной группы дошкольников по U критерию Манна-Уитни до воздействия	335
63.	Таблица 5.1.3. Сравнение результатов экспериментальной группы до и после воздействия по t-критерию Стьюдента для зависимых выборок	335
64.	Таблица 5.1.4. Сравнение результатов экспериментальной группы до и после воздействия по критерию Вилкоксона	336
65.	Таблица 5.1.5. Результаты сравнения экспериментальной группы дошкольников до и после воздействия по интегральному показателю	336
66.	Таблица 5.1.6. Результаты сравнения экспериментальной и контрольной группы дошкольников после воздействия	337
67.	Таблица 5.1.7. Сравнение данных экспериментальной и контрольной группы дошкольников по U критерию Манна-Уитни	337
68.	Таблица 5.1.8. Результаты сравнения экспериментальной и контрольной группы дошкольников по компонентам стратегии отцовства после воздействия	338
69.	Таблица 5.2.1. Описательные статистики выборки младших школьников экспериментальной группы	486
70.	Таблица 5.2.2. Описательные статистики выборки младших школьников контрольной группы	487
71.	Таблица 5.2.3. Результаты сравнения детей младшего школьного возраста из экспериментальной и контрольной групп по критерию Стьюдента	344
72.	Таблица 5.2.4. Результаты сравнения детей младшего школьного возраста из экспериментальной и контрольной групп по интегральному показателю по критерию Стьюдента	345
73.	Таблица 5.2.5. Распределение испытуемых контрольной и экспериментальной групп по кластерам для выборки младших школьников	353
74.	Таблица 5.2.6. Взаимосвязи внутри параметров стратегии отцовства у	354

	детей контрольной группы	
75.	Таблица 5.2.7. Взаимосвязи внутри параметров стратегии отцовства у детей контрольной группы	355
76.	Таблица 5.3.1. Описательные статистики экспериментальной группы подростков до воздействия (2016 год)	493
77.	Таблица 5.3.2. Описательные статистики контрольной группы до воздействия (2016 год)	495
78.	Таблица 5.3.3. Описательные статистики экспериментальной группы подростков после воздействия (2016 год)	497
79.	Таблица 5.3.4. Описательные статистики контрольной группы после воздействия (2016 год)	499
80.	Таблица 5.3.5. Результаты сравнения экспериментальной и контрольной групп после воздействия по t-критерию Стьюдента (2016 год)	501
81.	Таблица 5.3.6. Результаты сравнения экспериментальной и контрольной групп по интегральному показателю после воздействия по t-критерию Стьюдента (2016 год)	359
82.	Таблица 5.3.7. Взаимосвязи внутри параметров стратегии отцовства у контрольной группы	361
83.	Таблица 5.3.8. Взаимосвязи внутри параметров стратегии отцовства у экспериментальной группы	364
84.	Таблица 5.4.1 Сравнение результатов экспериментальной и контрольной группы	370
85.	Таблица 5.4.2. Сравнение параметров отцовства экспериментальной и контрольной группы (2016)	372
86.	Таблица 5.5.1. Описательная статистика экспериментальной выборки до экспериментального воздействия (2004 год)	516
87.	Таблица 5.5.2. Описательная статистика экспериментальной выборки после экспериментального воздействия (2004 год)	518
88.	Таблица 5.5.3. Сравнение результатов экспериментальной группы до и после воздействия по t-критерию Стьюдента для зависимых выборок (2004 год)	520
89.	Таблица 5.5.4. Оценка эффективности тренинга по средним показателям	376
90.	Таблица 5.5.5. Сравнение экспериментальной и контрольной групп после воздействия по t-критерию Стьюдента (2016 год)	521
91.	Таблица 5.5.6 Сравнение результатов экспериментальной группы до и после воздействия по t-критерию Стьюдента для зависимых выборок (2016 год)	522
92.	Таблица 5.5.7. Результаты сравнения мужчин экспериментальной и контрольной группы после воздействия по интегральному показателю по критерию Стьюдента	383

Список рисунков

	Название рисунка	Стр.
1.	Рисунок 1.2.1. Функциональная модель отцовства	61
2.	Рисунок 1.3.1. Содержание компонентов стратегии отцовства	86
3.	Рисунок 1.3.2. Структурно-функциональные характеристики психологической готовности к отцовству	89
4.	Рисунок 1.3.3. Модель становления психологической готовности к отцовству	93
5.	Рисунок 2.1.1. Психологические эффекты стратегий отцовства	118
6.	Рисунок 3.2.1. Результаты кластерного анализа в группе дошкольников	180
7.	Рисунок 3.2.2. Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке дошкольников	181
8.	Рисунок 3.2.3. Результаты кластерного анализа по двум параметрам в группе дошкольников	183
9.	Рисунок 3.2.4. Результаты кластеризации данных по двум параметрам методом К средних в выборке дошкольников	184
10.	Рисунок 3.2.5. Распределение испытуемых после кластеризации по двум параметрам	185
11.	Рисунок 3.2.6. Распределение дисперсий по показателю «гендерно-типичное поведение» по кластерам для выборки дошкольников	186
12.	Рисунок 3.2.7. Распределение результатов интегрального показателя по четырем кластерам	189
13.	Рисунок 3.2.8. Распределение результатов интегрального показателя по трем кластерам	190
14.	Рисунок 3.3.1. Результаты кластерного анализа в группе младших школьников	192
15.	Рисунок 3.3.2. Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке младших школьников	193
16.	Рисунок 3.3.3. Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке младших школьников (гендерные установки и ответственность)	194
17.	Рисунок 3.3.4. Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке младших школьников (ценности)	194
18.	Рисунок 3.3.5. Распределение испытуемых по кластерам для выборки младших школьников	196
19.	Рисунок 3.3.6. Распределение результатов интегрального показателя по кластерам для выборки младших школьников	198
20.	Рисунок 3.4.1. Результаты кластерного анализа в группе подростков и юношей	202
21.	Рисунок 3.4.2. Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке подростков и юношей	203
22.	Рисунок 3.4.3. Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке подростков и юношей (параметры ответственность и зрелость)	204
23.	Рисунок 3.4.4. Распределение испытуемых по кластерам для выборки подростков и юношей	205
24.	Рисунок 3.4.5. Распределение испытуемых по кластерам в зависимости от возраста для выборки подростков и юношей	206
25.	Рисунок 3.4.6. Распределение испытуемых подростков и юношей по кластерам в 15 лет	207

26.	Рисунок 3.4.7. Распределение испытуемых подростков и юношей по кластерам в 16 лет	207
27.	Рисунок 3.4.8. Распределение испытуемых подростков и юношей по кластерам в 17 лет	208
28.	Рисунок 3.4.9. Распределение результатов интегрального показателя по кластерам для выборки подростков и юношей	212
29.	Рисунок 3.5.1. Результаты кластерного анализа в группе взрослых	215
30.	Рисунок 3.5.2 Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке взрослых (характеристики отцовства)	216
31.	Рисунок 3.5.3 Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке взрослых (зрелость)	218
32.	Рисунок 3.5.4. Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке взрослых (осмысленность жизни и ответственность)	219
33.	Рисунок 3.5.5 Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке взрослых (ценности)	219
34.	Рисунок 3.5.6. Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке взрослых внутри первого кластера	221
35.	Рисунок 3.5.7. Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке взрослых внутри первого кластера	223
36.	Рисунок 3.5.8. Распределение результатов интегрального показателя по кластерам для выборки мужчин-отцов в период взрослости	228
37.	Рисунок 4.3.1. Условия, механизмы и эффекты становления психологической готовности к отцовству	529
38.	Рисунок 4.3.2. Направления работы по оптимизации становления готовности к отцовству	293
39.	Рисунок 4.3.3. Схема психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству и развития конструктивной стратегии отцовства	322
40.	Рисунок 5.1.1. Результаты дисперсионного анализа с повторными измерениями по параметру гендерные установки для группы дошкольников	339
41.	Рисунок 5.1.2. Дисперсионный анализ с повторными измерениями по параметру гендерно-типичное поведение	339
42.	Рисунок 5.1.3. Дисперсионный анализ с повторными измерениями по параметру нравственные нормы	340
43.	Рисунок 5.1.4. Дисперсионный анализ с повторными измерениями по параметру зрелость	241
44.	Рисунок 5.2.1. Сравнение гендерных установок детей экспериментальной и контрольной групп	346
45.	Рисунок 5.2.2. Сравнение гендерной самооценки детей экспериментальной и контрольной групп	347
46.	Рисунок 5.2.3. Сравнение гендерной оценки отца детьми экспериментальной и контрольной групп	347
47.	Рисунок 5.2.4. Сравнение оценки роли отца детьми экспериментальной и контрольной групп	348
48.	Рисунок 5.2.5. Сравнение оценки роли отца в воспитании детей детьми экспериментальной и контрольной групп	349
49.	Рисунок 5.2.6. Сравнение оценки роли отца в эмоциональном климате семьи детьми экспериментальной и контрольной групп	349
50.	Рисунок 5.2.7 Сравнение оценки роли отца в семейной культуре детьми экспериментальной и контрольной групп	350
51.	Рисунок 5.2.8. Сравнение оценки роли отца в материальной сфере	351

	семьи детьми экспериментальной и контрольной групп	
52.	Рисунок 5.2.9. Сравнение параметров ответственности и нравственной мотивации поведения детей экспериментальной и контрольной групп	251
53.	Рисунок 5.2.10. Сравнение параметров зрелости детей экспериментальной и контрольной групп	352
54.	Рисунок 5.5.1. Оценка типичных трудностей, связанных с рождением ребенка, мужчинами экспериментальной группы до и после тренинга	378
55.	Рисунок 5.5.2. Сравнение отцовских установок мужчин контрольной и экспериментальной групп до и после воздействия	380
56.	Рисунок 5.5.3. Сравнение параметров родительской идентичности мужчин контрольной и экспериментальной групп до и после воздействия	381
57.	Рисунок 5.5.4. Сравнение параметра общей осмысленности жизни мужчин контрольной и экспериментальной групп до и после воздействия параметра	382
58.	Рисунок 5.5.5. Сравнение параметра способности к психологической близости мужчин контрольной и экспериментальной групп до и после воздействия параметра	382
59.	Рисунок 5.5.6. Сравнение интегрального показателя мужчин контрольной и экспериментальной групп после воздействия параметра	384

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Таблица 3.2.1. – Описательная статистика группы дошкольников

Параметры	№ набл.	Среднее	Медиана	Мода	Сумма	Минимум	Максимум	Дисперсия
Группа	84	1,82	2,00	2,00	153,00	1,00	2,00	0,15
семья	84	1,70	2,00	1,00	143,00	1,00	3,00	0,57
возраст	84	5,36	5,00	5,00	450,00	4,00	7,00	0,38
Гендерно-типичное поведение	84	62,64	62,00	Мн.	5262,00	49,00	80,00	36,37
Гендерные установки	84	8,90	9,00	9,00	748,00	6,00	12,00	1,75
Нравственные нормы	84	11,41	12,00	12,00	959,00	6,00	15,00	6,46
Зрелость и саморегуляция	84	36,76	37,00	37,00	3088,00	23,00	48,00	37,17
Гендерно-типичное поведение *	84	63,44	65,00	56,00	5329,00	49,00	80,00	43,98
Гендерные установки *	84	8,90	9,00	9,00	748,00	6,00	12,00	1,75
Нравственные нормы *	84	11,76	12,00	12,00	988,00	6,00	15,00	5,85
Зрелость и саморегуляция*	84	38,57	39,00	37,00	3240,00	23,00	49,00	36,44

Таблица 3.2.5. – Распределение испытуемых после кластеризации по двум параметрам

	группа	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Всего
Частота	1	14	18	8	40
% по строке		35	45%	20%	
Частота	2	4	16	9	29
% по строке		13%	55%	31%	
Частота	3	3	6	6	15
% по строке		20%	40%	40%	
Частота	Всего	21	40	23	84

Таблица 3.2.6. – Описательные статистики по интегральному показателю по всей группе дошкольников

Параметры	Н на бл.	Среднее	Медиана	Мода	Мин.	Макс.	Дисп.	Ст. откл.
Интегральный показатель	86	0,60	0,58	Мн.	0,54	0,81	0,002	0,04
Праксиологический компонент	86	0,63	0,62	Мн.	0,49	0,80	0,003	0,06
Аксиологический компонент	86	0,54	0,50	0,55	0,50	1,00	0,012	0,11
Рефлексивно-регулятивный компонент	86	0,58	0,55	0,52	0,45	0,94	0,014	0,11

Таблица 3.2.7. – Описательные статистики по интегральному показателю детей-дошкольников из неполных семей

Параметры	Н на б.	Среднее	Медиана	Мода	Мин.	Макс.	Дисп.	Ст. откл.
Праксиологический компонент	40	0,60	0,59	0,56	0,49	0,80	0,003	0,06
Аксиологический компонент	40	0,55	0,50	0,55	0,50	1,00	0,011	0,10
Рефлексивно-регулятивный компонент	40	0,57	0,52	0,52	0,45	0,94	0,01	0,10
Интегральный показатель	40	0,59	0,56	Мн.	0,54	0,73	0,00	0,03

Таблица 3.2.8. – Описательные статистики по интегральному показателю детей-дошкольников из полных семей

Параметры	Н наб.	Среднее	Медиана	Мода	Мин.	Макс.	Дисп.	Ст.откл.
Праксиологический компонент	46	0,64	0,62	0,56	0,49	0,80	0,003	0,06
Аксиологический компонент	46	0,57	0,52	0,55	0,50	1,00	0,010	0,10
Рефлексивно-регулятивный компонент	46	0,58	0,52	0,52	0,45	0,94	0,011	0,10
Интегральный показатель	46	0,62	0,56	Мн.	0,54	0,77	0,001	0,044

Приложение 2

Таблица 3.3.1. – Описательные статистики выборки младших школьников

Параметры	N набл.	Средне е	Медиан а	Мода	Миним ум	Макси м.	Диспер сия	Ст.отк л.
Возраст	45	10,13	11,0	11,00	9,00	12,00	0,981	0,990
Семья	45	1,733	2,00	2,00	1,00	2,00	0,200	0,447
Гендерные установки	45	1,913	2,00	2,00	1,20	2,00	0,029	0,171
Гендерная самооценка	45	3,660	4,20	4,20	1,50	5,00	1,256	1,120
Гендерная оценка отца	45	4,264	4,80	5,00	0,00	5,00	1,256	1,121
Воспитание детей	45	2,537	2,80	3,00	1,00	3,10	0,348	0,590
Материальный фактор	45	1,688	2,00	2,00	1,00	4,00	0,582	0,763
Эмоциональный климат	45	2,828	3,00	3,00	2,00	4,00	0,268	0,518
Досуг	45	2,582	2,60	2,60	1,30	4,00	0,500	0,707
Хозяйственная сфера	45	2,435	2,60	3,00	1,60	3,20	0,275	0,524
Семейная культура	45	2,266	2,300	Множес т.	1,00	4,00	0,412	0,642
Нравственные установки	45	2,333	2,00	4,00	0,00	4,00	1,818	1,348
Ответственность	45	3,866	4,00	5,00	2,00	5,00	1,027	1,013
Отношение к семье	45	12,178	13,00	12,00	-16,00	28,00	71,422	8,451
Отношение к миру	45	16,889	17,00	27,00	-11,00	28,00	57,14	7,55

Таблица 3.3.4. – Описательные статистики по интегральному показателю для всей группы младших школьников

Параметры	№ набл.	Среднее	Медиана	Мода	Мин.	Макс.	Дисп.	Ст. откл.
Праксиологический компонент	45	0,67	0,60	Мн.	0,40	1,00	0,04	0,20
Аксиологический компонент	45	0,62	0,58	Мн.	0,54	0,80	0,01	0,07
Рефлексивно-регулятивный компонент	45	0,61	0,58	Мн.	-0,03	0,84	0,03	0,17
Интегральный показатель	45	0,62	0,60	Мн.	0,44	0,89	0,02	0,14

Таблица 3.3.5. – Описательные статистики по интегральному показателю детей-младших школьников из неполных семей

Параметры	Среднее	Медиана	Мода	Мин.	Макс.	Дисп.	Ст.откл.
Праксиологический компонент	0,64	0,60	0,60	0,40	1,00	0,04	0,20
Аксиологический компонент	0,50	0,60	0,68	0,44	0,78	0,01	0,08
Рефлексивно-регулятивный компонент	0,41	0,46	0,48	-0,03	0,68	0,03	0,18
Интегральный показатель	0,59	0,56	Мн.	0,44	0,81	0,01	0,12

Таблица 3.3.6. - Описательные статистики по интегральному показателю детей-младших школьников из полных семей

Параметры	Среднее	Медиана	Мода	Мин.	Макс.	Дисп.	Ст.откл.
Праксиологический компонент	0,67	0,50	Мн.	0,40	1,00	0,04	0,19
Аксиологический компонент	0,62	0,60	Мн.	0,56	0,80	0,00	0,07
Рефлексивно-регулятивный компонент	0,62	0,59	0,55	0,17	0,84	0,02	0,15
Интегральный показатель	0,62	0,59	Мн.	0,48	0,89	0,02	0,13

Таблица 5.2.1. – Описательные статистики выборки младших школьников экспериментальной группы

Параметры	№ набл.	Средне е	Медиа на	Мода	Миним ум	Макси м.	Диспер сия	Ст.отк л.
Возраст	21	9,48	9,00	9,00	9,00	11,00	0,66	0,81
Семья	21	2,00	2,00	2,00	2,00	2,00	0,00	0,00
Гендерные установки	21	1,97	2,00	2,00	1,70	2,00	0,01	0,08
Гендерная самооценка	21	3,96	4,20	4,20	1,50	5,00	1,07	1,03
Гендерная оценка отца	21	4,69	4,80	5,00	3,40	5,00	0,18	0,42
Воспитание детей	21	2,56	3,00	3,00	1,00	3,10	0,36	0,60
Материальный фактор	21	1,62	2,00	2,00	1,00	3,00	0,35	0,59
Эмоциональный климат	21	2,92	3,00	3,00	2,30	4,00	0,22	0,47
Досуг	21	2,55	2,60	2,00	1,30	3,60	0,47	0,68
Хозяйственная сфера	21	2,42	2,60	3,00	1,60	3,00	0,29	0,54
Семейная культура	21	2,33	2,30	3,00	1,00	4,00	0,53	0,73
Нравственные установки	21	2,95	3,00	4,00	0,00	4,00	1,35	1,16
Ответственность	21	4,38	5,00	5,00	2,00	5,00	0,75	0,86
Отношение к семье	21	15,14	15,00	11,00	-1,00	28,00	73,02	6,56
Отношение к миру	21	20,33	20,00	27,00	6,00	28,00	33,83	5,82

Таблица 5.2.2. – Описательные статистики выборки младших школьников контрольной группы

Параметры	№ набл.	Среднее	Медиана	Мода	Минимум	Максимум	Дисперсия	Ст.откл.
Возраст	24	10,70	11,00	11,00	9,00	12,00	0,56	0,75
Семья	24	1,50	1,50	Множт.	1,00	2,00	0,26	0,51
Гендерные установки	24	1,87	1,95	2,00	1,20	2,00	0,05	0,21
Гендерная самооценка	24	3,40	3,20	2,00	1,50	5,00	1,32	1,15
Гендерная оценка отца	24	3,89	4,60	5,00	0,00	5,00	1,94	1,39
Воспитание детей	24	2,52	2,70	3,00	1,00	3,10	0,36	0,60
Материальный фактор	24	1,75	2,00	1,00	1,00	4,00	0,80	0,90
Эмоциональный климат	24	2,75	2,80	2,30	2,00	4,00	0,31	0,55
Досуг	24	2,61	2,60	2,60	1,30	4,00	0,55	0,74
Хозяйственная сфера	24	2,45	2,55	3,00	1,60	3,20	0,28	0,53
Семейная культура	24	2,21	2,30	Множ.	1,00	3,00	0,32	0,56
Нравственные установки	24	1,79	2,00	1,00	0,00	4,00	1,65	1,28
Ответственность	24	3,42	3,00	3,00	2,00	5,00	0,86	0,93
Отношение к семье	24	9,58	12,00	12,00	-16,00	28,00	84,17	9,17
Отношение к миру	24	13,87	13,50	11,00	-11,00	28,00	59,60	7,72

Приложение 3

Таблица 3.4.1. – Описательные статистики для группы подростков

Параметры	N набл.	Средне е	Медиа на	Мода	Миним ум	Макси м.	Диспер сия	Ст.отк л.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Ответственность	64	14,15	14,00	Множ.	7,00	20,00	6,61	2,57
Рефлексивность	64	5,31	5,01	Множ	2,00	7,00	11,09	2,45
Зрелость	64	53,97	50,00	48,00	37,00	81,00	127,00	11,27
Мотивация достижений (Гильбух)	64	19,63	19,00	17,00	10,00	33,00	14,55	3,81
Чувство гражданского долга. (Гильбух)	64	26,36	27,00	27,00	11,00	51,00	40,72	6,38
Отношение к своему «Я» («Я» - концепция). (Гильбух)	64	8,76	8,00	7,00	4,00	18,00	11,05	3,32
Жизненная установка. (Гильбух)	64	19,02	18,00	12,00	10,00	33,00	38,53	6,21
Способность к психологической близости с другим человеком (Гильбух)	64	11,24	11,00	11,00	6,00	21,00	10,46	3,23
Воспитание детей	64	2,49	2,80	3,00	1,00	3,10	0,42	0,65
Материальный фактор	64	1,90	2,00	2,00	1,00	4,00	0,61	0,78
Эмоциональный климат	64	3,07	3,00	3,00	2,00	4,00	0,31	0,56
Досуг	64	2,69	2,60	2,60	1,30	3,60	0,29	0,54
Хозяйственная сфера	64	2,54	2,60	3,00	1,60	3,00	0,21	0,46
Семейная культура	64	2,39	2,30	3,00	1,00	4,00	0,47	0,68
Гендерная установки	64	21,15	21,00	21,00	15,00	27,00	12,44	3,53
Гендерная самооценка	64	3,78	4,20	4,20	1,50	5,00	1,42	1,19
Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком (Плек)	64	2,68	2,80	3,00	2,00	4,00	0,27	0,52
Шкала родительской идентичности в роли кормильца (Плек)	64	3,22	3,00	3,00	2,00	4,50	0,33	0,57
Собственный престиж (ОТЕЦ)	64	6,24	6,00	5,00	4,00	10,00	2,43	1,56
Высокое материальное положение (ОТЕЦ)	64	6,42	6,00	5,00	3,00	10,00	2,94	1,71
Креативность (ОТЕЦ)	64	6,51	6,00	5,00	4,00	10,00	2,87	1,70

Продолжение таблицы 3.4.1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Активные социальные контакты (ОТЕЦ)	64	5,51	5,00	5,00	3,00	8,00	1,32	1,15
Развитие себя (ОТЕЦ)	64	5,68	6,00	Мн.	4,00	9,00	1,77	1,33
Достижения (ОТЕЦ)	64	5,63	6,00	5,00	4,00	7,00	0,93	0,96
Духовное удовлетворение (ОТЕЦ)	64	5,53	5,00	5,00	4,00	9,00	1,63	1,28
Сохранение собственной индивидуальности (ОТЕЦ)	64	5,73	5,00	5,00	4,00	9,00	1,48	1,22
Сфера профессиональной жизни (ОТЕЦ)	64	5,88	6,00	Мн.	4,00	9,00	1,00	1,00
Сфера обучения и образования (ОТЕЦ)	64	5,47	5,00	5,00	3,00	9,00	1,67	1,29
Сфера семейной жизни (ОТЕЦ)	64	6,20	6,00	6,00	4,00	9,00	1,72	1,31
Сфера общественной жизни (ОТЕЦ)	64	6,02	6,00	5,00	3,00	10,00	2,50	1,58
Сфера увлечений (ОТЕЦ)	64	6,66	6,00	6,00	2,00	10,00	4,30	2,07

Таблица 3.4.2. – Описательные статистики для кластеров

Параметры	Кластер 1 20 набл.		Кластер 2 20 набл.		Кластер 3 18 набл.	
	Среднее	Дисперс.	Среднее	Дисперс.	Среднее	Дисперс.
	2	3	4	5	6	7
Ответственность	-0,47	1,36	-0,13	0,64	0,68	0,37
Рефлексивность	-0,55	0,45	-0,04	0,56	0,57	0,32
Зрелость	-0,63	0,37	0,06	0,89	0,63	1,06
Мотивация достижений (Гильбух)	-0,71	0,80	0,16	0,42	0,61	1,00
Чувство гражданского долга. (Гильбух)	-0,60	1,11	0,03	0,19	0,62	1,11
Отношение к своему «Я» («Я» - концепция). (Гильбух)	-0,06	0,47	-0,59	0,50	0,76	1,25
Жизненная установка. (Гильбух)	-0,03	0,90	-0,67	0,29	0,82	0,80
Способность к психологической близости с другим человеком (Гильбух)	-0,31	0,53	0,03	0,69	0,30	1,79
Воспитание детей	-0,18	0,73	0,55	0,21	-0,44	1,72
Материальный фактор	0,07	0,77	-0,30	0,87	0,27	1,33
Эмоциональный климат	-0,08	0,48	-0,42	1,00	0,58	1,10
Досуг	-0,46	0,57	0,37	1,34	0,08	0,77
Хозяйственная сфера	-0,42	1,03	0,22	0,74	0,20	1,09
Семейная культура	0,38	1,43	-0,24	0,49	-0,14	0,98
Гендерная установки	0,16	0,86	-0,34	1,03	0,22	1,02
Гендерная самооценка	0,00	0,95	0,07	0,96	-0,09	1,21
Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком (Плек)	-0,22	1,45	0,05	0,89	0,19	0,65
Шкала родительской идентичности в роли кормильца (Плек)	-0,24	1,02	-0,26	0,90	0,56	0,73
Собственный престиж (ОТЕЦ)	-0,47	0,63	0,80	0,93	-0,40	0,39
Высокое материальное положение (ОТЕЦ)	-0,28	0,66	0,78	0,88	-0,60	0,41

Продолжение таблицы 3.4.2.

1	2	3	4	5	6	7
Креативность (ОТЕЦ)	-0,24	0,88	0,35	1,04	-0,14	0,97
Активные социальные контакты (ОТЕЦ)	-0,18	1,12	0,14	0,93	0,04	1,00
Развитие себя (ОТЕЦ)	-0,40	0,55	-0,08	0,65	0,53	1,53
Достижения (ОТЕЦ)	0,39	0,45	-0,45	1,14	0,10	1,12
Духовное удовлетворение (ОТЕЦ)	0,21	0,62	-0,19	1,66	-0,02	0,67
Сохранение собственной индивидуальности (ОТЕЦ)	-0,19	0,39	0,38	1,67	-0,23	0,73
Сфера профессиональной жизни (ОТЕЦ)	-0,03	0,66	0,12	1,10	-0,10	1,36
Сфера обучения и образования (ОТЕЦ)	-0,60	0,70	0,22	0,47	0,41	1,41
Сфера семейной жизни (ОТЕЦ)	-0,46	0,94	-0,05	0,48	0,57	1,20
Сфера общественной жизни (ОТЕЦ)	-0,11	0,81	-0,04	1,14	0,16	1,12
Сфера увлечений (ОТЕЦ)	0,04	0,98	0,19	0,76	-0,27	1,31

Таблица 3.4.5. – Описательные статистики по интегральному показателю для всей группы подростков и юношей

Параметры	Среднее	Медиана	Мода	Мин.	Макс.	Дисп.	Ст.откл.
Рефлексивно-регулятивный компонент	0,67	0,63	Мн.	0,37	0,86	0,01	0,09
Аксиологический компонент	0,65	0,62	Мн.	0,56	0,78	0,00	0,05
Праксиологический компонент *	0,71	0,60	Мн.	0,35	1,00	0,02	0,13
Интегральный показатель	0,65	0,57	Мн.	0,48	0,80	0,01	0,07

Таблица 3.4.6. – Описательные статистики по интегральному показателю детей-подростков и юношей из неполных семей

Параметры	Среднее	Медиана	Мода	Мин.	Макс.	Дисп.	Ст.откл.
Рефлексивно-регулятивный компонент	0,65	0,63	0,67	0,37	0,86	0,01	0,11
Аксиологический компонент	0,63	0,58	Мн.	0,58	0,78	0,00	0,06
Праксиологический компонент *	0,67	0,65	0,75	0,40	1,00	0,02	0,13
Интегральный показатель	0,61	0,57	Мн.	0,48	0,80	0,01	0,08

Таблица 3.4.7. – Описательные статистики по интегральному показателю детей-подростков и юношей из полных семей

Параметры	Среднее	Медиана	Мода	Мин.	Макс.	Дисп.	Ст.откл.
Рефлексивно-регулятивный компонент	0,66	0,65	Мн.	0,41	0,66	0,00	0,06
Аксиологический компонент	0,65	0,59	Мн.	0,56	0,76	0,00	0,05
Праксиологический компонент *	0,71	0,70	0,70	0,35	0,90	0,02	0,12
Интегральный показатель	0,65	0,59	Мн.	0,48	0,79	0,00	0,07

Таблица 5.3.1. – Описательные статистики экспериментальной группы подростков до воздействия (2016 год)

Параметры	Н набл.	Средне е	Медиа на	Мода	Миним ум	Макси м.	Диспер сия	Ст.отк л.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Семья	15	1,42	1,00	1,00	1,00	2,00	0,26	0,51
Возраст	15	16,50	16,00	16,00	16,00	16,00	0,00	0,00
Рефлексивность	15	0,14	0,53	0,15	0,01	1,96	0,74	0,96
Зрелость	15	-0,11	-0,53	-0,62	-0,88	1,96	0,74	0,86
Мотивация достижений (Гильбух)	15	-0,15	-0,43	-0,69	-1,21	1,41	0,55	0,74
Чувство гражданского долга. (Гильбух)	15	0,04	0,10	0,10	-0,84	0,57	0,12	0,35
Отношение к своему «Я» («Я» - концепция). (Гильбух)	15	-0,61	-0,83	-1,13	-1,43	0,97	0,48	0,69
Жизненная установка. (Гильбух)	15	-0,66	-0,49	-1,13	-1,13	0,32	0,19	0,44
Способность к психологической близости с другим человеком (Гильбух)	15	-0,20	-0,38	-0,69	-1,62	1,78	0,84	0,92
Воспитание детей	15	0,16	0,47	0,78	-0,76	0,78	0,47	0,68
Материальный фактор	15	-0,21	0,13	0,13	-1,15	1,41	0,70	0,84
Эмоциональный климат	15	-0,32	-0,12	-0,12	-1,92	1,67	0,92	0,96
Досуг	15	-0,06	-0,17	-0,17	-1,29	1,68	0,90	0,95
Хозяйственная сфера	15	-0,17	0,14	0,14	-2,04	1,01	0,91	0,96
Семейная культура	15	0,12	-0,13	0,89	-2,04	2,36	1,32	1,15
Гендерная установки	15	-0,27	-0,04	Мн.	-1,74	1,09	0,87	0,93
Гендерная самооценка	15	0,12	0,35	Мн.	-1,50	1,02	0,79	0,89
Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком (Плек)	15	-0,34	-0,74	-1,32	-1,32	1,38	0,99	0,99
Шкала родительской идентичности в роли кормильца (Плек)	15	-0,31	-0,39	-0,39	-2,14	1,36	1,17	1,08
Собственный престиж (ОТЕЦ)	15	0,39	0,49	0,49	-1,44	2,42	1,07	1,03
Высокое материальное положение (ОТЕЦ)	15	0,40	0,34	1,50	-1,41	1,50	1,17	1,08
Креативность (ОТЕЦ)	15	0,04	-0,30	-0,89	-1,48	2,06	0,98	0,99

Продолжение таблицы 5.3.1.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Активные социальные контакты (ОТЕЦ)	15	0,06	-0,44	-0,44	-1,31	2,17	1,12	1,06
Развитие себя (ОТЕЦ)	15	-0,23	-0,51	Мн.	-1,26	1,74	0,83	0,91
Достижения (ОТЕЦ)	15	-0,21	-0,65	-0,65	-1,69	1,43	1,24	1,11
Духовное удовлетворение (ОТЕЦ)	15	0,21	-0,41	-0,41	-1,19	2,72	1,74	1,32
Сохранение собственной индивидуальности (ОТЕЦ)	15	0,44	0,22	Мн.	-1,42	2,69	1,72	1,31
Сфера профессиональной жизни (ОТЕЦ)	15	-0,04	0,12	0,12	-1,88	1,12	0,80	0,90
Сфера обучения и образования (ОТЕЦ)	15	-0,16	-0,37	-0,37	-1,92	1,18	0,72	0,85
Сфера семейной жизни (ОТЕЦ)	15	-0,03	-0,16	Мн.	-1,68	1,37	0,79	0,89
Сфера общественной жизни (ОТЕЦ)	15	0,09	-0,01	0,62	-1,91	1,89	0,77	0,88
Сфера увлечений (ОТЕЦ)	15	0,29	0,16	Мн.	-2,25	1,61	1,03	1,02

Таблица 5.3.2. – Описательные статистики контрольной группы до воздействия (2016 год)

Параметры	№ набл.	Средне е	Медиа на	Мода	Миним ум	Макси м.	Диспер сия	Ст.отк л.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Семья	24	1,50	1,50	Мн.	1,00	2,00	0,26	0,51
Возраст	24	16,00	16,00	16,00	14,00	18,00	0,68	0,82
Рефлексивность	24	0,15	0,54	0,15	0,01	1,76	0,64	0,96
Зрелость	24	-0,27	-0,53	Мн.	-1,51	2,13	0,75	0,87
Мотивация достижений (Гильбух)	24	-0,25	-0,30	-0,69	-2,52	1,41	0,74	0,86
Чувство гражданского долга. (Гильбух)	24	-0,26	0,10	0,10	-2,41	1,04	0,68	0,83
Отношение к своему «Я» («Я» - концепция). (Гильбух)	24	-0,31	-0,53	-0,53	-1,43	1,88	0,56	0,75
Жизненная установка. (Гильбух)	24	-0,35	-0,49	-1,13	-1,45	1,45	0,69	0,83
Способность к психологической близости с другим человеком (Гильбух)	24	-0,17	-0,23	0,24	-1,62	1,78	0,63	0,80
Воспитание детей	24	0,02	0,63	0,78	-2,30	0,94	0,95	0,98
Материальный фактор	24	-0,04	0,13	0,13	-1,15	2,69	0,96	0,98
Эмоциональный климат	24	-0,04	-0,12	-0,12	-1,92	1,67	0,94	0,97
Досуг	24	0,03	-0,17	-0,17	-2,59	1,68	1,08	1,04
Хозяйственная сфера	24	0,01	0,14	1,01	-2,04	1,01	1,00	1,00
Семейная культура	24	0,00	-0,13	0,89	-2,04	2,36	1,01	1,00
Гендерная установки	24	0,00	0,10	Мн.	-1,74	1,66	0,98	0,99
Гендерная самооценка	24	0,01	0,35	0,35	-1,92	1,02	0,96	0,98
Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком (Плек)	24	-0,05	0,22	0,61	-1,32	2,54	1,09	1,04
Шкала родительской идентичности в роли кормильца (Плек)	24	-0,16	-0,39	-0,39	-2,14	2,24	1,06	1,03
Собственный престиж (ОТЕЦ)	24	0,07	-0,15	-0,79	-1,44	2,42	1,02	1,01

Продолжение таблицы 5.3.2.

1	1	1	1	1	1	1	1	1	
Высокое материальное положение (ОТЕЦ)	24		0,22	0,34	Мн.	-1,41	2,09	1,01	1,00
Креативность (ОТЕЦ)	24		-0,02	-0,30	-0,89	-1,48	2,06	0,99	1,00
Активные социальные контакты (ОТЕЦ)	24		-0,07	-0,44	-0,44	-2,18	2,17	1,00	1,00
Развитие себя (ОТЕЦ)	24		-0,25	-0,51	-0,51	-1,26	1,74	0,58	0,76
Достижения (ОТЕЦ)	24		0,03	0,39	-0,65	-1,69	1,43	1,00	1,00
Духовное удовлетворение (ОТЕЦ)	24		0,02	-0,41	-0,41	-1,19	2,72	1,15	1,07
Сохранение собственной индивидуальности (ОТЕЦ)	24		0,04	-0,60	-0,60	-1,42	2,69	1,10	1,05
Сфера профессиональной жизни (ОТЕЦ)	24		0,01	0,12	0,12	-1,88	2,12	0,84	0,92
Сфера обучения и образования (ОТЕЦ)	24		-0,21	-0,37	-0,37	-1,92	1,18	0,66	0,81
Сфера семейной жизни (ОТЕЦ)	24		-0,17	-0,16	-0,16	-1,68	1,37	0,77	0,88
Сфера общественной жизни (ОТЕЦ)	24		-0,04	-0,01	-0,64	-1,91	1,89	0,86	0,92
Сфера увлечений (ОТЕЦ)	24		0,11	0,16	-0,32	-2,25	1,61	1,06	1,03

Таблица 5.3.3. – Описательные статистики экспериментальной группы подростков после воздействия (2016 год)

	№ набл.	Среднее	Медиана	Мода	Частота - моды	Минимум	Максим.	Дисперсия	Ст.о ткл.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Ответственность	15	16,50	16,00	16,00	6,00	14,00	20,00	2,57	1,60
Рефлексивность	15	6,39	5,01	Множест	2,00	2,00	7,00	21,09	2,45
Зрелость	15	63,00	59,00	Множест	2,00	48,00	81,00	116,71	10,80
Мотивация достижений (Гильбух)	15	22,47	23,00	23,00	4,00	16,00	33,00	15,55	3,94
Чувство гражданского долга. (Гильбух)	15	31,13	30,00	29,00	3,00	21,00	51,00	50,55	7,11
Отношение к своему «Я» («Я» - концепция). (Гильбух)	15	11,80	11,00	Множест	2,00	6,00	18,00	13,60	3,69
Жизненная установка. (Гильбух)	15	25,33	25,00	25,00	4,00	18,00	33,00	20,52	4,53
Способность к психологической близости с другим человеком (Гильбух)	15	12,87	11,00	11,00	4,00	7,00	21,00	19,12	4,37
Воспитание детей	15	2,45	2,80	3,00	7,00	1,00	3,00	0,51	0,71
Материальный фактор	15	2,00	2,00	2,00	8,00	1,00	4,00	0,71	0,85
Эмоциональный климат	15	3,14	3,10	Множест	4,00	2,00	4,00	0,38	0,62
Досуг	15	2,65	2,60	2,60	5,00	2,00	3,60	0,24	0,49
Хозяйственная сфера	15	2,53	2,60	3,00	5,00	1,60	3,00	0,23	0,48
Семейная культура	15	2,40	2,30	3,00	4,00	1,60	4,00	0,49	0,70
Гендерная установки	15	21,13	21,00	Множест	2,00	15,00	27,00	14,12	3,76
Гендерная самооценка	15	3,75	4,20	Множест	4,00	1,50	5,00	1,70	1,30
Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком (Плек)	15	2,76	2,80	2,80	4,00	2,00	3,40	0,21	0,45
Шкала родительской идентичности в роли кормильца (Плек)	15	3,49	3,50	Множест	5,00	3,00	4,00	0,19	0,43

Продолжение таблицы 5.3.3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Собственный престиж (ОТЕЦ)	15	5,93	6,00	5,00	5,00	4,00	10,0 0	2,35	1,53
Высокое материальное положение (ОТЕЦ)	15	5,33	5,00	5,00	6,00	3,00	7,00	1,38	1,18
Креативность (ОТЕЦ)	15	6,60	6,00	5,00	4,00	4,00	10,0 0	3,11	1,76
Активные социальные контакты (ОТЕЦ)	15	5,73	6,00	5,00	5,00	4,00	8,00	1,35	1,16
Развитие себя (ОТЕЦ)	15	6,67	6,00	Мно жест .	4,00	4,00	9,00	2,81	1,68
Достижения (ОТЕЦ)	15	5,53	5,00	5,00	6,00	4,00	7,00	0,98	0,99
Духовное удовлетворение (ОТЕЦ)	15	5,47	5,00	5,00	7,00	4,00	7,00	0,98	0,99
Сохранение собственной индивидуальности (ОТЕЦ)	15	5,60	5,00	5,00	6,00	4,00	7,00	1,11	1,06
Сфера профессиональной жизни (ОТЕЦ)	15	5,87	6,00	5,00	6,00	4,00	9,00	1,55	1,25
Сфера обучения и образования (ОТЕЦ)	15	6,27	6,00	5,00	5,00	4,00	9,00	2,64	1,62
Сфера семейной жизни (ОТЕЦ)	15	6,87	7,00	7,00	5,00	5,00	9,00	2,41	1,55
Сфера общественной жизни (ОТЕЦ)	15	6,20	5,00	5,00	6,00	4,00	10,0 0	3,74	1,93
Сфера увлечений (ОТЕЦ)	15	6,00	6,00	Мно жест .	4,00	4,00	9,00	3,14	1,77

Таблица 5.3.4. – Описательные статистики контрольной группы после воздействия (2016 год)

Параметры	Н набл.	Сред нее	Меди ана	Мода	Часто та - моды	Мин имум	Макс им.	Дисп ерсия	Ст.о ткл.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Ответственность	24	13,52	14,00	15,00	10,00	7,00	18,00	6,49	2,55
Рефлексивность	24	5,09	5,01	Множ ест	4,00	2,00	7,00	11,09	2,45
Зрелость	24	50,89	48,00	Множ ест.	6,00	37,00	78,00	95,13	9,75
Мотивация достижений (Гильбух)	24	18,66	18,50	17,00	8,00	10,00	25,00	10,79	3,28
Чувство гражданского долга. (Гильбух)	24	24,73	27,00	27,00	10,00	11,00	33,00	27,78	5,27
Отношение к своему «Я» («Я» - концепция). (Гильбух)	24	7,73	7,00	7,00	8,00	4,00	15,00	6,16	2,48
Жизненная установка. (Гильбух)	24	16,86	16,00	12,00	11,00	10,00	28,00	26,63	5,16
Способность к психологической близости с другим человеком (Гильбух)	24	10,68	10,50	12,00	8,00	6,00	17,00	6,64	2,58
Воспитание детей	24	2,51	2,90	3,00	21,00	1,00	3,10	0,40	0,63
Материальный фактор	24	1,86	2,00	2,00	24,00	1,00	4,00	0,59	0,77
Эмоциональный климат	24	3,05	3,00	3,00	15,00	2,00	4,00	0,29	0,54
Досуг	24	2,71	2,60	2,60	13,00	1,30	3,60	0,31	0,56
Хозяйственная сфера	24	2,54	2,60	3,00	15,00	1,60	3,00	0,21	0,46
Семейная культура	24	2,39	2,30	3,00	10,00	1,00	4,00	0,47	0,69
Гендерная установки	24	21,16	21,50	Множ ест.	6,00	15,00	27,00	12,18	3,49
Гендерная самооценка	24	3,79	4,20	4,20	11,00	1,50	5,00	1,36	1,17
Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком (Плек)	24	2,66	2,80	3,00	16,00	2,00	4,00	0,29	0,54
Шкала родительской идентичности в роли кормильца (Плек)	24	3,13	3,00	3,00	20,00	2,00	4,50	0,35	0,59
Собственный престиж (ОТЕЦ)	24	6,34	6,00	5,00	15,00	4,00	10,00	2,46	1,57
Высокое материальное положение (ОТЕЦ)	24	6,80	7,00	Множ ест.	10,00	4,00	10,00	2,96	1,72
Креативность (ОТЕЦ)	24	6,48	6,00	5,00	14,00	4,00	10,00	2,86	1,69
Активные социальные контакты (ОТЕЦ)	24	5,43	5,00	5,00	17,00	3,00	8,00	1,32	1,15

Продолжение таблицы 5.3.4.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Развитие себя (ОТЕЦ)	24	5,34	5,00	5,00	15,00	4,00	8,00	1,02	1,01
Достижения (ОТЕЦ)	24	5,66	6,00	5,00	15,00	4,00	7,00	0,93	0,96
Духовное удовлетворение (ОТЕЦ)	24	5,55	5,00	5,00	18,00	4,00	9,00	1,88	1,37
Сохранение собственной индивидуальности (ОТЕЦ)	24	5,77	5,00	5,00	19,00	4,00	9,00	1,62	1,27
Сфера профессиональной жизни (ОТЕЦ)	24	5,89	6,00	6,00	16,00	4,00	8,00	0,85	0,92
Сфера обучения и образования (ОТЕЦ)	24	5,20	5,00	5,00	19,00	3,00	7,00	1,10	1,05
Сфера семейной жизни (ОТЕЦ)	24	5,98	6,00	6,00	17,00	4,00	8,00	1,33	1,15
Сфера общественной жизни (ОТЕЦ)	24	5,95	6,00	5,00	15,00	3,00	9,00	2,14	1,46
Сфера увлечений (ОТЕЦ)	24	6,89	7,00	6,00	10,00	2,00	10,00	4,57	2,14

Таблица 5.3.5. – Результаты сравнения экспериментальной и контрольной групп после воздействия по t-критерию Стьюдента (2016 год)

Параметры*	Среднее ЭГ2	Среднее КГ2	t-знач.	p	Ст.отк л. - 1	Ст.отк л. - 2
Ответственность	16,00	13,52	3,52	0,00	1,60	2,55
Зрелость	63,00	50,89	4,04	0,00	10,80	9,75
Мотивация достижений (Гильбух)	22,47	18,66	3,68	0,00	3,94	3,28
Чувство гражданского долга. (Гильбух)	31,13	24,73	3,71	0,00	7,11	5,27
Отношение к своему «Я» («Я» - концепция). (Гильбух)	11,80	7,73	4,82	0,00	3,69	2,48
Жизненная установка. (Гильбух)	25,33	16,86	5,65	0,00	4,53	5,16
Способность к психологической близости с другим человеком (Гильбух)	12,87	10,68	2,35	0,02	4,37	2,58
Шкала родительской идентичности в роли кормильца (Плек)	3,49	3,13	2,14	0,04	0,43	0,59
Высокое материальное положение (ОТЕЦ)	5,33	6,80	3,05	0,00	1,18	1,72
Развитие себя (ОТЕЦ)	6,67	5,34	3,67	0,00	1,68	1,01
Сфера обучения и образования (ОТЕЦ)	6,27	5,20	2,92	0,00	1,62	1,05
Сфера семейной жизни (ОТЕЦ)	6,87	5,98	2,36	0,02	1,55	1,15

* представлены только значимые при $p \leq 0,05$ отличия

Приложение 4

Таблица 3.5.1. – Описательные статистики для выборки взрослых

Параметры	№ набл.	Средн ее	Меди ана	Мода	Мини мум	Макс им.	Диспе рсия	Ст.от кл.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Возраст	127	29,72	29,00	28,00	24,00	36,00	5,96	2,44
Отцовские установки	127	19,44	21,00	23,00	8,00	28,00	29,76	5,45
Собственный престиж (ОТЕЦ)	127	6,11	6,00	5,00	4,00	10,00	2,34	1,53
Высокое материальное положение (ОТЕЦ)	127	5,96	6,00	5,00	3,00	10,00	2,67	1,63
Креативность (ОТЕЦ)	127	5,86	6,00	5,00	3,00	10,00	2,19	1,48
Активные социальные контакты (ОТЕЦ)	127	5,77	5,00	5,00	3,00	10,00	2,35	1,53
Развитие себя (ОТЕЦ)	127	5,67	5,00	5,00	4,00	10,00	1,78	1,33
Достижения (ОТЕЦ)	127	5,62	6,00	5,00	4,00	7,00	0,87	0,93
Духовное удовлетворение (ОТЕЦ)	127	5,47	5,00	5,00	4,00	9,00	1,11	1,05
Сохранение собственной индивидуальности (ОТЕЦ)	127	5,38	5,00	5,00	4,00	9,00	0,98	0,99
Сфера профессиональной жизни (ОТЕЦ)	127	5,57	6,00	5,00	4,00	7,00	0,77	0,88
Сфера обучения и образования (ОТЕЦ)	127	5,33	5,00	5,00	3,00	7,00	0,91	0,95
Сфера семейной жизни (ОТЕЦ)	127	5,61	6,00	6,00	2,00	8,00	1,45	1,20
Сфера общественной жизни (ОТЕЦ)	127	5,91	5,00	5,00	2,00	10,00	3,98	2,00
Сфера увлечений (ОТЕЦ)	127	6,10	6,00	Мн.	2,00	10,00	4,19	2,05
1.Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком (Плек)	127	2,85	2,80	3,40	2,00	4,00	0,27	0,52
2.Шкала оценки родительской идентичности супруги в уходе за ребенком (Плек)	127	3,63	4,00	4,00	2,00	4,10	0,36	0,60
3.Шкала оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги (Плек)	127	2,62	3,00	3,10	0,00	4,00	0,75	0,86
4.Шкала родительской идентичности в роли кормильца (Плек)	127	3,34	3,50	4,00	1,00	4,50	0,65	0,81

Продолжение таблицы 3.5.1.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
5.Шкала оценки родительской идентичности супруги в роли кормильца (Плек)	127	1,86	1,80	1,60	1,00	3,00	0,13	0,36
6.Шкала оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги (Плек)	127	3,31	4,00	4,00	0,00	4,20	1,45	1,21
Личностный дифференциал: Сила	127	39,52	42,00	42,00	23,00	44,00	17,62	4,20
Личностный дифференциал: Оценка	127	37,72	39,00	Мн.	22,00	43,00	34,05	5,83
Личностный дифференциал: Активность	127	33,91	33,00	42,00	21,00	42,00	39,25	6,26
Цели в жизни. (СЖО)	127	31,65	32,00	27,00	27,00	37,00	11,12	3,33
Процесс жизни (СЖО)	127	30,08	31,00	23,00	22,00	38,00	23,55	4,85
Результативность жизни (СЖО)	127	27,44	27,00	28,00	18,00	38,00	22,38	4,73
Локус контроля – Я (СЖО)	127	19,57	20,00	19,00	12,00	24,00	7,82	2,80
Локус контроля – жизнь или управляемость жизни. (СЖО)	127	28,11	29,00	29,00	17,00	33,00	11,97	3,46
Осмысленность жизни (СЖО)	127	104,75	109,00	110,00	80,00	121,00	164,09	12,81
Принятие ответственности на себя в ситуации обвинения (Прядеин)	127	6,50	7,00	8,00	4,00	8,00	2,49	1,58
Принятие ответственности другого лица (Прядеин)	127	6,73	7,00	6,00	4,00	9,00	1,86	1,37
Принятия ответственности на себя (Прядеин)	127	14,45	14,00	13,00	10,00	27,00	9,87	3,14
Рефлексивность	127	4,98	4,00	4,56	3,00	7,00	0,98	0,99
Зрелость (Гильбух)	127	49,22	50,00	Мн.	34,00	78,00	103,82	10,19
Мотивация достижений (Гильбух)	127	19,62	19,00	19,00	13,00	30,00	15,46	3,93
Чувство гражданского долга. (Гильбух)	127	25,02	26,00	27,00	13,00	49,00	39,71	6,30
Отношение к своему «Я» («Я» - концепция). (Гильбух)	127	7,73	7,00	7,00	4,00	16,00	10,01	3,16
Жизненная установка. (Гильбух)	127	16,04	16,00	12,00	3,00	29,00	60,50	7,78

Продолжение таблицы 3.5.1.								
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Способность к психологической близости с другим человеком (Гильбух)	127	10,62	11,00	12,00	5,00	20,00	11,81	3,44
Шкала общей интернальности (Ио)	127	5,77	6,00	5,00	4,00	9,00	1,37	1,17
Шкала интернальности в области достижений (Ид)	127	5,57	5,00	5,00	3,00	8,00	1,33	1,15
Шкала интернальности в области неудач (Ин)	127	5,71	6,00	5,00	3,00	10,00	2,22	1,49
Шкала интернальности в семейных отношениях (Ис)	127	5,64	5,00	5,00	3,00	9,00	2,06	1,43
Шкала интернальности в области межличностных отношений (Им)	127	5,58	5,00	5,00	4,00	10,00	1,39	1,18
Шкала интернальности в отношении здоровья и болезни (Из)	127	5,34	5,00	5,00	3,00	9,00	1,19	1,09
Шкала интернальности в области производственных отношений (Ип)	127	5,32	5,00	5,00	2,00	7,00	0,98	0,99
Удовлетворенность браком	127	33,24	32,00	29,00	23,00	48,00	45,71	6,76
Маскулинность (МИФ)	45	-1,10	-1,20	-1,30	-14,30	-1,30	32,88	5,73
Оценка супруги (МИФ)	45	1,09	1,00	1,60	0,00	9,60	13,12	3,62

Таблица 3.5.2. – Описательные статистики для первого кластера

Параметры	Среднее	Ст - отклон.	Дисперсия
Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком (Плек)	-0,38	0,99	0,98
Шкала оценки родительской идентичности супруги в уходе за ребенком (Плек)	0,13	1,17	1,36
Шкала оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги (Плек)	0,09	0,64	0,41
Шкала родительской идентичности в роли кормильца (Плек)	-0,52	0,90	0,81
Шкала оценки родительской идентичности супруги в роли кормильца (Плек)	0,19	1,14	1,30
Шкала оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги (Плек)	0,15	0,67	0,45
Личностный дифференциал: Сила	-0,27	1,14	1,30
Личностный дифференциал: Оценка	-0,28	1,12	1,25
Личностный дифференциал: Активность	-0,47	0,84	0,71
Отцовские установки	0,20	0,92	0,85

Таблица 3.5.3. – Описательные статистики для второго кластера

Параметры	Среднее	Ст - отклон.	Дисперс.
Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком (Плек)	0,59	0,69	0,47
Шкала оценки родительской идентичности супруги в уходе за ребенком (Плек)	-0,20	0,63	0,39
Шкала оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги (Плек)	-0,13	1,38	1,91
Шкала родительской идентичности в роли кормильца (Плек)	0,80	0,50	0,25
Шкала оценки родительской идентичности супруги в роли кормильца (Плек)	-0,29	0,64	0,42
Шкала оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги (Плек)	-0,24	1,34	1,78
Личностный дифференциал: Сила	0,41	0,53	0,28
Личностный дифференциал: Оценка	0,43	0,57	0,33
Личностный дифференциал: Активность	0,72	0,78	0,61
Отцовские установки	-0,30	1,04	1,09

Таблица 3.5.4. – Описательные статистики по шкалам ценностей для первого кластера выборки взрослых

Параметры	Среднее	Стандарт - отклон.	Дисперс.
Собственный престиж (ОТЕЦ)	0,45	1,02	1,04
Высокое материальное положение (ОТЕЦ)	0,47	1,02	1,04
Креативность (ОТЕЦ)	0,20	1,01	1,03
Активные социальные контакты (ОТЕЦ)	0,24	1,08	1,17
Развитие себя (ОТЕЦ)	0,05	0,99	0,98
Достижения (ОТЕЦ)	-0,47	0,90	0,82
Духовное удовлетворение (ОТЕЦ)	-0,48	0,89	0,79
Сохранение собственной индивидуальности (ОТЕЦ)	0,22	1,14	1,31
Сфера профессиональной жизни (ОТЕЦ)	-0,43	0,87	0,75
Сфера обучения и образования (ОТЕЦ)	0,15	0,93	0,87
Сфера семейной жизни (ОТЕЦ)	0,21	1,15	1,31
Сфера общественной жизни (ОТЕЦ)	-0,15	1,06	1,11
Сфера увлечений (ОТЕЦ)	-0,03	1,00	0,99

Таблица 3.5.5. – Описательные статистики по шкалам ценностей для второго кластера выборки взрослых

Параметры	Среднее	Стандарт - отклон.	Дисперс.
Собственный престиж (ОТЕЦ)	-0,60	0,57	0,32
Высокое материальное положение (ОТЕЦ)	-0,62	0,52	0,27
Креативность (ОТЕЦ)	-0,26	0,93	0,86
Активные социальные контакты (ОТЕЦ)	-0,31	0,79	0,62
Развитие себя (ОТЕЦ)	-0,07	1,02	1,03
Достижения (ОТЕЦ)	0,62	0,75	0,57
Духовное удовлетворение (ОТЕЦ)	0,62	0,78	0,60
Сохранение собственной индивидуальности (ОТЕЦ)	-0,29	0,68	0,46
Сфера профессиональной жизни (ОТЕЦ)	0,57	0,87	0,76
Сфера обучения и образования (ОТЕЦ)	-0,19	1,06	1,12
Сфера семейной жизни (ОТЕЦ)	0,47	0,69	0,48
Сфера общественной жизни (ОТЕЦ)	0,20	0,89	0,80
Сфера увлечений (ОТЕЦ)	0,04	1,01	1,03

Таблица 3.5.7. – Описательные статистики для кластера 1.1 по выборке взрослых

Параметры	Среднее	Стандарт - отклон.	Дисперсия
1	2	3	4
Отцовские установки	0,02	0,97	0,94
Собственный престиж (ОТЕЦ)	-0,09	0,96	0,92
Высокое материальное положение (ОТЕЦ)	0,24	0,95	0,90
Креативность (ОТЕЦ)	-0,36	0,87	0,75
Активные социальные контакты (ОТЕЦ)	-0,08	1,16	1,35
Развитие себя (ОТЕЦ)	0,05	1,17	1,36
Достижения (ОТЕЦ)	-0,13	0,92	0,85
Духовное удовлетворение (ОТЕЦ)	-0,45	0,66	0,44
Сохранение собственной индивидуальности (ОТЕЦ)	-0,29	0,70	0,49
Сфера профессиональной жизни (ОТЕЦ)	-0,04	0,79	0,62
Сфера обучения и образования (ОТЕЦ)	-0,07	0,84	0,71
Сфера семейной жизни (ОТЕЦ)	0,14	1,30	1,69
Сфера общественной жизни (ОТЕЦ)	-0,56	0,95	0,91
Сфера увлечений (ОТЕЦ)	0,14	0,94	0,88
1.Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком (Плек)	-0,73	0,76	0,58
2.Шкала оценки родительской идентичности супруги в уходе за ребенком (Плек)	-0,46	1,38	1,90
3.Шкала оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги (Плек)	-0,86	1,15	1,32
4.Шкала родительской идентичности в роли кормильца (Плек)	-0,10	1,25	1,55
5.Шкала оценки родительской идентичности супруги в роли кормильца (Плек)	0,44	1,39	1,92
6.Шкала оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги (Плек)	-0,81	1,18	1,40
Личностный дифференциал: Сила	0,03	1,29	1,66
Личностный дифференциал: Оценка	-0,36	1,09	1,20
Личностный дифференциал: Активность	-0,37	1,05	1,10
Цели в жизни. (СЖО)	-0,92	0,79	0,62
Процесс жизни (СЖО)	-0,99	0,75	0,56
Результативность жизни (СЖО)	-0,53	0,98	0,97
Локус контроля – Я (СЖО)	-0,59	0,76	0,58
Локус контроля – жизнь или управляемость жизни. (СЖО)	-0,55	0,89	0,79
Осмысленность жизни (СЖО)	-0,92	1,00	0,99

Продолжение таблицы 3.5.7.

1	2	3	4
Принятие ответственности на себя в ситуации обвинения (Прядеин)	-0,43	1,05	1,09
Принятие ответственности другого лица (Прядеин)	0,02	1,00	1,01
Принятия ответственности на себя (Прядеин)	-0,30	0,54	0,29
Зрелость (Гильбух)	0,06	1,13	1,28
Мотивация достижений (Гильбух)	-0,29	1,08	1,17
Чувство гражданского долга. (Гильбух)	0,11	1,38	1,91
Отношение к своему «Я» («Я» - концепция). (Гильбух)	0,30	1,12	1,26
Жизненная установка. (Гильбух)	0,20	0,95	0,89
Способность к психологической близости с другим человеком (Гильбух)	-0,03	1,14	1,31
Шкала общей интернальности (Ио)	-0,42	0,86	0,74
Шкала интернальности в области достижений (Ид)	0,04	0,72	0,52
Шкала интернальности в области неудач (Ин)	0,04	1,20	1,44
Шкала интернальности в семейных отношениях (Ис)	0,09	1,05	1,11
Шкала интернальности в области межличностных отношений (Им)	0,21	0,74	0,55
Шкала интернальности в отношении здоровья и болезни (Из)	-0,15	0,83	0,68
Шкала интернальности в области производственных отношений (Ип)	-0,41	0,97	0,94
Маскулинность (МИФ)	0,8	0,81	0,65
Удовлетворенность браком	-0,41	0,78	0,60

Таблица 3.5.8. – Описательные статистики для кластера 1.2. по выборке взрослых

Параметры	Среднее	Стандарт - отклон.	Дисперсия
1	2	3	4
Отцовские установки	-0,18	0,96	0,92
Собственный престиж (ОТЕЦ)	-0,07	0,95	0,90
Высокое материальное положение (ОТЕЦ)	0,64	0,87	0,75
Креативность (ОТЕЦ)	0,10	1,16	1,35
Активные социальные контакты (ОТЕЦ)	0,10	1,17	1,36
Развитие себя (ОТЕЦ)	0,25	0,92	0,85
Достижения (ОТЕЦ)	-0,67	0,66	0,44
Духовное удовлетворение (ОТЕЦ)	0,50	0,70	0,49
Сохранение собственной индивидуальности (ОТЕЦ)	0,64	0,79	0,62
Сфера профессиональной жизни (ОТЕЦ)	-0,79	0,84	0,71
Сфера обучения и образования (ОТЕЦ)	-0,40	1,30	1,69
Сфера семейной жизни (ОТЕЦ)	-0,51	0,95	0,91
Сфера общественной жизни (ОТЕЦ)	0,05	0,94	0,88
Сфера увлечений (ОТЕЦ)	-0,05	0,76	0,58
1.Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком (Плек)	-0,10	1,38	1,90
2.Шкала оценки родительской идентичности супруги в уходе за ребенком (Плек)	0,61	1,15	1,32
3.Шкала оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги (Плек)	0,56	1,25	1,55
4.Шкала родительской идентичности в роли кормильца (Плек)	-0,80	1,39	1,92
5.Шкала оценки родительской идентичности супруги в роли кормильца (Плек)	-0,16	1,18	1,40
6.Шкала оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги (Плек)	0,66	1,29	1,66
Личностный дифференциал: Сила	0,83	1,09	1,20
Личностный дифференциал: Оценка	-0,29	1,05	1,10
Личностный дифференциал: Активность	-0,62	0,79	0,62
Цели в жизни. (СЖО)	-0,09	0,75	0,56
Процесс жизни (СЖО)	0,19	0,98	0,97
Результативность жизни (СЖО)	0,39	0,76	0,58
Локус контроля – Я (СЖО)	-0,71	0,89	0,79
Локус контроля – жизнь или управляемость жизни. (СЖО)	-0,21	1,00	0,99
Осмысленность жизни (СЖО)	-0,60	1,05	1,09

Продолжение таблицы 3.5.8			
1	2	3	4
Принятие ответственности на себя в ситуации обвинения (Прядеин)	0,31	1,00	1,01
Принятие ответственности другого лица (Прядеин)	-0,54	0,54	0,29
Принятия ответственности на себя (Прядеин)	0,18	1,13	1,28
Зрелость (Гильбух)	-0,41	1,08	1,17
Мотивация достижений (Гильбух)	-0,41	1,38	1,91
Чувство гражданского долга. (Гильбух)	-0,32	1,12	1,26
Отношение к своему «Я» («Я» - концепция). (Гильбух)	0,03	0,95	0,89
Жизненная установка. (Гильбух)	0,02	1,14	1,31
Способность к психологической близости с другим человеком (Гильбух)	-0,76	0,86	0,74
Шкала общей интернальности (Ио)	-0,66	0,72	0,52
Шкала интернальности в области достижений (Ид)	0,24	1,20	1,44
Шкала интернальности в области неудач (Ин)	-0,82	1,05	1,11
Шкала интернальности в семейных отношениях (Ис)	0,25	0,74	0,55
Шкала интернальности в области межличностных отношений (Им)	-0,49	0,83	0,68
Шкала интернальности в отношении здоровья и болезни (Из)	0,52	0,97	0,94
Шкала интернальности в области производственных отношений (Ип)	0,68	0,78	0,60
Маскулинность (МИФ)	0,1	0,84	0,64
Удовлетворенность браком	0,11	0,96	0,92

Таблица 3.5.9. – Описательные статистики для кластера 2.1. по выборке взрослых

Параметры	Среднее	Стандарт - отклон.	Дисперс.
1	2	3	4
Отцовские установки	0,23	0,91	0,83
Собственный престиж (ОТЕЦ)	0,11	1,12	1,26
Высокое материальное положение (ОТЕЦ)	-0,34	1,00	1,01
Креативность (ОТЕЦ)	0,35	0,99	0,98
Активные социальные контакты (ОТЕЦ)	-0,20	0,79	0,63
Развитие себя (ОТЕЦ)	-0,28	0,70	0,48
Достижения (ОТЕЦ)	0,25	1,07	1,14
Духовное удовлетворение (ОТЕЦ)	0,03	0,96	0,93
Сохранение собственной индивидуальности (ОТЕЦ)	-0,14	0,86	0,75
Сфера профессиональной жизни (ОТЕЦ)	0,12	1,02	1,04
Сфера обучения и образования (ОТЕЦ)	0,02	1,05	1,11
Сфера семейной жизни (ОТЕЦ)	-0,05	0,83	0,69
Сфера общественной жизни (ОТЕЦ)	0,39	0,87	0,76
Сфера увлечений (ОТЕЦ)	0,10	1,07	1,14
1.Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком (Плек)	0,47	0,91	0,83
2.Шкала оценки родительской идентичности супруги в уходе за ребенком (Плек)	0,28	0,54	0,29
3.Шкала оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги (Плек)	0,50	0,44	0,20
4.Шкала родительской идентичности в роли кормильца (Плек)	0,04	0,85	0,73
5.Шкала оценки родительской идентичности супруги в роли кормильца (Плек)	-0,29	0,56	0,32
6.Шкала оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги (Плек)	0,51	0,34	0,12
Личностный дифференциал: Сила	0,08	0,65	0,42
Личностный дифференциал: Оценка	0,47	0,56	0,32
Личностный дифференциал: Активность	0,43	0,76	0,58
Цели в жизни. (СЖО)	0,60	0,64	0,41
Процесс жизни (СЖО)	0,55	0,64	0,41
Результативность жизни (СЖО)	0,15	0,91	0,83
Локус контроля – Я (СЖО)	0,49	0,69	0,47
Локус контроля – жизнь или управляемость жизни. (СЖО)	0,54	0,44	0,20
Осмысленность жизни (СЖО)	0,54	0,46	0,21

Продолжение таблицы 3.5.9.

1	2	3	4
Принятие ответственности на себя в ситуации обвинения (Прядеин)	0,18	0,91	0,83
Принятие ответственности другого лица (Прядеин)	-0,12	1,02	1,05
Принятия ответственности на себя (Прядеин)	0,19	1,26	1,58
Зрелость (Гильбух)	0,19	0,89	0,79
Мотивация достижений (Гильбух)	0,33	0,86	0,75
Чувство гражданского долга. (Гильбух)	0,11	0,57	0,32
Отношение к своему «Я» («Я» - концепция). (Гильбух)	-0,21	0,68	0,47
Жизненная установка. (Гильбух)	-0,08	0,99	0,99
Способность к психологической близости с другим человеком (Гильбух)	0,12	0,83	0,68
Шкала общей интернальности (Ио)	0,15	1,06	1,12
Шкала интернальности в области достижений (Ид)	-0,26	1,16	1,34
Шкала интернальности в области неудач (Ин)	0,13	0,61	0,37
Шкала интернальности в семейных отношениях (Ис)	0,00	1,06	1,12
Шкала интернальности в области межличностных отношений (Им)	-0,01	1,24	1,53
Шкала интернальности в отношении здоровья и болезни (Из)	0,07	1,13	1,29
Шкала интернальности в области производственных отношений (Ип)	0,23	1,04	1,08
Маскулинность (МИФ)	0,5	0,78	0,51
Удовлетворенность браком	-0,13	0,78	0,61

Таблица 3.5.10. – Описательные статистики для кластера 2.2. по выборке взрослых

	Среднее	Стандарт - отклон.	Дисперс.
1	2	3	4
Отцовские установки	0,77	1,07	1,14
Собственный престиж (ОТЕЦ)	-0,21	0,58	0,34
Высокое материальное положение (ОТЕЦ)	0,59	0,70	0,49
Креативность (ОТЕЦ)	-0,44	1,07	1,14
Активные социальные контакты (ОТЕЦ)	0,57	0,32	0,11
Развитие себя (ОТЕЦ)	1,00	1,10	1,21
Достижения (ОТЕЦ)	-0,51	0,71	0,50
Духовное удовлетворение (ОТЕЦ)	1,18	1,20	1,45
Сохранение собственной индивидуальности (ОТЕЦ)	1,13	1,36	1,84
Сфера профессиональной жизни (ОТЕЦ)	0,08	1,23	1,52
Сфера обучения и образования (ОТЕЦ)	0,55	1,00	0,99
Сфера семейной жизни (ОТЕЦ)	-0,09	0,63	0,40
Сфера общественной жизни (ОТЕЦ)	-0,21	0,85	0,72
Сфера увлечений (ОТЕЦ)	-0,89	0,49	0,24
1.Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком (Плек)	0,32	0,82	0,68
2.Шкала оценки родительской идентичности супруги в уходе за ребенком (Плек)	0,10	0,70	0,48
3.Шкала оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги (Плек)	0,38	0,30	0,09
4.Шкала родительской идентичности в роли кормильца (Плек)	0,38	0,68	0,46
5.Шкала оценки родительской идентичности супруги в роли кормильца (Плек)	-0,12	0,64	0,41
6.Шкала оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги (Плек)	0,18	0,70	0,49
Личностный дифференциал: Сила	-0,69	1,08	1,18
Личностный дифференциал: Оценка	-0,83	1,32	1,73
Личностный дифференциал: Активность	-0,57	1,13	1,28
Цели в жизни. (СЖО)	0,62	0,30	0,09
Процесс жизни (СЖО)	0,75	0,51	0,26
Результативность жизни (СЖО)	0,65	0,51	0,26
Локус контроля – Я (СЖО)	0,51	0,74	0,55
Локус контроля – жизнь или управляемость жизни. (СЖО)	0,28	0,53	0,28

Продолжение таблицы 3.5.10.

1	2	3	4
Осмысленность жизни (СЖО)	0,78	0,27	0,07
Принятие ответственности на себя в ситуации обвинения (Прядеин)	0,50	0,91	0,83
Принятие ответственности другого лица (Прядеин)	0,61	0,80	0,64
Принятия ответственности на себя (Прядеин)	0,08	0,81	0,66
Зрелость (Гильбух)	0,93	0,59	0,35
Мотивация достижений (Гильбух)	0,43	1,00	1,00
Чувство гражданского долга. (Гильбух)	0,76	0,87	0,76
Отношение к своему «Я» («Я» - концепция). (Гильбух)	-0,37	1,45	2,10
Жизненная установка. (Гильбух)	-0,57	1,03	1,05
Способность к психологической близости с другим человеком (Гильбух)	-0,22	1,27	1,61
Шкала общей интернальности (Ио)	0,87	0,36	0,13
Шкала интернальности в области достижений (Ид)	0,69	0,43	0,19
Школа интернальности в области неудач (Ин)	-0,19	1,33	1,78
Шкала интернальности в семейных отношениях (Ис)	-0,34	0,60	0,36
Шкала интернальности в области межличностных отношений (Им)	-0,49	0,00	0,00
Шкала интернальности в отношении здоровья и болезни (Из)	-0,24	0,56	0,32
Шкала интернальности в области производственных отношений (Ип)	0,11	0,52	0,27
Маскулинность (МИФ)	0,3	0,67	0,61
Удовлетворенность браком	0,90	0,40	0,16

Таблица 3.5.17. – Описательные статистики выборки мужчин

Параметры	Н набл.	Сред нее	Меди ана	Мода	Мин имум	Макс им.	Дисп ерсия	Ст.от кл.
Возраст	738	30,77	27,00	Мн.	20,00	72,00	100,8 7	10,04
1.Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком (Плек)	738	43,40	41,00	41,00	25,00	47,00	517,4 4	22,75
2.Шкала оценки родительской идентичности супруги в уходе за ребенком (Плек)	738	45,96	47,00	51,00	4,00	59,00	41,05	6,41
3.Шкала оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги (Плек)	738	40,99	42,00	47,00	14,00	58,00	53,39	7,31
4.Шкала родительской идентичности в роли кормильца (Плек)	738	32,61	32,00	32,00	17,00	48,00	30,61	5,53
5.Шкала оценки родительской идентичности супруги в роли кормильца (Плек)	738	27,10	27,00	27,00	14,00	47,00	35,79	5,98
6.Шкала оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги (Плек)	738	31,64	32,00	35,00	16,00	47,00	33,41	5,78
Удовлетворенность браком	738	34,93	34,00	33,00	4,00	48,00	47,14	6,87
Отношения с отцом	738	1,84	2,00	3,00	0,00	3,00	1,57	1,25

Таблица 5.5.1. – Описательная статистика экспериментальной выборки до экспериментального воздействия (2004 год)

Параметры	Среднее	Медиана	Мода	Минимум	Максимум	Дисперсия	Ст.откл.
1	2	3	4	5	6	7	8
Фактор А	6,00	6,50	7,00	4,00	7,00	5,96	1,41
Фактор В	5,00	4,00	4,00	3,00	9,00	29,76	2,71
Фактор С	6,25	6,00	6,00	6,00	7,00	2,34	0,50
Фактор Е	5,75	5,50	5,00	5,00	7,00	2,67	0,96
Фактор F	4,85	6,00	6,00	2,00	7,00	2,19	2,22
Фактор G	4,20	5,00	Мн.	2,00	8,00	2,35	2,58
Фактор Н	6,00	7,50	Мн.	5,00	10,00	1,78	2,08
Фактор I	3,75	4,00	4,00	3,00	4,00	0,87	0,50
Фактор L	5,50	5,50	Мн.	5,00	6,00	1,11	0,58
Фактор М	5,20	4,00	Мн.	3,00	5,00	0,98	1,15
Фактор N	7,25	8,00	8,00	4,00	9,00	0,77	2,22
Фактор О	3,25	3,50	Мн.	1,00	5,00	0,91	1,71
Фактор Q1	5,00	4,50	4,00	4,00	7,00	1,45	1,41
Фактор Q2	3,50	3,00	2,00	2,00	6,00	3,98	1,91
Фактор Q3	6,25	6,00	5,00	5,00	8,00	4,19	1,50
Фактор Q4	4,00	3,00	3,00	3,00	5,00	0,27	1,00
Личностный дифференциал: Сила	39,52	37,00	Мн.	11,00	45,00	0,36	1,83
Личностный дифференциал: Оценка	37,72	39,00	5,00	1,00	40,00	0,75	3,27
Личностный дифференциал: Активность	33,91	33,00	6,00	1,00	41,04	0,65	2,99
Предоставление ребенку возможности высказаться	15,75	15,00	Мн.	13,00	20,00	0,13	3,10
Оберегание ребенка от трудностей	11,25	11,00	Мн.	9,00	14,00	1,45	2,22
Ограничение матери ролью хозяйки дома	12,00	12,00	12,00	8,00	16,00	17,62	3,27
Подавление воли ребенка	13,75	12,50	11,00	11,00	19,00	34,05	3,77
«Жертвенность» родителей	14,25	14,50	Мн.	10,00	18,00	39,25	3,50
Страх причинить вред ребенку	15,50	15,50	Мн.	11,00	20,00	11,12	4,20
Супружеские конфликты	12,25	12,00	Мн.	9,00	16,00	23,55	2,99
Строгость родителей	11,00	9,00	9,00	9,00	17,00	22,38	4,00

Продолжение таблицы 5.5.1.							
1	2	3	4	5	6	7	8
Раздражительность родителей	12,00	11,00	11,00	9,00	17,00	7,82	3,46
Зависимость ребенка от матери	11,50	11,50	Мн.	10,00	13,00	11,97	1,73
Поощрение зависимости ребенка от родителей	15,00	15,00	15,00	12,00	18,00	164,09	2,45
Подавление агрессивности ребенка	13,75	14,00	15,00	12,00	15,00	2,49	1,50
«Мученичество» родителей	11,50	11,50	Мн.	8,00	15,00	1,86	2,89
Равенство родителей и ребенка	14,75	14,00	Мн.	12,00	19,00	9,87	3,10
Поощрение активности ребенка	15,25	14,50	14,00	14,00	18,00	103,82	1,89
Избегание общения с ребенком	13,50	14,00	15,00	11,00	15,00	15,46	1,91
Невнимательность мужа к жене	12,00	12,50	Мн.	9,00	14,00	39,71	2,16
Подавление сексуальности ребенка	11,50	11,00	11,00	9,00	15,00	10,01	2,52
Власть матери	11,00	11,00	Мн.	8,00	14,00	60,50	2,58
Навязчивость родителей	11,50	10,50	10,00	10,00	15,00	11,81	2,38
Товарищеские отношения между родителями и детьми	15,75	15,50	14,00	14,00	18,00	1,37	2,06
Ускорение развития ребенка	12,75	12,00	12,00	9,00	18,00	1,33	3,77
Необходимость посторонней помощи в воспитании ребенка	14,75	14,00	Мн.	11,00	20,00	2,22	4,11
Цели в жизни. (СЖО)	27,50	26,50	Мн.	19,00	38,00	22,06	7,85
Процесс жизни (СЖО)	25,50	26,50	Мн.	16,00	33,00	11,39	7,05
Результативность жизни (СЖО)	22,25	22,50	Мн.	18,00	26,00	1,19	3,50
Локус контроля – Я (СЖО)	25,50	26,00	Мн.	18,00	32,00	12,98	5,97
Локус контроля – жизнь или управляемость жизни. (СЖО)	28,75	26,00	26,00	26,00	37,00	45,71	5,50
Осмысленность жизни (СЖО)	90,60	95,00	Мн.	92,00	114,00	32,88	10,23

Таблица 5.5.2. – Описательная статистика экспериментальной выборки после экспериментального воздействия (2004 год)

Параметры	Средн ее	Медиа на	Мода	Мини мум	Макси м.	Диспер сия	Ст.отк л.
1	2	3	4	5	6	7	8
Фактор А	4,50	4,50	Мн.	3,00	6,00	0,94	1,29
Фактор В	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	0,92	0,00
Фактор С	6,75	6,50	6,00	6,00	8,00	0,90	0,96
Фактор Е	5,75	6,00	7,00	4,00	7,00	0,75	1,50
Фактор F	1,01	7,00	8,00	5,00	8,00	1,35	1,50
Фактор G	5,75	6,50	7,00	3,00	7,00	1,36	1,89
Фактор Н	4,50	7,00	7,00	6,00	9,00	0,85	1,26
Фактор I	3,75	3,50	Мн.	2,00	6,00	0,44	1,71
Фактор L	5,50	5,50	Мн.	4,00	7,00	0,49	1,73
Фактор М	6,75	6,00	6,00	5,00	6,00	0,62	0,50
Фактор N	8,25	8,00	8,00	7,00	10,00	0,71	1,26
Фактор О	4,50	4,50	Мн.	3,00	6,00	1,69	1,29
Фактор Q1	5,75	5,50	5,00	5,00	7,00	0,91	0,96
Фактор Q2	3,25	3,00	2,00	2,00	5,00	0,88	1,50
Фактор Q3	6,75	7,00	8,00	5,00	8,00	0,58	1,50
Фактор Q4	4,50	4,50	Мн.	3,00	6,00	1,90	1,29
Личностный дифференциал: Сила	41,02	39,00	Мн.	11,00	46,70	1,32	0,36
Личностный дифференциал: Оценка	39,62	39,80	5,00	1,00	41,00	1,55	0,75
Личностный дифференциал: Активность	31,80	34,00	6,00	1,00	41,74	1,92	0,65
Предоставление ребенку возможности высказаться	10,75	10,50	9,00	9,00	13,00	1,40	0,36
Оберегание ребенка от трудностей	12,00	13,00	15,00	7,00	15,00	1,66	3,83
Ограничение матери ролью хозяйки дома	10,75	10,50	9,00	9,00	13,00	1,20	2,06
Подавление воли ребенка	13,00	13,00	Мн.	12,00	14,00	1,10	1,15
«Жертвенность» родителей	12,50	12,00	11,00	11,00	15,00	0,62	1,91
Страх причинить вред ребенку	17,25	17,50	Мн.	14,00	20,00	0,56	2,75
Супружеские конфликты	13,50	13,50	Мн.	12,00	15,00	0,97	1,29
Строгость родителей	11,75	10,50	Мн.	8,00	18,00	0,58	4,50
Раздражительность родителей	10,75	11,50	Мн.	6,00	14,00	0,79	3,40

Продолжение таблицы 5.5.2.

1	2	3	4	5	6	7	8
Зависимость ребенка от матери	11,25	11,50	12,00	10,00	12,00	0,99	0,96
Поощрение зависимости ребенка от родителей	14,25	14,00	14,00	13,00	16,00	1,09	1,26
Подавление агрессивности ребенка	13,75	15,00	15,00	8,00	17,00	1,01	3,95
«Мученичество» родителей	12,00	12,00	12,00	9,00	15,00	0,29	2,45
Равенство родителей и ребенка	14,50	15,00	15,00	12,00	16,00	1,28	1,73
Поощрение активности ребенка	15,00	14,00	14,00	13,00	19,00	1,17	2,71
Избегание общения с ребенком	13,00	13,50	Мн.	10,00	15,00	1,91	2,16
Невнимательность мужа к жене	14,25	15,00	Мн.	7,00	20,00	1,26	5,44
Подавление сексуальности ребенка	9,50	11,00	11,00	5,00	11,00	0,89	3,00
Власть матер	12,50	13,00	13,00	11,00	13,00	1,31	1,00
Навязчивость родителей	12,25	12,50	Мн.	10,00	14,00	0,74	1,71
Товарищеские отношения между родителями и детьми	16,25	15,50	15,00	15,00	19,00	0,52	1,89
Ускорение развития ребенка	12,25	11,00	11,00	9,00	18,00	1,44	3,95
Необходимость посторонней помощи в воспитании ребенка	16,25	15,50	Мн.	14,00	20,00	1,11	2,63
Цели в жизни. (СЖО)	31,00	29,50	Мн.	27,00	38,00	32,55	4,83
Процесс жизни (СЖО)	28,50	29,00	Мн.	22,00	34,00	12,68	5,00
Результативность жизни (СЖО)	23,75	23,50	Мн.	20,00	28,00	11,94	3,50
Локус контроля – Я (СЖО)	25,50	24,50	Мн.	20,00	33,00	6,65	5,45
Локус контроля – жизнь или управляемость жизни. (СЖО)	31,25	32,00	Мн.	23,00	38,00	5,60	6,99
Осмысленность жизни (СЖО)	102,50	98,00	Мн.	91,00	123,00	4,00	14,08

Таблица 5.5.3. – Сравнение результатов экспериментальной группы до и после воздействия по t-критерию Стьюдента для зависимых выборок (2004 год)

Параметры	Средне е	Стд. откл	t	p	Довери т. - - 95,0%	Довери т. - - +95,0%
Фактор Н (16PF)	6,00	1,28				
Фактор Н (16PF) 2	4,50	1,17	3,00	0,01	-1,01	-0,13
Фактор G (16PF)	4,20	2,45				
Фактор G (16PF) 2	5,75	0,00	5,66	0,00	-1,86	-0,76
Фактор F (16PF)	4,85	2,01				
Фактор F (16PF) 2	1,01	1,36	0,15	0,04	-0,99	-0,11
Фактор М (16PF)	5,20	1,04				
Фактор М (16PF) 2	6,75	0,45	4,33	0,00	-1,42	-0,17
Фактор Q4 (16PF)	4,00	0,90				
Фактор Q4 (16PF) 2	4,50	1,17	0,35	0,03	-0,86	-0,16
Навязчивость родителей (PARI)	11,40	2,34				
Навязчивость родителей (PARI) 2	12,50	0,90	0,07	0,05	-1,50	-0,12
Оценка себя как отца (анкета)	1,40	0,52				
Оценка себя как отца (анкета) 2	1,00	0,00	0,32	0,00	-0,58	-0,11
Отношение к совместным родам (анкета)	1,60	0,45				
Отношение к совместным родам (анкета) 2	1,25	0,45	0,71	0,01	-0,61	-0,01
Оценка изменения отношения окружающих после (анкета)	1,20	0,00				
Оценка изменения отношения окружающих после (анкета) 2	1,75	0,45	0,74	0,00	-2,81	-0,46
Результативность жизни (СЖО)	22,25	3,17				
Результативность жизни (СЖО) 2	23,75	2,39	1,84	0,01	-0,84	-0,21
Осмысленность жизни (СЖО)	90,60	10,16				
Осмысленность жизни (СЖО) 2	102,50		4,36	0,11	-0,91	-0,12

Таблица 5.5.5. – Сравнение экспериментальной и контрольной групп после воздействия по t-критерию Стьюдента (2016 год)*

Параметры	Среднее ЭГ	Среднее КГ	t-знач.	p	Ст.откл. ЭГ	Ст.откл. КГ
Высокое материальное положение (ОТЕЦ)	5,48	6,23	2,56	0,01	1,41	1,70
Достижения (ОТЕЦ)	5,37	5,77	2,34	0,02	1,00	0,87
Сфера увлечений (ОТЕЦ)	5,37	6,52	3,15	0,00	0,93	2,37
Шкала оценки родительской идентичности в уходе за ребенком (Плек)	3,05	2,51	3,23	0,00	0,60	0,70
Цели в жизни. (СЖО)	32,79	30,31	1,52	0,00	4,00	3,31
Осмысленность жизни (СЖО)	112,02	104,95	0,24	0,00	14,32	12,53
Принятие ответственности на себя в ситуации обвинения (Прядеин)	6,91	6,27	2,24	0,03	1,43	1,62
Рефлексивность	5,99	4,98	0,05	0,01	4,32	2,53
Способность к психологической близости с другим человеком (Гильбух)	11,99	9,89	3,31	0,00	4,67	2,99
Шкала интернальности в области достижений (Ид)	5,28	5,73	2,13	0,04	1,15	1,13
Шкала интернальности в области межличностных отношений (Им)	6,98	5,74	2,03	0,04	1,33	1,24
Удовлетворенность браком	41,10	33,15	0,19	0,05	7,04	6,87

* представлены только значимые отличия

Таблица 5.5.6. – Сравнение результатов экспериментальной группы до и после воздействия по t-критерию Стьюдента для зависимых выборок (2016 год)

Параметры	Среднее	Ст.откл .	t	p	Довер ит. - 95,0%	Довер ит. +95,0 %
1	2	3	4	5	6	7
Отцовские установки	19,44	5,45				
Отцовские установки 2	25,7	4,45	1,15	0,02	-0,87	-0,17
Развитие себя (ОТЕЦ)	5,67	1,33				
Развитие себя (ОТЕЦ) 2	6,80	0,12	1,33	0,04	-0,89	-0,21
Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком (Плек)	2,85	0,52				
Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком (Плек) 2	3,05	0,60	0,15	0,08	-0,97	-0,12
Шкала родительской идентичности в роли кормильца (Плек)	3,34	0,81				
Шкала родительской идентичности в роли кормильца (Плек) 2	4,20	0,77	0,36	0,04	-1,48	-0,17
Личностный дифференциал: Сила	39,52	4,20				
Личностный дифференциал: Сила 2	41,00	4,00	2,39	0,13	-0,96	-0,16
Цели в жизни. (СЖО)	31,65	3,33				
Цели в жизни. (СЖО) 2	32,79	4,00	2,09	0,05	-1,51	-0,18
Процесс жизни (СЖО)	30,08	4,85				
Процесс жизни (СЖО) 2	32,19	4,77	3,12	0,00	-0,55	-0,11
Результативность жизни (СЖО)	27,44	4,73				
Результативность жизни (СЖО) 2	31,00	3,78	2,67	0,05	-0,67	-0,09
Осмысленность жизни (СЖО)	104,75	12,81				
Осмысленность жизни (СЖО) 2	112,02	14,32	5,00	0,04	-2,05	-0,26
Принятия ответственности на себя (Прядеин)	14,45	3,14				
Принятия ответственности на себя (Прядеин) 2	16,78	3,15	1,84	0,01	-1,84	-0,25
Рефлексивность	4,99	1,03				
Рефлексивность 2	5,99	0,12	1,11	0,05	-0,79	-0,31
Способность к психологической близости с другим человеком (Гильбух)	10,62	3,44				
Способность к психологической близости с другим человеком (Гильбух) 2	11,99	4,67	3,31	0,04	-0,91	-0,12

Продолжение таблицы 5.5.6.						
1	2	3	4	5	6	7
Шкала интернальности в семейных отношениях (Ис)	5,64	1,43				
Шкала интернальности в семейных отношениях (Ис) 2	7,35	1,12	2,64	0,07	-1,21	-0,23
Шкала интернальности в области межличностных отношений (Им)	5,58	1,18				
Шкала интернальности в области межличностных отношений (Им) 2	6,98	1,33	1,65	0,01	-2,14	-0,13
Шкала интернальности в отношении здоровья и болезни (Из)	5,34	1,09				
Шкала интернальности в отношении здоровья и болезни (Из) 2	7,11	1,01	3,04	0,05	-1,011	-0,13
Удовлетворенность браком	33,24	6,76				
Удовлетворенность браком 2	41,09	7,04	5,69	0,00	-1,76	-0,71

* представлены только значимые отличия

Приложение 5

Таблица 4.1.1. – Содержательные характеристики психологической готовности к отцовству на этапе становления

Период	Компоненты	Основные характеристики конструктивной стратегии отцовства
Дошкольное детство	аксиологический компонент	формирование полового самосознания, нравственное развитие
	рефлексивно-регулятивный компонент	здоровье, отношения в детском коллективе, игровая деятельность, готовность к школьному обучению, саморегуляция, социальная компетентность,
	праксиологический компонент	гендерно типичное поведение социально-нормативное поведение игровая деятельность, социальная адаптированность, готовность к школьному обучению
Младший школьный возраст	аксиологический компонент	стереотип пологолевого поведения, нравственное развитие, трудолюбие, ответственность
	рефлексивно-регулятивный компонент	здоровье, успеваемость, самодисциплина, саморегуляция, произвольность поведения, самостоятельность
	праксиологический компонент	гендерно типичное поведение, социально-нормативное поведение, социальная адаптированность, социальная компетентность, построение социальных отношений,
Подростковый возраст	аксиологический компонент	формирование гендерной идентичности, формирование системы ценностных ориентаций личности
	рефлексивно-регулятивный компонент	физическое созревание, самодисциплина, произвольность, самостоятельность, саморегуляция, рефлексия
	праксиологический компонент	гендерно типичное поведение, ответственное поведение
Юношеский возраст	аксиологический компонент	формирование гендерной идентичности, принятие гендерной роли, формирование системы ценностных ориентаций личности, мировоззрения
	рефлексивно-регулятивный компонент	физическое созревание, чувство компетентности, самодисциплина, произвольность, самостоятельность, саморегуляция, рефлексия
	праксиологический компонент	гендерно типичное поведение, ответственное поведение, социальная адаптированность, социальная компетентность
Ранняя зрелость	аксиологический компонент	принятие гендерной роли отца, формирование репродуктивной мотивации, мировоззрение, ценность отношений, ценность отцовства
	рефлексивно-регулятивный компонент	биологическая, трудовая, умственная, эмоциональная, социальная и психологическая зрелость, саморегуляция, рефлексия
	праксиологический компонент	гендерно типичное поведение, формирование пары ответственное поведение активное, нравственное, толерантное и целеустремленное поведение

Таблица 4.1.2. – Основные характеристики конструктивной стратегии отцовства в период взрослости

Период	Компоненты	Основные характеристики стратегий отцовства
Ранняя и средняя взрослость	аксиологический компонент	принятие гендерной роли отца, переосмысление и начало реализации стратегии отцовства, система ценностных ориентаций личности, мировоззрение, ценность отношений, ценность отцовства
	рефлексивно-регулятивный компонент	биологическая, умственная, эмоциональная, трудовая, социальная и психологическая зрелость, саморегуляция, рефлексия
	праксиологический компонент	гендерно типичное поведение, взаимодействие с супругой, ответственное поведение, обеспечение условий нормального протекания беременности, активное, нравственное, толерантное и целеустремленное поведение
Ранняя и средняя взрослость	аксиологический компонент	принятие гендерной роли отца, сформированность конструктивной стратегии отцовства, система ценностных ориентаций личности, мировоззрение, ценность отношений, ценность отцовства
	рефлексивно-регулятивный компонент	биологическая, умственная, эмоциональная, трудовая, социальная и психологическая зрелость, саморегуляция, рефлексия и обобщенное чувство, отражающее степень соответствия желаемого и достигнутого во взаимоотношениях с ребенком
	праксиологический компонент	гендерно типичное поведение, взаимодействие с супругой, ответственное, активное, нравственное, толерантное и целеустремленное поведение позитивные отцовские практики, самореализация как родителя

Таблица 4.1.3. – Критерии становления предпосылок психологической готовности к отцовству в дошкольный период

Компоненты	Сформированность предпосылок психологической готовности к отцовству	Несформированность предпосылок психологической неготовности к отцовству
аксиологический компонент	формирование полового самосознания, нравственное развитие	нарушения формирования ценностных ориентаций личности, отсутствие нравственных понятий
рефлексивно-регулятивный компонент	здоровье, отношения в детском коллективе, игровая деятельность, готовность к школьному обучению, саморегуляция, социальная компетентность,	отсутствие социальной компетентности, неразвитая саморегуляция
праксиологический компонент	гендерно типичное поведение социально-нормативное поведение игровая деятельность, социальная адаптированность, готовность к школьному обучению	гендерно-нетипичное поведение, сложности с гендерной аутоидентификацией в речи, социально-ненормативное поведение, социальная дезадаптация, неготовность к школьному обучению, нарушены: игровая деятельность, социальная адаптированность, отношения в детском коллективе

Таблица 4.1.4. – Критерии становления предпосылок психологической готовности к отцовству в младшем школьном возрасте

Компоненты	Сформированность предпосылок психологической готовности к отцовству	Несформированность предпосылок психологической неготовности к отцовству
аксиологический компонент	стереотип полоролевого поведения, нравственное развитие, трудолюбие, ответственность	затруднено формирование стереотипа полоролевого поведения, нарушено нравственное развитие
рефлексивно-регулятивный компонент	здоровье, успеваемость, самодисциплина, саморегуляция, произвольность поведения, самостоятельность	проблемы формирования трудолюбия, ответственности, самодисциплины, саморегуляции
праксиологический компонент	гендерно типичное поведение социально-нормативное поведение, социальная адаптированность, социальная компетентность, построение социальных отношений	безответственность, отсутствие компетентности, социальная или школьная дезадаптация, гендерно-нетипичное поведение, социально-ненормативное поведение

Таблица 4.1.5. – Критерии становления психологической готовности к отцовству в подростковом и юношеском возрасте

Возраст	Компоненты	Содержательные характеристики психологической готовности к отцовству	Содержательные характеристики психологической неготовности к отцовству
Подростковый возраст	аксиологический компонент	формирование гендерной идентичности, формирование ценностных ориентаций личности	проблемы формирования гендерной роли, проблемы формирования ценностных ориентаций личности
	рефлексивно-регулятивный компонент	физическое созревание, самодисциплина, произвольность, самостоятельность, саморегуляция, рефлексия	отставание или опережение в физическом созревании, отсутствие самодисциплины, произвольности, самостоятельности
	праксиологический компонент	гендерно типичное поведение, ответственное поведение	гендерно-нетипичное поведение, безответственное поведение, социальная дезадаптированность, ранние сексуальные связи
Юношеский возраст	аксиологический компонент	формирование гендерной идентичности, принятие гендерной роли, формирование системы ценностных ориентаций личности, мировоззрения	несформированность гендерной идентичности, несформированность системы ценностных ориентаций личности
	рефлексивно-регулятивный компонент	физическое созревание, чувство компетентности, самодисциплина, произвольность, самостоятельность, развития саморегуляция и рефлексия	отставание в физическом созревании, отсутствие чувства компетентности, самодисциплины, низкий уровень саморегуляции, произвольности, самостоятельности, неразвитая рефлексия проблемы в самоопределении
	праксиологический компонент	гендерно типичное поведение, ответственное поведение, социальная адаптированность, социальная компетентность	социальная некомпетентность, отсутствие своего мнения, девиантное поведение, аддиктивное поведение, социальная дезадаптация, безответственное поведение, ранние сексуальные связи, опасное сексуальное поведение

Таблица 4.1.6. – Характеристика конструктивной и неконструктивной стратегии отцовства в период взрослости

Пе ри од	Компоненты	Характеристика конструктивной стратегии	Характеристика неконструктивной стратегии
Период осмысления отцовства	аксиологический компонент	принятие гендерной роли отца, переосмысление и начало реализации стратегии отцовства, система ценностных ориентаций личности, мировоззрение, ценность отношений, ценность отцовства	деструктивная репродуктивная мотивация, непринятие гендерной роли отца, отсутствие ценности отцовства
	рефлексивно-регулятивный компонент	биологическая, умственная, эмоциональная, трудовая, социальная и психологическая зрелость, саморегуляция, рефлексия	незрелость на уровне индивида, личности и субъекта деятельности, неразвитая саморегуляция, рефлексия
	праксиологический компонент	гендерно типичное поведение, взаимодействие с супругой, ответственное поведение, обеспечение условий нормального протекания беременности, активное, нравственное, толерантное и целеустремленное поведение	отказ от ребенка, подстрекание к аборту, игнорирование, безответственное поведение, отсутствие своего мнения, девиантное поведение, аддиктивное поведение, социальная дезадаптация, беспорядочные сексуальные связи, опасное сексуальное поведение
Период реализации стратегий отцовства	аксиологический компонент	принятие гендерной роли отца, сформированность конструктивной стратегии отцовства, система ценностных ориентаций личности, мировоззрение, ценность отношений, ценность отцовства	отсутствие ценности отцовства, непринятие гендерной роли отца
	рефлексивно-регулятивный компонент	биологическая, умственная, эмоциональная, трудовая, социальная и психологическая зрелость, саморегуляция, рефлексия и обобщенное чувство, отражающее степень соответствия желаемого и достигнутого во взаимоотношениях с ребенком	незрелость на уровне индивида, личности и субъекта деятельности, неразвитая саморегуляция, рефлексия
	праксиологический компонент	гендерно типичное поведение, взаимодействие с супругой, ответственное, активное, нравственное, толерантное и целеустремленное поведение, позитивные отцовские практики, самореализация как родителя	жестокое обращение с детьми, отказ от ребенка, девиантное родительство, безответственное поведение, социальная дезадаптация девиантное поведение, аддиктивное поведение, беспорядочные сексуальные связи, опасное сексуальное поведение

Приложение 6

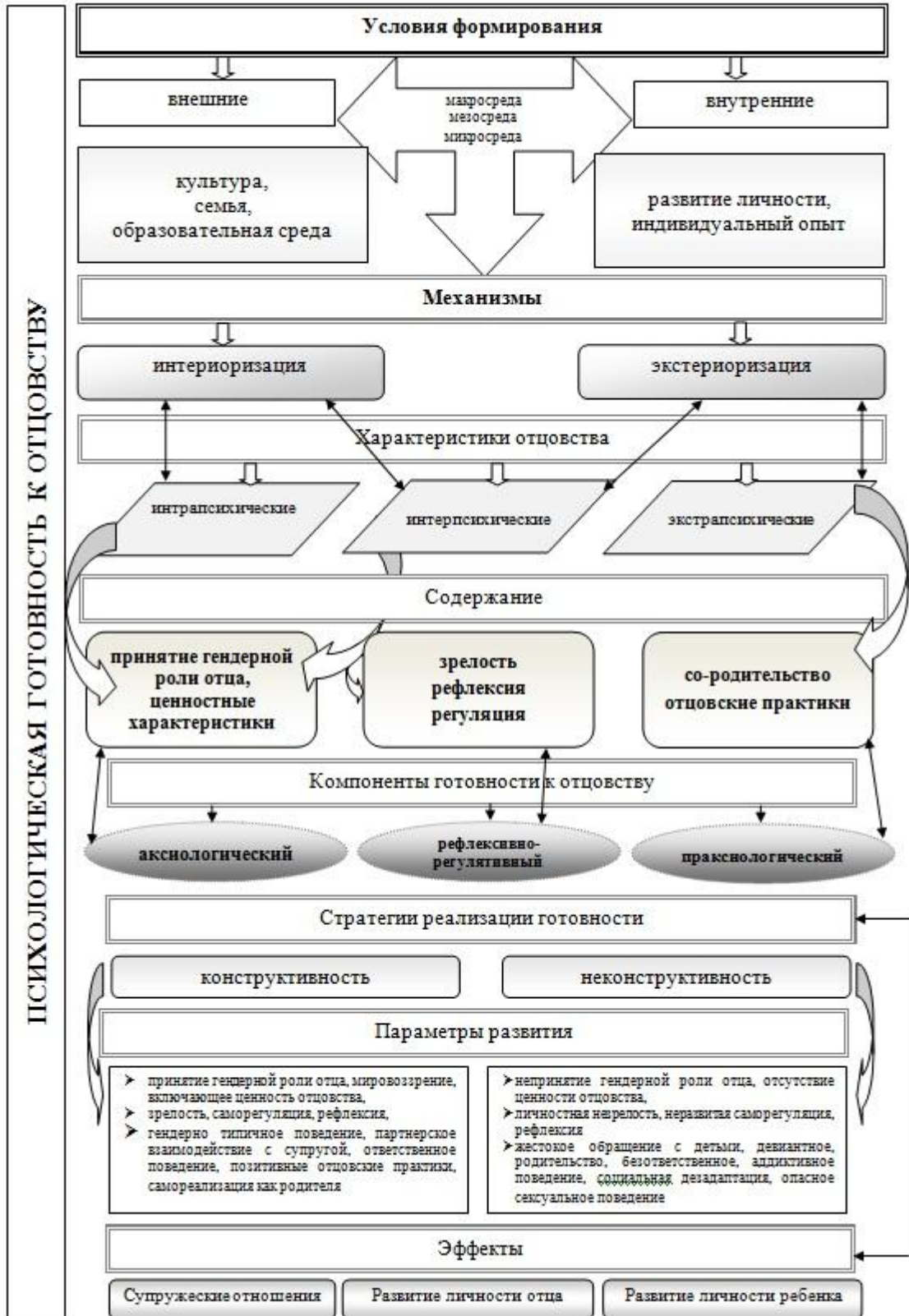

Рисунок 4.3.1. Условия, механизмы и эффекты становления психологической готовности к отцовству

Таблица 4.3.1. – Технологии оптимизации становления психологической ГОТОВНОСТИ К ОТЦОВСТВУ

Направление	Формы работы	Технологии работы	Методы работы
семей по созданию благоприятной	информирование	<ul style="list-style-type: none"> ✓ информационно-коммуникационные технологии ✓ он-лайн технологии. 	<ul style="list-style-type: none"> ➤ просвещение и пропаганда ценности отцовства, ➤ создание доступной базы данных по проблемам родительства и репродуктивного здоровья.
	индивидуальная работа	<ul style="list-style-type: none"> ✓ технологии гуманистического, экзистенциального, трансгенерационного подходов, ✓ технологии психоанализа. 	<ul style="list-style-type: none"> ➤ психологическая диагностика, ➤ психологическое консультирование, коррекция,
	групповая работа		<ul style="list-style-type: none"> ➤ консультирование супружеской пары, ➤ семейное консультирование.
Психологический тренинг	навыковый тренинг	<ul style="list-style-type: none"> ✓ информационно-коммуникационные технологии ✓ игровые технологии 	<ul style="list-style-type: none"> ➤ мини-лекции, ➤ обучение взрослых в тренировочных упражнениях, ➤ скрайбинг.
	социально-психологический тренинг	<ul style="list-style-type: none"> ✓ игровые технологии ✓ технология мастерских, 	<ul style="list-style-type: none"> ➤ фокус-группы направленной дискуссии, ➤ ролевые игры, ➤ методы «мозгового штурма», ➤ круглые столы «Мой опыт».
	психотерапевтический тренинг	<ul style="list-style-type: none"> ✓ технологии гуманистического, экзистенциального, трансгенерационного подходов, ✓ технологии психоанализа, ✓ психодраматические и телесноориентированные технологии 	<ul style="list-style-type: none"> ➤ психотехнические игры и упражнения, дискуссии, элементы психодрамы, ➤ упражнения телесноориентированной терапии, ➤ фокус-группы направленной дискуссии, ➤ ролевые игры, ➤ сказкотерапия, ➤ методы «мозгового штурма», ➤ круглые столы «Мой опыт».
Создание образовательной среды	индивидуальная работа	<ul style="list-style-type: none"> ✓ информационно-коммуникационные технологии, технологии социализации, ✓ проблемное обучение, ✓ проектные технологии. 	<ul style="list-style-type: none"> ➤ просвещение родителей, ➤ поддержка формирования субъектных свойств личности, ➤ методы убеждения, (беседа, разъяснение, чтение, критика и самокритика), этические беседы.
	групповая работа	общеклассная работа	<ul style="list-style-type: none"> ➤ поддержка формирования субъектных свойств личности, ➤ методы убеждения, ➤ тренинговые упражнения; деловые игры, ➤ этические беседы, ➤ включение совместную деятельность, ➤ включение элементов гендерного, нравственного, патриотического и гражданского воспитания в преподаваемые дисциплины
		внеклассная работа	<ul style="list-style-type: none"> ✓ информационно-коммуникационные технологии, ✓ проблемное обучение, ✓ технологии уровневой дифференциации, ✓ проектные технологии, ✓ игровые технологии, ✓ групповые технологии ✓ технология мастерских, ✓ кейс – технологии.

Таблица 4.3.2. – Краткое содержание занятий по формированию конструктивных стратегий отцовства подростков и юношей и у мужчин в период взрослости

№	Тема	Лекция	Ключевые упражнения *
1	Роль отца и матери в развитии ребенка	История детства. Исторические модели семьи.	Обсуждение целей, мозговой штурм «Функции отца и матери», дискуссия «Аборт».
2	Специфика их функций.	Подробная история отцовства. Понятие «новый отец».	Дискуссия «Жестокое обращение с детьми», общение в паре, ролевые игры
3	Социальные стереотипы отцовства	Отцовство как этап социализации мужчины	Дискуссия, ролевые игры
4	Отец в современной семье	Влияние отцовского воспитания на развитие личности ребенка (ч. I)	Дискуссия «Ребенок в разводе», ролевые игры,
5	Деструктивное отцовство	Проблемы детей, растущих без отца, детей, переживших насилие.	Дискуссия, ролевые игры, сказкотерапия
6	Отец как воспитатель	Влияние отцовского воспитания на развитие личности ребенка (ч. II)	«Выращивание цветка», «Запеленатые», письмо ребенку через 10 лет, сказкотерапия
7	Взаимодействие с собственным отцом	Этапы жизни семьи. Период взрослости.	Дискуссия «Яблоко от яблони...», «Кто Я 10 эпитетов», «Любимая фраза моих родителей», «Незаконченные предложения», «Портрет семьи».
8	Взаимодействие с ребенком	Опыт взаимодействия с ребенком до рождения	Дискуссия, «рождение моего ребенка», ролевые игры
9	Молодая семья	Новорожденность. Младенчество. Дошкольный возраст.	Дискуссия, Мои советы, ролевые игры, «Ребенок в кроватке»
10	Конфликтные ситуации между поколениями	Подростковый возраст. Отец для девочки. Отец для мальчика.	Дискуссия-суд «Секс и молодежь взгляд с противоположных сторон», проигрывание конфликтной ситуации в дисфункциональной семье, обмен опытом решения конфликтных ситуаций
11	Отец как транслятор культуры	Основные задачи периода взрослости (ч. II) Взрослые дети и их родители. Межпоколенная коммуникация в семье	Дискуссия, сказкотерапия – анализ образа отца и матери в сказках и мифах, ролевые игры

Таблица 4.3.3. – Основные условия и возможности оптимизации становления психологической готовности к отцовству и развития конструктивных стратегий отцовства

Период	Основные условия и среда развития	Направления работы по оптимизации становления психологической готовности к отцовству и развития конструктивных стратегий отцовства
Дошкольное детство Младший школьный возраст	семья; (дошкольная) образовательная организация	психологическая работа с семьей, направленная на создание благоприятной семейной среды
		психологические тренинги с родителями, направленные на осознание родителями своей роли в становлении полоролевого самосознания ребенка
		организация специальной образовательной среды, направленной на оптимизацию становления психологической готовности к отцовству
Подростковый и юношеский возраст	семья; образовательная организация; сверстники; СМИ	психологическая работа с семьей, направленная на создание благоприятной семейной среды, направленной на оптимизацию становления психологической готовности к отцовству
		психологические тренинги, направленные на оптимизацию становления психологической готовности к отцовству
		организация специальной образовательной среды, направленной на оптимизацию становления психологической готовности к отцовству
Ранняя и средняя зрелость	семья; СМИ отношения с супругой; отношение в триаде «отец-ребенок-мать»; стратегия отцовства; обучение взрослых	психологические тренинги, направленные на формирование конструктивных стратегий отцовства
		психологическая работа с семьей (семейное консультирование)
		обучение взрослых (группы отцов)

Приложение 7

Краткие рекомендации по организации благоприятной для становления психологической готовности к отцовству образовательной среды

1. Дошкольный возраст

Основные направления работы по оптимизации становления компонентов готовности к отцовству

Параметр	Для родителей	Для педагогов
Аксиологический компонент	включенность в жизнь ребенка, внимание к становлению ценностной сферы личности, гендерного самоопределения, воспитание нравственности	просвещение родителей, акцентирование внимания на нравственной оценке и/или гендерных особенностях поведения героев и ситуации в произведении
Рефлексивно-регулятивный компонент	поддержка самостоятельности, оптимизация физического развития (занятия спортом)	просвещение родителей, поддержка самостоятельности, оптимизация физического развития и физической умелости в рамках физического воспитания
Праксиологический компонент	обучение «мужским» деятельности совместно с отцом (мужчиной, заменяющим его)	акцентирование внимания на нравственной оценке и/или гендерных особенностях поведения детей, подготовка к школе

Рекомендации по организации работы по оптимизации становления аксиологического компонента готовности к отцовству

Целевые ориентиры на этапе завершения дошкольного образования (по ФГОС ДО)	Предлагаемые виды работ
«ребенок обладает установкой положительного отношения к миру, к разным видам труда, другим людям и самому себе, обладает чувством собственного достоинства»	акцентирование внимания на нравственной оценке и/или гендерных особенностях поведения героев и ситуации в произведении, обсуждение русских народных сказок, мультфильмов «Смешарики», «Лунтик», «Красавица и чудовище», «Король лев», «Леди и бродяга»
«способен договариваться, учитывать интересы и чувства других, сопереживать неудачам и радоваться успехам других, адекватно проявляет свои чувства, в том числе чувство веры в себя, старается разрешать конфликты»	просвещение родителей памятка «Развитие ребенка», деловая игра «Конфликт», «Ссора», «Переговоры»
«может следовать социальным нормам поведения и правилам в разных видах деятельности, во взаимоотношениях со взрослыми и сверстниками»	акцентирование внимания на нравственной оценке поведения детей в группе

2. Младший школьный возраст

Основные направления работы по оптимизации становления компонентов готовности к отцовству

Параметр	Для родителей	Для педагогов
Аксиологический компонент	включенность в жизнь ребенка, поддержка становления ценностной сферы личности, гендерного самоопределения, воспитание нравственности, ответственности, волевых качеств личности, компетентности	поддержка формирования субъектных свойств личности, методы убеждения, тренинговые упражнения; ролевые и деловые игры, командообразование, экскурсии, этические беседы, обсуждение содержания художественных произведений и конкретных поступков с целью оптимизации нравственного развития личности
Рефлексивно-регулятивный компонент	оптимизация физического развития (занятия спортом), поддержка самостоятельности в обучении	физкультминутки, поддержка саморегуляции
Праксиологический компонент	гражданско-патриотическое воспитание, обучение «мужским» деятельности совместно с отцом (мужчиной, заменяющим его)	поручения и задания для организации общешкольных мероприятий и утренников, включение совместную деятельность, а сочетание выполнения мужских видов деятельности или занятий с мужским руководством, организация трудовых дел (волонтерские отряды), дежурств по классу и/или школе, подготовка праздников с поручением конкретных заданий ученикам, способствующих воспитанию у детей ответственности и социальной активности

Рекомендации по организации работы по оптимизации становления аксиологического компонента готовности к отцовству

Целевые ориентиры на этапе завершения начального школьного образования по (ФГОС НОО)		Предлагаемые виды работ
Дисциплины/темы		
«Окружающий мир»	«уважительное отношения к своей семье»	задание опросить родственников и составить свое генеалогическое древо, доклад-презентация «Мои родные-фронтовики», сочинения «Жизнь моей бабушки»
	«нормы здоровьесберегающего поведения»	Темы для дискуссии: «Вредные привычки», «Риск в жизни ребенка и взрослого»
«Основы духовно-нравственной культуры народов России»	«понимание норм морали и их значения в выстраивании конструктивных отношений в семье и обществе»	Темы для дискуссии: «Что такое крепкая семья», «Функции отца и матери (мужчины и женщины) в семье», «Что для меня значит честность» брейн-сторминг «Самое ценное в жизни»
	«готовность к нравственному самосовершенствованию и духовному саморазвитию»	обсуждение фильмов «Освободите Вилли», «Чучело».
	«внутренней установки личности поступать согласно своей совести»	обсуждение мультфильмов «Остров ошибок», «Буратино», «Три толстяка», «Приключения точки и запятой», «Большой Ух», «Вовка в тридевятом царстве».
	«осознание ценности человеческой жизни»	Темы для дискуссии «Я в жизни моей мамы», «Мои любимые люди», обсуждение фильмов «Марсианин», «Девочка и лисенок».
«Литературное чтение»	«формирование этических представлений, понятий о добре и зле, нравственности»	акцентирование внимания на нравственной оценке героев и ситуации в произведении, обсуждение русских народных сказок, сказок Г. Х Андерсена «Снежная королева», «Стручок горошин», «Девочка, наступившая на хлеб», С. Лагерлёф «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями», А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц».

3. Подростковый и юношеский возраст
 Основные направления работы по оптимизации становления компонентов готовности к отцовству

Параметр	Для родителей	Для педагогов
Аксиологический компонент	включенность в жизнь, ребенка, нравственно-половое воспитание, помощь в профессиональном самоопределении	обсуждение нравственных вопросов и/или идеалов и образцов мужского (и женского) поведения или проблем взаимоотношений полов числе в рамках классных часов, дисциплин «История», «ОРКСЭ», «Обществознание», «Литература», «Биология», включение раздела «Гендерное взаимодействие» в дисциплины «Психология» или «Человековедение» и других вариативных дисциплин
Рефлексивно-регулятивный компонент	поддержка самостоятельности, предоставление возможности самостоятельного принятия решений, проявления волевых качеств, оптимизация физического развития (занятия спортом), выстраивание баланса свободы и ответственности	обсуждение вопросов и проблем самоопределения, поддержка рефлексии
Праксиологический компонент	образец мужского поведения в рамках оптимизации физического развития (занятия спортом), гражданско-патриотическое воспитание, обучение «мужским» деятельности совместно с отцом (мужчиной, заменяющим его)	поручения и задания для организации общешкольных мероприятий, включение совместную деятельность, сочетание выполнения мужских видов деятельности или занятий с мужским руководством, организация трудовых дел (волонтерские отряды), дежурств по классу и/или школе, подготовка праздников с поручением конкретных заданий ученикам, стимулирование участия в олимпиадах и конкурсах

Приложение 8

Этапы исследования

Этапы	Возраст испытуемых	Группы испытуемых	Эмпирические методы исследования
Апробация	взрослые	1224 человека (738 мужчин, 456 женщины), из них 158 супружеских пар	анкеты, «Кембриджский опросник гендерно-типичного поведения дошкольников», опросник родительской идентичности Дж. Плека, Шкала отцовских установок Дж. Плека
Констатирующий этап	дошкольный возраст	84 человека, средний возраст 5,3 года, из них 44 детей из полной семьи; 40 – из неполной семьи	Изучение гендерных установок у детей (Полустандартизированное интервью В. Е. Кагана), Диагностическая методика «Сюжетные картинки» (модифицированный вариант Е.О. Смирновой, Р.Р. Калининой), Методика диагностики дошкольной зрелости и саморегуляции: диагностическая игра «Помощники доброго волшебника» О. И. Барчук, М.Р.Битянова, «Кембриджский опросник гендерно-типичного поведения дошкольников»
	младший школьный возраст	45 человек, средний возраст 10,1, из них 33 ребенка и полной семьи, 12 – из неполной семьи	Изучение гендерных установок у детей (Полустандартизированное интервью В. Е.Кагана), Модификация опросника «Распределение ролей в семье», Анкета с модифицированной методикой самооценки гендерных качеств, Рисунок, Методика «Диагностика нравственной мотивации. Методика «Изучение направленности ответственности» М.В.Матюхиной, С.Г.Яриковой, Диагностика личностного роста П. В. Степанова, Д. В. Григорьева, И. В. Степановой, метод экспертных оценок
	подростки и юноши	64 человека, средний возраст 16,1 года, из них 32 из полной семьи и 32 из неполной семьи	Модификация опросника «Распределение ролей в семье» (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская), Опросник «Я – женщина (мужчина)» (Л. Н. Ожиговой), Анкета с модифицированной методикой самооценки гендерных качеств, рисунок, первая и четвертая шкалы «Опросника родительской идентичности» Дж. Плека, Методика «Принятие ответственности» В.П.Прядеина, Опросник терминальных ценностей (ОТЕЦ), И.Г. Сенина, Тест-опросник личностной зрелости Ю.З. Гильбуха, Методика диагностики уровня развития рефлексивности А.В. Карпова, метод экспертных оценок
	взрослые	974 человека из них 49 мужчин без детей и 925 мужчин, имеющих детей	Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева, Методика «Личностный Дифференциал», Методика «Измерение родительских установок и реакций» (PARI) Шеффера-Белла и др. (Schaefer, E.S. – Bell, R.A.), анкеты, опросник родительской идентичности Дж. Плека, Шкала отцовских установок Дж. Плека, методика С. Бэм «Маскулинность и Фемининность» (МиФ), методика «Принятие ответственности» В.П.Прядеина, Опросник терминальных ценностей (ОТЕЦ) И.Г. Сенина, «Тест-опросник удовлетворенности браком» В.В. Столина, Т.Л. Романовой, Г.П. Бутенко, Опросник «Репродуктивные мотивы» И. С. Морозовой, К. Н. Белогой, Ю. В. Борисенко и Т. О. Отт, Тест-опросник личностной зрелости Ю.З. Гильбуха, методика диагностики уровня развития рефлексивности А.В. Карпова, методика «Уровень субъективного контроля» (УСК) (Е. Ф. Бажин, Е. А. Гольнкина, Л. М. Эткинд).
Формирующий этап	дошкольный возраст	84 человека, 15 человек экспериментальная* и 71 человек контрольная группа	Изучение гендерных установок у детей (Полустандартизированное интервью В. Е.Кагана), Диагностическая методика «Сюжетные картинки» (модифицированный вариант Е.О. Смирновой, Р.Р. Калининой), Методика диагностики дошкольной

		зрелости и саморегуляции: диагностическая игра «Помощники доброго волшебника» О. И. Барчук, М.Р.Битянова, «Кембриджский опросник гендерно-типичного поведения дошкольников»
младший школьный возраст	45 человека, 21 человек экспериментальная группа* и 24 человека контрольная группа	Изучение гендерных установок у детей (Полустандартизированное интервью В. Е.Кагана), Модификация опросника «Распределение ролей в семье», Анкета с модифицированной методикой самооценки гендерных качеств, Рисунок, Методика «Диагностика нравственной мотивации. Методика «Изучение направленности ответственности» М.В.Матюхиной, С.Г.Яриковой, Диагностика личностного роста П. В. Степанова, Д. В. Григорьева, И. В. Степановой, метод экспертных оценок
подростки и юноши	39 человек, из них 15 человек – экспериментальная группа** и 24 контрольная группа	Модификация опросника «Распределение ролей в семье» (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская), Опросник «Я – женщина (мужчина)» (Л. Н. Ожиговой), Анкета с модифицированной методикой самооценки гендерных качеств, рисунок, первая и четвертая шкалы «Опросника родительской идентичности» Дж. Плека, Методика «Принятие ответственности» В.П.Прядеина, Опросник терминальных ценностей (ОТЕЦ), И.Г. Сенина, Тест-опросник личностной зрелости Ю.З. Гильбуха, Методика диагностики уровня развития рефлексивности А.В. Карпова, метод экспертных оценок
взрослые	139 мужчин имеющих одного или более детей, из них 61 мужчин (три группы по 15 человек (2004г) и одна 16 человек (2016)) составляли экспериментальную группу**, 78 – контрольную группу	Тест смысловых ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева, Методика «Личностный Дифференциал», Методика «Измерение родительских установок и реакций» (PARI) Шеффера-Белла и др. (Schaefer, E.S. – Bell, R.A.), анкеты, опросник родительской идентичности Дж. Плека, Шкала отцовских установок Дж. Плека, методика С. Бэм «Маскулинность и Фемининность» (МиФ), методика «Принятие ответственности» В.П.Прядеина, Опросник терминальных ценностей (ОТЕЦ) И.Г. Сенина, «Тест-опросник удовлетворенности браком» В.В. Столина, Т.Л. Романовой, Г.П. Бутенко, Опросник «Репродуктивные мотивы» И. С. Морозовой, К. Н. Белогай, Ю. В. Борисенко и Т. О. Отт, Тест-опросник личностной зрелости Ю.З. Гильбуха, методика диагностики уровня развития рефлексивности А.В. Карпова, методика «Уровень субъективного контроля» (УСК) (Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, Л. М. Эткинд).
Всего	1654	

*семьи экспериментальной группы участвовали в работе по созданию благоприятной для становления психологической готовности к отцовству семейно-образовательной среды

** испытуемые экспериментальной группы приняли участие в психологическом тренинге, направленном на оптимизацию становления психологической готовности к отцовству (для подростков и юношей) и развитие конструктивной стратегии отцовства (дл взрослых)